

ГБУК ВО «Муромский историко-художественный музей»

УВАРОВСКИЕ ЧТЕНИЯ-VIII

ДРЕВНЕРУССКИЕ ГОРОДА: ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

**Материалы всероссийской научной конференции
Муром, 26-28 апреля 2011 г.**

**Владимир
2012**

УДК 93+902+316+7+27

ББК 63.3(2 вос = Рус)+63.4+60.54+85.1+86.37

У18

Редактор: Ю. М. Смирнов

Печатается по решению Ученого совета
ГБУК ВО «Муромский историко-художественный музей»

У18 Уваровские чтения—VIII: древнерусские города история и судьбы: материалы всероссийской научной конференции. Муром. 26-28 апреля 2011 г. / Муром. Историко-худож. музей; научн. редактор Ю. М. Смирнов. — Владимир: VITPRINT, 2012. — 313 с.: 121 ил., 25 табл. — Библиогр.: 1622 назв.
ISBN 978-5-905894-13-8

Сборник включает доклады и сообщения, сделанные на восьмьих Уваровских чтениях, освещающих широкий круг вопросов, связанных с изучением истории, археологии, культуры, быта, повседневности русских городов.

УДК 93+902+316+7+27

ББК 63.3(2 вос = Рус)+63.4+60.54+85.1+86.37

ISBN 978-5-905894-13-8

© ГБУК ВО «Муромский историко-художественный музей», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Ершов В. Е. (Муром) История вотчинного землевладения в Муромском уезде, его состояние в первой трети XVII века.....	7
Сазонов С. В. (Ростов) Из истории муромского кремля XVII века	10
Алексеев И. А. (Рязань) Кремль — сакральный центр города Рязани	13
Родин В. В. (Муром) Муромский посад по материалам раскопа по ул. Воровского в 2009 году (заселение и планиграфия).....	22
Морозова О. С. (Владимир) Обзорные результаты охранных археологических исследований в г. Муроме в 2010 году.....	28
Зуева Л. Е. (Муром) Социально-топографическая структура городов Владимиро-Суздальской Руси.....	35
Сывороткин М. М. (Муром) Муромский язык: был ли он?.....	41
Гуляева В. В. (Владимир) Суздаль в X — начале XI веков	44
Тараненко С. П., Янченко В. В. (Киев) К вопросу о реконструкции растительного ландшафта верхнего Киева X-XIII веков.....	48
Виноградов А. С. (Нижний Новгород) К вопросу о традициях кузнечного ремесла русского поселения городецкой округи (по материалам исследований коллекции ножей с селища Першино-1)	57

- Галкин Т. О. (Владимир)**
К вопросу о локализации курганных групп у сел Доброе и Красное:
опыт применения БД и ГИС 63
- Столярова Л. В., Белоусов П. В. (Москва)**
О гибели царевича Дмитрия Ивановича в Угличе 15 мая 1591 года 68
- Монякова О. А. (Ковров)**
Как село Коврово стало городом 75
- Белов Ю. В. (Суздаль)**
Память о князе Д. М. Пожарском в Суздале и судьба памятников ему 78
- Подурец А. М., Кузнецова В. Ф. (Саров)**
Баташевские металлургические заводы. XVIII-XIX вв. 84
- Бодрова Ю. В. (Тверь)**
Чиновничество в городской социальной среде
(на материалах г. Твери первой половины XIX века) 88
- Думенко О. Е. (Тверь)**
Развитие гражданской ответственности в городах Тверской губернии 96
- Михайлов С. С. (Москва)**
Из истории старообрядческой общины г. Егорьевска Рязанской губернии .. 97
- Пуцко В. Г. (Калуга)**
Муромская икона Спаса Нерукотворного в Глинской пустыни 100
- Сухова О. А. (Муром)**
Икона «Муромская» — насколько муромская? 104
- Мосунова Т. М., Цапаева Е. В. (Москва)**
Исследование иконы «Спас Смоленский
с припадающими Сергием и Никоном» из МИХМ 139
- Мосунова Т. М. (Москва)**
История реставрации муромской иконы XVI века
«святой Иоанн Креститель» 147

Сиротинская А. А. (Муром)

Икона «Успение Богородицы» 1732 года из коллекции Муромского музея 151

Пуцко В. Г. (Калуга)

Камнерезное художественное ремесло малых форм в средневековой Руси.. 157

Кузьмин А. В. (Москва)

Генеалогия муромских князей в XIII — середине XIV вв.:

факты и гипотезы.....164

Шиман Н. Б. (Суздаль)

О муромских князьях XI-XIII веков 169

Шиман Н. Б. (Суздаль)

Муромская княжна Мария Ярославовна179

Угроватова Л. В. (Муром)

Муром и Волжская Булгария..... 182

Горская А. А. (Муром)

Как Уваровы освобождали крестьян186

Воробьева А. С. (Владимир)

Благотворительная деятельность графини П. С. Уваровой..... 191

Селезнев Ф. А. (Нижний Новгород)

Письма М. В. Челнокова к графине Е. А. Уваровой

в Центральном архиве Нижегородской области.....195

Сазонова Е. И. (Муром)

«С доброй совестью и незазорного поведения...»

(к истории городского самоуправления в Муроме)197

Казанкова М. А., Лаптева Т. А. (Москва)

Купеческий род Жадиных в истории города Мурома

и его генеалогические связи 205

Васильченко Е. А. (Муром)

Книжные собрания муромских купцов во второй половине XIX века:

к вопросу о реконструкции.....215

Насонова Н. В. (Москва), Сазонова Е. И. (Муром) Портреты актеров в провинциальных альбомах XIX века	221
Кузнецов Н. А. (Москва) Инженер-механик В. В. Зверев – герой Муромской земли	225
Кручинин А. С. (Москва) Стратегия и тактика Муромского восстания (1918)	232
Ершов А. Л. (Владимир) Богородицкий собор в Муроме	248
Глуценко Л. И., Смирнов Ю. М. (Муром) Детские игрушки и взрослая политика	250
Буслович М. В. (Муром) Базар в Муроме.....	280
Игольникова М. Е. (Владимир) Интересный дар музею Владимирской ученой архивной комиссии (коллекция рисунков Сальватора Тончи)	292
Список принятых сокращений.....	299
Именной указатель	300

В. Е. Ершов (Муром)

ИСТОРИЯ ВОТЧИННОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ В МУРОМСКОМ УЕЗДЕ, ЕГО СОСТОЯНИЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVII ВЕКА

Точное время образования вотчин (отчин) на территории Муромского края не установлено. Известно лишь то, что они возникли еще в период существования Муромского удельного княжества.

Исследование духовных, жалованных и других частных грамот позволило установить наличие в начале XV века на Муромской земле родовых вотчинных землевладений светских феодалов Матвея Иватина (Ивонина)¹ Елизаровых, Глядячева².

В конце XIV века, когда великий князь Василий Дмитриевич получил ярлык на Муромское княжение, край стал великокняжеской вотчиной, передаваемой великими князьями сыновьям-престолонаследникам³. В дальнейшем московские великие князья своими жалованными грамотами подтверждали права феодалов на вотчинные землевладения.

В XV веке часть родовых вотчин по праву наследования в полном составе перешла сыновьям прежних землевладельцев⁴. Некоторые родовые вотчинные землевладения по тому же праву были расчленены между сыновьями⁵, дочерьми и женами феодалов⁶. Часть светских вотчинных землевладений перешла к новым владельцам, представляющим другие рода⁷. История некоторых вотчин, пожалованных детям боярским во второй половине XV века, не известна⁸. Кроме наследования и пожалований, способами приобретения вотчинных земель становились купля⁹ и мена¹⁰.

В XV веке в Муромском крае наряду с митрополичьей вотчиной и вотчиной Борисоглебского монастыря за счет вкладов светских феодалов¹¹ образуется вотчина Троице-Сергиева монастыря.

Во второй половине XV века в источниках появляется определение — Муромский уезд. В конце того же века уезд делится на станы. Целью такого деления было более эффективное проведение местной политики — отслеживание, выявление выморочных земель и отказ их служилым людям.

В XVI веке в Муромском уезде располагались вотчинные землевладения двух бояр¹² и ше-

сти князей¹³. Причем, вотчина князя Михаила Воротынского была крупнейшим по тому времени землевладением в Муромском уезде¹⁴. Значительной частью земель в уезде по-прежнему владели муромские рода. Сохранились родовые землевладения Борисовых¹⁵, Ворыпаевых¹⁶, Горяиновых¹⁷, Елизаровых¹⁸, Загариных, Ивашевых, Киселевых¹⁹, Мещериновых, Осорьинных, Протасьевых²⁰, Своробоярских²¹, Талызиных²², Чертковых²³, Чадаевых, Хвостовых²⁴ и Юрьевых²⁵.

В XVI веке в уезде за счет вкладов светских феодалов окончательно сформировалась вотчина Троице-Сергиева монастыря. Наибольшее количество дач наблюдалось во второй половине века²⁶. Расширению Троицкой вотчины способствовала и мена земель²⁷. Иногда дачи земель сопровождалась взятием денег у монастыря²⁸. В XVI веке за счет царских пожалований²⁹ и вкладов светских феодалов³⁰ значительно увеличилась вотчина Борисоглебского монастыря. В XVI веке из пожалованных царями, данных светскими феодалами и купленных земель вновь образовались вотчины муромского Рождественского собора³¹, Спасского монастыря, Благовещенского монастыря³², владимирского Рождественского монастыря³³, московского Симонова монастыря³⁴, Богоявленского голутвинского монастыря, что в Коломенском уезде³⁵, монастыря Бутылицкая пустынь³⁶, Спасо-Евфимовского суздальского монастыря³⁷, церковью Воздвиженской и святой великомученицы Пятницы³⁸.

В течение XVI века продолжался процесс дробления родовых вотчин. В это же время за счет пожалований, купли и мены образовывались новые значительные вотчинные землевладения. Общая площадь земель, находящихся в вотчинах светских феодалов, значительно уменьшилась. Этому способствовали дачи земель светскими феодалами монастырям и церквям, а также отказ части вотчин в поместья.

На примере Троицкой вотчины можно проследить состояние вотчинных землевладений в конце

XVI — начале XVII века. К концу XVI века монастырская вотчина Троице-Сергиева монастыря в Муромском уезде увеличилась по сравнению с семидесятью годами XVI века на 2 села, 2 сельца и 12 деревень. Крестьянская пашня в вотчине увеличилась за тот же период времени почти что на половину. Мор 1607-1609 годов, соседство с Касимовской дорогой, разбой татар и рейд полковника Лисовского в 1615-1616 годах, непосильное сошное обложение, привели к ослаблению вотчинных сел и деревень. В период с конца XVI века по 1616 год опустели 2 села и 2 деревни, входившие в вотчину. В оставшихся поселениях количество крестьянских дворов уменьшилось в 2,5 раза, бобыльских в 1,3 раза. При этом почти вдвое увеличилось количество пустых крестьянских дворов³⁹. За время, прошедшее с 1616 года до 1628 года, были возрождены 2 села, заселена 21 пустошь. Общее количество крестьянских и бобыльских дворов в вотчине к 1628 году по сравнению с 1616 годом увеличилось в 2,4 раза, количество же пустых дворов уменьшилось в 2,3 раза.

На основании Писцовой книги Муромского уезда 1628-1630 годов, проводим анализ вотчинного землевладения в уезде в первой трети XVII века. В 1628-30 годах в Муромском уезде в вотчинах старинных родовых, купленных и монастырских было 2 погоста, 17 сел, 3 приселка, 26 селец, 121 деревня, 2 селища, 310 пустошей⁴⁰. Для сравнения, в эти же года в уезде в поместьях находились 15 сел, 16 жеребьев сел, 39 селец, 10 жеребьев селец, 190 деревень, 5 починков, 532 пустоши, 29 жеребьев в пустошах⁴¹. То есть селец и деревень в поместьях располагалось на треть более, чем в вотчинах. При этом количество крестьянских, бобыльских и людских дворов в вотчинах и поместьях было приблизительно одинаковое — 1243 двора в вотчинных поселениях⁴² и 1332 двора в поместных⁴³. Приходим к выводу, что вотчинные поселения в среднем были более крупными, чем поместные.

Общее количество поместных пустошей превосходило количество вотчинных пустошей почти что в два раза. Пашни паханной и наездом, перелог и лесом поросшей доброй, средней и худой земли в поместьях насчитывалось 43 418 четей в поле в два потому ж⁴⁴. В вотчинах же ее размер

составлял всего 22 927 четей в поле в два потому ж⁴⁵, то есть почти в два раза меньше.

По способам приобретения количество вотчинных землевладений, перешедших по родству, купленных, выслуженных и приданных, было почти равное. Значительно меньше земель вотчинники получали по закладным грамотам и в результате мены.

Среди светских вотчинников в Муромском уезде в первой трети XVII века были 4 боярина, 4 князя, 6 стольников, 1 стряпчий, 2 думных дьяка, 34 дворянина, 10 жильцов, 31 муромец, 5 неслужилых, 4 недоросля, 11 вдов, 1 девица и 13 иногородних детей боярских. Крупнейшими вотчинами светских феодалов были землевладения боярина Ивана Никитича Романова, включающее в себя 2 погоста, 2 села, 13 селец, 59 деревень и 2 пустоши⁴⁶, и стольника князя Алексея Ивановича Воротынского, состоящее из села, 2 приселков, 2 погостов, 64 деревень, 5 починков и 196 пустоши⁴⁷.

В 1628 году на территории Муромского уезда располагались патриаршая вотчина, вотчинные землевладения одиннадцати монастырей и трех церквей. Монастырские вотчины в середине XVII века занимали приблизительно седьмую часть всех феодальных землевладений уезда. В вотчине патриарха Филарета Никитича Московского и Всея Руси находилось село, 3 сельца, 5 деревень и 2 погоста. В монастырских вотчинах было всего 5 сел, 4 сельца, 47 деревень, погост, 78 пустошей и поляна.

Крупнейшей монастырской была вотчина Троице-Сергиева монастыря. Она включала в себя 3 села, 3 сельца, 34 деревни, 32 пустоши⁴⁸. В вотчине Борисоглебского монастыря находились сельцо, 7 деревень, 15 пустошей и погост⁴⁹. В вотчине Спасского монастыря было 1 село, 6 деревень, 16 пустошей и полянка⁵⁰. Вотчина Симона монастыря включала в себя село с пустошами⁵¹. В вотчине монастыря Бутылицкая пустынь находилась слободка и 5 пустошей⁵². Вотчины Богоявленского голутвина⁵³, Благовещенского⁵⁴, Рождественского⁵⁵, Спасского Суздальского монастырей⁵⁶ состояли из одних пустошей. Вотчина муромской Рождественской соборной церкви включала в себя сельцо, 2 деревни и 6 пустошей⁵⁷.

В заключение отметим, что в период с XV по начало XVII веков в Муромском крае проис-

ходило расчленение крупных родовых вотчинных земельных владений. Часть из них оставалась в родах, другие в результате купли, мены, заклада отдавались владельцам, носящим другие фамилии, то есть происходил естественный процесс обновления вотчинников. Первое время общая территория вотчинных земельных владений не изменялась. Начиная с XVI века общая площадь светских вотчин уменьшается по причинам владения земель светских вотчинников в монастыри и перевода некоторых вотчин в поместья; также часть вотчинных земель переходила в разряд вымороченных. Частично вотчинное землевладение пополнялось за счет

пожалований из дворцовых земель. В XVI веке изменилась структура вотчинного землевладения. На фоне большого количества мелких вотчинных земельных владений появились значительные монастырские и пожалованные вотчины. В начале XVII века в уезде появляются выслуженные за осадное Московское сидение вотчины. Мор в начале XVII века, последующие годы «лихолетья» ухудшили хозяйственное состояние вотчин. Таким образом, вотчинное землевладение Муромского края развивалось в соответствии с общими тенденциями развития землевладения на Руси.

¹ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI веков. — М., 1952. — Т. 1. — № 253.

² ЦГБ. — Д. 518. — Л. 230-235. Список 1534 г.

³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI веков. — М., 1950. — С. 580.

⁴ Акты русского государства 1505-1526 годов. — М., 1975. — С. 433. — № 16.

⁵ Акты социально-экономической истории... — № 253.

⁶ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века. — М., 2002. — Ч. 3. — С. 678.

⁷ Акт социально-экономической истории... — М., 1964. — Т. 3; Акты служилых землевладельцев... — М., 2002. — Т. 3. — С. 678.

⁸ Акты социально-экономической истории... — С. 803. — № 398; Памятники русской письменности XV-XVI веков. Рязанский край. — М., 1978. — № 58; Акты служилых землевладельцев... — М., 1997. — Т. 1.

⁹ Акты социально-экономической истории... — Т. 1. — С. 803. — № 547.

¹⁰ Там же. — № 489.

¹¹ Там же. — № 253; Т. 2. — № 507.

¹² РГАДА. — Ф. 1209. — Оп. 1. — Д. 1632. — Л. 1392.

¹³ Акты XIII-XVII веков представленные в разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. — М., 1898. — Ч. 1. — С. 413. — № 79; РГАДА. — Ф. 281. — № 7772.40; Ф. 1209. — Оп. 1. — Д. 1632. — Л. 1666.

¹⁴ Духовные и договорные грамоты... — С. 580.

¹⁵ РГАДА. — Ф. 281. — № 23/7755. — Л. 1.

¹⁶ Там же. — № 7774.42.

¹⁷ Там же. — № 181.7878.

¹⁸ Там же. — № 7766.34.

¹⁹ Там же. — № 7743.11.

²⁰ Там же. — Ф. 1209. — Оп. 1 — Д. 1632. — Л. 1479.

²¹ Там же. — Ф. 281. — М., 2002. — № 62/7794.

²² Там же. — № 7753.21.

²³ Там же. — № 22/7754.

²⁴ Там же. — Ф. 281. — М., 2002. — № 182.7878.

²⁵ Там же. — № 12.7744.

²⁶ Там же. — № 7753.21; Ф. 1209. — Оп. 1. — Д. 1629. — Л. 1084об.; Ф. 281. — № 7764.32, 7780.48, 7781.49, 7766.34, 7774.42, 7770.38, 7779.47, 7772.40, 7774.45, 7783.51.

²⁷ Там же. — № 7788.56.

²⁸ Там же. — № 7878.43.

²⁹ Там же. — № 90.7822.

³⁰ Там же. — Ф. 1209. — Д. 1632. — Л. 933; Ф. 87. — Оп. 2. — Д. 230. — Л. 12-16об.; Ф. 281. — № 9/7761; там же. — № 12/7744, 27/7759; Ф. 1209. — Оп. 1. — Д. 1632. — Л. 921.

³¹ Там же. — Л. 943-950.

³² Там же. — Л. 662; РГИА. — Ф. 834. — Оп. 3. — Д. 1917. — Л. 113-114об.

³³ РГАДА. — Ф. 281. — № 7739.7, 24.1822.

³⁴ Там же. — Ф. 1209. — Д. 1632. — Л. 892-893.

³⁵ Там же. — Л. 1680.

³⁶ Там же. — Л. 1682, 1683-1686.

³⁷ Там же. — Л. 888.

³⁸ Там же. — Л. 1691.

³⁹ Черкасова М. С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI-XVII веков. — М., 2004. — С. 164.

⁴⁰ РГАДА. — Ф. 1209. — Д. 1632. — Л. 907-908.

⁴¹ Там же. — Л. 894.

⁴² Там же. — Л. 908.

⁴³ Там же. — Л. 895.

⁴⁴ Там же. — Л. 895-899.

⁴⁵ Там же. — Л. 908-910.

⁴⁶ Там же. — Л. 96-101.

⁴⁷ Там же. — Л. 589-590.

⁴⁸ Там же. — Л. 884-885, 1656-1657, 653, 879-881.

⁴⁹ Там же. — Л. 661, 886, 935-936, 1679.

⁵⁰ Там же. — Л. 887, 656, 1676, 924.

⁵¹ Там же. — Л. 892-893.

⁵² Там же. — Л. 1867-1868.

⁵³ Там же. — Л. 1680.

⁵⁴ Там же. — Л. 662.

⁵⁵ Там же. — Л. 659.

⁵⁶ Там же. — Л. 888.

⁵⁷ Там же. — Л. 1690, 946-948.

ИЗ ИСТОРИИ МУРОМСКОГО КРЕМЛЯ XVII ВЕКА

Муромский кремль, как и Муром в целом, не ользовался особым вниманием исследователей. Все они, вслед за А. А. Титовым, характеризовали его, основываясь на описи Мурома 1636-1637 гг., при этом отмечалось, что сооружения кремля были весьма в ветхом состоянии и во многих местах требовали починки. Следующей хронологической вехой в истории кремля становится XVIII век, даже его середина, — время, когда кремль постепенно ветшал и во второй половине столетия его остатки были окончательно разобраны¹. При этом из поля зрения исследователей совершенно выпадает период с середины XVII до середины XVIII века; в частности, относящийся к первой половине XVIII в. Эта лакуна в какой-то мере оказалась заполненной обнаруженным планом муромского кремля, датированным мною сороковыми годами XVIII столетия². Между тем важнейший и наиболее документированный период истории этого сооружения, относящийся к 60-70 гг. XVII в., остается неизвестным. Именно его в предельно общих чертах я и хочу охарактеризовать. Это позволяет сделать ряд документов, которые ранее не были использованы исследователями. Некоторые из них мне указала Е. В. Синицына, за что приношу ей благодарность.

Как уже отмечалось исследователями, Писцовая книга 1636-1637 гг. зафиксировала весьма ветхое состояние муромского кремля, требовавшего либо капитальной починки, либо полной реконструкции³. Не исключено, что после 1637 года и до 1665 года такие работы проводились, но пока о них ничего не известно. Зато от 1665 г. до нас дошла «Книга городского дела Мурома», составленная Яковом Петровичем Загряжским⁴. Книга датируется маем этого года. Из нее следует, что весь кремль был к этому времени сделан заново, но в соответствии со старым планом. Он включал в себя три проезжие шестиугольные башни, две шестиугольные глухие угловые башни и девять глухих четырехугольных башен, располагавшихся в пряслах стен. Проезжие башни завершались смотровыми вышками с «вестовыми» колоколами, глухие — просто маковицами. Башни соединялись

четырнадцатью пряслами стены. Общая длина сооружения составляла 532 трехаршинных сажени⁵. Сравнение с описью 1636-1637 гг. показывает, что в целом новое сооружение почти в точности повторяет предшествующее. Небольшое различие в общей длине крепости (552 сажени в старой и 532 — в новой) возможно объясняется тем, что новая крепость могла дальше отступить от берега реки из-за «водяного подмоя». В 1740-е годы восточная стена крепости оказалась разрушенной под воздействием течения реки⁶. Такая опасность могла учитываться строителями 60-х гг. XVII в., тем более, что «водяной подмой» упоминается в «Книге городского дела» 1665 г.⁷

Вероятно, к маю 1665 г., ко времени составления «Книги городского дела», крепость была отстроена полностью. Во всяком случае, в июне того же года в росписном списке, составленном при передаче города от воеводы Дмитрия Ивановича Карамалина воеводе Михаиле Федосеевичу Лошакову, упоминается «город новой», без каких-либо указаний на незавершенность строительства⁸.

Однако этой вновь отстроенной крепости суждено было простоять всего только шесть лет. Восьмого мая 1671 г., при воеводе князе Афанасии Шеховском, «в Муроме город весь (имеется ввиду крепость. — С. С.) и приказная и губные избы, и тюрьма, и городской большой мост, и воеводский двор погорели»⁹. Не исключено, что именно по этой причине воевода Афанасий Шеховской был вскоре смещен новым воеводой — Иваном Чертковым, имя которого мы встречаем в документах, начиная с июля 1671 г.¹⁰. А уже 23 мая был написан указ Алексея Михайловича, в котором приказывалось «рыскать накрепко, от чего в Муроме учинился пожар»¹¹. К сожалению, результаты этого розыска мне неизвестны. Однако на основании ряда других документов можно, как кажется, высказать некоторые предположения.

За год до пожара 1671 г., 18 мая 1670 г., в приказную избу к воеводе Афанасию Шеховскому был приведен некий «раскольник старец Иван». Раскольника задержал приказной человек Троице-Сергиева монастыря села Дуброва Ни-

кита Болванов. При раскольнике были найдены какие-то «письма», «его, старцевы руки». Видимо «письма» (а так могли назвать любой текст, вплоть до антиправительственных призывов) оказались настолько предосудительного содержания, что уже на следующий день воевода отсылает их, сопроводив своей отпиской, с муромским пушкарем Оськой Волосявкиным в Москву, в Разрядный приказ. Но в Москве на отписку муромского воеводы никак не отреагировали.

Между тем, в Муроме события, связанные со старцем Иваном, продолжали развиваться. 12 июня 1670 г., «за час до вечера», загорелся шатер у одной из башен новопостроенного кремля. Воевода Афанасий Шеховской доносил в Москву, что шатер был зажжен «порохом и серою, и трудом (вероятно, трутом. — С. С.), и спицами». Пожар удалось погасить. Его причиной воевода был склонен считать действия неизвестных злоумышленников, «таких же воров и неведомых раскольников», как старец Иван. Поджог заставил воеводу днем и ночью держать у крепостных ворот «для береженья» муромских стрельцов и посадских людей. Но стрельцов в Муроме было только десять человек и поэтому воевода пишет, обращаясь к царю, что после случившегося «его старца Ивана, мне, холопу твоему, опасно держать». Далее, с редкой прозорливостью, он отмечает: «И какая, государь, впредь от него, старца Ивана, и от товарищев, неведомых воров и раскольников, повреждение или поруха учинитца, и в том мне, холопу твоему, от тебя, великого государя, в пене и в опале не быть. И о том, что ты, великий государь, мне, холопу твоему, укажешь?»¹² К сожалению, помету — резолюцию на обороте воеводской отписки, кроме слов «старцевы писаньи... отдать к сыскному делу...», мне разобрать не удалось.

Однако существует источник, который проливает свет на дальнейшую судьбу раскольника старца Ивана. Вскоре после пожара 1671 г. «оставшиеся от пожарного времени» дела, хранившиеся в Муромской приказной избе, были описаны. Эта опись датирована 1680 г., начавшимся в сентябре 1679 г., и подписана муромским воеводой Иваном Чертковым. Здесь, среди дел, которые вел подьячий приказной избы Василий Салтанов, находим «Дело приводного старца Иоанна, который по указу великого государя и по грамоте из Розряду

в Муроме в срубе созжен, а товарищи ево, Тимофеевы крестьяня Караулова, Пронка Григорьев да сын ево Ивашка в тюрьме умерли»¹³.

Таким образом, по итогам «сыскного дела», упомянутого в помете на обороте отписки муромского воеводы, старец Иван был подвергнут достаточно редкой для русского средневековья казни — публичному сожжению в срубе, а его «товарищи» умерли в муромской тюрьме, вероятно, после пыток. К сожалению, другие подробности этого дела, кроме приведенного выше краткого описания, пока неизвестны. Дело старца Ивана значится в «допожарных» делах, значит казнь была проведена до пожара муромского кремля 1671 г. Если предложение воеводы Шеховского было верным, и поджог шатра на башне кремля в июне 1670 г. действительно был совершен неизвестными сообщниками старца Ивана, то пожар в мае 1671 г. мог быть второй попыткой тех же людей, на этот раз удавшейся.

Появление в Муроме старца Ивана можно попытаться связать с разгоревшимся в это же время восстанием под руководством Степана Разина. В этом восстании принимали участие и раскольники. Одним из средств борьбы с правительством были «подметные письма», распространявшиеся восставшими с целью склонить на свою сторону население близлежащих местностей. Отдельные отряды восставших подходили довольно близко к Мурому — важному центру, перекрывавшему движение по Оке. Не исключено, что «раскольник старец Иван» был один из эмиссаров разинцев, а его «письма» — «подметными письмами», призванными взбудоражить население. В пользу этого говорит, как будто, и необычно жестокая казнь старца. Именно разинцы могли сжечь муромский кремль, чтобы облегчить восставшим дальнейшее продвижение. В этом контексте нелишним будет упомянуть и о том, что в том же 1671 г. муромцы получили от царя Алексея Михайловича грамоту с поощрением за верность¹⁴.

Существовали и иные мнения о причинах пожара муромского кремля. 5 июля 1671 г. в съезжую избу к воеводе Ивану Черткову был приведен некий Гришка Корзников, человек владимирца Андрея Насакина. Привели Гришку по делу о занятых им у муромских жителей сорока алтынах денег, не имевшему никакого отношения к недавнему

пожару кремля. Но посланные за ним муромские стрельцы и пушкари «Никита Данилов с товарищи» рассказали воеводе, что по дороге Гришка называл их «нечаями» и говорил, что де они в Муроме город сожгли. На допросе у воеводы Гришка сказал, что наговорил все это «со пьянства», а кто сжег город, того не знает. Осторожный воевода посадил Гришку в тюрьму и доложил об этом происшествии в Москву. Из Разрядного приказа воеводе указали того Гришку еще раз допросить «с пристрастием», а если он скажет, что кто город зажег не ведает, «его за непристойные речи бить кнутом нещадно»¹⁵. Видимо, в деле Гришки Корзниева отразились ходившие среди муромских жителей толки о том, что сами стрельцы случайно, «по нечаянности», подожгли кремль.

Как бы то ни было, но с 8 мая 1671 г. крепости в Муроме не существовало. Между тем, события, связанные с восстанием Разина, должны были показать, что иметь подобный укрепленный пункт на этом стыке сухопутных и речных дорог необходимо. Уже вскоре после пожара, вероятно летом 1671 г., воевода Иван Чертков посылает в Москву, в Разрядный приказ, отписку о необходимости строительства новой городской крепости и просит «учинить» о том царский указ, без которого он крепости строить не смеет¹⁶. Очень скоро (до 30 сентября 1671 г.) царь Алексей Михайлович такой указ «учинил» и отослал его непосредственно муромскому воеводе, а 30 сентября «указал» такой указ учинить и в Пушкарском приказе, «и город Муром, и приказную избу, и мост (зачеркнуто. — С. С.), и воевоцкой двор по указу великого государя велено зделать»¹⁷.

Строительство городских крепостей или «городовое дело» оставалось к XVII веку одной из немногих повинностей, общих и для населения города, и для населения уезда. Организация крепостного строительства находилась в руках воеводы. Он должен был «развести» повинность по тяглу окрестного населения, зафиксированному в книгах сошного письма. Муромские воеводы при организации строительства кремля использовали для этого платежные книги. Именно так строился кремль 1665 г. И в 1671 г. новую крепость было велено «зделать такими же людьми, какими наперед сего то дело делано»¹⁸. Городовая повинность могла выражаться не только в непосредственной

работе на строительстве, но и в денежных взносах. При строительстве муромского кремля его «делали» «все сошные люди» «собою и наемные плотники», а «подряжали сошные люди городских подрядчиков под городовое дело з бревны и с тесом, и з гвозди, и с работаю, с чети в сем и в пол осма рубли сами собою»¹⁹. Таким образом, кроме предельно общего «развода» повинности воеводой, тяглецы произвели свой собственный «развод», решив выделить деньги для найма подрядчиков.

Трудно сказать, когда реально началось строительство новой крепости. Несмотря на то, что указы о строительстве появились уже в 1671 г., в 1676 г. кремль еще строился, и только в 1678 г., при царе Федоре Алексеевиче и воеводе Семене Ивановиче Беклемишеве, строительство, в основном, было завершено. (Правда, еще оставались непокрытыми тесом 32 сажени крепостной стены).

Подробнейшее описание кремля дают «Книги городского дела г. Мурома» 1676 и, особенно, 1678 гг.²⁰ Эта крепость во всех своих характеристиках повторяла предшественницу. Подстилкой под башнями и стенами, предохраняющей их нижние венцы от гниения, служили дубовые бревна диаметром в «отрубе» 6,5 вершков (около 30 см). Стены были построены так называемыми «тарасами», то есть состояли из двух стен, построенных с промежутком в 2 сажени (около 4,3 м) с «перерубами» между ними. На стенах были устроены «обламы» — выдвинутая вперед часть сруба, образующая щель, нависающую над подошвой стены. Они позволяли простреливать часть пространства перед стенами. По верху стены шел боевой ход, покрытый сверху кровлей из теса. Высота стен составляла около 8,5 м.

Кремль имел три проезжие шестиугольные башни — Спасскую, Никольскую (Базарную) и Водяную, первые две диаметром по 5,5 сажени (около 12 м), последняя — 4,5 сажени (около 10 м). Они завершались вышками с «вестовыми» колоколами. Эти башни названы в описании просто воротами. Имелись также две шестиугольные непроезжие башни — Никольская (вторая, диаметром 4,5 сажени) и Козмодемьянская (диаметром 5 сажени). Они находились по углам восточной стены. Между прясами стены располагались девять четырехугольных башен. Все башни были покрыты шатровой кровлей из теса. Высота ше-

стиугольных башен была около 22-23 м, четырехугольных — около 20.

С западной стороны, там, где кремль не граничил с оврагами и с берегом Оки, вдоль стены был прокопан ров, переходящий в Козье болото. С северной стороны крепости был устроен выложенный деревом подземный ход, который вел к колодцу.

В «Книгах городского дела» проведен достаточно скрупулезный учет расхода материалов, потребовавшихся для строительства. На башни, стены и «тайник» кремля пошло 21 034 сосновых бревна и 2210 дубовых, на кровли — 22 827 тесин, на весь кремль — 69 258 гвоздей.

В целом муромский кремль 1671-1678 гг. можно охарактеризовать как достаточно мощное оборонительное сооружение, не уступающее другим известным русским деревянным крепостям XVII века. Однако это была одна из последних русских деревянных крепостей, во всяком случае, в европейской части страны. Такие крепости

уже не могли противостоять стремительно развивавшейся артиллерии, и им на смену приходили сооружения другого, бастионного типа. Очень быстро морально устаревший муромский кремль оказался обречен на постепенное разрушение в течение всей первой половины XVIII в. Последней, по свидетельству муромского краеведа первой половины XIX в. А. А. Титова, была разрушена в екатерининское время Спасская башня кремля.

Изображения кремля, правда достаточно условные, дошли до нас на уже упоминавшемся плане 1740-х годов и на некоторых муромских иконах XVII-XIX вв. На последних они стали своеобразным символом, эмблемой города. Эти изображения, планы города середины XVIII в. и материалы, частично использованные в данной работе, позволяют выполнить графическую реконструкцию муромского кремля — одного из интереснейших и наиболее полно документированных крепостных сооружений своего времени.

¹ Титов А. А. Историческое обозрение города Муром. — Муром, 1991. — С. 46.

² Сазонов С. В. План муромской крепости XVIII в. // Муромский сборник. — Муром, 1993. — С. 7-8.

³ Писцовая книга города Муром 1637 г. // Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. — М., 1857. — С. 140.

⁴ Книга городского дела Муром за 1665 г. // РГАДА. — Ф. 210. — Д. 146. — Л. 210-288.

⁵ Там же.

⁶ Сазонов С. В. Указ. соч. — С. 7.

⁷ Книга городского дела Муром за 1665 г.

⁸ Там же. — Л. 212.

⁹ Возобновление после пожара городских строений // РГАДА. — Ф. 210. — Д. 721. — Л. 81-82.

¹⁰ Там же.

¹¹ Розыск о причине пожара // РГАДА. — Ф. 210. — Д. 445. — Л. 7.

¹² О задержании раскольника и поджоге шатра на башне // РГАДА. — Ф. 210. — Д. 421. — Л. 1028.

¹³ Дело приводного старца Иоанна // РГАДА. — Ф. 210. — Д. 466. — Л. 552.

¹⁴ РГАДА. — Ф. 210. — Д. 437. — Л. 407-410.

¹⁵ Там же.

¹⁶ РГАДА. — Ф. 210. — Д. 721. — Л. 81-82.

¹⁷ Там же.

¹⁸ РГАДА. — Ф. 210. — Д. 721. — Л. 81-82.

¹⁹ Книга городского дела Муром за 1678 г. // РГБ. — Ф. 178 (Музейное). № 1402. — Л. 55об.

²⁰ Книги городского дела Муром за 1676 и 1678 гг. // РГБ. — Ф. 178 (Музейное). — № 1402. — Л. 1-60.

И. А. Алексеев (Рязань)

КРЕМЛЬ — САКРАЛЬНЫЙ ЦЕНТР ГОРОДА РЯЗАНИ

В последние годы в культурологии появилось новое направление, получившее название «иеротопия». Этот термин предложил в 2001 г. А. М. Лидов — известный историк и теоретик искусства, византолог, основатель и директор Научного Центра восточнохристианской культуры. «Сам термин построен по принципу сочетания греческих

слов „иерос“ (священный) и „топос“ (место, пространство, понятие)... Иеротопия — это создание сакральных пространств, рассмотренное как особый вид творчества, а также как специальная область исторических исследований, в которой выявляются и анализируются конкретные примеры данного творчества»¹. До недавнего времени иеро-

топия как самостоятельное и целостное явление человеческого творчества не было научно увидено и осмыслено.

Появление этого направления знаменует обращение ученых к исследованию духовной парадигмы народной культуры. Было выяснено, что «иеротопия как тип деятельности глубоко укоренена в природе человека, который в процессе осознания себя духовным существом вначале стихийно, а потом осмысленно формирует конкретную среду своего общения с высшим миром»². В принципе создание сакральных пространств можно отнести к высшей и ведущей сфере человеческой деятельности.

Современному исследователю важно понять особенности мышления человека в прошлом. А. М. Лидов отмечает кардинальное отличие ментальности нашего времени, которую он называет «предметно-центричной», от мышления людей эпохи, например, средневековья, для которых пространство по отношению к предмету было более важным и первичным. Поэтому средневековая картина мира «пространственно-центрична». Иеротопия призвана реконструировать духовное видение человека, создающего сакральные пространства в разных областях жизнедеятельности.

Сфера иеротопического исследования обширна: она включает в себя изучение сакральных пространств природных ландшафтов, городов, монастырей, храмов, жилых строений, также малые формы искусства и даже письменные тексты.

В данной работе мы попытаемся показать, как создавалось сакральное пространство древнего центра города Рязани — кремля. Именно здесь в 1095 году был заложен небольшой город-крепость Переяславль Рязанский. В XIV в. сюда рязанские князья переносят столицу Рязанского княжества из разрушенной татаро-монголами Рязани (старой). Тогда же здесь между реками Лыбедь и Трубеж строится мощная крепость на площади около 30 га. Когда в следующие века возникли и стали разрастаться посады — Нижний и Верхний, то именно территория кремля долгое время именовалась «городом»³.

Город с крепостными стенами в представлении средневекового человека был знаком обособленного, защищенного, освоенного пространства. А городская стена являлась гранью между ми-

ром города и внешним миром, выражая антитезу «свое — чужое»⁴. «Свой» мир при этом был не только особым образом организован, имея свой центр и периферию, но, что особенно важно, сакрализован.

Один из методов сакрализации заключался в следовании традиции, например, в топонимах и гидронимах. «Град» Переяславль был основан и назван, скорее всего, выходцами с юга Киевской Руси в честь Переяславля Русского. Реки, на берегах которых была построена крепость, были названы — Лыбедью и Трубежом — именами рек, протекающих в тех же южных районах Руси.

Основной путь сакрализации заключался в приобщении того, что создавал человек, к священному. Известен, например, древний обычай: при строительстве жилого дома плотники вкапывали внутрь сруба живое деревце, которое воспринималось как символ древа жизни, почитавшееся у всех народов мира осью мироздания, — так изба становилась частью сакрального мирового порядка, т. е. космоса. В результате христианизации это деревце стали заменять крестом. Крест как главный символ в христианстве получил основополагающее значение в сакрализации пространства, в том числе и города. В православной Руси освящались специальными молитвами и изображением креста на стенах храмы, жилые помещения, а также крепости.

Освящению города происходило при самом его основании. В «Кормчей книге» существовал так называемый «Чин и последование основания града», по которому он размерялся и закладывался в строгом порядке⁵. Перед закладкой города совершался молебен и кропление святой водой мест, предназначенных для собора и городской крепости с ее башнями и стенами. Сохранились сведения о том, что в 1208 г. рязанский епископ Арсений «град Переяславль заложил у озера»⁶. Историки считают, что это относится к освящению новой крепости после разорения города в результате конфликта с Владимиро-Суздальским княжеством. Несомненно, когда в XIV в. строится новая, более мощная крепость в связи с переносом в Переяславль столицы Рязанского княжества, крепостные сооружения освящаются заново. Освящение происходит и при каждой реконструкции городских стен.

С. Аверинцев писал: «Всякий христианский город есть „икона“ рая, небесного Иерусалима, устроенной Богом вселенной — ойкумены и всего мироздания»⁷. В Откровении Иоанна Богослова описывается град Небесный Иерусалим, стена которого имеет форму квадрата, двенадцать ворот и двенадцать оснований (Откр. 21, 14).

Известный рязанский историк Д. Д. Солодовников, описывая укрепления крепости Переяславля, называет двенадцать башен⁸. Форма кремля — неправильный четырехугольник. Четыре угловые глухие башни имели посвящения Спасителю, Богородице, Святому Духу и всем святым (Спасская башня с иконой «Нерукотворный образ Иисуса Христа» находилась в западном углу крепости; Духовская башня — в северном углу; Всевысвятская башня — в восточном углу; Введенская башня — в южном углу). Еще четыре крепостные башни имели свои названия: Глебовская башня находилась в юго-западной стене, Тайницкая — в северно-западной стене (в башне имелся тайный ход к реке Трубеж), Ипацкая башня — в северо-восточной стене, Рязанская башня — в юго-восточной стене. Это были проездные башни, и располагались они крестообразно. Остальные четыре башни были меньше размерами, глухими и без названий.

Глебовская башня была одним из важных сакральных пунктов кремля. Находясь в самой уязвимой, западной части крепости, откуда чаще всего нападали враги, башня была посвящена святому Глебу — одному из первых русских святых. Рязанские князья почитали св. Глеба как своего патрона, «сродника» и покровителя, так как был поставлен Глеб своим отцом князем Владимиром княжить в Муроме, и, таким образом, Глеб является предшественником муромо-рязанских князей. Стоит обратить внимание на то, что Глебовская башня была единственная каменная среди Переяславских крепостных сооружений. Вряд ли это можно объяснить только функциональным значением башни как важнейшего пункта обороны города.

Приобщение к священной истории — такую задачу ставили перед собой создатели сакральных пространств русских городов. Это хорошо показали в своих исследованиях М. П. Кудрявцев и Г. Я. Мокеев⁹. По их мнению, каждый русский город строился по образу не только Небесного

Иерусалима, но также по образу Иерусалима земного и Царьграда (как называли на Руси Константинополь — столицу Византийской империи).

Чтобы уподобить Киев великим христианским городам, князь Ярослав возводит Золотые ворота, прообразом которых были Золотые ворота в Константинополе и Иерусалиме. Врата в Иерусалиме были освящены именем Иисуса Христа. Согласно церковному преданию, которое воспроизводит игумен Даниил в своем «Хождении», «теми враты вшел есть Христос в Иерусалим»¹⁰, чтобы быть распятым на Кресте.

Когда в XII в. возвысился город Владимир, в нем также сооружаются Золотые ворота. Поэтому мы можем рассматривать возведение единственной каменной башни в Переяславле Рязанском как продолжение священной традиции строительства Золотых ворот, призванной освятить и защитить город небесной благодатью.

Д. Д. Солодовников в своей работе о Переяславле Рязанском отмечал, что «над Глебовскими воротами была каменная часовня, а в ней образ Пресвятыя Богородицы Одигитрия. Образ этот чудотворный»¹¹. Таким образом, сама Богородица освящала Глебовскую башню и осеняла своим покровом главные городские ворота.

Центрами сакрального пространства русских городов являлись храмы.

Запись XVI в. в Следованной Псалтыри¹² о дате основания Переяславля Рязанского («В лета 6603 заложен бысть град Переславль Резаньской окола церкви святого Николы Старого») указывает на один из древнейших и почитаемых храмов в кремле, посвященный святому Николаю Чудотворцу. Святой Николай получил особое почитание в Рязанской земле после перенесения иконы с его образом из города Корсунь в Рязанское княжество в 1225 г. «Сказание о перенесении Николина образа из Корсуни в Рязань» повествует о том, как святой Николай явился в видениях священнику Евстафию из Корсуни с просьбой отнести в Рязанскую землю икону с его образом, ибо сказал святой: «Там хочу пребывать, и чудеса творить, и место то прославить»¹³. Само именование церкви святого Николая «старой» говорит о ее древности. Рязанцы помнили слова святого о его желании прославить Рязанскую землю, и, в свою очередь, прославили святого, построив

храм, посвященный его имени. Несомненно, эта церковь несла главную сакральную функцию в кремле с XIII века (в 1611 г. церковь сгорела).

С конца XIV в. на территории кремля начинается строительство каменных храмов. Успенский собор (в 1753 г. переименован в Христорождественский) был выстроен из белокаменных блоков в стиле раннемосковских храмов. В продолжение столетий собор часто перестраивался, а в XIX в. был перестроен в русско-византийском стиле. Архитекторы Е. В. Михайловский и И. В. Ильенко пришли к выводу, что первоначальный вид собора был близок московскому Успенскому собору (1326). Они пишут: «Московский Успенский собор того времени тоже имел, как известно, по шесть сажен в длину и ширину. Можно с достаточным основанием считать, что этот собор, как и его московский собрат, был четырехстолпным, крестовокупольным храмом, с тремя апсидами, возможно, с тремя притворами и, конечно, одноглавым»¹⁴. От древнего храма сохранились фрагменты белокаменной кладки в некоторых частях собора, главным образом, в алтарной апсиде.

Успенский собор служил княжеской усыпальницей, где были захоронены пять рязанских князей и три княгини. Захоронение в сакральном пространстве храма, скорее всего, толковалось жителями православной Руси как знак упокоения душ усопших во Царствии Небесном. Среди захороненных в Успенском соборе был великий князь рязанский Иван Васильевич Третной. В его княжение в 1487 г. была явлена близ села Федотьево чудотворная икона Богоматерь Одигитрия (по месту чудесного явления образ был назван «Федотьевским»). Это была икона, которую, согласно преданию, еще в начале XIII в. (до 1225) принес с Афона в Рязанское княжество епископ Евфросин. «Одигитрия Рязанская» находилась в кафедральном Успенском соборе столицы Рязанского княжества — Рязани (старой). Сохранилось предание о том, что перед этим образом молился рязанский князь Юрий Ингваревич, оплакивая гибель сына своего Феодора и посланное с ним к Батью посольство: «И поидоша в соборную и апостольскую церковь и плакаша пред образом милостиваго Вседержителя и Пречистой Его Матери Одигитрии, юже принесе Ефросин из Святыя горы и моля великого чудотворца Николу

и сродник своих Бориса и Глеба»¹⁵. Иван Васильевич Третной перенес вновь обретенную икону Богоматери «для ограждения и спасения» в Переяславль Рязанский в кафедральный Успенский собор кремля¹⁶. Таким образом, икона Богоматерь Одигитрия стала палладиумом Рязанской земли.

Успенский собор с 1522 года стал кафедральным. В 1609 г. в собор при архиепископе Феодорите были перенесены мощи святого Василия. Мощи святого — важнейший принцип сакрализации в христианстве. Сами христианские храмы освящаются положением мощей святого в алтарный престол. Василий Рязанский — самый почитаемый святой Рязанской земли. Он жил в XIII веке. Из Мурома святой Василий перенес епископскую кафедру в Переяславль Рязанский. Среди русских святых чудо, совершенное Василием Рязанским, уникально — из Мурома он плыл в Переяславль Рязанский по реке Оке против течения, стоя на епископской мантии. До сих пор мощи святителя Василия почивают под спудом на левом клиросе. В духовном смысле Василий Рязанский, являясь покровителем всей Рязанской земли, в особенности является покровителем Рязанского кремля.

Посвящение первого каменного храма в кремле Пресвятой Богородице не случайно. С самого начала христианства на Руси, когда князь Владимир построил в Киеве Десятинную церковь — первый каменный храм, посвященный Богородице, ее образ воспринимался русскими людьми как «Небесная Заступница», как «Нерушимая Стена». Дважды Божия Матерь спасала Константинополь от нападения русов: под 866 г. в «Повести временных лет» рассказывается о поражении под Константинополем русских дружин (император Михаил с патриархом Фотием погрузили ризу Богородицы в море, в результате чего поднялась буря и разбила суда русов); во время очередной осады русами в 910 г. Богородица явилась молящимся в храме и простерла над ними белый покров (омофор) (в честь этого события установлен православный праздник Покрова Пресвятой Богородицы). В этих поражениях русские люди, принявшие христианство, видели особую заботу Божией Матери о русском народе. Д. С. Лихачев объясняет это так: «Нужно принять во внимание средневековую идеологию и психологию. Наказа-

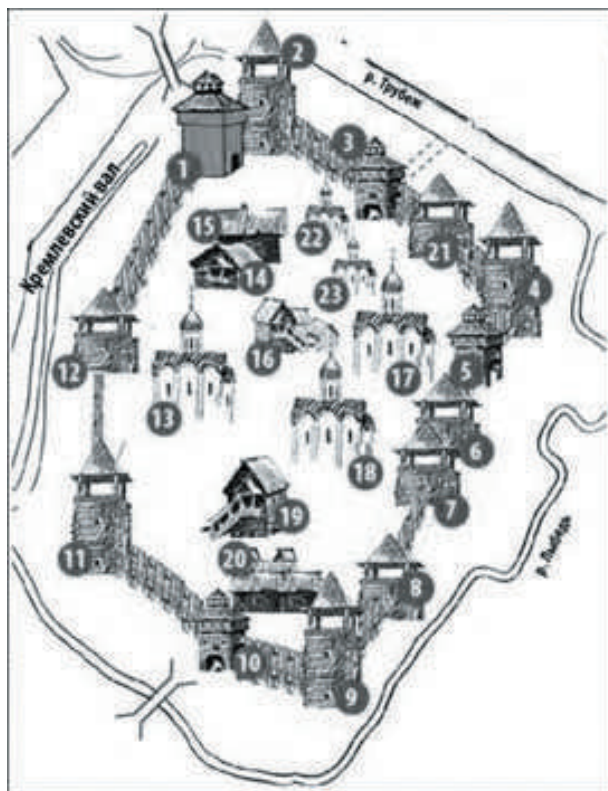

Рис. 1. Примерная схема Кремля XVII в.

ние Божие, с точки зрения человека того времени, — это знак особой заботы Бога о наказываемом. Наказывались русские язычники, победа же над ними греков-христиан была победой правоверных над неверными»¹⁷.

Почитание Богородицы выразилось в широком распространении Успенских соборов, которые, как правило, в русских городах являлись главными, кафедральными, так как именно они выполняли градозащитную функцию.

Несомненно, что такую же функцию выполнял и второй каменный храм, построенный рязанскими князьями в XV в., — Архангельский собор. Об этом говорит уже само посвящение храма архангелу Михаилу — архистратигу небесных сил и покровителю русских воинов. Несмотря на некоторые перестройки в верхней части, Архангельский собор сохранил образ древнерусского храма, который воплощает в себе идею храма-крепости. На это указывают мощные стены (их толщина ок. 1,5 м), а также щелевидные окна, напоминающие бойницы крепостных стен.

По предположению архитекторов Е. В. Михайловского и И. В. Ильенко, Архангельский собор внешне напоминал Троицкий собор Троице-Сергиевой лавры¹⁸. Возможно, так рязанские

князья решили почтить память святого Сергия Радонежского, мощи которого покоились в Троицком соборе. В 1385 г. Сергий Радонежский по просьбе московского князя Дмитрия Донского приходил в Переяславль Рязанский и беседовал с рязанским князем Олегом Ивановичем, прося его пойти на заключение мирного договора с Москвой. Эта встреча многое изменила в судьбе и Рязанского княжества, и самого рязанского князя: с Московским княжеством был заключен «вечный мир», а Олег Иванович тайно принял монашеский постриг.

Одним из элементов сакрализации пространства является строительство большого количества храмов в определенном месте. Храмовый ансамбль Рязанского кремля включает в себя восемь каменных храмов. Помимо старого Успенского (Христорождественского) и Архангельского соборов, в него входят построенные в XVII в. Духовская церковь (1642), Богоявленская церковь (1647), новый Успенский собор (1693-1699), в архиерейском доме строится домовая церковь рязанских архиереев во имя Усекновения головы Иоанна Предтечи; в 1702 г. в Спасском монастыре был построен Спасо-Преображенский собор; в начале XX в. в братском корпусе монастыря возводят церковь во имя евангелиста Иоанна Богослова и Иосифа Обручника. Завершающим элементом в формировании храмового ансамбля Рязанского кремля стала построенная в 1789-1840 гг. колокольня.

Храмовый ансамбль Рязанского кремля, создаваемый с XV по XIX века, уникален разнообразием архитектурных стилей. Архангельский собор — крестово-купольный храм — образец раннемосковского зодчества. Новый Успенский собор построен в стиле московского («нарышкинского») барокко, Христорождественский собор (старый Успенский) — в русско-византийском стиле, соборная колокольня — в стиле классицизма. В Рязанском кремле представлена довольно редкая форма двухшатрового храма в церкви Сошествия Святого Духа и традиционная форма приходских храмов XVII в. с пятью главами и шатровой колокольней в Богоявленской церкви. Уникален Спасо-Преображенский собор, в архитектуре которого соединились элементы древнерусского стиля и черты московского барокко.

Однако взгляд на церковную архитектуру современного человека в корне отличается от восприятия православного храма жителя Древней Руси. Для древнерусского зодчего архитектура была лишь средством воплощения религиозной картины мира. Храм — это каменная книга, которая рассказывает нам, о чем думал человек, к чему стремился, как видел мир в те давние времена. Более того, в храме выражена тайна народа, загадка его души, его сокровенные чаяния и устремления, — как писал о. Иоанн Журавский в книге «Тайна Царствия Божия»: «Искусство зодчества храмов не случайно: оно выражает собою внутреннюю тайну строящего народа — религиозного восприятия душой Бога»¹⁹.

Основная функция храма в сакрализации пространства заключается в том, что весь храм и каждая его деталь, его архитектурные формы являются священными символами Божественного Мира. По учению христианских богословов — таких, как Дионисий Ареопагит и Максим Исповедник, Бог излучает духовный свет, который достигает тварного мира тремя способами: непосредственно проникает в душу человека, например, во время молитвы, также через совершение церковных таинств и, главным образом, духовный свет становится доступен практически всем посредством разнообразных символов. Символ — особая реальность, она не уравнивается ни с земным, ни с небесным бытием, но является местом присутствия Божественного в мире земном. Как отмечал отечественный исследователь древнехристианской символики А. С. Уваров, указывая на глубокую связь символики с богословием, «христианство поручило художествам распространение веры: символика учит, проповедует, толкует веру; она глубоко закореняет в душах христианское учение, не одними отвлеченными толкованиями, но, придав им форму наглядную, запечатлевает в уме; символика есть особая мнемоника христианского учения»²⁰.

В каждом храме Рязанского кремля можно выделить главную идею, нашедшую свое воплощение в архитектурных формах. Спасо-Преображенский собор — символ сотворенного Богом мира и символ рая. Христорождественский собор — символ корабля спасения. Архангельский собор — символ Богочеловека Иисуса Христа. Церковь Сошествия Святого Духа — символ

двух пещер, связанных с рождением и воскресением Иисуса Христа, а также символ единства миров — небесного и земного. Успенский собор — символ нового неба и новой земли, мира преображенного, обоженного.

Русский зодчий воплощал мысль о творении Богом вселенной, уподобляя храм микрокосмосу: четыре стены храма символизируют четыре стороны света; купол храма и своды символизируют небосвод (в Спасо-Преображенском соборе свод единый, высокий, опирается лишь на мощные стены); крест с сияющими лучами, идущими от центра креста, символизирует солнце; звезды на главе храма — это звезды небесные.

Зеленый цвет крыши храма символизирует покров Святого Духа, который «носился над водою» (Быт. 1, 2) при творении мира.

В первый день Бог сотворил свет, несомненно, символом чего является белый цвет православного храма, — например, в народной фразеологии выражение «белый свет» означает все сотворенное Богом пространство.

Во второй день «создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом» (Быт. 1, 6-8). В Спасо-Преображенском соборе символом «небесной тверди», помимо самого свода, с внешней стороны является пояс ложных закомар — кокошники. Поребрик (ряд кирпичей с треугольными выемками, расположенные в виде «елочки») под кокошниками изображает «воды под твердью», а поребрик над кокошниками — «воды над твердью».

Символом зелени, трав и деревьев, созданных Богом в третий день в Спасо-Преображенском соборе являются полихромные изразцы с изображением растительного орнамента. Эти полихромные изразцы, а также белый цвет храма, являются символами рая, который Бог «насадил... на востоке» (Быт. 2,8). В православном храме алтарь символически отождествляется с раем, так как находится на восточной стороне. Рай представлялся людям как цветущий, чудесный сад, — поэтому в архитектурной символике храма идея рая выражена, главным образом, в декоративном убранстве стен и иконостаса, где присутствует разнообразный растительный орнамент. Исследователи православной иконописи отмечают, что сюжеты,

связанные с темой рая, изображаются, как правило, на белом фоне.

Уже с первых веков христианства храмы строились по образу Ноева ковчега — прямоугольными по форме. Христорождественский собор наиболее соответствует этой форме. Но и другие храмы Рязанского кремля тоже несут этот образ — образ корабля спасения. Например, в Архангельском соборе мы видим в верхней части храма образ окна ковчега как отверстие, которое продолжается барабаном и завершается куполом. Церковь, в представлении христиан, является духовным кораблем, который плывет из мира земного в мир небесный по направлению, которое указывают кресты. Кресты являются своего рода маяками для корабля-церкви. Одно из значений так называемого «полумесяца» на надглавных крестах выражает эту идею храма — духовного корабля.

Исследователи отмечают факт, характерный именно для архитектуры Руси, то, что русские храмы строились по образу человека: четверик храма — туловище, барабан — шея, глава храма — голова. Эта символическая антропоморфность устройства храма выражается и в названии его частей: в Древней Руси барабан называли «шея», верх над шеей помимо названия «глава» еще именовался «маковица» или «лоб», скаты кровли храмов — «плечами», а так называемые паруса — «пазухами». Воплощение этой идеи можно видеть на примере Спасо-Преображенского и Архангельского соборов.

Русские зодчие переносили богословское понятие Церкви как мистического тела Иисуса Христа на само здание-храм. Храм воспринимался как тело Иисуса Христа, в котором соединились неслитно и нераздельно божественная и человеческая природы. Символом божественной природы в храме является его верх, а также алтарь; символом человеческой природы является четверик храма. Крест в данном понимании нужно рассматривать как символ соединения божественной природы и человеческой, символом преображения человека и всего мира.

Белый цвет и золото куполов храма должны напоминать людям о Преображении, — о том событии, когда Иисус Христос во время молитвы преобразился на горе Фавор перед Своими учениками: «И просияло лице Его как солнце, одежды

же Его сделались белыми как свет» (Мф. 17, 2), — так он явил людям свою божественную природу, божественный свет. Высокий свод Спасо-Преображенского собора в данном случае можно рассматривать как образ горы Фавор.

На храм как символ Иисуса Христа указывают кокошники — архитектурные детали, завершающие стены, своды, постаменты. Название «кокошник» созвучно женскому головному убору. В основе понятия — кокошь, — по ст.-слав. означает «курица». На отличительные черты характера курицы-наседки как нежной и попечительной матери к своим птенцам указывал сам Спаситель в словах, обращенных к Иерусалиму: «Иерусалим, Иерусалим... сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как, птица (кокошь — И. А.) собирает птенцов своих под крылья, и вы не захотели» (Мф. 23, 37). Кокошники, таким образом, символизируют любовь Христа к своей Церкви и ко всем людям, — покров Божий над миром.

Два шатра и кокошники церкви Святого Духа наглядно выражают эту идею, так как два шатра символизируют две природы Иисуса Христа — божественную и человеческую.

Особенностью Церкви Святого Духа являются две алтарные апсиды, так как храм имеет два посвящения — Сошествию Святого Духа на апостолов и святому Сергию Радонежскому.

В решениях Стоглавого собора (1551) дается такое истолкование алтаря: «Алтарь есть престол Божий и образ вифлеемского вертепа, идеже родился Христос. Паки: алтарь есть образ вертепа, идеже погребен бысть Христос»²¹.

Итак, алтарь есть символ пещеры, в которой родился Христос, и пещеры, в которой он был погребен и воскрес. Эти две пещеры как бы заключают всю жизнь Богочеловека Иисуса Христа на земле. Две апсиды церкви Святого Духа, возможно, также являются образами пещер христовых.

Этим видением пещер как прообразов христианских храмов, где рождается Бог на земле и где Христос воскресает, объясняется многое в архитектуре русских храмов. Они сами, а не только алтарная часть, становятся, т. е. строятся, похожими на пещеры — приземистые, с прочными стенами и узкими окнами, — словно освещать их должен не внешний солнечный свет,

а внутренний свет присутствия Божия. Примером такого храма в Рязанском кремле, помимо церкви Святого Духа, является Архангельский собор.

Любой православный храм воплощает важнейшую христианскую идею: Иисус Христос, обожив человеческую природу, своим вознесением на небо восстановил единство мира земного и небесного. Основными формообразующими символами православного храма являются квадрат, круг, треугольник и их пространственные модели — куб, сфера, пирамида. Квадрат и куб символизируют собой мир материальный, земной, временный; круг и сфера — мир духовный, божественный, вечный; треугольник и пирамида — это фигуры инверсии, связывающие два мира — материальный и духовный.

Два шатра церкви Святого Духа также воплощают идею единства земного мира и небесного. Эта идея раскрывается и геометрическим рельефным орнаментом, представленном на северной и южной стенах четверика церкви Святого Духа. Орнаментальные фигуры — ромб (символ земли) и круг (символ неба), расположенные в сводчатых нишах стен, вертикально чередуясь, воплощают идею о гармонии мира.

Библия заканчивается пророчеством Иоанна Богослова: «И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали» (Откр. 21, 1). Христиане верят, что второе пришествие Иисуса Христа означает полное преображение мира, а, точнее, его обожение, — что выражают слова апостола Павла: «Да будет Бог все во всем» (1 Кор. 15, 28). Благодать Божия проникнет в материю и заполнит полностью и небо, и землю, — и то, что сможет воспринять эту божественную энергию, преобразится и обожится. Об этом божественном огне говорил Иисус Христос: «Огонь пришел Я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» (Лк. 12, 49).

В символике православного храма этот божественный огонь явлен в луковичных главах (например, позолоченные главки церкви Святого Духа и Богоявленской церкви), в островерхих кокошниках и закомарах, в наличниках окон и порталах (например, Архангельского собора), имеющих килевидное завершение. Такие храмы один из исследователей храмовой символики Г. Я. Мокеев назвал «огненными»²².

Кокошники и закомары являются символом ангелов, природа которых — «пламень огненный». На литургии поется о Боге как о «сидящем на херувимах». Христианская эсхатология утверждает, что во второе пришествие свое Иисус Христос придет в сопровождении ангельских чинов, — это событие изображено на иконе «Спас в силах»: Иисус как Царь мира восседает на престоле в окружении ангельских сил. Девятидольная крестово-купольная система сводов православного храма (например, Архангельского собора) имеет символическое значение — это девять ангельских чинов. «Таким образом, верх „огненного храма“, — пишет Г. Я. Мокеев, — символически представляет собой Небесный Престол из огненных сил, на котором восседает Сам Господь Бог»²³. То есть верх православного храма дает символический образ второго пришествия Иисуса Христа и совершение им Страшного суда. Символом божественного огня является также красный цвет стен Успенского собора. Красный цвет — это цвет Пасхи, цвет воскресения, вечной жизни и обожения мира. Во время пасхального богослужения священники облачаются в одеяния красного цвета. В песнопениях церковных поется — «красная Пасха». На иконах красным цветом изображаются серафимы («серафим» на еврейском языке значит «огненный»), они ближе всех находятся к Богу, им открыта его любовь, — ею они пламенеют. Красный цвет Успенского собора и есть символ любви Божией, преображающей весь мир.

В заключение надо отметить, что весь храмовый ансамбль Рязанского кремля в целом воплощает идею «Иерусалима нового» (Откр. 21, 1). Прот. Л. Лебедев убедительно показал, что представление о Руси как образе Обетованной земли Царства Небесного берет свое начало еще со времени крещения в X в.²⁴ Свою вершину и кристаллизацию эта идея получила в церковно-богословском и народном сознании в XVII в. Наиболее наглядно это проявилось в строительстве Ново-Иерусалимского монастыря патриархом Никоном и Ростовского кремля митрополитом Ионой Сысоевичем. Несомненно, эта идея была важнейшей и в деятельности рязанских архиереев, строивших храмы в кремле.

Таким образом, не только храмы, но и все пространство Рязанского кремля является сакраль-

Рис. 2. Рязанский Кремль. Современный вид

ной территорией. Многие паломники и туристы, посещающие Рязанский кремль, сравнивают весь кремлевский ансамбль с раем. Вспомним, как были восхищены русские послы, посланные князем Владимиром в Константинополь, войдя в собор Святой Софии: «Не знали мы — на небе или на земле: ибо нет на земле такого зрелища и красоты такой... знаем только, что пребывает там Бог с людьми»²⁵. Так Бог просветил их души духовным светом через священную символику православного храма.

Мы должны быть благодарны тем зодчим, которые создали столь уникальный архитектурный ансамбль — Рязанский кремль. Каждый храм — жемчужина архитектурного искусства и в то же время реальный символ духовного мира. Взгляд духовный и взгляд эстетический, дополняя друг друга, создают целостную картину архитектурного шедевра. Задача современного поколения — не только сохранить ансамбль Рязанского кремля как объект материальной культуры, но раскрыть его духовную значимость.

¹ Лидов А. М. Иеротопия. Создание сакральных пространств как вид творчества и предмет исторического исследования // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси. — М. — 2006. — С. 10.

² Там же. — С. 11.

³ Солодовников Д. Д. Переяславль Рязанский. Прошлое Рязани в памятниках старины. — Рязань. — 1922. — С. 47.

⁴ Базарова Э. Л. «Свое-чужое» в образной структуре сакрального пространства // Культура «своя» и «чужая». Материалы международной Интернет-конференции. — М. — 2003. — С. 115.

⁵ Градостроительство Московского государства XVI-XVII веков. — М. — 1994. — С. 43.

⁶ Иероним, архимандрит. Рязанские достопамятности. — Рязань. — 1889. — С. 2, 10.

⁷ Аверинцев С. С. К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Из истории русской культуры. М. — 2000. — Т. 1. — С. 550.

⁸ Солодовников Д. Д. Указ. соч. — С. 49.

⁹ Кудрявцев М. П. Москва — Третий Рим. — М. — 1994; Мокеев Г. Я. «Якоже горний Ерусалим» // Памятники Отечества. — 1991. — Вып. 2. — С. 104-113 и продолжение

этой работы: Мир Божий. — 1996. — № 1. — С. 74-81; его же: Москва священная // Мир Божий. — 1998. — № 3 (1). — С. 6-16.

¹⁰ «Хождение» игумена Даниила // ПЛДР. XII в. — М., 1980. — С. 44.

¹¹ Солодовников Д. Д. Указ. соч. — С. 49.

¹² Следованная Псалтырь хранится в Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике.

¹³ Повесть о разорении Рязани Батыем // «Тишины в отчем доме ради...» (Книга для внеклассного чтения). — Липецк., — 1994. — С. 17.

¹⁴ Михайловский Е. В., Ильенко И. В. Рязань. Касимов. — М., 1969. — С. 65-67.

¹⁵ Иероним, архимандрит. Указ. соч. — С. 14.

¹⁶ Там же. — С. 34.

¹⁷ Лихачев Д. С. Градозащитная семантика Успенских храмов на Руси // Успенский собор Московского кремля. Материалы и исследования. — М., 1985. — С. 18.

¹⁸ Михайловский Е. В., Ильенко И. В. Указ. соч. — С. 71.

¹⁹ Журавский Иоанн, иерей. Тайна Царства Божия. — СПб., 1996. — С. 21.

²⁰ Уваров А. С. Христианская символика. — М.-СПб., 2001. — С. 37.

²¹ Бусева-Давыдова И. Л. Толкования на литургию и представления о символике храма в Древней Руси // Византийский храм. Литургия и искусство. — СПб., 1994. — С. 199.

²² Мокеев Г. Я. Огни Москвы // Наука и религия. — 2000. — № 7. — С. 32-33.

²³ Мокеев Г. Я. «Якоже горний Ерусалим» // Памятники

Отечества. — М. — 1991. — Вып. 2. — С. 104-113.

²⁴ Лебедев Л., прот. Богословие земли русской // Москва патриаршая. — М., 1995. — С. 287.

²⁵ Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. — СПб., 2000. — С. 155.

В. В. Родин (Муром)

МУРОМСКИЙ ПОСАД ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПА ПО УЛ. ВОРОВСКОГО В 2009 ГОДУ (ЗАСЕЛЕНИЕ И ПЛАНИГРАФИЯ)

Город Муром, входящий в число старейших городов России, остается одним из наименее изученных в археологическом плане. Мы имеем лишь общие представления о формировании и развитии города в домонгольский период, ничего не знаем о его функционировании в период сложения Московского государства и можем лишь по редким писцовым книгам и описям судить о характере развития в период Нового времени. Как итог, мы даже не имеем четкого представления о границах городской территории Мурома до середи-

ны XVIII века. На основе немногочисленных раскопок в кремле города и на Николо-Набережном селище, можно констатировать, что в домонгольское время население Мурома было включено в круг древнерусской культуры. Что же касается посада города, то неизвестно, как он развивался, неизвестна интенсивность жизни на различных участках, неизвестны его границы. Исследования за пределами укреплений и Николо-Набережного селища начались лишь в 2004 году в связи с развитием охранной археологии.

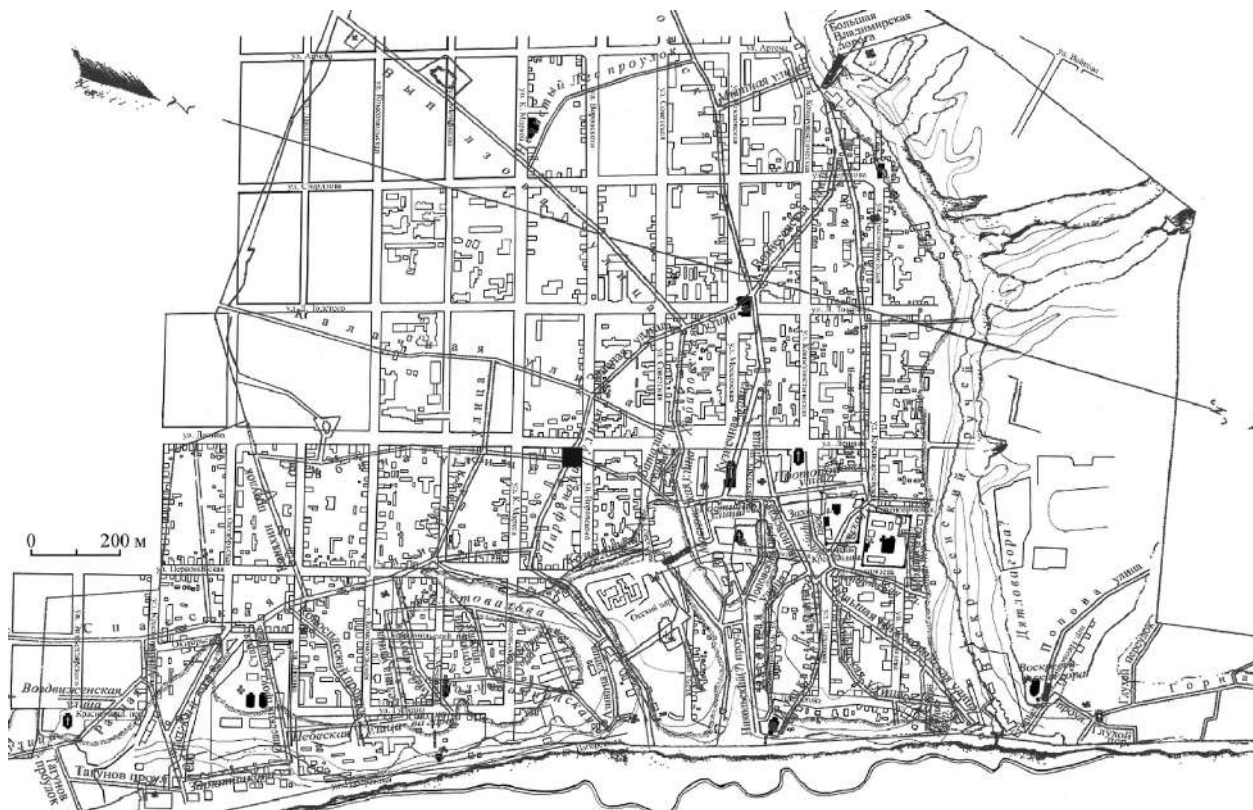

Рис. 1. Участок проведения археологических исследований на сводной схеме современной и радиально-кольцевой застройки (г. Муром, ул. Воровского 24)

Очень затрудняет исследования города его перестройка по регулярному плану, производившаяся после пожаров 1792 и 1805 гг., в результате которой радиально-кольцевая застройка сменилась на квартальную. Сильно изменила лицо города и планировка 60-х годов XIX века, во время которой подвергались нивелировке обширные участки территории Мурома, в том числе и на месте бывшего кремля. В это же время производилась засыпка части оврагов и перенос приходских кладбищ на общий загородный некрополь.

В октябре-декабре 2009 года сотрудниками археологического отдела Владимирского научно-производственного открытого акционерного общества «Владимирреставрация» проведены археологические раскопки на территории посада г. Муром. Участок, отведенный под археологические изыскания, находится в западном углу квартала № 20 и выходит двумя сторонами на улицы Ленина и Воровского. Он расположен в 260 м к юго-западу от кремля, в центре территории, очерченной границами города по плану 1769 г. (Рис. 1).

При анализе планов Мурома 1769, 1864-89 гг. и соотнесении их с современными планами, можно говорить, что исследуемый участок в середине XVIII века находился на пересечении кольцевой Парфеновой улицы, ведущей к Спасским воротам муромского кремля, и радиальной Бибиной улицы — ведущей к торговой площади города.

По писцовой книге г. Муром 1566 г. мы узнаем, что в Парфеновой улице были дворы и белых, и тяглых людей. Сотная грамота на муромский посад 1574 г. упоминает также о дворах белых людей в Парфеновой улице, что запустели вследствие моровой язвы 1570-71 гг.

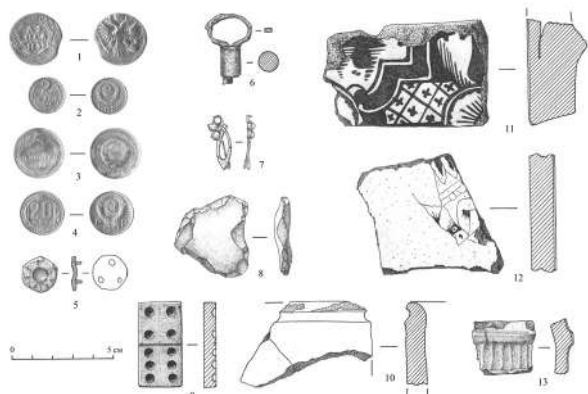

Рис. 2. Муром 2009, ул. Воровского 24. Индивидуальные находки из слоя темно-серого огородного гумуса

Изучение планов участка 1929 и 1950 гг., а также современного состояния, позволило выделить территорию, перспективную для изучения, избежав перекопов от строений и коммуникаций конца XIX — начала XXI вв. В итоге раскоп был заложен на месте бывшего сада XIX века, который с середины XX века стал огородом и использовался в этом качестве до последнего времени. Все это позволяло надеяться на обнаружение следов застройки города по старому радиально-кольцевому плану.

Раскоп площадью 140 м представлял собой правильный прямоугольник, разделенный на три части поперечными бровками. Мощность культурных напластований в раскопе составляла 0,5-1,4 м, а в углубленных в материк сооружениях достигала 2,2 м. Культурный слой на участке раскопа залегал в двух основных строительных горизонтах.

Как и предполагалось, верхний слой в раскопе представлен рассыпчатым рыхлым огородным темно-серым гумусом мощностью до 0,3 м с очень незначительными вкраплениями мусора (крошки красного кирпича), который залегал на всей площади. В этом горизонте был очень невелик процент содержания находок и массового материала, что связано с ежегодными многолетними перекопами слоя.

Так, в частности, были встречены следующие индивидуальные находки:

- монета медная, денга 1735 г. (Рис. 2, 1);
- монета 2 копейки 1946 г. (Рис. 2, 2);
- монета 5 копеек 1930 г. (Рис. 2, 3);
- монета 20 копеек 1954 г. (Рис. 2, 4);
- обломок железного ключа (Рис. 2, 6);
- фрагмент броши белого металла (Рис. 2, 7);

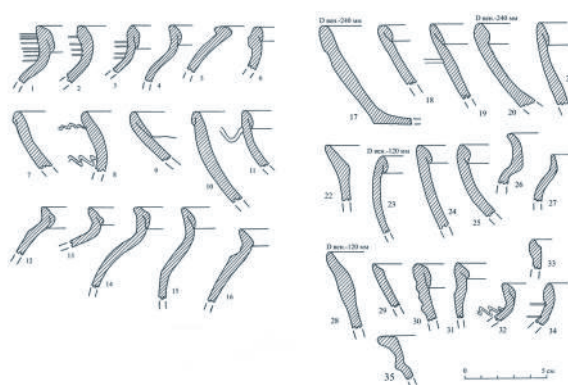

Рис. 3. Муром 2009, ул. Воровского 24. Керамический материал из огородного темно-серого гумуса. 1-16 — белая гладкая; 17-27 — чернолощная; 28-34 — мореная; 35 — белая поливная

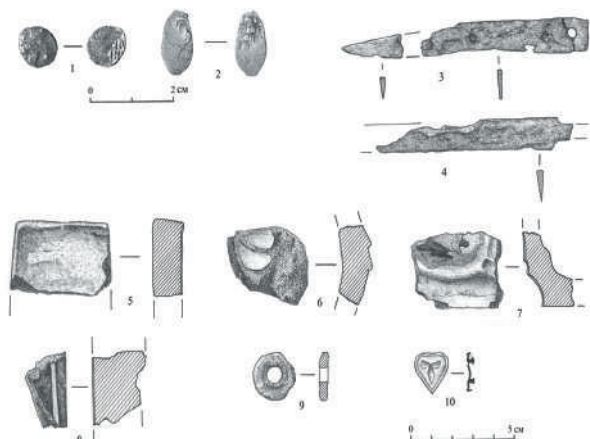

Рис. 4. Муром 2009, ул. Воровского 24. Находки из слоя серо-коричневого огородного гумуса

- кремень кресальный (Рис. 2, 8);
- фишка игральная «домино» латунная (Рис. 2, 9);
- 2 фрагмента банки косметической керамической с белой поливой XIX века¹ (Рис. 2, 10);
- 2 фрагмента изразцов с кобальтовой росписью 1 пол. XVIII — нач. XIX вв.² (Рис. 2, 11, 12);
- фрагмент полихромного рельефного изразца конца XVII века³ (Рис. 2, 13);
- также в этом слое была найдена поясная бронзовая бляшка. Подобного типа накладки отнесены к классу III, группе 1 Б по Мурашевой, являются атрибутом дружинной культуры (имеются аналогии в Гнездове) и отнесены исследователем ко второй половине X в.⁴ (Рис. 2, 5).

В грунте слоя был обнаружен следующий массовый материал:

Тип керамики	Кол-во фр.	%
Серая грубая (курганная), XI-XIII вв.	3	0,15
Красная грубая, XIII-XV вв.	4	0,25
Белая гладкая, с кон. XVI в.	1090	71,1
Чернолощенная, 2-я пол. XV-XVIII вв.	205	13,4
Мореная, XVIII- XIX вв.	38	2,5
Красная гладкая, XVI в.	8	0,5
Красная лощеная	5	0,3
Белая ангобированная	1	0,05
Белая поливная, XVIII-XIX вв.	19	1,2
Майолика	1	0,05
Красная поливная, XIX-XX вв.	73	4,8
Фаянс, сер. XVIII-XX вв.	87	5,7
Всего:	1534	100

Также к этому горизонту относятся несколько ям и Погребение 1, датированное примерно началом

Рис. 5. Муром 2009, ул. Воровского 24. Фрагмент налобного венчика и кальцинированной кости

XX века. Все эти объекты исчерпали свое заполнение, не достигнув поверхности материка.

Итак, по характеру встреченного материала темно-серый слой можно отнести ко времени после перестройки города по регулярному плану, т. е. XIX-XXI вв., что полностью согласуется с результатами работ, проводившихся ранее.

Горизонт конца XVI — конца XVIII веков. Нижележащий слой был представлен серо-коричневым огородным гумусом мощностью до 0,9 м. В верхней своей части на всей площади раскопа этот слой имел незначительное включение — крошки красного кирпича и угольков (Рис. 5).

В этом слое встречены следующие индивидуальные находки:

- монета чешуйка серебряная плохой сохранности (Рис. 4, 1);
- копейка времени правления Алексея Михайловича 1645-1676 гг.⁵ (Рис. 4, 2);
- 3 фрагмента железного ножа (Рис. 4, 3);
- часть лезвия железного ножа клиновидного сечения с прямой спинкой, переходящей уступами в черешок (Рис. 4, 4);
- 2 фрагмента полихромных рельефных изразцов конца XVII века⁶ (Рис. 4, 6, 7);
- грузик свинцовый (Рис. 4, 9);
- накладка поясная бронзовая (Рис. 4, 10), сделанная в технике басмы из тонкой фольги и распавшаяся при расчистке на 4 части. Подобного типа накладки отнесены к классу VII, группе 1 по Мурашевой, являются атрибутом дружинной культуры (имеются аналогии в Гнездове, Шестовице) и отнесены исследователем ко второй половине X в.⁷

Также в нижней части серо-коричневого слоя

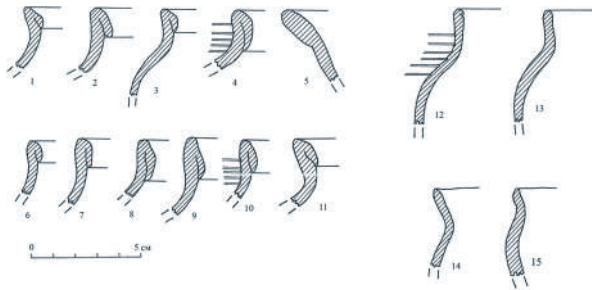

Рис. 6. Муром 2009, ул. Воровского 24. Керамический материал из серо-коричневого гумуса. 1-11 — белая гладкая; 12, 13 — красная ангобированная; 14, 15 — лепная

в квадрате А2 был найден фрагмент медного налобного венчика (Рис. 5). Он состоит из спиральных пронизок, внутри которых зафиксированы остатки льняной нити. При расчистке находки, пронизки были сгруппированы в 5 линий, при снятии они распались, образовав 26 фрагментов длиной от 2 до 57 мм. Проволока, из которой изготовлены пронизки, круглая в сечении, диаметром 0,5 мм. Диаметр пронизок — 3 мм. Мельчайшие фрагменты венчика также были рассеяны по всей площади квадрата А2. В непосредственной близости от находки расчищено небольшое скопление мелких кальцинированных костей. Еще пять фрагментов кальцинированных костей были встречены в северной части раскопа (там, где сохранилась погребенная почва) в нижней части описываемого слоя.

Из массового материала в слое встречены фрагменты красной гладкой, периода XVI-XVIII вв.; красной ангобированной, периода XVI-XVIII вв.; белой гладкой, периода конца XVI-XIX вв.; мореной, периода XVIII-XIX вв.; а также чернолощеной, периода конца XVI — середины XVIII вв. керамической посуды (Рис. 6). Наблюдения за массовым материалом выявили большой процент белоглиняных керамических форм конца XVI-XVII вв. В самой нижней части серо-коричневого слоя на границе с серым подзолистым погребенным гумусом в северной части раскопа встречено 45 фрагментов лепной керамической посуды (Рис. 6, 14, 15). К описываемому горизонту также относятся 2 сооружения, 4 частокольных канавки, а также 32 ямы.

В результате разборки этого слоя удалось зафиксировать остатки части усадьбы, все объекты

которой ориентированы по старой радиально-кольцевой застройке. Время функционирования выявленных объектов относится к концу XVI — рубежу XVIII-XIX веков.

Аккуратная разборка слоя с фиксированием уровня врезки объектов, в том числе тех, которые не дошли до материка, анализ стратиграфической и планиграфической ситуации, а также массового материала, позволили с достаточной долей вероятности выделить несколько строительных периодов во время функционирования усадьбы.

Первый период связан с изначальным освоением участка и установлением его визуальных границ, отобразившихся в виде канавок, впущенных практически с границы серо-коричневого и погребенных слоев, с многочисленными пятнышками древесного тлена, оставшимися от плетневых (?) конструкций. Внутри канавок встречен лишь один фрагмент белой гладкой керамической посуды (видимо, это связано с еще малой насыщенностью слоя артефактами. Вероятно, этот период относится ко второй половине XVI — началу XVII вв. (Рис. 7).

Второй период связан с расширением участка (может, купили выморочные земли?) и установлением его границ, отобразившихся на плане 1769 г. В этот период появляется Сооружение 2 и ряд столбовых Ям 17-1, 29, 32, впущенных с нижней части серо-коричневого слоя и поэтому не имеющих в составе заполнения кирпичной крошки, характеризующихся примерно одними размерами и глубиной от уровня фиксации. Примерная датировка этого периода — вторая половина XVII века (Рис. 8).

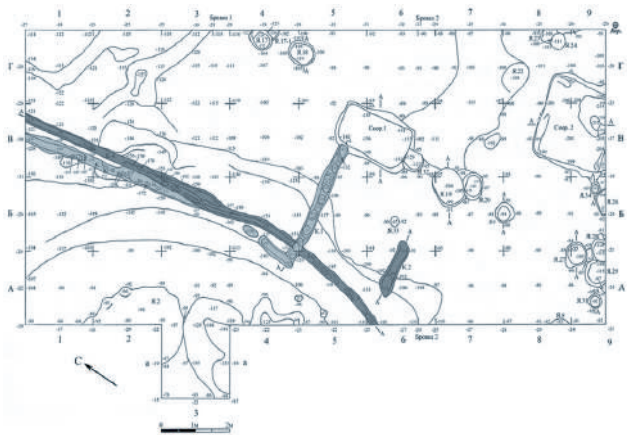

Рис. 7. Объекты, относящиеся к первой стадии строительства

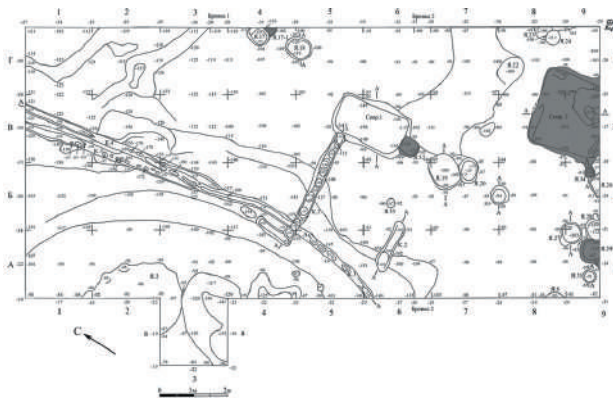

Рис. 8. Объекты, относящиеся ко второму строительному периоду

Третий период в строительстве усадьбы связан с продолжением бытования Сооружения 2 и синхронным переносом основных (Ямы 17, 20, 23, 28) столбовых опор, бытовавших ранее, вероятно, вследствие ветхости последних. Они имеют схожие размеры с ямами, бытовавшими ранее, но меньшую глубину, что, видимо, связано с нарастанием культурных отложений. Также эти объекты имеют в своем заполнении крошку красного кирпича и единичные фрагменты стекла, что вероятно датирует этот строительный период первой половиной XVIII века. Как видим, в это время сохраняется принцип застройки, наблюдаемый ранее (Рис. 9).

Четвертый период связан с продолжением бытования Сооружения 2, появлением Сооружения 1, являющимся ямой для бытовых отходов, и очередным переносом основных столбовых конструкций, существовавших ранее (Ямы 18, 19, 24, 27). Все эти объекты пререзают существовавшие ранее, имеют в составе своего заполнения гораздо больше массового материала, в том числе большое количество оконного стекла, более поздние формы белой гладкой керамики, а также новую керамическую группу — белую поливную посуду,

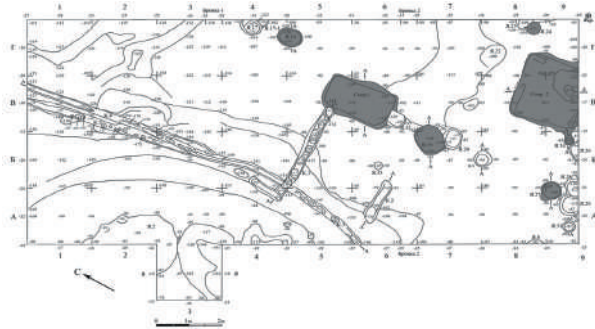

Рис. 10. Объекты, относящиеся к четвертому строительному периоду

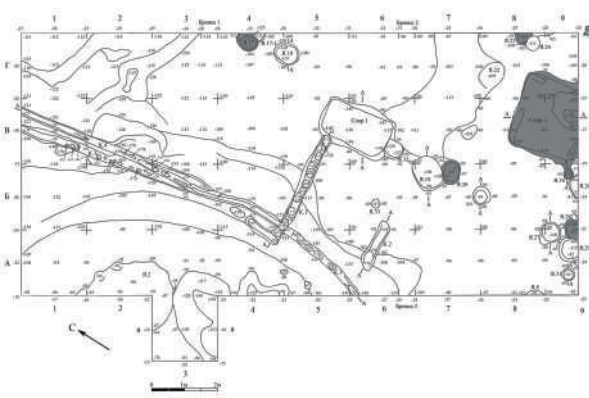

Рис. 9. Объекты, относящиеся к третьему строительному периоду

появляющуюся с середины XVIII века. Таким образом, вероятно датировать данный строительный период временем, относящимся ко второй половине XVIII века (Рис. 10).

Пятый период выделен достаточно условно. К объектам, существовавшим в предыдущий период, также отнесены ямы, зафиксированные в толще слоя и читавшиеся с самого верха серо-коричневого огородного гумуса. Это Яма 16, являющаяся бытовой, квадратная в плане и доходящая до поверхности материка, серия абсолютно идентичных по содержанию, диаметру и глубине Ям 13, 14, 15, 25, образующих предполагаемый контур какого-то сооружения легкой столбовой конструкции (вероятно, навеса), Ямы 11, 12, 22, также абсолютно идентичных между собой, но не содержащих следов деревянного тлена, а также Ямы 8, 9 и 31 (Рис. 11).

Сооружение 1 представляет собой подпрямоугольную хозяйственную яму размером около 2,5 на 1,5 м и глубиной от уровня фиксации до 0,9 м с заполнением, состоящим, кроме основного грунта, из кирпичного боя, древесного тлена, извести, переотложенного материкового суглинка.

Сооружение 2 представляет собой подквад-

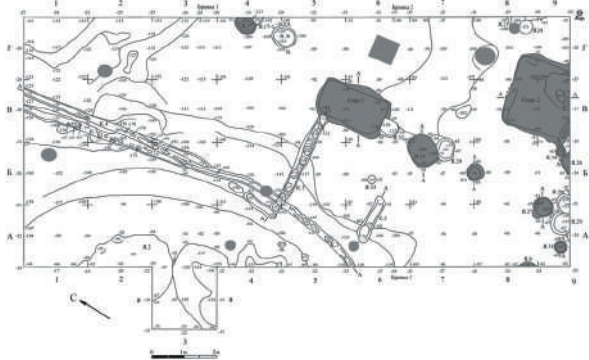

Рис. 11. Объекты пятого строительного периода

ратную в плане яму от наземного сооружения, не вошедшую целиком в пределы раскопа, размером до 2,3 на 2,6 м и глубиной до 1,65 м от уровня фиксации, с заполнением, состоящим, кроме основного грунта, из переотложенного материкового суглинка, серо-желтоватого вязкого суглинка, включений древесного тлена, обожженного суглинка, кирпичного боя. Судя по разрезам сооружения, его заполнение носит единовременный характер.

Керамический материал этих сооружений

представлен в подавляющем большинстве фрагментами белой гладкой, мореной, чернолощенной керамической посуды, а также единичными фрагментами серой грубой, красной гладкой, белой поливной керамической посуды. Исчезающее малое количество последних упомянутых керамических групп при полном отсутствии красной поливной керамики позволяет датировать засыпку объектов временем, относящимся ко второй половине — концу XVIII века.

ПРИМЕЧАНИЯ:

Картографические источники:

1. План дорегулярной застройки Мурома 1769 г. (архив Муромского музея, М-12225);
2. «План уездного города Мурома Владимирской губернии 1864-89 гг.» (архив Муромского музея, М-12226);
3. План квартала № 20 г. Мурома. Съёмка 1929 г. (архив Муромского музея);
4. Выкопировка плана участка по адресу: ул. Воровского, д. 24 по состоянию на 1950 г. (архив МУП округа Муром «Архитектура и землеустройство»);
5. План центральной части г. Мурома с нанесением схемы дорегулярной застройки (1769 г.).

Архивные документы:

1. Паспорт на объект культурного наследия «Культурный слой г. Мурома, X-XIX вв.» // 2006 // Архив Госцентра.
2. Выпись из писцовых книг г. Мурома писцов Д. А. Бутурлина с товарищами // Архив ЛОИИ. — Собр. Н. П. Лихачева. — № 370. — Л. 231-242об.
3. Сотная на Муромский посад // Акты юридические или Собрание форм старинного делопроизводства. — СПб. — 1838.

¹ Полюлях А. А. Фаянсовые изделия заводов Я. Т. и С. Т. Фартальных // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. — М., 2008 — Вып. 4. — С. 301.

² Щербаков В. В. Расписные изразцы Троице-Сергиевой Лавры XVIII века (по материалам раскопок 2000-2002 годов) // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. — М., 2008. — Вып. 4. — С. 288-298.

³ Щербаков В. В. Изразцы царского путевого дворца в Слотино // Археология Подмосковья: Материалы научного

семинара. — М., 2007. — Вып. 3. — С. 363.

⁴ Мурашева В. В. Древнерусские ремённые наборные украшения (X-XIII вв.). — М., 2000. — С. 29.

⁵ Гарост С. А. Справочное пособие русских монет с 1462 по 1717 гг. — Минск, 2003.

⁶ Щербаков В. В. Изразцы царского путевого дворца в Слотино // Археология Подмосковья: Материалы научного семинара. — М., 2007. — Вып. 3. — С. 363.

⁷ Мурашева В. В. Указ. соч. — С. 33.

ОБЗОРНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ОХРАННЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В Г. МУРОМЕ В 2010 ГОДУ

Летом 2010 года в г. Муроме Владимирской области сотрудниками отдела археологии ВВП ОАО «Владимирреставрация» проводились археологические работы. Нами было обследовано два объекта, на одном из которых, по адресу ул. Воровского, д. 53, осуществлялся археологический надзор, а на другом, по адресу ул. Московская, д. 18, были проведены археологические раскопки.

Исследования проводились в целях обеспечения сохранности объекта археологического наследия «Культурный слой древнего Мурома X-XIX вв.». Их необходимость была обусловлена тем, что обследуемые участки находятся в исторической части города Мурома.

Участок исследований по адресу ул. Воровского, д. 53 расположен примерно в 350 м к юго-западу от Кремля (650 м от края коренного берега), в центре территории, очерченной границами города по плану 1769 г.¹ Своим южным фасадом проектируемое здание попадает в красную линию застройки улицы Воровского. Этот квартал по современному делению исторического ядра города Мурома получил № 23. Он ограничен улицами Воровского, Л. Толстого, Советской и Свердлова.

На плане города Мурома, составленном Пылаевым в 1769 году, застраиваемый объект размещается на радиальной Выползовой улице — выезде из города в сторону Меленок. Это место на плане обозначено как один большой земельный участок. На регулярном плане 1864-1889 гг. участок расположен на Нижегородской улице (упоминается в 1769 году по Нижегородской дороге); согласно этому плану, на участке располагался деревянный жилой дом, который (с перестройками) существовал до недавнего времени. При советской власти Нижегородская улица г. Муром была переименована в улицу Воровского².

Целью исследований было выяснение стратиграфии, степени сохранности и мощности культурного слоя в этой части города и получение его

характеристик на данном участке.

Современная дневная поверхность участка достаточно ровная, свободна от строений и кустарников. Поверхность участка имеет выраженный уклон в северо-западном направлении.

Непосредственным предметом исследования стал котлован площадью 400 кв. м, вскрытый за Домом культуры им. 1100-летия г. Мурома. Котлован предназначен для строительства индивидуального жилого дома со встроенным гаражом и ориентирован с северо-запада на юго-восток (отклонение от оси север — юг на 57°).

По форме котлован представлял собой пятиугольник. Наиболее информативными оказались профили северо-восточного, юго-восточного и юго-западного бортов котлована. Их общая протяженность составила 54 метра.

Северо-восточный борт котлована проходит параллельно зданию Дома культуры. Борт имеет уклон в северо-западном направлении; перепад высот составляет 30 см. По северо-восточному борту было зачищено 2 метра профиля.

Юго-восточный борт котлована имеет длину 22 метра и проходит параллельно красной линии домов по ул. Воровского. Борт котлована достаточно ровный, без уклона.

Юго-западный борт котлована имеет длину 30 метров и проходит параллельно границе участка, примыкающего к дому № 55 по ул. Воровского. Борт котлована имеет уклон в северо-западном направлении; перепад высот составляет 51 см.

При обследовании профилей зафиксировано несколько стратиграфических слоев, которые являются основными и встречаются на всем их протяжении, нарушаясь многочисленными ямами. Все остальные стратиграфические единицы являются производными от этих грунтов. Можно привести описание базисных грунтов, начиная сверху:

— слой современного строительного мусора второй половины XX века (бой силикатного кирпича, стекло, остатки бетона, куски асфальта, кам-

ни); мощностью до 50 см;

— светло-охристый переотложенный материковый суглинок с вкраплениями угольков; мощностью до 35 см;

— темно-серый рассыпчатый гумус с вкраплениями угольков, древесного тлена; мощностью до 45 см. Имеет очень размытую нижнюю границу с материком и верхнюю нечеткую границу со светло-серым слоем.

Керамический материал и индивидуальные находки с этого объекта исследований происходили преимущественно из построек, зафиксированных в профилях бортов котлована. Всего было обследовано 8 ям.

В профиле северо-восточного борта котлована была зафиксирована Яма 1, имеющая в разрезе подквадратную форму. Заполнение ее состоит из слоев смеси темно-серого гумуса и темного серо-коричневого плотного гумуса, а также мощной прослойки красной кирпичной крошки. Яма 1 уходила в юго-западный борт котлована.

В профиле юго-восточного борта котлована была частично зафиксирована Яма 1 и начало Ямы 2, которая полностью представлена в профиле юго-западного борта котлована. В остальном профиль оказался малоинформативен.

В профиле юго-западного борта котлована было зафиксировано 7 ям разной формы и величины.

Яма 2 и Яма 3 достаточно больших размеров (от 200 до 250 см по верхнему краю, 113-166 см по дну), граничат между собой (Яма 3 вклинивается в Яму 2). Их заполнение идентично — преобладает светло-охристый переотложенный материковый суглинок. Он подстилается слоем темного серо-коричневого плотного гумуса. Далее следует материковый суглинок.

Яма 4 и Яма 5 имеют в профиле подквадратную форму и округлое дно. Ямы сравнительно небольшие (до 200 см по верхнему краю, до 60 см по дну), в их заполнении преобладает серая рассыпчатая гумусированная супесь с многочисленными вкраплениями древесного тлена.

Яма 6 имеет в профиле овальную форму и округлое дно. Ширина ямы по верхнему краю составляет 205 см, по дну — 120 см. Ее заполнение — светло-охристый переотложенный материковый суглинок, который подстилается именно по дну

тонким слоем темного серо-коричневого плотного гумуса. Далее следует материковый суглинок.

Яма 7, вероятно, столбовая яма, имеет неправильную форму и округлое дно. Ширина ямы по верхнему краю составляет 78 см, по дну — 40 см. Ее заполнение — серая рассыпчатая гумусированная супесь с вкраплениями древесного тлена, угольков, включениями извести; светло-охристый переотложенный материковый суглинок. Далее следует материковый суглинок.

Яма 8 в профиле юго-западного борта котлована имеет самые внушительные размеры. Ширина ямы по верхнему краю составляет 223 см, по дну — 185 см. В профиле ее форма овальная, а дно округлое. В заполнении Ямы 8 прослеживается несколько перемежающихся между собой горизонтов. Сверху вниз: прослойка древесного тлена, прослойка светло-охристого переотложенного материкового суглинка, прослойка битого кирпича с известью, прослойка темно-серого рассыпчатого гумуса, прослойка светло-охристого переотложенного материкового суглинка, прослойка темного серо-коричневого плотного гумуса, прослойка темно-серого рассыпчатого гумуса, залегающая непосредственно на материковом суглинке.

В ходе проведения археологического надзора был собран подъемный материал, представленный фрагментами керамических сосудов³. Керамика происходила преимущественно из ям, которые читаются в бортах котлована.

Весь собранный керамический материал можно объединить в несколько керамических групп: *красная гладкая* — датируется периодом XVI века, тесто довольно хорошо промешано, цвет поверхности — красный с различными вариантами оттенков, основная форма — горшки и миски; *красная ангобированная* — сосуды из красножгущихся глин, днища которых, как правило, ангобом не покрывались; наиболее распространенной в муромских материалах является посуда, поверхность которой ангобирована сплошь; *белая гладкая* — сосуды изготовлены на тяжелом гончарном круге, цвет поверхности, как изнутри, так и снаружи, от белого до светло-серого, форма сосудов «чашеобразная», приплюснутая, с маленьким дном и широким венчиком; венчики имеют короткую, чуть наклоненную наружу или прямо поставленную шейку; орнамент прочерчен ножом

Рис. 1. Владимирская область, г. Муром, ул. Воровского, д. 53. Индивидуальные находки

или острым предметом и представляет несколько тонких (не более 1,5 мм) линий, расположенных на шейке; преобладающая форма — горшки. Общая датировка белой гладкой посуды — конец XVI-XIX вв.; *чернолощенная* — данная керамическая группа относится к периоду середины XVI-IX вв., цвет поверхности — от темно-серого до насыщенно-темного, поверхность обработана лощением сплошным или полосчатым. Преобладающие формы: глубокие миски, корчаги, кувшины, большая часть венчиков которых образована т. н. врезным орнаментом; *мореная* — данная керамическая группа относится к периоду середины XVIII-XIX вв.; цвет поверхности — темно-серый; *белая поливная* — датируется серединой XVII-XX вв.; формы сосудов и орнаментация разнообразны (чаще всего встречается линейный и врезной орнамент, прокатка зубчатым колесиком или различные сочетания этих приемов), изделия покрыты целиком или частично полупрозрачной поливой преимущественно желтоватых и зеленоватых цветов; *красная поливная* — датируется с 30-х г. XIX до XX вв.; сосуды покрыты целиком или частично прозрачной или полупрозрачной поливой коричневатых цветов, формы сосудов и орнаментация разнообразные.

В данной керамической коллекции значительно преобладала белая гладкая керамика (кон. XVI в.) — 67 % от общего количества.

Коллекция индивидуальных находок с данного объекта составила 22 предмета (Рис. 1), среди которых 3 монеты: 20 коп. 1932 г., 10 коп. 1969 г., полушка 1731 г.⁴; игрушка белоглиняная с зеленой поливой; фрагмент красноглиняной курительной трубки⁵; пряслице биконическое, глиняное⁶; стеклянные и пастовые бусины⁷; железная пуговица;

оселок; банка косметическая керамическая⁸; баночка фаянсовая с клеймом завода Дулево; колокольчик бронзовый.

В результате работ на объекте по адресу ул. Воровского, д. 53 были зафиксированы культурные напластования XVIII-XX вв., отмечена сильная переотложенность слоя. Полученные в процессе исследований материалы в большинстве своем находятся в переотложенном состоянии. Обнаруженные фрагменты разновременных керамических изделий являются образцами массового материала и датируются XV-XX вв.

Второй объект исследований располагался по адресу ул. Московская, д. 18. Здесь, на месте строительства двухэтажного магазина, были проведены археологические раскопки. Участок предполагаемого строительства занимает западный угол квартала № 2 г. Мурома, заключенный между ул. Л. Толстого, Московская, Ленина и Советская. Своей северо-западной стороной он выходит на красную линию застройки ул. Московская (Рис. 2).

Рассматриваемый участок расположен в 500 м к западу от кремля (800 м от края коренного берега Оки), в центре территории, очерченной границами города по плану 1769 г.⁹, вблизи (к юго-востоку в 120-150 м) от современного каменного храма Вознесения Господня, сооруженного в 1729 г. на месте одноименной деревянной церкви, упоминаемой в писцовой книге 1566 г.

При анализе плана Мурома 1769 года можно говорить, что застраиваемый участок в середине XVIII века находился практически на пересечении кольцевой Зеленой улицы, Хобарской улицы, ведущей к Вознесенской церкви, и радиальной Выползовой улицы ведущей в сторону Меленок¹⁰. Это место на плане обозначено как один большой земельный участок.

При анализе плана города 1864 года (с уже регулярной застройкой) на исследуемом участке обозначено каменное строение (видимо, жилой дом), а также небольшое деревянное строение (по-видимому, какая-то хозяйственная постройка)¹¹.

В настоящее время на участке располагается двухэтажный кирпичный жилой дом (ул. Московская, 18), к которому, согласно проекту, возводится пристрой под магазин. Справа (взгляд с улицы

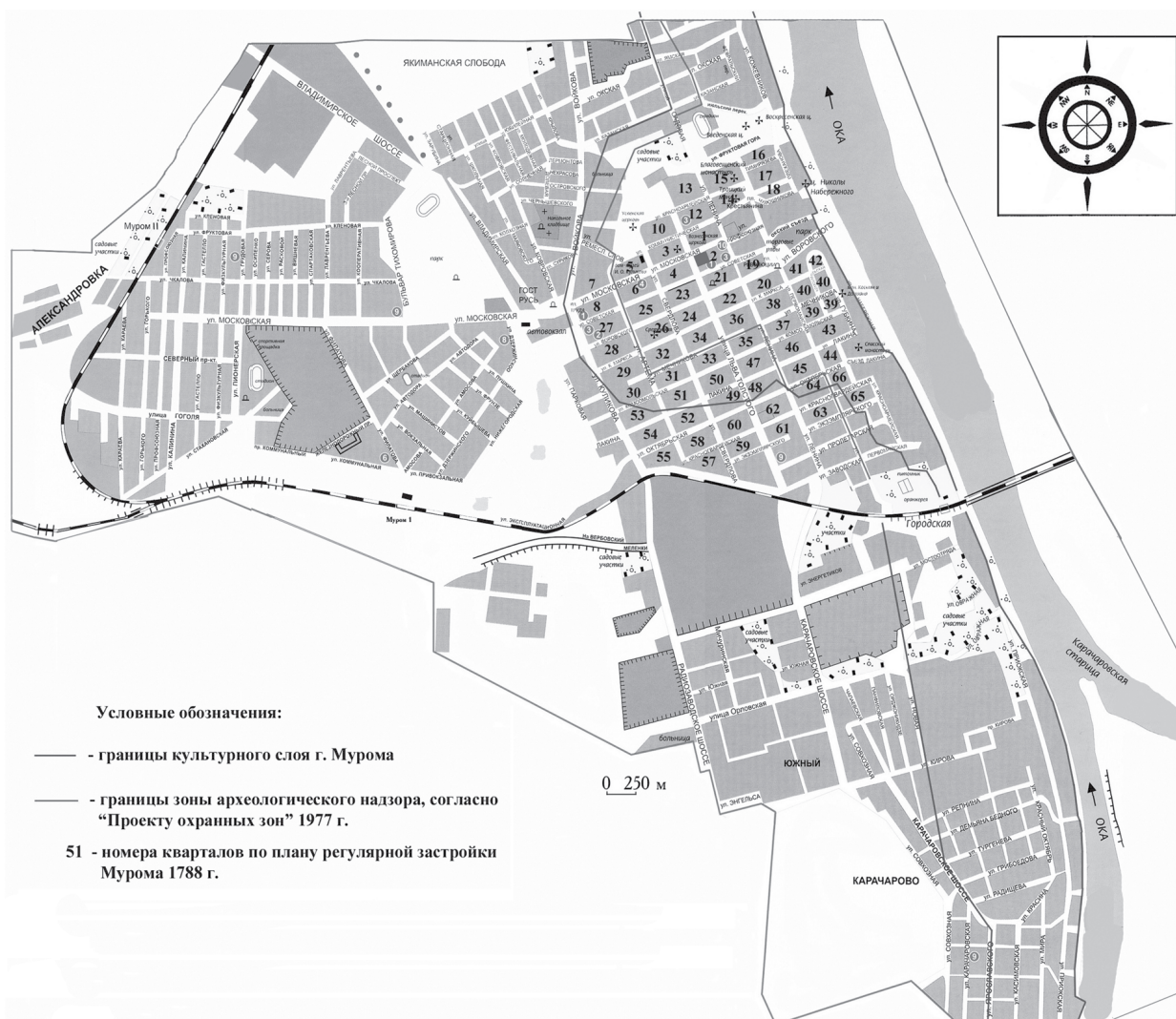

Рис. 2. Схематический план расположения границ культурного слоя г. Муром.

■ Место разбивки раскопа по адресу ул. Московская, д. 18

Московской) от интересующего нас дома расположен еще один жилой дом, также двухэтажный (ул. Московская, 20).

Раскоп площадью 38 кв. м. был разбит в свободном пространстве между жилыми домами № 18, 20 по ул. Московская (Рис. 3). Раскоп ориентирован с юго-востока на северо-запад (отклонение от оси север — юг на 43°). Современная дневная поверхность раскопа представляет собой сильно заросший сорняками участок огорода, где произрастали плодовые кустарники и береза. Поверхность участка имеет выраженный уклон к юго-востоку. Перепад высот достигает 17-20 см.

Исследование культурного слоя проводилось вручную. Раскоп был разбит на квадраты размерами 2×2 м; исследование культурного слоя в пределах раскопа, в том числе при разборе со-

оружий, велось пластами толщиной в 20 см.

Таким образом было снято 5 пластов, после чего был зафиксирован материк — светло-охристый суглинок с бурьми, красно-коричневыми пятнами и прожилками. Прослеживается понижение материка к югу, юго-востоку (максимальный перепад высот составил 6 см). В материке были зафиксированы несколько углублений — одно сооружение, 15 ям (из них 8 в сооружении 1) и 4 канавки (из них 3 в сооружении 1). Общая мощность культурных напластований составила 3,28 м с учетом заглубленных в материк объектов.

Наибольший интерес для нас представляло Сооружение 1, которое практически на 75 % вошло в площадь раскопа (Рис. 10). Его максимальная длина 400 см, ширина 320 см, максимальная глубина от уровня материковой поверхности (без

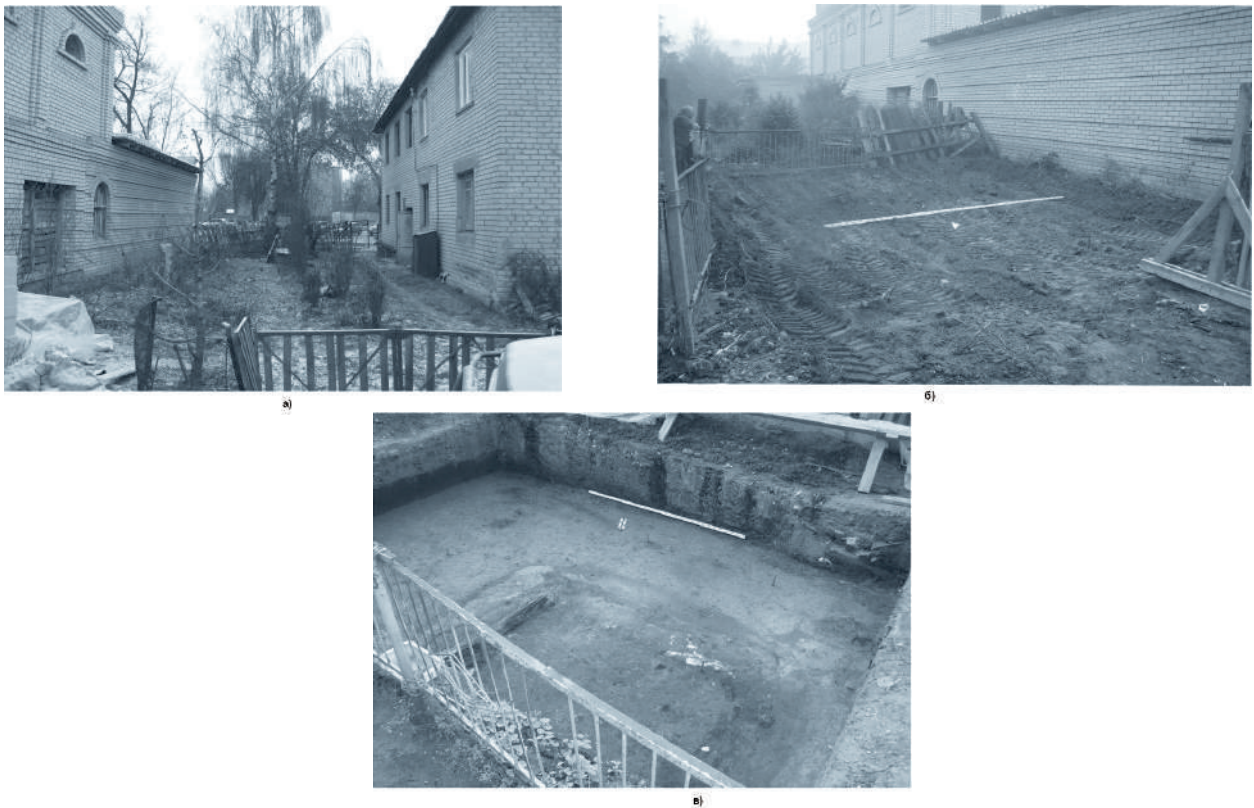

Рис 9. Владимирская область, г. Муром, ул. Московская, д. 18. а) Вид с ЮЮВ на участок исследований; б) Вид с севера на участок исследований до начала работ; в) Раскоп. Пласт 5. Вид раскопа с севера на уровне низа пласта

учета врезанных в дно объектов) — 160 см. Заполнение Сооружения 1 неоднородное. В нем прослеживаются три основных прослойки — темно-серый рассыпчатый гумус; темный серо-коричневый плотный гумус; в нижних пластах сооружения — светло-коричневый плотный гумус. В верхних пластах встречается достаточное количество светло-серой супеси и извести. Обязательным является присутствие многочисленных вкраплений красной кирпичной крошки и древесного тлена. Остальные включения в большинстве своем являются незначительными и представлены выклинивающимися линзами. Разрез Сооружения 1 читается в профиле северо-восточного борта раскопа.

Сооружение 1 имеет подквадратную форму, наклонные стенки и неровное дно, на котором читаются 8 ям и 3 канавки. Две канавки (№ 1, 3) проходят вдоль стенок Сооружения 1 — юго-восточной и северо-западной. В канавках встречены остатки деревянных плах. Еще одна канавка читается в центре Сооружения 1. Она ориентирована с северо-востока на юго-запад. Большую часть Канавки 2 занимала деревянная плаха длиной 114 см, шириной 25 см. Все три канавки при-

мыкают к комплексу из 8 ям, сосредоточенному в границах Сооружения 1. Ямы овальной и округлой формы, различного диаметра (самая большая диаметром 118 см), в заполнении каждой из них встречается древесный тлен.

Кроме Сооружения 1, на материке читаются 7 ям и 1 канавка. Группа ям (в количестве трех) примыкает к западному углу сооружения 1. По линии квадратов В 1, 2, 3, 4 вдоль юго-западного борта раскопа проходит граница перекопа XX в.

Что касается профилей бортов раскопа, самым информативным оказался профиль северо-восточного борта, где читается разрез Сооружения 1. По нему видно, что Сооружение 1 обозначилось в границах квадратов А 2, 3, 4 уже при разборке пласта 0, однако в профиле имеет слабо различимую верхнюю границу.

Керамический материал, собранный в ходе археологических раскопок на объекте по адресу ул. Московская, д. 18, объединяется в несколько керамических групп, таких же, как на объекте по ул. Воровского, д. 53 (Рис. 11)¹². Однако на ул. Московской, д. 18 встречаются и более ранние керамические группы.

Лепная домонгольская. Форма сосудов ба-

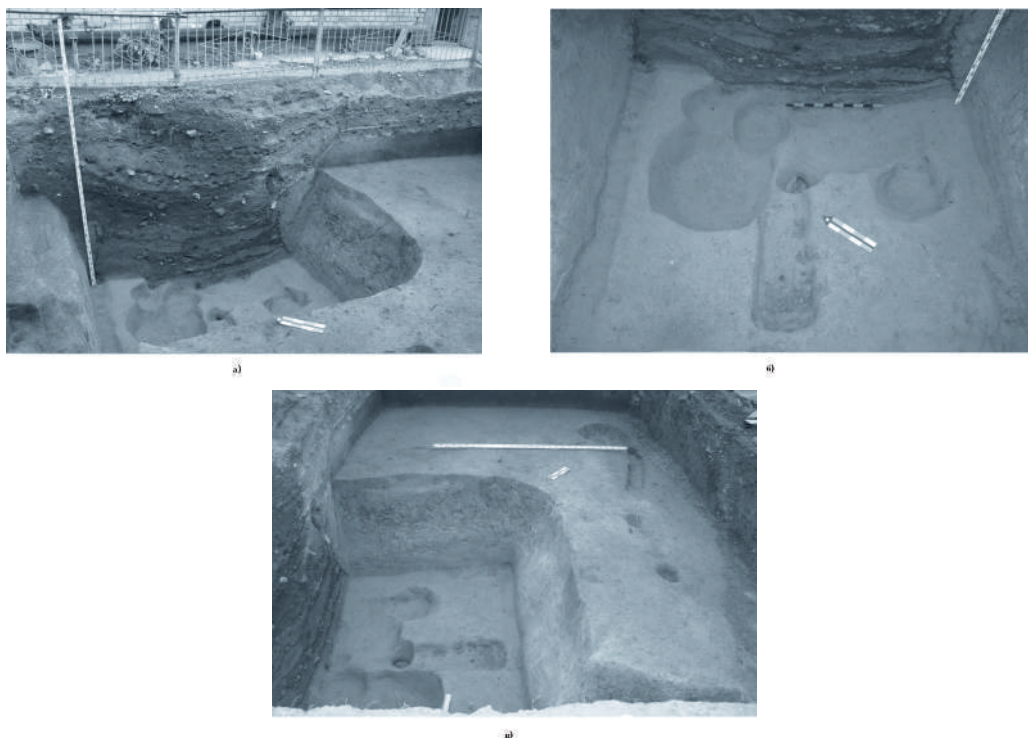

Рис. 10. Владимирская область, г. Муром, ул. Московская, д. 18. а) Раскоп. Зачистка по матерiku. Вид с запада; б) Раскоп. Вид донной части Сооружения 1 с юго-запада; в) Раскоп. Зачистка по матерiku. Вид с северо-запада

ночная, с чуть отогнутым венчиком, по краю которого могут быть косые насечки. Поверхность часто подлощена пальцами или пучком травы. В ходе работ встречен один фрагмент подобной

керамической группы.

Красная грубая. Датируется периодом XIII — середины XV вв. Цвет поверхности черепков изнутри — охристый, снаружи — темно-бурый. Венчик зачастую манжетовидный или высокий наклонный с приостренным краем. Часто украшена линейным орнаментом, ширина линий — 2 мм.

Далее следуют те же керамические группы, что и на ул. Воровского, д. 53: *красная гладкая* (XVI в.); *красная ангобированная*; *белая гладкая* — кон. XVI-XIX вв.; *чернолощенная* — данная керамическая группа относится к периоду середины XVI-XIX вв.; *мореная* — данная керамическая группа относится к периоду середины XVIII-XIX вв.; *белая поливная* — датируется серединой XVII-XX вв.; *красная поливная* — датируется временем с 30-х г. XIX-XX вв.

В данной керамической коллекции также значительно преобладала белая гладкая керамика (кон. XVI в.) — 47,4 % от общего количества.

Коллекция индивидуальных находок с данного объекта составила 152 предмета, среди которых красноглиняные, белоглиняные и чернолощенные курительные трубки (7 шт.), бутылочные клейма (10 шт.), фрагменты красноглиняных полихромных изразцов (5 шт.), банки косметические керамиче-

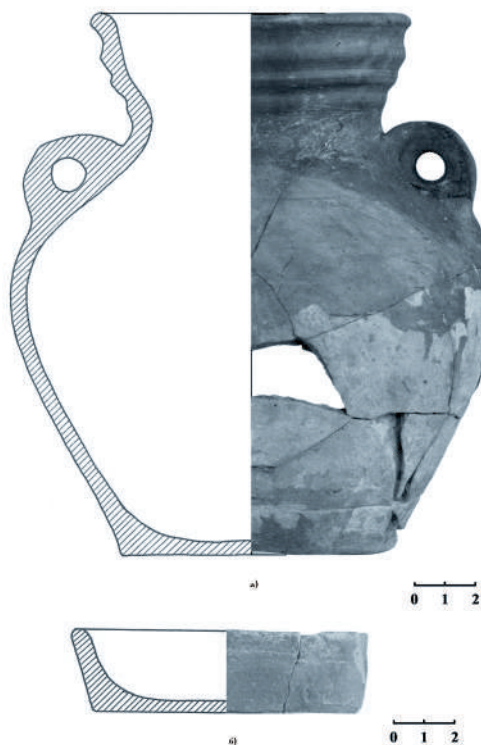

Рис. 11. Владимирская область, г. Муром, ул. Московская, д. 18
а) Пласт 10. Кв. Б-3. Водолей чернолощенный;
б) Пласт 2. Кв. А-4. Плошка красноглиняная поливная

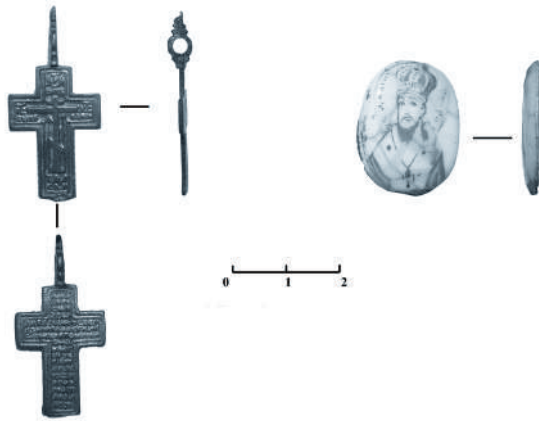

Рис. 12. Владимирская область г. Муром, ул. Московская, д. 18. Индивидуальные находки: крест нательный, медный сплав, литье. Вторая пол. XVIII-XIX в.; вставка бронзовая с эмалью

ские (3 шт.), кости со следами обработки (12 шт.), наконечник стрелы железный, грузила рыболовные, пуговицы железные, монеты XVIII-XX вв. (44 шт.), крест нательный медного сплава, вставка бронзовая с эмалью («Димитрий Ростовский»).

В коллекции находок необходимо особо отметить следующие (Рис. 12):

— монета серебряная 1 рубль 1741 г.¹³. Монета круглая, диаметром 41 мм, весом 25,85 г. Гурт с надписью: «С. ПЕТЕРБУРХСКАГО МОНЕТНАГО ДВОРА» (слова надписи разделены декоративными розетками). На аверсе поясной портрет императрицы Елизаветы Петровны без щитков в наплечниках, без броши/кулона на груди; голова императрицы среднего размера, ухо закрыто локонами, локон спускается на шею; украшение на груди шнуровкой. Вокруг портрета императрицы надпись с ее титулом и именем: БМ ЕЛИСАВЕТЫ ИМП И САМОДЕРЖ ВСЕРОС. Под портретом императрицы аббревиатура монетного двора «СПБ». На реверсе в центре изображен двуглавый орел, над ним большая корона, контур хвоста орла острый без остей между перьев; на плечах орла цепь ордена, кольца в цепи ордена маленькие, в цепи ордена розетки; орлы с языками, короны орлов закрытые с крестами. В лапах двуглавого орла скипетр и держава, крест

державы простой, на конце скипетра крестик. По окружности реверса легенда: «монета рубль»; над орлом год чеканки — 1741. Точек в легенде нет, дата разделена короной, в легенде нет разделяющих знаков, цифры даты расположены широко.

— вставка бронзовая с эмалью¹⁴. Это образец с изображением святого Димитрия Ростовского. Датируется второй половиной XIX в. Эмаль, медь, серебро. Образок овальной формы размером 2,7x2,2 мм. Мог служить и вставкой в церковный сосуд — потир;

— крест нательный¹⁵. Медный сплав, литье. Вторая пол. XVIII-XIX в. Размеры 38x18 мм. Крест четырехконечный с прямоугольными лопастями. Углы средокрестия прямые. На лицевой стороне креста в центральной части рельефное изображение восьмиконечного Голгофского креста, у которого верхний конец возвышается над перекладиной и отсутствует изображение Распятого. Над крестом в две строки под титлами надпись Царь Славы, в изножии находится Глава Адамова с одноименной монограммой ГА. Также в основании креста расположена монограмма НИ (Ника, Победитель). На боковых оконечностях — монограммы ИС и ХС под титлами. По сторонам Голгофского креста, под его основной перекладиной — монограммы Сын Божий. Все монограммы рельефные. На оборотной стороне креста воспроизведен текст псалма 67 («Да воскреснет Бог, и разыдутся врази Его...»). Оглавие креста имеет вид плоского ушка с тремя венцами вверху, символизирующими Святую Троицу.

В качестве заключения по раскопу на ул. Московской, д. 18 можно сказать, что в результате работ были зафиксированы культурные напластования XVIII-XX вв., отмечена сильная переотложенность слоя. Полученные в процессе исследований материалы в большинстве своем находятся в переотложенном состоянии. Обнаруженные фрагменты разновременных керамических изделий являются образцами массового материала и датируются преимущественно XIII-XX вв.

¹³ План старого Муром в копии со специального геометрического плана, сочиненного капитан-лейтенантом Пылаевым в 1769 году. Копия выполнена в 1917 году И. П. Мяздриковым // Архив МИХМ (М-12 225).

¹⁴ План городу Мурому с означением дворовых мест («План

И. М. Лема»; 1788 г.). Копия выполнена в 1917 г. И. П. Мяздриковым // Архив МИХМ (ММ-31 313).

¹⁵ Розенфельдт Р. Л. Московское керамическое производство XII-XVIII вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. — М., 1968. — Вып. Е1-39.

⁴ Рылов И., Соболин В. Монеты России и СССР: Каталог. — М., 1992.

⁵ Волков И. В. Частная коллекция «турецких» курительных трубок из Москвы. — М., 2006.

⁶ Археология севернорусской деревни X-XIII вв. — М., 2008. — Т. 2.

⁷ Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. — М., 1972.

⁸ Пололях А. А. Фаянсовые изделия заводов Я. Т. и С. Т. Фартальных // Археология Подмосквья. Материалы научного семинара. — М., 2007. — Вып. 3.

⁹ План старого Муром в копии со специального геометрического плана...

¹⁰ Чернышев В. Я. Московская улица (социальноэкономическая история XVII — начала XX вв.). — Муром, 2005.

¹¹ План уездного города Муром 1864 года // Архив МИХМ (М-12 226).

¹² Розенфельдт Р. Л. Указ. соч.

¹³ Рылов И., Соболин В. Указ. соч.

¹⁴ Ханенко Б. И., Ханенко В. Н. Кресты и образки // Древности русские. — Киев, 1900. — Вып. 2.

Л. Е. Зуева (Муром)

СОЦИАЛЬНО-ТОПОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ГОРОДОВ ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЙ РУСИ

Становление социально-топографической структуры древнерусского города шло двумя путями: в первом варианте сначала возникал укрепленный центр — детинец — а затем формировалось торгово-ремесленное предградье (посад); второй путь предполагал наличие торгово-ремесленных поселений, а уже потом строительство крепости-детинца. С того момента, когда эти два элемента — детинец и посад — объединялись, возникал древнерусский город. Формирование социально-топографической структуры города Владимиро-Суздальской Руси мы рассмотрим на примере трех главных городов земли: Ростова, Суздаля и Владимира, по мере необходимости будут привлекаться сведения о Юрьеве-Польском.

Удобство и безопасность служили исходными предпосылками при выборе места для постройки города, а они гарантировались, в первую очередь, особенностями ландшафта данной местности. Такую защиту могли дать и возвышенность, и реки, и даже болота, окружавшие поселение¹. Города Владимиро-Суздальской Руси в основном своем большинстве возникали вблизи рек: Ростов — на Пижерме, Суздаль — на Каменке, Владимир, Ярополч-Залесский и Гороховец — на Клязьме, Ярославль — на Волге, Юрьев-Польской — на берегу Колокши, Переславль-Залесский — на берегу реки Трубеж, Москва — на реке Москве. Такое местоположение обеспечивало новому городу естественную линию защиты и хороший торговый путь.

С момента возникновения основным отличительным внешним признаком городского по-

селения было наличие укрепления, крепостного сооружения, вокруг которого и концентрировалась собственно «городская» жизнь. Изначально «город», как это показывает само слово, обозначало огороженное место, своего рода «военное укрепление», в котором спасались во время нападений врага жители близлежащей округи. Этот свой признак, типичный и для большинства западноевропейских городов, русский город сохранил в течение многих веков. Основным видом городских укреплений на Руси XII-XIII вв. были деревянные стены. Вместо выражения «построить» наши предки говорили «срубить» город. Так, летописный источник под 1194 годом сообщает: «Князь великий Всеволод заложи град Переяславль, месяца июня 29 день. Того же лета и срублен бысть»². На создание и поддержание стен затрачивались немалые средства. Поэтому забота о них, типичная для средневековых городов Западной Европы, была хорошо знакома русским горожанам. Строитель городских укреплений, «городник», был важной фигурой в Древней Руси³.

Большое значение для защиты города имели валы, составлявшие сами по себе солидную преграду, обычно подкрепленную городскими стенами или частоколом. Археологические материалы помогают расширить представления о городских укреплениях. Например, защитные сооружения Сарского городища под Ростовом Великим, относящиеся к XI-XIII вв., состояли из валов и деревянных укреплений. «В самом начале обитания городища был сооружен первый вал для защиты наиболее слабой линии — со стороны поля;

со стороны вершины луки был срублен тын (тын, как городская стена, делался частоколом⁴), который, вероятно, шел и вдоль обрывов, и по гребню первого вала. Спустя относительно небольшой промежуток времени, тын, огораживавший площадь городища от вершины луки (лука — излучина, заворот реки⁵), был заменен валом (вторым), причем, как и при насыпке первого вала, в основание его были положены сплошной полосой бревна или плахи и обожжены⁶.

Стольный град Владимир также был хорошо укреплен. На всем протяжении город опоясывали насыпные земляные валы с шедшей по их гребню рубленой деревянной стеной. С запада войти в город можно было через Золотые ворота. Они сохранились до сих пор и представляют собой древнерусский памятник оборонительного зодчества. Деревянные стены и валы были типичны для городов XII — начала XIII вв., но уже в середине XII в. во Владимиро-Суздальской земле появляются первые каменные крепости. Княжеский город-замок Боголюбово, по словам летописи, был построен из камня: (Андрей Боголюбский. — Л. З.) «создал себе город камен»⁷. Археологические экспедиции Н. Н. Воронина в 1934-1954 гг. подтвердили слова летописца: на южном склоне замкового холма были открыты остатки основания из белого тесаного камня стены или башни, а на гребне западного вала — подошва мощного фундамента стены, сложенная из булыжника на известковом растворе⁸.

Структура владими́ро-суздальских городов состоит из двух характерных для большинства древнерусских городов элементов: детинца — укрепленного центра города и посада, где проживала основная масса ремесленников и торговцев. Тщательно изучавший социальную топографию древнего Владимира Н. Н. Воронин называет три составные части планировочной структуры города, отдельно выделяя торг⁹.

Следует заметить, что происхождение термина «детинец» имеет несколько толкований. Наиболее распространена версия, производящая его от слова *детский* — княжий дружинник¹⁰. Историками давно замечено, что детинцем называлось центральное, внутреннее укрепление, противопоставленное внешнему поясу обороны — окольному городу¹¹, то есть детинец оформлялся лишь тог-

да, когда город получал вторую, внешнюю стену. Первоначально «детинец» имел разные толкования, но уже в конце XII в. он, безусловно, обозначает «внутреннюю», княжескую крепость. Так, в 1194 году князь Всеволод внутри владимирской крепости ставит свой двор, обносит его стенами, и новая крепость получает наименование детинец¹².

А. Д. Варганов, проводивший в Суздале масштабные археологические исследования в 30-40-е гг. XX века, представил такую схему древнего города: «В южной части города на возвышенном берегу находится кремль, обнесенный земляными валами; с юга, запада и севера он омывается рекой, с востока его отделяет сухой ров. В восточной части, за кремлевским рвом и валом, расположен посад. За посадом вдоль берега располагаются монастыри и их слободы, за рекой — слободы и стороны»¹³. Археологи М. В. Седова и Д. А. Беленькая относят городище Суздаля к типу сложных, представляющих собой соединение двух оборонительных систем — детинца (кремля) и окольного города (острога или предградья)¹⁴.

Детинец-крепость обычно строился на естественном возвышении, как во Владимире и Суздале, и был хорошо укреплен. Сама природа очертила контуры княжеской крепости во Владимире: с юга ее границей были кручи, обрывавшиеся к Клязьме, с севера — крутые склоны долины речки Лыбеди, с запада в плато врезались глубокие овраги (на месте современных Ерофеевского и Муромского спусков), с востока границы города определялись подобными же оврагами. По всему периметру крепости горододельцы Владимира Мономаха насыпали огромные земляные валы с деревянными стенами на их гребне. Общая длина пояса валов детинца составляла 2,5 км¹⁵.

При Всеволоде Большое Гнездо (1176-1212 гг.) происходит большое городское строительство по всей Владимиро-Суздальской земле. В Лаврентьевской летописи под 6702 годом (1194) читаем: «Того же лета заложи благоверный князь Всеволод Юрьевич детинець, в граде Володимери, месяца июня в 4 день на память святого Митрофана патриарха Костянтинаграда»¹⁶, в 1192 году выстраиваются рубленые стены Суздальского кремля¹⁷; а в 1195 г. Всеволод закладывает деревянный «город» по гребню ва-

лов Переславля-Залесского, законченный в том же году¹⁸.

Н. Н. Воронин, предпринявший в 1936-37 годах раскопки владимирского детинца, приходит к выводу, что его ворота находились против городского собора, стена детинца ограждала собор и южную часть среднего города и отделяла этот участок от остальной городской территории¹⁹. В отличие от детинца Владимира, расположенного на высоком холме, крепость, давшая начало городу Ростову, возникла на неудобном низком участке побережья. Особенностью его топографического положения было нахождение на открытом, лишенном естественных оборонительных рубежей месте, близ кромки берега реки Пижермы²⁰. Схожий пример дает нам и возникновение Юрьев-Польского, построенного на равнинной местности горододелцами Юрия Долгорукого и названного в его честь. Укрепленный центр города (детинец) построен в низкой долине, среди бескрайних полей Залеской земли, недалеко от реки Колокши. Крепость города была обнесена высокими валами с деревянными стенами. Ее периметр достигал 1000 м, а вал, шириной в основании 12 м, имел высоту до 7 м²¹.

В отечественной исторической науке утвердилось мнение, что в детинце-крепости с древнейших времен располагалась княжеская резиденция, размещалась дружина и зависимое обслуживающее население, а на посаде — ремесленники и купцы²². Однако некоторые исследователи предлагают и несколько иные схемы социальной структуры древнерусского города. Так, М. Х. Алешковский высказывает предположение, что княжеский двор первоначально находился за стенами крепости-детинца, так как его территория была занята жрецами и вечем²³. Имеется также мнение, что в древнейших городах крепость служила в первую очередь складом, где хранились запасы, имущество членов городской общины. Складские клетки в военное время могли служить для временного проживания их владельцев²⁴. Н. Н. Воронин полагал, что в детинце располагались князь, боярская аристократия и духовенство, здесь сосредоточивались органы власти и управления. «Каменный панцирь детинца стал между княжеско-епископским двором и городом, он гарантировал безопасность владимирских владык от неожиданных осложне-

ний и прикрывал их хоромы и храмы от опасного соседства горючего деревянного города»²⁵.

В изучении внутренней социально-топографической структуры древнерусского города особое внимание уделяется посаду. М. Н. Тихомиров считал появление городских посадов новым и важным явлением в истории русских городов²⁶. Вывод Тихомирова поддержал Б. Д. Греков, утверждавший, что только «городской посад» и являлся городом в социально-экономическом значении этого термина²⁷.

В XII — начале XIII вв. увеличившееся городское население уже не могло вмещаться в узкие пределы детинцев, горожане стали селиться перед стенами крепости, в качестве защиты воздвигая новые стены. Так возник посад. Термин «посад», «посадские» с течением времени претерпел изменения и в XVI-XVII вв. стал означать особую социальную городскую структуру. Но в данном исследовании «посад» понимается как поселение, окружающее крепость-детинец. Посад (или часть его) мог быть охвачен своей линией укреплений. Эта укрепленная часть посада именовалась окольным, внешним городом, острогом.

Исследователь древнерусских городов П. П. Толочко, анализируя демографическую ситуацию Северо-Восточной Руси в целом, отмечает два демографических пика: первый приходится на XI — начало XII вв. и связан со значительным увеличением в регионе сельского населения, другой — на XII-XIII вв. и характеризуется бурным ростом городов²⁸. Говоря о посаде, отметим, что его рост в основном шел за счет пришлого населения. Кого можно включить в состав этого пришлого населения? По мнению М. Н. Тихомирова, и с ним нельзя не согласиться, наиболее постоянный приток в древнерусские города должен был происходить за счет сельского населения и беглых холопов²⁹. Селяне и холопы оседали в городе и включались в его торгово-ремесленную жизнь. Из Русской Правды узнаем о сетовании на беглого холопа, который обманом получит деньги или «бегая, добудет товара». Если господин отыщет своего холопа («Аже кто своего холопа самъ досочитья въ чьемъ любо городе»), то посадник дает ему своих людей для поимки беглеца³⁰.

Летописные тексты также дают сведения о том, что Владимир, являвшийся раньше зависи-

мым от Ростова городом, был населен большим количеством пришлых людей: «То суть наши холопы, каменщицы (каменщики)», — говорили ростовцы, обращаясь к «младшим» владимирцам³¹. М. Н. Тихомиров высказывает мнение, что жители Владимира названы холопами, так как ростовцы видели в них потомков зависимых людей, княжеских каменщиков. Эти прозвища отражают действительное происхождение владимирского посада из первоначального поселения различного зависимого люда, среди которых выделялись каменщики³². Выражение «наши холопы» следует понимать не фигурально, а буквально, ибо в город устремлялось беглое холопье население.

Устав о холопах Русской Правды (ст. 110-121) говорит о причинах бегства холопов от своих хозяев в город и показывает на конкретном материале, как преломлялись отношения несвободы в условиях городской жизни³³. В городе беглое население старалось завоевать не только личную свободу, но и экономическую самостоятельность. Например, здесь холоп даже мог заключать сделки по поручению господина, которые признавались действительными³⁴. Устав о холопах поднимает в интересах господ вопрос о поимке и возврате зависимых от них людей, бежавших в город. Трудность поисков холопов «в чьем-либо городе» позволяла предприимчивым людям скрываться от преследования своих господ.

Посад, как правило, был больше территории детинца и отличался от него социальным составом населения. Основная масса жителей посада принадлежала к ремесленникам и торговцам, для которых особенно важно было иметь удобный доступ к воде, в большом количестве требовавшейся для таких ремесел, как гончарное и кожевенное. Поэтому, если крепость, населенная княжескими слугами и дружиной, стремилась взгромоздиться на вершины холмов, предградье спускалось вниз, к реке³⁵. Вместе с тем жители посада старались селиться в непосредственной близости к стенам крепости, служившей защитой для новых поселенцев. Территория посада делилась на улицы и концы. Расселение людей по роду занятий характерно для городов Владимиро-Суздальской Руси. Так, в исторической топографии Владимира сохранились названия улиц — Гончары и Ременники.

В советской историографии утвердилась точ-

ка зрения, что детинец по своему социальному составу был княжеско-аристократическим, а посад — торгово-ремесленным. М. Н. Тихомиров противопоставляет две топографические части города — детинец и посад: «Рядом с детинцем росли поселения ремесленников и купцов, оседавших за пределами стен замка, создавались два городских мира: княжеский и свободный (торгово-ремесленный)»³⁶. Однако, по мере накопления новых археологических данных исследователи вынуждены были отказаться от столь категоричных суждений о расселении горожан. Археологические раскопки в Суздале и Владимире открыли следы развитого ремесла в аристократических кварталах детинцев и усадьбы аристократов на территории городских посадов. Так, изучение окольного города (посада) Суздаля позволяет говорить о том, что посад был заселен в основном торгово-ремесленным людом. Но раскопками зафиксированы остатки большой по площади усадьбы (600-800 м²), заставляющие предположить, что владельцем ее мог являться феодал. На территории одной такой усадьбы размещались две меднолитейные мастерские, что связано, видимо, с тем, что ремесленники находились в зависимости от владельца усадьбы³⁷. Исследователь П. П. Толочко на этом основании считает, что как ремесленно-торговые поселения могли быть в княжеско-аристократическом детинце, так и на территории торгово-ремесленного посада могли располагаться дворы аристократии. По его мнению, ремесло и торговля в древнерусских городах носили феодальный характер и развивались (особенно это относится к ремеслу) не столько на свободной городской основе, сколько в рамках вотчинного сектора экономики³⁸. Концентрация крупных вотчинников в городах была довольно высокой: они не помещались в пределах сравнительно небольших детинцев и даже окольных городов; их усадьбы находились также и в предградьях³⁹.

Центрами экономической и общественной жизни городских посадов, как показали исследования М. Н. Тихомирова, являлись «торги» или «торговища»⁴⁰. Во Владимире торг находился за пределами укрепленного детинца, в Печерном городе (городе Мономаха, Среднем городе), по видимому, недалеко от Успенского собора. Также на посаде было местоположение торгового рынка в Суздале.

Исследователи полагают, что торг, как правило, возникал вне городских стен, за их чертой, там, где селились пришлые ремесленники и купцы, но в непосредственной близости к городским воротам⁴¹. Если предположить, что крепость-детинец был первоначальным центром города, то торг нужно считать вторым элементом, возникновение которого тесно связано с оседанием в городе новых жителей.

Торг был наиболее оживленным местом города, здесь обычно воздвигалась церковь. Во Владимире это была церковь Воздвиженья на торгу. Соседство торгового и церковного не случайно, так как в церковной компетенции находился контроль над правильностью мер и весов. В день открытия торгового перед храмом поднимался крест или флаг — это означало, что торг охраняется церковью или княжеской властью⁴².

На территории древнерусского города обязательно находились несколько церквей, соборов, монастырей. Во Владимире, Суздале и Ростове в XII — первой трети XIII вв. церквей имелось по несколько десятков. Так, по случаю страшного пожара во Владимире Залесском (1185), которым был охвачен почти весь город, летопись упоминает 32 погоревшие церкви, а в 1227 году, когда пострадала половина города — 27 церквей. Во время большого ростовского пожара (1160) сгорело 15 церквей, а в Ярославле такой же пожар уничтожил 17 храмов⁴³. Каменные церкви и соборы служили не только церковным и декоративным целям; они были одновременно надежными складскими помещениями для хранения товаров и казны, а также библиотеками⁴⁴.

Города Владимиро-Суздальской Руси окружали села и загородные усадьбы аристократии. Городские предместья были важным элементом социально-топографической структуры города. Мы знаем о существовании сел, подаренных Андреем Боголюбским Успенскому собору, из текста Лаврентьевской летописи: «И дал ей много имения, и с даньми и села лепшая»⁴⁵. Летописи часто упоминают город вместе с расположенными рядом сельскими поселениями. В случае военных действий, как правило, они несли ущерб вместе. Так, летописец сообщает: «Того же лета (1177) Глеб ходи к Москве, пожже город и села»⁴⁶. Можно вслед за П. П. Толочко согласиться с тем, что

города Древней Руси были органически связаны с сельской местностью: пригородными княжескими и боярскими усадьбами-селоми и монастырями⁴⁷. Схожую точку зрения высказывает и известный современный археолог, директор Института археологии РАН Н. А. Макаров. Тщательно изучив находки из селищ (поселений сельского типа) в Суздальском Ополе, он сделал вывод о присутствии «городских элементов» в материальной культуре суздальской округи и о высоком благосостоянии ее обитателей, а также выдвинул гипотезу о проживании в селищах городской землевладельческой элиты⁴⁸.

Внешний вид города в первую очередь зависит от застройки его зданиями. Реконструировать внутреннюю топографию владими́ро-суздальских городов нам помогают археологические материалы. Древнерусские города занимали довольно небольшие площади. К началу XIII века городская территория Ростова составляла около 200 га, Владимира — примерно 145 га, Суздаля — 49 га⁴⁹.

С середины XII века во Владимире развернулось масштабное каменное строительство: появляются монументальные Золотые ворота (1158-1164), Успенский (1158-1161) и Дмитриевский соборы (1194-1197), Рождественский (1192-1195) и Успенский (Княгинин — 1200-1201) монастыри, к построенному ранее двору Юрия Долгорукого добавляется княжеский дворец Андрея Боголюбского и великого князя Всеволода. Кроме перечисленных зданий, каменными, вероятно, были дворы епископа, тысяцкого и посадника, дома бояр и богатых купцов. Так, в Суздале находился ряд каменных построек: большой кирпичный собор Успения, княжеский двор, монастырь Козьмы и Демьяна (начало XII в.), Ризположенский монастырь (1207), в 1152 году поблизости от устья реки Каменки появился княжеский замок, укрепленный валами, а при нем белокаменный храм.

Как во Владимире, так и в Суздале, почти сразу за городским рынком начинался посад, где дома и храмы были исключительно деревянными. У простых жителей — небольшие одноэтажные строения. Так, в Суздале были раскопаны полуземлянки площадью 16-20 м².⁵⁰ Один дом от другого отделялся частоколом (тыном). В условиях городской жизни у соседей нередко возникали споры о границе дворов. Это объяс-

няет появление в Пространной Русской Правде наказания тому, кто перегородит дворовую между тыном («дворную тыномь перегородить межю») ⁵¹. Дворы, огороженные плетнем и тыном, составляли пейзаж типичной городской улицы Древней и средневековой Руси. Величественные каменные здания города — княжеские и епископские — соседствовали с избами торгово-ремесленного люда.

О расположении улиц во Владимиро-Суздальских городах известно мало. Н. Н. Воронин полагает, что во Владимире была одна центральная улица, тянувшаяся по всей длине города от Серебряных (выходили на дорогу к Суздаю) до Золотых ворот ⁵². Исследователь А. Е. Леонтьев, учитывая топографические особенности Ростова, отмечает, что не вся городская территория была равномерно освоена и имела уличную застройку ⁵³. С конца XII — начала XIII вв. посады делились на

более дробные административно-территориальные структуры, так называемые концы ⁵⁴. М. В. Седова и Д. А. Беленькая подтверждают археологическими материалами плотное заселение суздальского посада в середине XII века ⁵⁵. От того, что большая часть города была деревянной, случались частые пожары, когда выгорал почти весь город.

Итак, начальной точкой роста и развития древнерусских городов является детинец — крепость, заселенная преимущественно княжеско-боярской и духовной аристократией. Рядом со стенами детинца простирался посад, чьим населением были преимущественно торгово-ремесленные слои. По мере роста и развития городов увеличивалась в размерах и совершенствовалась их оборонительная система. Данная социально-топографическая модель древнерусского города оставалась универсальной на протяжении столетий.

¹ Город в средневековой цивилизации Западной Европы. — М., 1999. — Т. 1. — С. 140.

² Владимирский летописец // Полное собрание русских летописей. — М., 1965. — Т. 30. — С. 78.

³ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. — М., 1956. — С. 241.

⁴ Даль В. И. Толковый словарь русского языка. — М., 2001. — С. 661.

⁵ Там же. — С. 375.

⁶ Эдинг Д. Сарское городище. — Ростов Ярославский, 1928. — С. 24-26.

⁷ Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. — М., 1997. — Т. 1. — Стб. 367.

⁸ См.: Воронин Н. Н. Владимир, Боголюбovo, Суздаль, Юрьев-Польской. Книга-спутник по древним городам Владимирской земли. — М., 1967. — С. 109.

⁹ Воронин Н. Н. Социальная топография XII-XIII вв. и «чертеж» 1715 г. // Советская археология. — М., 1946. — Т. 8. — С. 145.

¹⁰ Засурцев П. И. Новгород, открытый археологами. — М., 1967. — С. 14.

¹¹ Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X-XIII вв. — М.-Л., 1956. — С. 195.

¹² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.-Л., 1950. — С. 334.

¹³ Варганов А. Д. Из ранней истории Суздаля (IX-XIII вв.) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра. — М., 1946. — Вып. 12. — С. 127.

¹⁴ Седова М. В., Беленькая Д. А. Окольный город Суздаля // Древнерусские города. — М., 1981. — С. 95.

¹⁵ Воронин Н. Н. Указ. соч. — С. 14.

¹⁶ Лаврентьевская летопись. — Стб. 411.

¹⁷ Там же. — Стб. 409.

¹⁸ Там же. — Стб. 412.

¹⁹ Воронин Н. Н. Оборонительные сооружения Владимира XII в. // Материалы и исследования по археологии СССР. — М., 1940. — № 11. — С. 217.

²⁰ Леонтьев А. Е. Заметки о ранней истории Ростова // Сообщения Ростовского музея. — Ростов, 1991. — Вып. 1. — С. 5.

²¹ Воронин Н. Н. Владимир, Боголюбovo, Суздаль, Юрьев-Польской. — С. 258.

²² Очерки истории СССР. Период феодализма. — М., 1953. — Ч. II. — С. 70; Смирнов П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. — М.-Л., 1947. — Т. I. — С. 19; Куза А. В. О происхождении древнерусских городов // Краткие сообщения института археологии. — М., 1982. — Вып. 146. — С. 9.

²³ Алешковский М. Х. Повесть временных лет. — М., 1971. — С. 126.

²⁴ Мокеев Г. Я. Черты своеобразия в структурах городов восточных и западных славян // Архитектурное наследие. — М., 1975. — № 23. — С. 8.

²⁵ Воронин Н. Н. Оборонительные сооружения Владимира XII в. — С. 223.

²⁶ Тихомиров М. Н. Указ. соч. — С. 44-51.

²⁷ Греков Б. Д. Киевская Русь. — М., 1953. — С. 103.

²⁸ Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. — Киев, 1989. — С. 192.

²⁹ Тихомиров М. Н. Указ. соч. — С. 47.

³⁰ Русская Правда пространной редакции // Памятники права Киевского государства X-XII вв. — М., 1952. — Ст. 114. — С. 136.

³¹ Лаврентьевская летопись. — Стб. 374.

³² Тихомиров М. Н. Указ. соч. — С. 50.

³³ Древнерусское государство и его международное значение. — М., 1965. — С. 274-275.

³⁴ Русская Правда пространной редакции. — Ст. 117-119.

³⁵ Тихомиров М. Н. Указ. соч. — С. 244.

³⁶ Там же. — С. 45.³⁷ Седова М. В., Беленькая Д. А. Указ. соч. — С. 114.³⁸ Толочко П. П. Указ. соч. — С. 157-158.³⁹ Там же. — С. 158.⁴⁰ Тихомиров М. Н. Указ. соч. — С. 248-252.⁴¹ Там же. — С. 248.⁴² Барышников М. Н. История делового мира России. — М., 1994. — С. 8.⁴³ Лаврентьевская летопись. — Стб. 392, 449, 351.⁴⁴ Тихомиров М. Н. Указ. соч. — С. 258.⁴⁵ Лаврентьевская летопись. — Стб. 348.⁴⁶ Владимирский летописец. — С. 73.⁴⁷ Толочко П. П. Указ. соч. — С. 159.⁴⁸ Макаров Н. А. Результаты археологического изучения суздальских селищ // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. — 2003. — № 4. — С. 154-165.⁴⁹ Леонтьев А. Е. Указ. соч. — С. 5.⁵⁰ Седова М. В., Беленькая Д. А. Указ. соч. — С. 98-99.⁵¹ Русская Правда пространной редакции. — Ст. 72.⁵² См.: Воронин Н. Н. Владимир, Боголюбovo, Суздаль, Юрьев-Польской. — С. 18.⁵³ Леонтьев А. Е. Указ. соч. — С. 3-7.⁵⁴ Толочко П. П. Указ. соч. — С. 159.⁵⁵ См.: Седова М. В., Беленькая Д. А. Указ. соч. — С. 5-115.

М. М. Сывороткин (Муром)

МУРОМСКИЙ ЯЗЫК: БЫЛ ЛИ ОН?

Общепринятым в научном мире считается утверждение, что финно-угорские племена (*ме'ря*, *му'рома*, *меще'ра* и др.), жившие на европейской части России до прихода сюда славян, говорили каждый на своем языке. Как правило, лингвисты ссылаются на Лаврентьевскую летопись и приводят цитату одного из древнейших наших источников «Повести временных лет» (XI в.), которая вполне определенно говорит, кто в далекую старину заселял Верхнее и Нижнее Поволжье: «На Белоозере сидят Везь, а на Ростовском озере Меря, на Клещине озере Меря же; по Оце реце, где потече в Волгу, Мурома язык свой и Черемиси язык свой, Мордва свой язык»¹.

Во-первых, в этом источнике почему-то не упоминается не менее известное племя *мещера*, занимавшее огромные пространства на территории современной Рязанской, Владимирской и Нижегородской областей.

Во-вторых, например, мордва говорит на двух языках (мокша и эрзя), а все попытки современных финноугроведов «объединить» их в единый мордовский язык не увенчались успехом, т. к. по сути это два близкородственных, но самостоятельных языка. Кроме того, до настоящего времени сохранился и диалект шокшанского языка (с. Шокша в Теньгушевском районе Мордовии и в соседних населенных пунктах), который в своей основе является эрзянским. В-третьих, вполне возможно, что автор летописи, говоря «о своих языках», имел в виду тот факт, что языки эти не славянские, а «чу-

жие», «иные», непонятные для славян.

Целью данной статьи является попытка на основе исторических, лингвистических, топонимических и иных фактов определить, на каком языке предположительно говорила *мурома*. Не вызывает сомнения, что это было финно-угорское племя. Об этом говорят следующие факты.

Н. П. Третьяков пишет: «В третьей четверти 1 тыс. н. э. славянское население, расселившееся в Верхнем Поднепровье и смешавшееся с местными восточнобалтийскими группировками, при своем дальнейшем продвижении на север и восток достигло границ областей, издревле принадлежавших финно-угорским племенам. Это были *эсты*, *водь* и *ижора* в Юго-Восточной Прибалтике, *везь* на Белом озере и притоках Волги — Шексне и Мологе, *меря* в восточной части Волго-Окского междуречья, *мордва* и *мурома* на Средней и Нижней Оке»². И далее он продолжает: «Среди поволжских финно-угров наиболее многочисленными и достигшими сравнительно высокого уровня развития были мордовские и муромские племена, жившие в долине Оки, в среднем и нижнем ее течении. Широкая многокилометровая пойма Оки являлась прекрасным пастбищем для табунов лошадей и стад другого скота. Если взглянуть на карту финно-угорских могильников второй, третьей и последней четверти 1 тыс. н. э., то нетрудно заметить, что в среднем и нижнем течении Оки они тянутся сплошной цепочкой вдоль участков с широкой поймой, тогда как севернее — в области Волго-Окского междуречья и южнее,

по правым притоком Оки — Цне и Мокше, а также по Суре и Средней Волге древние могильники поволжских финно-угров представлены в значительно меньшем количестве и располагаются отдельными гнездами»³.

«По топографии расположенных в Муромском районе древних могильников, приписываемых археологами *муроме*, — пишет Л. М. Каптерёв, — можно заключить, что это племя занимало небольшую сравнительно территорию по левому берегу Оки. Само название *мурома*, с окончанием «*ма*» („река”, „вода” на языке местных народов), показывает на расселение племени по берегам рек — единственных во времена седой древности путей сообщения»⁴.

Вот какие сведения о расселении древней *муромы* приводит Н. Д. Русинов: «Для исчезнувшей *муромы*, народа, несомненно, угрофинского⁵ в Нижегородском Поволжье остается относительно небольшое место в низовьях рек Оки и Тёши и в бассейне р. Серёжи западнее верхней части бассейна р. Кудьмы. И это соображение согласуется со следующими факторами: а) только что указанная территория непосредственно примыкает к той, которая, по археологическим и древнеписьменным свидетельствам, была в прошлом основным местом обитания *муромы* (этноним *мурома* своей начальной частью *мур* родственен этнониму угрофинского народа *удмурт* и через стадию *мурт* — или *мурд* — восходит с древнеиранскому *мард* — человек)⁶ и находилась в восточной части междуречья Оки и Клязьмы, то есть на востоке современной Владимирской области⁷; б) именно на этом пространстве не оказалось географических названий на *—лей* (*ляй*) и *—гуши*, *—куши* мордовского происхождения; в) именно здесь не совпадают друг с другом, а расходятся в стороны Посережья (бассейна р. Серёжа) зоны употребления географических названий, содержащих *мещер*— и *мордов*— // *мордв*»⁸.

Таким образом, территорией расселения *муромы* следует признать лево- и правобережную часть бассейна р. Оки в ее среднем и нижнем течении с рядом впадающих притоков (Ушна, Тёша, Велетьма и др.) в пределах Владимирской и Нижегородской областей.

Естественно, что сохранившиеся на этой территории гидронимы и топонимы можно считать

весомыми аргументами в пользу предположения о том, что чисто муромского языка не существовало, а *мурома* как финно-угорское племя говорило на эрзянском языке ими весьма близком диалекте мордовского (эрзя) языка.

Эти предположения можно подтвердить такими данными. Первое. Многие гидронимы на указанной территории довольно легко объясняются фактами современного эрзянского языка, например: *Не'рль* — река во Владимирской области, приток р. Клязьмы, происходит от двух слов: ср. эрз *нер(ь)* «клюв (птицы)», «рыло, морда (у животных)», «остриё» и *—лей* «река»⁹, т. е. «река с изгибом» в форме клюва или морды животного. Если взглянуть на географическую карту, то это соответствует действительности. Аналогичную основу можно найти в названии деревни *Нершево* Вацкого района Нижегородской области. Ср. *Нерлей* — село в Большеберезниковском районе Мордовии. И. К. Инжеватов объясняет так: «В основе названия общемордовские слова *Нерь лей* „мыс у речки”. *Нерь* употребляется также в значении географического термина „исток” (речки *Нерлей* — правого притока Суры)»¹⁰. В живом эрзянском языке название сохранилось в первоизданном виде, а в русском языке конечно *—лей* в безударном положении редуцировалось.

Веле'тьма — правый приток Оки (напротив г. Муром). Ср. эрз. *веле* «рой (пчел)», *—ть* — показатель множественного числа, *—ма* «вода, река», т. е. «пчелиные рои у воды (реки)»¹¹. Общеизвестно, что бортничество — один из самых распространенных промыслов у мордвы. *Ку'дьма* — правый приток Оки (недалеко от Нижнего Новгорода). Ср. эрз. *кудо* «дом»¹² и *—ма* «вода», т. е. «дома у воды». *Пе'кша* — правый приток р. Серёжи (в низовьях). Ср. эрз. *пекше* «липа»¹³. До сих пор в этих местах растут липовые деревья. *Ушна'* — левый приток р. Оки (ниже г. Муром). Возможно, в основе лежит эрзянское *ушо* «улица, пространство, место вне жилых помещений, под открытым небом»¹⁴ с добавлением компонента *—на* (ср. *Двина*, *Шексна* и т. п.). Дело в том, что *Ушна* петляет по луговой левобережной пойме Оки (в отличие от других «лесных» рек и речушек). Вероятно, что и многие другие гидронимы на указанной территории имеют финно-угорское (эрзянское) происхождение.

Второе. Названия населенных пунктов, например: г. *Меленки* (Владимирская область), г. *Кулебаки* (Нижегородская область) в основе имеют древнее прозвище, характерное для финноугров (и славян), и *-ки* из эзянского «дорога, путь»¹⁵. Это типичные названия для многих эзянских поселений. Ср. р. п. *Шатки* (Нижегородская область), *Пу'рдошки* (Темниковский район Мордовии), *Ича'лки* — эзянское село и райцентр в Мордовии, *Лобаски* — эзянское село в Ичалковском районе Мордовии и т. п. *Ва'лтово* — деревня в Навашином районе и *Ва'лтырево* — деревня в Вачском районе Нижегородской области. Ср. эз. *валтомс* «спустить, опустить»¹⁶. Действительно, дер. *Валтово* (русс. суф. *-ово*) находится на пологом спуске к р. Серёже, а *Валтырево* — на крутом спуске. *Ва'строма* — деревня в Вачском районе. Ср. эз. *вастома* «встреча»¹⁷. *Ла'кша* — деревня в Богородском районе Нижегородской области. Ср. эз. *локшо* «кнут»¹⁸. *Салавирь* — деревня в Навашином районе Нижегородской области. Ср. эз. *салава* «тихо» и *вирь* «лес»¹⁹. *Чудиново* — деревня в Павловском и *Чудь* — деревня в Кулебакском районе с корнем *чуд-*, который по-древнерусски обозначал угрофиннов вообще.

Опираясь на приведенные выше факты археологии, истории, географии, лингвистики можно предполагать, что финно-угорская народность

мурома («водяные люди» или «люди, живущие у воды») говорила на мордовском-эзя языке или его близком диалекте. Причинами обособления от мордвы можно считать географическое положение по берегам рек, т. к. мордва (мокша и эзя) предпочитала селиться в лесных дебрях и жить в гармонии с дикой природой, обожествляя ее (как и всякие язычники). Кроме того, род занятий *муromы* несколько отличался от других племен (рыболовство, скотоводство, и, естественно, торговля с соседями по рекам). Отсюда возможны некоторые лексико-фонетические особенности, характерные только для *муromы*.

Причиной исчезновения *муromы* можно считать относительно раннюю ее ассимиляцию славянскими переселенцами (Спасо-Преображенский монастырь в Муроме начал строиться в конце XI века, а церковь Покрова на Нерли — в XII веке). Значительная часть племени, надо полагать, двинулась на юг, за Оку, на земли арзамасской мордвы-эрзи (*Арзама'с* из *эзя* и *мас* «центр», «земля», «территория», т. е. «эзянский центр, край», как и *Ряза'нь* из *эзянь* в русских говорах. А местные русские жители до сих пор называют «*Разама'с*»).

Следует добавить к сказанному, что *Нава'шино* (в десяти километрах от г. *Мурома* на правом берегу Оки) даже в середине XX века носило название *Мордо'вишки*.

¹ ПСРЛ. — Т. 1. — М., 1926. — С. 10-11.

² Третьяков Н. П. У истоков древнерусской народности. — Л., 1970. — С. 111-113.

³ Там же. — С. 113.

⁴ Каптерёв Л. М. Нижегородское Поволжье в 10-16 вв. — Горький, 1939. — С. 9-10.

⁵ Гордеев Ф. И. К вопросу о происхождении этнонима мари // Вопросы марийского языкознания. — Йошкар-Ола. — 1964. — С. 64-65; Кирьянов И. А. Архангельский собор // Горьковский рабочий. — 1985. — № 111. — С. 5.

⁶ Гордеев Ф. И. Указ. соч. — С. 65; Лыткин В. И. Этимология некоторых марийских слов // Вопросы марийского языкознания. — Йошкар-Ола, 1964. — № 1. — С. 61.

⁷ Смирнов А. П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // Материалы и исследования по археологии АН СССР. — 1952. — № 28. — С. 28.

⁸ Русинов Н. Д. Этническое прошлое Нижегородского Поволжья в свете лингвистики. — Н. Новгород, 1994. — С. 41-43.

⁹ Эзянско-русский словарь. — М., 1993. — С. 335, 410.

¹⁰ Инжеватов И. К. Топонимический словарь Мордовской АССР: Названия населенных пунктов. — Саранск, 1987. — С. 149.

¹¹ Эзянско-русский словарь. — С. 120.

¹² Там же. — С. 308.

¹³ Там же. — С. 467.

¹⁴ Там же. — С. 703.

¹⁵ Там же. — С. 258.

¹⁶ Там же. — С. 104.

¹⁷ Там же. — С. 112.

¹⁸ Там же. — С. 349.

¹⁹ Там же. — С. 564, 136.

СУЗДАЛЬ В X – НАЧАЛЕ XI ВЕКОВ

История Суздальского края богата и многогранна. Современная наука доказала, что первые люди на территории этого края появились приблизительно 25-30 тыс. лет тому назад. Уже в эпоху позднего оледенения на территории Суздальского края находилась знаменитая стоянка первобытных людей — Сунгирь.

В прошлом огромное пространство Волго-Окского междуречья было заселено финно-угорскими племенами — меря, мурома, мещера. В районе ополья жили племена меря.

В 30-е гг. двадцатого века на территории Суздальского кремля велись раскопки А. Ф. Дубыниным. Свои исследования вел здесь и Н. Н. Воронин. В северо-западной части кремлевской территории им были обнаружены наиболее древние напластования — остатки укреплений славяно-мерянского поселения рубежа IX-X вв. Древнейшие сооружения располагались по берегу р. Каменки.

Первые письменные свидетельства о нашем крае содержат древнерусские летописи. Из них мы получаем сведения о событиях IX-XII вв. В «Повести временных лет» под 862 г. в разделе о призвании варягов говорится: «И прия власть Рюрик, и раздая мужем своим грады, овому Полотеск, овому Ростов, другому Белоозеро. И по тем городом суть находници варязи, а перьвии насельници в Новгороде словене, в Полотьски кривичи, в Ростове меря, в Белеозере весь, в Муроме мурома; и теми всеми обладаша Рюрик»¹.

Племена финно-угорского происхождения, проживающие в VIII-XII вв. на территории, которую пересекали важные торговые пути Северо-Восточного региона Руси, сыграли большую роль в развитии этнокультурной цивилизации. В международной торговле посредническую роль играли варяги и хазары. Сотрудничество этих главных этнокультурных компонентов и их влияние на развитие государственности славян несомненно. Не случайно варяжская и хазарская дань упоминаются в связи с начальным периодом русской истории. В «Повести временных лет» под датой 6367 от сотворения мира, 859 г. нашей эры, записано: «Варяги изъ-за моря наложили дань на чудьи

и на словенех, на мери и на всехъ кривичех. А козари имаху на полянех и на северех, и на вятичех, имаху по беле и по веверице от дыма»².

Проникновение славян на территорию междуречья началось на рубеже VII-IX вв. — прежде всего кривичей, вятичей и новгородских словен.

Некоторые из славянских племен уже в IV веке стали продвигаться на территорию Северо-Восточного региона. Небольшие группы поселенцев появились вначале в районе озера Ильмень, а затем, достигнув истоков Волги и продолжая экспансию Верхневолжья, славяне вступили в более тесные отношения с различными финскими племенами³.

Славянские переселенцы двигались в бассейны рек Оки и Клязьмы. Волна славянской колонизации докатилась до благодатных черноземов Суздальского ополья по реке Нерль — основному торговому пути из Суздальской земли в Клязьму, Оку и Волгу. Волго-Окский регион занимал важное место во внутренней и внешней торговле Руси.

Под давлением славянской колонизации финские племена уходили со своих мест или сливались с пришедшими, поэтому на обширных пространствах встречаются названия городов, рек финского происхождения. Ученые полагают, что такие слова, как Муром, Суздаль, Нерль, Пекша, Ворша, Кидекша, Колокша, Клязьма, Судогда, Ундол, Нерехта — финно-угорского происхождения. Название реки Оки тоже финского происхождения: «Va» по-фински означает «вода», «око» в переводе с финского «река». Много городов и речек получили названия от обитавших здесь племен: веси — г. Вельегорск, мурома — г. Муром и т. д.⁴

Колонизация носила мирный характер. Историк Тацит, автор «Германий», отмечает миролюбивый характер финнов⁵. Ассимиляции населения способствовало, в первую очередь, развитие торговли. Главные торговые пути шли по рекам Оке, Клязьме и их притокам. Река Ока, важнейший торговый путь древности, соединяла территорию проживания славянских племен с землями финно-угров⁶.

В X-XI вв. усиливается практика использо-

вания Древней Русью скандинавских воинов-наемников, о чем свидетельствуют как письменные, так и археологические источники. К последним, например, можно отнести находки скандинавского дружинного комплекса XI в., найденного в Суздале. Особый интерес представляет усадьба скандинавского дружинника, площадью 1600 кв. м, раскопанная на территории кремля. Были найдены предметы вооружения, византийская актовая свинцовая печать, серебряные западноевропейские монеты, золотое височное кольцо, фрагменты дорогой стеклянной и поливной посуды, литейная формочка с рунической надписью. Кроме того, был обнаружен клад — три золотых браслета, каждый весом около 100 граммов самородного золота 999-й пробы. По скандинавским комплексам и другим находкам прослеживается присутствие варягов в торгово-ремесленных центрах Балтийско-Волжского пути на территории Руси от Ладоги до Суздаля⁷.

Славяне вели посредническую торговлю с русами и восточными купцами. Наиболее яркие записи о контактах с русами в X в. оставил Ахмед ибн Фадлан. Добравшись до великой и могучей реки Итиль — так арабы называли Волгу, — он повстречался с русскими купцами. «Они были подобны пальмам, — записал он, — румяны и красивы». Все русы оказались хорошо вооружены. У одного — секира, у другого — меч, у третьего — длинный нож. Мечи плоские, с бороздками, франкской работы. Вместо курток и кафтанов они носили плащи⁸.

IX в. — время складывания государства на Руси, время изживания родоплеменных отношений — стал рубежом появления наиболее крупных городов Древней Руси.

Связь становления государства с развитием предпринимательства и торговли, урбанизацией очевидна и прослеживается в древнерусских письменных источниках. Так, из «Повести временных лет» мы видим, что Олег «нача грады ставити и уставити дани словеном, кривичемъ и мери»⁹. Создание городов здесь связывается с обложением данью, полюдьем, торговыми мероприятиями.

Летопись указывает на организацию всегосударственной сети пунктов, связанных с княжеской властью, — от городов и деревень до охотничьих угодий — с реформой Ольги, которая после по-

давления древлянского восстания дала «уроки и уставы» в древлянской земле, устроив там «становища и ловати», затем двинулась к Новгороду, «и уставити по мьсте повосты (погосты) и дани, и по Лузе оброки и дани: и ловища (охотничьи угодья), ея суть по всей земли»¹⁰.

Из важнейших речных магистралей, на которых стояли погосты, названы Днепр, Десна, Мста. Погосты были распространены по преимуществу в Новгородской земле, Смоленской и Ростово-Суздальской. Как утверждает В. Л. Янин, это области, где некогда жили славяне, кривичи и меря, призвавшие варягов¹¹.

В «местах и погостах» стояла княжеская дружина, собирающая дань, «уроки и уставы». Охотничьи места были необходимой привилегией княжеской дружины, которая кормилась на подвластных ей территориях и контролировала пушной промысел.

Кроме членов знати, население погостов состояло из служилых людей — ремесленников, ремонтирующих суда, производящих партиями изделия: гвозди, стрелы, глиняные изделия и т. д. Охотники, сборщики дикого меда и другие люди в княжеской службе имели особый статус. Очевидно, эта служба предполагала поставку легких лодок-однодеревков Руси (согласно договору Игоря).

Город, в средневековом понятии как укрепленное, огороженное место, оформился в начале XI в. Наиболее раннее поселение на территории Суздаля в северо-восточной части Кремля относятся к IX-X вв. В XI в., как показывают раскопки В. В. Седова, были насыпаны валы. Остатки поселения, которые датируются IX-X вв., были обнаружены на территории кремля и Н. Н. Ворониным.

Итак, для эпохи формирования древнерусского государства и становления города характерна сеть поселений, расцвет которых приходится на середину X в. — время общерусского полюдья и реформ Ольги. Это, прежде всего, сельскохозяйственные и торгово-ремесленные поселения, расположенные рядом с курганными погребениями дружинников, на водной магистрали Днепр — Волхов — Волга — Десна Волго-Окского бассейна. Древнейшие города X-XI вв. были вызваны к жизни необычайно бурным раз-

витиём в IX-X вв. трансевропейских торговых связей и ремесел.

К концу X в. большая часть поселений уступает место русским городам.

Очевидно, перемещение князя и его знати в город было связано с новой государственной реформой администрации, проводимой князем Владимиром сразу после христианизации Руси. Князь поселил своих сыновей непосредственно в городах: Новгороде, Ростове, Полотске, Турове, Владимире, Муроме, Тмутаракани.

Довольно аморфное раннефеодальное государство Киевскую Русь правительство Владимира стремилось охватить новой административной системой, построенной на типичном для этой эпохи слиянии государственного начала с личным, и на место прежних князей, стоявших во главе союза племен, Владимир сажает своих сыновей.

Реформы Владимира заменили устав Олега, «пакт» Игоря и систему погостов Ольги, регулирующие полюдь и «питающие» знать. Княжеская власть прочно укрепилась в древнерусских городах: именно здесь, а не в погостах должны собираться доходы государства. Не только отдельные члены знати, а местные бояре и горожане стали общественным слоем, поддерживающим княжескую власть (во многих отношениях зависящую от них). Города стали центрами волостей и синтезировали функции, характерные для различных типов поселений начала средневековья¹².

Примерно так шло зарождение и развитие города Суздаля. О его обширных торговых связях свидетельствуют многочисленные предметы, найденные при раскопках.

На основе археологических раскопок было установлено, что основание Суздаля можно отнести к X веку, что подтверждается обнаружением к северу от Рождественского собора древнейших оборонительных сооружений в виде трех рвов и вала. Город возник на основе сельскохозяйственного торгово-ремесленного поселения.

Города с развитой в них торговлей являлись одновременно и движителем, и показателем развития предпринимательства и установления торговых связей Северо-Восточной земли с другими регионами Киевской Руси и иноземными государствами.

Археологические находки позволяют опре-

делить функции городов: ремесленные, торговые (преимущественно внешнеторговые), военные, этноконсолидирующие, культовые и т. д.¹³

С развитием и укреплением древнерусского государства киевские князья все больше внимания уделяли северо-восточной земле. В X в. край входит в состав древнерусского государства, киевский князь Владимир Святой сажает сына Бориса в 988 г. в городе Ростове, Глеба — в Муроме. «Повесть временных лет» под 988 г. сообщает нам об этом. Таким образом, Волго-Окское междуречье в IX-X вв. находилось в составе Киевской Руси.

Восточные же источники сообщают о главных городах славян. «Русы, — писал в середине X в. ал-Истахри, — состоят из трех племен, из коих одно ближайшее к Булгару. Царь его живет в городе под названием Куяба, который больше Булгара. Другое племя, наиболее отдаленное от них, называется Славия. Еще племя называется Артания, а царь его живет в Арте. Люди часто отправляются торговать в Куябу, что же касается Арты, то мы не припомним, чтобы кто-нибудь из иностранцев странствовал там. Купцы из Арты отправляются вниз по воде и ведут торг, но ничего не рассказывают про свои дела и товары и не допускают никого провожать их и вступать в их страну. Из Арты вывозят черных соболей и свинец»¹⁴.

В. В. Мавродин под Артанией (Артсанией) понимает «Рязань — русский город, возникший в земле мордвы-ерзи»¹⁵. В конце 20-х годов была выдвинута иная гипотеза. П. П. Смирнов помещает все три области (города) в районе Волги. В последнее время эта точка зрения получает распространение. Так, Г. Ф. Корзухина полагает, что арабские географы не были осведомлены о Днепре и в IX в. никто из них не бывал в Киевской Руси и ничего о ней не писал¹⁶. А. Л. Монгайт размещает одну из загадочных областей Руси в районе реки Оки¹⁷. Согласно Д. А. Мачинскому все три области Руси находились в Поволжье: Арса — древний Ростов, Слава — Переяславль-Залесский, Куяба — поселение близ Суздаля¹⁸.

По данным летописи число городов возрастало в Древней Руси из века в век. Если в IX-X вв. их было не менее двадцати пяти, то в XI в. стало почти девяносто. Рост их продолжался стре-

мительными темпами. Перед нашествием татара-монгольской орды их насчитывалось двести семьдесят один¹⁹. Поэтому не случайно скандинавские саги называли Древнюю Русь «страной городов». «Временник, — говорится в Новгородской летописи, — еже есть нарицается летописание князей и Земля русския, и како избра бы страну нашу на последнее время и граде почаша бывать по местам»²⁰.

Муром и Ростов впервые упоминаются в летописях под 862 г. Население их было этнически неоднородным (славяне, меря, мурома), но в XII в. в них уже преобладал славянский элемент.

В. Н. Татищев упоминает о том, что Суздаль был основан Владимиром Святым в 982 г., когда князь «покорив землю польскую, град Суздаль утвердил»²¹.

Первым достоверным упоминанием о Суздале является сообщение летописи о восстаниях в Суздальской земле, происходивших в XI столетии. Так, в 1024 г. волнения, вызванные сильным неурожаем на Суздальской земле, были подавлены князем Ярославом, прибывшим сюда из Новгорода. Голода и мора удалось избежать благодаря хлебу, привезенному из Волжской Булгарии. Обращение к Волжской Булгарии было не случайно — между Северо-Восточной Русью и Булгаром существовали давние и прочные торговые связи. Об этом говорят различные виды источников. Во-первых, это археологические данные, свидетельствующие о том, что Булгар был крупным производителем хлеба. А. П. Смирнов отмечает, что «о значении земледелия нам говорят как находки частей плуга — сошников и резаков, так и зерен злаков — пшеницы, ржи, ячменя, проса, гороха — и большое количество зерновых ям»²². Во-вторых, Ахмед ибн Фадлан, описывая Булгар, сообщает, что «их пища (это) просо и мясо лошади, но и пшеница и ячмень (у них) в большом количестве»²³. И в-третьих, как сообщает В. Н. Та-

тищев о торговом договоре 1006 г., заключенном с болгарями князем Владимиром, «болгары возили жито по Волге и Оке о все грады русские, и продавали, и тем великую помочь сделали»²⁴.

О восстании смердов 1024 г. в летописи также говорится: «Бе мятежь великъ и голодъ по всей той стране; идома по Волзе вси людье в болгары, и привезоша жито»²⁵. Таким образом, все люди направлялись за хлебом в Булгар согласно договору 1006 г., по которому князь Владимир разрешил «булгарам все их товары продавать во градах купцом, и от них купить, что потребно, а по селам не ездить, тиуном, варником, огневтине и смерди не продавать и от них не купить»²⁶.

Аналогию можно провести в связи с восстанием 1071 г. из-за неурожая, которое началось в Ярославле, а закончилось в Белоозере. Эти события также имеют рациональное историческое объяснение, что Суздальская земля, Поволжье издавна связаны с Белозерским краем торговыми узами.

В крае уже выделяются самостоятельные городские общины, обладающие военной организацией, объединяющие вокруг себя большую территорию, именуемую землей, волостью. Волости состояли из главных городов: Ростов, Суздаль Муром; позднее пригородов: Владимир, Переяславль. Эта новая политическая система, которая может быть определена как город-государство. Органами власти в городе-государстве были вече и князь. Внутреннюю и внешнюю политику города определяло вече. Оно же решало вопрос о призвании князя и определяло круг его деятельности. В основе государственности лежала община. Община не была социально-однородной. Она включала местное боярство, купцов и свободный простой люд. Внутреннюю и внешнюю политику города направляло вече. Вече же решало вопрос о призвании князя и определяло круг его деятельности.

¹ ПВЛ. — М.-Л., 1950. — Ч. 1. — С. 18.

² Там же.

³ Джаксон Т. Н. Суздаль в древнескандинавской письменности // Древнейшие государства на территории СССР. — М., 1985. — С. 84-85.

⁴ Седова М. В. Археологическое изучение Суздаля // Владимирскому музею 125 лет. — Владимир, 1981. — С. 88; (Однако в последнее время все большее распространение

получает мнение, что не этнос дал имя местности, а топоним, бытовавший на этой территории и до финно-угров, послужил основой наименования племени мурома. См.: Альквист А. От мурома до муураме: происхождение этнонима мурома // Уваровские чтения — III. — Муром, 2001. — Прим. ред.).

⁵ Тацит Корнелий // Соч.: В 2 т. — Л., 1970. — Т. 1. — С. 77.

⁶ Смирнов А. П. О столице государства волжских болгар

// СА. — 1972. — № 1. — С. 98-102.

7 Седова М. В. Работа в Суздале // АО за 1981. — М., 1982. — С. 80-86.

⁸ Дегтярев А., Дубов И. Начало отечества. — М., 1990. — С. 16.

⁹ ПВЛ. — С. 49.

¹⁰ Янин В. Л. «Я послал тебе бересту...» — М., 1965. — С. 32.

¹¹ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. — М., 1956.

¹² Седов В. В. Отчет об археологических раскопках в Суздале // Архив ИА АН СССР. — 1969. — Р-1. — № 4207. — С. 16.

¹³ Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с половины VII в. и до конца X в. — СПб., 1870. — С. 276.

¹⁴ Мавродин В. В. Происхождение русского народа. — Л., 1978. — С. 126.

¹⁵ Корзухина Г. Ф. Русские клады. XI-XIII вв. — М.-Л., 1954. — С. 190; она же. Путь Абу Хамида ал-Гарнати из Булгара в Венгрию // Проблемы археологии. — Л.,

1978. — Вып. 11. — С. 190.

¹⁶ Монгайт А. Л. К вопросу о трех центрах Древней Руси // КСИИМК АН СССР. — 1947. — Вып. 16. — С. 103-112; он же. Рязанская земля. — М., 1961. — С. 98, 114.

¹⁷ Мачинский Д. А. Ростово-Суздальская Русь в X в. и «три группы Руси» восточных авторов // Материалы об этнической истории Европейского Северо-Востока. — Сыктывкар, 1985. — С. 3-23.

¹⁸ История культуры России. — М., 1993. — С. 42.

¹⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.-Л., 1950. — С. 103.

²⁰ Татищев В. Н. История российская. — М., 1995. — С. 57.

²¹ Татищев В. Н. Избранные труды. — Л., 1979. — Кн. 3. — С. 454-455.

²² ПВЛ. — С. 99-100.

²³ Татищев В. Н. Избранные труды. — С. 88-89.

²⁴ ПВЛ. — С. 99-100.

²⁵ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII-XIII вв. — М., 1982. — С. 275.

²⁶ ПВЛ. — М.-Л., 1950. — Ч. 1. — С. 127.

С. П. Тараненко, В. В. Янченко (Киев)

К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ

РАСТИТЕЛЬНОГО ЛАНДШАФТА ВЕРХНЕГО КИЕВА X-XIII ВЕКОВ

Вопрос реконструкции растительного покрова древнего Киева довольно сложен и требует всестороннего исследования выявленных органических остатков с привлечением для их изучения различных научных дисциплин. Данные исключительно археологических раскопок не позволяют полностью решить эту проблему, поскольку фиксация остатков деревьев, кустарников и травяного покрова возможна лишь при условии максимальной влажности местности, которая на территории Верхнего Киева отсутствует. Однако, благодаря археологическим материалам, выявленным в центре Киева, получен материал для определения видов растений, что позволяет максимально приблизиться к решению поставленной задачи.

Геоморфология. Начальный этап формирования современного ландшафта исследуемой территории совпадает с окончанием ледникового периода. К этому времени на границе полесья и лесостепи уже были сформированы поверхностные отложения в виде суглинистых карбонатных золово-делювиальных лёссов и водно-ледниковых песков и супесков. Территория Древнего Кие-

ва расположена при водораздельных возвышенностях между долинами Днепра и Лыбеди в северной части Приднепровской возвышенности (Киевское плато), состоящей из лёссов и лёссовидных суглинков. Эта часть плато характеризуется значительным горизонтальным и вертикальным расчленением. Многочисленные овраги, которые являются составляющими бассейновой структуры Днепра и Лыбеди, имеют разветвленную древовидную конфигурацию и образуют между собой останцы и грядовые структуры, имеющие уровень возвышения относительно Днепра около 100 м, а относительно дна оврагов, впадающих в Лыбедь, — несколько десятков метров. Значительное расчленение территории предопределяет преобладание площадей склонов над площадями относительно ровных участков плато.

В начале голоцена холодная тундровидная степь ледникового периода трансформировалась в современный ландшафт. На первых этапах голоцена этот процесс отразился в распространении древесной растительности, расположенной преимущественно вдоль речных долин и в ов-

Рис. 1. Раскопки 1972 г. на Киевском Подоле. Срубы X века

рагах в пределах возвышенностей. На лёссовых суглинистых карбонатных отложениях, которые господствуют в исторической части Киева, первичные сосновые и березовые леса постепенно сменились широколиственными с преобладанием дуба, липы, ясеня, лещины, с достаточно развитым травянистым покровом. Под этими растениями формировались почвы, характерные для широколиственных лесов составляющих современные лесостепные лёссовые ландшафты, а именно — ясно-серые, серые и темно-серые лесные почвы и оглеенные их разновидности в разных формах рельефа.

Во время археологических раскопок на Майдане Независимости в 2001 году было проведено исследование погребенных остатков древнего ландшафта на уровне культурного слоя Киевской Руси. По фрагментам почв, которые сохранились вопреки антропогенному фактору, можно исследовать характер первобытной растительности на киевских горах. Во время постройки фортификационных сооружений ландшафт Киева приобрел признаки редколесья паркового типа. Это произошло благодаря тысячелетнему хозяйственному использованию местности (вырубка лесов, выпас скота). Данный процесс усилился в период существования города. Возможно, кое-где сохранились старые (сакрализованные в дохристианское время) дубы и липы.

Склоны Киевских гор в княжеские и последующие времена также использовались для выпаса скота, поэтому насаждения были довольно редкими, что, в принципе, необходимо для обороны города. Преобладание вторичных разнотравных групп сосуществовало с одиночными деревьями

Рис. 2. Раскопки 1972 г. на Киевском Подоле. Сруб X века

и кустарниками — дикой грушей, дубом, боярышником, лещиной. Около выходов грунтовых вод во впадинах и в долинах ручьев преобладали луговые травы, ива, осина, ольха. Современные же насаждения на крутых склонах (клен и акация) не дают возможности развиваться травянистому покрову, ухудшают возможность визуального восприятия ландшафта и не отвечают реалиям древнего Киева¹.

Археология. Исследование элементов деревянной архитектуры древнерусского времени в Киеве, свидетельствует, о том, что основным строительным материалом были сосна и дуб. М. А. Сагайдак для дендрохронологического анализа остатков деревянных сооружений X-XI вв. на Киевском Подоле отобрал пятнадцать образцов — все они оказались остатками сосны². Известный исследователь деревянной древнерусской архитектуры Киева В. А. Харламов считал, что в строительстве преимущественно использовались хвойные породы, совмещающие в себе смолистость, исключительную прямизну, плотность древесины, свойство относительно легко раскалываться по слоям (изготовление досок) и, наконец, отсутствие дупел даже в многолетних экземплярах³. Конечно, эти данные лишь подтверждают существование хвойных пород, в первую очередь, в киевской округе, поскольку строительные ресурсы древесины самого Киева, на наш взгляд, были израсходованы еще задолго до строительства города Владимира.

Палинологический анализ. Во время исследования Михайловского Златоверхого собора (МЗС) и прилегающих к нему территорий в 1998-1999 годах впервые за время археологи-

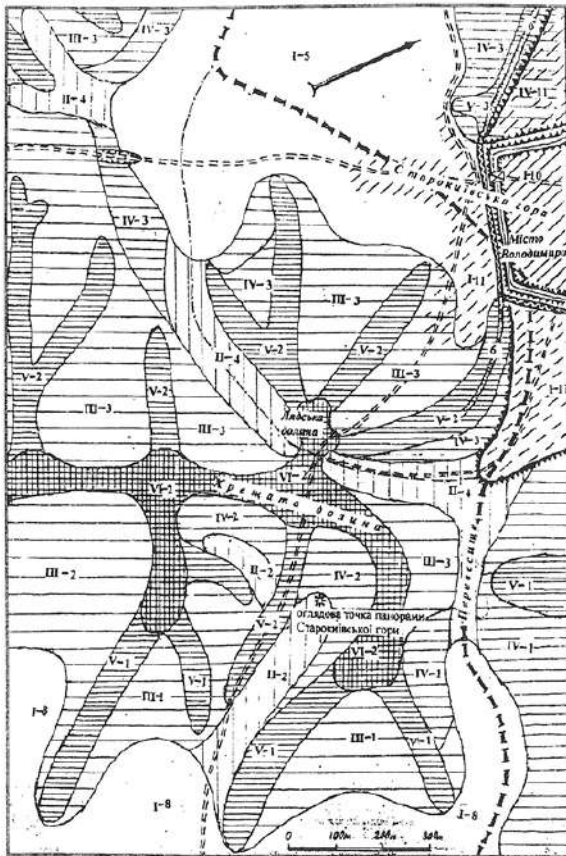

Рис. 3. Ландшафт центральной части современного Киева в начале XI века

ческих исследований в Киеве удалось отобрать из раннесредневековых объектов образцы для споро-пыльцевого анализа. В первую серию этих образцов вошли материалы, отобранные из четырех относительно синхронных захоронений середины — второй половины X в. Образцы для споро-пыльцевого анализа обрабатывались по традиционной методике В. П. Гричука с применением тяжелой кадмиевой жидкости с удельным весом 2,0 и 2,2. Для каждого образца определение пыльцы и спор проводилось на шести препаратах (24x24 мм²). Анализ полученных палинологических данных позволил установить соотношение пыльцы древесных и травянистых растений в составе ископаемых споро-пыльцевых спектров (СПС) образцов из отложений раннесредневековых погребений X в. Для всех СПС характерным является преобладание пыльцы травянистых растений (60-82,6 %). По результатам палинологических исследований установлен общий состав ископаемой палинофлоры, которая насчитывает 83 таксона разного ранга. Список пыльцы древесных пород насчитывает 18 таксонов (6 родов и 12 видов).

Коренные ландшафты

- I — Платообразные лесовые возвышения останцевого происхождения с незначительными углами наклона с серыми и темно-серыми лесными почвами, которые сформировались под молодыми дубравами.
- II — Ленточные ответвления плато останцевого происхождения со слабо смытыми серыми лесными почвами, которые сформировались на лесах под сухими дубравами.
- III — Оглогие склоны лесовых платообразных возвышений из слабо смытых серых лесных почвах, что сформировались на лесах под сухими дубравами.
- IV — Стремительные и обрывистые склоны лесовых платообразных участков из короткопрофильными серыми и ясно серыми лесными и дерновыми почвами, которые сформировались под молодыми и сухими дубравами.
- V — Балки-впадины первого порядка с серыми лесными (преимущественно намытыми) почвами, которые сформировались под молодыми дубравами на лесовидных суглинках делювиального происхождения.
- VI — днища балок второго и третьего порядка преимущественно с серыми лесными поверхностью оглеинными почвами, которые сформировались на сугельно-суглинистых лесовидных слоистых отложениях под влажными дубравами, усложненные временными водотоками и снижением из лугово-болотной растительностью.

Природно-антропогенные и антропогенные ландшафты

- 1 — Вторичные (производные) осветленные леса.
- 2 — Вторичное луговое редколесье с умеренным влиянием выпаса.
- 3 — Вторичные луговые пастбища с отдельными кустами и деревьями с признаками пасторальной дигрессии.
- 4 — Вторичные луга с признаками пасторальной дигрессии и смытыми грунтами.
- 5 — Вторичные деградированные луга на месте древних лесных перелогов.

Таблица 1. Пыльца древесных пород МЭС X в.

Название таксона: латынь	Название таксона: русский
1. <i>Acer</i> sp.	клен
2. <i>Alnus</i> sp.	ольха
3. <i>Alnus glutinosa</i>	ольха клейкая
4. <i>Alnus incana</i>	ольха серая
5. <i>Betula</i> sp.	береза
6. <i>Betula pendula</i>	береза повислая
7. <i>Betula pubescens</i>	береза пушистая
8. <i>Calluna vulgaris</i>	вереск обыкновенный
9. <i>Carpinus betulus</i>	граб обыкновенный
10. <i>Corylus avellana</i>	лещина обыкновенная
11. <i>Fraxinus exelsior</i>	ясень обыкновенный
12. <i>Juglans regia</i>	орех грецкий
13. <i>Picea</i> sp.	ель
14. <i>Pinus sylvestris</i>	сосна обыкновенная
15. <i>Quercus robur</i>	дуб обыкновенный
16. <i>Salix</i> sp.	ива
17. <i>Tilia cordata</i>	липа сердцелистная
18. <i>Ulmus</i> sp.	вяз

Установлено, что общим для всех СПС является наличие пыльцы березы, сосны и липы.

Полученные данные свидетельствуют, что *липа сердцелистная* играла заметную роль в составе дендрофлоры древнего Киева⁴. Известно, что в проектах по реконструкции зеленых насаждений с учетом историко-архитектурных аспектов следует учитывать наличие на исследуемых территориях древних деревьев (деревья-реликты). Как правило, после гибели таких деревьев предлагается заменять их молодыми здоровыми саженцами⁵.

Таблица 2. Пыльца травянистых растений:

Название таксона: латынь	Название таксона: русский
1. Alismataceae	частуховые
2. Apiaceae	зонтичные
3. Asteraceae	астровые
4. Arctium tomentosum	лопух войлочный
5. Artemisia sp.	полынь горькая
6. Tussilago farfaga	мать-и-мачеха
7. Balsaminaceae	бальзаминовые
8. Impatiens noli-tangere	недотрога обыкновенная
9. Boraginaceae	бурачниковые
10. Echium vulgare	синяк обыкновенный
11. Brassicaceae	крестоцветные
12. Cannabis sp.	конопля
13. Caryophyllaceae	гвоздичные
14. Cerastium arvense	роговик полевой
15. Stellaria media	звёздчатка средняя
16. Chenopodiaceae	маревые
17. Atriplex nitens	лебеда блестящая
18. Atriplex tatarica	лебеда татарская
19. Chenopodium album	марь белая
20. Chenopodium botrys	марь душистая
21. Cichoriaceae	сложноцветные
22. Cichorium intybus	цикорий обыкновенный
23. Taraxacum officinale	одуванчик лекарственный
24. Cyperaceae	осоковые
25. Euphorbiaceae	молочайные
26. Fabaceae	бобовые
27. Lamiaceae	губоцветные
28. Mentha sp.	мята
29. Origanum vulgare	душица обыкновенная
30. Salvia sp.	шалвей
31. Liliaceae	лилейные
32. Papaveraceae	маковые
33. Chelidonium majus	чистотел большой
34. Plantaginaceae	подорожниковые
35. Plantago lanceolata	подорожник ланцетолистный
36. Plantago major	подорожник большой
37. Poaceae	злаковые

В настоящий момент в Киеве наиболее древнее по возрасту дерево липы (500 лет) сохранилось около Десятинной церкви. Это дерево является объектом заповедного фонда города⁶. Вполне вероятно, что в данном случае мы имеем отклик традиции сохранения этой древесной породы в Киеве, которая сложилась еще в древнерусское время.

Список пыльцы травянистых растений насчитывает 50 таксонов (24 семейства, 6 родов и 20 видов).

Анализ составляющей СПС, проведенный на видовом уровне, свидетельствует о значительном содержании пыльцы растений, которые входят в луговой ценоз и растительные группы, распространенные на порушенных почвах (*цикорий дикий*, *одуванчик лечебный*, *подорожник большой*, *щавель* и др.). Почти треть видового состава пыльцы принадлежит сорнякам.

Палинологические данные о естественной растительности, которая окружала раннефеодальный город во второй половине X столетия, имеют достаточно высокую степень фрагментарности и без дополнительных материалов, выявленных на их основе, сложно провести достоверную палеоботаническую реконструкцию. При этом полученные характеристики несут в себе ценную и достаточно детальную палеоботаническую информацию о существенном влиянии антропогенного фактора на растительный покров древнего Киева в середине – второй половине X в.⁷

Следующим важным источником изучения флоры Киева древнерусского времени, являются результаты палинологического изучения образца из постройки № 2, исследованной также на территории Михайловского Златоверхого собора. Постройка датируется XI-XII вв. и является прекрасной иллюстрацией развития растительности в течение двух веков. Полученные данные свидетельствуют, что в составе споро-пыльцевого спектра преобладает пыльца травянистых растений (62,9 %) со значительным содержанием пыльцы сорняков. Установлено, что травянистую составляющую СПС формирует пыльца представителей разнотравья (*зонтичные*, *крестоцветные*, *подорожниковые*, *гречковые*, *первоцветные*, *лютиковые*, *крапивные*, *валериановые*, *фиалковые* и др.) – 37,1 % при участии *маревых* (8,4 %), *злаковых*

(7,4 %), сложноцветных (4,5 %), водных растений (рогоз, рясковые, частуховые) — 3,0 %, полынь (1,5 %) и осоковые (1 %). До видового уровня идентифицирована пыльца сорняков — *василек синий*, *цикорий обыкновенный*, *одуванчик лекарственный*, *лопух войлочный*, *осот полевой*, *марь многолистная*, *марь красная*, *марь белая*, *марь душистая*, *хрустявник малый*, *горец вьюнковый* и др. Сумма пыльцы древесных и кустарниковых пород (*береза повислая*, *береза пушистая*, *бук лесной*, *ясень обыкновенный*, *грецкий орех*, *ель обыкновенная*, *рябина*, *бузина черная*, *калина*, *лещина*, *смородина*, *шиповник* и др.) составляет 37,1 % относительно общего количества пыльцы. В составе пыльцы древесных пород преобладает *сосна обыкновенная* (10,4 %), при участии *дуба* (6,4 %), *яблони* (2,5 %), *липы* (2,5 %), *ивы* (2,0 %), *вяза* (2,0 %), *клена* (1,5 %), *граба* (1,5 %).

По результатам палинологических исследований установлен общий список ископаемой палинофлоры, которая насчитывает 90 таксонов разного уровня. Полученные данные свидетельствуют о том, что пыльца древесных растений демонстрирует состав дендрофлоры древнего города, которую формировали *клен*, *дуб*, *липа*, *граб*, *ясень*, *вяз*, *калина*, *смородина*, *шиповник*, *бузина*, *лещина* и др. Окружающие город леса содержат, в основном, пыльцу *сосны*, *ели*, *ольхи*, *ивы*. Анализ состава пыльцы травянистых растений дает информацию о сорняках Киева конца XI-XII вв. Идентифицирована пыльца *цикория обыкновенного*, *одуванчика лекарственного*, *лопуха*, *лутиги татарской*, *мари белой*, *осота желтого* и др. Определена также пыльца хлебных злаков⁸. Следует отметить, что в сравнении с палинологическими материалами в X в. были получены новые характеристики пыльцы *яблони*, *рябины*, *смородины*, *шиповника*, *малины*, *бузины*, *калины*, *валерианы*, *василистника водосборолистного*, *ландыша майского*, а также *Beta vulgaris* — *свеклы обыкновенной*. По данным А. И. Барбарича, культура свеклы обычной известна в Киевском государстве с XI в. Со временем она распространилась на территории соседней Польши и Литвы. Интересно, что среди растений, которые появились во времена Киевской Руси, автор называет смородину черную и красную, малину⁹.

Сравнительный анализ ископаемых палинофлор конца X и XI-XII вв. позволяет определить изменения в составе растительного покрова, которые произошли на исследуемой территории. Мы видим, что изменился характер ее использования и интенсивность антропогенной нагрузки. Пыльца некоторых лекарственных растений (*валериана*, *душица*, *ландыш*, *раковые* и др.) указывает на то, что они росли свободно. Но вполне вероятно, что некоторые из них могли в то время выращиваться в монастырских садах. Эти предположения касаются и декоративных растений, пыльца которых была идентифицирована в составе СПС — *василёк синий*, *василистник водосборолистный* и др.¹⁰

Палеоботанический анализ. В отличие от палинологического анализа, палеоботанический имеет немногим большую историю исследований флоры древнерусского Киева. Полученный во время археологических раскопок материал исследовался по комплексу морфологических признаков. Измерялись три основных параметра зерновки — длина, ширина, толщина, на основании которых определялись средние показатели для каждого вида. Устанавливалось также среднее квадратичное отклонение и таким образом зафиксированная мера варьирования признака. Все эти показатели использовались для подтверждения принадлежности зерен к определенному виду¹¹.

Во время исследования 1997 года в раскопе в Рыльском переулке, 4 зафиксировано обугленное зерно. Оно находилось в различных археологических комплексах: в заполнениях ямы и постройки; в поде печи; под полом постройки. Исследовано также четыре кусочка обмазки, в которых, кроме отпечатков семян *пшеницы мягкой* и *овса*, найдены обугленные, но не совсем сгоревшие, как это бывает в таком материале, *зерновки ржи*. Наибольшее количество найденных зерен оказались *рожью*; на втором месте — *зерновки овса*, на третьем *зерновки пшеницы мягкой*.

Как видно из Таблицы № 3, была определена смесь зерен культурных растений с примесями зерновок и семян сорняков¹².

Исследования в Десятинном переулке, 1/3 в 2000 г. комплекса XII-XIII вв. выявили, в основном, семена *ржи посевной*. В заполнении ямы № 1, кроме того, были обнаружены семена

пшеницы, овса посевного, бузины черной, проса обыкновенного, ячменя обыкновенного. Также были обнаружены семена сорняков: *костра полевого*, *костра ржаного*, *горца вьюнкового*, *мари белой*, *щетинника зеленого*, *щетинника сизого*¹³.

Таблица 3. Палеоботанические исследования материала, выявленного в переулке Рыльского, 4.

Название таксона: латынь	Название таксона: русский
1. <i>Hordeum vulgare</i>	ячмень обыкновенный
2. <i>Pisum sativum</i>	горох посевной
3. <i>Secale cereale</i>	рожь посевная
4. <i>Panicum miliaceum</i>	просо обычное
5. <i>Avena sativa</i>	овес посевной
6. <i>Setaria glauca</i>	щетинник сизый
7. <i>Triticum aestivum</i> s. l.	пшеница мягкая
8. <i>Triticum dicoccon</i>	пшеница двозернянка
9. <i>Corylus avellana</i>	лещина
10. <i>Lens culinaris</i>	сочевник
11. <i>Agrostemma githago</i>	куколь обыкновенный
12. <i>Polygonum convolvulus</i>	горец вьюнковый
13. <i>Brassicaceae</i>	крестоцветные
14. <i>Bromus secalinus</i>	бромус ржаной
15. <i>Triticum spelta</i>	пшеница спельта
16. <i>Setaria viridis</i>	щетинник зеленый
17. <i>Galium aparine</i>	подмаренник цепкий
18. <i>Sambucus nigra</i>	бузина черная
19. <i>Chenopodium album</i>	марь белая
20. <i>Prunus cerasus</i>	вишня
21. <i>Rubus idaeus</i>	малин
22. <i>Bromus arvensis</i>	костёр полевой
23. <i>Rumex</i> sp.	щавель
24. <i>Prunus</i> sp.	слива
25. <i>Linum usitatissimum</i>	лен обыкновенный
26. <i>Echinochloa crusgalli</i>	просо куриное

В комплексе XII века, исследованного по адресу ул. Большая Житомирская, 2 в 2001 году были обнаружены семена *ячменя обыкновенного*, *пшеницы мягкой*, *проса*, *овса*, *чечевицы*, *гороха* и *бузины черной*. Также зафиксировано небольшое количество зерен и семян сорняков: *щетинника зеленого*, *щетинника сизого*, *костра полевого* и др.¹⁴

Во время раскопок в Десятинном переулке, 5 в 1977 году в древнерусском слое было зафиксировано несколько десятков семян *бузины* — *Sambucus nigra*¹⁵.

В 1938 году, во время исследований М. К. Каргера на территории Михайловского

Златоверхого собора, в мастерской киевского художника XIII в. было зафиксировано большое количество зерен разнообразных злаков. Палеоботанический анализ показал присутствие *Secale cereale* — *ржи посевной*, *Avena sativa* — *овса посевного*, *Hordeum vulgare* — *ячменя обыкновенного* и небольшое количество семян и зерен сорняков¹⁶.

Несмотря на недостаточное количество палинологических и палеоботанических анализов для древнего Киева, сегодня мы можем говорить о перспективности комплексного изучения дендрофлоры города. Примером может быть сравнение ассортимента культурных растений и состава бурьяновой флоры для X в. С помощью палеоботанического метода существенно расширяются наши знания о составе зерновых культур. По палинологическим данными участие пыльцы этих растений в СПС определяется, как правило, только на уровне идентификации пыльцы хлебных злаков в пределах группы (Cerealialia). В свою очередь мы видим, что палинологические материалы являются более информативными во время определения видового состава сорняков. И, безусловно, наивысшую степень достоверности имеет тот таксон, наличие которого подтверждено обоими методами (на микро- и макроскопическом уровнях). В нашем случае это сорняки: на сегодня лебеда белая и горец березоподобный¹⁷.

Письменные источники. Определенную информацию о растительности времен Киевской Руси предоставляют письменные источники. На миниатюрах Радзивилловской летописи мы не раз можем наблюдать изображение деревьев. Все они разноцветны, отличаются структурой кроны и, очевидно, изображают разные породы или виды деревьев¹⁸. Но весьма возможно, что эти

Рис. 4. Радзивилловская летопись. Лист № 48об. Беседа про веру с болгарями-магометанами

Рис. 6. Карта архитектурной реконструкции развития исторического образа Киевского детинца V-XIII веков

рисунки носят исключительно символический характер. У многих народов дерево иллюстрирует идею умирания и возрождения природы. Причем, именно культ дерева, а не злаковых, оказывается древнейшим, начальным у всех народов¹⁹. Фрески Софии Киевской также изображают элементы растений. Но это, в основном, сцены охоты (т. е. изображение леса, а не городской территории) или сюжеты, не связанные с Киевом²⁰.

К сожалению, прямых сообщений о характере растительности древнего Киева практически не существует. Летописные источники свидетельствуют также об огородных культурах. Распространенными были *капуста, репа, редька, свекла, морковь и лук*. О выращивании капусты можно узнать, например, из грамоты смоленского князя Ростислава Мстиславовича 1150 г. В ней говорится, что капусту выращивали на специальных участках — «капустниках». В новгородских летописях указывается, что в 1215 г. продавали «репы воз по две гривни», и для ее выращивания отводились земли — «репища»²¹. Информация относительно Киева достаточно сжата: в Лаврентьевской летописи дважды упоминаются огороды — в статье под 1149 годом — «Изяслав же выправився весь из города,

и ста на болоньи и с товары, за огороды»²² (в данном случае идет речь о северо-северо-западной части Подола Киева, которая почти до нового времени носила топонимы — «болонь», «заболонь», «оболонь»); в статье под 1151 годом «и большую пакость створиша, ино ратнии, ино свои, и монастырь отторгаша и села пожгоша, и огороды весь прськоша»²³. Это лишь подтверждает данные палинологических и палеоботанических анализов о существовании огородных культур. Но вряд ли подобные огороды в «промышленных масштабах» существовали в центре города, учитывая целесообразность использования земель. Хотя, конечно, можно допустить существование небольших участков как на рядовых усадьбах, так и в монастырских хозяйствах.

Из письменных источников также известно, что на территории раннесредневекового Киева были распространены яблоневые сады. Так, например, в XI в. вспоминаются знаменитые яблоневые сады Киево-Печерского монастыря²⁴. М. А. Максимович считал, что княжеский теремный двор, который располагался на склоне горы, был покрыт садом²⁵. Плодовые сады, как правило, закладывали при монастырях, княжеских и бояр-

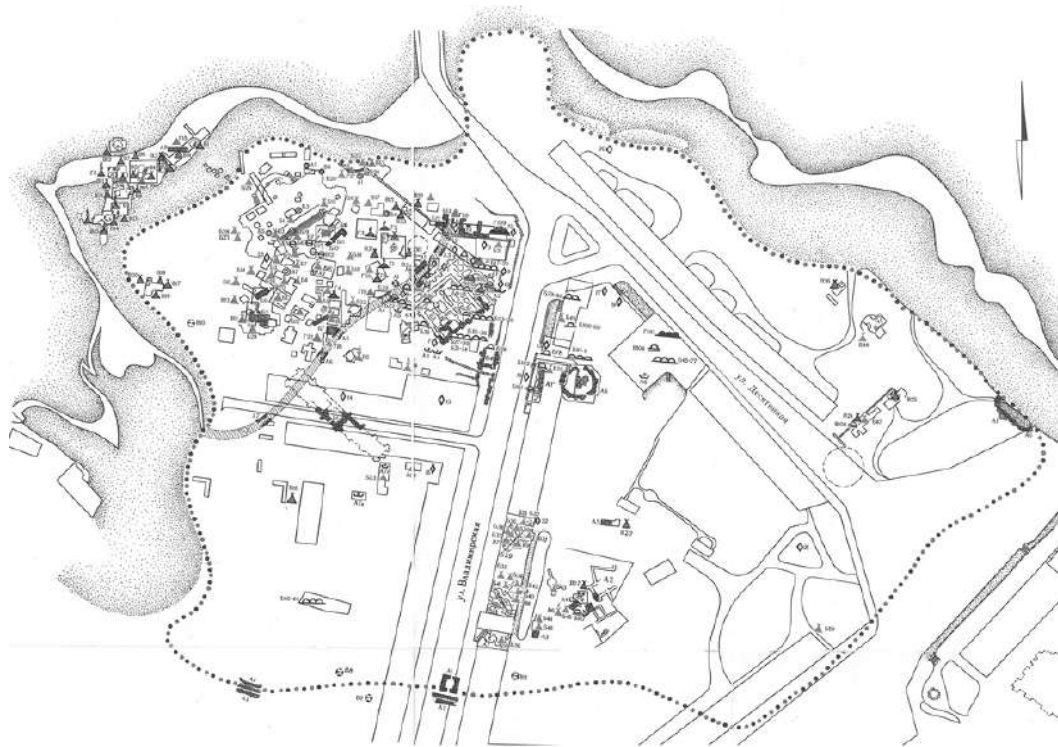

Рис. 7. Археологическая карта Киевского детинца. Автор С. Р. Килиевич

ских усадьбах. Вполне вероятно, что плодовые деревья (яблоня, груша, вишня, черешня, слива и др.) высаживались и около жилищ простых жителей города²⁶.

Киев в течение всего своего существования был крупным торговым центром, в который съезжались купцы из разных стран. Не исключено, что среди другого товара они привозили редкие растения и их семена. Кроме того, уникальные растения могли попадать в Киев в качестве военных трофеев. Подтверждением этому является упоминание в летописи о возвращении князя Олега из похода на Константинополь, где среди военных трофеев — «золота, павалокив, вина и всякого узорочья», упоминаются «овочи»²⁷. Очевидно, что идет речь не только об овощных культурах, но и о разнообразных и, в первую очередь, вечнозеленых растениях, которые росли в Византии. Через свойство оставаться зелеными круглый год, они ассоциировались с вечной жизнью. Это могли быть, например, вечнозеленые хвойные растения из семейства кипарисовых или можжевельник — вечнозеленый хвойный кустарник, который мог бы прижиться в Киевской земле, поскольку имеет уникальные способности к приспособлению и с легкостью переносит как суровые зимы, так и засушливый климат.

В контексте данного исследования нас инте-

ресовала растительность, присущая центральной части Древнего Киева, и естественного происхождения, и культивируемая человеком. Во время проведения сравнительного анализа различных источников исследования данной проблематики, мы можем констатировать, что наибольшее количество совпадений выпали на следующие виды деревьев — дуб, сосна, липа, ясень, ольха, грецкий орех, ель; садовые — яблоня, слива, вишня; кустарники — малина, терн; огородные культуры — свекла, горох; лекарственные — валерьяна, душица, ландыш майский, раковые шейки; декоративные — василек синий, василистник водосборolistный; большое количество зерновых культур и множество сорняковых растений.

Полученные данные могут служить надежной научной базой для реконструкции растительного покрова Киева X-XIII вв. как естественного, так и антропогенного происхождения. Решение такой сложной проблемы возможно лишь в комплексном исследовании, которое будет базироваться на исторической социально-топографической основе. Безусловно, ассортимент растений на рядовых усадьбах отличался от насаждений боярских и монастырских дворов, не говоря уже о площадях и окружающем пространстве дворцов и сакральных сооружений. Но в любом случае их существование не вызывает сомнений, поскольку

Рис. 8. Фрагмент реконструкции Киева X-XIII вв. Под редакцией П. П. Толочко

ку растительность организует пространство и органично объединяет все элементы ландшафта с архитектурными объектами. Мы отдаем себе отчет в том, что говорить о достоверной реконструкции

растительности Древнего Киева еще нет возможности, однако представленные данные могут быть базовой ее основой.

¹ Романчук С. П. Историко-ландшафтознавча реконструкція території сучасного Майдану Незалежності та його довкілля на давньокіївський період // Київський географічний щорічник. — Київ, 2002. — С. 98-120.

² Сагайдак М. А. До питання абсолютного датування археологічного матеріалу стародавнього Києва // Археологічні дослідження стародавнього Києва. — Київ, 1976. — С. 60.

³ Харламов В. О. Конструктивні особливості дерев'яних будівель Подолу X-XIII ст. // Археологічні дослідження стародавнього Києва. — Київ, 1976. — С. 54.

⁴ Безусько А. Г., Безусько Т. В., Івакін Г. Ю., Томашевський А. П., Безусько Л. Г. Перші відомості про флору та рослинність Києва у X ст. н. е. (за матеріалами палінологічних досліджень) // Наукові записки НАУКМА. — 2000. — Спец. вип. — Т. 18. — Ч. 2. — С. 279—283.

⁵ Успенская Н. Д., Клименко Ю. А., Кузнецов С. И., Давыденко И. А. Формирование зеленых насаждений при памятниках Древней Руси. — Київ, 1991. — С. 112.

⁶ Природно-заповідний фонд Української РСР. — Київ, 1986. — С. 223.

⁷ Безусько А. Г., Безусько Т. В., Івакін Г. Ю., Томашевський А. П., Безусько Л. Г. Указ. соч. — С. 279-283.

⁸ Безусько Т. В., Томашевський А. П., Івакін Г. Ю. Нові дані про флору та рослинність стародавнього Києва (за матеріалами палінологічних досліджень) // Наукові за-

писки НАУКМА. — 2000. — Спец. вип. — Т. 19. — С. 389-391.

⁹ Барбарич А. І. Наші культурні рослини. — Київ, 1962. — С. 202.

¹⁰ Безусько Т. В., Томашевський Ю. П., Івакін Г. Ю. Нові дані про флору... — С. 389-391.

¹¹ Пашкевич Г. А. Палеоботанические находки на территории Украины. Древняя Русь. Каталог. Препринт. — Київ, 1991. — С. 3

¹² Пашкевич Г. О. Палеоботаничні дослідження Києва // Археологічні дослідження. — 1997. — С. 40-41.

¹³ Пашкевич Г. О. Палеоботаничні дослідження 2001 року // Археологічні відкриття в Україні 2000- 2001 р. — Київ, 2002. — С. 211-213.

¹⁴ Там же. — С. 213.

¹⁵ Пашкевич Г. А. Палеоботанические находки на территории Украины. — С. 8.

¹⁶ Там же. — С. 8.

¹⁷ Безусько Т. В., Томашевський А. П., Івакін Г. Ю. Нові дані про флору... — С. 389-391.

¹⁸ Радзивилловская летопись. — СПб.-М., 1994. — Л. 48об., 49, 58об.

¹⁹ Фрезер Д. Д. Исследование магии и религии. — М., 1980. — С. 376.

²⁰ Никитенко Н. Святая София Киевская. — Київ, 2008.

²¹ Пашкевич Г. А. Палеоботанические находки на террито-

рии Украины. — С. 1.

²² Лаврентьевская летопись // Русские летописи. — Рязань, 2001. — Т. 12. — С. 305.

²³ Там же. — С. 315.

²⁴ Успенская Н. Д., Клименко Ю. А., Кузнецов С. И., Давыденко И. А. Формирование зеленых насаждений при

памятниках Древней Руси. — Київ, — 1991. — С. 112.

²⁵ Максимович М. О. Обзорение Старого Киева // Киевъ явился градом великимъ... — Київ, 1994. — С. 54.

²⁶ Успенская Н. Д., Клименко Ю. А., Кузнецов С. И., Давыденко И. А. Указ. соч. — С. 112.

²⁷ Літопис Руський. — Київ, 1989. — С. 19.

А. С. Виноградов (Нижегород)

К ВОПРОСУ О ТРАДИЦИЯХ КУЗНЕЧНОГО РЕМЕСЛА РУССКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ГОРОДЕЦКОЙ ОКРУГИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ КОЛЛЕКЦИИ НОЖЕЙ С СЕЛИЩА ПЕРШИНО-І)

Основанием для этой статьи послужило изучение методом археометаллографии четырнадцати обломков ножей, которые хранились в научно-вспомогательном фонде музея ННГУ им. Н. И. Лобачевского и были получены с древнерусского селища Першино-І в течение археологических раскопок 2001-2006 годов. Исследованные образцы происходят из первого и второго слоев памятника и связаны с переотложенным слоем пашни. Состояние сохранности железной структуры различное. Как правило, его можно оценить как хорошее и удовлетворительное (необходимо отметить, что уже во время

хранения в фондах музея образцы подверглись сильной коррозии, что в перспективе угрожает им полным разрушением), и в целом они были пригодны для археометаллографического изучения. Исследования были проведены автором в октябре-ноябре 2009 года в археологической лаборатории Ульяновского педагогического института им. И. Н. Ульянова под руководством заведующего лабораторией Ю. А. Семькина и в декабре 2010 года в металлографической лаборатории НИФТИ ННГУ им. Н. И. Лобачевского. Шлифы образцов готовились в соответствии с общепринятой методикой. В качестве

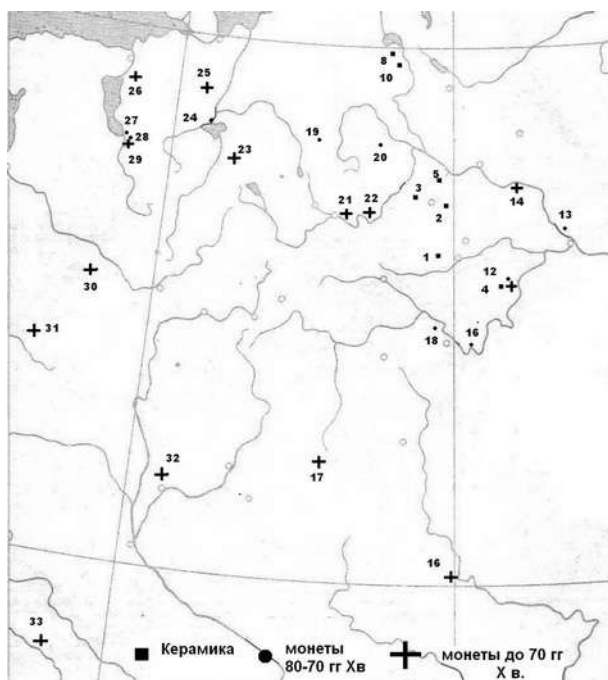

Рис. 1. Распространение болгарских монет и вещей на территории Руси в X-XI веках

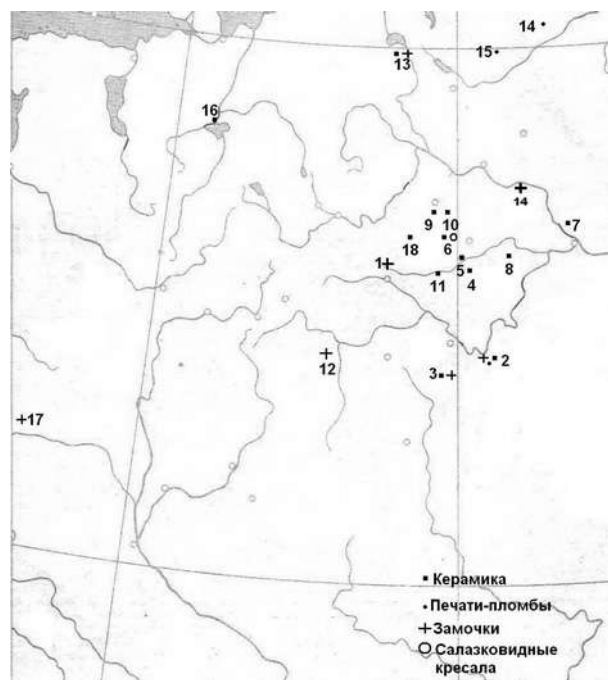

Рис. 2. Распространение болгарских вещей на территории Древней Руси XII-XIII веках

травителя использовался 5 % раствор пикриновой кислоты в этиловом спирте. Работа проводилась с использованием металлографического микроскопа МИМ-7, НЕОФОТ-32, микротвердомера ПМТ-3 и цифрового фотоаппарата «Olympus F-115» по методу Ю. А. Семькина.

Древнерусское селище Першино-I было открыто в результате археологических разведок, проводимых с 1998 г. экспедицией ИАЦ «Регион», после экспедицией истфака ННГУ под руководством Д. А. Антонова. В результате этих работ было выявлено и обследовано более семидесяти ранее неизвестных памятников. Раскопки группы селищ в нижнем течении реки Санда (Обухово-II, Нагавицино-I, Першино-I и II) были начаты с 2002 года¹. Поселение Першино-I расположено в нижнем течении р. Санда, на берегу распаханного русла ручья, выходящего в речную пойму. Общая площадь памятника около 7 тысяч кв. м. По состоянию на 2006 год раскопками было вскрыто 432 кв. м культурного слоя. В настоящее время исследовано около 900 кв. м. По совокупности полученного вещевого материала исследователь памятника Д. А. Антонов относит время существования этого памятника к домонгольскому времени (конец XII — середина XIII веков)².

Сравнительно-типологическое изучение исследованной коллекции затруднено тем обстоятельством, что все предметы из нее повреждены в большей или меньшей степени. Наиболее сохранились ножи с коллекционными номерами 27, 29, 17, 10 и 24. Но по совокупности имеющихся признаков мы можем сказать, что все исследованные инструменты являлись хозяйственными универсальными ножами. Они были небольшими: от 8-9 до 12-15 см, имели сравнительно широкую спинку (от 3 до 5 мм) и ярко выраженные симметричные уступы (3-5 мм) между черешком, лезвием и спинкой. Черенок в сечении, как правило, подчетыреугольной формы, мог иметь длину 6-8 см. По своей форме эти ножи в основном соответствуют 2 типу II отдела, которые как древнерусские выделил на материалах Сарского городища А. Е. Леонтьев³, и по большинству признаков соответствуют ножам II группы, которые Р. С. Минасян связывал с «постзарубинецким» славянским населением раннего средневековья

Восточной Европы⁴. Таким образом, мы можем признать першинские ножи результатом развития общеславянских и древнерусских форм, протекавшего в течение нескольких веков.

Сравнительно-типологический анализ изделий из черного металла, однотипность которых объясняется сходным способом ведения хозяйства и производственной необходимостью, не может дать существенной информации о средневековых традициях и мастерстве. Наибольший результат можно получить, изучая соотношения средневековых технологий. Для такого исследования наиболее ценную информацию может дать исследование такой категории инструментов, как ножи, которые являются не только самым массовым после керамики археологическим материалом, но и универсальным инструментом, наилучшим образом отражающим уровень средневекового кузнечного ремесла и те изменения, которые проходили в хозяйстве и экономике древних обществ. Соответственно, сборы этих изделий, подвергшиеся структурному изучению, наиболее многочисленны и информативны.

С территории Першино-I было исследовано 14 ножей и их обломков. С точки зрения статистики такая выборка считается малой и средняя статистическая ошибка значительно превышает 95 %, что не позволяет считать эту выборку достоверно отражающей генеральную совокупность явлений⁵. Абсолютная ошибка доли при рассмотрении трех изделий из четырнадцати, выполненных по какой-то технологической схеме, в данном случае превышает ± 100 %, что не позволяет нам судить о том, что данная технологическая схема действительно представлена на этом памятнике в соотношении 3/14⁶. Таким образом, приблизительный объем исследованной коллекции, который смог бы удовлетворить требование средней статистической ошибки не более 95 %, должен составить не менее 200 образцов. В данном случае это условие невозможно выполнить как по причине трудоемкости такого исследования, так и за отсутствием необходимого объема материалов. Вместе с тем, учитывая значительную погрешность при попытке сделать статистические выводы и опираясь на опыт металлографических исследований других археологических коллекций, мы можем сделать вывод о наличии тех или иных

технологических схем, которые применялись при изготовлении инструментов, и попытаться сравнить полученные данные с материалами других памятников.

Анализ № 1 был получен из обломка лезвия (коллекционный № 30), найденного в заполнении ямы № 9 первого раскопа (2002 год) и связан со слоем № 1. В паспорте образца указано, что это обломок ножа, хотя в данном случае, учитывая его размер и последующий структурный анализ, мы можем определить его, скорее, как обломок лезвия серпа. После травления было выявлено применение технологии косой боковой наварки. К неоднородной крупнозернистой ферритовой основе с микротвердостью от 160 до 200 кг/мм² была приварена с выходом на лезвие среднеуглеродистая стальная пластинка, которая была отделена от основы чистым сварочным швом. Изделие, вероятно, подверглось мягкой закалке. На лезвии была выявлена неоднородная феррито-перлитная структура, переходящая в сорбит с микротвердостью от 300 до 360 кг/мм². Исследованный инструмент можно характеризовать как высококачественное изделие. При термообработке серпов средневековые мастера в основном использовали мягкую закалку, что было наиболее рациональным приемом, придававшим лезвию вместе с твердостью определенную вязкость. Такой технологический прием характерен для инструментов из Новгорода, Серенска, Княжей горы и Райковецкого городища. Закалка и последующий отпуск выявлены у серпа № 1505 из Старой Рязани⁷ и болгарского, полученного из V-IV слоев⁸.

Анализ № 2 был получен из обломка ножа (коллекционный № 29), также происходящего из слоя 1 в заполнении ямы 9 первого раскопа (2002 год). Нож подвергся значительной коррозии, что не помешало исследовать его структуру. Металлографический анализ выявил после травления наличие неоднородной феррито-перлитной структуры с микротвердостью от 160 до 260 кг/мм². Этот нож можно характеризовать как изделие с низкими эксплуатационными качествами. Он был откован из неравномерно науглероженного кричного железа и, возможно, подвергся локальной закалке.

Анализ № 3 принадлежит ножу (коллекционный № 17), найденному в 2003 году на рас-

копе 2 в пласте 3 квадрата 7. Изделие подверглось умеренной коррозии. Нож был выполнен из кричного железа. Металлографический анализ показал наличие среднезернистой ферритной структуры, плохо протравившейся ближе к острию, с микротвердостью 190-200 кг/мм². Этот нож, как и предыдущий, можно охарактеризовать как низкокачественное изделие.

Анализ № 4 был взят из ножа (коллекционный № 24), который подвергся незначительной коррозии. Этот инструмент был получен с пятого раскопа (2006 год) из квадрата 16 первого пласта. Изделие было изготовлено в технике торцовой наварки. На железную крупнозернистую основу с микротвердостью 90-100 кг/мм² была наварена стальная высокоуглеродистая лезва, закаленная на сорбит с переходом на лезвии в троостит (произошла диффузия углерода из стальной пластины в железную основу). Острие имело микротвердость около 260 кг/мм² и, вероятно, прошло мягкую закалку. Качество сварочного шва хорошее. Этот нож можно характеризовать как качественное изделие.

Анализ № 5 получен из ножа (коллекционный № 10), который неплохо сохранился. Этот инструмент был найден на втором раскопе (2003 год) в первом пласте квадрата 14. Металлографический анализ показал, что нож был сделан из кричного железа, сильно засоренного шлаковыми и неметаллическими включениями, с микротвердостью от 180 до 210 кг/мм². Нож обладал низкими эксплуатационными качествами.

Анализ № 6 принадлежит обломку ножа (коллекционный № 27) с первого раскопа (2002 год) из первого слоя ямы 9. Образец подвергся умеренной коррозии. Металлографический анализ выявил, что в мелкозернистую железную основу была вварена стальная лезва, переходящая на острие в феррит с микротвердостью от 160 до 115 кг/мм². Сварочный шов выполнен некачественно и местами разошелся. Обезуглероживание лезвия может быть вызвано пребыванием ножа в огне.

Анализ № 7 происходит из ножа (коллекционный № 3), который подвергся сильной коррозии. Этот инструмент был найден в квадрате 10 первого пласта четвертого раскопа (2005 года). Металлографический анализ показал, что нож

был сделан из двух сваренных высокоуглеродистых стальных пластин с выходом одной из них на острие. Сварочный шов качественный. Сталь подверглась резкой закалке на мартенсит и имеет микротвердость около 420 кг/мм². Исследованный нож был острым, но хрупким изделием невысокого качества. Вероятно, имел место производственный брак. При сварке стальную полосу перепутали с железной.

Анализ № 8 взят из ножа (коллекционный № 16), который был получен со второго раскопа (2003 год) из третьего пласта квадрата 7. Нож подвергся умеренной коррозии. Металлографический анализ показал, что он был выполнен в технологии косой боковой наварки. Основа была изготовлена из пакетного металла (вероятно, железный лом), в котором чередовались пластинки крупнозернистого засоренного шлаковыми включениями железа и среднеуглеродистой стали с микротвердостью 210-220 кг/мм². К этой основе была приварена высокоуглеродистая пластина. Сварочный шов качественный. На границе стальных пластин произошла диффузия углерода. Сталь была закалена на сорбит с переходом в троостит на острие с микротвердостью 420-510 кг/мм². Вероятно, изделие подверглось резкой локальной закалке. Исследованный нож был высококачественным и грамотно исполненным инструментом.

Анализ № 9 был получен из ножа (коллекционный № 32), обнаруженного на первом раскопе (2002 год) в первом слое ямы 9. Инструмент подвергся сильной коррозии. Металлографический анализ выявил, что основная часть лезвия была сделана из неравномерно науглероженного железа с микротвердостью от 90 до 340 кг/мм². На острие выявлена структура перлита с мартенситовой ориентацией. Вероятно, изделие подверглось резкой закалке с отпуском, которую большая его часть не могла принять. Исследованный нож был низкокачественным, бракованным изделием.

Анализ № 10 принадлежит ножу (коллекционный № 6), который был найден на третьем раскопе (2004 год) в первом пласте на квадрате 13. Нож подвергся незначительной коррозии. Металлографический анализ показал, что он был выполнен в технологии V-образной наварки. На неравномерно науглероженную железную основу с микротвердостью от 140 до 116 кг/мм² были

наварены две стальные пластинки, закаленные на сорбит с микротвердостью 260 кг/мм². Кузнечная сварка выполнена со средним качеством. Металл местами перегрет.

Анализ № 11 происходит из ножа (коллекционный № 9), полученного с четвертого раскопа 2005 года из второго пласта квадрата 11. Металлографический анализ выявил, что этот инструмент, подвергшийся незначительной коррозии, был изготовлен сваркой высокоуглеродистой пластины с микротвердостью от 460 до 665 кг/мм² и неравномерно науглероженной пластины с выходом на острие структуры сорбита с микротвердостью 270 кг/мм². Вероятно, нож подвергся резкой закалке с отпуском.

Анализ № 12 был взят из ножа (коллекционный № 12), который обнаружили на первом раскопе (2002 год) второго слоя квадрата 4А. Коррозия изделия незначительная. Изделие было изготовлено в технике вварки. В неравномерную феррито-перлитную основу была вварена специально подготовленная стальная леза, закаленная на сорбит (микротвердость 220-270 кг/мм²) с переходом в мелкодисперстный мартенсит на острие (микротвердость 460 кг/мм²). Вероятно, изделие подверглось резкой локальной закалке. Кузнечная сварка была выполнена качественно. Инструмент по грамотности применения технологической схемы и качеству ее исполнения можно признать эталонным. Его изготовил высокопрофессиональный мастер.

Анализ № 13 получен из обломка ножа (коллекционный № 23), который подвергся незначительной коррозии. Он был обнаружен на пятом раскопе (2006 год) в первом пласте квадрата 15. Инструмент был изготовлен из железа, сильно засоренного шлаковыми и неметаллическими включениями с микротвердостью 150-200 кг/мм². На кончик острия вышла феррито-перлитная структура с микротвердостью 143 кг/мм². Исследованный нож был изделием среднего качества.

Анализ № 14 принадлежит обломку ножа (коллекционный № 4), найденного на четвертом раскопе (2005 год) в первом пласте 12-го квадрата. Изделие подверглось умеренной коррозии. Нож был изготовлен в технике косой боковой наварки. К пакетной неравномерно науглероженной основе (феррит и перлит с микро-

Таблица 1. Сводная таблица соотношения применения технологических схем в изготовлении ножей

	Рязань	Белоозеро	Звенигород	Ярополч-Залесский	Муромский городок	Болгар	Бияр
Цельностальные	34 %	18 %	7 %	51 %		8 %	13 %
Цельножелезные	18 %	20 %	7 %	11 %	27 %	12 %	8 %
Пакетная основа	6 %	4 %			11 %	15 %	15 %
Цементация	17 %	14 %				20 %	6 %
Трехслойный пакет	1 %	8 %	14 %	2 %		3 %	14 %
Торцовая наварка	10 %	3 %	43 %	20 %	22 %	3 %	7 %
Косая боковая наварка	9 %	23 %	21 %	2 %		22 %	10 %
V-образная наварка	5 %					15 %	
Вварка		7 %		11 %	38 %	3 %	31 %
Сварка двух стальных полос					5 %		
Сварка железной и стальной полосы				2 %			

твердостью 170-270 кг/мм²) была приварена высокоуглеродистая стальная пластина с выходом на острие мелкодисперсного мартенсита с микротвердостью 440-305 кг/мм². Вероятно, нож подвергся резкой локальной закалке. Исследованный инструмент можно характеризовать как высококачественное изделие.

На полученных из Першино материалах мы можем проследить **шесть технологических схем**: изготовление из кричного железа (образец № 2, 3, 5, 13), сварка двух пластин (образец № 7 и 9), вварка (образец № 6 и 12), наварка стальной лезы на железную основу (образец № 10), косая боковая наварка (образец № 4, 8, 14) и торцовая наварка (образец № 1 и 11). Значительная часть изделий (6 штук) изготовлена по упрощенной (архаичной) технологической схеме либо из кричного железа, либо сваркой двух пластин. В исследованной коллекции грамотностью исполнения и качеством выделяются образцы № 1 и 4, выполненные в технике торцовой наварки, № 8 и 14 (косая боковая наварка) и № 12 (вварка). Косая боковая наварка и торцовая наварка стального лезвия являются сложными и требующими немалого искусства технологическими схемами, что позволяет предположить, что эти изделия, особенно выполненные в технике торцовой наварки, были для этого памятника, скорее всего, импортом.

Сравнительно большая процентная доля из-

делий, выполненных в технике наварки, позволяет нам сделать некоторые суждения о возможной датировке памятника. К сожалению, эти выводы будут достаточно относительными и требующими осторожного к ним отношения. Во-первых, мы имеем мало древнерусских коллекций, исследованных методом металлографии, которые бы обладали сравнительно большим объемом (более 200 экземпляров) и могли бы дать характеристику ремесла исследуемых регионов для XI-XII и XII-XIII веков. Во-вторых, те материалы, которые отвечают этим требованиям, принадлежат памятникам Северо-Запада (Новгородская земля) и Запада (Полоцкая земля) Древней Руси. Поэтому нам нужно учитывать неизбежные культурное отличие такого памятника, как селище Першино, расположенного на восточной периферии древнерусского государства, и небольшой объем исследованной с него коллекции. Материалы Новгорода и Полоцка демонстрируют масштабное применение технологии наварки (косая боковая и торцовая наварка) начиная с XIII века. Полоцк IX-XI — 5 % и XII-XIII — 65 %. Новгород XI-XII вв. — 9,5 % и XIII — 34 %⁹. Исследовавший материалы Новгорода Б. А. Колчин отмечает на Новгородских материалах эволюцию от простых технологических схем к наиболее продуктивным и сложным наварным схемам и, в частности, к торцовой наварке¹⁰. На основе этих данных изделия, получен-

Таблица 2. Сводная таблица соотношения применения технологических схем в изготовлении ножей (Суздаль и селища его округи)

	Суздаль	Селища Крутик и Никольское
Цельножелезные	7 %	6 %
Цельностальные	16 %	10 %
Цементация	17 %	4 %
Пакетная заготовка	1 %	
Наварка	25 %	4 %
Сварка двух полос	2 %	
Трехслойный пакет	25 %	58 %
Пятислойный пакет		5 %
Вварка	7 %	11 %

ные с Першино, более соответствуют кузнечному ремеслу XIII — начала XIV века, что позволяет согласиться с мнением Н. Н. Грибова, который считает, что наличие домонгольских материалов для Першино-I, скорее всего, может быть объяснено его периферийностью и некоторым отставанием в изменениях материальной культуры.

Железные изделия и железная основа сварных изделий, как правило, сильно засорена шлаками, что является обычным явлением для кузнечного ремесла. Шлаковые включения снижали твердость железа, но в целом не влияли серьезно на качество изготовленных изделий. Вместе с тем, в ряде случаев измерения показали сравнительно высокую микротвердость железа (более 200 кг/мм²) у образцов № 1, 3, 5, 8, 13. Это позволяет предположить использование в данном случае фосфористого железа. Средневековые кузнецы при работе внимательно относились к свойствам материалов и стремились их использовать. В железных изделиях может встречаться до 1 % фосфора. Б. А. Колчин считал эту примесь случайной и не влияющей на качество железа¹¹. Но в целом фосфористое железо имеет большую микротвердость, чем обычное, и, как отмечают современные исследователи, целенаправленно применялось в сварных конструкциях. Этот материал могли использовать мастера Муромского городка, Болгара и Белоозера.

Большой интерес вызывает обнаружение в исследованной коллекции двух инструментов, выполненных сваркой стальной и железной полосы с выходом стали на острие. Эта технология в целом не характерна для Древней Руси. В материалах Киева и Чернигова X-XIII вв. и памятников их округи было выявлено 8 инструментов (1,7 %), выполненных в этой технологии. Два таких ножа (0,8 %) происходят из коллекций

Полоцкой земли XII-XIII веков¹². Из коллекции Ярополча-Залесского сварка из железной и стальной пластины с выходом стали на лезвие замечена у одного ножа (2 %), в Суздали у двух (2,3%). Автор работ М. В. Седова полагает, что они скорее характерны для изделий древних угро-финнов и балтских племен¹³. Археологический вещевой материал в городецких находках, который можно было бы связать с местным финским населением, очень скуден. К ним можно отнести единичные бронзовые круглые проволочные застёжки со спирально подогнутыми окончаниями, мордовскую лопастную сюльгаму и марийский бронзовый треугольный декорированный тремя спиралями щиток от наконника. В окрестностях селища Першино-I обнаружен бронзовый тройник распределитель ремней конской упряжи финноугорского происхождения, датируемый периодом IX-XIV веков и представляющий собой ремесленный брак¹⁴.

Хотя исследованная с территории Першино-I коллекция ножей невелика (всего 14 предметов), тем не менее, находка в ее материалах сразу двух экземпляров, выполненных в технологии сварки железной и стальной пластин, может свидетельствовать о ее сравнительно большой распространенности. В настоящий момент объем исследованной коллекции не позволяет сделать определенных выводов. Но мы можем предполагать наличие преемственности традиций кузнечного ремесла между пришлым русским населением и финскими аборигенами и иначе взглянуть на возможный ход освоения Нижегородского Поволжья. Исследователь Першино-I Д. А. Антонов полагает, что марийцы в этом регионе в момент его освоения русскими присутствовали эпизодически, и территория Нижегородского Заволжья представляла собой своеобразную нишу, занятую впоследствии славяно-русскими поселенцами. Это утверждение основывается на данных археологических разведок, которые не обнаружили марийские поселения, связанные с периодом освоения этого региона русскими, и очень скудном финском материале в вещевом комплексе русских памятников этого региона. Тем не менее, присутствие в Першинских материалах изделий, выполненных в кузнечной традиции, более характерной для угро-финских племен, позволяет искать наличие более тесных культурных и экономических контактов.

¹ Антонов Д. А. История и перспективы изучения сельских средневековых памятников Нижегородского Заволжья // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород, 2008. — Вып. 11. — С. 19.

² Антонов Д. А. Украшения и предметы мелкой христианской пластики в русских заволжских селищах XIII-XIV веков нижнего течения реки Санда // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. — Нижний Новгород, 2006. — Вып. 10. — С. 25.

³ Леонтьев А. Е. Классификация ножей Сарского городища // Советская археология. — 1976. — № 2. — С. 42.

⁴ Минасян Р. С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (К вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // Археологический сборник. — Л., 1980. — С. 69.

⁵ Федоров-Давыдов Г. А. Статистические методы в археологии. — М., 1987. — С. 50.

⁶ Головин Б. Н. Язык и статистика. — М., 1970 — С. 56.

⁷ Толмачева М. М. Технология кузнечного ремесла Старой Рязани // Советская археология. — 1983. — № 1. — С. 253.

⁸ Семькин Ю. А. Черная металлургия и металлообработка на болгарском городище // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. — Казань, 1996. — С. 128.

⁹ Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачева М. М. Очерки по истории древней металлообработки в Восточной Европе. — М., 1997. — С. 280.

¹⁰ Колчин Б. А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого (Продукция. Технология) // Материалы и исследования по археологии СССР. Труды Новгородской археологической экспедиции. — М., 1959. — Т. II. — № 65. — С. 52.

¹¹ Колчин Б. А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. Домонгольский период // Материалы и исследования по археологии СССР. — М., 1953. — № 32. — С. 46.

¹² Терехова Н. Н., Розанова Л. С., Завьялов В. И., Толмачева М. М. Указ. соч. — С. 268-269.

¹³ Седова М. В. Ярополч-Залесский. — М., 1978. — С. 147.

¹⁴ Антонов Д. А. Древнерусские селища XII-XIV вв. в Нижегородском Заволжье // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. — Нижний Новгород, 2004. — С. 16.

Т. О. Галкин (Владимир)

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛИЗАЦИИ КУРГАННЫХ ГРУПП

У СЕЛ ДОБРОЕ И КРАСНОЕ: ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ БД И ГИС

Археологические изыскания¹ Алексея Сергеевича Уварова во Владимирско-Суздальском ополке еще долгое время будут вызывать полярные оценки исследователей². Этому служит и небывалый размах работ, и важность результатов, и тот стимул, который придал граф изучению славяно-русских древностей.

Нас прежде всего будет интересовать возможность локализации двух курганных групп у сел Доброе и Красное (современных районов г. Владимира) с помощью современных аппаратных средств — баз данных (БД) и геоинформационных систем (ГИС). Современные ГИС представляют собой специфические программные средства, предназначенные для разностороннего анализа данных о пространственных объектах. Насколько нам известно, к настоящему времени проводилось только одно подобное исследование³, однако оно не затронуло интересующие нас памятники. Важность локализации данных курганных групп объясняется, прежде всего, нашим предположением, что потерянная под современной застройкой курганная группа села Доброе была, возможно,

несохранившимся городским курганным некрополем средневекового Владимира. Мы считаем, что его локализация поможет поставить Владимир в один типологический ряд с Суздаlem⁴, Ростовом⁵ и Плесом⁶, курганные некрополи которых достаточно полно изучены, и понять характер межрелигиозного взаимодействия населения города, степень его христианизации и специфику погребального обряда.

В процессе раскопок экспедицией К. Н. Тихонравова в 1859 году был обнаружен и исследован курганный некрополь у с. Доброе, однако уже к 1905 году его местоположение оказалось основательно забытым — настолько, что Н. М. Макаренко, предпринимая археологическую поездку по Владимирскому, Муромскому, Меленковскому и Судогодскому уездам, писал: «По дороге из г. Владимира на с. Доброе, против села Красного, в углу соединения двух дорог на Красное и Доброе, влево по движению, встречается небольшой, сравнительно, холмик, перерезанный дорогой и частью уничтоженный при прокладке шоссе. Сохранившаяся часть верхней

Рис. 1. Территория сел Доброе, Красное и Константино-Еленинского монастыря на карте Генерального межевания Владимирской губернии 1780-1790 годов

площади холмика — половина овала (в плане); в обрыве не было замечено каких-либо культурных остатков, либо намеков на них, что, конечно, не исключает возможности их существования»⁷. Что же касается курганной группы у с. Красное, то в 1905 году, она вообще не была обнаружена. «У с. Красное мне не могли указать курганов — их, по-видимому, нет»⁸.

Село Доброе впервые упоминается в 1478 году в жалованной грамоте митрополита Геронтия⁹, где это село называется Константиновским по имени существовавшего здесь Константино-Еленинского монастыря. В это время здесь уже стояла Никольская церковь, потому что в грамоте упоминается «Никольский поп в Добром селе», который освобождался от суда митрополичьих наместников. В «Историко-статистическом описании церквей и приходов Владимирской епархии» мы читаем: «В Добром почти до конца прошлого столетия существовал Константино-Еленинский монастырь. Основание его некоторые летописцы относят к XIII веку, из игуменов этого монастыря посвящен был в 1276 г. епископ Владимирский Феодор; но позднейшие, более достоверные исследования говорят, что Константино-Еленинский монастырь основан свят. Алексием, митрополитом Московским, в бытность его Владимирским епископом»¹⁰. Статус села говорил о наличии в нем церкви. В той же грамоте митрополита Геронтия от 1478 г. упоминается церковь во имя святого Николая Чудотворца. Судьба этой

церкви в течение XVI столетия остается неизвестной. Существование ее в селе Добром в XVII в. подтверждается записью в патриарших окладных книгах за 1628 г.: «Церковь великого чудотворца Николы в с. Добром царя Константиновского монастыря... дани алтын три деньги»¹¹. Во второй половине XVIII в. архимандритом бывшего Константино-Еленинского монастыря Авраамием была возведена пятиглавая каменная церковь. После упразднения монастыря ее передали селу. В 1865 г. церковь была расширена, а в 1885 г. при ней выстроили довольно высокую каменную колокольню. Церковь и колокольня и по сей день стоят на том месте, где когда-то находился монастырь, что, безусловно, является одним из маркеров для локализации и выполнения нашей задачи.

Село Красное впервые упоминается в 1515 году в жалованной грамоте Дмитриевскому собору. Великий князь Московский Василий III требовал, чтобы «по две четверти ржи, да по четверти пшеницы, да по сити гороху, да по две деньги на соль и дрова»¹² бралось с этого села в пользу собора. В настоящее время от старого села фактически сохранилась одна улица — Красносельская (бывшая Подгора, затем Первомайская) с Михайло-Архангельской церковью и небольшим сельским кладбищем при ней.

Для проведения локализации нами использовались ГИС GvSig, являющейся программой с открытым кодом и распространяемой бесплатно, и программа БД — ARDB 2.6 build 1035¹³,

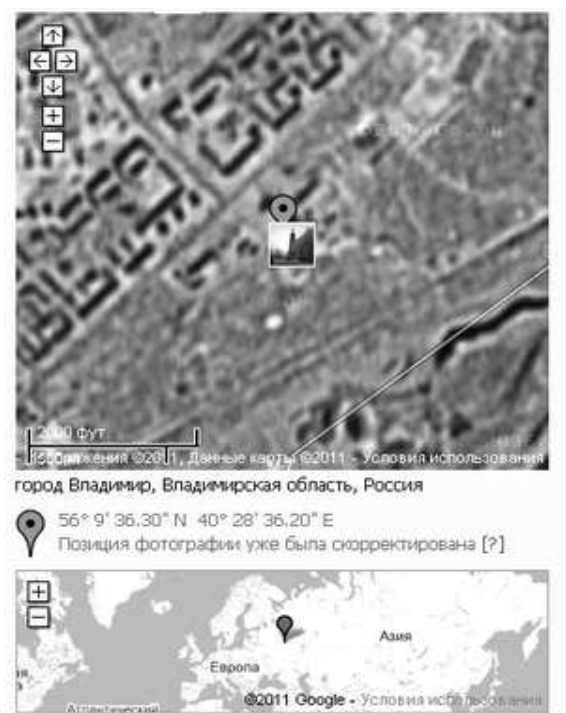

Рис. 2. Карта GoogleMaps. Территория бывшего Константино-Еленинского монастыря

разработанная коллективом авторов ИИМК и распространяемая с ноября 2009 года бесплатно. Это археологическая информационная система по

учету, регистрации и анализу археологических памятников с использованием цифровых карт местности и ГИС.

Для уточнения предполагаемого местонахождения курганной группы у села Доброе мы использовали два варианта. Первый — с помощью общедоступной программы спутника GoogleMaps, и второй — с помощью выезда на место и непосредственной привязки к координатам GPS — навигатором Magelan explorist 600.

Координаты GoogleMaps оказались следующими — $56^{\circ} 9' 36.30'' \text{ N } 40^{\circ} 28' 36.20'' \text{ E}$.

Однако даже после двух проверок используемыми аппаратными средствами наши координаты оказались несколько отличными от представленных. Наши координаты были следующими: $56^{\circ} 53.984 \text{ N } 40^{\circ} 19.349 \text{ E}$. Как видим, расхождения достаточно значительны для столь точных приборов. Возможно, это было связано с пасмурным днем, когда производились съемки.

Привязав наши точки к топониме карты Владимирской губернии 1850 года с помощью gvSIG, мы получили следующее местоположение: воспользовавшись записями ВУАК как источника,

Рис. 3. Локализация объекта с помощью программы gvSIG по имеющимся координатам

Рис. 4. Никольская церковь Константино-Еленинского монастыря. Март 2010 года

с помощью тахеометра Nikon NLP мы локализовали место расположения «холмиков», предположительно, они находились на месте нынешнего некрополя возле церкви современного Константино-Еленинского монастыря.

Мы можем предположить, что остатки несохранившегося курганного некрополя у с. Доброе, исследованного в середине XIX века, в данный

момент перекрыты современным некрополем монастыря, захоронения на котором, судя по надписям на могильных памятниках, происходили до 1930 годов.

Таким образом, в настоящее время, несмотря на полную проработанность письменных источников и исследования на местности с применением современных аппаратных средств, достоверно установить местоположение курганного могильника у села Доброе без проведения археологических раскопок на данной территории не представляется возможным.

Мы надеемся, что сделанная нами работа позволит исследователям в дальнейшем не тратить время на локализацию памятника, а сразу же приступить к его полевому изучению.

При этом, чтобы облегчить задачу будущим исследователям, мы постарались максимально собрать все данные по памятнику и представить их в электронном виде.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сводный отчет по памятнику археологии

(подготовлен АИС Археограф 2.6)

Код={1DAE720E-8FAF-5109-9B4A-0000E6000000}, зарегистрирован 21.02.2011

КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК У С. ДОБРОЕ (Владимир, Доброе)

Координаты:

СШ 56° 59' 9.0" ВД 40° 19' 34.9" (GPS-приемник)

Примечания:

К. Н. Тихонравовым была исследована 71 курганная насыпь.

Найдено 136 малых височных колец, 9 медных пуговиц, куски позумента и шелковой ткани, два целых сосуда и множество фрагментов керамики.

Географическое положение

Георегион: Владимирская область

Культурно-исторический регион: Северо-Восточная Русь

Природная зона: лесостепь

Водный бассейн: река

Микротопография: 150-200 м от р. Клязьма

Микрорельеф: долина

Административное положение:

На момент регистрации	На момент открытия
РОССИЯ, Владимирская область, Владимир Ближайший н/п - г. Владимир	РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ, Владимирская губерния, Владимирский уезд, Ближайший н/п - с. Доброе

Хронология: раннее средневековье; культуры: древнерусская

Предполагаемые даты:

Дата	Источник, примечание
XII век	

История изучения:

Год	Автор, экспедиция, виды работ	Описание работ
1858	Тихонравов К. Н., экспедиция ВУАК 1858 года, обследование (сборы, описание, снятие планов); раскопки	

Архивные документы:

Город, страна	Архив, год, фонд, опись, дело/инв, листы, комментарии	Примечание
Москва, РОССИЯ	ГИМ, 17, 1, 209, 38-39	

Изобразительные и мультимедийные материалы

Тип. Название, автор. Дата. Название файла и его полный путь. Размер, б.	Примечание
Рисунок D:_ardb_26\MediaFiles\Pic\0000001.bmp (405474 байт)	

Библиография:

Год	Автор, публикация	Примечание
1908	Макаренко Н. Е. Новленский и Заколпский могильники Владимирской губернии и археологическая поездка по Владимирскому, Муромскому, Меленковскому и Судогодскому уездам // Труды ВУАК. — Владимир, Типография Губернского правления. — Кн. 10.	С. 1-63
1969	Глазов В. П. Исследования Суздальского ополья // Археологические открытия 1968 г. — М., 1969.	
1905	Спицын А. А. Владимирские курганы // Известия российской императорской археологической комиссии. — СПб., 1905.	С. 84-182
1854	Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. — М., 1872.	С. 46.
1851	Тихонравов К. Н. Труды Владимирского Статистического комитета. — Владимир, 1864. — Т. II.	С. 122.
1851	Тихонравов К. Н. Известия Археологического общества. Т. II.	С. 390.

Кадастр:

Землевладелец	Землепользователь	Охранная документация	Площадь памятника (кв.м)	Значение	Состояние
				Местное	Не сохранился
Примечания:					

¹ Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. — М., 1872.

² Спицын А. А. Владимирские курганы // ИАК. — СПб, 1905; Лапшин В. А. О методике раскопок Владимирских курганов // Уваровские чтения. — Муром, 2002; Формозов А. А. А. С. Уваров и его место в истории русской археологии // Российская археология. — 1993. — № 3; Лапшин В. А. Ранняя дата Владимирских курганов. — КСИА, 1961; он же. Население центрального района Ростово-Суздальской земли X-XIII вв. (по археологическим материалам). Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Ленинград, 1985.

³ Карпухин А. А. Опыт применения ГИС для локализации курганных групп Суздальского ополья, исследованных А. С. Уваровым // Археология Владимиро-Суздальской земли. — М., 2007. — Вып. 1. — С. 43-49.

⁴ Нестерова Н. В. Городские некрополи средневекового Суздаля по археологическим данным // Материалы исследований ВСМЗ. — Владимир, 2008. — Сб. № 14. — С. 3-9; Седова М. В. Суздаль в X-XV веках. — М, 1997; Сабурова М. А. Некрополь Суздаля // Культура и искусство

средневекового города. — М., 1984.

⁵ Леонтьев А. Е. Археология мери: К предыстории Северо-Восточной Руси. — М., 1996.

⁶ Травкин П. Н. Язычество древнерусской провинции. Малый город. — Иваново, 2007.

⁷ Макаренко Н. Е. Новленский и Заколпский могильники Владимирской губернии и археологическая поездка по Владимирскому, Муромскому, Меленковскому и Судогодскому уездам // Труды ВУАК. — Владимир, 1908. — Кн. 10. — С. 3-4.

⁸ Там же. — С. 6.

⁹ Никольский Н. К. Правая грамота митрополита Геронтия // Отчет о заседании Общества любителей духовного просвещения. — СПб., 1895.

¹⁰ Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. — Владимир, 1893. — С. 235.

¹¹ Труды ВУАК. — Владимир, 1908. — Кн. 10.

¹² Там же. — С. 121.

¹³ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ardb.spb.ru/>.

Л. В. Столярова, П. В. Белоусов (Москва)

О ГИБЕЛИ ЦАРЕВИЧА ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА В УГЛИЧЕ 15 МАЯ 1591 ГОДА¹

*Воротынский. Ужасное злодейство! Полно точно ль
Царевича сгубил Борис?
Шуйский. А кто же»*

А. С. Пушкин. Борис Годунов

15 мая 1591 г. в удельном Угличе гул набатного колокола возвестил о смерти на княжеском дворе младшего брата царя Федора восьмилетнего сына Марии Нагой и фактического наследника престола царевича Дмитрия. Сразу же родилась версия о злодейском убийстве царевича и названы злоумышленники: сын дьяка Михаила Битяговского Данила, его племянник Никита Качалов и сын царевичевой мамки Осип Волохов. Вместе с самим дьяком и еще несколькими посадскими людьми и слугами они были зверски убиты толпой. Вскоре началось следствие, которое велось боярином Василием Ивановичем Шуйским, окольным Андреем Петровичем Луп-Клешниным, дьяком Елизарием Даниловичем Вылузгиным и представившим патриарха Иова крутицким митрополитом Геласием². В результате деятельности комиссии появилось Следственное дело, которое 2 июня было доложено царю Федору и Освященному собору. В нем утверждалось, что небрежением Нагих царевич закололся ножом во время игры с ребятами-«жильцами» «в тычку», в припадке «черной болезни падучей»³. По распоряжению правительства Федора Ивановича, Нагих разослали по тюрьмам. Мать царевича — Марию Нагую — насильно постригли в монастыре на Выксе. Угличане — участники волнения — подверглись ссылке в Сибирь⁴.

Летом 1606 г. в условиях начала Крестьянской войны вновь всплыло имя царевича Дмитрия — на сей раз будто бы «чудом спасшегося» от убийц. Правительство царя Василия Шуйского канонизировало «невинно убиенного отрока» и тем самым перечеркнуло выводы Следственной комиссии 1591 г.⁵ С тех пор в публицистике, а позднее в исторической и художественной литературе, бытуют две версии о гибели Дмитрия Угличского: о его убийстве и о «самозаклании»⁶.

Мастерски нарисованная Н. М. Карамзиным драма царя-убийцы Бориса Годунова была опозитивирована А. С. Пушкиным в величайшей национальной трагедии «Борис Годунов»⁷. В золотой фонд мировой оперной классики вошла опера М. П. Мусоргского, в основу либретто которой положена пушкинская трагедия.

Каковы же реальные события, связанные с гибелью царевича Дмитрия? Располагает ли наука достаточными и достоверными свидетельствами источников, которые могли бы быть интерпретированы с позиций современной психиатрии? Иными словами, имеются ли основания для составления патографии царевича Дмитрия — особой области психиатрических исследований, занимающейся изучением исторических личностей сквозь призму их болезней — настоящих или мнимых? Может ли патография царевича Дмитрия пролить свет на обстоятельства его гибели 15 мая 1591 г. в Угличе?

В источниках болезнь царевича Дмитрия именуется «падучей», «падучим недугом», «немочью падучей», «недугом», «болезнью», «черным недугом». Так в XVI-XVII вв. в России определялась эпилепсия⁸ — хроническое заболевание, которое возникает преимущественно в детском или юношеском возрасте и характеризуется разнообразными параксизмальными расстройствами, а также типичными изменениями личности, нередко достигающими выраженного слабоумия со специфическими клиническими чертами. На отдаленных этапах болезни могут возникать острые и затяжные психозы⁹.

Впервые понятие, означающее состояние человека, пораженного некой силой, появилось в трудах Авиценны (Абу Али ибн Сины) в IX в. Современное понятие «эпилепсия» было введено французским хирургом Амбруазом Парэ

(1517-1590). Название болезни происходит от греч. τ - μ — занимать, охватывать, нападать, попадать, наткаться на что-либо¹⁰. Латинскими эквивалентами этого понятия, под которыми это заболевание фигурирует в античных и средневековых источниках, являются *morbus sacer*, *morbus divinus* (священная болезнь), а также *morbus lunaticus* (лунная болезнь). Как известно, «священную болезнь» упоминали Гераклит и Геродот. В 400 г. до н. э. Гиппократ написал первую монографию, посвященную этому заболеванию («О священной болезни»). В средневековой Европе эпилепсия именовалась также «болезнью св. Иоанна», который будто бы страдал этим недугом¹¹. В X-XI вв. появились понятия «падучий дьявол» и «падучая болезнь». В XIII в. в Европе распространилась точка зрения о том, что падучей можно заразиться через дыхание больного¹².

Заболевание царевича Дмитрия носило наследственный характер. Очень вероятно, что какой-то формой эпилепсии, сопровождавшейся выраженными изменениями личности, страдал отец Дмитрия царь Иван Грозный¹³. Польский хронист Рейнгольд Гейденштейн оставил любопытное свидетельство о том, что старший сын Ивана IV царевич Иван Иванович перед смертью в 1581 г. пережил приступ эпилепсии, спровоцированный отцовским ударом «осном» (острием посоха) в висок: «Или от удара, или от сильной душевной боли впал в падучую болезнь, потом в лихорадку, от которой и умер»¹⁴.

Умственно неполноценным был средний сын Ивана Грозного Федор. Английский посол в Россию Джильс Флетчер писал, что царь Федор Иванович «росту малого, приземист и толстоват, телосложения слабого и склонен к водянке; нос у него ястребиный, поступь нетвердая от некоторой расслабленности в членах; он тяжел и недеятелен, но всегда улыбается, так что почти смеется... Он прост и слабоумен, но весьма любезен и хорош в обращении, тих, милостив, не имеет склонности к войне, мало способен к делам политическим и до крайности суеверен»¹⁵. По словам Петра Петрея, Федор был «от природы простоватый и тупоумный»¹⁶. Не имея охоты заниматься государственным управлением, царь Федор Иванович «находил свою отраду в образах и духовных делах, иногда бегал сам по церквам, благовестил и звонил

в колокола»¹⁷. По словам того же Петрея, Иван Грозный нередко упрекал царевича в том, что «он больше походит на пономарского, чем на великокняжеского сына»¹⁸. Шведский король говорил о московском государе, что русские называют его на своем языке словом «durak». Папский нунций Антонио Поссевино сообщал, что умственное ничтожество Федора граничит с идиотизмом. Согласно источникам, русскому царю с трудом давалось исполнение придворных церемоний, которые до крайности его утомляли¹⁹. «Черным недугом» (эпилепсией) страдал дальний родственник Ивана Грозного князь Иван Михайлович Глинский²⁰, о котором Флетчер писал, что он «очень прост и почти полоумный»²¹.

Все сыновья Ивана Грозного, не говоря о нем самом, отличались патологической жестокостью, чрезмерной религиозностью, мстительностью и злопамятностью, что свидетельствует о наличии специфических характерологических изменений личности, вероятно, либо в связи с наличием заболевания эпилепсией, либо в связи с предрасположенностью к ней. Иван IV рос исключительно злобным мальчишкой. Как известно, уже лет в двенадцать любимейшей его забавой было «бессловесных» (т. е. кошек и собак) «крови проливати», сбрасывая их с высоты. Чуть повзрослев, он переключился на людей: с ватагой сверстников носился верхом по московским площадям и рынкам, чтобы «всенародных человек, мужей и жен бити и грабити». В 1543 г. Иван IV впервые вынес смертный приговор. По наущению Глинских он приказал своим псарям схватить и убить ненавистного князя Андрея Михайловича Шуйского. Великому князю в то время было всего тринадцать лет. Официальный летописец писал об этой казни верноподданнически льстиво: «И от тех мест начали бояре бояться, от государя страх имети и послушание». В сентябре 1545 г. пятнадцатилетний государь уже приказывал отрезать язык Афанасию Бутурлину «за невежливое слово». Спустя год шестнадцатилетний монарх повелел отсечь головы своим бывшим любимцам — боярам Воронцовым и князю Ивану Кубенскому. С возрастом созерцание казней и пыток своих истинных и мнимых врагов стало доставлять Ивану IV истинное садистическое наслаждение²². Патологическая жестокость сочеталась в Грозном с исключитель-

ной религиозностью. Еще в юности он выучил наизусть множество библейских и евангельских текстов, заботился о сохранении порядка церковных служб и благоустройстве церквей. Считал себя наместником Бога на земле и возглавлял монашеское «братство», истреблявшее «крамолу», сочинял церковные каноны, обличал монахов и одновременно составлял синодики для поминовения убитых по его приказу лиц.

Царевич Иван Иванович не уступал отцу ни сластолюбием, ни набожностью, ни гневливостью, ни исключительной жестокостью. Голландский купец Иссаак Масса, составивший записки о России, писал: «Второй сын [Грозного]... был назван по отцу Иваном и по своей натуре и повадкам чрезвычайно походил на него, и можно было предполагать, что он превзойдет своего отца в жестокости, ибо всегда радовался, когда видел, что проливают кровь»²³. Царевич Иван Иванович наряду с отцом лично участвовал в опричных казнях, соперничая в изощренности и жестокости с профессиональными палачами (массовые казни 25 июля 1570 г. в Москве). Дикие забавы и кровавые потехи занимали и воображение слабоумного Федора Ивановича. Увлеченный ежедневными длительными молитвами, еженедельно ездивший на богомолье и любящий колокольные звоны, он упивался кровавым зрелищем кулачного и медвежьего боя.

Чудовищный по своей необузданной жестокости нрав отца сызмальства проявился в царевиче Дмитрие. Так, Конрад Буссов писал: «Он однажды приказал своим товарищам по играм, молодым дворянским сынам, записать имена нескольких князей и вельмож и вылепить их фигуры из снега, после чего стал говорить: „Вот это пусть будет князь такой-то, это — боярин такой-то“, и так далее, „с этим я поступлю так-то, когда буду царем, а с этим эдак“ — и с этими словами стал отрубать у одной снежной куклы голову, у другой руку, у третьей ногу, а четвертую даже проткнул насквозь. Это вызвало в них страх и опасения, что жестокостью он пойдет в отца, ужасавшего своим жестокосердием, Ивана Васильевича, и поэтому им хотелось, чтобы он уже лежал бы подле отца в могиле. Особенно же хотел этого правитель (а его снеговую фигуру царевич поставил первой в ряду и отсек ей голову), который,

подобно Ироду, считал, что, как учит известная поговорка: „Melius est praevenire quam praeveniri“ (Лучше предупредить события, чем быть предупрежденным ими), — в этом деле мешкать нельзя; нужно вовремя обезвредить юношу, чтобы из него не вырос тиран»²⁴. О детских играх маленького Дмитрия, жестоких и оскорбительных для Бориса Годунова и его приближенных, вслед за Буссовым пространно говорит Петр Петрей²⁵. Авраамий Палицын передает слух, что Дмитрий часто „в детских глумлениях глаголет и действует“ оскорбительно в отношении окружения царя Бориса²⁶. Флетчер свидетельствует об удивительной для шести-семилетнего мальчика садистической жестокости: «Младший брат царя, дитя лет шести или семи... содержится в отдаленном месте от Москвы, под надзором матери и родственников из дома Нагих... Русские подтверждают, что он точно сын царя Ивана Васильевича, тем, что в молодых годах в нем начинают обнаруживаться все качества отца. Он (говорят) находит удовольствие в том, чтобы смотреть, как убивают овец и вообще домашний скот, видеть перерезанное горло, когда из него течет кровь (тогда как дети обыкновенно боятся этого), и бить палкою гусей и кур до тех пор, пока они не издохнут»²⁷. Безусловно, глумление маленького мальчика над вылепленными из снега фигурами Бориса Годунова и других вельмож подогревалось и провоцировалось Нагими. Однако сам факт участия Дмитрия в игровой инсценировке казней вкупе со склонностью к жестокому обращению с животными и любовью к созерцанию крови говорит о том, что семена ненависти, которые Нагие сеяли в царевиче, попадали на благодатную почву. Ею была измененная недугом личность наследника.

Источники свидетельствуют, что заболевание проявилось у царевича Дмитрия еще в раннем детстве (едва ли не в младенчестве). Так, во включенных в Следственное дело показаниях губного старосты Ивана Муринова говорится, что «пришла на него старая болезнь падучий недуг». Рассыльщики показали, что «и презже тово... на нем была ж та болезнь по месяцам безпрестанно». Авдотья Битяговская свидетельствовала, что «многожды бывало, как ево станет бити недуг». В наказе приставу Роману Михайловичу Дурову, встречавшему литовского посланника

Павла Волка весной 1592 г. говорилось: «А не что учнут спрашивать о князе Углетцком, Дмитрее о углецком, каким обычаем его не стало, и Ратману мольти: Князь Дмитрея не стало судом Божиим. А был болен черным недугом, таково на нем было при роженъе, еще с млада была на нем та болезнь» (курсив наш. — Л. С., П. Б.)²⁸.

Заболевание царевича также проявлялось в приступах помрачения сознания, когда он был особенно агрессивен по отношению к окружающим: «Как на него болезнь придет, и царевича как станут держать, и он в те поры ест в нещывенье²⁹ за что попадетя». Царевич «едал» в болезни руки у жильцов, постельниц, «бояроне» и был в беспмятстве; не помнил, что делал, и не мог отвечать за свои поступки. Поколот мать сваей³⁰, «кусал руки» у Андрея Нагого, а когда во время приступа искусал руки дочери Андрея, то «едва у него Ондрееву дочь Нагова отнесли». Авдотья Битяговская показала, что «многажды бывало, как ево станет бити недуг и станут ево держати Ондрей Нагой и кормилица и боярони, и он им руки кусал или за что ухватит зубом, то отъест».

Эпилептические изменения личности возникают далеко не у всех больных эпилепсией. Чаще они наблюдаются у тех, кто заболел с раннего детства, страдал частыми припадками, мало и нерегулярно лечился. У больных обычно имеется склонность к дисфории (мрачное, угрюмое настроение), эксплозивность с застойностью аффекта, усиление влечений, сочетание злобной мстительности и злопамятности со слащавой сентиментальностью. У этих больных появляются мелочная аккуратность, скупость, недоверие к людям, властолюбие, тщательная забота о своих интересах в ущерб другим. Личностные изменения продолжают в сосредоточении интересов на собственной персоне, соблюдением исключительно своих выгод. У больного эпилепсией падает способность усваивать абстрактные знания, быстро слабеет творческое воображение. При затруднении в умственной работе нарастает аффективное напряжение, становится все более трудно отличать существенное от второстепенного, постепенно беднеет запас слов, все больше страдает память (как кратковременная, так и долговременная), однако избирательно надолго запечатлевается и легко воспроизводится все, связанное с отрицательным аффектом. По-

этому больные эпилепсией люди не забывают самых мелких обид, невнимательного отношения к себе. Критическое отношение к своему состоянию утрачивается рано, заметно нарушается моторика, обнаруживается тяжеловесность, медлительность движений, неловкость, скупость жестов, бедность мимики, а также плохая дифференциация тонких движений (ручная неумелость). Больные эпилепсией не любят новых людей, смены обстановки, перемены занятий. Для них характерна фанатичная религиозность, которая дает себя знать беззаветной приверженностью к усвоенным идеалам, которые воспринимаются буквально, без учета ситуации и которые, с точки зрения больного, не подлежат никаким коррективам³¹.

Что же говорят источники о состоянии здоровья Дмитрия Угличского в день его гибели? В опубликованной в 1864 г. А. Ф. Бычковым «Повести об убиении благоверного царевича князя Дмитрия Ивановича всеа Руси Углецкаго» содержится ряд бытовых деталей, не противоречащих данным Следственного дела и отсутствующих в других произведениях, посвященных гибели царевича. Бычков пришел к выводу, что «Повесть» была составлена «современником, бывшим близким ко двору царевича или имевшим знакомство с лицами, к нему принадлежавшими», и подчеркивал, что в «Повести» нет «ни одной черты, которая давала бы возможность заподозрить ее достоверность»³². В «Повести» говорится о гибели царевича «по повелению изменника злодея Бориса Годунова». Царевичевы «душегубцы» Никитка Качалов и Данилка Битяговский будто бы «кормилицу его палицею ушибли, и она обмертвев пала на землю, и ему государю царевичу в ту пору кинья перерезали горло ножом, а сами злодеи вскричали великим гласом». Детально изучивший «Повесть» С. Ф. Платонов датировал ее временем не ранее 1606 г., обнаружил в ней ряд несообразностей и счел ее произведением мало достоверным, а потому не заслуживающим доверия как исторический источник³³. Соглашаясь с Платоновым в том, что описание сцены убийства в «Повести» лишено черт достоверности, мы, тем не менее, склонны думать, что содержащиеся в ней описание эпилептического припадка царевича в высшей степени достоверно и могло основываться на каких-то неизвестных или несо-

хранившихся источниках, отражавших реальную картину заболевания Дмитрия Угличского.

По свидетельству Василисы Волоховой, сохранившемуся в Следственном деле, у царевича отмечались припадки за три дня до смерти (12 мая). Еще раньше — на Пасху и «в великое говенье» — царевич также пережил тяжелые приступы эпилепсии, зафиксированные источниками. Последняя серия припадков у царевича длилась несколько дней. Они начались во вторник, и только на третий день Дмитрию «маленько стало полехче». Согласно «Повести», 15 мая «царевич по утру встал дряхл с постели и голова у него, государя, с плеч покатила». Вероятно, при пробуждении ребенок перенес эпилептический припадок на фоне имеющейся у него астении. О причинах астенического состояния царевича источники не дают оснований судить уверенно. Оно могло быть как следствием недоедания в Великий пост и возможного авитаминоза, так и проявлением его болезни. Несмотря на утреннюю слабость и припадок, он пошел с матерью к обедне и стоял со всеми службу в душном помещении, где горели свечи и источали тяжелый аромат благовония. К моменту гибели царевич всего один раз ел. Затем Мария Нагая отослала сына играть во двор «в тычку ножиком» с четырьмя сверстниками («с робятками жильцами») — сыновьями кормилицы и постельницы Петрушей Колобовым и Баженом Тучковым, а также Иваном Красенским и Гришей Козловским. Согласно «Повести», «царевич пошел к обедне и после евангелия у старцев Кириллова монастыря образы принял, и после обедни пришел в свои хоромы, и платьице переменял и в ту пору с кушаньем взошли и скатерть постлали и Богородицын хлебце священник вынул, и кушал царевич по единожды днем... и после того похотел испити, и ему, государю, поднесли испити, и испивши, пошел с кормилицею погуляти».

Итак, ярким солнечным днем, в жару, больной эпилепсией астенизированный мальчик, одетый в тяжелые великокняжеские одежды, выходит на улицу. В таких обстоятельствах естественно ожидать приступа, который не замедлил случиться. В руках у тяжело больного мальчика — «ножичек» для игры «в тычку». Эпилептики нередко наносят травмы себе и окружающим во время припадка. Способ, каким царевич 15 мая «на заднем

дворе... тешился» с «робятками» был явно выбран неудачно, т. к. являлся очевидно опасным. Тот факт, что мать царевича отправила больного ребенка играть с ножом в руках, а его мамка, нянька и постельница спокойно наблюдали за этой игрой, пока не случилась трагедия, с позиций теперешнего исследователя выглядит, по меньшей мере, странным. Однако историк Р. Г. Скрынников объясняет такое поведение взрослых «привычками и нравами чванливой феодальной знати, никогда не расстававшейся с оружием»³⁴. Ученый пишет о том, что сабля и нож на бедре являлись признаком благородного происхождения их владельца, почему сыновья знатных персон в России были привычны к оружию с ранних лет³⁵. К этому можно только добавить, что в эпоху средневековья, когда не сформировались еще представления об особенностях детской психофизиологии, дети считались всего лишь взрослыми маленького роста. Соответственно они носили те же одежды и играли в те же игры, что и их взрослые современники, с той только разницей, что модели и того, и другого были иного (меньшего) размера. Не сформировались в России XVI в. и представления о том, что больному «падучей болезнью» нужен особый охранительный режим и не должны быть доступны колющие и режущие предметы. Привычное поведение заслонило здравый смысл. Поэтому нет ничего удивительного в доступности царевичу «ножичка» в период явного обострения его недуга.

Материалы Следственного дела содержат детали, позволяющие врачу-психиатру уверенно реконструировать обстоятельства гибели царевича Дмитрия Угличского. Непосредственные свидетели трагедии обратили внимание, что во время рокового приступа болезни, когда царевич «набрушился» горлом на нож, его «било долго». Это ключевые слова, необходимые для понимания картины происшедшего. Василиса Волохова свидетельствовала: «Бросило его о землю, и тут царевич сам себя поколол в горло, и *било его долго*». Ей вторит Семейка Юдин: «Бросило его о землю и *било его долго*». То же показывает Федор Огурец: «Тут его ударило о землю, и он, *бьючись*, ножом сам себя поколол». Согласно показаниям Марьи Самойловой, «его бросило о землю, а у него был ножик в руках, и он тем ножиком сам покололся». То же сообщили четверо

царицыных детей боярских: «И его де бросило о землю, и било его долго». Истопники свидетельствуют: «И пришла на него старая болезнь падучий недуг, и его в те поры ударило о землю, и он на тот нож набрушился сам». Этим показаниям соответствуют слова губного старосты Ивана Муринова «и в те поры пришла на него немочь падучая, зашибло его о землю и учало его бити и в те поры он покололся ножом по горлу сам». Русин Раков показывает: «И в те поры на него пришла падучая немочь и зашибло... его о землю, и учало его бити», — и т. д.

Безусловно, достаточно изученный историками механизм составления Следственного дела, а также специфика записи расспросных речей в XVI в. вносят определенные коррективы в достоверность этих показаний. Тем не менее, не останавливаясь сейчас на специфических проблемах источниковедения, еще раз заметим, что с точки зрения современной психиатрии материалы Следственного дела содержат высокодостоверные описания последнего приступа болезни царевича. Эти описания не оставляют сомнения, что смерть царевича наступила **не в следствие обычного приступа эпилепсии**, а в результате развившегося у него наиболее драматического состояния в эпилептологии — **эпилептического статуса**. Во время эпилептического статуса припадки следуют один за другим с очень короткими паузами («било его долго»), не восстанавливается сознание, значительно нарушено дыхание, нарушен гомеостаз и возникает непосредственная угроза жизни³⁶. Во время эпилептического статуса больные находятся в глубокой прострации. Характерными считаются бесконечно повторяющиеся тонические судороги с выраженным напряжением мышц и постепенно нарастающим цианозом, достигающим фиолетовой окраски кожи лица. Тонические судороги сменяются клоническими, во время которых слышно клокочущее дыхание. Черты лица больного заостряются. Зрачки расширяются настолько резко, что возникает впечатление агонии больного. Пульс нитевидный, частый, прощупывается с трудом. Нарушения внешнего дыхания при эпилептическом статусе наиболее значительны. Они часто проявляются в виде ритмически повторяющихся циклов асфиксии, примерно в четверти случаев развивается окклюзия

верхних дыхательных путей вследствие западения языка и свисания мягкого неба, утраты глоточного и кашлевого рефлексов и аспирации рвотных масс. Особенно часто наблюдается рвота при эпилептическом статусе у детей³⁷. Даже при современном состоянии неотложной медицинской помощи погибает каждый четвертый ребенок, переживающий состояние эпилептического статуса³⁸. Обычный приступ эпилепсии продолжается всего несколько минут и никак не может быть охарактеризован словами «било... долго».

Свидетели трагедии показали, что Дмитрий умер, напоровшись на нож. Таким образом, сомневаться в том, что ранение горла имело место, не приходится. **Однако была ли эта рана смертельной?** Если при ножевом ранении горла повреждается сонная артерия, или яремная вена, или нерв, ведущий к сердцу, смерть наступает мгновенно от остановки сердца или в считанные минуты после повреждения крупных сосудов. Возможно образование гематомы внутри шеи, которая, постепенно увеличиваясь, сдавливает сосуды и трахею, и вызывает гипоксию головного мозга и смерть. Во всех этих случаях ребенка также не могло «бить долго», а это значит, что смерть царевича наступила не в результате ножевого ранения шеи³⁹, а от эпилептического статуса. Иными словами, как бы ни рассматривать трагедию в Угличе 15 мая 1591 г. — как следствие злонамеренных действий рвущегося к власти Бориса Годунова (смерть царевича не была ему невыгодна!) или как несчастный случай, — ясно, что гибель царевича произошла не в результате «самозаклания» и не в результате ранения его в шею мнимыми или явными преступниками. Царевича убила его болезнь.

Косвенно о том, что царевич погиб вследствие эпилептического статуса, свидетельствует поведение взрослых женщин (мамки Василисы Волоховой, кормилицы Арины Тучковой и постельницы Марьи Колобовой), сопровождавших его на прогулке, и матери — царицы Марии Нагой. Материалы Следственного дела не дают твердых оснований заключить, в какой момент трагедии возле царевича оказалась его мать: когда царевич уже умер, или когда находился в агонии (напомним, что больной, переживающий эпилептический статус, внешне не отличим от агонизирующего).

Состояние царевича было настолько тяжелым, а проявления болезни незабываемо и необычно страшными, что бывшие при нем мамка, кормилица и постельница не только не сумели, но, испугавшись, и не попытались оказать ему никакой помощи. Такое поведение взрослых в момент гибели царевича вызывало недоумение историков. Н. И. Костомаров, например, видел в этом странном поведении мамки, няньки и постельницы косвенное свидетельство тому, что гибель мальчика не была случайной, и что он был убит: «Спрашивается, как бы ни были просты женщины, окружавшие ребенка, но возможно ли предположить, чтоб они все были до такой степени глупы, чтобы после всего того, что царевич уже делал, давали ему играть с ножом? И неужели мать, которую он ранил, не приняла мер, чтобы у мальчика не было в руках ножа? Допустим, однако, что несчастный больной царевич был предоставлен на попечение таких дур, каких только можно было, как будто нарочно, подобрать со всей Московской земли. Способ его самоубийства чересчур странен. Он играет в тычку с детьми, с ним делается припадок; судя по тому, как он кусал девочке руки, бросался на жильцов и постельниц и даже ранил мать сваею, надобно было ожидать, что царевич ударит ножом кого-нибудь из игравших с ним детей, — нет, он сам себя хватил по горлу!»⁴⁰. Материалы Следственного дела позволяют судить о том, что

прежде, когда у царевича случались припадки, его хотя бы пытались «держать», чтобы предупредить нанесение им травм себе и окружающим «в нецывенье» («многожды бывало, как ево станет бити недуг и станут ево держати», «как на него болезнь придет, и царевича как станут держать»). В день трагедии у кормилицы Арины Тучковой только и хватило сил, что взять его, умирающего или уже умершего, на руки. Впрочем, как уже говорилось, больному ребенку в состоянии эпилептического статуса нередко нельзя помочь даже в условиях современной медицины. В XVI в. сделать это было совершенно невозможно.

Итак, подведем итоги. 1) Царевич Дмитрий страдал эпилепсией с генерализованными судорожными припадками и их эквивалентами, выражавшимися в помрачении сознания (сумеречное сознание) и агрессивном поведении по отношению к окружающим. 2) Смерть царевича Дмитрия наступила, по-видимому, в результате серии непрекращающихся эпилептических припадков (эпилептического статуса). 3) Во время непрекращающихся эпилептических припадков царевич Дмитрий мог нанести себе рану в горло, которая, однако, вряд ли была смертельной. 4) В источниках отсутствуют сведения о том, что в отношении царевича Дмитрия предпринимались какие-либо меры медицинского характера, способные смягчить проявления его заболевания.

¹ Авторы признательны одному из ведущих специалистов по истории России XVI в. члену-корреспонденту РАН С. М. Каштанову за советы и замечания, высказанные им в процессе обсуждения этого исследования, а также доктору медицинских наук профессору Н. Д. Лакосиной, консультировавшей авторов по вопросам психиатрии и, в частности, эпилептологии.

² Подробнее см.: Зимин А. А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой крестьянской войны в России. — М., 1986. — С. 153-154; см. также: Полосин И. И. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. — М., 1963. — С. 225; Скрынников Р. Г. Борис Годунов. — М., 1983. — С. 71-72; он же. Лихолетье: Москва в XVI-XVII веках. — М., 1988. — С. 147-163; Кобрин В. Б. Кому ты опасен, историк? — М., 1992. — С. 104-110 и др.

³ Следственное дело фототипически издано В. К. Клейном (см.: Клейн В. К. Дело розыскное 1591 году про убийство царевича Дмитрия Ивановича на Угличе. — М., 1913); здесь и далее следственное дело цитируется по этому изданию.

⁴ Зимин А. А. В канун грозных потрясений... — С. 154.

⁵ Там же. — С. 154.

⁶ Историография вопроса подробно исследована А. А. Зи-

миным (см.: Зимин А. А. Смерть царевича Дмитрия и Борис Годунов // Вопросы истории. — 1978. — № 9. — С. 92-94).

⁷ Как известно, А. С. Пушкин посвятил трагедию «Борис Годунов» памяти Н. М. Карамзина: «Драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина, сей труд. Гением его вдохновленный, с благоговением и благодарностью посвящает Александр Пушкин» (см.: Винокур Г. О. Собрание трудов: Комментарии к «Борису Годунову А. С. Пушкина». — М., 1999. — С. 38).

⁸ Словарь русского языка XI-XVII вв. — М., 1986. — Вып. 11. — С. 108-109, 176; М., 1988. — Вып. 14. — С. 120-121.

⁹ Руководство по психиатрии в двух томах. — М., 1983. — Т. 2. — С. 3.

¹⁰ Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. — М., 1991. — Стб. 495-496.

¹¹ Руководство по психиатрии... — С. 3.

¹² Эпилепсия и судорожные состояния у детей... — С. 17-18.

¹³ Ковалевский И. П. Иоанн Грозный и его душевное состояние. Психиатрические эскизы из истории. — СПб.,

1901; Глаголев Д. М. Душевная болезнь Иоанна Грозного // Русский архив. — 1902. — № 7; об эпилепсии Грозного прямо писала создатель его патографии крупный отечественный психиатр Н. Д. Лакосина.

¹⁴ Гейденштейн Р. Записки о Московской войне (1578-1582). — СПб., 1889. — С. 242.

¹⁵ Флетчер Д. О государстве Русском. — СПб., 1906. — С. 122.

¹⁶ Петр Петрей. История о великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, вере и обрядах, которую собрал и обнародовал Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года // Исаак Масса, Петр Петрей. О начале войн и смут в Московии. — М., 1997. — С. 271.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Подробнее об этом см.: Скрынников Р. Г. Указ. соч. — С. 20.

²⁰ Бычкова М. Е. Родословие Глинских из Румянцевского собрания // Записки Отдела рукописей. — М., 1977. — Вып. 38. — С. 123.

²¹ Флетчер Д. Указ. соч. — С. 34, 65.

²² Свидетельства невероятной жестокости Ивана IV содержатся, например, в записках Петра Петрея: Петр Петрей. Указ. соч. — С. 238-263.

²³ Исаак Масса. Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей // Исаак Масса, Петр Петрей. Указ. соч. — С. 20.

²⁴ Буссов К. Московская хроника. — М.-Л., 1961. — С. 80.

²⁵ Петр Петрей. Указ. соч. — С. 272.

²⁶ Сказание Авраамия Палицына — М.-Л., 1955. — С. 102.

²⁷ Флетчер Д. Указ. соч. — С. 21.

²⁸ Подробнее об этом эпизоде см.: Зимин А. А. В канун грозных потрясений... — С. 166.

²⁹ «В нецвевенье» — т. е. в беспамятстве (см.: Словарь русского языка XI-XVII вв. — Вып. 11. — С. 346).

³⁰ Свая, свайка — большой толстый гвоздь или шип с утолщением (головкой), служащий для метания в лежащее на земле кольцо (см.: Словарь русского языка XI-XVII вв. — М., 1996. — Вып. 23. — С. 101).

³¹ Личко А. Е. Подростковая психиатрия: Руководство для врачей. — Л., 1985. — С. 385-386.

³² Бычков А. Ф. Повесть об убийстве царевича князя Дмитрия // ЧОИДР. — М., 1864. — Кн. 4: Смесь. — С. 1-4. Здесь и далее текст «Повести» цитируется по этому изданию.

³³ Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о мутном времени XVII века как исторический источник. — СПб., 1913. — С. 366.

³⁴ Скрынников Р. Г. Борис Годунов. — С. 20, 71-72.

³⁵ Скрынников Р. Г. Лихолетье: Москва в XVI-XVII веках. — С. 147-163.

³⁶ См., например: Кириллов В. А. Эпилептический статус. — М., 1974; он же. Судорожный эпилептический статус. — М., 2003.

³⁷ Эпилептический статус и другие судорожные состояния // Руководство для врачей скорой помощи. — Л., 1990. — С. 491; см. также С. 492-493.

³⁸ Там же.

³⁹ Благодарим за консультацию о ранениях шеи и их последствиях к. м. н. П. С. Глушкова (Центральная клиническая больница РАН).

⁴⁰ Костомаров Н. И. Исторические монографии и исследования. — М., 1990. — Кн. 1. — С. 61.

О. А. Молякова (Ковров)

КАК СЕЛО КОВРОВО СТАЛО ГОРОДОМ

Как известно, в 1775 году императрицей Екатериной II была объявлена и проведена в последующие годы реформа административного управления Российской империей, которую некоторые историки просто называют Областной реформой. Именно эта реформа кардинальным образом поменяла судьбу села Коврова, сделав его уездным городом.

Законодательный акт, объявивший эту реформу, был опубликован 7 ноября 1775 года и получил название «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи». По этому указу вместо ранее существовавшего деления территории России на губернии, провинции и уезды вводилось новое, двухчленное деление на губернии и уезды.

Провинция как промежуточное звено между ними упразднялась. В основу разделения страны на губернии и уезды был положен арифметический принцип — численность всего податного населения (сельского и городского). В губерниях она не должна была превышать 300-400 тысяч душ, а в уездах — 20-30 тысяч душ мужского пола¹.

С областной реформой 1775-1785 гг. связано значительное изменение состава городов России, ликвидация одних и появление новых городских поселений. Города учреждались как административные центры вновь образуемых уездов. Согласно правительственной интерпретации устройства городов, последние «воздвигались повсюду, где того требовали или местные выгоды, или сте-

чение окрестных жителей»². Официально провозглашалось, что новыми городами следует «избрать селения по лучшей удобности» их расположения³. И было выдвинуто неперемное условие, что поселения, назначаемые городами, должны принадлежать казне, а не находиться в частном владении.

Владимирская губерния, в состав которой вошел и будущий город Ковров, была создана Указом Екатерины II от 1 сентября 1778 года из Владимирской, Суздальской, Юрьев-Польской и Переславль-Залесской провинций Московской губернии. На этой территории к моменту образования новой губернии насчитывалось девять городов. Из них два города — Лух и Ростов — отошли вскоре в состав других губерний. Осталось, таким образом, семь городов, среди которых находились бывшие провинциальные центры — Владимир, Суздаль, Юрьев-Польский, Переславль-Залесский и уездные города Муром, Гороховец, Шуя. К ним было прибавлено еще столько же вновь учрежденных городов — уездных центров. Это были Меленки (бывшее дворцовое село), Киржач, Покров, Судогда и Ковров (прежде экономические села), Вязники, преобразованные из государственной слободы, и Александров, являвшийся ранее слободой ведомства дворцовой Конюшенной канцелярии⁴.

Центром губернии был назначен Владимир, в избрании которого решающую роль сыграл не экономический фактор, считает, к примеру, исследователь этой проблемы Ю. Р. Клокман, а его срединное расположение в губернии: он находился почти на одинаковом расстоянии от всех наиболее отдаленных уездов. Разумеется, учитывалось и то, что через город проходила большая сухопутная дорога в Сибирь, известный «Владимирский тракт»⁵.

Аналогичный аргумент был решающим и при выборе села Коврова центром вновь образованного Ковровского уезда. Хотя при выборе Коврова нельзя исключать и экономический фактор, так как село к тому времени, благодаря Рождественской ярмарке, стало экономическим центром своей округи. Кроме того, Ковров, находившийся на реке Клязьме, являлся конечным пунктом, до которого доходили речные суда. Сюда же на стругах поступали хлеб и «подрядная соль» из Поволжья, откуда она затем развозилась сухим путем по различным городам⁶.

У историков насчет причин выбора Коврова нет однозначного мнения. Например, автор недавно опубликованного исследования о городах Владимирской земли Л. Д. Мазур полагает, что он был назначен городом только потому, что занимал центральное географическое положение, никаких экономических предпосылок к этому не было⁷. Противоположной позиции придерживается историк П. Г. Рынцунский, причисляя Ковров к «значительным центрам» империи и при этом указывая его первым в их ряду: «В историографии русского города существует позиция о „негородском” характере России. Они постоянно использовали для доказательства этого тезиса тот факт, что только лишь силою административного распоряжения на протяжении двух десятилетий (70-80-е годы XVIII в.) в стране было создано более двухсот городов, из которых многие уже через пятнадцать-двадцать лет вновь были обращены в заштатные города, посады и села. При этом умалчивалось о том, что контрпреобразования 1796-1797 гг. имели кратковременное значение, — уже в первые годы XIX в. большинство „упраздненных” городов было восстановлено. Не учитывалось и то, что в числе новых городов были такие значительные центры, как Ковров, Александров, Боровичи, Гжатск, Осташков, Богородск, Подольск, Вольск, посад Дубовка, Егорьевск, Петрозаводск и др. Беспристрастный анализ состава поселений, провозглашенных городами в 70-80-е гг. XVIII в. привел бы к мысли о подготовленности этого мероприятия правительства и к заключению, что самая „внезапность” появления новых городов и его массовость обуславливались более всего заторможенностью процесса градообразования в предыдущее время»⁸.

Мы полагаем, что в выборе села Коврова центром соответствующего уезда и переводе его в статус города, в отличие от всех других городов Владимирской губернии, соединились сразу все три необходимых условия, обозначенных в императорском указе: село к тому времени уже было государственным; благодаря Рождественской ярмарке стало местом «стечения окрестных жителей»; и, наконец, имело очень выгодное географическое расположение на реке Клязьме. При этом последний фактор сыграл в назначении села Коврова городом определяющую роль.

Как правило, главную роль в принятии таких решений в губерниях играли их начальники — генерал-губернаторы. Первым владимирским губернатором, как известно, был назначен генерал-аншеф граф Роман Илларионович Воронцов, который и возглавил всю работу по административному устройству своей губернии. Весной-летом 1778 года он совершил объезд губернии с целью убедиться в правильности сделанного выбора и утвердить разделение Владимирской губернии на уезды. В Архиве древних актов хранится его «Всеподданнейший рапорт» об этой поездке, который мы опубликуем впервые и почти полностью: «Данным мне сего 1778 года марта 2-го дня всевысочайшим Вашего Императорского Величества повелением предписано, всемилоостивейшее вверенную мне Владимирскую губернию не упуская времени объехать, по примерному расписанию на тринадцать уездов, разделяя, на месте освидетельствовав, и как о сем, так и какие вновь города для приписания к ним уездов назначить нужно будет, Вашему Императорскому Величеству донести.

Во исполнение сего всевысочайшего повеления отправился я, как скоро мне возможно было, для обозрения сей губернии, приехав в Владимир мая 6 дня, пробыв там десять дней, учредив все нужное, и отправился в Переславль-Залесский, с которого места начал объезд мой по Губернии, из Переславля поехал в Александрову слободу, из Александровой слободы в село Киржачи, из Киржачей в Юрьев-Польской, из Юрьева в Суздаль, **из Суздаля в село Коврово**, из Коврова в Вязниковскую слободу или Ярополч, из Вязников в Гороховец, из Гороховца в Муром, из Мурома в село Судогду, и прибыл июня 9 дня обратно во Владимир.

Объехавши таким образом всю сию губернию, и обозначив на месте все оные города и селения, собрав нужные к сведению моему известия, рассмотрел, сколько время позволяло, удобства местоположений, пользы их, недостатки и выгоды, и соображаясь во всем с всевысочайше данным мне примерным росписанием назначил быть тринадцати городам, в котором числе семь старых, и шесть новых; старые, начиная от Владимира суть: Переславль-Залесский, Юрьев-Польской, Суздаль, Шуя, Гороховец и Муром; а новые: Александрова слобода, Киржач, Ковров, Вязники

или Ярополч, Судогда и Покров, который в проезд мой из Владимира в Москву обозревал. Побудительнейшие причины преклонили меня предпочтительно перед другими, назначить сии селения городами, и не уничтожать ни одного из старых. Иные положением места, другие водяным сообщением и пролегающими их большими дорогами, а другие для преграды всяких неустойств, и для безопасности проезжающих, почтены мною нетокмо удобными, но и нужными превращенными быть в города. **Всем сим новым назначенным мною городам сделаны на месте планы**, а из уездов каждому городу округа, заключающая в себе предписанное число душ, которые при сем на всевысочайшую Вашего Императорского Величества апробацию приношу. В рассуждении уездов не столько наблюдал я регулярную фигуру округи, сколько старался о том, чтоб во всякой округе было довольное число дворян, могущих отправлять уездные и земские службы, чтоб одного помещика деревни не были разделены по разным уездам, а сколько можно заключались в одной округе, и чтоб предписанное число душ наполнено было, что все удобнее рассмотреть можно будет из приложенной при сем ведомости.

По возвращении моем во Владимир первейшее мое попечение было продолжать строение палат для помещения присутственных мест, которому основание еще прежде выезда моего из Владимира сделано было, и положил также при себе основание строению Генерал Губернаторского и Губернаторского домов, кои так как и присутственные места к будущему Октябрю месяцу конечно отделаны будут...»⁹.

Таким образом, главный организатор разделения Владимирской губернии на уезды и выбора их городских центров граф Р. И. Воронцов подтвердил, что решающими аргументами стали удобность расположения и ведущая роль в прилегающей округе, а государственный статус поселения подразумевался сам собой. Село Коврово как нельзя лучше удовлетворяло всем этим требованиям, поэтому и было назначено административным центром вновь образованного уезда, который и свое название — Ковровский — получил от имени села Коврова.

Хотя, как и везде, когда есть выбор, то имелись и другие предложения. Об этом много писа-

ли современные ковровские краеведы Фроловы. На основании найденных ими в архивах документов рассматривались версии назначения центром уезда таких селений, как Алексино и Палех¹⁰. Оба поселения, хотя и были экономически развитыми и достаточно известными в округе, вместе с тем не отвечали некоторым условиям: Алексино стояло на окраине вновь образованного уезда, а Палех являлся владением помещиков Бутурлиных.

Как мы уже сказали, село Коврово было переведено в статус уездного города вместе с семью другими новыми городами Владимирской губернии указом Екатерины II от 1 сентября 1778 года. Этот указ стал судьбоносным для города: «Всемиловнейшее повелеваем нашему генералу, и владимирскому генерал-губернатору графу Воронцову по изданным от нас в 7 день ноября прошлого 1775 года учреждениям для управления губернии империи нашей исполнить в декабре месяце настоящего года равномерно и во Владимирской губер-

нии, составя сие наместничество из четырнадцати уездов, а именно: Владимирского, Суздальского, Переславско-Залесского, Юрьевско-Польского, Шуйского, Муромского, Гороховецкого, Меленковского, Киржачского, Покровского, Судогодского, **Ковровского**, Вязниковского и Александровского; **в следствии чего переименовать городами** дворцовое село Меленки, **ведомства Коллегии экономии села** Киржач и Селиванову гору под одним первым именем, Покров, Судогду и **Ковров**, государственную слободу Вязники и ведомства дворцовой конюшенной канцелярии и Коллегии экономии Александровскую слободу, назвав оную Александров. Назначение же границ сего наместничества с прикосновенными предоставляем на соглашение генералов-губернаторов и правящих ту должность, о котором так как и о числе душ сколько откуда приписано или из других отчислено будет имеют они донести нашему Сенату.

Екатерина»¹¹.

¹ ПСЗ. — Т. XX. — № 14392. — Гл. 1. § 1. — С. 231; § 17. — С. 232.

² ПСЗ. — Т. XXII. — № 16188. — С. 358-359.

³ Указ об учреждении Костромского наместничества 5 сентября 1778 г. // ПСЗ. — Т. XX. — № 14792.

⁴ ПСЗ. — Т. XX. — № 14787.

⁵ Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII века. — М., 1967. — С. 153.

⁶ РГВИА. — Ф. ВУА. — Д. 18860. — Л. 66; Д. 18628. — Л. 61об.

⁷ Мазур Л. Д. Русский город XI-XVIII вв. Владимирская земля. — М., 2006. — С. 43.

⁸ Рындзюнский П. Г. Новые города России конца XVIII в. // Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. — М., 1963. — С. 359-360.

⁹ РГАДА. — Ф. 16. — Оп. 1. — Д. 636. — Л. 16-16об.

¹⁰ Фролов Н. В., Фролова Э. В. История земли Ковровской. — Ковров, 1997. — Ч. 1. — С. 149; они же. Палех мог стать Ковровом и наоборот // Ковровские вести. — 2001. — 11 декабря.

¹¹ Там же.

Ю. В. Белов (Суздаль)

ПАМЯТЬ О КНЯЗЕ Д. М. ПОЖАРСКОМ В СУЗДАЛЕ И СУДЬБА ПАМЯТНИКОВ ЕМУ

Нас справедливо называют Иванами, не помнящими родства. Мы забываем даже таких выдающихся русских людей, национальных героев, как М. В. Ломоносов и А. В. Суворов. Или проявляем небрежность, граничащую с неуважением. В 1818 году на Красной площади в Москве был торжественно открыт памятник героям национально-освободительной войны 1612 года. Все истинные сыны Отечества радовались, в том числе поэт

и писатель А. С. Пушкин. Но он обратил внимание на одну досадную оплошность и эмоционально отреагировал на нее в своем «Романе в письмах»: «Да какой гордости воспоминаний ожидать от народа, у которого пишут на памятнике: „Гражданину Минину и князю Пожарскому”. Какой князь Пожарский? Что такое гражданин Минин? Был окольный Дмитрий Михайлович Пожарский и мещанин Козьма Минич Сухорукий, выборный

Рис. 1. Портрет Д. М. Пожарского

человек от всего государства. Но отечество забыло даже настоящие имена своих избавителей. Прощедшее для нас не существует. Жалкий народ»¹.

Да что «настоящие имена»!.. К этому времени никто в России не знал, где покоится прах одного из героев — полководца, князя и боярина Д. М. Пожарского. Как писал историк А. Ф. Малиновский, никто из современников не передал потомству, «в который день прекратилась общепольная жизнь сего великого человека»². Не были известны точная дата смерти, а также место погребения. Никакого общественного памятника не было поставлено на могиле «избавителя России». Двоюродные братья Иван Дмитриевич Пожарский и Иван Никитич Хованский, два Ивана, помнивших родство с героями Смутного времени, выстроили над могилами своих родителей и других родственников «особую палатку» — усыпальницу. Пока живы были они, жива была память. Но стоило роду Пожарских угаснуть к концу XVII столетия, угасла и память о них, в том числе о самом достойном представителе рода князе Д. М. Пожарском.

«Их не стало, — с горечью писал А. Ф. Малиновский, — и в продолжение ста семидесяти лет, не токмо не пришел никто возложить гражданского венка на гробницу его; но даже и на мысль

не пришло никому изведать, где прах его тлеет»³. От забвения и гражданского равнодушия случилась драма: в 1765-1766 годах по приказу архимандрита Спасо-Евфимиева монастыря Ефрема, серба по национальности, усыпальница князей Пожарских и Хованских была за ветхостью разобрана, а белокаменные плиты употреблены на разные монастырские починки. Место, где стояла «палатка», сравняли с землей, на которой вскоре выросла трава — трава забвения, как говорится в народе.

И вот столетья протекают,
А люди Русские не знают
Где их сокровище лежит
И чья земля в себе хранит
Того, кто с Мининым в боях
Врагов сразил, рассыпал в прах⁴.

Принято считать, что имена Д. М. Пожарского и его сподвижника К. З. Минина «всплыли» на патриотической волне, вызванной победой русских в войне 1812 года, что тогда проявился интерес к их делам и подвигам. Однако это произошло ранее — в первые годы XIX века. Судьбой князя Пожарского и поиском его могилы, следы которой пропали, заинтересовался князь И. М. Долгоруков, назначенный в 1802 году начальником Владимирской губернии. Будучи кроме всего прочего поэтом, в 1807 году Иван Михайлович написал патриотическую «Оду Пожарскому»⁵. Может быть, это было связано с тем, что И. М. Долгоруков как раз «принял новые узы» — женился во второй раз (первая жена-красавица умерла), а фамилия избранницы была... А. А. Пожарская⁶.

Губернатор И. М. Долгоруков по роду службы бывал в Спасо-Евфимиевом монастыре г. Суздаля, заинтересовался его историей. А в монастыре издавна велось предание, что тело «незабвенного» князя Д. М. Пожарского погребено было в монастырских стенах, — вместе с его родителями и сыновьями. К поиску могилы подключился государственный канцлер (и любитель древностей!) граф Н. П. Румянцев. И вот в марте 1810 года князь И. М. Долгоруков, в ответ на доставленные ему из монастыря известия, написал: «Читал я со вниманием вашу записку о гробе кн. Пожарского, и утверждаюсь в моих мыслях, что он погребен в Спасо-Евфимиевом монастыре»⁷. Эти сведения кроме Н. П. Румянцева попали в руки историка А. Малиновского,

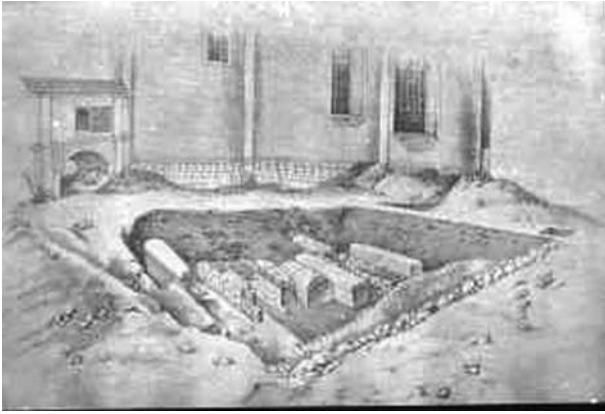

Рис. 2. Усыпальница. Раскоп

который их опубликовал в 1817 году. В записке значилось: «Имевшиеся на гробах князей Пожарских и Хованских белые камни с надписаниями, архимандритом Ефремом (тем, который приказал разобрать палатку), употреблены на выстилку при церкви рундуков и на другие монастырские починки»⁸. Малиновский написал следующее: «По многим соображениям можно без ошибки полагать, что он (Д. М. Пожарский. — Ю. Б.) там, где предки его почивают, в Суздальском Спасо-Евфимиевском монастыре»⁹.

Монахи указывали даже место, где, по слухам, находилась усыпальница Пожарских и Хованских. Но чтобы найти это место потребовалось более сорока(!) лет. Это удалось чиновнику особых поручений из Москвы, известному археологу графу А. С. Уварову, занимавшемуся археологическими изысканиями в Суздальском уезде. Сначала он копался и рылся в архивах, а в 1851 году отважился на раскопки возле главного храма Спасо-Евфимиева монастыря. В земле было найдено более двадцати гробов. Им была точно определена могила знаменитого в истории русского государства спасителя Москвы. Гроб с прахом полководца Д. М. Пожарского был вскрыт в феврале 1852 года в присутствии комиссии. Потом все это было засыпано, а на столбике появилась надпись «Здесь лежит князь Д. М. Пожарский»¹⁰. Так было найдено место земного упокоения народного героя — прошло двести десять лет после его смерти...

После этого могилу берегли как зеницу ока, называя «драгоценной». Царь Николай I распорядился объявить по империи сбор добровольных пожертвований на сооружение приличного памятника национальному герою России. За шесть

лет по подписке было собрано 75 000 рублей. К 1858 году царь Николай уже почил в Бозе, уступив престол своему наследнику-любимцу Александру II, который повелел возвести на старом фундаменте прежней палатки новую каменную усыпальницу в виде часовни XVII века и через Академию художеств объявить конкурс на лучший проект памятника-мавзолея. Денег было собрано более чем достаточно. Лучшим был признан проект академика А. М. Горностаева.

В течение всего лета 1862 года на территорию Спасо-Евфимиева монастыря завозился каррарский мрамор из Италии и складировался возле Спасо-Преображенского собора, ближе к осени уже был выведен цоколь здания усыпальницы над могилой князя Д. М. Пожарского — под наблюдением архитектора-художника Горностаева. Зимой все работы были, естественно, приостановлены. Кроме того, из Санкт-Петербурга пришла весть о преждевременной кончине автора проекта А. М. Горностаева (он умер 12 декабря в возрасте пятидесяти четырех лет).

Непосредственно сооружение мавзолея началось летом 1863 года. Честь положить первый камень была предоставлена настоятелю Спасо-Евфимиева монастыря архимандриту Илариону. Торжественный акт имел место 4 июля. Работы шли споро, через два года памятник был уже готов, о чем имеются свидетельства весьма авторитетных людей. Владимирский краевед М. М. Ранг в марте 1864 года в редакцию газеты «Владимирские губернские ведомости» сообщал, например, следующее: «Памятник князю Пожарскому, воздвигаемый в Суздальском Спасо-Евфимиевском монастыре над его могилой, близок к окончанию»¹¹. Через два года (1866) редактор неофициальной части этой газеты известный краевед К. Н. Тихонравов докладывал читателям: «В настоящее время памятник из итальянского мрамора уже совершенно окончен, — только мозаический образ над входом в часовню еще не доставлен из Италии»¹². Что удивительно, официального открытия замечательного памятника пришлось ждать почти двадцать лет. В чем причина «длгогостроя»? Во-первых, задержка с доставкой вышеупомянутого «мозаического образа», во-вторых, царем было повелено вместо деревянного киота для мозаичной иконы сделать таковой из

мрамора, в-третьих, возникли проблемы с самим материалом — итальянским мрамором. Оказалось, что он трудно переносит суровые погодные условия России: дожди и снег. Мавзолей был сделан «из такого итальянского мрамора, — писал позднее К. Н. Тихонравов, — который не выносит холодов даже Владимирской губернии»¹³. Поставленный возле собора с приделом преп. Евфимия, он постоянно подвергался влиянию осадков, дождевой воды, стекавшей с крыши. От влаги дали просадку массивные двери, через которые можно было пройти вовнутрь часовни. Поэтому сооружению, еще неоткрытому, требовался ремонт.

Так получилось, что средства на сооружение памятника были собраны при государе императоре Александре II, и возведен он был в его царствование, а открытие состоялось при его сыне «царе-миротворце» Александре III летом 1885 года. Не суждено было присутствовать на торжестве умершим к тому времени К. Н. Тихонравову († 1879) и А. С. Уварову († 29 декабря 1884 г.), «патриарху археологической науки, чудо-богатырю, великому землекопу, снискавшему в недрах Суздальской почвы драгоценный клад для всего Русского Государства, рассеявшего скорбь и печаль нашего неведения», который нашел могилу князя Д. М. Пожарского¹⁴.

Церемония открытия мавзолея состоялась 2 июня. В этот «достопамятнейший день» по окончании панихиды владимирский гражданский губернатор И. М. Судиенко прямо на могиле зачитал телеграмму следующего содержания: «Императорское общество истории и древностей Российских, при открытии памятника в славу князя Пожарского, вместе с народом благоговейно преклоняется пред великим стоятелем Русской земли. Слава князю, слава его дружине!»¹⁵. За обеденным столом по телеграфу было послано приветствие графине П. С. Уваровой, заступившей место покойного мужа во главе этого Императорского общества. По словам очевидца, «весь день улицы г. Суздаля пестрели толпами гулявшего народа»¹⁶.

На открытии памятника Д. М. Пожарскому присутствовало великое множество народу (около двадцати тысяч). Была депутация из Нижнего Новгорода. Все прониклись духом национального единения. Но в обществе уже появились темные

силы, которые начали методично расшатывать государственные устои, готовя революцию, свержение самодержавия. В Суздале, тихом провинциальном городе, где не слышно было фабрично-заводских гудков или стука колес по рельсам, чтли память Пожарского, гордились им. И даже использовали имя полководца в попытках заиметь железную дорогу, как «счастливые шуяне»¹⁷. В начале XX века в городе появились церковно-приходская школа имени кн. Д. М. Пожарского, его имя носили мужская гимназия и даже... потешная рота из мальчиков.

Принимались меры по уходу за памятником и ремонту. В Спасо-Преображенском соборе была оформлена витрина, посвященная памяти незабвенного князя Пожарского. В мае 1913 года приехал в Суздаль последний русский царь Николай II по случаю 300-летия Дома Романовых, чтобы почтить память Пожарского. Все Романовы чтли Пожарского, благодаря подвигу которого они вззошли на престол. Но только Николаю II довелось увидеть замечательный памятник ему на могиле во всем великолепии. Вот строки из отчета о «Высочайшем посещении»: «После поклонения мощам и величания и по осмотре витрины князя Пожарского, Его Величество с Августейшим Семейством, в предшествии певчих и духовенства, прошли через южные двери к могиле князя Пожарского, где диаконом была произнесена эктения с упоминанием воина князя Дмитрия и всех за веру, Царя и Отечество в годину испытаний живот свой положивших. После эктении и пения „Со святыми упокой” была провозглашена „Вечная память”»¹⁸.

Прошло десять лет. В 1923 г. Спасо-Евфимиев монастырь большевиками был ликвидирован и превращен в лагерь особого назначения (СЛОН), позднее политизолятор и тюрьму — зону. В результате перестало существовать монастырское кладбище с многочисленными надгробиями. Имена князя Пожарского и его соратника в борьбе за освобождение гражданина Минина были оболганы и репрессированы. В конце 1920-х поэт-инородец Д. Алтаузен в журнале «30 дней» опубликовал провокационное стихотворение:

Я предлагаю Минина расплавить,
Пожарского. Зачем им пьедестал?
Довольно нам двух лавочников славить —

Их за прилавками Октябрь застал.
Случайно им мы не свернули шею,
Я знаю, это было бы подстать.
Подумаешь, они спасли Рассею!
А может, лучше было б не спасать?...¹⁹

Это про памятник Минину и Пожарскому на Красной площади в Москве. «Расплавить» его врагам России не дали, но он был передвинут к храму Покрова (Василия Блаженного) и развернут в другую сторону. А вот памятник князю Д. М. Пожарскому в маленьком заброшенном Суздале постигла печальная участь — в марте 1933 г. по инициативе начальника политизолятора Я. Брамбата он был разобран «до основания, а затем»... Это место вновь, как и в конце XVIII века, заросло чахлой травой и бурьяном.

Вспомнить князя Д. М. Пожарского и других героев русской истории заставила военная угроза со стороны фашистской Германии. В канун войны кинорежиссером В. Пудовкиным был снят художественный фильм «Минин и Пожарский», который очень пригодился для воспитания чувства патриотизма. Во время Великой Отечественной войны, с 1943 года, в стенах бывшего Спасо-Евфимиева монастыря разместился лагерь НКВД № 160 для военнопленных, а в здании Суздальского музея (бывшие архиерейские палаты) еще раньше расквартировано Винницкое военнопехотное училище, готовившее и отправлявшее на фронт младших командиров Красной армии. Так вот, с подачи директора музея А. Д. Варганова, читавшего курсантам лекции по истории, командование обратилось с ходатайством в Главное политическое управление Красной армии, прося восстановить справедливость и поставить

Рис. 4. Бюст Д. М. Пожарского

Рис. 3. Открытка. Д. М. Пожарский. 1952

какой-нибудь памятник выдающемуся полководцу Д. М. Пожарскому на могиле взамен разрушенного десять лет назад. Известным скульптором Э. И. Азгуром, получившим при советской власти почетное звание народного художника СССР и золотую звезду Героя Социалистического Труда, был изготовлен очень хороший бюст Д. М. Пожарского в 1945 году.

Бюст был установлен на высокий постамент в виде фрагмента московской кремлевской стены и торжественно открыт осенью 1955 года в заложном при входе в монастырь сквере (сквер им. Д. М. Пожарского). Памятник князю Пожарскому поставили все-таки и на могиле — в 1963 году, но очень скромный — в виде столбика, с обозначением имени, отчества, фамилии и дат жизни (автор архитектор О. Г. Гусева). В городе начал активно развиваться туризм. В дни празднования 950-летнего юбилея Суздаля, в августе 1974 года, на могиле состоялось открытие нового памятника Д. М. Пожарскому — из армянского туфа, который вскоре подвергся резкой критике на страницах «Литературной газеты»: «Непонятно, чем и как можно объяснить появление в Спасо-Евфимиевом монастыре безвкусного, немасштабного, давящего на все окружающее

Рис. 5. Могила Д. М. Пожарского в 60-е годы пространство да еще облицованного чужеродным для этого ансамбля камнем памятника на могиле одного из славнейших героев русской истории «Дмитрия Пожарского», — писал посетивший Суздаль секретарь Союза архитекторов СССР, лауреат Ленинской и Государственной премий Я. Белопольский²⁰.

Вопрос о возрождении часовни-мавзолея над могилой князя Д. М. Пожарского второй половины XIX века много десятилетий никем не поднимался. Первым возвысил голос и поднял этот вопрос уроженец г. Суздаля, но житель Москвы, русский интеллигент старой закалки К. М. Стаховский. Он сделал это в подходящий момент, а именно вскоре после обнародования постановления Совета Министров СССР о создании в г. Суздале туристского центра. Судьбоносное постановление датировано 1 августа 1967 года. Через местную газету Константин Михайлович обратился к землякам и общественности: «Нам кажется, что настало время, особенно сейчас,

с превращением Суздаля в столицу туризма, когда разрушенный мавзолей над могилой Пожарского должен быть восстановлен. От разрушенного мавзолея сохранились некоторые детали: большая мозаичная икона, которая находится нынче в Суздальском соборе, и часть бронзовой двери с барельефом на ней Д. Пожарского и К. Минина — она находится в экспозиции Суздальского музея. Имеется ряд фотографий мавзолея. Возможно, что у суздальских музейных работников окажутся какие-либо документы и материалы, относящиеся к бывшему мавзолею»²¹.

Предложение было реализовано только через сорок лет. Памятник из армянского туфа демонтировали и увезли в г. Радужный под Владимиром. Вместо него в 2009 году в течение лета и осени была изготовлена копия мавзолея. Правда, памятник был сооружен не из итальянского мрамора и не уральского камня, как предполагалось, а из красного кирпича с облицовкой под мрамор. Поставили его не на могиле, и поэтому мавзолеем его уже назвать нельзя; место по отношению к старому несколько смещено на северо-восток. Странно, но, если раньше вход в мавзолей был с восточной стороны, то теперь, в новодел, — с южной. Сохранившаяся от старого мавзолея мозаичная икона Спасителя и фрагмент украшения на дверях (бронзовый) остались неиспользованными.

На церемонии открытия памятника князю Д. М. Пожарскому 4 ноября 2009 года присутствовал и выступил Президент РФ Д. Медведев. Потом ему была показана развернутая в приделе преподобного Евфимия, первого настоятеля Спасо-Евфимиева монастыря, музейная выставка, посвященная герою Смутного времени. Среди экспонатов — небольшая закладная мраморная доска 1863 г.

¹ Пушкин А. С. Роман в письмах // Пушкин А. С. Собр. соч. — М., 1960. — Т. 5. — С. 874.

² Малиновский А. Ф. Биографические сведения о князе Дмитрие Михайловиче Пожарском. — М., 1817. — С. 102-103.

³ Там же. — С. 106.

⁴ Стихотворение, составленное Л. Сахаровым на открытие и освящение памятника князю Д. М. Пожарскому // Владимирские епархиальные ведомости. — 1885. — № 13. — С. 418.

⁵ Долгоруков И. М. Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писаная мной самим и начатая в Москве

1788-го года в августе месяце на 25-м году от рождения моего. — СПб., 2005. — Т. 2. — С. 26.

⁶ Там же. — С. 5.

⁷ Исследование о месте погребения князя Д. М. Пожарского (из донесения Императорской Академии наук). — М., 1876. — С. 1.

⁸ Труды Владимирского Губернского Статистического Комитета. — Владимир, 1866. — Вып. V. — С. 101-109.

⁹ Малиновский А. Ф. Указ. соч. — С. 102-103.

¹⁰ Труды Владимирского Губернского Статистического Комитета. — С. 109.

¹¹ Владимирские губернские ведомости. — 1864. — № 12.

Часть неофициальная.

¹² Труды Владимирского Губернского Статистического Комитета. — С. 109.

¹³ Владимирские епархиальные ведомости. — 1913. — № 8.

¹⁴ Гольшев И. А. Место земного упокоения и надгробный памятник боярину и воеводе Князю Димитрию Михайловичу Пожарскому в гор. Суздале // Владимирские епархиальные ведомости». — 1885. — № 9.

¹⁵ Владимирские епархиальные ведомости. — 1885. — № 13.

— С. 434. Часть неофициальная.

¹⁶ Там же. — С. 436.

¹⁷ ГАВО. — Ф. 397. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 5.

¹⁸ Труды Владимирской Ученой Архивной Комиссии. — Владимир, 1914. — Кн. 16. — С. 16.

¹⁹ 30 дней. — 1930. — № 8. — С. 66.

²⁰ Белопольский Я. Новостройки у древних стен // Литературная газета. — 1975. — № 7.

²¹ Сельская новь. — 1967. — № 112.

А. М. Подурец, В. Ф. Кузнецова (Саров)

БАТАШЕВСКИЕ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЕ ЗАВОДЫ. XVIII-XIX ВВ.

Введение

Сейчас уже мало что напоминает о том, что в XVIII-XIX веках область Средней Оки являлась одним из центров металлургического производства в России. На гербе уездного города Ардатова, утвержденном в 1781 году, были изображены два молота «в знак нахождения в окрестностях города железных заводов»¹. Существование металлургического производства здесь связано, прежде всего, с династией крупных промышленников Баташёвых.

Родоначальником династии Баташёвых считается Иван Тимофеевич Баташёв († 1734), выходец из тульских оружейников. После смерти Ивана Тимофеевича его заводы перешли к сыну Родиону († 1754). Но более всего стали известны дети Родиона — старший Андрей Родионович († 1799) и младший Иван Родионович († 1821) Баташёвы (данные о датах рождения Баташёвых в литературе противоречивы).

Во второй половине XIX века Баташёвы перенесли свое дело в бассейн средней Оки, где к тому времени были разведаны залежи железной руды. Кроме того, в этом районе имелись в изобилии необходимые для разворачивания производства лес и гидроресурсы. В 1755 году братьями Баташёвыми был построен завод на реке Унже, левом притоке Оки (Унженский завод). За этим в 1759 г. последовал Гусевский завод (ныне поселок Гусь-Железный, также, как и Унженский, находится сейчас на территории Рязанской области). Так было положено начало Приокскому горному округу, получившему название Баташёвского.

Дела Баташёвых пошли успешно, объем про-

изводства рос. В 1755 году их доля в экспорте железа из России составила 1 %, в 1757 — уже 7,5 %². В 1766 году был пущен завод в Выксе, в 1770 г. — в Велетьме. Во время русско-турецкой войны в 1768-74 гг. на баташевских заводах был освоен выпуск военной продукции: пушек, снарядов, якорей. В эти годы Баташёвы выплавляли 12 % российского чугуна. Постепенно их система металлургических заводов на средней Оке превратилась в настоящую промышленную империю, во многом определявшую жизнь края.

В 1783 году братья разделили между собой хозяйство. Старшему Андрею отошли Гусевский, Ермишинский, Илёвский заводы. Младшему Ивану — Выксунский, Велетьминский, Унженский и Железницкий. С этого времени центром владений Андрея Родионовича Баташёва стал Гусевский завод, Ивана Родионовича — Выкса. В конце XVIII века братья продолжали, теперь уже порознь, расширять производство и основывать новые предприятия. Андреем были пущены Верхнее-Унженский (1783), Вознесенский (1784), Синтульский (1787) и Мердушинский (1791) заводы; Иваном — Сноведский завод (1784). К концу XVIII века Баташёвым принадлежали тринадцать действовавших заводов³. Их суммарное хозяйство было третьим в России после уральских заводов Демидовых и Яковлевых. В 1800 году вся Россия произвела 9,7 млн. пудов чугуна, из них на долю Баташёвых пришлось 1,1 млн. пудов или 11 %.

Хозяйства братьев Баташёвых различались теперь не только именами владельцев, но и стратегиями экономического развития. Заводы старшего из братьев — Андрея придерживались традицион-

ной специализации и продолжали выпуск полосового железа. Спрос на этот вид продукции, хотя и существовал, но постепенно снижался, и к середине XIX века эти заводы утратили свое значение. Иван Баташёв и его наследники придерживались другого пути развития. Еще в конце XVIII века здесь стали осваивать новые виды продукции: гвозди, проволоку, чугунную посуду, производственное оборудование. На Сноведском заводе Ивана Баташёва освоили художественное чугунное литье, его изделия украшали улицы и здания Москвы и Петербурга. Быстрее шло на предприятиях Ивана Баташёва и техническое перевооружение: паровая машина на Выксунском заводе работала уже в 1817 году, в 1852 году таких машин в выксунской группе заводов было уже семнадцать. В это время на предприятиях, основанных А. Р. Баташёвым, паровые двигатели только начинали появляться⁴. В долгосрочной перспективе это привело к тому, что управлявшиеся Иваном Баташёвым выксунские заводы успешно работают до сих пор. А из всего хозяйства Андрея Баташёва в настоящее время действующим считается только Сынтульский завод. В 2009 году он работал три дня в неделю, выпуская в основном литье: канализационные люки, печное оборудование.

На большинстве заводов в течение первой половины XIX века производство чугуна осталось на уровне рубежа XVIII-XIX веков, то есть 30-100 тыс. пудов в год. Это заводы: Ермишинский, Верхне-Унженский, Мердушинский, Сынтульский, Гусевский, — все они относятся к гусевской группе. Заводы выксунской группы показали заметный прирост производства (Выксунский, Сноведский, Унженский). Выросла выплавка чугуна на Илёвском заводе.

Рис. 1. Остатки доменных печей Унженского завода

Закономерности поиска мест металлургических заводов. Состояние их в XXI веке

В течение 2002-2009 гг. авторами был принят ряд экспедиций, целью которых было отыскание мест всех баташевских заводов на территории современных Нижегородской, Рязанской и Владимирской областей. На основании увиденного можно сформулировать несколько правил, которыми следует руководствоваться при поиске мест металлургических заводов.

На месте металлургических заводов, которые назывались чаще всего по имени речек, как правило, остались поселки, одноименные заводам. Например, на месте Мердушинского завода на реке Мердушь осталось село Мердушь. На месте Верхне-Унженского завода — деревня Верхоунжа. Это правило может нарушаться, если завод основан близ уже существовавшего населенного пункта. Так, остатки Унженского завода расположены рядом с селом Ермолово, которое не поменяло своего названия в отличие от Амосова, переименованного в Ермишь — по названию Ермишинского завода на одноименной реке.

Места заводов надо искать по прудам. Пруды служили источниками энергии. После закрытия заводов они, как правило, не разрушались, а использовались по другому назначению. Из всех полутора десятков баташевских заводов пруды не сохранились лишь в трех (Гусевский, Унженский, Верхне-Унженский). После заводов пруды иногда используются для разведения рыбы (Велетьма, Илёв). На пруду Сынтульского завода находится база сборной России по гребле на байдарках и каноэ.

Сами заводы располагались непосредственно ниже плотины, где стояли водяные колеса. Там следует искать фундаменты построек или их остатки.

На наличие заводов указывают россыпи металлургических шлаков, которые могут использоваться после закрытия завода при отсыпке дорог, дамб и т. п. Доменные шлаки имеют синий или зеленоватый цвет. Если такого шлака нет, то, скорее всего, на этом заводе домен не было (как, например, в Велетьме). Шлак передельного производства — черного цвета.

На месте Унженского и Верхне-Унженского заводов можно увидеть остатки доменных печей и

других конструкций. (К сожалению, сооружения Верхнее-Унженского завода местным населением используются как карьер по добыче щебня и бутового камня, возможно, скоро мы лишимся не только этого завода, но и его остатков).

Надгробия на сельских кладбищах — источник по истории металлургического производства

Рассмотрим здесь еще один не совсем обычный вид источников по истории местной металлургии — комплексы чугунных надгробий, сохранившиеся на сельских кладбищах⁵.

Илёв

На Илёвском заводе (ныне село Илёв Вознесенского района) выплавляли чугун из руды, а также выпускали полосовое железо. По наблюдениям П. Мельникова-Печерского, побывавшего в Илёве 1837 году, эти два связанных между собой производства были разнесены на два пруда, расположенные каскадом на реке: чугун выплавляли на «малом» заводе, железо выделывалось на «большом»⁶. О последних годах работы завода сведений практически нет, есть данные о том, что он просуществовал до 1911 года⁷.

Обнаруженные нами чугунные надгробия (всего их найдено двадцать четыре) можно подразделить на два типа: плиты, установленные горизонтально, и обелиски, завершавшиеся крестами. Обелиски представляют собой либо круглые в сечении колонны, либо конструкции, сваренные из четырех отдельных плит и имеющие форму параллелепипеда, призмы или усеченной пирамиды. Отдельно выделяются небольшие детские памятники, также с крестом наверху. Интересно, что на всех без исключения памятниках кресты были обломаны и использованы вторично на дру-

Рис. 2. Обелиск в форме усеченной пирамиды с отломанным крестом на кладбище в Илеве

гих захоронениях.

Датировка надгробий была проведена по дате смерти (хотя эта дата дает лишь раннюю оценку времени установки памятника). Все чугунные памятники укладываются в интервал двадцать восемь лет: с 1886 по 1914 годы. И, хотя памятник 1914 года только один (а самый поздний из остальных относится к 1910 году), возникает вопрос о достоверности даты закрытия завода в 1911 году.

На кладбище села Кремёнки Дивеевского района есть чугунный памятник с указанием 1884 года смерти, который в точности повторяет один из илёвских типов (круглая колонна). Вероятно, этот памятник также отлит в Илёве. Поиски на кладбищах сел, ближайших к Илёву, результата не дали, — чугунных надгробий там не обнаружено. По-видимому, «привилегией» поставить памятник из чугуна пользовались только жители самого завода, вероятно, не самые бедные. Это подтверждают некоторые эпитафии, на которых указана профессиональная или социальная принадлежность умерших, например: Анна Гавриловна Горовкина, дочь мастерового Илёвского завода, ум. 13 января 1886 г.; Глеб Евгениев Веселков, уроженец Кыштымского завода Пермской губернии, бывший бухгалтер Илёвского завода, ум. 30 мая 1907 года. Некоторые эпитафии, как это бывает на кладбищах, оказались способны «рассказать» целые истории, конечно, печальные. Так, 7 февраля 1901 года в семье Ивана Дергунова одновременно умерли жена и четверо его детей, которые «отравились рыбой в сырную неделю».

Сноведь

В 1859 году Сноведь (ныне село Выксунского района) была вторым по численности населенным пунктом (4714 чел.) Ардатовского уезда, — первое место занимал Выксунский завод; уездный город был только на третьем месте. В 1863 году на заводе было произведено 221 тыс. пудов чугуна и только 9,6 тыс. пудов железа⁸. Сноведский завод специализировался на выпуске чугуна и литье чугунных изделий. При упоминании изделий Выксунской группы заводов обычно не уточнялось, где именно изготовлена та или иная вещь, но очень велика вероятность, что именно в Сноведи были отлиты высококачественные художественные изделия, прославившие баташёвское производство:

Рис. 3. Чугунные надгробия на кладбище в Сноведе скульптуры для Триумфальных арок Москвы и Петербурга в честь героев 1812 года, квадрига Аполлона на Большом театре и многое другое. В 1891 году завод был закрыт⁹.

На кладбище села сохранились шестнадцать чугунных памятников XIX — начала XX веков. Есть много старых каменных, но сохранность их значительно хуже. Самое старое надгробие относится к 1822 году, самое позднее к 1912-му, то есть традиция установки чугунных памятни-

ков здесь существовала значительно дольше, чем в Илёве. Самые старые надгробия — горизонтально уложенные плиты, относятся к 1822-1889 годам. На рубеже 1890-х годов тип памятников сменился, и с 1890 по 1912 год в Сноведе устанавливали большие чугунные кресты. Момент смены типа памятников хорошо увязывается с датой закрытия завода (1891), при этом место изготовления крестов остается неясным (либо кресты отливали в другом месте, либо чугунолитейная мастерская продолжала работать). К указанным двум типам не относятся только два надгробия: детское (в виде небольшого обелиска) 1854 года и кирпичное высокое надгробие с вставленной в него небольшой вертикальной чугунной плитой (1862). Интересно, что и сейчас на сноведском кладбище на могилах часто ставят большие чугунные кресты; значит, традиция жива.

Сравнение илёвских и сноведских надгробий показывает, что, несмотря на общее сходство типов памятников, заводские мастера литейщики пользовались разными формами, то есть изготавливались они на обоих заводах.

¹ Города России: Энциклопедия. — М., 1994. — С. 542.

² Отечественная история: Энциклопедия. — М., 1994. — Т. 1. — С. 173.

³ В разных литературных источниках это число может варьироваться. Происходит это из-за того, что по-разному ведется подсчет. Иногда три Выксунских завода (Верхний, Средний и Нижний) считают как один, а иногда по отдельности. Также и Проволочный завод иногда не отделяют от Вильского (Верхне-Железницкого). См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://view.yandex.net/?url=http%3A%2F%2Fwebattach.mail.yandex.net%2Fmessage_part_real%2F%25D0%25B4%25D0%25BE%25D0%25BA%25D0%25BB%25D0%25B0%25D0%25B4%2520%25D0%25BC%25D1%2583%25D1%2580%25D0%25BE%25D0%25BC%25202011-3.doc%3Fsid%3DeWfvMпouOI74Dj5fULiMSTQQ2Tvv86X4tN8wR4zV0KZ%252ALeKSea4mXCbsdMdybNvqv6Oo56O0azYk

7sGyRCit1PiorIUu%252Fsy&filetype=doc&loc=ru#sdfootnote1sym.

⁴ Арсентьев Н. М. Замосковский горный округ: заводладельцы и рабочие. — Саранск, 1994. — С. 31-37; Арсентьев Н. М., Дубодел А. М. Промышленная Россия первой половины XIX века: Замосковский горный округ в планах и чертежах. — М., 2004.

⁵ Подурец А. М., Кузнецова В. Ф. Чугунные некрополи баташёвских заводов // Записки краеведов. — Н. Новгород, 2010. — С. 187-192.

⁶ Мельников П. И. (А. Печерский). Полное собрание сочинений. — СПб., 1898. — Т. 12.

⁷ Калачева В. Из истории баташевских заводов // Наша жизнь (Вознесенское). — 1997. — № 22.

⁸ Географическо-статический словарь Российской империи. — СПб., 1873. — Т. 4.

⁹ Макаров И. Антон Лессинг и его время. — М., 2007.

ЧИНОВНИЧЕСТВО В ГОРОДСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЕ (НА МАТЕРИАЛАХ Г. ТВЕРИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА)

В связи с усилением внимания к человеческой личности современная историческая наука становится антропологически ориентированной. В поле исследовательского интереса оказывается культура отдельных социальных групп и профессиональных сообществ, в том числе определение их места в системе общественных отношений и изучение влияния социальной среды на образ повседневной жизни. Одной из особых социальных групп признано чиновничество дореволюционной России¹. Причем, обособленность чиновничества наблюдалась уже к началу XIX века и выражалась не только в придании ему особого юридического статуса, но и в формировании своеобразия демографического поведения, семейных традиций, социального круга.

Среди обстоятельств, формировавших социальную среду, следует выделить топографическое расположение чиновничьего жилья в городском пространстве. По данным оценочных ведомостей Депутатской комиссии г. Твери по городской части², содержащих сведения о недвижимой собственности тверских чиновников на середину XIX в. и их месторасположении, установлено, что наибольшая часть чиновничьих домов сосредотачивалась в центральной части близости от административных учреждений³. Это наблюдение позволяет предположить зависимость выбора места проживания от места службы. Помимо этого, место проживания определялось престижностью участка, на котором располагался дом. Чиновники высшего звена селились в районах с наибольшей валовой доходностью, составляющей от 8 руб. 98 коп. до 7 руб. 79 коп. за 1 кв. сажень квартир первого этажа. Низшее чиновничество и канцелярские служители проживали в менее доходных районах — окраинах центральной части либо в прилегавшей к ней затымацкой части⁴. Таким образом, компактное расселение чиновников свидетельствует об их обособлении в городском пространстве.

В центральной части Твери чиновники,

как правило, соседствовали с наиболее обеспеченными жителями города — дворянами-не чиновниками, купцами; в отдаленных от центра городских частях — с мещанами, реже — с представителями низших военных чинов и крестьянами. Соседство определяло круг общения и престиж.

Социальную среду тверского чиновничества определяло не только место проживания, но и служебное положение. Можно выделить несколько сфер взаимодействия чиновничества с обществом: служебная (общение с сослуживцами), религиозная (в рамках приходских общин), бытовая (неформальные отношения с сослуживцами, отдельно проживавшими родственниками, соседями, приятелями, друзьями).

Служба занимала значительную часть времени в жизни чиновника и сопровождалась общением с сослуживцами. В бюрократическом аппарате существовала огромная лестница человеческих отношений, определяемая служебным статусом. Право на уважение распределялось по чинам. Это наиболее ярко проявилось в установленных формах обращения к особам разных чинов в соответствии с их классом⁵. Пример высокой значимости обращений по чину описывается Н. В. Гоголем в комедии «Ревизор»⁶. Хлестаков, имевший самый низкий класс коллежского регистратора, присвоил себе звание чиновника столь высокого ранга, что вызвал испуг и трепет среди губернского чиновничества.

Каждый начальник придерживался определенной политики управления подчиненными, по-своему строил со служащими свои отношения. В повести Н. В. Гоголя «Шинель» автор уделит внимание «значительному лицу», который «завел, чтобы низшие чиновники встречали его еще на лестнице, когда он приходил в должность; чтобы к нему являться прямо никто не смел, а чтобы все порядком строжайшим... завидя его издали, [чиновник] ожидал стоя вытяжку, пока начальник пройдет чрез комнату. Обыкновенный разговор его с низшими отзывался строгостью

Условные обозначения:

- - 1-й район с валовой доходностью в 8,98 руб. за 1 кв. саж. квартал 1 этажа
- - 2-й район с валовой доходностью в 7,79 руб. за 1 кв. саж. квартал 1 этажа
- - 3-й район с валовой доходностью в 7,16 руб. за 1 кв. саж. квартал 1 этажа
- - 4-й район с валовой доходностью в 5,63 руб. за 1 кв. саж. квартал 1 этажа

- - Улицы компактного проживания чиновничьих семей
- - Административные здания.

1. Путевой дворец
2. Дом губернского предводителя дворянства
3. Дом губернатора
4. Тверское дворянское депутатское собрание с 1840-х гг.
5. Дом вице-губернатора, с 1840-х гг. дом председателя казенной палаты
6. Городская дума
7. Городское полицейское управление и губернская типография
8. Магистрат
9. Губернское правление и казенная палата
10. Гражданская и уголовная палаты
11. Солоний магазин
12. Почтовая контора
13. Палата государственных имуществ с 1838 г.

- - Церкви:
- - Церкви, посещаемые чиновничьими семьями

1. Спасо-Преображенский собор
2. Спасо-Преображенского собора колокольня
3. Николая Чудотворца церковь «в Капустниках»
4. Знамения Богородицы церковь
5. Илии Пророка церковь
6. Вознесения Господня церковь
7. Спаса Сокольническая церковь
8. Дев. Мироточивая церковь
9. Козьма и Дамиана церковь (Сретенская)
10. «Всех Скорбящих Радость» Божией Матери церковь
11. Владимирской Божией Матери церковь
12. Рождества Христова церковь
13. Рождества Богородицы церковь
14. Смоленской Божией Матери церковь
15. Алевтарская церковь
16. Католический костел
17. Александра Невского церковь
18. Николая Чудотворца церковь «на Зверинце»
19. Бориса и Глеба церковь
20. Иоанна Предтечи церковь
21. Живоначальной Троицы церковь «Белая Троица»
22. Покрова Богородицы церковь
23. Рождества Христова собор Христорождественского женского монастыря
24. Живоначальной Троицы церковь
25. Успенский собор Успенского Отроча мужского монастыря
26. Живоначальной Троицы (за Волгой) церковь
27. Трех исповедников (Воскресения Христова) церковь
28. Вознесения Господня церковь
29. Флора и Авостона церковь
30. Варвара церковь Успенского Отроча мужского монастыря Завередная часть.
31. Минны, Виктора и Викентия церковь
32. Екатерининская церковь
33. Серафимовская часовня
34. Сергия Радонежского Чудотворца церковь
35. Никиты Мученика церковь

Рис. 1. Карта расселения чиновничьих семей в г. Твери на 1857-1858 гг. Сост. по: Карта г. Твери (Прогулки по старой Твери... - С. 22-23); Памятники архитектуры Тверской области. Каталог: в 5 кн. Тверь, 2000; - Кн. 1: Оценочные ведомости Депутатской комиссии г. Твери по городской части // ГАТО. - Ф. 21. - Оп. 1. - Д. 5678-5685; Материалы для оценки недвижимых имуществ Тверской губернии // Там же. - Ф. 800. - Оп. 1. - Д. 7139; Исповедные ведомости г. Твери за 1850 г. // Там же. - Ф. 160. - Оп. 1. - Д. 17057

и состоял почти из трех фраз. „Как вы смеете? Знаете ли вы, с кем говорите? Понимаете ли вы, кто стоит перед вами?»⁷.

Гоголевский сарказм достаточно колоритно передает уродливые формы общения в бюрократической среде, обличая в чиновниках высших классов высокомерие, тщеславие, в чиновниках низших классов — услужливость, раболепство.

Удивительные метаморфозы отмечал орловский губернатор В. И. Сафонович в чиновниках-начальниках, выходцах из низших сословий, которым удавалось подняться по карьерной лестнице. С возвышением своим они не становились лучше, а наоборот, получая с каждым повышением больше власти, становились еще грубее и позволяли себе в отношениях с подчиненными быть дерзкими. «Большая часть последних, находясь в постоянном загоне с самого малолетства, изгибалась и молчала; это давало еще больше силы начальникам»⁸.

В целях возвеличивания своего авторитета начальство прибегало к методам унижения, нагнетания страха на подчиненных. В общении с равными они демонстрировали уважение, деликатность, а с подчиненными не упускали момента подчеркнуть собственное превосходство. Причиной подобного рода отношений являлся патриархально-крепостнический уклад жизни, подразумевавший полное подчинение младших старшим не только в быту, но и на государственной службе. Обратной стороной патриархальности отношений была забота о подчиненных, которая в чиновничьей среде проявлялась в бдении начальства за их материальным благосостоянием. Нищенское положение части провинциального мелкого чиновничества могло стать препятствием к вступлению в брак, разрешение на которые требовалось спрашивать у начальства; или поводом обращения за единовременной денежной выплатой, увеличением жалования, которое не было фиксированным для канцелярских служащих. Однако и проявление опеки над подчиненными зависело от личных симпатий.

Коммуникабельность, умение ловко справляться со служебными делами обеспечивало уважительное отношение среди коллег, но не всегда гарантировало добропорядочную репутацию у начальства, от которого зависело продвижение по службе.

Карьеру без связей и протекции сделать было практически невозможно. Каким бы талантливым чиновник не был, ему приходилось ждать «своей очереди» согласно отлаженному механизму получения чинов, который описан В. И. Сафоновичем. «У начальников было убеждение, вынесенное ими из собственного опыта, что каждый поступающий на службу должен получать повышения не иначе, как послужив подолее в низших должностях и чинах. Они не допускали возможности сделать начальником младшего по службе и подчинить ему старших, какие бы способности он не выказывал»⁹. «Движение черепахи и рака есть быстрота вихря в сравнении с движением бедного чиновника на поприще службы!» — писал литератор пушкинской эпохи Ф. В. Булгарин¹⁰. Служба чиновника начиналась со звания писца. «Сколько сотен стоп бумаги должен он исписать, пока из подканцеляриста и канцеляриста достигнет, наконец, до чина четырнадцатого класса!»¹¹. Продвижение по служебной лестнице отражалось на взаимоотношениях с сослуживцами. Даже получение незначительного чина придавало его обладателю больше важности. «Чиновник четырнадцатого класса может уже приказать подать свечу, налить чернил, подсыпать песку! Сторожа уже называют его благородием, и унтер-офицер с ним не фамильярится! Служители канцелярии уже называют чиновника по имени и отчеству, а он зовет их по фамилии»¹².

Взаимоотношения между равными по статусу сослуживцами во многом определялись их личностными качествами. Обходительность, веселый нрав могли сделать чиновника душой любой компании. Замкнутый образ жизни, необщительность ставили клеймо изгоя, как в случае гоголевским героем титулярным советником А. А. Башмачкиным. В департаменте к нему не оказывалось никакого уважения. «Сторожа не только не вставали с мест, когда он проходил, но даже не глядели на него, как будто бы через приемную пролетела простая муха... Молодые чиновники посмеивались и острили над ним, во сколько хватало канцелярского остроумия, рассказывали тут же пред ним разные составленные про него истории... если уж слишком невыносима шутка, толкали его под руку, мешая заниматься своим делом...»¹³.

Таким образом, на основе мемуаров и худо-

жественной литературы XIX в. можно сделать вывод, что взаимоотношения внутри чиновничьего мира, в первую очередь, определялись системой чинов. Однако обладание высокими полномочиями в идеале возлагало ответственность за судьбы подчиненных. На практике идея попечения государства над подданными давала сбой. Нередко начальники, упиваясь своей властью, демонстрировали в общении с нижестоящими чиновниками пренебрежение, опасаясь навредить своей значимости. Отношение к чиновнику согласно его месту в служебной иерархии проецировалось и на членов его семьи. Чем выше был чин, тем больше уважения демонстрировалось к его домочадцам.

Учитывая, что служебная деятельность занимала значительную часть времени в жизни чиновника, то и общение с сослуживцами, особенно холостыми, зачастую продолжалось и вне стен присутствия. Времяпровождение зависело от материального достатка чиновников, их интересов и возможностей провинциального города. «Кто побойчее, — описывает досуг чиновничества Н. В. Гоголь, — несется в театр; кто на улицу, определяя [время] для рассматривания кое-каких шляпенек; кто на вечер — истратить его в комплиментах какой-нибудь смазливой девушке, звезде небольшого чиновного круга; кто, и это случается чаще всего, идет просто к своему брату... поиграть в шуточный вист, прихлебывая чай из стаканов с копейными сухарями, затягиваясь дымом из длинных чубуков, рассказывая во время сдачи какую-нибудь сплетню»¹⁴.

Гостеванье было повседневным времяпровождением мелкого чиновничества, не располагавшего средствами для посещения общественных мест. Игра в карты, сплетни, обмен новостями являлись главными развлечениями провинциального города. «Нельзя сказать, — отзывается о данных вечерах один из героев М. Е. Салтыкова-Щедрина, — чтоб весело на этих собраниях было. Первое дело, что мы друг дружку уж больно близко знаем; второе дело, что нового ничего не случается, следственно, говорить не об чем; а третье дело, капиталов у нас никаких нет, а потому и угощеньев не водится»¹⁵.

Иначе относились к частным визитам представители высшего чиновничества. Этикет предписывал не обходить посещениями ни одно семей-

ство, принадлежавшее к местной элите, выражая тем самым уважение. Если в тот или иной дом переставали ходить гости, это служило своеобразной «черной меткой» хозяевам¹⁶. В образованной среде на гостевых собраниях говорили о литературе, искусстве, музицировали, молодежь танцевала, пожилые господа и дамы играли в карты. В некоторых домах для гостей устраивалось угощение, меню зависело от хлебосольства и достатка хозяев.

Поводом к встречам с друзьями либо близкими знакомыми могли быть семейные праздники, к числу которых относилась свадьба. Данные метрических книг г. Твери первой половины XIX в.¹⁷, содержавшие сведения о социальном составе поручителей¹⁸ вступающих в брак чиновников, свидетельствуют, что большую их часть составляли сослуживцы. Со стороны жениха на роль поручителей приглашались сослуживцы из того ведомства, где он служил; со стороны невесты, если она происходила из чиновничьей семьи, — сослуживцы отца либо братьев. Такая социальная однородность доказывает определенную замкнутость общения внутри чиновничьей среды.

Вступление в брак значительно расширяло диапазон не только родственных отношений по линии невесты, но и дружественных ее семье. Избранница более высокого социального статуса была своеобразным пропуском в круг ее общения, где можно было заручиться поддержкой влиятельных людей, чтобы достичь служебных высот. Если же невеста отличалась не благородством происхождения, а богатством, то с ее помощью можно было улучшить собственное материальное, а, следовательно, и социальное положение.

Расширению социальных связей способствовал и обряд крещения ребенка, в результате которого между родителями и восприимниками ребенка устанавливалось духовное родство — кумовство.

Для тверского чиновничества было характерно приглашать восприимников из числа сослуживцев, предпочтение отдавалось вышестоящему начальству. Это практика получила особую популярность к середине XIX в., когда складываются чиновничьи династии, и нужно было заранее заботиться о будущей карьере сыновей. Если в начале XIX в., по данным метрических книг, восприимниками являлись, как правило, канцелярские служители и чиновники XII-XIV класса, то к середине

века их доля сводится к минимуму и предпочтение отдается чиновникам IV-IX класса¹⁹. Установившееся с начальством «духовное родство» могло способствовать продвижению по службе и гарантировало ребенку помощь крестных во взрослой жизни. Иногда приглашение в кумовство являлось данью уважения и лишь закрепляло тесные дружеские отношения между семьями. В 1809 г. действительный тайный советник и кавалер Ф. П. Лубияновский восприемниками к сыну Петру пригласил цесаревича и великого князя Константина Павловича и великую княгиню Екатерину Павловну²⁰, которая вместе с мужем Георгом Ольденбургским проживала в Твери. Установление родства с царствовавшей фамилией, безусловно, повышало репутацию чиновника, его семьи, гарантировало участие этих особ в судьбе ребенка.

Таким образом, чиновничество находилось в постоянном взаимодействии с социальной средой, приводившей к складыванию широкой сети отношений, построенных на вынужденном приятельстве или искренней дружбе, но в то же время необходимых для поддержания статуса и служебных перспектив. Близкий круг общения формировался преимущественно из представителей своего профессионального сообщества.

Одной из форм социальных отношений являлись межличностные конфликты, проявлявшиеся в ссорах, взаимных оскорблениях, нанесении побоев. При анализе документов Тверской палаты уголовного суда за первую половину XIX в. было установлено двадцать восемь конфликтных ситуаций с участием чиновничества²¹. Такая скромная цифра не означает, что чиновничество было не склонно к нарушению порядка, которое могло иметь серьезные последствия по службе. Скорее всего, за разбирательством в судебном порядке обращалось малое число людей, предпочитая самостоятельно решать споры.

В большинстве случаев обоюдными участниками разбирательств выступали сами чиновники и канцелярские служители. Реже одной из сторон конфликтов являлись мещане, в единичных случаях — военные, дворяне, дворовые. Поводом большей части выдвигаемых обвинений служило нанесение оскорблений, затем по убыванию — причинение побоев, воровство, убийство, зло-

употребление должностными полномочиями, преступления сексуального характера. В трех случаях обвинения оказались ложными.

Большое число ссор, ограничившихся лишь обменом ругательствами, свидетельствует, с одной стороны, о низком уровне насилия, с другой — о сохранении значения бесчестия. Нанесение побоев было характерной чертой русской жизни и являлось одним из легитимных средств управления населением на государственном уровне²². Однако то обстоятельство, что физическое насилие не практиковалось в решении всех спорных ситуаций, говорит о возникновении колебаний в применении таких методов к своим противникам.

Анализ природы конфликтов позволил установить, что большинство оскорблений и побоев, наносимых чиновникам либо самими чиновниками, осуществлялись в состоянии опьянения и вызванной по этой причине агрессии. Драматическая сцена могла иметь место в присутствии во время исполнения чиновником своих служебных обязанностей. Например, сельский заседатель Кашинского земского суда Г. Окулов, будучи в нетрезвом состоянии, пришел в уездный суд и «за неудачу табаку ругал губернского секретаря Бобрикова, потом канцеляриста Рогозинникова, ругая бранными словами, ударил в грудь»²³. Нанесение тяжкой обиды ругательством обернулось для обидчика штрафом в 20 руб. в пользу казны и тюремным заключением на три дня.

В редких случаях оскорбления являлись следствием долговременных обид на соседа, приятеля. К сожалению, уголовные материалы не содержат детальную информацию о предыстории конфликтов. В качестве примера можно привести ссоры между чиновничьими женами.

В 1816 г. жена губернского секретаря В. Слепнева, будучи приглашенной в гости к губернской секретарше Е. Фоминой, нанесла хозяйке дома побои²⁴. Причина такого поведения неясна. Остается только догадываться, что какой-то скрытый конфликт вкупе с темпераментностью одной из женщин мог привести к такому накалу взаимоотношений. Расплатой стало решение суда держать обидчицу на хлебе и воде в течение 2 месяцев и взыскать с нее 50 руб. штрафа.

Взыскание штрафа и арест сроком от 3 дней до 3 месяцев было наиболее распространенным

наказанием за нанесение оскорбления и побоев²⁵. Но для чиновников особо тяжелым видом расплаты за свою несдержанность было лишение чина и отдача в военную службу²⁶. Однако непримиримость и желание довести дела до логического конца было свойственно не всем ссорившимся. Ряд дел о причинении обиды и даже побоев заканчивались мировой. Пострадавшие чиновники, проявляя христианское добродушие, принимали извинения своих обидчиков и просили закрыть дело²⁷. Прощение имело большое значение не только в бытовой, но и в правовой сфере. Суд, определяя меру наказания, обязывал обвиняемого «испросить христианское прощение» у пострадавшего²⁸.

Самыми порицаемыми преступлениями были воровство и убийство, которые, хотя и крайне редко, но имели место в чиновничьей среде. Убийства, как правило, были результатом разбойного нападения. Плата за подобные преступления была очень высока: лишение чинов и званий, телесное наказание, отправление в военную службу, ссылка в Сибирь²⁹.

Преступления сексуального характера были сложно доказуемы, поэтому их разбирательство заканчивалось без каких-либо санкций.

В 1824 г. в Тверской уголовный суд поступила прошение от дочери умершего губернского секретаря П. Е. Соколовой следующего содержания: «1823 г. в июле месяце служащий в Тверской гражданской палате губернский секретарь В. В. Никульский, по знакомству с нашим семейством пришедши в дом матери моей в ночное время в небытность ее... изнасиловал, обещая взять в замужество»³⁰. При разбирательстве дела с привлечением большого числа свидетелей выяснилось, что девица, ведя распутный образ жизни, забеременела. Чтобы избежать общественной огласки, она склонила Никульского к непозволительной связи и потребовала взять ее в замужество.

Данный пример позволяет рассмотреть всю палитру отношений между участниками разбирательства. Несмотря на предполагаемую строгость девичьего воспитания и сдержанность поведения, чиновничья дочь вела совершенно предосудительный образ жизни, поощряемый к тому же ее матерью, и вступала в интимные отношения с приятелями по службе брата и матери. Надо отметить, что мужчин, судя по показаниям, по-

добные отношения устраивали, поклонников у девушки было предостаточно. Безусловно, события, происходившие в доме Соколовых, не могли остаться без внимания соседей, которые, наверняка, с интересом следили за личной жизнью девушки, но не предпринимали попыток вмешаться. Долгое общение П. Соколовой с В. Никульским, вероятно, дали ей основания надеяться на брак, невзирая на ее беременность от другого мужчины, что свидетельствует о позывольности добрачных отношений. Однако известие о деликатности положения девушки, напугавшее Никульского возможными последствиями, стало точкой в их отношениях. Обиженная девушка по совету матери обратилась за помощью к властям, обвинив обидчика в лишении девичьей чести и обещании жениться. Первой инстанцией стал начальник Никульского — М. Г. Новосильский, который занял позицию своего подчиненного. Поэтому с прошением привлечь виновного к ответственности, а именно к браку, Прасковья Соколова обратилась к тверскому губернатору, откуда дело было перенаправлено в Тверской уголовный суд. Восстановив действительную картину событий, суд освободил Никульского от ответа на обвинения Соколовой, наложив только штраф за «блудодейство». Остается непонятной позиция суда по отношению к девушке, которая не только занималась блудом, но и отказалась от ответственности за судьбу рожденного ею ребенка, отдав его в сиротский приют.

Иногда чиновники были инициаторами ложных обвинений, чтобы поквитаться с теми, на кого они затаили обиду. В 1807 г. бывший секретарь везьегонского земского суда Мешков подал прошение о возбуждении дела по поводу убийства канцеляриста Степана Лисицына его женою Марьею, которая, по его словам вела распутный образ жизни, причиняла обиды мужу и изрезала ему руки ножом³¹. При разбирательстве дела выдвинутые вдове обвинения не нашли подтверждения. Причиной смерти Лисицына, которому было 70 лет, оказалась болезнь. Объяснения двадцатипятилетней вдовы Марии Лисицыной пролили свет на характер ее взаимоотношений с Мешковым: «На другой день после погребения... Мешков взошел в горницу и сперва начал говорить ей непристойности, потом соглашал к блудодейанию

с ним... поступок его сочла себе за крайнюю обиду, заплавав, сказала, что будет кричать караул, чего он, устыдясь, обругал ее, похвалясь довести ее до великих хлопот»³².

Таким образом, отказ молодой вдовы от вступления в интимную связь стал поводом для мести в виде ложных обвинений в убийстве мужа. Лжесвидетельствование и наговор имели тяжелые последствия: увольнение со службы, тюремное заключение, лишение доброго имени, торговая казнь.

В чиновничьей среде имелись и «преступные элементы», регулярно нарушавшие общественный порядок и частную жизнь окружающих людей. Отставной канцелярист Егор Духанин неоднократно находился под судом по обвинению в различного рода преступлениях: за составление фальшивой отпускной дворовым людям, причинение обиды коллежскому секретарю Галахову и титулярной советнице Марье Бухаревой, кражу скота у губернского секретаря Ивана Адамова, угрозу поджечь дом своей матери, побои отставного аудитора Александра Парыгина³³. Чинимые Духариным дебоширства долгое время оставались без должного внимания со стороны властей, за исключением увольнения с гражданской службы, видимо, еще в начале его преступной деятельности. И лишь совершение нескольких злодеяний, классифицировавших Духарина как злостного правонарушителя, заставило власти принять строгие меры для его изоляции от общества. Судом было решено «отдать его буде годным окажется в военную службу, а по негодности к оной сослать в Сибирь на поселение».

Таким образом, конфликты были неотъемлемой частью межличностных отношений и выражались преимущественно в ссорах и нанесении оскорблений, не исключая рукоприкладства. В большинстве случаев участниками конфликтов выступали сами чиновники или члены их семей. Принадлежность чиновничества к государственному аппарату гарантировало ему особую защищенность от неправомерных действий со стороны других представителей общества и в то же время налагало большую ответственность за собственные проступки. Жестким было наказание за оскорбление чиновника при исполнении служебных обязательств как представителя государственной власти, но еще жестче осуждались чиновники

за преступления, недостойные их положения — такие, как лжесвидетельство, воровство.

Заметное место в жизни чиновничества занимала религия. В Тверской губернии большинство чиновников исповедовало православие. Наиболее массовой формой участия в религиозной жизни было посещение церкви. Наблюдение за посещением подданными церкви возлагалось на государственный аппарат и приходское духовенство³⁴.

Одной из важнейших христианских обязанностей было исповедование и принятие причастия. Наиболее усердно у исповеди и причастия бывали военные и чиновники, связано это было прежде всего с жестким контролем над ними со стороны начальства³⁵. За неявку в церковь на исповедь и причастие налагались штрафы³⁶.

На исповедь приходили семьями, что фиксировалось исповедными ведомостями г. Твери³⁷. В первую очередь вписывались чиновничьи семьи в зависимости от знатности происхождения и служебного статуса. После чиновничьих семей указывались семьи других категорий населения. Ранжирование прихожан священниками свидетельствовало о выделении чиновничества в особую группу даже в повседневной жизни.

Поводом посещения церквей являлись также богослужения по воскресным и праздничным дням. В дни важнейших религиозных торжеств приходское духовенство совершало обходы дворов. Посещение домов горожан «по обряду с крестом» сопровождалось угощением и денежным подношением, составлявшим в богатых домах жителей уездных городов в середине XIX в. 5 руб. сер.³⁸ Многие чиновники стремились, чтобы их дома посещались соборным протоиереем в числе первых или, по крайней мере, в первый день праздника. Причины этого неоднозначны: с одной стороны, считалось, что у прихожан, которых посещали первыми, служба шла успешней; с другой — городская верхушка смотрела на приход духовенства, руководствуясь в значительной мере поддержанием своего престижа в обществе. Посещение духовенством дома мирянина в числе первых — знак высокого положения человека в социальной иерархии города³⁹.

В жизни чиновничества большое значение имели семейные обряды, в которых важная роль отводилась приходскому священнику. Священ-

ник совершал таинства венчания брака, крещения ребенка, отпевания умершего. На его плечи ложилась ответственность за заключение брака с соблюдением государственных и церковных законов, следовательно, он обязан был лично знать своих прихожан: их семейное положение, возраст, родственные связи. Священник вводил младенца через обряд крещения в мир православных людей и участвовал в его духовном воспитании. Духовный отец привлекался для разрешения семейных конфликтов, дабы образумить нерадивого супруга или непослушных детей. Священник пытался оказать помощь и поддержку в моменты семейных трагедий.

Таким образом, чиновники и их домочадцы занимали заметное место в приходской среде и имели тесную связь с духовником, что способствовало социальной адаптации и создавало психологический комфорт в повседневной жизни.

Подводя итог анализу взаимодействия чи-

новничества с городским сообществом, следует отметить, с одной стороны, их широкую интеграцию в сеть социальных отношений, с другой стороны, стремление к ограничению общения рамками чиновничьей среды. Последний факт свидетельствует о формировании в чиновничьей среде корпоративности социальных связей. Служебная деятельность чиновников сводилась не только к профессиональным отношениям между сослуживцами, но и к личностным, которые имели свое продолжение вне службы. Расширению круга общения способствовали события семейной жизни — вступление в брак, крещение детей. Поддержание чиновником широких связей способствовало складыванию добропорядочной репутации и карьерному росту. Однако взаимоотношения чиновничества с окружающим социумом не всегда имели миролюбивый характер, даже несмотря на гипертрофированную важность общественного мнения для провинциальной среды.

¹ Шепелев Л. Е. Чиновный мир в России XVII — начала XX в. — СПб., 1999; он же. Феномен чина в России // Родина. — 1992. — № 3. — С. 41-46; Долгих Е. В. К проблеме менталитета российской административной элиты первой половины XIX в.: М. А. Корф, Д. Н. Блудов. — М., 2006.

² ГАТО. — Фонд 21. — Описание 1. — Д. 5678-5685.

³ Территория Твери делилась на четыре района, границами которым являлись три реки: Волга, Тьмака и Тверца. Название рек определили названия городских районов. На правом берегу Волги до Тьмаки располагалась центральная часть города, за Тьмакою — затьмацкая часть. Часть города, расположенного на левом берегу Волги до Тверцы называлась заволжской, за Тверцой — затверецкой.

⁴ Согласно «Материалам для оценки недвижимых имуществ Тверской губернии», составленным оценочным отделом Тверского губернского земства, Тверь делилась на 5 районов с различной «валовой доходностью за 1 кв. сажень квартир 1-го этажа». (См.: ГАТО. — Ф. 800. — Оп. 1. — Д. 7139).

⁵ Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). — СПб., 1994. — С. 29.

⁶ Гоголь В. Н. Ревизор // Собрание сочинений. В 8 тт. — М., 1984. — Т. 4. — С. 5-93.

⁷ Он же. Шинель // Там же. — С. 142-143.

⁸ Сафонович В. И. Воспоминания В. И. Сафоновича // Русский архив. — 1903. — Кн. 1. — С. 186.

⁹ Там же.

¹⁰ Булгарин Ф. В. Дурные времена: Очерки русских нравов. — СПб., 2007. — С. 267.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Гоголь Н. В. Шинель... — С. 123.

¹⁴ Там же. — С. 125-126.

¹⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. Губернские очерки. — Л., 1937. — С. 453.

¹⁶ Миненко Н. А. и др. Повседневная жизнь уральского города в XVIII — начале XX века. — М., 2006. — С. 335.

¹⁷ ГАТО. — Ф. 160. — Оп. 1. — Д. 14261-14330.

¹⁸ Поручителями выступали лица, близко знавшие брачующихся и подтверждавшие законность их брака.

¹⁹ ГАТО. — Ф. 160. — Оп. 1. — Д. 14261-14330.

²⁰ Там же. — Д. 15 222. — Л. 283.

²¹ Там же. — Ф. 309. — Оп. 1. — Д. 41-19075.

²² Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. — М., 007. — С. 147.

²³ ГАТО. — Ф. 309. — Оп. 1. — Д. 1340. — Л. 9.

²⁴ Там же. — Д. 15 928. — Л. 1.

²⁵ Там же. — Д. 1340, 16195.

²⁶ Там же. — Д. 1099, 3179.

²⁷ Там же. — Д. 2004, 5464.

²⁸ Там же. — Д. 16679.

²⁹ Там же. — Д. 1950, 17490.

³⁰ Там же. — Д. 2495. — Л. 3.

³¹ Там же. — Д. 601. — Л. 48об.

³² Там же. — Л. 136.

³³ Там же. — Д. 3179. — Л. 30об.

³⁴ Куприянов А. И. Русский город в первой половине XIX в.: общественный быт и культура горожан Западной Сибири. — М., 1995. — С. 37.

³⁵ Там же. — С. 38.

³⁶ Миненко Н. А. и др. Указ. соч. — С. 199.

³⁷ ГАТО. — Ф. 160. — Оп. 1. — Д. 16999-17057.

³⁸ Куприянов А. И. Указ. соч. — С. 38.

³⁹ Там же. — С. 39.

РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ГОРОДАХ ТВЕРСКОЙ ГУБЕРНИИ

Кризис исторической науки начала XX в. заставил европейских ученых переосмыслить теоретические основы этой отрасли гуманитарного знания. В качестве принципиального нового подхода изучения прошлого был предложен междисциплинарный, который позволяет с максимальной полнотой учитывать различные факторы исторического развития. В контексте подобных рассуждений Л. Февр заявлял, что каждый историк должен быть географом.

Особенности географического положения оказывали значительное влияние на развитие России. Этот фактор был важным не только на этапе зарождения русской государственности¹, но и в дальнейшем, приводя к формированию региональных различий. Близость к речным системам традиционно способствовала более быстрому развитию городов. Так, строительство Вышневолоцкого канала в начале XVIII в. способствовало экономическому росту Тверской провинции (с 1775 г. — губернии). Однако интенсивное развитие получили, по всей видимости, лишь те города региона, которые оказались задействованными в торговле, осуществлявшейся по рекам с помощью этого канала. К ним относился, в первую очередь, Вышний Волочек. Города, находившиеся на периферии важных экономических связей, такие, как Калязин, значительно отставали от Вышневолоцкого в этом отношении.

Следует отметить, что отличия этих городов не ограничивались разными социально-экономическими показателями. В Калязине иным образом складывалась система социального призрения, по сравнению с другими городами Тверской губернии, в частности, с Вышним Волочком. Система государственного социального призрения начала формироваться в соответствии с реформой 1775 г., по которой в каждой губернии должны были открываться Приказы общественного призрения и сиротские суды.

В городах Тверской губернии сиротские суды были образованы к 1777 г., однако в Калязине

это учреждение фактически не функционировало, т. е. существовало лишь формально вплоть до начала XIX в.

В Калязине позже, чем в других городах, был открыт сиротский дом. Если в Осташкове воспитательный дом был учрежден в 1773 г.², в Твери и некоторых других городах губернии в 1777 г., в Бежецке — в 1783 г.³, то в Калязине сведения о наличии приюта для подкидышей относятся лишь ко второй четверти XIX в.⁴

В сиротские дома помещались дети, подкинутые к домам горожан, оставленные около церквей или самих приютов. Однако иногда для определения в сиротский дом в сиротские суды присылали «несчастнорожденных» младенцев, найденных за пределами города. 18 августа 1794 г. в Вышнем Волочке городничий сообщил служащим сиротского суда о младенце, найденном соцким Фатеем Тимофеевым в поле деревни Починки у копны сена. Служащие сиротского суда распорядились отдать младенца попечителю богадельни.

По сведениям журнала Калязинского сиротского суда 1779 г. в этом городе иначе относились к решению дел о судьбе подкидышей. На сообщение городничего о необходимости принять в женскую богадельню младенца, найденного в поле крестьянином Авраамом Тихоновым, сиротский суд ответил отказом, ссылаясь на то, что компетенция этого учреждения не распространяется за пределы города⁵. Таким образом, служащие Калязинского сиротского суда продемонстрировали индифферентное отношение к проблеме, что свидетельствует о более низком уровне гражданского сознания и социальной терпимости в этом городе.

В 1804 г. Приказ общественного призрения предписал сиротским судам позволять горожанам брать на воспитание подкидышей и записывать этих детей в градское общество⁶. В Вышнем Волочке такая практика уже существовала в последней четверти XVIII в. Усыновление детей из сиротского дома было довольно распространенным явлением в Вышнем Волочке и впоследствии,

на протяжении первой половины XIX в. Известны случаи усыновления детей из сиротского дома в Бежецке и Осташкове в первой половине XIX в.⁷

Во второй половине 1820-х гг. общая государственная политика в отношении воспитательных домов изменилась. Содержание в городе сиротского дома стало факультативным делом и зависело от количества средств в городской казне. Воспитательные дома стали закрывать, а питомцев отдавать частным людям⁸. В Вышнем Волочке лицам, которые брали сирот на воспитание, выплачивали из городских доходов по 5 руб. в месяц до достижения им двухлетнего возраста⁹. Такой порядок свидетельствует о высоком уровне социальной терпимости и гражданской ответственности в этом городе. Для Калязина эта практика не была характерна.

Одной из причин закрытия воспитательных домов ученые считают высокую детскую смертность в них¹⁰. В Вышнем Волочке смертность

в воспитательном доме была тоже высокой, однако определенное число детей выживало. По сведениям И. С. Белюстина, в Калязине «пропорция умирающих равна пропорции принимаемых»¹¹, т. е. уровень смертности подкидышей был выше, чем в Вышнем Волочке. Причину этого явления И. С. Белюстин видел в плохом уходе за детьми, среди «служительниц» сиротского дома часто встречались «явно пьяницы и распутные».

Проведенное исследование позволяет отметить, что в Вышнем Волочке и Калязине неодинаково относились к проблеме сирот и подкидышей в дореформенный период. Жители Вышнего Волочка отличались большей социальной терпимостью, что свидетельствует о развитии гражданской ответственности в этом городе. Эти различия детерминировались, по всей видимости, социально-экономическими характеристиками городов, которые были неотрывно связаны с особенностями их географического положения.

¹ См., например: Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. — М., 1993. — Кн. 1. — Т. 1–2. — С. 14–34.

² ПСЗ-1. — Т. XIX. — № 14075. — С. 866–867.

³ ГАТО. — Ф. 675. — Оп. 1. — Д. 12.

⁴ Там же. — Ф. 678. — Оп. 1. — Д. 142. — Л. 30.

⁵ Там же. — Д. 6. — Л. 21.

⁶ Там же. — Ф. 1024. — Оп. 1. — Д. 134. — Л. 23.

⁷ Там же. — Ф. 1052. — Оп. 1. — Д. 45. — Л. 101.

⁸ ПСЗ-2. — Т. III. — № 2125. — С. 660–664.

⁹ ГАТО. — Ф. 1024. — Оп. 1. — Д. 357. — Л. 190, 210.

¹⁰ См., например: Шурус И. И. Повседневная жизнь провинциального города Владимира в последней трети XVIII — первой половине XIX в. — Владимир, 2009. — С. 109–110.

¹¹ Белюстин И. С. Записка о городе Калязине // Забытые страницы истории. — Калязин, 2006. — Кн. 2. — С. 30.

С. С. Михайлов (Москва)

ИЗ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ОБЩИНЫ Г. ЕГОРЬЕВСКА РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНИИ

В исторических русских городах, помимо представителей господствующего православного исповедания, также проживали и адепты других вероисповеданий. Это и представители русского старообрядчества, а также католические и протестантские, польские и немецкие по национальному составу диаспоры. Впоследствии в ряде городов появляются общества мусульман, как правило, татар-мишарей, а со временем и иудейские общины. Каждая из этих диаспор имеет свою, пусть даже и не столь долгую историю.

На востоке современного Подмосковья,

а до 1922 года в составе Рязанской губернии, находится город Егорьевск. Он возник из села Высокого (Егорий-Высокий), которое впервые упоминается в 1462 г., и ставшее к XVI столетию центром Высоцкой волости Коломенского уезда. В 1778 г. Екатерина II сделала село городом, а также одним из уездных городов Рязанской губернии. Изначально Егорьевск являлся провинциальным захолустьем, но после основания в 1845 году выходцами из подгородной деревни Акатово Хлудовыми крупной ткацкой фабрики, наступает период экономического и культурного

расцвета города, который непрерывно продолжался до 1917 г.

Егорьевск считается «Воротами в Мещёру», находясь в западной части этого края, но с другой стороны он граничил со знаменитой «Старообрядческой Палестиной» — Гуслицами. От Егорьевска до ближайшего гуслицкого старообрядческого селения расстояние всего несколько километров. Вокруг города под влиянием сопредельного края образовался крупный старообрядческий «угол». Исстари старообрядцы проживали и в самом г. Егорьевске.

Одной из загадок истории старообрядчества этого города является то, к какому согласию (или согласиям) принадлежали местные староверы на раннем этапе. Во второй половине XIX в. здесь господствовало поповское белокриницкое согласие, но это было не всегда. Белокриницкие старообрядцы завоевали свои позиции в Гуслицах, Егорьевском крае только в период развития в крае текстильной промышленности, находившейся преимущественно в их руках¹. До начала XX столетия в окрестностях Егорьевска сохранялись небольшие группы беспоповцев Спасова и поморского брачного согласий². Скорее всего, ранее именно эти толки старообрядцев и составляли старообрядческое население Егорьевска и окрестностей. Несколько позже, уже в XIX столетии, на территории Егорьевского уезда, а равно и в самом Егорьевске, появляются беспоповцы-федосеевцы, из среды которых потом часть староверов перешла в филипповское согласие³.

В самом Егорьевске в 1889 году зафиксировано всего четыре беспоповца, из которых три женщины 38, 45 и 55 лет, а также пятнадцатилетний подросток⁴. Их принадлежность к конкретному согласию не указана, но, возможно, что это были спасовцы или филипповцы. Как следует полагать, в столице уезда были представлены все группы старообрядцев, которые были представлены в самом уезде. Филипповцы же, скорее всего, имели в городе пусть и небольшую, но крепкую общину. В одном из номеров газеты «Московский листок» за 1886 год была напечатана информация о том, что в Егорьевск удалился «на покой» бывший наставник московского «Братского двора» Иван Родионов. Упоминалось также, что здесь уже жил и известный местный филипповский наставник

Павел Терентьев⁵. В ведомости о «раскольниках» Рязанской епархии за 1888 год в Егорьевске «беспоповщинской секты» значатся только сам Иван Родионов, 68 лет, и его сын Григорий, 41 года⁶. Но касательно егорьевских беспоповцев выяснить их наличие и численность весьма сложно, поскольку власти старались не обращать внимания на маленькие и не активные беспоповские общества, которые не проявляли себя так, как это делали белокриницкие поповцы.

Последователи рогожского белокриницкого мира появились в Егорьевске явно поздно, уже в XIX в. В материалах рязанской миссионерской периодики рубежа XIX-XX вв., которая внимательно следила за старообрядчеством на подведомственной территории, касательно старообрядчества в Егорьевске можно найти упоминания, что «раскол» существует здесь «с давних времен», но усилился «после 12 года» (т. е. 1812. — С. М.)⁷. Окружной миссионер священник Н. Виноградов называл его «недавним расколом»⁸. Он писал, что появление старообрядчества в Егорьевске связано с ослаблением антистарообрядческой политики Николая I и бурным промышленным развитием города, которое происходило начиная с 1850-х гг. Появление «раскола» в городе также связывается им с выходцами из соседних Гуслиц. Миссионер даже называет и имя первого гусяка, осевшего в Егорьевске — Ларион Карпов. После него со временем старообрядцы стали насчитываться здесь тысячами. Виноградов писал, что все коренные егорьевцы, по его мнению, были исключительно православными⁹. Но и о. Виноградов, и другие миссионеры здесь подразумевают исключительно поповцев-белокриницких, совершенно игнорируя немногочисленных беспоповцев. Возможно, что именно с прибытием в Егорьевск Лариона Карпова и начала свою историю белокриницкая община, которая вскоре поглотила большую часть старообрядцев других согласий, которых было относительно легко переманивать, имея в руках фабрики, где «зеленая улица» всегда была преимущественно своим одноверцам. Возможно, что прежде основная часть местных поповцев принадлежала к одному из наиболее строгих течений беглопоповщины — лужканам. Представители этого толка еще во второй половине XX столетия встречались и в Гуслицах, и в соседних местно-

стях. В первой половине XX столетия семьи лужжан, согласно рассказам старожилов, проживали в некоторых селениях в окрестностях Егорьевска: Федуловская, Кудиновская и др. Небольшие общества их имелись и в одном из самых близких к городу гуслицких уголков — в селениях Шувое и Нареево. В Шувое даже имелась общественная лужжанская моленная. Наверняка среди выходцев из этих населенных пунктов, которые обосновались в Егорьевске, в разное время были и представители лужжанского согласия.

Согласно современному егорьевскому краеведу, в начале XIX в. старообрядцы составляли треть населения города¹⁰. Но после начала промышленного роста Егорьевска, когда в него прибыли большие группы рабочего люда, соотношение изменилось не в пользу старообрядцев, хотя на Егорьевск и его фабрики были ориентированы жители старообрядческих Гуслиц и соседних местностей Бронницкого и Коломенского уездов. Просто приверженцев официальной церкви прибывало намного больше.

Как и во многих других русских городах, в Егорьевске старообрядческое общество держалось на богатых купцах. Самой старой фамилией местных фабрикантов-староверов были купцы Князевы. На них лежала вся забота о благополучии общества, о его молитвенном здании. Позднее к ним присоединились Каширины, Лебедевы, Куликовы, Кутаковы, Буяновы, Клоповы... В 1840-1850-х гг. к старообрядчеству присоединилось семейство Бреховых, из которого происходил известный деятель егорьевского старообрядчества — Петр Григорьевич Брехов. На последнего легла вся ноша забот об обществе, когда в 1890-х старшее поколение Князевых сошло в могилу, а молодые поколения этого семейства «как-то отстали от храма и общества»¹¹.

Одним из мифов, которые связаны со старообрядчеством Егорьевска, является причисление известной фамилии фабрикантов Хлудовых к староверам. Это семейство происходит из дер. Акатово, где вплоть до середины XX столетия было крепкое старообрядческое общество. Но не все жители деревни были староверами, по крайней мере в XIX в., часть их принадлежала к господствующей церкви. Возможно, Хлудовы (в Акатово — Хлуденковы) ранее и были старо-

обрядцами, но в период основания своего предприятия в Егорьевске они были православными. Это подтверждает и старообрядческая периодика начала XX в. Старообрядцем, но только на краткий период, стал только один представитель этой династии, вступив в брак с одной из представительниц рода Князевых¹².

Старообрядческий общественный храм-моленная г. Егорьевска существовал уже в первой половине XIX столетия, но явно возник намного раньше. Он был посвящен, равно как и старейший храм села Высокого — г. Егорьевска — Георгию Победоносцу. Это не случайно, поскольку практически везде старообрядцы старались оспорить у «никониан» право преемства от престолов древних дониконовских храмов. Его изначальная «конфессиональная» принадлежность неизвестна, но к 1850-м гг. он уже был белокрыницким. Старая деревянная моленная была уже весьма ветхой, и власти закрыли ее. Большая часть документов Рязанского губернского правления, которые были посвящены этому делу, уже ко времени устройства нового молитвенного здания — к 1881-1882 гг., была утрачена. Известно, что распоряжение было отдано 10 сентября 1851 г.¹³ Богатые егорьевские старообрядцы, прежде всего Князевы, как могли пытались спасти храм, но в конце концов его все равно закрыли. Моленную продали с торгов, но приобретший ее на слом ранненбургский купец отказался ее ломать и разрешил пользоваться зданием старообрядцам¹⁴. Но это могло продолжаться недолго.

После закрытия моленной общество разделилось по нескольким «приходам», которые собирались на моления по домам пяти богатых купцов: Князевых, Кашириных, Куликовых, Лебедевых и Кутаковых¹⁵. Егорьевцев такое разделение очень тяготило и при появлении первой же возможности при ослаблении гонений в 1882 году они получили разрешение на устройство нового общественного храма-моленной. Его построили в течение всего нескольких месяцев на Зарайской улице. Внешне он, как требовали законы, более напоминал обычный жилой дом, храмовый вид был устроен только внутри здания¹⁶. Старообрядческий Георгиевский храм вмещал не менее трех тысяч человек.

К началу XX в. в Егорьевске было уже не менее четырех тысяч старообрядцев¹⁷. Численность

же приверженцев господствующего исповедания в это время уже приблизилась к двадцати тысячам. Иногда в разговорах с сотрудниками Егорьевского музея приходится слышать, что «Егорьевск — старообрядческий город». Однако это не совсем верно. Конечно же, здесь существовала крепкая и значимая в белокриницком мире старообрядческая община, но ее представители составляли лишь часть населения города. Община была заметна в городской жизни, но не играла в ней ключевую роль. Самые богатые купцы-старообрядцы Князевы значительно уступали по своему размаху православным Хлудовым и Бардыгиным.

Уже в конце XIX ст. многие представители старообрядческого общества Егорьевска мало напоминали поколения своих отцов и дедов. Вовлеченность в торгово-промышленные отношения, интеллектуальная развитость егорьевских старообрядцев и приобщенность их ко всему передово-

му, привели к тому, что многие мужчины, прежде всего молодые, стригли бороды. Старообрядческие священники и начетчики были вынуждены смотреть на это сквозь пальцы: «Если их духовная власть, стоящая во главе их церкви, решит прервать общение с „брадобрийцами“, то останется с одними стариками и бедняками, с которыми долго не просуществует; старообрядческая же молодежь и все передовики, которые теперь держат в своих руках все старообрядчество, все, за небольшим исключением, „брадобрийцы“»¹⁸. Привычны многим представления о старообрядцах как о подобию Агафьи Лыковой, в случае с Егорьевском, да и всем старообрядческим массивом нынешнего востока Подмоскovie, не работают.

После объявления в 1906 году вероисповедных свобод в России наступает новый, довольно яркий период истории старообрядчества в г. Егорьевске, но это уже тема отдельного исследования.

¹ Мельников-Печерский П. И. Очерки поповщины // Собр. соч. в восьми томах. — М., 1976. — Т. 7. — С. 407-408.

² Миссионерский сборник. — Рязань, 1894. — № 1. — С. 17-18; 1901. — № 1. — С. 171; № 2. — С. 172; ГАРО. — Ф. 627. — Оп. 147 — Д. 15. — Л. 40об., 41об., 42об.-43; Оп. 148. — Д. 28. — Л. 57.

³ ГАРО. — Ф. 723. — Оп. 1. — Т. 2. — Д. 770а. — Л. 1-162; Д. 595и. — Л. 1-119.

⁴ Там же. — Ф. 627. — Оп. 147. — Д. 28. — Л. 57.

⁵ Московский листок. — 1886. — № 96.

⁶ ГАРО. — Ф. 627. — Оп. 147. — Д. 15. — Л. 36об.

⁷ Миссионерский сборник. — Рязань, 1894. — № 1. — С. 18.

⁸ Там же. — 1901. — № 3. — С. 272-273.

⁹ Там же. — С. 273.

¹⁰ Смирнов В. И. Мы — егорьевцы. — М., 1999. — С. 60.

¹¹ Петр Григорьевич Брехов (некролог) // Старообрядческая мысль. — М., 1914. — № 3. — С. 287-288.

¹² Там же. — С. 287.

¹³ ГАРО. — Ф. 5. — Оп. 4. — Д. 2026. — Л. 8, 15-15об.

¹⁴ Петр Григорьевич Брехов... — С. 287.

¹⁵ Там же.

¹⁶ ГАРО. — Ф. 5. — Оп. 4. — Д. 2026. — Л. 1-72.

¹⁷ Егорьевский раскол в 1902 году // Рязанские епархиальные ведомости. — Рязань, 1903. — № 6. — Часть неофициальная. — С. 186.

¹⁸ Миссионерский сборник. — Рязань, 1912. — № 2. — С. 147.

В. Г. Пуцко (Калуга)

МУРОМСКАЯ ИКОНА СПАСА НЕРУКОТВОРНОГО В ГЛИНСКОЙ ПУСТЫНИ

Иконописание Мурома конца XVIII в. представлено в литературе лишь немногими образцами¹. Как выясняется, в их число может быть еще включено одно датированное произведение, давно известное как чудотворный образ Спаса Нерукотворного, около 1818 г. оказавшийся в Глинской Рождество-Богородицкой мужской пустыни Курской губернии Путивльского уезда (ныне Сумской области, Украина, Глуховского района), расположенной на правом берегу р. Обесты, впа-

дающей недалеко в р. Клевень. Икону считали написанной в XVIII в.² Упоминания о ней можно найти в рукописных источниках и в печатных изданиях³. Так, в Ведомости о состоянии Глинской пустыни в 1829 г. отмечено, что в соборном храме за клиросом с правой стороны «находится в большом виде Нерукотворенный Образ Христа Спасителя, ознаменован чудесами». По данным составленного в 1836 г. историко-статистического описания пустыни, «величина оной (иконы)

в длину и ширину около одного аршина». История появления в монастыре упомянутого образа наиболее обстоятельно изложена в составленном архимандритом Макарием Глухаревым в 1829 г. «Описании Богородицкой Глинской пустыни», оставшемся в рукописи, по которой приведен здесь ее текст⁴.

«При входе в церковь Рождества Богородицы, чрез двери южныя, первый предмет вам представляющийся есть икона Нерукотвореннаго Образа Спасителя, которая принесена в Глинскую пустынь из города Муром по таковому случаю. Один из братьев здешних, иеродиакон Авксентий, имел здесь весьма благоговейнаго инока, который, упражнясь в искусстве живописи, написал в посте и молитве икону сию и дал ее своему сыну в отеческое благословение. И когда она стояла в доме моих родителей, сказывает о. Авксентий, еще тогда примечали от ней нечто необычайное: ибо естли в покои, в котором она была поставлена, кто-нибудь пустословил, и смех творил, — то некий треск происходил от сей иконы, устрашал говорунов, и заставлял их безмолвствовать. По кончине отца моего мать моя во обитель меня уже вступившего, а монашество в здешней обители, сим образом благословила заочно; и подвижницы некия, шедшия в Киев Богу молиться, восхотели исполнить ее желание, подъяв икону святую, в начале чувствовали некую тяготу несоизмерную силам своим, но потом, когда немощь свою предали воле и силе Божией, образ для них весьма легким сделался, и они с миром и радостию несли его на руках своих до самой пустыни Глинской. Здесь его поставили во святом алтаре на горнем месте; и когда я, говорил отец Авксентий, по должности параклисиарха, первый вошел в алтарь, пред вечерним молитвословием, тогда услышал треск чрезвычайный, происшедший от сего образа, и был во ужасе. Но свидетелями сего чуднаго знаменья были и сам отец Филарет, когда приял от подвижниц икону, внес ее в свою келлию, и Димитрий Севастианович г. Бровцын, со всем семейством своим, когда в доме его совершалось молебное пение пред сим образом. Потом поставили его на сие место, где он теперь в церкви находится, и треска не стало слышно, на всегда или на время, сказать не можешь. Только история знамений и чудес, во все времена совершавшихся

в церкви Христовой, показывает, что рабы и угодники Божии, пред лицом Божиим писание иконы святых преводя на убрус или на дску священная черты, в чистых и освященных душах их раждавшиеся молитвою и пламенною в прославлении имени Божия ревностию и любовию к душам человеческим, призывали на дело рук своих благословение Божие, и помазав писанныя ими иконы помазанием от святого, которое имели в духе своем, и слезами благоприятными, в веществе отверзали хлябы небесныя, чудодейственную благодать Божию источавшимся вскоре ими для будущности далекой, оставляли в своих произведениях сокровенные ключи силы Божией, которые потомки должныствовали открыть верою и молитвою, соответствующею молитвам предшественников, уже ликующих в небесном царствии. Риза сребренная, которую видим на иконе Христова Нерукотвореннаго Образа в Глинской пустыни, устроена усердием Его Сиятельства графа Сергея Павловича Потемкина. Он же в 1826-м году пожертвовал сей обители Евангелие, серебром позлащенным обложенное богато и благолепно».

К приведенному повествованию, проливающему свет на происхождение иконы, надо добавить, что этот серебряный оклад, весом в 5 фунтов 74 золотника, изготовленный в 1818 г., имел накладной чеканный венеч, украшенный гранатом и горным хрусталем. Как ни удивительно, икона с ее драгоценным убранством сохранилась в период лихолетья и во второй половине 1940-х гг. перед ней по воскресным дням в храме Глинской пустыни совершалось уставное чтение акафиста. Примерно за два месяца до вторичного закрытия обители в 1961 г. икона была унесена, и, как выясняется, находилась в Туле до весны 2008 г., когда возвращена в монастырь, на этот раз без оклада, с очищенной от загрязнений поверхностью. Благодаря данному обстоятельству, слева внизу обнаружилась дата: «1794 года сентября месяца» (Рис. 1).

Известно о том, что происходившего из Мурома глинского иеродиакона Авксентия в миру звали Афиногеном Андреевым. И, соответственно, его дед по отцовской линии, бывший монахом-иконописцем, носил ту же фамилию, но установить его имя пока невозможно. Если он пребывал в Благовещенском или в Спасском монастыре⁵,

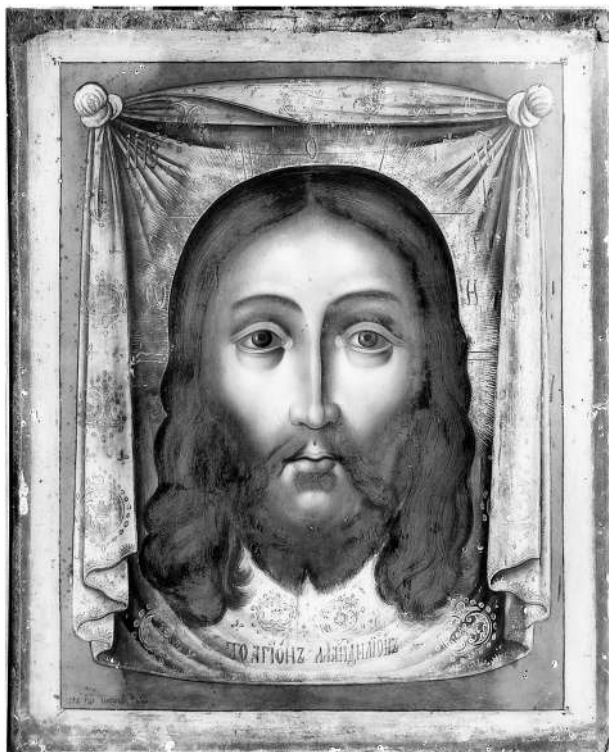

Рис. 1. Спас Нерукотворный. 1794 г. Муром.
Глинская пустынь

то не исключены иные следы иконописного творчества, для выявления которых описываемая икона могла бы стать эталонной. На сегодняшний день это единственное его известное произведение, отмечающее, кроме того, еще определенное стилистическое направление в муромской иконописи рубежа XVIII-XIX вв.

Обращение к образу Спаса Нерукотворного, почитаемому во всем христианском мире, в данном случае вряд ли можно объяснить вполне конкретными причинами. Правда, в городском соборе Рождества Богородицы хранилась икона середины XVII в., первоначально находившаяся над воротами Мурома, на Спасской башне деревянной крепости, до разрушения кремля в конце XVIII в.⁶ Но она относится к изводу с держащими плат ангелами, и, кроме того, отличается иным, более традиционным рисунком головы, а также распадающимися на концах на пряди длинными волосами, образуя веерообразные очертания. Не исключено следование ранней прориси, отличавшей оригинал, с которым связаны местные предания, может быть относившийся к XVI в. Рассматриваемая икона скорее ориентирована на иной образ, с двумя симметричными плоскими прядями волос, характерный для западной иконографии XV в., не получивший широкого распространения

Рис. 2. Спас Нерукотворный. Около 1670 г. Мастер Симон Ушаков. Москва. Мастерская Оружейной палаты.
Москва, ГИМ

на русской почве, оставив лишь некоторые следы в трактовке отдельных деталей⁷.

Икона из Глинской пустыни учитывает новшества живописного языка, того «живоподобия», которое связано с творчеством царского изографа Симона Ушакова, написавшего в 1658 г. образ Спаса Нерукотворного, затем многократно повторенный им самим и его последователями, чаще всего с незначительными изменениями⁸. Примером того может служить икона, выполненная Си-моном Ушаковым около 1670 г. и затем находившаяся в Троицком соборе Успенского монастыря Александровской слободы⁹ (Рис. 2).

Но и по отношению к таким образцам произведение муромского иконописца, датированное 1794 г., обнаруживает оригинальные черты, получающие распространение в европеизированном творчестве русских мастеров XIX в., с подчеркнута реалистической трактовкой образа, мыслимой как выражение идеала красоты и совершенства. Это соответствовало новой эстетике, проникшей и внутрь монастырских стен. Византийская традиция, ставшая уделом «священной древности», оказалась непонятной, и склонность к ней теперь порой грозила обвинением в сочувствии старообрядчеству; снисхождение заслуживали лишь появившиеся в 1800 г. единоверцы.

Рассматриваемая здесь икона Глинской пустыни с изображением Спаса Нерукотворного по высоте не превышает 70,0, а по ширине — 55,0 см, и, следовательно, форма не является квадратной. Лик Христа изображен на фоне узорчатого плата, собранного в образованные завязанными верхними концами в узлы складки, с глубокими тенями. Легкие растительные орнаментальные мотивы, варьируемые фантазией, бесспорно навеяны реальными европейскими тканями с местной флорой, переданной чрезвычайно правдиво. Но в их основе типы восточных рисунков, известных по персидской парче и шелковым тканям XVI в. Характерно, что они скорее выявляют фактуру основы, легко изменяя окраску в зависимости от ее цвета: от коричневатой к белой. Живопись иконы, вывезенной в 1961 г. из Глинской пустыни, подверглась неумелой промывке, особенно повредившей боковые края композиции, открыв голубой фон и при этом почти целиком уничтожив узоры на плоскости широкой складки плата справа; частично смыта и живопись прядей волос, бороды и усов. Больше повезло живописи лика Христа, выполненной тщательно, с применением искусной моделировки объемов, вызванной стремлением достигнуть полного «живоподобия». Во всяком случае безупречность рисунка удивительно сочетается

Рис. 3. Преп. схииерархидрифт Серафим Амелин. 1955 г.

с тонкой цветовой тональностью, свойственной воспроизведению реалит. Удивление вызывает отсутствие четко очерченного нимба вокруг головы Христа: он обозначен снопом излучаемого сияния, лучи которого переданы ассистом с нанесенными поверх крестовидным делением и обычными буквенными обозначениями, сделанными светлой и темной красками. В верхних углах плата, не деформируемые его складками, монограммы в форме ИС ХС, а в нижней части ткани грецизированная сопроводительная надпись: ТО АГІОНЪ МАНДНІОНЪ — почти как на иконах мастеров Оружейной палаты конца XVII в. Впрочем, эта традиция сохраняется и в более позднее время.

Нельзя сказать, что написанная в Муроме в 1794 г. икона Спаса Нерукотворного занимает совершенно изолированное место в развитии иконографии образа, но в то же время невозможно указать ее непосредственный образец, явно принадлежавший к числу почитаемых. Скорее всего, именно этим был обусловлен выбор изображения, которое мастер предназначил для благословения своему сыну. В какой-то мере ключ к разгадке дает содержание пространной надписи на оборотной стороне датированной 1856 г. ярославской иконографически подобной иконы, образец которой получен от императрицы Анны Иоанновны архимандритом Троице-Сергиева монастыря Варлаамом Высоцким (1726-1737), а с 1790 г. находился в ярославской церкви Параскевы Пятницы на Туговой горе¹⁰. Выявление последнего позволило бы получить более определенный ответ на поставленный вопрос.

В Глинской пустыни икона Спаса Нерукотворного со времени своего появления стала одной из самых почитаемых. Начало этому почитанию положено преп. игуменом Филаретом Данилевским (1817-1841), который установил неперенное перед образом по воскресным дням перед литургией соборное совершение молебного пения с акафистом Спасителю. Такой обычай свято соблюдался как в прежнее время, так и по возрождению обители в 1942 г., когда из числа всех прежде существовавших уцелел лишь один больничный храм в честь Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня. Возвращенная икона первоначально была поставлена перед левым клиросом, оформленная самым примитив-

Рис. 4. Преп. схигумен (позже схиархимандрит) Андроник Лукаш. 1957 г.

ным способом, с использованием вместо подвесной пелены старой скатерти, а внутри киота были помещены гирлянды искусственных цветов. Акафист совершали трое иеромонахов в сослужении иеродиакона. Там икона оставалась и после 1954 г., когда для нее был выполнен резной деревянный киот (Рис. 3), но позже, в 1957 г., поставлена перед правым клиросом (Рис. 4), где находилась все оставшиеся до закрытия монастыря годы. Перемещению, очевидно, способствовало напоминание о прежнем местонахождении в соборном храме прославленной Глинской пустыни: среди братии еще были живы те, кто помнил лучшие времена. Почитание образа засвидетельствовано и желанием быть запечатленным возле него на фотоснимках, представляющих теперь уже причисленных к лику преподобных схиархимандритов Серафима Амелина и Андроника Лукаша. Вместе с тем упомянутые снимки представляют страницы истории самой иконы, прежде никогда не привлекавшей внимание исследователя.

¹ Сухова О. А. и др. Иконы Муром. — М., 2004. — С. 40-42, 346-353.

² Денисов Л. И. Православные монастыря Российской империи. — М., 1908. — С. 350.

³ Историческое описание Глинской Богородицкой пустыни, состоящей Курской епархии и губернии в Путивльском уезде, составленное Николаем Самойловым, состоящего под Высочайшим покровительством Общества истории и древностей российских соревнователем. — СПб., 1836. — Ч. 1. — С. 32; Глинская пустынь. Очерк современного состояния обители. — Одесса, 1904. — Ч. 1. — С. 15; Иоанн (Маслов), схиархим. Глинская пустынь. История обители и ее духовно-просветительная деятельность в XVII-XX веках. — М., 1994. — С. 163, 223. Ил. на с. 155, 427 (икона в окладе), 425, 441 (икона в киоте).

⁴ Сборник материалов «Церковно-историческое и статистическое описание Глинской Богородицкой пустыни», по Ар-

хивной описи № 255. Л. 25-26об. В упомянутой книге схиархим. Иоанна (Маслова) эта рукопись упомянута как не сохранившаяся (С. 30).

⁵ Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. — СПб., 1892. — Кн. II. — С. 65 (№ 633), 337 (№ 1181); Денисов Л. И. Указ. соч. — С. 90-93 (№ 94, 95).

⁶ Сухова О. А. Указ. соч. — С. 178-181. Кат. № 23.

⁷ Подробнее см.: Евсеева Л. М. «Св. Образ» в XV-XVI вв. Иконографические типы и формы почитания // Спас Нерукотворный в русской иконе. — М., 2005. — С. 108-133.

⁸ Там же. — С. 156-163 (текст Н. Н. Чугреевой). Кат. № 42, 45, 46, 48, 51, 57, 58, 59, 61, 63, 64, 66.

⁹ Там же. — С. 278. Кат. № 44.

¹⁰ Там же. — С. 350-352. Кат. № 94.

О. А. Сухова (Муром)

ИКОНА «МУРОМСКАЯ» — НАСКОЛЬКО МУРОМСКАЯ?

Радуйся, присноблаженная, граду Мурому похвало;

Радуйся, преблагословенная, Рязани украшение.

Акафист иконе, именуемой «Муромская». Икос 1

Среди множества чудотворных богородичных икон, чтимых в России, известен образ с наименованием «Муромская», находившийся в старом

Успенском (Христорожественском) соборе города Рязани. Главной проблемой при изучении его истории и почитания является утрата не только

Рис. 1. Икона Богоматерь Муромская.
Кон. XVI-XVII вв. ГТГ

самой чудотворной иконы (относимой преданием к домонгольской эпохе), но и хранящейся в этом соборе реплики с нее, которая, очевидно, и была предъявлена И. Э. Грабарю в 1919 году¹. Известные в настоящее время списки Муромской иконы редки и не всегда связаны с Муромо-Рязанским регионом. Датируются они не ранее второй половины XVI века, то есть временем после создания литературных агиографических произведений (в середине этого же столетия) о святом князе Константине — крестителе Мурома и святом епископе Василии Рязанском, в которых впервые зафиксирована «чудесная» история иконы, перенесенной из Мурома в Рязань. Первому городу от нее осталось наименование, второму — некий образ, почитавшийся как легендарный (пропавший в советское время).

Историография

Вопрос о том, в какой мере наименование чудотворной иконы отражает исторические события и соответствует свидетельствам ее почитания в разные периоды как за пределами этих двух центров, так и в них самих, специально никогда не рассматривался. Не анализировались ранее и документальные свидетельства на предмет наличия или отсутствия особого почитания данного образа в Муроме в XVII-XVIII веках и причины его возобновления только в XIX столетии. История почитания чудотворного образа Богоматери Муромской в церковных изданиях из-за недо-

статка источников, а также их противоречивости, всегда выстраивалась сложно (и публиковалась еще с дореволюционного периода, а ныне размещается в сети) — с постоянно повторяющимися несоответствиями и путаницей в иконографии². Яркие иконографические особенности исследуемого богородичного типа (главной из которых является положение младенца, полулежащего на обеих руках Богоматери) были отмечены еще в дореволюционных трудах Н. П. Лихачева и Н. П. Кондакова³. Две иконы Богоматери Муромской были включены В. И. Антоновой и Н. Е. Мневой в каталог икон ГТГ 1963 года⁴. Из современных исследователей Муромской иконе посвятили статьи И. А. Кочетков (1993) и Н. И. Комашко (2003) (первый — утраченному почитаемому образу в Рязани; вторая — созданному Симоном Ушаковым в Москве)⁵. В 1995 году Н. П. Пивоваровой был опубликован список Муромской иконы рубежа XVII-XVIII веков Русского музея⁶. В 2004 году нами был описан и включен в книгу «Иконы Мурома» поздний список этой иконографии из собрания Муромского музея (рубежа XIX-XX вв.)⁷. В самое последнее время И. Л. Бусевой-Давыдовой и Н. Е. Плаксиной (2006, 2007, 2010) были введены в научный оборот ранее неизвестные списки «Богоматери Муромской» XVII века⁸. Известный ранее и пополненный к настоящему времени иконографический материал, критический анализ источников, а также некоторые новые данные по истории и современному почитанию образа «Богоматери Муромской» дают возможность комплексно подойти к проблемам, связанным с этой чудотворной иконой. Особенно важным представляется показать ее индивидуальную историю в широком контексте почитания русских чудотворных богородичных икон и выяснения как типичных, так и специфических черт «легенды» данного чтимого образа⁹.

История и наименование

Сохранились лишь единицы памятников, которые в какой-то мере можно идентифицировать с тем или иным древним чудотворным образом (архетипом). Из самых известных и почитаемых в России богородичных икон, пожалуй, можно назвать Владимирскую (ГТГ) и Боголюбскую (Владимиро-Суздальский музей-заповедник) как признанные памятники XII века. Возвращен-

ную же на родину в 2004 году Тихвинскую икону (Тихвинский Успенский монастырь), которой сегодня посвящена целая «научная тихвиниана», далеко не все исследователи считают бесспорным произведением конца XII — начала XIII веков. Явление чудотворной иконы Толгской Богоматери по преданию было в 1314 году. Древнейший список — Большая (Тронная) или Толгская I (ГТГ) датируется даже более ранним временем — последней четвертью XIII века¹⁰. «Явленный» чудотворный список («Толгскую II») относят к началу XIV века (ЯХМ. Толгский монастырь). Третий список, созданный около 1327 года (Толгская III), хранится в Русском музее. Между тем, Сказание о явлении иконы составлено лишь в XVI веке на основе местных легенд. Донскую (ГТГ) и Торопецкую (Русский музей) иконы Богоматери относят к XIV веку, считая последнюю псковским списком с византийского архетипа XII века¹¹. Древнейшие реплики иконы Смоленской Богоматери также относят лишь к XIV столетию. По замечанию М. Б. Плехановой, «в отличие от Владимирской Смоленская как чудотворная икона — реликвия, относимая к домонгольской древности и возводимая к Царьграду, не существует»¹².

Особо стоит отметить почитаемую в Рязани вместе с Муромской икону Богоматери Феодотьевской, по легенде принесенную до 1225 года с Афона епископом Евфросином Святогорцем, утраченную, затем явленную вновь лишь в 1487 году. Чудотворный образ идентифицируют с древнейшей рязанской иконой — Богоматерь Одигитрия XIII века (Рязанский музей-заповедник)¹³. А вот икона Ярославской Богоматери из кафедрального Успенского собора, которая почиталась как моельный образ ярославских святых князей Василия и Константина XIII века, датируется специалистами первой половиной XVI века, при этом является древнейшим списком этой иконографии в Ярославле. Более ранние списки (середины и конца XV века) хранятся в ГТГ¹⁴. Что касается других периферийных чудотворных образов, то можно упомянуть, например, икону Коневской Богоматери, почитаемый список которой по поздним источникам относили к концу XIV века; после реставрации в ГосНИИРе он был определен как произведение

середины XVI века¹⁵. В случае с Девпетуровской иконой Божьей Матери, по преданию явленной также в конце XIV века, икона не только совсем не имеет ранних списков, но даже и копий XVIII века, а образ, признаваемый чудотворным, и вовсе оказался произведением первой половины XIX века¹⁶. В этом ряду икона Муромской Богоматери занимает особое положение, отличное как от первых, так и вторых чудотворных икон. Безусловно, утрата почитаемого образа лишает возможности делать какие-либо определенные заключения о времени его создания и ставит под сомнение само существование древнего архетипа. Известные же не только поздние, но и относящиеся к XVI-XVII векам списки Муромской иконы, все же свидетельствуют о том, что она пользовалась почитанием в этот исторический период и не только в центре России.

Обращаясь непосредственно к наименованию «Муромская» рассматриваемой нами чудотворной (с изображением полулежащего младенца на обеих

Рис. 2. Икона Богоматерь Одигитрия (Муромская). Нач. XV в. ГТГ

руках Богоматери), заметим, что также называют и некоторые иконы совершенно другой иконографии. Одна из них — Богоматерь Одигитрия начала XV века из Муромского собора Рождества Богородицы (ГТГ). Она представляет собой тип, близкий образу, почитавшемуся на Руси как «Одигитрия Смоленская». Время создания этой муромской иконы позволяет предполагать, что именно пред ней в 1446 году будущий митрополит Иона принял на свою епитрахиль детей великого князя Василия Темного (событие зафиксировано в русских летописях). И. Э. Грабарь даже предполагал, что именно она может быть копией чудотворного образа, принесенного в Муром святым Константином. Однако Писцовые книги Мурома первой трети XVII века называют этот образ «поставленьем» царя и великого князя Ивана Васильевича», не уточняя, какого из двух (Ивана III или IV)¹⁷. Эта икона с полным основанием может называться «Муромской», так как она попала в Третьяковскую галерею непосредственно с места своего почитания. Следует заметить, что она действительно привлекала особое внимание не только в муромском соборе: по

Рис. 3. Икона Богоматерь Одигитрия Выдропусская (Муромская)

документам первой трети XVII века известно, что во всех других храмах города как главным богородичным иконам отдавалось предпочтение образам подобного типа. Вторая чудотворная икона, которую называют «Муромской» — Богоматерь Одигитрия Выдропусская, списки которой по иконографии ближе к типу «Богоматери Иверской». По преданию (Повести о чудотворном образе, составленной после 1566 г.) она была унесена из Выдропусска муромским боярином во время похода на Новгород Ивана III в 1471 году, а позже чудесным образом вернулась, причем, не одна, а «вместе с другой иконой — Умиление Божьей Матери (Муромской)». Список этой чудотворной (1630) имелся в Торжке, где в Спасо-Преображенском соборе был освящен придел в честь «Богоматери Одигитрии Муромской»¹⁸. Очевидна запутанность в почитании то ли одной, то ли двух «муромских» икон (под второй — «Умилением», могла скрываться реплика чудотворной в рассматриваемой нами иконографии с полулежащим младенцем). Однако можно заметить, что в этом регионе в XVI-XVII веках явно прослеживалась тенденция к прославлению чудотворных образов, ассоциировавшихся с достаточно отдаленным городом на Оке.

Как бы то ни было, все же обычно «Муромскими» или «Муро-Рязанскими» называют списки, восходящие к пропавшему в Рязани чтимому образу¹⁹. Итак, наша чудотворная икона имеет двойное наименование, хотя известно еще и третье — «Моление святого Василия». Но это вовсе не предел набора названий для чтимых икон. Сравним, например, с образом «Богоматери Эфесской-Полоцкой-Корсунской-Торопецкой»²⁰. Говоря о наименованиях, любопытно отметить, что, например, икона Богоматери Донской получила свое имя, когда и сам князь Дмитрий стал именоваться «Донским» — только в эпоху Грозного, и неизвестно, как ее называли ранее²¹. А Коневская Богоматерь приобрела свое имя лишь в 1799 году с новой волной почитания²².

Наша икона именно в Рязани осознавалась как «Муромская», так как по преданию прибыла чудом из Мурома. Интересную закономерность и особенность почитания городской святыни самими жителями, восходящую к византийско-киевской традиции, подчеркнула Н. А. Щенникова

на примере Богоматери Владимирской: «Название иконы — Владимирская — дважды встречается в Сказании XII века, причем в тех рассказах, где идет речь об исцелении иногородних людей (чудо 7 и 9); здесь название иконы „Владимирская” является синонимом выражения „во Владимире”. Во всех остальных чудесах Сказания и в летописных рассказах икона именуется „Пресвятой (Святой) Богородицей”»²³. Следуя логике приведенного утверждения, укажем, что «некая жена» из Муромца, страдавшая болезнью сердца, исцеленная водой от иконы, видимо, не считалась автором Сказания «иногородней» (чудо 6). Чудотворная икона обозначена в данном случае как «Святая Богородица» без определения «Владимирская». Вероятно, соседей-муромцев в XII веке на земле Андрея Боголюбского воспринимали не как чужих²⁴. По словам той же исследовательницы, «в контексте Сказания и летописных статей икона воспринимается не как изображение, но как живой образ Владычицы. „Святой Богородицей” называется и владимирский Успенский собор, благодаря чему создается впечатление, что он построен специально для чудотворной иконы. Самим владимирцам и не надо было ее как-то еще называть, так как она была единственная и отождествлялась с самой Богородицей». Она же справедливо утверждает, что именно икона Владимирской Богоматери «открывает историю русских чудотворных икон Богоматери, оставаясь вне их ряда как величайший первообразец»²⁵. Действительно, уже в тексте древнейшей редакции Сказания об этой иконе подчеркивается ее исключительное положение: «Си же икона, яко прешла бѣ всѣхъ образовъ»²⁶.

Исторические факты, связанные с «пленением» этой великой святыни, в преобразованном виде могли отозваться в предании об иконе, унесенной из Муромца в Рязань. В 1176 году Ярополком и Мстиславом Ростиславичами был ограблен Богородицкий собор во Владимире. Все похищенное оказалось у рязанского князя Глеба Ростиславича. Причем, в числе трофеев была икона святой Богородицы Владимирской. По мнению М. В. Кривошеева «в ее пленении... был заложен фетишизированный взгляд на икону, заменившую собой языческих идолов. В Повести о рязанском епископе Василии прослеживается

тот же языческий мотив по отношению к иконе противостоящего города. Епископ Василий, обиженный муромцами, взял с собой „икону образа Божия пречестнаго младенца и Богородична”, отправляясь из Муромца в Рязань. Вместе с иконой Муром покинула по тексту повести благодать Божья, поскольку и „епископия” перешла в Рязань, где епископа с превеликой честью встречал местный князь, а роль Муромца упала»²⁷.

Итак, легенда о чудотворной иконе «Богоматерь Муромская» связана с двумя стольными городами Муромо-Рязанского княжества Древней Руси. Как и сказания о других общих святынях этой земли, предание о богородичном образе отражает и их борьбу за первенство, и общую церковную историю. Достоверные упоминания об иконе отсутствуют. Столь древние богородичные образы не сохранились в обоих городах. Нет произведений, которые можно было бы точно идентифицировать с легендарной святыней. Противоречивости сведений об архетипах чудотворных икон (особенно периферийных) и их народному почитанию, пиетет которого, по замечанию М. М. Красилина, «позволял значительный допуск в точности данных», посвящены специальные работы. Отметим сложность изучения почитаемых образов и Л. А. Беляев. Он заметил, что «для средневекового периода хроно-топографические проблемы», вопреки распространенному мнению, также «остры», несмотря на «многочисленные источники и устные предания», так как «информация такого рода», при сравнительном обилии, далеко не всегда отвечает потребностям современного исследования и недоступна прямому толкованию. Объясняя это «архаичностью исторического сознания средневековой Руси», автор говорит о существовании «сакральной топографии и хронологии средневековых источников» в двух уровнях (в реальном пространстве и времени и как «устойчивые сакральные хронотопы, для которых действительны лишь законы мифологического времени и пространства, вполне равнодушные к исторической достоверности»)»²⁸. Заметим от себя, что эта «архаичность и двойственность сознания» по отношению к чудотворным иконам свойственна не только далекому прошлому, но и настоящему времени. На наших глазах с возрождением церковной жизни в России вспоминались и переина-

чивались старые предания и создавались новые. К тому же в начале третьего тысячелетия явно проявились все более усиливающиеся тенденции к языческому фетишизированному и даже сугубо прагматичному взгляду на святых.

Литературные источники

Развернутого сказания о чудесах иконы «Богоматерь Муромская» сложено не было. История ее появления в Муроме, перенесение в Рязань и чудеса зафиксированы в житиях муромского круга середины-второй половины XVI века. Она не имеет таких источников, как летописные упоминания или Сказания о чудесах, восходящего, как в случае с Владимирской, в своих древнейших редакциях к XII веку. Но, обратившись, например, к иконе Донской Богоматери, отметим, что первое упоминание об этой действительно древней иконе встречается лишь в летописях середины — второй половины XVI века, а традиционные списки Сказания датируются второй половиной XVII века («Повесть от древних летописных историй о чудотворном образе Пресвятыя Богородицы, нарицаемая Донския, откуда и коих лет прославися и како zde во граде Коломне обретесе» // БАН ОР. — 12.2.23. — Л. 80-82об.; ркп. 2-й пол. XVII в.)²⁹. Что касается иконы Богоматери Торопецкой, то самое древнее свидетельство о ней, как и в нашем случае, представлено именно в житии (Евфросинии Полоцкой), которое, правда, считается значительно древнее муромского. Наиболее ранний его список, относящийся к XV веку, по мнению исследователей, восходит к протографу, составленному до 1187 года. Собственно же Сказание было сложено в Торопце только на рубеже XVII-XVIII веков, к тому же списки его вообще не сохранились³⁰. О Коневской иконе Божией Матери рассказывается и вовсе в житии XIX века (преподобного Арсения)³¹.

Наиболее ранним источником об иконе Муромской Богоматери считается версия Первой редакции «Повести о Рязанском епископе Василии» (РНБ. — Собр. Соловецкое. — № 287/307) в авторском сборнике Ермолая-Еразма середины XVI века³². Точное время прославления епископа Василия не установлено, но в литературе встречаются указания на его канонизацию в 1549 году к местному почитанию, а в 1722-1723 — общерусскому³³. Вопрос о том, можно ли отождествлять

его с конкретным историческим лицом, также не решен: было два рязанских епископа Василия (ум. 1294/95) и поставленный в епископы (1356). Церковное предание указывает на первого³⁴. Повествователь представил одно чудо от иконы. Он описал необычайное путешествие святителя из Муром в Старую Рязань по водам Оки на мантии с образом Богоматери в руках. При этом он констатировал, что «чюдесная же та икона, иже епископа пренесе, и до ныне в Рязани есть»³⁵, и это позволяет полагать, что некий несохранившийся образ, связанный с этой легендой, почитался тогда в Рязани. Чудотворная икона по версии И. А. Кочеткова могла быть связана с рязанским князем Василием (ум. 1483) и его супругой Анной (ум. 1501) — сестрой Ивана III. Очевидно, она была создана в период между этими датами³⁶. Что касается самого изображения на иконе, то из краткого текста Повести можно извлечь только, что это был образ Богоматери с младенцем: «Епископ же прием икону образа божия превечнаго младенца и Богородицы... Сий же, стоя на брезе, снем мантию, и простре на воду, и вступи на ню, нося божий и богородичный образы, и абие духом бурным несен бысть со образы»³⁷. Как заметил А. М. Лидов, даже в самых кратких сказаниях о восточнохристианских чудотворных изображениях, если Богоматерь была представлена с младенцем, то это обязательно отмечалось в источниках³⁸. Так что здесь автор текста о епископе, безусловно, следовал традиции. Например, краткое описание богородичной иконы (с «обязательным» упоминанием Христа-младенца) встречается в «Послании восточных патриархов императору Феофилу» (843 г. по Л. Дюшену): «В одном местечке на Кипре... где есть мозаичный образ: на коленях у Богоматери восседает Спаситель»³⁹.

Появление и чудеса иконы Богоматери, позже названной Муромской, полнее представлены в житии муромского князя Константина с сыновьями (канониз. 1547). По нему и по церковному преданию, древний образ был принесен им из Киева. Он получил его из рук своего отца. Князь Святослав «вдает ему благословение: образ пресвятыя Владычицы нашей Богородицы и приснодевы Марии с превечным младенцем Господем нашим Иисусом Христом»⁴⁰. Муромский князь

Ярослав (1097-1129) отождествляется с Константином. Его отец — князь Святослав Черниговский, занимал киевский стол в 1073-1076 годах. Первым опытом церковной биографии Константина считается Средняя редакция жития — «Повесть о водворении христианства в Муроме» (втор. пол. XVI в.) В ее состав, приобретя новые подробности и местные реалии, вошла и история перенесения образа святым Василием. Не называя даты событий, повествователь увязывает их с обновлением Муром князем Юрием (Георгием) по летописям в 1351 году (ум. 1355)⁴¹. Так что время его княжения ближе ко «второму» епископу Василию. В этой версии первым чудом от иконы Богоматери стало то, что пораженные ее сиянием муромские язычники уверовали и пожелали принять крещение: «И прият образ Богородицын и пойте единъ уединен к бесчисленному народу Муромскому неверному благоверный князь Коньстантин, имый на руках икону Божию Матере с превечным ея младенцем... Видевше же невернии людие икону пресвятыя Богородицы аки солнце сияющее и лице святого Константина аки ангельское, убоявшеся велми и падшее ниц, быша яко мертвы»⁴². А чудесное плавание святого Василия показано здесь как второе чудо от иконы. В этой редакции указан храм, в котором она пребывала перед изгнанием святителя из Муром: «И отпев литоргию, пойте молитися в первоначальную церковь Благовещения Пресвятыя Богородицы, и нача молитися пред образом Пресвятыя Богородицы, иже преиде из Киева з благоверным князем Константином». О воздвижении князем «в старом городце» этого храма, что «по гречески нарицается мапонагия Феотока», автор рассказывает в первой части Повести. Он явно отсылает к древней греческой (византийской) и древнерусской традиции, по которой средневековые храмы строились как святилища для чудотворных образов (церковь монастыря Одигон для Одигитрии Константинопольской; Успенский собор во Владимире как храм Богоматери Владимирской и т. д.) Однако, как отметил А. М. Лидов, нет «ни одной сохранившейся в комплексе храмовой декорации, где икона не только бы уцелела, но и пребывала на своем изначальном месте»⁴³. Интересно также, что, например, в современных церковных изданиях приводится даже такое мнение, что Муромской

иконой Богоматери, находившейся в храме Благовещения, был именно храмовый образ, то есть по иконографии — сцена Благовещения Пресвятой Богородицы⁴⁴. Впрочем, хотя это и удивительно, но нечто подобное допустил автор «Повести о храме Богородицы, именуемой Одигон» (по рукописи 1438/39), описывая знаменитую икону Одигитрии как сцену Успения Богоматери. А. М. Крюков (публикатор Повести) отметил, что это «один из наиболее запутанных пассажей грамматически допускает истолкование в том ключе, что автор считает прославленную чудотворную икону изображением... Успения Богоматери!»⁴⁵.

В «Похвальном слове князю Константину Муромскому», составленном в начале XVII века на основе текста Средней редакции жития, опущен момент отеческого благословения богородичной иконой; здесь просто сказано, что в числе других священных предметов, выданных сыну, были и иконы. В нем также совсем не рассказано о епископе Василии, поэтому отражено только одно чудо от иконы, подвигнувшее муромцев на крещение. Совсем нет упоминаний о чудотворной иконе и святом Василии в Краткой редакции жития муромских князей XVII века⁴⁶. Наиболее полно ее история предстает в разных версиях Пространной редакции их жития, соединившей Среднюю редакцию с Похвальным словом. При значительном распространении текста канва рассказа о чудотворном образе кардинально редакторами не менялась, почти не появлялось и новых существенных деталей в описании изображения на нем. Разве что встречаются «уточнения иконографии», как в списке Муромского музея: «И дает ему в благословение! образ пресвятыя Богородицы; с превечным ея держимым на руку младенцем (выделено нами. — О. С.) Господем нашим Иисусом Христом» (МИХМ. — Инв. № М-2325. — Л. 67-113 об. Рукопись перв. пол. XIX в. Л. 87об.-88)⁴⁷. Данный отрывок тоже восходит по схеме к описаниям константинопольских святынь. Например, в латинской рукописи XII века следующее описание богородичной иконы, находящейся в Святой Софии: «И есть в том месте, в углу икона Пресвятой Богородицы Марии, которая держит на руке своей Господа нашего Иисуса Христа»⁴⁸. В приведенных фрагментах агиографических текстов муромского цикла нет других каких-либо более

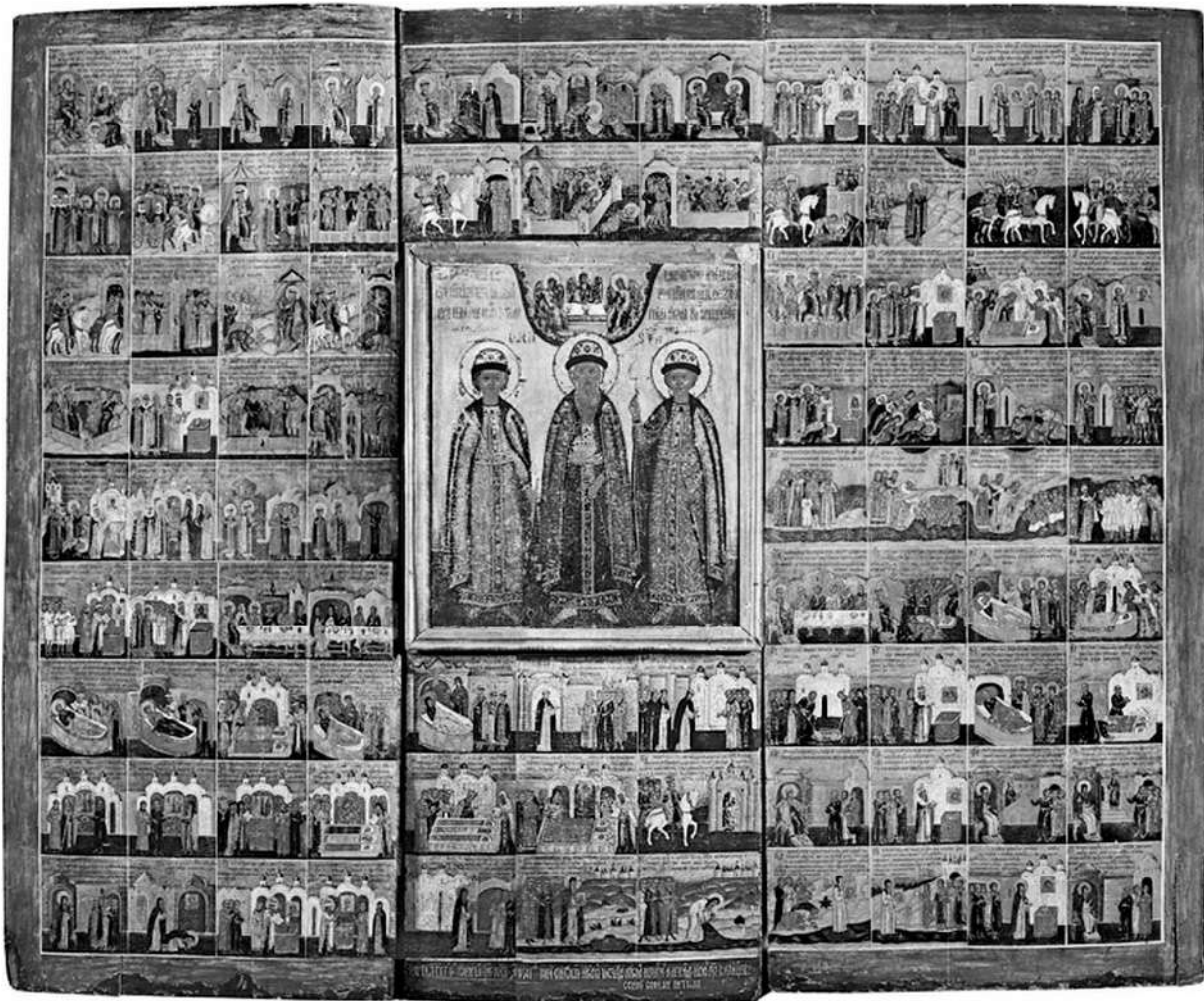

Рис. 4. Икона. А. И. Казанцев. Святые муромские князья Константин, Михаил, Феодор в житии. 1714 г. Муромский музей

точных указаний на особенности иконографии чудотворного образа Богородицы (впрочем, как и в большинстве древних текстов с описанием восточнохристианских святынь). Иконографическая классификация мало интересовала людей Средневековья, как считает большинство исследователей, рассматривая духовно-историческое восприятие чудотворного образа. Но именно с рассказом об иконе житийных текстов о епископе Василии и святом Константине традиционно связывают сохранившиеся списки Богородицы Муромской (редкого извода с полулежащим младенцем), датируемые не ранее середины или даже концом XVI века, о которых подробнее скажем ниже. Прежде отметим, что яркие особенности иконографии «Муромской» не учитывали создатели иконных житийных циклов XVII – первой четверти XVIII века и рукописей рубежа XIX-XX столетий, иллюстрирующие указанные тексты. Иконописцы и миниатюристы одинаково условно

показывали чудотворный образ в виде богородичной иконы типа Игоревской (сокращенного извода Владимирской).

Изобразительные источники

Наиболее яркое отражение в искусстве истории образа «Богородица Муромская» получила в грандиозной иконе муромского изографа А. И. Казанцева – «Святые благоверные князья Константин, Михаил и Феодор Муромские, с житием в 87 клеймах» 1714 года (Муромский музей)⁴⁹. Клейма этого цикла отражают самый полный вариант жития муромских князей и истории епископа Василия. Вторая редакция Повести о нем вошла в житие князей и бытовала только в его составе. Во всех редакциях рассказ о Василии следует сразу за повествованием о смерти Константина. На иконе 1714 года эпизоды истории изгнания епископа перемещены в конец цикла клейм⁵⁰. Изображение легендарного образа присутствует в 23 сценах (клейма № 6, 8, 10; 28,

30, 32; 35-38; 63, 65, 71; 74, 78-86 — во всех, как отмечалось, в виде сокращенного извода Богоматери Умиление типа Владимирской). В качестве образца для него Казанцев мог воспользоваться некоторыми сюжетами иконы — «Святые благоверные князь Петр и княгиня Февронии Муромские, с житием в 32 клеймах» 1618 года (Муромский музей)⁵¹. Две сцены (№ 12, 19) представляют торжественные встречи княжеской четы у городских ворот Мурома народом и духовенством с образом Богоматери Умиление сокращенного извода⁵².

Рис. 5. Встреча плывущего с иконой святого епископа Василия в Рязани. Клеймо иконы А. И. Казанцева. Святые муромские князья Константин, Михаил, Феодор в житии. 1714 г. Муромский музей

В своих работах мы показывали, что уникальный житийный цикл из 87 клейм муромского изографа сам являлся эталонным для ряда иллюминированных рукописей. Известны только поздние циклы миниатюр, иллюстрирующие житие Константина. Образцом для двух из них непосредственно послужили клейма иконы 1714 года. Первый цикл, исполненный Н. П. Андриным в 1897 году, является рисованной копией (в натуральную величину) всего ее житийного цикла из 87 сцен с воспроизведением надписей (РНБ. — F. I. 794; F. I. 795)⁵³. Второй состоит из 13 миниатюр, украшающих список 1893 года жития святого Константина (муромский Троицкий монастырь). Эти иллюстрации также являются рисо-

ванными и раскрашенными копиями с нескольких клейм иконы 1714 года⁵⁴.

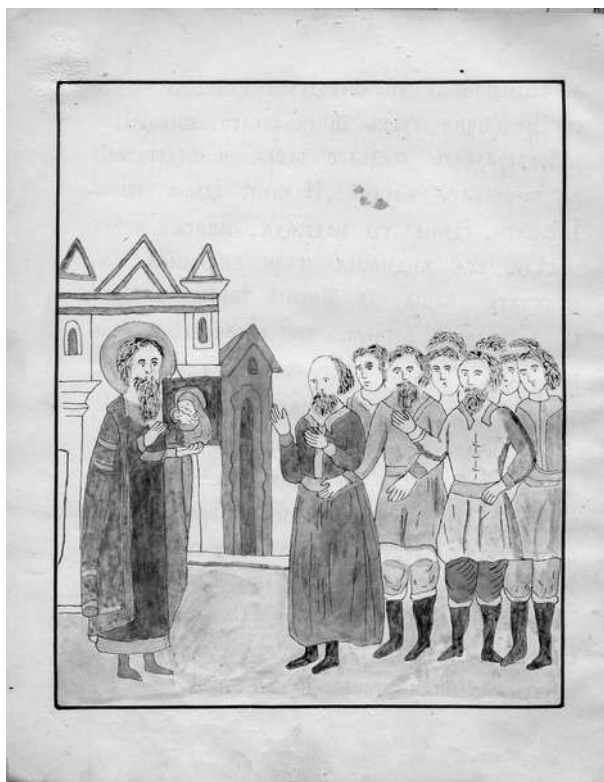

Рис. 6. Выход святого князя Константина с иконой Богоматери к муромским язычникам. Миниатюра рукописи 1893 г. Муромский Троицкий монастырь

Известны и отдельные циклы миниатюр, иллюстрирующие Повесть о святителе Василии. Они содержатся в рукописи РГБ, собр. Прянишникова, № 192, созданной в 1895 году И. Г. Блиновым, и в рукописи (СПб. ИРИ РАН. — Собр. Н. П. Лихачева. — № 50), написанной на бумаге XVII века в конце XIX — начале XX века. Миниатюры этих рукописей в целом соответствуют иконографии и надписям клейм, представляющим цикл о святителе Василии на муромской иконе 1714 года. Правда, стилистически они иные; имеют небольшие разночтения с произведением Казанцева в изображении архитектурных кулис, количества персонажей и пропорциях их фигур. На наш взгляд, эти миниатюры все же восходят именно к клеймам муромской иконы. Некоторые исследователи предполагали, что существовал протооригинал грозненского времени; однако о нем нет даже упоминаний в источниках⁵⁵. Во всех названных циклах миниатюр икона «Муромской» показана в виде Богоматери Умиления сокращенного извода. Нам представляется, что такое условное (знаковое) изобра-

жение чудотворного образа в житийных клеймах и миниатюрах рукописей следует традиции мастеров Лицевого летописного свода (1570-1580-х). Среди его иллюстраций немало сцен с молебнами и церемониями встреч с иконами, к которым близки композиции клейм муромских икон 1618 и 1714 года и названных миниатюр.

Неизвестный автор неопубликованной иконы XVIII века «Богоматерь Муромская» с предстоящими святыми Борисом и Глебом и муромскими чудотворцами (ГИМ) (26,5x20,5 см.)⁵⁶, вероятно, тоже был знаком с произведением А. И. Казанцева. Сюжет и особенности иконографии указывают на ее муромское или рязанское происхождение. Любопытно, что в пределах одной композиции чудотворный образ Богоматери Муромской изображен дважды, причем в двух совершенно разных изводах. В верхнем регистре, где представлено поклонение образу, он показан с характерными для него особенностями иконографии: полулежащим младенцем, благословляющей десницей Иисуса, поднятой к подбородку Богоматери, и свитком в левой руке. По нашему мнению, икона Исторического музея создана несколько позднее произведения А. И. Казанцева 1714 года, после того, как чудотворная икона «Муромская» была не только включена в свод чудотворных богородичных икон из 88 изображений на гравюрах Г. П. Тепчегорского (1713-1714), но и получила более широкую известность при распространении труда С. Моховикова о чудотворных Богородичных иконах (завершен в 1715-1716)⁵⁷. В нижнем регистре в единую композицию «Чудесного плавания епископа Василия» объединены сцены проводов его в Муроме и встреча в Рязани, явно восходящие к клеймам № 84 и 85 иконы Казанцева 1714 года. Изображение чудотворного образа в руках святителя, как и в клеймах муромской иконы, представлено в виде сокращенного извода Богоматери Умиление. Из источников известно, что и сам муромский изограф в 1730 году написал образ Богоматери Муромской большого размера (102,27x71,12 см — местонахождение неизвестно) для городского Христорождественского храма. Любопытно совпадение посвящения этой муромской церкви рязанскому собору, где пребывал чудотворный образ Богоматери Муромской. Н. Тихонравов в своем труде 1857 года,

повествуя о древностях Муроме, пишет об участии этой иконы в крестном ходе 1829 года (по случаю переложения мощей святого князя Константина с сыновьями): «Из Рождественской церкви образ, *копированный* (выделено нами. — О. С.) с иконы Муромской Божией матери, которым, как видно из летописи, В. К. Киевский Святослав благословил сына своего Константина на княжение Муромское»⁵⁸. Однако вряд ли можно назвать данный образ большого размера буквально копией, тем более с того конкретного — чудотворного, находящегося в Рязани. Ведь местный муромский мастер вовсе не создавал список — в меру подлинника (31,9x28,6), который соответствовал бы аналоиному типу образов, восходящих к византийским иконам малого размера (*proskynesis*), предназначенных для обряда проскинеза и целования. Согласно «Описи древних церквей города Муроме и древних предметов в них находящихся» конца XIX века, А. И. Казанцев написал образ для поклонения (соответствовавший византийским иконам большого размера — *signa*)⁵⁹, находившийся в алтаре (очевидно, в предалтарном иконостасе. — О. С.) святой Екатерины — придельной церкви Христорождественского храма: «Образ Муромской Божией Матери, шириною в 1 аршин (71,12 см. — О. С.), вышиною в 1 аршин и 7 вершков (102,27 см. — О. С.). Писана по зеленому полю. Доска деревянная, гладкая, риза сребропозлащенная, 84 пробы, обронная. Венцы на Божией Матери и Предвечном Младенце украшены стразами. Весу в ризе и венцах двенадцать фунтов и 81 золотник (ок. 5789,07 гр. — О. С.) На иконе имеется следующая запись: «А, писалъ, сий, образъ, Пресвятяя, Богородицы, града Муроме, изуграфъ, Александр Ивановъ, сынъ, Казанцевъ, пореклу Остафьевъ». На полях дата — 1730⁶⁰. Интересно, что всего в этом приделе зафиксировано тринадцать «древних» образов, шесть из которых — богородичные иконы: Муромская, Троеручица, Успение, Одигитрия Смоленская, Казанская, Знамение. Очевидно, изображение на указанной иконе Богоматери Муромской соответствовало сложившейся иконографии «Муромской» с лежащим младенцем. Думается, что списки данного образа, один из которых был создан в 1677 году Симоном Ушаковым, были хорошо известны ведущему местному мастеру,

работавшему в традиции иконописцев Оружейной палаты⁶¹. Однако в своей житийной иконе, написанной еще в 1714 году, как мы показали выше, он представил совершенно другое — условное изображение образа Богоматери Муромской в виде сокращенного извода Владимирской (типа Игоревской).

Мы не имеем ни легендарных, ни документальных свидетельств, объясняющих факт одновременного существования двух совершенно разных типов иконографии чудотворного образа «Муромской». Но известны случаи, когда изменения иконографии почитаемого образа специально отмечались, как, например, с Шуйской иконой Богоматери — в самом Сказании описано чудесное изменение положения ножки младенца Христа. Как полагает Г. В. Сидоренко, «этот эпизод, вошедший в древнее Сказание — достаточно редкий, документально зафиксированный случай в истории иконописания, когда вместо заказанного определенного образа, в данном случае Богоматери Одигитрии Смоленской, иконописец пишет „Богоматерь с младенцем» иного извода”»⁶².

Таким образом, по поводу одномоментного бытования двух различных по иконографии изображений муромо-рязанской чтимой иконы мы можем предложить свое видение данной ситуации. Первый из вариантов (в виде сокращенного извода Умиления) — являлся условным как обозначение чудотворной иконы, умозрительно восходящей к своему первообразу — самой Богоматери. Второй (в виде иконописных списков чудотворного образа «Богоматерь Муромская» с повторением характерных черт данного иконографического извода) — был конкретным и в какой-то мере документирующим святыню. Первый вариант можно условно назвать «рукописным» (в житийных клеймах икон и миниатюрах, тесно связанных с текстом); второй — «иконописным».

В одном случае непосредственно отражен агиографический текст, в котором не содержится указаний на какие-то черты, отличающие описываемый образ от других богородичных икон с младенцем. В другом случае — воспроизводится образец — чтимая в Рязани икона Богоматери Муромской (ныне утрачена). По мнению современных исследователей, согласных с версией И. А. Кочеткова, она действительно могла быть

создана в период между 1483-1501 годами. Такая иконография, по их предположениям, имеет столичное происхождение. Не исключают они и того, что образ подобного извода могли почитать в Москве (позже он мог быть забытым на некоторое время)⁶³. Появление итальянских протографов русских икон данного типа («Муромской», «Яхромской», «Ярославской») относят к тому времени, когда женой (с 1472) великого князя московского Ивана III становится Софья Палеолог, племянница последнего византийского императора Константина XI, итальянка по матери⁶⁴.

Списки конца XVI-XVII веков

Наиболее ранняя из опубликованных икон «Муромской Богоматери» (ГТГ), датируется концом XVI — началом XVII века (25х22 см)⁶⁵. Фигура Богоматери поясная, обращенная вправо, со склоненной головой. На ее руках полулежит младенец. В его левой опущенной руке — развернутый свиток с надписью: «Аз есмь свет всему миру». Десница Христа, сложенная в благословляющем жесте, изображена на фоне подбородка Богоматери. Несмотря на торжественность и знаковую перстосложения младенца Иисуса, создается иллюзия, что он, играя, касается лица матери. Вторая икона отнесена к началу XVII века (ГТГ) (32х27 см)⁶⁶. Разница в изображении с предыдущим образом в том, что пальцы руки младенца показаны на фоне шеи, а не подбородка Богоматери. На полях иконы в XIX веке приписа-

Рис. 7. Икона Богоматерь Муромская. Кон. XVI в.(?) ГТГ

Рис. 8. Икона Богоматерь Муромская. Первая треть XVII в. Частное собрание

ны четыре фигуры в рост: на левом поле вверху и внизу святители; над первым из них — надпись: «СВ. ГУРИИ АРХИЕПСКПЪ КАЗАНСКИИ»; справа вверху фигура третьего святителя (расчищена наполовину) с надписью: «С. ГРИГОРИИ БОГОСЛОВ»; справа внизу — изображение неизвестной преподобной. В том же собрании хранится и третья икона (не опубликована), которая в старых инвентарях музея датируется XVI веком (31x26,5)⁶⁷. Очевидно из-за сохранности (красочный слой значительно смыт) в ранней датировке возникали сомнения. По мнению Г. В. Сидоренко (хранителя коллекции) эта икона вполне может являться подлинным произведением XVI века. Отличие в иконографии здесь существеннее — помимо измененного положения пальцев правой руки Христа (они изображены чуть правее и словно прикасаются к самому краю линии подбородка матери) — свиток в левой руке представлен в свернутом виде.

Две иконы «Муромской» находятся в ГИМе (не опубликованы). Одна в старых инвентарях датируется концом XVI века, но, как считает Л. А. Корнюкова (хранитель коллекции), прописана в XVIII веке (44x39)⁶⁸. Свиток в руках Богомладенца развернут, и на нем четко читается надпись: «АЗЪ ЕСМЬ С(ВЕТ)Ъ ИСТИНЫ НА СЕ ПРИИДОМ ДА ПРИЗОВУ». Другая икона, датированная ранее XVII веком, по мнению специалистов, либо записана, либо

Рис. 9. Икона Богоматерь Муромская (в рост). Вторая четверть XVII в. Частное собрание

даже создана полностью в XIX веке. Свиток в руке младенца свернут; внизу именующая надпись: «ПРЕСТЫЯ БДЦЫ МУРОМСКИЯ» (31,5x27)⁶⁹. По сведениям Т. С. Ереминой, икона «Богоматерь Муромская» XVI века есть и в музее Троице-Сергиевой лавры⁷⁰.

Известны по две иконы «Богоматерь Муромская» из частных собраний. Одну И. Л. Бусева-Давыдова датирует первой третью XVII века и относит к московской школе (24,8x21,3x1,9). Эта икона, вполне традиционной иконографии, близка наиболее ранней из собрания ГТГ⁷¹. Вторая — второй четверти XVII века, представляет ростовой и пока единственный вариант

Рис. 10. Икона Богоматерь Муромская. XVII в. Национальный музей республики Коми

рассматриваемой иконографии (85,0x41,6). Исследователь относит это произведение к Строгановской иконописи. Там «встречались и редкие для русской традиции ростовые изводы, например, Богоматерь с младенцем иконописца Григория... до 1616 г. (ПГХГ) Пермь»⁷². Основные же черты ее иконографии ближе третьей (неопубликованной) из собрания ГТГ, где младенец изображен со свернутым свитком.

Еще одна икона Богоматери Муромской (96x73,6x4 см) XVII века (Национальный музей республики Коми) появилась в публикации 2010 года. Любопытно и вполне объяснимо присущими этому типу особенностями иконографии, что при ее описании (помимо основного) было дано второе наименование — «Взыграние Младенца». Образ поступил в музей в 1973 году из Ильинского придела Вознесенского храма села Ыб (в 1989 г. отреставрирован). По определению Н. Е. Плаксиной: «Очень своеобразная, несколько грубоватая пластика образа, тяжеловесные пропорции, преобладание рисуночного начала над живописным, скупость цветовой гаммы позволяют отнести икону к кругу провинциальных „северных писем“. Как и большинство памятников этого круга, икона уникальна и не имеет прямых аналогий. Неточности рисунка и упрощенность живописной техники не ослабляют, а напротив, усиливают внутреннее содержание, одухотворенность, не-

обыкновенную выразительность и силу воздействия образа на предстоящего». Она же замечает, что «редкий и древний иконографический извод Муромской Богоматери в силу неисследованных обстоятельств, получил большую популярность в XVI-XVII вв.»⁷³

Нам представляется, что важные «обстоятельства» изначального распространения образа Богоматери Муромской и его последующего «продвижения», в том числе на Север России, объясняются церковно-государственной политикой Ивана Грозного и митрополита Макария. Город Муром и святые князья Константин с сыновьями, Петр и Феврония — «предки и сродники» молодого царя, прославленные на соборе 1547 года, официально стали являться одними из самых знаковых в кругу «сюжетов и символов Московского царства»⁷⁴. В поле зрения попадал и чудотворный образ Богоматери, с помощью которой князь Константин окрестил муромцев, о чем повествовалось в житии князя второй половины XVI века, составленном в кругу книжников митрополита Макария. А одним из самых известных в нем — Ермолаем-Еразмом несколько ранее было составлено житие Василия Рязанского, в котором подтверждалось наличие этой иконы в Рязани в середине XVI века. Как было показано выше, уже давно были введены в научный оборот два списка иконы Богоматери Муромской конца XVI — начала XVII века и недавно опубликован ранее неизвестный список данной иконографии первой трети XVII века. Все они считаются работами московских мастеров. Процесс «втягивания» региональных святынь в единую общероссийскую орбиту с центром в столице продолжался при царе Федоре Иоанновиче; с новой энергией — при молодом государе Михаиле Федоровиче и митрополите Филарете, которые не обходили вниманием древний Муром и его святых⁷⁵. А один из вкладов в Муром царя Михаила Романова, по нашему мнению, мог быть одним из мотивов при создании «Повести об Унженском кресте» (1638-1651). В ней, как и в исследуемой нами истории об иконе, унесенной епископом Василием, отражено противостояние в древности городов Мурома и Рязани. В 1615/16 году вместе со своей матерью, «государыней инокиней Марфой Ивановной», он заказал драгоценный ковчег

для этого «Животворящего Креста Господня», находившегося тогда в церкви в честь небесного покровителя государя — Архистратига Михаила, стоявшей в муромском кремле⁷⁶.

В последней трети XVII столетия уже завершилось формирование «муромского цикла» житий святых и повестей о святых, составивших известные в литературе «Муромские сборники», популярные в читательской среде тогдашней Руси. Текст о Константине крестителе Мурома, принесшим чудотворный образ Богоматери, был в них самым пространным. Одновременно шла популяризация и самой чтимой иконы, находившейся в Рязани, о чем свидетельствуют списки с нее в «меру чудотворного образа», в том числе и созданный Симоном Ушаковым в 1677 году, о котором более подробно скажем ниже. О продвижении же интересующей нас иконографии на Север может свидетельствовать не только указанная икона Сыктывкарского музея, но икона Муромской Богоматери (в ростовом варианте) второй четверти XVII века, относимая к строгановской иконописи. Заметим, что и в сюжетах шитья мастерских Строгановых 1660-х годов отражен репертуар региональных русских святых. Известны пелены с изображением соборов чудотворцев нескольких городов, в том числе и Мурома, где представлены святые князья, правда, в молении не иконе «Муромской Богоматери», а «Богоматери Знамение» (типа Новгородской) (Сольвычегодский историко-художественный музей)⁷⁷.

Рис. 11. Богоматерь с младенцем. Панагиар из афонского монастыря Святого Пантелеимона конца XII в.

Иконография

Н. П. Кондаков считал, что рассматриваемое богородичное изображение (с младенцем, полулежащим на обеих руках Богоматери) сложилось на Сирийском востоке (называл образ на складне Сайданайского монастыря X-XI вв.)⁷⁸. Он же отмечал, что отдельные черты иконографии «Богоматери Муромской» и подобных ей икон встречаются на византийских вислых печатях; на панагиаре из афонского монастыря Святого Пантелеимона конца XII века⁷⁹, а также в греческом и итальянском искусстве XIII-XV веков. Ему также принадлежит публикация изображения иконы Богоматери Муромской «фряжского письма» 1765 года с подписью иконописца «архимандрита Алимпия»⁸⁰.

Н. П. Лихачев отмечал изображения «лежащих младенцев» как на афонской панагии, так и на мозаичном изображении в Риме XIII века, и изображение такого положения младенца «на иконах, именуемых Божией Матерью Муромской». Он допускал возможность, «что самый перевод» подобных изводов «заимствован из композиции Рождества Христова в лицевых рукописях»⁸¹. Можно вспомнить, что Н. Покровский «первым по древности художественности выполнения образцом» христианского искусства признавал фресковое изображение Богоматери с младенцем и предстоящими в катакомбах Прискилы (I-II). Сцена определялась как прообраз иконографии Рождества Христова; особенно отмечалось положение Спасителя: «На руках ее изображен Младенец с лицом, обращенным назад (к зрителю) без всякого одеяния: голова и корпус его обнаруживают в художнике отличное знакомство с анатомией человеческого тела и вкус, воспитанный на классических образцах изящного»⁸².

В. Н. Лазарев, рассматривая тип Богоматери Млекопитательницы, пришел к выводу, что изображения с полулежащим младенцем Христом восходят к «древним традициям, глубоко укоренившимся на Востоке» и что не следует в появлении такого типа преувеличивать итальянское влияние⁸³.

Итак, иконография Богоматери Муромской, как и ряда других икон, явно не вписывается в принятую ранее и достаточно схематичную классификацию типов богородичных образов, не со-

относясь строго ни с одним из них⁸⁴. Несмотря на то, что ее чаще всего называют «Одигитрией», по иконографии она сильно отклоняется от этого наиболее торжественного и строгого изображения Богородицы (типа Смоленской). В то же время, хотя ее именуют и «Умилием» (Елеусы), порой указывая на черты «Взыграния», она также не относится вполне и к этому изводу. Теперь все больше авторов обращают внимание на то, что в ранних письменных источниках все эти наименования богородичных образов вовсе не обозначали каких-либо видов изображений Богородицы, а были обращены к ее персоне. Например, в последнее время исследователями византийского и древнерусского искусства приняты доказательства А. Грабара, М. Татич-Джурич, Г. Бабич и других авторов, показавших, что эпитет «Елеусы», в действительности относящийся не к изображению, а к самой Богородице, равно принадлежит различным иконографическим типам⁸⁵. Так, Л. И. Лившиц прямо указывает, что «византийское искусство не знало определенного иконографического варианта „Елеусы”»⁸⁶. Также и по поводу эпитета «Одигитрия» Н. Щенникова замечает, что его часто следует понимать как Богородица в образе Путеводительницы, но не по формальной иконографии (Влахернской), а по духовному смыслу⁸⁷. Все же «Муромскую» с традиционным типом «Одигитрии» связывает благословляющий жест десницы младенца, хотя и близкий по изображению к жесту ласкового касания лица Богородицы, а также свиток в его левой руке. Символическое значение этого атрибута особо отмечено Л. И. Лившицом в его работе об иконе Донской Богородицы: «Давая свиток в руки младенцу, художник подчеркивал божественную сущность его: „Бог слово, исшедший из лона отца, составил новый свиток, написанный духом — языком Божиим. Он дан был человеку, знающему письмена, но сей не разумел его”»⁸⁸.

Наиболее верным кажется нам истолкование такого иконографического типа, как «Муромская» в символическом ключе, где поза полужающего младенца указывает на евхаристическую жертву. Эту мысль подтверждает панагийер монастыря Святого Пантелеимона, характер изображения Богородицы с младенцем на котором, по замечанию Н. П. Пивоваровой, «недвусмы-

ленно указывает на литургическое осмысление подобных образов»⁸⁹.

Список Симона Ушакова 1677 года.

Почитание в Рязани в XVII-XVIII веках

Прежде, чем рассматривать следующие списки иконы «Богородицы Муромской», в том числе наиболее значимый письма Симона Ушакова, обратимся к почитанию чудотворного образа в Рязани. Самое раннее свидетельство о нем относится к 1638 году в описи старого Успенского собора (ныне Христорождественского), составленной Ляпуновым и опубликованное с комментариями архимандрита Макария 1863 года: «Над гробницею Василия Еп. Рязанского образ Пречистыя Богородицы „Умилена”, и тот образ моление Василия Епископа Муромского и Рязанского. В память пребывания иконы ее в Муроме и перенесения отсюда в Рязань, стала она именоваться Муромскою, а в память того, что пред нею молился св. епископ Василий в горький час изгнания своего из Муромы, дали ей наименование: „Моление св. Василия”. Чудное шествие по водам Св. Василия, при заступлении Божией Матери, дало Св. иконе наименование „Чудотворной”»⁹⁰. Заметим, что описание образа как таковое отсутствует, зато он обозначен как «Умилиение», что возможно говорит о восприятии его не совсем обычной иконографии (рассматриваемый извод трудно воспринимается как традиционное изображение Одигитрии). Здесь же впервые икона поименована как «Моление святого Василия». Не исключено, что богородичный образ был назван «Умилием» не по иконографическому типу, а по благоговейному к нему отношению святого епископа. Сравним это наименование рязанского образа с общепринятым названием келейного образа святого Серафима Саровского — «Умилиение Божией Матери». По нашему мнению, эта икона поздней иконографии, восходящей к западным образцам, называлась так самими верующими не только по умиленному и смиренному облику Богородицы (со сложенными на груди руками), но и по отношению к ней святого бабюшки, который сам называл ее «Всех Радостей Радость». Название «Умилиение» по отношению к ней Н. Н. Бахарева, на наш взгляд, справедливо определяет как «историческое имя» данной иконы⁹¹. Дальнейшая судьба рязанской святыни

Рис. 12. Икона. Симон Ушаков. Богоматерь Муромская с предстоящими святыми Феодором Стратилатом и преподобной Марфой. 1677 г. Частное собрание

в XVII столетии совсем недавно была еще неясна (после 1638 г. следующее упоминание относилось лишь к 1820 году)⁹².

В 2001 году на осеннем Антикварном салоне появилась икона «Богоматерь Муромская» письма Симона Ушакова 1677 года из частного собрания. Данное произведение не только яркий и ранее неизвестный памятник иконописи блестящего иконописца, но и ценный документ эпохи, проливающий свет, в том числе, на историю почитания образа «Муромской». В феврале 2002 года икона прошла экспертизу в ЦМиАР и вскоре была опубликована Н. И. Комашко⁹³. Она написана на кипарисовой доске (31,5x26,4), имеет драгоценный оклад, под которым на нижнем поле надпись белыми: «ЗРПЕ (7185)-го — Писа(л) пими(н) попрозва[нию] Симо(н) Ушако(в)». Так как он написан по заказу царя Федора Алексеевича, на полях изображены патрональные святые государя и его второй супруги Марфы Матвеевны Апраксиной — преподобная Марфа и великомученик Федор Стратилат. По мнению публикатора, написание Муромской иконы ведущим царским мастером именно в этом году было связано с тем, что внимание царя привлекла Рязань и имеющийся в ней древний чтимый образ. Ведь

именно в 1677 году рязанский митрополит Иосиф обратился с просьбой к царю Федору Алексеичу о выделении денег из казны на строительство Успенского собора. Икона Ушакова исполнена почти в меру чудотворного образа, впервые описанного в 1863 году архимандритом Макарием (до этого были лишь упоминания): «Икона Божией Матери Муромской. Образ этот древнего Греческого письма, на полях изображения двух Святых, на правой стороне Свящ-Мучен. Василия Епископа Парийского (12 апрел.), на левой Преподобной Мариамны. Мерою сия икона (31,9x28,6 см. — О. С.)». Список письма Симона Ушакова и описанный Макарием чтимый образ сближает изображения святых на полях (в обоих случаях на них представлены небесные покровители супружеских пар — царской и княжеской). В Рязани в это же время имелся свой «список с настоящей иконы Муромской Б. Матери письма старого, и на полях изображения тех же святых (Василия Парийского, Преподобной Мариамны; 27x25. — О. С.)»⁹⁴. И. А. Кочетков полагал, что эту несохранившуюся копию XVII века видел И. Э. Грабарь в Рязани в 1919 году.

Особое значение и важность создания икон — своего рода «заместительниц» как в храме пребывания святыни, так и для иных мест в этот период становится особенно актуальным. По мнению Л. М. Евсеевой и М. М. Шведовой, «воссоздание святыни в ее материальном виде, изготовление своего рода дубликата, было, видимо особенно популярно в поствизантийское время, а именно в XVII веке»⁹⁵. Вслед за ведущим царским иконописцем к той или иной иконографии обращались и другие мастера Оружейной палаты⁹⁶. Близок им и более поздний список 1765 года, опубликованный Н. П. Кондаковым.

Можно констатировать, что находившийся в Рязани образ Муромской Богоматери (предположительно 1483-1501), по крайней мере с середины XVI века, как фиксирует Ермолай-Еразм в Повести о епископе Василии, был чтимой иконой. О почитании чудотворной в этом городе в течение XVII столетия имеются документальные свидетельства и сохранившиеся списки иконы, в том числе подписной. Во-первых — это упоминание по описи Ляпунова 1638 года. Во-вторых — указания на имеющуюся в том же храме икону-

«заместительницу» XVII века. В-третьих — написание списка с этой иконы знаменитым мастером по заказу царя в 1677 году, что послужило в дальнейшем (в конце XVII-XVIII вв.) распространению данной иконографии и включению ее в свод чудотворных богородичных икон и изображению на гравюрах Г. П. Тепчегорского⁹⁷.

А вот о «Муромской» в Муроме в XVII веке нам ничего неизвестно. Имеющиеся источники не сообщают о каких-либо чтимых списках с чудотворного образа в этом столетии. Не дошли до нашего времени и какие-либо списки чтимого образа муромского происхождения этого периода (как и следующего столетия — вплоть до XIX в.). В сохранившихся описаниях муромских храмов в составе Писцовых документов (1624, 1636) образы с таким наименованием не значатся. Документальные свидетельства сохранились об иконах Богоматери Муромской, написанных не ранее XVIII века. Кроме указания на образ Александра Казанцева 1730 года, находящегося в храме Рождества Христова на торговой площади Мурома, известно только еще одно упоминание об иконе с таким названием. Она хранилась во Введенской церкви муромского Воскресенского монастыря и была зафиксирована в описи церковного имущества 1768 года после его закрытия при Екатерине II⁹⁸.

Зато любопытные сведения о судьбе чудотворного образа «Муромской» в Рязани в середине XVIII века нам удалось обнаружить из приписки на листах рукописного сборника житий муромских святых: «Образ Богоматери был взят в 1742(?) году купцом Рязанским к себ в дом по родству с ним ключаря соборного, в отбытие Епископа [очевидно Алексия (Титова) — 26 сентября 1733-17 сентября 1750. — О. С.] в Москву. И так оставался у него в доме и отдан был в приданное за дочерью. Но в 1752 году при Митрополите Дмитрие Сеченове (21 июня 1752 — 22 октября 1757. — О. С.) взят был обратно от купца и оставался в соборе до 1818... Слышал о сем от Деда Моего, бывшего Полицмейстером в Рязани и бравшем оную икону [с] воеводою, Степана Михайловича Боголепова, умершем в 1797» (РНБ. — Титова 1030. — Л. 22). Несомненно, что эта рукопись XVIII века из собрания ростовского краеведа А. А. Титова, принадлежа-

ла кому-то из рязанских любителей древностей. Им мог быть внук того полицмейстера, который и испещрил ее приписками и пометами, очевидно уже в 1820-30-е годы⁹⁹. Приведенный им рассказ на грани исторического анекдота и народного предания требует дальнейшего «детективного» расследования. Но уже и сейчас данный текст явно свидетельствует, что образ был особо почитаемым, и каждый хотел заполучить его к себе в дом, и некоторым это удавалось, вероятно, за определенное вознаграждение (купец, а потом его зять, держали в плену икону целое десятилетие). Из этого также следует, что остальные прихожане лишались доступа к святыне, правда в храме оставалась «заместительница» чудотворной Богоматери Муромской — копия XVII века. Иные же даже не стеснялись посягать на святыню с целью грабежа. По сведениям архимандрита Макария, в 1754 году, то есть всего через два года после возвращения чудотворной иконы в собор, с нее была украдена жемчужная риза, о чем было заведено соответствующее «дело о покраже». Для нас в этом документе особенно важно, что в тексте она обозначена как «Чудотворная».

Интересно сообщение архимандрита и о том, что «икона Муромской Б. Матери носится по домам всегда вместе с иконою Б. Матери Феодотьевския»¹⁰⁰. (Автор не уточняет, с какого времени непременно «парное» участие этих двух богородичных образов вошло в местный церковный обычай). По преданию эта икона была принесена в Рязанские земли в начале XIII века со Святой горы Афон епископом Евфросином Святогорцем (1225-1237). Некоторые церковные историки считают, что местом его пребывания был Муром, а не Рязань, и связывают его имя со святыми муромскими князьями Петром и Февронией. Полагают, что он постригал в монашество благоверных супругов и нарек княгиню соименным своему имени — Евфросинией¹⁰¹. Все это только подтверждает, что двум городам трудно «разделить» общие муро-рязанские святыни. Впрочем, как и святых, и других исторических персонажей, связанных с историей Муромо-Рязанского княжества и с судьбой единой (пять с половиной столетий) епархии (Муром и Рязань были в одной епархии с начала XIII до второй половины XVIII века — 1763/1764 г.) Икона Богоматери Феодотьевской

по преданию исчезла после разорения столицы Рязанского княжества (Старой Рязани) войсками хана Батыея. А в 1487 году чудным образом она явилась в деревне Торчино близ села Феодотьева (Федотьева) Спасского уезда¹⁰². Небезынтересно отметить, что пропавшая чудотворная икона «Муромская» как раз примерно в это же время могла быть создана (1483-1501 — согласно И. А. Кочеткову). Для сравнения истории двух чудотворных рязанских икон еще раз подчеркнем, что древнейший архетип «Муромской» остается под вопросом, а чудотворная икона, реально почитаемая в середине XVI — начале XX века, исчезла. По сведениям Т. Синельниковой, «в 1922 году, когда из храмов забирались ценности для голодающего Поволжья, эти иконы (Феодотьевская и Муромская. — О. С.) еще находились в кафедральном соборе, затем одна из них поступила в хранилище музея, а другая — Муромская икона Божией Матери — бесследно исчезла. Об этих событиях сохранились архивные документы — непроверяемые свидетельства нашего с вами жестокого прошлого»¹⁰³. «Феодотьевская» же, как уже было отмечено ранее, идентифицируется с древнейшей иконой Богородицы Одигитрии, хранящейся в Рязанском музее-заповеднике, которую специалисты, в частности Г. С. Клокова, по ряду признаков относят к XIII веку. Заметим, что по размерам (122x86) эта древняя Одигитрия — большой образ для поклонения, в отличие от Муромской аналойного размера. (Однако она, упоминая легенду, связанную с принесением древнего богородичного образа Евфросином, напрямую не называет икону «Феодотьевской»)¹⁰⁴.

Отголоски событий 1812 года в почитании в Рязани и Муроме

Феодотьевской иконе Богородицы гораздо раньше, чем Муромской, было установлено празднование — в память избавления Рязани от нашествия в 1668 году запорожских черкесов — 2/15 июля. По отношению же к «Муромской» рязанцы осознали «долг, давно лежащий на совести их», только после избавления от Наполеона в 1812 году. Спасение они объясняли заступничеством обеих чудотворных икон, с которыми совершили крестный ход вокруг родного города и подали прошение о празднестве «Муромской» 12(25) апреля. Однако полученный из Сино-

да Указ 1814 года с уклончивым «изъяснением» не давал права на официальное прославление данного образа, но и не запрещал «благочестивым гражданам» отмечать его. В Определении от 22 июня указывалась причина отказа: «Поелику ни явления, ни перенесения образа Муромская Божия Матери не содержится в месяцесловах, издаваемых с утверждением св. Синода»¹⁰⁵. Справедливости ради следует сказать, что еще до этой «тяжелой годины» — 1812 года — в самом начале столетия рязанцы проявили внимание к своей святыне. Как можно понять по описанию архимандрита Макария, в 1802 году образ Муромской Богородицы «древнего греческого письма» был украшен новой жемчужной ризой (вспомним, что более древняя была украдена в 1754) и «серебряно-позлащенным» окладом. Не был тогда забыт и «двойник» чудотворного образа. На этом списке «старого письма» (XVII века) тоже появились новые «риза и венец серебряно-позлащенные»¹⁰⁶.

Как уже было показано, муромцы, в отличие от рязанцев, как ранее, так и в это время, не имели специального списка с чудотворной иконы «Муромской», позволяющего не только умозрительно возносить молитвы Богородицы, но и реально приложиться к сакральному предмету, имеющему материальное воплощение. Те же два списка, что все же имелись тогда в городе (1730 года, упоминаемый в источниках второй половины XIX века и отмеченный в описи 1768 года), очевидно, не имели статуса чтимой копии с рязанской святыни; по крайней мере, пока для этого нет таких данных.

И если в Рязани в 1812 года наблюдался патриотический подъем и обращение к древней иконе и по прошению в Синод граждане города желали «вечно праздновать ежегодно с церковью явление Чудотворных икон Муромския Божия Матери 12 апреля (25 по н. ст. — О. С.), в честь и славу Пресвятыя Богородицы Муромския и в ознаменование вечной их благодарности к дивному во святых своих Богу за избавление града Рязани от нашествия врага и спасения всей России»¹⁰⁷, то муромцы в эту же «годину тяжелых бедствий» оказались под покровом самых главных святынь Русского государства. Иконы Владимирской и Иверской Божьей Матери вывезли сюда из Москвы, «спасая от Наполеона». Московские

чудотворные иконы находились в городе с 10 сентября по 20 октября 1812 года в настоятельских кельях Благовещенского монастыря, где расположился сопровождающий их викарий московский Августин (Виноградорский)¹⁰⁸. Реальное пребывание в Муроме столь чтимых общегосударственных реликвий, с которыми связывалась надежда на спасение, безусловно, заслоняло собой обращение к своим, но периферийным иконам, тем более — «Муромской», не имевшей тогда в городе особого почитаемого списка (копии) чудотворной иконы. А ведь согласно житию святого Константина, именно здесь в первоначальной Благовещенской церкви, князь-креститель Мурома и поместил когда-то чудотворный образ, позже названный «Муромским».

Зато «свои» списки с прославленных московских святынь — икон Богоматери Иверской и Владимирской работы московских иконописцев уже в конце XVII века находились в соборе муромского Благовещенского монастыря. Икона «Богоматерь Иверская» до настоящего времени находится на правом клиросе древнего храма и является наиболее почитаемым образом в монастыре. На ней имеется дата «1688» и подпись: «Писал сей образ Пресвятые Богородицы Иверская москвитин изограф Иван Дмитриев сын Попов». Вторая икона «Богоматерь Владимирская» Афанасия Рязанцева 1692 года была главным богородичным образом Благовещенского храма и располагалась слева от Царских врат. После поступления святыни в городской музей ее место в храме заняла икона «заместительница»¹⁰⁹. Пребывание московских святынь в Муроме в 1812 году породило совершенно особую волну почитания «своего» списка иконы Богоматери Иверской. Это до сих пор наиболее чтимый образ в монастыре, о чем свидетельствует множество драгоценных приношений прихожан, привешенных к шитой ризе (Благовещенский монастырь). Материальным же выражением вспыхнувшего с новой силой почитания в ту эпоху было изготовление драгоценного убора 1816- /1908-1916/ (Муромский музей).

Как бы то ни было, пусть не в виде поклонения «двойнику» чудотворной иконы Богоматери Муромской, которого еще не было в городе, муромцы все же должны были вспоминать историю своей древней святыни. Действительно, в первой

трети XIX столетия в Муроме еще активно бытовала рукописная традиция. Жители приобретали либо переписывали собственноручно «Муромские сборники», где наиболее длинным и подробным был рассказ о святом князе Константине и чудесах иконы Богоматери, принесенной им из Киева (иногда с иллюстрациями, где икона показана в виде Умиления). Напомним, что и описанная выше икона А. И. Казанцева 1714 года, иллюстрирующая Житие Константина, была вполне доступна муромцам (ведь это грандиозное произведение находилось в притворе Благовещенского собора). Впрочем, был им знаком и сам большой образ Богоматери Муромской этого же изографа 1730 года в Христорожественском храме на торговой площади. После выхода в свет первых томов «Истории государства Российского» (1810-1820) Н. М. Карамзина, на страницах которого впервые предстает Древняя Русь и, конечно, многие события из истории Муромца, в местном сообществе пробуждается и «историко-археологический» интерес к собственным «древностям». В городе имела хождение рукопись «Историческое обозрение» местного хроникера А. А. Титова — первая попытка собрать воедино доступные материалы по истории Муромца от его основания до начала 1830-х годов. Автор использовал летописи, документы из архива Муромского магистрата, писцовые документы 1636 и 1769 годов и, конечно, он опирался на житийную литературу и местные предания.

Возможно, глядя на пример рязанцев, подавших прошение в Синод о праздновании иконе «Муромской», муромцы тоже задумываются об истории и прославлении древнего образа, некогда «принесенного Константином из Киева». Видимо, не совсем понятное разъяснение Синода 1814 года в ответе жителям Рязани было воспринято муромскими гражданами как руководство к действию. И в 1814 году в Муроме был заложен придел во имя иконы Муромской Богоматери при теплом Спасском храме городского собора Рождества Богородицы. В 1817/1818 году он был освящен Епископом Ксенофонтом (Тропольским — 24 февраля 1800 — 3 июля 1821 г.)¹¹⁰. В Муроме престольный праздник в честь Муромской иконы стали отмечать 3/16 июля — в день кончины святого епископа Василия. А в Рязани праздновали 12/25 апреля — в день памяти его небесного по-

Рис. 13. Богоматерь Муромская с муромскими чудотворцами и предстоящими святыми. Створа складня. Нач. XIX в. Муромский музей

кровителя святого Василия Парийского¹¹¹.

По утверждению Н. В. Дмитриевой «празднование же самой Муромской иконе было установлено лишь в 1819 году указом Синода, причем по прошению не забывавших свою заступницу жителей града Мурома, а не рязанцев»¹¹². С последней частью высказывания мы не можем все же согласиться. Может муромцы того времени и помнили про некий «уплывший» от них более чем шесть столетий назад легендарный образ, так как любили читать и переписывать жития святых князя Константина и епископа Василия. Но прошение о прославлении иконы подали первыми именно рязанцы, имевшие у себя «материальное подтверждение» данного чуда в виде чтимого образа.

Казалось бы, что для нового придела в Муроме должны были заказать и храмовый образ Муромской Богоматери. Но никаких сведений об этом нет, как и самой иконы этого времени (1814-1818). Почти столетие спустя Л. Белоцветов, священник Муромского Богородицкого собора и автор своеобразного церковного путеводителя по нему (1907), отметил: «С востока к колокольне примыкает храм в честь Нерукотворенного образа Спасителя с приделом в честь Муромския иконы Божией Матери. Храм этот — 6 саж. длины и 7 саж. ширины (6,78x8,91 м. — О. С.). Особенно замечательных, как по древности, так и по

ценности, икон и священных предметов в этом храме нет. Служба в нем совершается два раза в год, — 3 июля и 16 августа (16 июля и 29 августа н. с. — О. С.)»¹¹³.

До нас дошел лишь миниатюрный трехстворчатый складень начала XIX века (Муромский музей)¹¹⁴. Иконописец вверху правой створы изобразил муромских чудотворцев в молении иконе «Муромской». Изображение Богоматери схематично, но черты данного извода видны четко. Этот складень мог быть первоначально не церковного, а домашнего назначения и быть предметом личного благочестия; и написан он необязательно в Муроме, хотя это и не исключено¹¹⁵.

Принесение из Рязани в Муром копии чудотворной в 1829 году.

Почитание муромской «Муромской»

Во временной перспективе символичным выглядит такое важное событие церковной жизни Мурома как переложения мощей святых князей Константина, Михаила и Феодора в Муромском Благовещенском монастыре, сопровождаемое крестным ходом, предшествующее принесению списка чудотворной иконы «Муромской» из Рязани. Напомним, молебен Богоматери и торжественная процессия совершались 31 августа/13 сентября 1829 года, и в ней «принимал участие» большой поклонный образ Муромской Богоматери из Христорождественского храма, приписываемый муромскому изографу А. И. Казанцеву. Прежде всего, само наименование иконы в то время отсылало граждан Мурома, воспитанных на местной книжной традиции, к житию муромского князя Константина-крестителя, мощи которого почивали в Благовещенском храме, согласно преданию первоначальному месте пребы-

Рис. 14. Муромский Богородицкий собор. Фото нач. XX в. Муромский музей

Рис. 15. Икона. Матфей Яковлев (иерей). Богоматерь Муромская. 1829. Оклад 1831. Муромский музей вания древней святыни (мощи были переложены 1/14 сентября 1829 г.)¹¹⁶.

Через полтора месяца (14/27 октября 1829) произошло не только одно из самых важных, но и действительно знаковое событие христианского Мурома. Была завершена работа над точной копией чудотворной рязанской святыни (что зафиксировано документально), после чего список Муромской Богоматери из Рязани прибыл в Муром. Спустя восемьдесят лет после названных событий местный краевед и староста собора В. Н. Добрынкин в своем очерке об иконе Богоматери Муромской подчеркнул (явно без оценочного подтекста), что огромный временной срок потребовался муромцам, чтобы созреть до желания «лицезреть» материальное воплощение своей древней святыни. Он заметил: «600 лет назад лишившись такой дорогой святыни, граждане г. Мурома пожелали иметь точную копию с Муромской иконы Б. М., каковая в настоящее время находится в Муромском Богородицком соборе, благоговейно чтимая жителями города» (ныне в Муромском музее)¹¹⁷. На лицевой стороне иконы, «по финифти», была надпись (не сохранилась); зафиксирована в дореволюционных изданиях и музейной документации: «В согласность указа из Владимирской Духовной Консistorии, отправясь в город Переяславль Рязанский, с образа Муромския Пр. Богородицы точную

копию, о чем на доставленном в Мур. Бог. Собор паспорт засвидетельствовано в Рязанской Духовной Консistorии 1829 г. окт. 14 д. списал Владимирской епархии, Ковровской Округи, села Воскресенского, иерей Матфей Яковлев»¹¹⁸. Живопись не видна под слоем олифы, поэтому судить об иконографии можно только по серебряному с золочением окладу. Богатый убор иконы из серебра с жемчугом и камнями был исполнен в 1831 году. Икона создана в меру чудотворного образа, что в Рязани; на полях также изображены святые Василий Парийский и Мариамна, что позволяет определить ее иконографию не просто как «Богоматерь Муромская», но «Моление святого Василия». В центральном изображении можно отметить развернутый свиток младенца. Эта икона аналойного размера была вставлена (видимо несколько позднее) в другой образ — «Всех святых»¹¹⁹. Однако в музей она поступила без него, а в латунном киоте.

Когда давно утрачена сама почитаемая рязанская святыня, то муромская «точная копия» с нее иерея Матфея Яковлева» 1829 года, сохранившаяся в музее, становится не только подлинным произведением, воплотившим черты сакрального предмета, но и важным документом, в какой-то мере фиксирующим состояние святыни в конкретный период времени. Точно также, как и вышеописанный ранний список с рязанской чудотворной Симона Ушакова 1677 года, появление которого на антикварном рынке стало сенсацией 2001 года. Кстати, факт наличия в Муромском музее «точного» списка рязанской чудотворной иконы малоизвестен. Ошибочно считается, что он утрачен, также, как сама реликвия и ее икона-заместительница XVII века, находившиеся в Рязанском Христорождественском соборе¹²⁰. Известно, что часто копировались не только изображения чудотворных образов, но и их драгоценный убор. В связи с этим вспомним, что архимандрит Макарий в 1863 году указывал, что как на самом чудотворном образе «Муромской», так и на его иконе-«заместительнице» были серебряные с золочением оклады, выполненные в 1802 году. Когда муромцы в 1831 году заказывали чеканный оклад в стиле классицизма для своего списка, очевидно, они ориентировались на украшение оригинала.

Рис. 16. Икона Богоматерь Муромская. Снимок до 1922 г. Музей-заповедник «Рязанский кремль»

Однако в совершенно ином стиле (с элементами «второго рококо» и «плетенкой» в «русском стиле» эпохи Александра III) выполнен оклад иконы на старом (до 1922) снимке из фондов Рязанского музея-заповедника¹²¹. Мы предполагаем, что фотограф запечатлел на нем именно чудотворный и пропавший позже образ, а не его икону-заместительницу, тоже исчезнувшую. На снимке видна жемчужная риза, упомянутая Макарием (1863) и зафиксированная в Описи ценностей Рязанского кафедрального собора (2 мая 1922) как одеяние самой чудотворной¹²². На музейном муромском списке она частично воспроизводится из жемчуга как головной плат (убрус) Богоматери. В указанном документе 1922 года как ценность подробно описана не икона «Муромская», а только ее драгоценная риза (оклад): «Серебряная вызолоченная риза с иконы Муромской Божией Матери, принесенная благоверным князем Константином из Киева в Муром, откуда приплыл с Нею в Рязань св. епископ Василий, представившийся в 1294 лето с одним большим и 2-мя маленькими венчиками, на котором одна крупная коронка с 41 мелким камнем и двумя пустыми местами; 6 (шесть) золотых звездочек, на которых по одному разноцветному камню на каждой. Риза формы жемчуга, в которую встав-

лены снующие звездочки; одна из 7 (семи) камней на голове; две больших звездочки с боков по 34 камня на каждой; на правом плече 2 (два) больших камня и 12 маленьких; на середине звездочка из 7 (семи) камней; на левом плече 2 (две) звездочки и 13 камней каждая, на младенце Спасителя звездочки из 7 (семи) камней; около руки младенца 5 (пять) камней подряд около руки Богоматери внизу 8 (восемь) камней в две линии; внизу золотой крестик якорем. Наверху голубь на серебряных лучах. Икона Чудотворная по явлению духовенства 7x8 вер.». Про саму же икону, как и про две другие, отмечено в «Протоколе подкомиссии по изъятию церковных ценностей» (с той же датой — 2 мая 1922 г.): «Иконы Феодотьевской Божией Матери и Иоанна Предтечи испорчены от времени, так же как и икона Муромской»¹²³. Последнее замечание крайне важно: возможно, тяжелое состояние живописи решило судьбу интересующего нас памятника роковым образом, что привело к его вероятному уничтожению (чего, впрочем, не случилось с «Феодотьевской»). К сожалению, качество имеющегося у нас изображения чудотворной Муромской иконы из фондов Рязанского музея-заповедника, а также довольно запутанное описание ее ризы 1922 года затрудняют их полную идентификацию. Хотя это требует дополнительного расследования, мы можем предположить, что рязанцы вновь украсили чудотворный образ Богоматери Муромской к 900-летию юбилею города Переславля Рязанского (Рязани) в 1895 году. По церковной версии основателем его считается князь Ярослав Святославич (святой Константин), неразрывно связанный с иконой Богоматери Муромской.

Итак, ценнейшая для муромцев копия чудотворной была помещена вовсе не в Благовещенском монастыре — легендарном первоначальном месте пребывания предполагаемого архетипа «Муромской» в Муроме, а в главном городском соборе Рождества Богородицы¹²⁴. Причем, не в приделе Богоматери Муромской (в Спасском храме при колокольне собора, освященном в 1817 г., т. е. еще за двенадцать лет до прибытия копии чудотворной), а в основном древнем храме, что, безусловно, было более почетным для нее местом. Так что процессия Благовещенского монастыря с несением другой — большой иконы «Муром-

ской» 1730 года и молебен Богоматери выглядят символично — как прощальный акт в истории почитания образа, ассоциировавшегося с обителью святого Константина. С прибытием списка из Рязани культ чудотворной в Муроме переносится в центральный собор Рождества Богородицы. К тому времени в нем были сосредоточены многие святыни, в том числе и икона «Богоматерь Одигитрия» начала XV века (ГТГ), которую тоже считают чудотворной «Муромской». Главной же святыней городского собора были мощи святых благоверных князей Петра и Февронии. При перемещении раки (после ремонта собора 1873-1878) в пространство главного храма надгробный комплекс этих святых оказался тесно связанным с другими святынями собора. Вблизи гробницы чудотворцев была размещена вторая по значимости реликвия муромского собора Рождества Богородицы — Муромская икона Богоматери. Сам же собор в 1868 году стал кафедральным. В Муроме, с шестидесятых годов XVIII века входившем в состав Владимирско-Суздальской епархии, была учреждена викарная епископская кафедра¹²⁵.

Можно утверждать, что именно в XIX веке, к концу 1820-х годов, икона «Муромская» в полной мере осознается муромцами как местная историческая святыня. Наименование ее в то время начинают соотносить не только с легендой об иконе, «уплывшей» из города со святым епископом Василием в баснословные времена, но и с реально существующей «точной копией» чудотворной, имеющей «прописку» в Муроме в главном соборе. Культ образа Богоматери Муромской в городе развивался постепенно. До XVIII столетия говорить о нем нет никаких оснований, разве что только о хождении списков жития святого Константина. В XVIII веке об этом свидетельствуют также только агиографические тексты и иконы местного изографа А. И. Казанцева 1714 и 1730 года. На волне патриотического подъема во время войны 1812 года и проснувшегося интереса к местным «древностям», муромцы, вслед за рязанцами, в одном и том же году — 1814, выражают желание прославить образ «Муромской» и закладывают придел в его честь при городском соборе. Апофеозом становится прибытие списка чудотворной из Рязани в 1829 году.

Любопытно, что разные этапы в почитании

иконы Муромской Богоматери в городе к этому времени четко проявились в его сакральной топографии. Муром тогда уже приобретал вид «маленького Петербурга», застраиваясь по генеральному плану, учрежденному в конце XVIII века Екатериной II. Улочки, ранее свободно разбегавшиеся от муромской крепости на Оке, выпрямлялись и пересекались под прямым углом, образуя правильные прямоугольники кварталов. Почти все обновленные улицы были ориентированы на храмы с высокими стройными колокольнями. Не сильно изменилась только холмистая береговая терраса Оки с расположенными на ней собором, приходскими и монастырскими церквями.

Для паломника, прибывшего в Муром с западной стороны по главной — Московской улице, в ее конце еще издали была видна высокая колокольня храма Рождества Христова, стоящая в самом центре на торговой площади. Там находилась большая икона «Богоматерь Муромская» письма А. И. Казанцева 1730 года. Несколько правее и ближе к реке, на Воеводском холме, где некогда стоял деревянный кремль, к тому времени уже разобранный, была видна затмевающая высотой и величием первую колокольню городского собора Рождества Богородицы с примыкающей к ней церковью Спаса с приделом Богоматери Муромской. В самом же соборе находилась «точная копия» муромо-рязанской святыни. Свернув влево от центра, также по направлению к Оке, путник мог пройти к стенам мужского Благовещенского монастыря — месту легендарного изначального пребывания иконы, явившей чудо при крещении муромцев. На крытой паперти храма, стоя у грандиозной иконы А. И. Казанцева, он мог подробно ознакомиться с житием святого князя Константина и историей принесенного им чудотворного образа.

Получалось, что почти на одном уровне в городе располагались особые сакральные зоны, связанные с историей почитания данной иконы. Первая, отражающая начальный этап — на северной стороне — «Старое Вышнее городище», с расположенной на нем Благовещенской обителью. Она ассоциировалась с древнейшим периодом муромской истории, с двором святого князя Константина (Ярослава), «первоначальным храмом Благовещения», где по преданию пребывал древний образ до происшествия с епископом Василием. Очевид-

но, в восприятии муромцев эта икона, принесенная к ним, тогда еще «безымянная», была олицетворением самой Божией Матери, снизошедшей к муромцам. Отзвуком такого отношения может являться эпизод жития Константина с явлением в Муроме самой Богоматери, в сопровождении святых князей, некоей старице Варсонофии (отражено в клейме № 58 иконы А. И. Казанцева 1714 года)¹²⁶. Благовещенский монастырь, с его книгописной и иконописной мастерскими, в XVII–XVIII веках был ведущим в Муроме — одним из известных книжных и своеобразном иконописном центре Руси. Великолепной и подробнейшей иллюстрацией истории святых крестителей и самого чудотворного образа (но условно обозначенного как тип Умиления) была икона А. И. Казанцева 1714 года.

Вторая зона, по топографии центральная — это храм Рождества Христова, где пребывала не дошедшая до нашего времени большая икона «Богоматерь Муромская» того же изографа 1730 года. (Нам представляется, как мы уже подчеркивали выше, что ее иконография соответствовала сложившейся к тому времени схеме — с полулежащим младенцем, со свитком в руках и благословляющей десницей). По смыслу она была отражением следующего этапа почитания образа, когда своеобразная иконография с наименованием «Муромская» уже закрепились в Своде русских чудотворных икон. Образ Казанцева был не только стационарным в иконостасе, но и иконой для поклонения, которая участвовала, как и образы большого размера в Византийскую эпоху, в торжественных церковных процессиях. Это центральное «святое место» для «Муромской» (храм во имя Рождества самого Спасителя) фланкировалось богородичными церквями: с северо-востока монастырем, с главным посвящением во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, а с юго-востока — собором в честь Рождества Богородицы, ставшим с 1829 году главным в культе чудотворного образа в Муроме.

Последняя названная сакральная зона — городской собор, связана с заключительным этапом в формировании почитания «Муромской» в Муроме. Именно сюда торжественно препроводили из Рязани долгожданный муромцами список, через который, наконец, они получили доступ к са-

мой святыне, прославленной в Муромо-Рязанской земле. Именно отсюда, из собора, как указывал Л. Белоцветов (1907), «жители города с большим благоговением очень часто принимают сию икону в дома свои для молебствий, особенно во время болезней»¹²⁷. Сюда же, спустя почти девяносто лет, в тяжкий для верующих 1918 год ненадолго пребывала «погостить» и сама чудотворная, всего через четыре года после возвращения в Рязань бесследно исчезнувшая.

Новая волна почитания в Муроме: отголоски двух революций, первой мировой и белогвардейского восстания 1918 года

К началу двадцатого века, за две трети предыдущего столетия, муромцы вполне осознали икону Муромской Богоматери как свою покровительницу, что реально воплощалось в «благоговейном» почитании «точной» ее копии, выставленной для поклонения в главном городском соборе Рождества Богородицы. О популярности местного чтимого образа свидетельствуют сохранившиеся в городе списки с него конца XIX — начала XX века, которые можно назвать «вольными» и приукрашенными, с воспроизведением текста из Акафиста иконе «Муромской» и чуть большего размера. Один из них был опубликован нами в 2004 году (Муромский музей)¹²⁸.

Младенец Христос полулежит на руках Богоматери. Правой рукой, сложенной в благословляющем жесте, он словно касается подбородка Матери. В его левой опущенной руке — раскрытый свиток с надписью: «Судь судить судья праведный». На полях изображены предстоящие святыне: Василий Парийский (слева) и мученица Мариамна (справа). Икона написана по золоту с резьбой по левкасу. На нижнем поле иконы текст из Акафиста иконе Муромской Богоматери: «(Д) Несь светло красуется Градь Муромъ яко зарю солнечную восприемши, Влад(ы)ч(и)це, чудотворную твою икону къ не(й) же ныне мы притекающе и молящеся тебе взываемъ сице о пр(е) чудныя вл(ады)ч(и)це богородице молися изъ тебе воплощен(о)му Хр(и)сту Б(о)гу нашему, (д)а избавить Градь сей и вся Грады: и страны Христианския невредимы о(т)ъ всъхъ вражиих, наветъ вражиихъ, и спасеть Душы наша яко» (Тропарь, гл. 4)¹²⁹. Вероятнее всего, что это произведение, как и аналогичная ему икона, принад-

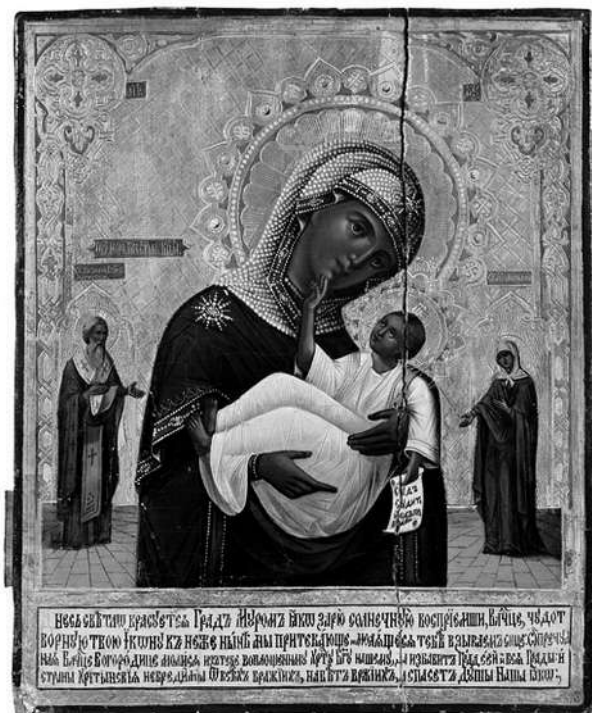

Рис. 17. Икона Богоматерь Муромская кон. XIX — нач. XX в. Муромский музей

лежащая в настоящее время Муромскому Троицкому монастырю, могли быть работой иконописцев местных ремесленных мастерских¹³⁰.

Тревожные события первой революции 1905-1907 годов побудили благонамеренных муромцев искать защиты и покрова у Пресвятой Богородицы. Видимо, им казалось уже не столь эффективным обращение к имеющемуся в городе «точному» списку чудотворной муромо-рязанской святыни. Поэтому в 1907 году Городская Дума постановила обратиться к Владимирскому архипастырю [Николаю (Налимову), 23 июня 1906-13 июля 1914] с тем, чтобы решить вопрос о принесении в Муром самой чудотворной из Рязани¹³¹. Но лицезреть здешним жителям подлинный образ «Муромской» довелось уже только после второй революции — Октябрьского переворота 1917 года.

Последний дореволюционный список чудотворного образа (заключенный в складень), о котором следует сказать особо, относится к тяжелому периоду истории России. Он был заказан Муромским обществом хоругвеносцев в 1916 году и предназначен 21-му Муромскому пехотному полку, участвовавшему в сражениях первой мировой войны, о чем свидетельствует надпись на окладе образа (Муромский музей)¹³². По иконографии он мало отличается от главного

в Муроме списка 1829 года. Разночтения имеются в изображении и надписях дополнительных святых. Фигуры их расположены на фоне, а не на полях образа; именуемая надпись над изображением епископа заменена на св. Василия Рязанского (вместо Парийского), возможно намеренно.

Небезынтересно сопоставить наименования исследуемой нами иконы «Муромской» и «Муромского» 21-го пехотного полка — одного из старейших полков регулярной российской армии. Этот полк просуществовал с названием, данным по имени одного из древнейших российских городов, с 1726/27 по 1918 год. Вопрос в отношении последнего по смыслу, собственно, тот же, что вынесенный в название настоящей статьи об исследуемой иконе: полк Муромский — насколько муромский? «Ни насколько», — отвечает на него Ю. М. Смирнов, исследовав историю этого воинского подразделения: «Ни по происхождению, ни по обеспечению, ни по разверстке рекрутов, ни по квартированию, ни по использованию религиозной и реальной светской символики Муромский полк отношения к городу Мурому не имел»¹³³. Правда, он оговаривает одно исключение — это описанный нами выше складень с иконой Богоматери Муромской 1916 года: «Походная церковь в память Преображения Господня, поскольку полк был основан в праздник Преображения, существовала при полке с конца XVIII столетия. Однако ни муромских реликвий, ни икон, связанных с муромскими святыми, в ней не было. Только в 1914 году (на самом деле спустя два года. — О. С.), на волне патриотизма, поднявшейся в стране в связи с первой мировой войной, муромское общество хоругвеносцев Александра Невского подготовило в подарок полковой церкви трехчастный складень Богоматери Муромской. Однако в полк он, видимо, не попал, поскольку хранится в Муромском историко-художественном музее»¹³⁴.

Название «Муромский» для полка было действительно условным и носило исключительно эмблематический характер. В отношении же толкования наименования исследуемой в данной статье «Муромской» иконы не может быть столь же однозначного ответа. Рассмотренные в комплексе различные источники и артефакты свидетельствуют, что муромцы постепенно осваивали культ

Рис. 18. Складень с иконой «Богоматерь Муромская». 1916. Муромский музей

рязанской святыни. И, наконец, в конце 1820-х годов XIX столетия наименование «Муромская», в некотором смысле виртуальное, наполнилось конкретным для них содержанием, с местной привязкой — материализованное в виде «точной копии» чудотворного образа.

Вскоре после событий Октября в истории мурома-рязанской реликвии произошло долгожданное событие, о котором Муромское общество хоругвеносцев известило Памятной листовкой 1/14 июля 1918 года. «Древняя Чудотворная Икона Божией Матери, именуемая „Муромская“» — величайшая Святыня Рязанского кафедрального собора, была «изнесена» и направилась в Муром. На следующий день на «пароходной пристани Оки „Качкова“ была встречена икона Божией Матери Муромския, прибывшая в сопровождении Рязанского Архиепископа Иоанна [И. К. Смирнова, 1844-1919; (20 нояб. 1917-14 октяб. 1919). — О. С.], духовенства Рязанского Кафедрального Собора и рязанских хоругвеносцев... Торжественная встреча по случаю военного положения в Муроме была отменена, а все духовенство встречало икону около Собора» во главе с епископом Митрофаном Муромским [Загорским М. В., 1844-1919, епископом Муромским и архимандритом Спасского монастыря (1912-1918). — О. С.]¹³⁵. Почитаемую икону проводили из Мурома 19 августа/1 сентября 1918 года. Посещение Мурома Пресвятой Богородицей, воплощенное в чудотворном образе «Муромской иконы», символизировало возвращение ее на ту землю, которую она по преданию покинула в древности. Должных торжеств, однако, быть не могло «по случаю военного положения». Оно было установлено после

подавления белогвардейского восстания в городе, продлившегося всего два дня (8-9 июля 1918 г.)¹³⁶. Святыня прибыла в Муром буквально спустя четверо суток.

Для главных организаторов и участников церковной церемонии — Рязанского архиепископа Иоанна и Муромского епископа Митрофана — акт перенесения «Муромской иконы» тоже стал символическим и последним аккордом в их долгом духовном служении. Они были ровесниками и умерли в один и тот же (следующий после принесения реликвии) год. Муромский епископ Митрофан был помещен в арестный дом, как причастный к контрреволюционным событиям (19 сентября/2 октября 1918). Спустя недолгое время — в феврале 1919 — он скончался в Муроме после выхода из заключения (по другим сведениям — был расстрелян)¹³⁷. Через несколько месяцев в том же году умер в Рязани Архиепископ Иоанн.

Возрождение почитания в Рязани и Муроме.

Новые «явленные» и современные списки

В советское время в Муроме с 1929 по 1941 годы закрывались и уничтожались церкви. Из трех храмов, связанных с почитанием иконы Богоматери Муромской, уцелел только Благовещенский собор ликвидированного монастыря, который был обращен в единственный действующий храм города. Церковь Рождества Христова и городской собор Рождества Богородицы были взорваны. Точная копия чудотворной «Муромской» иконы 1829 года была изъята в местный музей. Из Благовещенского монастыря туда же поступила и грандиозная икона А. И. Казанцева 1714 года, где иконописцем была зафиксирована история иконы, по преданию принесенная святым Константином и унесенная епископом Василием. Вовсе исчезла большая икона Богоматери Муромской того же изографа 1730 года. Безусловно, и в «безбожное время» у некоторых жителей еще сохранялись поздние списки «Муромской». Любопытна история одного из них, принадлежавшего местному краеведу, собирателю церковных преданий А. А. Епанчину (1948-1998). Этой иконой его благословила тетушка — Н. А. Епанчина (1890-1968), бывшая инокиня Воскресенско-Покровского монастыря Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии, позже жившая в Муроме. Поля образа были опилены владелицей

(возможно, из соображений удобства для тайного хранения). В 1988 году А. А. Епанчин попросил «восстановить» эту икону муромского художника Юрия Морякова. Конечно, назвать это реконструкцией невозможно. В настоящее время данный образ представляет собой разновременный исторический памятник (от первой трети до последней трети XX века) и своего рода документальное свидетельство сложной эпохи. В центре — изображение Богоматери Муромской с младенцем, чья благословляющая рука изображена не на фоне подбородка Матери, а значительно ниже — на уровне шеи; свиток показан развернутым. Рисунок и качество письма выдает не совсем профессионального иконописца; возможно, это кто-то из монахинь (вероятно, исполнено либо в первое десятилетие XX века, либо уже в послевоенный период). «Восстановленные» изображения и тексты на полях 1988 года выполнены вовсе примитивно. А. А. Епанчин задумывал свою собственную «копию» исчезнувшей рязанской святыни, о чем свидетельствуют изображенные на полях иконы святые и надписи. Были ли первоначально на полях этого образа изображены фигуры святого Василия Парийского и святой Мариамны, нам не известно. Но для воссоздания облика рязанской реликвии как «Моления святого Василия» они были ему необходимы. На обороте образа собственноручные пометы А. А. Епанчина с воспроизведением надписи и указанием размеров чудотворного образа. В результате получилось самостоятельное произведение, но очень трогательное, свидетельствующее о личном благочестии и интересе к церковным древностям его неординарного для советской эпохи владельца (в настоящее время икона бережно хранится у вдовы А. А. Епанчина, любезно предоставившей нам ее для изучения).

Культ Богоматери Муромской с восстановлением Духовной жизни в России возрождался постепенно, и все же раньше в Муроме, чем в Рязани. В церковной среде появлялись новые «легенды», происходили «чудесные» события. Так, во Владимирской епархии первым был открыт Муромский Троицкий монастырь, чье возрождение (1991) было предсказано местной блаженной. Именно он стал новым центром почитания иконы Богоматери Муромской. А случилось следующее: 15 мая 1992 года было положено начало устройства

скита Троицкого монастыря в лесу за деревней Малое Мишино (15 км от Мурома в сторону Рязани). Через год монастырю был пожертвован сруб для храма на этом подворье. Первоначально полагали освятить его в честь Николая Чудотворца, но перевоз деревянного сруба в Малое Мишино совпал с днем празднования памяти Муромской иконы и Василия Рязанского — 16 июля. В это же время в монастыре «явилась» (была принесена) расколота надвое икона Муромской Богоматери. Этот список с «Акафистом» конца XIX — начала XX века — аналог музейного того же времени. Конечно, эти два знаковых события определили наименование будущего храма, который был освящен 15 мая 1995 года¹³⁸. Незадолго перед этим событием в дар была принесена вторая икона Муромской Богоматери, находящаяся теперь также на Мишинском подворье. Образ был пожертвован монахом Оптиной Пустыни Владимиром, по словам которого икона «Муромской» была их семейной реликвией и ранее находилась с ними в Казахстане. В монастыре поначалу задумывались, нет ли здесь связи с утраченной рязанской святыней, не сама ли она скрывалась вдали от Муромо-Рязанской земли. Но насколько мы можем судить, подаренный образ создан не ранее XIX века и относится к варианту без предстоящих святых на полях иконы, значит, он никак не может являться даже «точной копией» зафиксированного в литературе чудотворного образа. Интересно упомянуть также, что настоятельнице Муромского Троицкого монастыря матушке Тавифе было предложено приобрести и тот самый драгоценный список иконы Муромской Богоматери 1677 года письма Симона Ушакова, что, безусловно, было нереальным из-за стоимости произведения.

Первая современная икона Богоматери Муромской была написана в 1994 году для церкви Гурья, Самона и Авива в Муроме (микрорайон Карачарово, ранее — село) местным иконописцем И. В. Суховым (р. 1959, член Союза художников РФ). Этот большой образ для поклонения находится на правом клиросе. Его иконография и стиль ориентированы на наиболее ранние из сохранившихся списков, прежде всего, на образ конца XVI — начала XVII века Третьяковской галереи (но совершенно другого размера и значения). Другим муромским иконописцем

Рис. 19. Икона. В. Моряхин. Богоматерь Муромская. 1999 г.

В. Моряхиним в 1999 году также был написан поклонный образ Муромской Богоматери для собора Троицкого монастыря в Муроме (находился на левом клиросе). Ныне он перемещен в главный храм Рождества Богородицы на подворье монастыря близ города Коврова (Придорожный, Камешковский р-он Владимирской обл.). В иконографию «Муромской» внесли свой вклад и мастерицы-золотошвейки, насельницы Троицкого монастыря. Они позиционируют свое занятие как продолжение дела святой Февронии Муромской, вышивающей воздух перед кончиной (мощи святой и ее супруга святого князя Петра ныне хранятся в этой обители)¹³⁹. Так, в 2011 году в Троицком соборе монастыря появился шитый образ Богоматери Муромской, выполненный в древнерусской традиции, близкий работам строгановских мастерских XVII века (мастерицы-монахини Давида и Августа).

Стоит напомнить, что чудотворная икона «Муромская» обязательно присутствует в иконографии святого Василия Рязанского¹⁴⁰ и в иконах с изображениями соборов муромских и рязанских святых. В настоящее время в Троицком храме

находится икона святителя Василия Рязанского с частицей его мощей, исполненная в 1917 году в дар Муромскому Троицкому монастырю от рязанцев (возвращен из музея). Образ принесли в город одновременно с самой чудотворной иконой Муромской Богоматери, находившейся в Муроме в соборе Рождества Богородицы с 14 июля по 1 сентября 1918 года. Икона Богоматери Муромской, изображенная в руках святителя, соответствует сложившейся иконографии с полулежащим младенцем, но без предстоящих святых и показана в металлическом окладе. Также в руках святителя Василия Рязанского представлен образ «Муромской» на большой современной иконе «Собор муромских святых» в местном ряду иконостаса Троицкого храма (И. Сухов. 1996). На другом подобном образе того же иконописца в этой обители святые изображены в молении образу Богоматери Муромской (1998). Несмотря на то, что, по мнению ряда исследователей, рязанская святыня — «Муромская» икона — практически не имеет отношения к Мурому, и это справедливо вплоть до XIX столетия, тем не менее, с возрождением церковной жизни в первую очередь вспоминались традиции именно позднего синодального времени, когда культ этой чудотворной был уже укоренен в городе. Поэтому и в первом возрожденном монастыре было проявлено к ней такое внимание.

Как мы уже показали, в Муроме менялись центры культа иконы «Муромской». В Рязани же на протяжении XVII — первой четверти XX века он был неизменен — Христорожественский собор. Здесь почитался чудотворный образ до 1922 года, в этом же храме ровно через семьдесят лет был воссоздан культ иконы «Муромской», неразлучной с мощами святого епископа Василия. Что касается Борисоглебского собора (в советские годы кафедрального), «Муромская» обычно не называется среди наиболее чтимых в нем икон, среди которых, например, присутствует «Феодотьевская», хотя здесь и имелся большой образ Богоматери Муромской. Мы видели его в начале 1990-х годов, как нам представляется, написан он не ранее XIX века. Зато здесь у храма особо почитается место первоначального захоронения святого епископа Василия.

Возрождение Христорожественского со-

Рис. 20. Икона Богоматерь Муромская. Рязанский Христорождественский собор

бора в Рязани происходило в 2002 году — он был открыт для прихожан 30 июня. А за два месяца до этого, по мнению верующих, произошло поистине чудесное событие — 12/25 апреля, в день празднования иконе «чтимый список с чудотворного образа конца XVII века, Божиим Промыслом возвратился в Рязанскую епархию»¹⁴¹. Автору статьи из личного общения со священником этого храма удалось понять, что в церкви действительно надеются, что «вернувшийся» образ — именно та икона-«заместительница» XVII века, которая исчезла вместе с чудотворной иконой Богоматери Муромской. Но насколько можно судить об иконографии этого списка с окладом, на нем нет изображения предстоящих святых, зафиксированных архимандритом Макарием.

Любопытно, что чудесные события в Муроме, связанные с освящением храма и явлением иконы Муромской, совпадали с днем ее празднования по-муромски (16 июля), а в Рязани — по-рязански (25 апреля). В настоящее время в Христорождественском храме воссоздан надгробный комплекс святого Василия Рязанского. Справа от него находится тот самый «возвращенный» список чудотворной иконы. Над самой же гробницей помещен большой образ самого святителя, плывущего по водам Оки с чудотворным образом «Му-

Рис. 21. Икона. И. Сухов. Собор Муромских святых в молении иконе «Богоматерь Муромская». 2006 г. Рязанский Христорождественский собор

ромской» в руках (очевидно, конца XIX века). В отличие от описанного выше образа святого той же иконографии 1917 года, чудотворная икона в его руках совсем не соответствует изображению «Муромской» (ближе к «Иверской»).

Как и в Муроме, в Рязани чудотворный образ Богоматери Муромской присутствует на современных иконах с изображением соборов рязанских и муромских святых. В Христорождественском храме находится большой образ нового письма «Собор святых в земле Рязанской просиявших», где изображены в том числе и все муромские святые. Среди шести самых почитаемых богородичных икон сверху третья слева — Богоматерь Муромская. Здесь же в храме помещена икона муромского иконописца И. Сухова «Собор Муромских святых в молении иконе „Богоматерь Муромская”» (2006).

Анализ материалов по истории чудотворного образа Богоматери Муромской, а также иконографического материала (в том числе введенных в последнее время в научный оборот неизвестных ранее икон, созданных в столичных мастерских и отдаленных регионах Севера) показывают, что его почитание не было исключительно местным (в Рязани и Муроме). Как становится ясным, оно было распространено на значительные

географические пространства России. Древнее сказание о его происхождении то забывалось, то становилось востребованным в разные, особенно тяжелые, периоды нашей истории. При сравнении с историей почитания как наиболее известных, так и более периферийных икон Богоматери, оказалось, что сложение почитания Богоматери Муромской в своей основе следует общей для них византийско-киевской традиции. В источниках об образе и в более ранних, и в современных традиционно-церковных материалах и изданиях явно проступают черты, свидетельствующие, что для них «действены лишь законы мифологического времени и пространства, вполне равнодушные к исторической достоверности». В этом смысле даже название «Муромская», в начале

лишь опосредованно связанное с древним Муромом, так как чудотворный образ почитался именно в Рязани, позже, спустя шесть веков, осознается как свое, восходящее к архетипу баснословных времен. С другой стороны, наименование «Муромская», особенно в столице, начиная с эпохи Грозного и создания муромского круга литературных памятников, во многом носило эмблематический характер, а название, связанное с одним из древнейших городов Руси, воспринималось как символическое для Московского царства. В настоящее время, с утратой чудотворного образа, Муром и Рязань оказались в равном положении и, можно сказать, соревнуются в прославлении святых двух городов и создании новых мифов и легенд.

¹ Кочетков И. А. Икона Муромской Богоматери // Уваровские чтения-II. — М., 1994. — С. 135.

² См., например: Ровинский Д. Русские народные картинки. — СПб., 1881. — Кн. 4. — С. 673. — № 1218; Изображения икон Пресвятыя Богородицы в Православной церкви прославляемых с краткими о них сказаниями. — М., 1882. — С. 7. Поселянин Е. Богоматерь. Описание Ее земной жизни и чудотворных икон. — М., 2002. См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sedmitza.ru/text/440287.html>; http://iconbm.ru/index.hp?option=com_joomgallery&func=detail&id=343&Itemid=3#joomimg_maria.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=336:icona-bozhiei-materi-muromskaya&catid=33:ikona-bogomateri&Itemid=3 <http://resheto.ru/users/kozak532/art/64353>.

³ Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. — СПб, 1915. — Т. 2. — С. 250-252; он же. Памятники христианского искусства на Афоне. — СПб., 1902. — С. 43, 178, 222-224; он же. Иконография Богоматери. — СПб., 1910. — Вып. IV. — С. 72-74. Ил. с. 63; Лихачев Н. П. Историческое значение итало-греческой иконописи. Изображение Богоматери в произведениях итало-греческих иконописцев и их влияние на композиции некоторых прославленных русских икон. — СПб., 1911. — С. 144-145.

⁴ Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи. — М, 1963. — Т. II. — С. 257, 689. — Кат. 694. С. 260.

⁵ Кочетков И. А. Указ. соч.; Комашко Н. И. Икона «Богоматерь Муромская» Симона Ушакова 1677 г. из частного собрания в Москве // VII Научные чтения памяти Ирины Петровны Болотцевой. — Ярославль, 2003. — С. 65-73; она же. Подписные иконы мастеров Оружейной палаты и их последователей // Антиквариат, предметы искусства и коллекционирования. — 2003. — Октябрь — С. 87. Ил. с. 84.

⁶ «Пречистому образу Твоему поклоняемся...» // Образ Богоматери в произведениях из собрания Русского музея. — СПб., — 1995. — С. 174. Кат. 100. Описание Н. П. Пивоваровой.

⁷ Сухова О. А. и др. Иконы Мурома. — М., — 2004. — Кат. 77.

⁸ Бусева-Давыдова И. Святые образы. Русские иконы XIX-XX вв. из частных собраний // М., 2006. — С. 50 (ил.), 369. Кат. 22; Шесть веков русской иконы. Новые открытия. Выставка из частных собраний к 60-летию Музея имени Андрея Рублева / Автор вст. стат. и ред.-сост. Н. И. Комашко. — М., 2007. — С. 189. — Кат. 86. Богоматерь Муромская. Автор описания И. Л. Бусева-Давыдова. Размер 85,0x41; Иконописцы и иконописные мастерские в Коми крае в XVII-нач. XIX вв. — Сыктывкар, 2010. — Ил. цв. вкл. между с. 24-25. (Благодарю Л. Максимова за сообщение об этой публикации); Плаксина Н. Е. Иконного дела мастер // Вестник культуры: Информационно-публицистический журнал. — 2000. — № 1. — С. 37-42. Произведения христианского искусства в музейных собраниях // Святые земли Коми. Церкви, часовни, монастыри, иконы / Сост. М. А. Першина. — Сыктывкар, 2007. — С. 131; Ил.; [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <mailto:museum.ru> Copyright (c) 1996-2011 Российская сеть культурного наследия; Инв. номер: КП-5730/5. Размер 96x73,6x4 см.; изображение, описание см.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.museum.ru/C3323>.

⁹ К настоящему времени опубликован целый ряд статей российских и зарубежных ученых о византийских и русских чудотворных богородичных иконах и корпус источников о них (издания Центра Восточнохристианской культуры под ред. А. М. Лидова).

¹⁰ Ее некоторые специалисты считают протографом «Явленной». См.: Чудотворный образ. Иконы Богоматери в Третьяковской галерее / Авт.-сост. А. М. Лидов, Г. В. Сидоренко. — М., 2001. — Кат. 23. — С. 50. Ил. С. 51; [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>.

¹¹ Шалина И. А. Богоматерь Эфесская-Полоцкая-Курсунская-Торопецкая: исторические имена и архетип чудотворной иконы // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. — М., 1996. — С. 223.

¹² Плеханова М. Б. Сюжеты и символы Московского цар-

ства. — СПб., 1995. — С. 63.

¹³ См.: Искусство рязанских земель. — М., 1993. — С. 11. Кат. 1. — С. 18. Ил. 5. Автор раздела «Живопись» Г. С. Клокова.

¹⁴ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.icon-art.info/masterpiece.php?lng=ru&mst_id=1758; Антонова В. И., Мнева Н. Е. Указ. соч. — Кат. 235. С. 296. Ил. 194; Лазарев В. Н. Русская иконопись от истоков до начала XVI в. — М., 1983. — Ил. 113. Втор. пол. XV в. С. 374. Кат. 273. С. 328-329. Ил. 208. Ил. 111. С. 374.

¹⁵ Красилин М. М. Иконографический архетип и народное почитание чудотворных образов // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. — С. 394-395.

¹⁶ Там же. — С. 395-396.

¹⁷ См. о ней: Грабарь И. Э. О древнерусском искусстве. — М, 1966. — С. 108, 239-241; Гусева Э. К. Об иконе Богоматери Одигитрии начала XV в. из Рождественского собора в Муроме // Уваровские чтения-II. — М., 1994. — С. 127-132; Чудотворный образ. — Кат. 9. С. 22. Ил. на с. 23. При описании подобных икон, очевидно по аналогии с иконой ГТГ, иногда указывают на «традиционную иконографию Одигитрии Муромской». См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://iconbm.ru/index.php?option=com_joomgallery&func=detail&id=343&Itemid=3#joomimg.

¹⁸ Она известна по «Повести о чудотворном образе пресвятыя Богородица иже в Новгородской области в веси нарицаемой Выдропусском, в храме святого великаго мученика Христова Георгия» (после 1566 г.). Повесть написана Г. И. Токмаковым — воеводой, наместником Псковским, о событиях, относящимся к походу Ивана III на Новгород в 1471 г.). Раз в году ее переносили на несколько дней с крестным ходом в г. Торжок. В 1630 г. в Москве был сделан точный список с иконы, и крестные ходы в Торжок прекратились. Тогда же в Торжке в Спасо-Преображенском соборе был сооружен придел в честь «Богоматери Одигитрии Муромской». Возможно, это обстоятельство и послужило поводом к версии о том, что икона из Выдропуска осталась в Торжке. Во всех описаниях достопримечательностей Торжка икона именуется «Муромскою». В «Повести» же указывается, что икона Божьей Матери Одигитрии Выдропусской возвратилась в храм «вместе с другой иконой — Умиление Божьей Матери (Муромской)». См.: Чудотворные иконы Матери Божией. — Коломна, 1993. — Т. 2. — С. 479-483; Официальный сайт администрации Спировского района Тверской области // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.spirovo.ru/i_dostoprим_hr_vidrop.html.

¹⁹ Поселянин Е. Указ. соч.

²⁰ Шалина И. А. Указ. соч. — С. 200-251.

²¹ См.: Чудотворный образ. — Кат. 19. С. 43. Ил. с. 44.

²² Красилин М. М. Указ. соч. — С. 394.

²³ Щенникова Н. А. Чудотворная икона «Богоматерь Владимирская» как «Одигитрия евангелиста Луки» // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси... — С. 253.

²⁴ «Боляшет некая жена в Муром срдною болезнию, и слышавши от Святей Богородици бываемая чудеса. И посла в Володимир кузнь свою к Святей Богородици в клирос и воды взяти от Святыя Богородица иконы. И яко принесоша воду, вкусивши, и бысть здрава, и нача нечюти сердечныя

болезни». См.: Сказание о чудесах Владимирской Богородицы. Подготовка текста, перевод и комментарии В. П. Гребенюка (чудо 6) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4938>.

²⁵ Щенникова Н. А. Указ. соч. — С. 252.

²⁶ Древнейшая редакция Сказания об иконе Владимирской Богоматери / Вступительная статья и публикация В. А. Кучкина, Т. А. Сумниковой // Чудотворная икона в Византийской и Древней Руси. — С. 504. Встречается в списках 60-70 х гг. XV — сер. XVII в.

²⁷ Кривошеев М. В. Муромо-Рязанская земля. Очерки социально-политической истории XI-XIII вв. по материалам повестей. — Гатчина, 2003. — С. 54-55.

²⁸ Беляев Л. А. Чудотворная икона в сакральной топографии средневекового города: первый престол иконы Владимирской Богоматери в Москве // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. — С. 303.

²⁹ См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://drevo-info.ru/articles.html>.

³⁰ Шалина И. А. Указ. соч. — С. 201, 211.

³¹ Красилин М. М. Указ. соч. — С. 394.

³² Дмитриева Р. П. Повесть о Петре и Февронии. — Л., 1979. — С. 83-87. Приложение. С. 325-326; она же. Повесть о Рязанском епископе Василии (история текста первоначальной редакции) // ТОДРЛ. — Л., 1977. — Т. XXXII. — С. 40-55.

³³ Канонизация святых. Поместный собор Русской Православной Церкви. — Троице-Сергиева лавра, 1988. Приложение № 3. С. 30; Вагнер Г. К. Повесть о Рязанском епископе Василии и ее значение для ранней истории Переславы-Рязанского // ТОДРЛ. — М.-Л., 1960. — Т. XVI. — С. 167-177. См. также: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rusbeseda.ru/index.php?topic=4944.0>, где за подписью А. В. Назаренко размещен материал о епископе Василии. По мнению автора, «предание, отразившееся в сер. XVI в. в краткой редакции „Повести“, имело ввиду, вероятно, Рязанского еп. Василия, жившего в 1-й пол.-сер. XIV в., хотя исключить возможность соотнесения В. с еп. Василием кон. XIII в. все же нельзя ввиду сбивчивости и анахроничности предания».

³⁴ Воздвиженский Т. Историческое обозрение Рязанской епархии и всех церковных дел сея епархии от учреждения ея и до нынешнего времени... — М., 1820. — С. 15; Макарий, архимандрит. Сборник церковно-исторических и статистических сведений о Рязанской епархии. — М., 1863. — С. 165-167; Ровинский Д. Указ. соч. — С. 673, 689.

³⁵ Дмитриева Р. П. Указ. соч. — Приложение. — С. 326.

³⁶ Кочетков И. А. Икона Муромской Богоматери. — С. 135.

³⁷ Дмитриева Р. П. Указ. соч. — Приложение. — С. 326.

³⁸ Лидов А. М. Чудотворные иконы в храмовой декорации. О символической программе императорских врат Софии Константинопольской // Чудотворная икона в Византийской и Древней Руси. — С. 51.

³⁹ Сказания о чудотворных иконах в Послании восточных патриархов императору Феофилу / Перевод, предисловие и комментарий Т. М. Васильевой // Там же. — С. 430-431.

⁴⁰ «Августа 31 дня 1829 г. Молебен Богоматери. 1 сентября переложение мощей КМФ. Крестный ход со св. мощами,

сверх того в ходу несены были... из Рождественской церкви образ, копированный с иконы Муромския Божией матери, которым, как видно из летописи, В. К. Киевский Святослав благословил сына своего Константина на княжение Муромское». См.: Повесть о водворении христианства в Муроме. Сказание о житии и чудесах святых чудотворцев Муромских благоверного князя Константина и чад его князя Михаила и князя Федора // Памятники старинной русской литературы. — СПб., 1860. — Вып. 1. — С. 230; Тихонравов К. Город Муром, история его и древности // Тихонравов К. Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. — М., 1857. — С. 87.

⁴¹ Рогожский летописец // ПСРЛ. — Пг., 1922. — Т. XV. — Вып. 1. — Стб. 60, 64; Никоновская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1885. — Т. X. — С. 222; Симеоновская летопись // ПСРЛ. — СПб., 1913. — Т. XVIII. — С. 99; Московский летописный свод кон. XV в. // ПСРЛ. — М.-Л. — Т. XXV. — С. 179; Присёлков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. — Л., 1950. — С. 372.

⁴² Повесть о водворении христианства в Муроме. — С. 233.

⁴³ Там же. — С. 236; Лидов А. М. Чудотворные иконы в храмовой декорации. — С. 44. Любопытна сама противоречивость сведений о местонахождении чудотворной иконы, принесенной св. Константином, в справочных изданиях XIX в. — см., например: Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. — М., 1852. — С. 57; Благовещенский (верно — Богородицкий. — О. С.) собор. Составитель ошибся в названии городского собора, где находились мощи Петра и Февронии, но приведенные данные в основном действительно относятся к муромскому собору Рождества Богородицы. Исключением является упом. о чудотворной иконе Богоматери, которая по житийной версии находилась в Благовещенском соборе (с середины XVI в. — монастырском). Вероятно, отсюда и путаница в названии городского собора, на самом деле в котором находилась специально выполненная в 1829 г. копия чудотворной иконы Богоматери Муромской, почитавшейся в Рязани.

⁴⁴ Алексей, иеродиакон (Новиков). Благовещенский монастырь в Муроме. — М., 2007. — С. 35-37. Составитель указывает: «Наконец, в этом храме (Благовещенском. — О. С.) находилась главная святыня Муромо-Рязанского княжества — Богородичная икона греческого письма, принесенная в город святыми князьями из Чернигова». Он же отмечает: «Существует мнение, что эта древняя родовая княжеская икона изображала Благовещение Божией Матери. Архиепископ Ташкентский и Среднеазиатский Владимир: „Над просветленным краем воссиял Муромский образ Благовещения Пресвятой Богородицы — благою вестью заблудшим душам, источником множества чудес, предвещанием вечного спасения“. Этого же мнения придерживается монахиня Таисия (Карцева). Если с этим согласиться, то тогда можно объяснить появление у монастырского храма этого названия».

⁴⁵ Повесть о храме Богородицы, именуемом Одигон / Перевод, предисловие и комментарии А. М. Крюкова // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. — С. 465.

⁴⁶ Руди Т. Р. Похвальное слово Константину Муромскому

(некоторые проблемы исследования) // ТОДРЛ. — СПб., 2004. — Т. 56. — Приложение. С. 322-327. Публикация по списку 1640 г.; Серебрянский Н. Древнерусские княжеские жития. — М., 1915. — С. 239, 246-247. Приложение № 27.

⁴⁷ «Житие святого благоверного князя Константина и чад его, благоверных князей Михаила и Феодора, Муромских чудотворцев» по рукописи перв. пол. XIX в. МИХМ. Инв. № М-2325 // Сухова О. А. Житийная икона святых благоверных князей Константина, Михаила и Феодора Муромских. Александр Казанцев. 1714 год. — М., 2006. — Приложение. — С. 248.

⁴⁸ Описание святынь Константинополя в латинской рукописи XII века / Перевод, предисловие и комментарий Л. К. Маснеля Санчеса // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. — С. 442.

⁴⁹ МИХМ. Инв. № М- 6604. 199,5x250,5x4. См.: Сухова О. А. и др. Указ. соч. — Кат. 57. — С. 302-318. Ил. с. 303, 306-307, 310, 312-314, 316, 319; Сухова О. А. Житийная икона святых благоверных князей. — С. 7-8, 30. Ил. с. 48-53.

⁵⁰ Сиротинская А. А. Иконография святого Василия епископа Рязанского и Муромского на материалах муромского круга памятников // Муромский сборник. — Муром, 1993. — С. 27-30, 32; Сухова О. А. Житийная икона святых благоверных князей. — С. 18. Ил. с. 203-205; 208, 209; 212, 213; 216, 217; 220, 221; 224, 225; 228.

⁵¹ МИХМ. Инв. № М-6607. 174X143; Белоцветов Л., свящ. Муромский Богородицкий собор. — Муром, 1907. — С. 54-60; Брюсова В. Г. Русская живопись XVII века. — М., 1984. — С. 141-142; Дмитриева Р. П., Белоброва О. А. Петр и Феврония Муромские в литературе и искусстве Древней Руси // ТОДРЛ. — Л., 1985. — Т. XXXVIII. — С. 156-159. Рис. 20, 21; Масленицын С. И. Муром. — М., 1971. — С. 26. Ил. 54-57; Подобедова О. И. «Повесть о Петре и Февронии» как литературный источник житийных икон XVII века // ТОДРЛ. — М.-Л., 1954. — Т. X. — С. 240-304; Сухова О. А. Града Муром святые // Муромский сборник. — Муром, 1993. — С. 51; Сухова О. А. и др. Указ. соч. — Кат. 19. — С. 150-159. Ил. с. 151, 154, 155, 157, 158, 160-167; Сухова О. А., Смирнов Ю. М. Петр и Феврония Муромские. — М., 2008. — С. 94, 99. Ил. с. 95-97; Сухова О. А. Благоверные святые Петр и Феврония Муромские. Житие в иконе. — М., 2009.

⁵² В нем, конечно, только очень осторожно можно усматривать чтимый в городе богородичный образ, так как мы не знаем, ассоциировалось ли данное изображение у мастера или заказчика (муромского воеводы А. Ф. Палицына в 1617-1618 гг.) с тем образом, что принес муромский князь Константин. Нам неизвестно, назывался ли какой-либо чтимый в городе богородичный образ «Муромским», тем более что о почитании образа с этим названием в Муроме в это время нет сведений.

⁵³ См.: Дмитриева Р. П., Белоброва О. А. Петр и Феврония муромские в литературе и искусстве Древней Руси // ТОДРЛ. — Л., 1985. — Т. XXXVIII. — С. 174. Прим. 62; Сухова О. А. К вопросу об образце миниатюр поздних списков житий Муромского круга // Книжная культура

- Ярославского края. — Ярославль, 2007. — С. 28.
- ⁵⁴ Сухова О. А. К вопросу об образце миниатюр. — С. 23-30. Ил. с. 31-38.
- ⁵⁵ Подобедова О. И. Лицевая рукопись XVII в. «Сказания о граде Муроме и епископии его, како преиде на Резань // ТОДРЛ. — М.-Л., 1960 — Т. XVI. — С. 374-387.
- ⁵⁶ ГИМ. № 90550. Инв. № 9022. Разм. 26,5x20,5. Надписи сохранились фрагментарно. Благодарю Л. А. Корнюкову за возможность познакомиться с этим произведением, тогда нераскрытым. См. упом. о нем: Сухова О. А. Икона святых благоверных князей... — С. 219. Благодарю Л. Максимова за сообщение о реставрации иконы и готовящейся публикации ее изображения в статьях Православной энциклопедии.
- ⁵⁷ Кочетков И. А. Свод чудотворных икон Богоматери на иконах и гравюрах XVIII-XIX веков // Чудотворная икона в Византийской и Древней Руси. — С. 407, 409, 411, Сн. 10. С.417.
- ⁵⁸ Тихонравов Н. Город Муром, история его и древности // Тихонравов Н. Владимирский сборник. — М., 1857. — С. 87.
- ⁵⁹ Евсева Л. М., Шведова М. М. Афонские списки «Богоматери Портоитиссы» и проблема подobia в иконописи // Чудотворная икона в Византийской и Древней Руси. — С. 336, 344. Авторы указывают, что перед большой иконой, носимой в процессии (signa), находился образ малого размера, предназначенный для обряда проскинеза и целования (proskynesis).
- ⁶⁰ Архив МИХМ. — НА 29. — Л. 22/26.
- ⁶¹ Комашко Н. И. Икона «Богоматерь Муромская»... — С. 65-73; Сухова О. А. Житийная икона святых благоверных князей... — С. 22, 24.
- ⁶² Сидоренко Г. В. «Пята Спасителя». Об иконографической особенности некоторых чудотворных икон // Чудотворная икона в Византийской и Древней Руси. — С. 322.
- ⁶³ Комашко Н. Подписные иконы мастеров Оружейной палаты... — С. 84, 87; Бусева-Давыдова И. Л. Святые образы. — С. 369. Кат. 22.
- ⁶⁴ Кочетков И. А. Икона Муромской Богоматери. — С. 133-137.
- ⁶⁵ Собр. С. П. Рябушинского. Пост. из ГИМ в 1930 г. (14 399). На обороте доски надпись: «Собст. Рябушинский»; наклейка: «171. Богоматерь Муромская 16 в.»; «П. 5666/113. ГТГ. 14399»; наклейка: «Гос. Трет. № 1581 562/ 1 137/516» (из инвентарной карточки). См.: Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи. — М., 1963. — Т. II. — С. 257, 689. По мнению Г. В. Сидоренко, икона, хотя и считается московской школы, но, возможно — новгородской.
- ⁶⁶ Поступила из ГМФ в 1920-х гг. (6157). На полях приписаны в XIX в. четыре фигуры в рост. Икона записана. Имеется пробная расчистка (из инвентарной карточки). По мнению Г. В. Сидоренко, судя по пробе, икону можно датировать второй половиной XVI в. Она не исключает, что письмо может быть не столичным, а местным. См.: там же. — Кат. 694. С. 260.
- ⁶⁷ Инв. дерево, яичная краска, № 14582. 5667/45. Богоматерь «Муромская» 31x26,5. XVI в. Собрание. Из ГИМа № собр. 1708. История произведения. Из ГИМа 24 8. 30 г. Акт № 291. Шпонки новые. На фоне небольшие вставки левкаса. Красочный слой изображений значительно смыт. Фон счищен до левкаса. По краям полей небольшие выбоины левкаса» (из инвентарной карточки).
- ⁶⁸ Богоматерь Муромская из собрания Щукина в 1912 г., кон. XVI в, с приписными святыми на полях. 1. 1078/2823 (из инвентарной карточки).
- ⁶⁹ 73502/ч/2151. Богоматерь Муромская. Из собр. Чирикова. 31,5x27 (из инвентарной карточки).
- ⁷⁰ См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [p://www.museum.ru/C3323](http://www.museum.ru/C3323); halkidon2006.orthodoxy.ru; текст и илл. приводятся по изданию: Еремина Т. С. Мир русских икон: История, предания. — М., 2002. — С. 238-239.
- ⁷¹ Бусева-Давыдова И. Святые образы. — С. 50, 369. Кат. 22. Размер 24,8x21,3x1,9.
- ⁷² Богоматерь Муромская // Шесть веков русской иконы. — С. 189. Автор описания — И. Л. Бусева-Давыдова. Размер. 85,0x41.
- ⁷³ Плаксина Н. Е. Иконописцы и иконописные мастерские в Коми крае в XVII — нач. XIX вв. — Сыктывкар, 2010. — Ил. цв. вкл. между с. 24-25. (Благодарю Л. Максимова за сообщение об этой публикации); она же. Иконного дела мастер // Вестник культуры. — 2000. — № 1. — С. 37-42; Святые земли Коми. Церкви, часовни, монастыри, иконы / Сост. М. А. Першина. — Сыктывкар, 2007. — С. 131.; [Электронный ресурс]. — Режим доступа: mail@museum.ru Copyright (c) 1996-2011 Российская сеть культурного наследия; Инв. номер: КП-5730/5. Размер 96x73,6x4 см.; изображение, описание см.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.museum.ru/C3323>. В описях Ыбской церкви 1861 года упоминается образ Муромской Богоматери «старого письма», размеры которого — «1 аршин 6 вершков в высоту и 1 аршин 1 вершок в ширину», — совпадают с музейной. Икона, реставрированная в 1989 году, была дважды записана, причем записи сильно исказили первоначальный извод и изменили рисунок кисти руки Богомладенца, превратив дуперстное благословение, вероятно, расцененное как проявление «раскольничьей ереси», в именословное.
- ⁷⁴ См. об этом, например: Плеханова М. Б. Указ. соч. С. 151-156; 204-209.
- ⁷⁵ В Муроме по Писцовым документам первой трети XVII в. были два дома дяди царя — боярина Ивана Никитича Романова. Один находился в кремле «для осадного сидения», второй — «на горе Богатыревой» (РНБ. — Титова 3645. — Л. 14, 34). Известен и его вклад (водосвятная чаша с блюдом) в церковь села Арефино в заречной части Муромского уезда. Из того же храма поступила в музей несохранившаяся «серебряная золоченая панагия, с цепочкой» (XVII в.), по легенде принадлежащая патриарху Филарету (Романову) (НА МИХМ. 69. — Л. 31). В документах зафиксированы вклады царя Михаила Федоровича в муромский Спасский монастырь.
- ⁷⁶ Добронравов В. Г. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. — Владимир, 1897. — Вып. 4. — С. 15; Брун Т. А. К вопросу о возникновении сказания об Унженском кресте (Повести о Марфе и Марии) // Источниковедение литературы Древней Руси. — Л., 1980. — С. 216-226; Сухова О. А. Иконопись Муромы XVII — нач. XX в. / Сухова О. А. и др. Иконы Му-

- рома. — С. 23. Интересно заметить, что и иноческое имя матери царя также соименно одной из героинь «Повести об Унженском кресте».
- ⁷⁷ См.: Сиакин А. В. Строгановское лицевое шитье. — М., 2002. — Кат. 142.
- ⁷⁸ Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. — С. 250-252.
- ⁷⁹ Панагию некоторые исследователи датируют более поздним временем (1349-1390). См.: Этингф О. Е. К иконографии «Ласкающей Богоматери» («Гликофилусы») // Древнерусское искусство. Балканы. Русь. — СПб., 1995. — Прим. 35. С. 113. Однако другие, например, В. Г. Пущко считают, что для изменения атрибуции Н. П. Кондакова нет никаких оснований.
- ⁸⁰ Кондаков Н. П. Памятники христианского искусства на Афоне. — С. 43, 178, 222-224; он же. Иконография Богоматери. — С. 72-75. Ил. 63.
- ⁸¹ Лихачев Н. П. Историческое значение итало-греческой иконописи. — С. 144-145.
- ⁸² Покровский Н. Очерки памятников христианской иконографии и искусства. — СПб., 1900. — С. 63-65. Рис. 28.
- ⁸³ Лазарев В. Н. Византийская живопись. — М., 1971. — С. 277-280. Прим. 33 на с. 315.
- ⁸⁴ См., например: Иконы Ростова. — М., 2003. — Кат. 7. С. 70. Ил. с. 71. Богоматерь Умиление. Вторая половина — конец XV в. 46х36. Инв. № И-326. Происходит из церкви Димитрия Ростовского села Песошня Ростовского уезда. Вариант, близкий к Взыгранию. По мнению публикаторов Е. В. Гладышевой и В. И. Вахриной, «по традиции подобные изображения всегда рассматривались в тесной связи с темой жертвы Христа. Мотив ласкания Богородицы и Младенца интерпретировался как прообраз крестных страданий Христа и скорби Богоматери, обнимающей Его мертвое тело во время оплакивания»; см.: там же. — Кат. 63. С. 214. Ил. с. 215; Богоматерь с Младенцем. Вторая половина XVI в. 60х52,5. Инв. № И-640. Происходит из часовни в деревне Поникарово Ростовского уезда. Вклад крестьянина Потапа Ондреева. По мнению тех же публикаторов, «ее наиболее выразительные черты имеют сходство с древнерусскими памятниками, восходящими к иконам византийского круга. Так, жест руки Младенца, касающегося щеки Богородицы, и его поза напоминают образы Богоматери Взыграние (Пелагонитиссы). Изображение... ближе — „Киккотиссе“, хотя ее список на Руси появился гораздо позже».
- ⁸⁵ Бутырский М. Н. Византийское богослужение у иконы согласно типу монастыря Пантократора 1136 года // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. — С. 149; Этингф О. Е. Указ. соч. — С. 96.
- ⁸⁶ Лифшиц Л. И. Икона «Донской Богоматери» // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV-XVI вв. — М., 1970. — С. 90-91.
- ⁸⁷ Щенникова Н. А. Указ. соч. — С. 253.
- ⁸⁸ Иоанн Дамаскин. Слово на Рождество Богоматери // Избранные слова св. отцов и учителей церкви. — М., 1873. — С. 80. См.: Лифшиц Л. И. Указ. соч. — С. 87. На Муромской иконе Богомладенец держит в руке развернутый свиток. На некоторых иконах Богоматери свиток изображается свернутым. Это приводит к тому, что часто Муромскую икону Пресвятой Богородицы путают со Словенской иконой. См.: [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://resheto.ru/users/kozak532/art/64353>; maria.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=336:icona-bozhieimaterimuromskaya&catid=33:ikona-bogomateri&Itemid=3.
- ⁸⁹ «Пречистому образу Твоему поклоняемся...» Образ Богоматери в произведениях из собрания Русского музея. — СПб., 1995. — С. 174. Кат. 100. Автор описания Н. П. Пивоварова. Подробно рассматривает в том же ключе близкие ему богородичные образы и О. Этингф в работе о «Ласкающей Богоматери» (Прим. 35. С. 113).
- ⁹⁰ Макарий, архимандрит. Указ. соч. — С. 166; Иероним (Алякринский). Рязанские достопамятности. — Рязань, 1889. — С. 58.
- ⁹¹ См. об этой иконе: Щенникова Н. А. Новейшие иконографические типы Богоматери в российских монастырях XVIII-XIX вв. // Уваровские чтения-III. — Муром, 2001. — С. 65-73; более подробно об иконографии и семантике иконы см.: Бахарева Н. Н. Икона «Богоматери Серафимо-Дивеевской Умиление» // Там же. — С. 73-78
- ⁹² Воздвиженский Тихон. Историческое обозрение Рязанской епархии. — М., 1820. — С. 19.
- ⁹³ Комашко Н. И. Икона «Богоматерь Муромская» Симона Ушакова 1677 г. — С. 65-73; она же. Подписные иконы мастеров Оружейной палаты и их последователей. — С. 87. Ил. с. 84.
- ⁹⁴ Макарий, архимандрит. Указ. соч. — С. 165, 167.
- ⁹⁵ Евсеева Л. М., Шведова М. М. Указ. соч. — С. 345.
- ⁹⁶ Комашко Н. И. Икона «Богоматерь Муромская». — С. 70.
- ⁹⁷ Кочетков И. А. Свод чудотворных икон Богоматери на иконах и гравюрах XVIII-XIX веков — С. 407, 409, 411, сн. 10 на с. 417. То есть, с полным правом икона «Муромская» могла тогда именоваться «Рязанской» святыней. Книга С. Моховикова почти одновременна гравюрам Г. П. Тепчегорского. Гравюры датированы 1713-1714; книга завершена в 1715-1716.
- ⁹⁸ См.: Сухова О. А. Древности муромского Воскресенского монастыря // Уваровские чтения-V. — Муром, 2003. — С. 126.
- ⁹⁹ См.: Сухова О. А. Произведения муромского круга в собрании славянорусских рукописей А. А. Титова // История и культура Ростовской земли-2007. — Ростов, 2008. — С. 351.
- ¹⁰⁰ Макарий. Указ. соч. — С. 166, 167.
- ¹⁰¹ См.: Идеал любви и верности. Святые Петр и Феврония / Автор-составитель Т. Е. Сенчурова. Автор раздела «Исторические сведения» — игумен Никита (Добронравов). — Муром, 2008. — С. 37-38.
- ¹⁰² Приход храма свят. Василия Рязанского. Поселок Новоселки // [Электронный ресурс]. — Режим доступа:// <http://svt-vasily-ryazansk.prihod.ru/bibliocat/view/id/6849>.
- ¹⁰³ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.history-ryazan.ru/node/4800>.
- ¹⁰⁴ См.: Искусство рязанских земель. — М., 1993. — С. 11. Кат. 1. С. 18. Ил. 5. Автор раздела «Живопись» —

- Г. С. Клокова; [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vgd.ru/STORY/rubikon.htm>.
- ¹⁰⁵ Макарий, архимандрит. Указ. соч. — С. 167; НА МИХМ. Справка из Российского государственного исторического архива. РГИА. № 21 от 24.05.94 г. Называют и дату 1810 г. См.: Воздвиженский Т. Указ. соч. — С. 19. Прим. 1. До этого времени празднование иконе Муромской Богородицы совершалось во вторую неделю Петрова поста, потом было перенесено на Фомины недели.
- ¹⁰⁶ Макарий, архимандрит. Указ. соч. — С. 165-166, 167.
- ¹⁰⁷ Там же. — С. 167.
- ¹⁰⁸ См.: Белоброва О. А. Богородица Иверская в Муроме // Уваровские чтения-II. — С. 124-126.
- ¹⁰⁹ Ушаков Н. Н. Исторические сведения о иконописании и иконописцах Владимирской губернии // Труды ВУАК. — Владимир, 1906. — Кн. 8. — С. 117-120; Белоброва О. А. Богородица Иверская в Муроме. Кочетков И. А. Словарь русских иконописцев XI-XVII веков. — М., 2003. — С. 501. Указывает ошибочно, что икона хранится в муромском музее; О. А. Сухова и др. Иконы Муромы. — Кат.48.
- ¹¹⁰ Титов А. А. Статистическое обозрение города Муромы (1840 г.). — Владимир, 1900. — С. 6; Добрынкин В. Н. Муром прежде и теперь. — М., 1903. — С. 29. Добрынкин В. Муромский Богородицкий собор. — Владимир, 1916. — С. 10, 13. В 1883 году, по указанию епархиального архитектора Корицкого, западная часть Спасского (при колокольне) храма была разобрана и придел Муромской Богородицы уменьшен наполовину. Это изменение было вызвано тем, что западная и южная части здания архитектурой своей не соответствовали колокольне.
- ¹¹¹ См.: Добрынкин В. Н. Муром прежде и теперь. — С. 29, 60; он же. Муромская икона Божией Матери // Владимирские Епархиальные ведомости. — 1909. — № 16 (Отдел неофициальный). — С. 258-259. В Рязани ей совершается празднование в первую неделю по Пасхе, а в городе Муроме 3-го июля.
- ¹¹² О Тебе радуется. Чудотворные иконы Божией Матери / Автор-составитель Н. В. Дмитриева. — М., 2008. — С. 220.
- ¹¹³ Белоцветов Л., свящ. Муромский Богородицкий собор. — Муром, 1907. — С. 34.
- ¹¹⁴ МИХМ. Инв. № М- 6803. 7,8x22,5. См.: Сухова О. А. Шитый покров Муромских князей // ПКНО. 1990. — М., 1992. — Ил. с. 400.
- ¹¹⁵ Местная муромская св. праведная Иулиания ошибочно обозначена «мученицей».
- ¹¹⁶ Тихонравов. Указ. соч. в сн. 40. — С. 87.
- ¹¹⁷ Добрынкин В. Н. Муромская икона Божией Матери. — С. 259.
- ¹¹⁸ Белоцветов Л. Указ. соч. — С. 23; Добрынкин. Муромская икона Божией Матери. Там же; НА МИХМ. Инв. кн. № 26. Иконы и живопись на дереве. Рукопись 1930-х гг. Л. 51об.-52. Икона. МИХМ. Инв. № М-5059/1-2. Спец. № 94. Размер иконы-32x28.
- ¹¹⁹ Добрынкин В. Н. Муромский Богородицкий собор. — С. 19.
- ¹²⁰ Он постоянно находился в экспозиции древнерусского искусства с 1996 по 2011 г. Упомянут нами, см.: Древнерусское искусство // Муромский музей. Путеводитель / Сост. Т. Б. Купряшина. — М., 2003. — С. 79. (Автор раздела — О. А. Сухова).
- ¹²¹ Благодарю за сообщение о снимке и за присланное электронное изображение Елену Чумичеву, хранителя фонда фотографий Рязанского музея-заповедника.
- ¹²² Синельникова Т. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: // <http://www.history-gyazan.ru/node/4800>.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ О противоречивости сведений о местонахождении чудотворной иконы см. сн. № 43.
- ¹²⁵ Сенчурова Т. Е. Храмы и монастыри, упоминающиеся в каталоге // Сухова О. А. Указ. соч. — С. 366.
- ¹²⁶ «Житие святого благоверного князя Константина и чад его, благоверных князей Михаила и Феодора, Муромских чудотворцев» по рукописи перв. пол. XIX в. МИХМ. инв. № М-2325 // Сухова О. А. Житийная икона святых благоверных князей Константина, Михаила и Феодора Муромских. Александр Казанцев. 1714 год. — М., 2006. — С. 167, 169, 254.
- ¹²⁷ Белоцветов Л. Указ. соч. — С. 23-24.
- ¹²⁸ Инв. № М-6755. 38x31. См.: Сухова О. А. и др. Иконы Муромы. — Кат. 77.
- ¹²⁹ Надпись выполнена с некоторыми ошибками и повтором слов. См.: Акафист Пресвятой Богородице в честь чудотворной иконы Ее Муромской. — М. 1997. — С. 26.
- ¹³⁰ Троицкий альбом / Автор-сост. Т. Е. Сенчурова. — Муром, 2006. — Ил. на с.123.
- ¹³¹ Добрынкин В. Н. (Вл. Д-нь) Муромская икона Божией Матери. — С. 258
- ¹³² МИХМ. Инв. М-5062. 26,7x45,2. Живопись под темным слоем олифы. Упом. см.: Сухова О. А. Шитый покров Муромских князей. — С. 398.
- ¹³³ Смирнов Ю. М. Город Муром и Муромский полк // Рождественский сборник. — Ковров, 2010. — Вып. XVII. — С. 78-87.
- ¹³⁴ Там же. При упоминании походной церкви автор ссылается на: Цитович Г. А. Храмы армии и флота. — Пятигорск, 1913. — С. 211.
- ¹³⁵ Памятная листовка «Древняя Чудотворная Икона Божией Матери, именуемая «Муромская». (К изнесению Ея из гор. Рязани в Муром 1 июля ст. ст. 1918 г.) // МИХМ. — Инв. № М-13212/1; Церковно-приходская летопись Владимирской епархии Муромского Троицкого женского монастыря. Рукопись // МИХМ. — Инв. № М-9793.
- ¹³⁶ См.: Кручинин А. С. Муромское антисоветское восстание (1818): истоки и предыстория // Уваровские чтения -V. — Муром, 2003. — С. 283-286.
- ¹³⁷ См.: Летопись Свято-Троицкого женского епархиального монастыря г. Муром. К 20-летию возрождения обители. — Муром, 2011. — С. 22; [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.pstbi.ru/bin/db.exe/no_dbpath/koi/newmr/?NYZ9EJxGHoxITYZCF2JMTdG6XbuAeC9UfiGUfG*cVu0Xfi1VeeWd66mctO0cem00cC4ceymZceXb8E*.
- ¹³⁸ См.: Летопись Свято-Троицкого женского епархиального монастыря... — С. 54-55. Также приношу благодарность игуменье монастыря матушке Тавифе (Горлановой) за уточнение сведений об этих событиях.

¹³⁹См.: Сухова О. А. «Драгоценное шитье» святой Февронии по редакциям жития иконографии» // Рождественский сборник. — Ковров, 2010. — Вып. XVII. — С.157-168.

¹⁴⁰ См.: Сиротинская А. А. Указ. соч.; Сухова О. А. Жи-

тийная икона святых благоверных князей.

¹⁴¹ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.gyazancathedral.ru/kremlin/svyatyni.html>.

Т. М. Мосунова, Е. В. Цапаева (Москва)

ИССЛЕДОВАНИЕ ИКОНЫ «СПАС СМОЛЕНСКИЙ С ПРИПАДАЮЩИМИ СЕРГИЕМ И НИКОНОМ» ИЗ МИХМ

В 2010 году в темперном отделе ВХНРЦ им. И. Э. Грабаря была закончена реставрация иконы из МИХМ «Спас Смоленский с припадающими Сергием и Никоном»¹. Начальный этап реставрации выполнен Л. Б. Максимовой, основной и завершающий — Т. М. Мосуновой. В своей статье мы обобщим результаты исследований, проведенных в процессе реставрационных работ, а также рассмотрим вопросы происхождения и бытования иконы, ее стилистических и ико-

нографических особенностей.

На иконе (Рис. 1, 2) представлен стоящий в рост Христос Вседержитель в бледно-оранжевом хитоне и синем гиматии. Правой рукой он благословляет, в левой держит раскрытое Евангелие с текстом «ПРИДИТЕ КО МНЕ ВСЕ ТРУЖДАЮЩИЕСЯ...» (Мф. 11:28). В верхних углах композиции ангелы с орудиями страстей. Слева и справа изображены припадающие коленопреклоненные радонежские чудотворцы

Рис. 1. Икона «Спас Смоленский с припадающими Сергием и Никоном» до реставрации

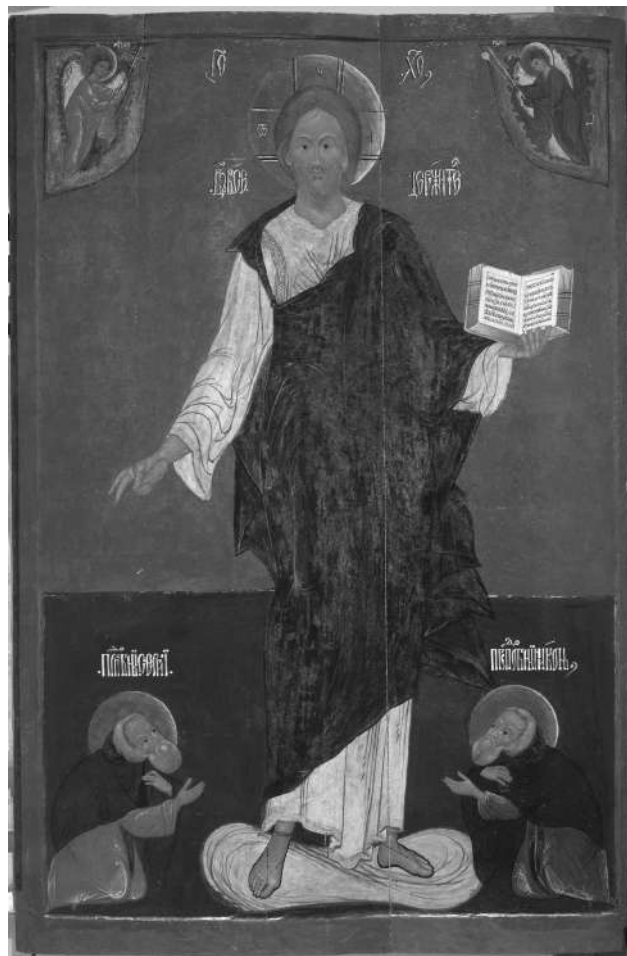

Рис. 2. Икона «Спас Смоленский с припадающими Сергием и Никоном» после реставрации

Сергий и Никон. Фон иконы оливково-коричневый, позем более темного оттенка. Опушь нимба с растушевкой и цветной описью, перекрестье и надписи «ИС ХС» «ГДЬ ВСЕДЕРЖИТЕЛЬ» выполнены сусальным листовым серебром. Надписи над головами припадающих белые.

Наиболее полно проблемы генезиса иконографии «Спаса Смоленского» были исследованы И. Л. Бусевой-Давыдовой. Считается, что первая икона с изображением ростовой фигуры благословляющего Вседержителя была помещена над Фроловскими воротами Кремля в 1514 году в связи с возвращением Смоленска под власть Москвы. В 1521 году ее, как полагают, заменил образ Спасителя с припадающими Сергием Радонежским и Варлаамом Хутынским, поскольку — по легенде — заступничество этих святых чудесно избавило Москву от нашествия крымского хана Махмет-Гирея².

Действительно, именно эти припадающие изображены на надвратной фресковой иконе, недавно открытой на Спасской башне Кремля и сохранившейся, по-видимому, раннюю композиционную схему. Более того, как считают некоторые исследователи, только подобный извод — с изображением Сергия и Варлаама — и может называться собственно «Спасом Смоленским»³. Следуя этой логике, муромский «Спас с припадающими Сергием и Никоном», как и иные варианты подобного сюжета, «Смоленскими» считаться не могут. Но в музейной практике и в литературе, которым мы и будем следовать, по сложившейся традиции «Спасом Смоленским» называются все иконы с изображением представленного в рост благословляющего Христа Вседержителя с раскрытым Евангелием в левой руке, ангелов с орудиями страстей и припадающих святых. Таким образом, муромская икона является одним из изводов «Спаса Смоленского».

Из инвентарной книги МИХМ следует, что икона поступила в музей из Горсовета в 1930 году. Однако имеются неоспоримые свидетельства ее происхождения из Спасо-Преображенского собора муромского Спасского монастыря⁴. В самом раннем из сохранившихся источников — Писцовой книге г. Муром 1623/24 г. — о нашей иконе говорится так: «*Да другой образ Спасов же со ангелы и с молящими святыми обложен*

серебром басмен(н)ым, венцы басмен(н)ые ж, позолочены» (Л. 89об.)⁵. Практически тот же текст повторяется и в писцовой книге 1636/37 годов (Л. 134об.)⁶.

В дореволюционной публикации 1904 года о Спасском монастыре приведены не только описания икон Спасо-Преображенского храма, но и их размеры, что позволяет идентифицировать памятники из иконостаса собора с теми, о которых говорится в более ранних описях и которые сейчас хранятся в музее: «*Образ Спасителя с изображением Ангелов вверху, а внизу — Преподобных; в меднопозлащенной, обронной работы ризе, с 5-ю венцами... Высота иконы два ар(шина) три вершк(а), ширина один ар(шин) семь в(ершков)*»⁷.

Икона «Спас Смоленский с припадающими» находилась в местном ряду иконостаса, справа от царских врат, рядом с храмовой иконой «Преображение», которая также хранится в МИХМ и датируется первой половиной XVI века. Важная деталь: обе доски имеют практически одинаковые размеры⁸, и это, казалось бы, дает основание предполагать, что и та, и другая написаны специально для этого иконостаса. Однако очевидно, что первоначальные пропорции иконы «Спас Смоленский» были изменены: у доски опилены верхнее и правое поля. Это подтверждается и непропорционально высоким — по сравнению с нижними шпонками — расположением верхних шпонок-«ласточек» на обороте иконы почти у самого края доски. Таким образом, не исключена вероятность того, что икона писалась не в Муроме, и коррекция размеров доски была связана с необходимостью разместить ее в уже существующем иконостасе. Основа иконы — а это липовая доска, состоящая из трех частей, — имеет такое значительное коробление, что потребовалась специальная работа по ее укреплению. Коробление основы, по нашему мнению, является следствием ее непрофессиональной подготовки изначально, но свою лепту могло внести и изменение условий содержания, перепады температуры и влажности, на что всегда реагирует дерево.

С оборота основа имеет две врезные шпонки. Что касается шести шпонок «ласточкин хвост», то все авторские «ласточки» утрачены, две из недостающих восполнены реставрационными⁹.

Однако помимо этих традиционных элементов крепления досок на иконе были обнаружены врезанные в основу деревянные шканты прямоугольного сечения, которыми доски соединялись изнутри. Нельзя признать это решение удачным, так как вследствие деформации дерева шканты вырвало из основы, выломав при этом часть древесины у стыка досок, что и потребовало реставрационного вмешательства. Возможно, не стоило бы заострять внимание на этой, казалось бы, чисто технической детали, если бы не одно обстоятельство: точно такой же прием укрепления основы использован на хранящейся в МИХМ иконе «Богоматерь Неопалимая Купина»¹⁰ из того же Спасо-Преображенского собора. На других муромских иконах подобные приемы нам не встречались. Мы предполагаем, что эта особенность могла быть связана с мастерской, в которой создавались обе иконы, и, возможно, эта мастерская была вне Мурома. Кстати, дополнительным подтверждением того, что обе иконы находились в одном иконостасе, служит сохранившаяся на их тыльных сторонах бледно-розовая побелка. Известно, что таким способом красили обороты икон во время ремонта храмов.

Перед началом работы икона «Спас Смоленский с припадающими Сергием и Никоном» была рентгенографирована, и рентген показал, что паволока на иконе не сплошная, а лежит фрагментами почти по всей поверхности. В процессе работы реставратор Т. М. Мосунова, постоянно наблюдая паволоку в утратах левкаса и в отверстиях от гвоздей, убедилась, что это обычная льняная серая ткань. Каково же было удивление реставратора, когда при зачистке левкаса в одном из гвоздевых отверстий она неожиданно увидела кусочек синей ткани. Оказалось, что такая необычная паволока просматривается и в других утратах левкаса вблизи стыка досок. Был сделан повторный рентген¹¹, а волокна ткани взяты на анализ. Рентгенограмма выявила, что синяя паволока шириной около 4,5 см и длиной более 40 см лежит вертикальным фрагментом вдоль левой трещины, слегка справа от нее, под изображением благословляющей руки Христа. Исследования паволоки¹² показали, что сделано настоящее открытие: ткань синего цвета — это стопроцентный хлопок (Рис. 3). Ценность находки в том, что найденный на муромском

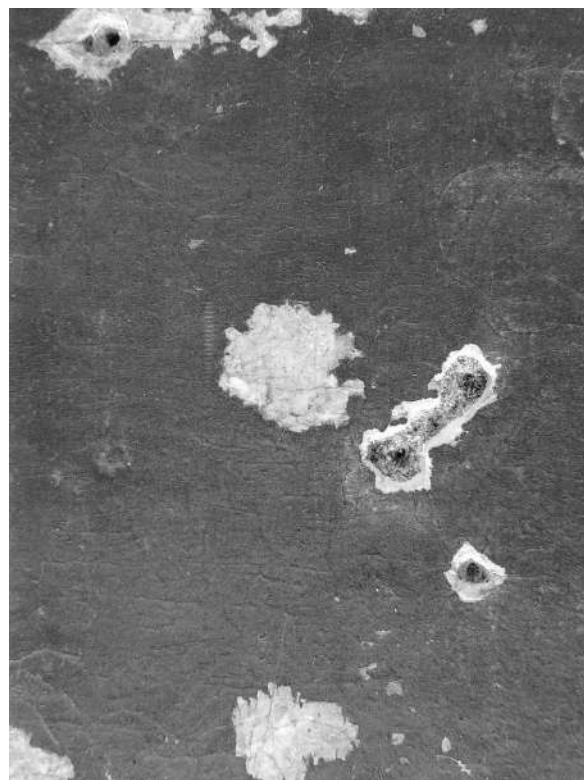

Рис. 3. Фрагмент иконы «Спас Смоленский с припадающими Сергием и Никоном» в процессе реставрации. В утрате левкаса видна синяя паволока

«Спасе Смоленском» хлопок — само по себе уникальное явление для икон ранее XIX века. Хлопок на Руси в XVI-XVII веках был весь привозной и стоил слишком дорого, чтобы использовать его для прикладных нужд¹³.

В то же время с точки зрения технологии применение хлопка в качестве паволоки кажется не совсем оправданным, ведь хлопковая ткань более подвержена разрушению (гниению), чем лен, поэтому крайне удивительно, что мастер использовал такую ценную и не самую крепкую ткань на месте стыка досок. Кроме того, применение такой дорогой ткани в качестве подложки для левкаса нерационально, ведь паволока ни при каких обстоятельствах не видна, будучи скрыта во внутренних слоях иконы. Поначалу появилась мысль о том, что из синей ткани путем вываривания добывали краску индиго, которой написан гиматий Христа, поскольку существовал такой способ ее получения, а сама краска привозилась с Востока и была крайне редкой и дорогой. Однако все больше мы склонялись к выводу: появление на иконе этой ткани не является случайностью. Если еще раз обратить внимание на местоположение этого фрагмента на иконе только на одном месте — ря-

дом с рукой Спасителя, то можно предположить, что эта «драгоценная» хлопковая паволока имела не только практическое, но и сакральное значение. Судя по тщательности описаний тканей из ризницы в Писцовых книгах раннего XVII века, можно сделать вывод о том, что ценились эти изделия не меньше икон и книг. И даже отслужившие свой век и обветшавшие, они не теряли своего священного смысла. Поэтому наша гипотеза состоит в том, что подобная святыня, многократно использованная в литургической практике — например, фрагмент ткани, возлагаемой на престол, либо часть облачения священника — могла быть подложена в качестве паволоки именно под благословляющую руку Христа. Крошечный фрагмент иконы под рукой Спаса реставратор специально оставил не заполненным левкасом для того, чтобы интересующиеся специалисты могли также увидеть эту удивительную находку.

Продолжая исследовать материальную структуру иконы «Спас Смоленский», отметим, что она написана на меловом грунте, что так же, как и липовые доски, чаще всего встречается в Муроме, то есть технологически икона не выпадает из круга муромских памятников. Впрочем, справедливости ради отметим, что это в целом характерно для памятников Средней Руси.

Этапы бытования иконы можно проследить

на примере поздних слоев записей, которых было несколько. Самый нижний — скорее всего второй половиной XVII века — был необычным: теплый светло-зеленый фон оттенялся темно-зеленым поземом с разбросанными по нему цветочками со стебельками и листьями; по розовым облакам шел рисунок двойником; нимб в виде очень длинных расходящихся лучей также был выполнен двойником. Цвет исправленных надписей был красно-оранжевым (Рис. 4).

При первом поновлении были сделаны и основные вставки грунта: на нижнем поле, а также в местах гвоздевых отверстий от крепления оклада, на тот момент утраченного. Скорее всего, это вынужденное «обновление» должно было скрыть следы варварского удаления басменного оклада с иконы. От гипотезы о возможной причастности польского отряда Лисовского к повреждению «Смоленского Спаса» пришлось отказаться, поскольку в Писцовых книгах Муроме и 1623/24, и 1636/37 годов икона Спаса упоминается с окладом и венцом. Напомним: «*Образ Спасов... обложен серебром басмен(н)ым, венцы басмен(н)ые ж, позолочены*». И этим сведениям мы, по-видимому, можем доверять, поскольку в тексте описи специально отмечены те иконы, которые пострадали во время иноземных набегов на Муром: «*Да образ пречистые Богородицы на*

Рис. 4. Фрагменты иконы «Спас Смоленский с припадающими Сергием и Никоном» в процессе реставрации. Контрольные участки записи XVII в. (цветы с листьями), разновременные записные слои на надписях

празелени бывал обложен, и тот де оклад ободрала Литва как приходил Лисовской». Такого же содержания комментарии относятся к иконам «Троица» и «Иоанн Богослов» из того же храма (Л. 90-90об.)¹⁴.

Следовательно, икона находилась под басменным окладом от момента создания до первого поновления XVII века. Что было причиной такого поспешного удаления оклада с иконы, точно сказать нельзя, но не исключено, что оно могло быть последствием никоновских реформ, когда иконы повсеместно подвергались обязательному «исправлению»¹⁵.

Второй слой записи с характерным синим фоном мы датируем XVIII веком, при этом красного цвета буквы «ИИС ХС», перекрывающие авторскую надпись «ГДЬ ВСЕДЕРЖИТЕЛЬ», исправлены в соответствии с никоновской редакцией¹⁶ (Рис. 5). Претерпел изменение и текст раскрытого Евангелия. На этот период на «Спасе» оклада уже не было, но, судя по количеству гвоздевых отверстий на нимбах, можно утверждать, что венцы снимали и набивали при каждом «обновлении» иконы.

При последнем (уже третьем по счету) поновлении, скорее всего, XIX века, фон иконы был грубо закрасен бронзовой краской (Рис. 1). Надписи на иконе отсутствовали, что говорит о том, что запись выполнялась «под оклад», который целиком закрывал изображение. И, действительно, подтверждение тому находим в уже цитированной дореволюционной описи 1904 года, в которой на иконе упоминается риза «обронной работы», то есть, по-видимому, чеканный оклад.

Далее рассмотрим композиционные и живописные особенности «Спаса Смоленского». Впечатление устойчивости и статичности композиции возникает вследствие контраста утяжеленной темным поземом и более крупными фигурами нижней части иконы и облегченной верхней, где углы зафиксированы симметричными сегментами, в которые вписаны ангелы с орудиями страстей в обрамлении «кружевной» завесы облачков. Фигуры на иконе нарисованы не очень профессионально, с долей схематичности: правая рука Христа кажется непропорционально удлиненной по сравнению с левой, с плохой наполняемостью — под одеждой не чувствуется пластики тела. Несколько

неумело нарисован клав на хитоне, своеобразна также и форма гиматия, перекинутого через правое плечо. Чувствуется, что иконописцу не хватает мастерства и профессиональной выучки в построении композиции и рисунка.

Обилие темно-коричневого незаполненного фона вокруг фигуры зрительно расширяет композицию, тем самым сближая нашу икону с муромскими памятниками, зачастую тяготеющими к почти квадратному формату. При этом нужно сделать поправку на сохранность иконы и представить, что ее фон и поля изначально были закрыты серебряной басмой, что, безусловно, влияло на ее образный строй.

При написании лика Спасителя иконописец явно ориентируется на классические древние образцы, как это предписывал Стоглавый собор, при этом некоторую живость выражению лица придают округлые глаза Спаса и легкий изгиб складки губ (Рис. 6). Характерной особенностью живописи нашей иконы является слишком теплое по тону личное письмо, в котором непривычно много киновари. Его можно отметить и на других муромских памятниках как более позднего периода, например, на иконе «Параскевы Пятницы» из Николо-За-

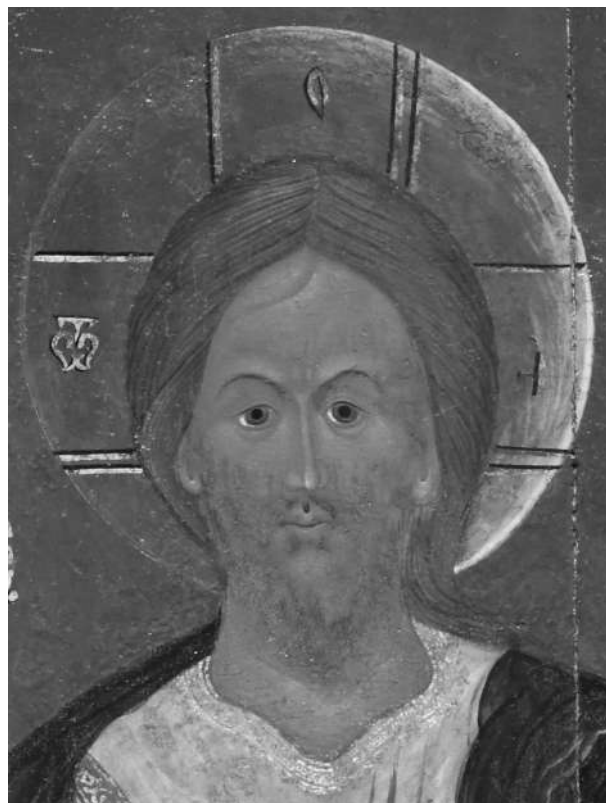

Рис. 6. Фрагмент иконы «Спас Смоленский с припадающими Сергием и Никонем» после реставрации. Лик Спаса

рядской церкви XVII века, так и на более ранних иконах, таких как «Богородица Шуйская» середины XVI столетия.

Мы вынуждены отметить, что на иконе, к сожалению, авторские живописные акценты и, следовательно, образное впечатление от живописи несколько ослаблены вследствие потертости красочного слоя, в частности, белильных разделок на гиматии. Этот участок живописи оказался как раз на самых выпуклых поверхностях доски, подвергавшихся наибольшему травмированию от соприкосновения с внешними воздействиями. Эти детали были, несомненно, более выразительны и близки по характеру к трактовке одежд припадающих.

Образы припадающих на муромском «Спаса» не отличаются индивидуализацией. Их фигуры, застывшие в почтительном предстоянии перед Христом, расположены строго симметрично по сторонам от подножия, как бы в зеркальном отражении. Повторяются позы и жесты рук, одна из которых прижата к груди, а другая обращена к Спасителю с мольбой о заступничестве. Лики радонежских чудотворцев с похожими крупными глазами и одинаково приподнятыми уголками бровей не наполнены персональными личностными чувствами и скопированы как будто с одного образца.

В целом нельзя не заметить некоторой двойственности впечатления от нашей иконы. При отмеченных чертах определенного непрофессионализма отдельные детали на иконе довольно выразительны: непривычный разрез округлых глаз Спасителя с чуть оттянутым нижним веком и крупными радужкой и зрачком, энергичные белильные движки, создающие ощущение напряжения и живости взгляда, — приметы индивидуальной манеры иконописца. Авторские буквы, выполненные серебром с черной обводкой для достижения эффекта объемности текста, по-своему даже изящны.

Палеографический анализ надписи, а именно особенности начертания букв и их соединения в вязь, а также лигатуры, выносы без титла и подтитлами, находят аналоги в памятниках второй половины XVI столетия, в частности, на лицевом шитье и на иконах. Для сравнения приведем довольно любопытную икону «Спаса» из Сергие-

во-Посадского музея-заповедника¹⁷, на которой буквы довольно близки нашим по начертанию. Да и в целом следует отметить определенные черты сходства двух образов: рисунок бровей, глаз, разделки прядей волос, абрис ушей; похожий прием написания нимба с растушевкой колера и изменением цвета описи; близкое цветовое решение как личного письма, так и фона. Э. С. Смирнова включает троицкого «Спаса» в круг московских памятников второй половины — конца XVI столетия¹⁸. Наша икона по своим художественным характеристикам также вписывается в стилистику этого времени. Мы полагаем, что муромский «Спас Смоленский с припадающими Сергием и Никоном» создан в конце XVI века и, следовательно, может быть одной из достаточно ранних икон этого извода из всех сохранившихся.

И, наконец, попробуем все-таки прояснить вопрос происхождения рассматриваемого памятника и для этого обратимся к его иконографическим особенностям.

Анализ даже некоторого количества икон с изображением «Спаса Смоленского» показывает, что интерпретация сюжета и видоизменение композиции связаны по преимуществу с образами припадающих святых, так как все остальные ее элементы достаточно устойчивы и ориентированы, надо полагать, на кремлевский протограф. Что же касается припадающих, то их выбор зачастую определяется местным почитанием святых, к примеру, на Соловках это Зосима и Савватий, в Кириллове Кирилл Белозерский и Кирилл Новозерский и т. д. На муромской иконе припадающими изображены Сергий и Никон Радонежские, что само по себе является редким вариантом. Нам, во всяком случае, другие иконы подобного сюжета не известны. Да и в Муроме почитались больше местные чудотворцы. Кстати, в собрании МИХМ есть еще одна икона «Спас Смоленский, с припадающими святыми» первой четверти XVIII века¹⁹, где — в соответствии с местной традицией — изображаются в числе других предстоящих муромские чудотворцы Петр и Феврония.

Что касается Сергия и Никона, не вызывает сомнения, что совместное почитание этих святых своим истоком имеет Троице-Сергиев монастырь, при этом традиция парного изображения Радонежских чудотворцев складывается

к концу XV века. Самые популярные сюжеты XVI и последующих столетий — это «Преподобные Сергий и Никон Радонежские» (молящиеся перед иконой Ветхозаветной Троицы), а также «Явление Богоматери Сергию» («Сергиево видение»), где наряду с другими святыми присутствует и Никон Радонежский.

Если сравнить изображения святых монахов Сергиева монастыря на муромском «Спасе» с иконами и шитьем второй половины — конца XVI века, то можно отыскать определенное сходство в деталях. Следует заметить, что чаще всего святые на иконах «Спас Смоленский» изображаются именно припадающими к ногам Христа, как, например, Сергий и Варлаам на иконе «Спас Смоленский с притчами» из музеев Московского Кремля²⁰, тогда как в нашем случае они представлены коленопреклоненными. Не случайно в описи 1623/24 г. они очень точно названы «молящими святыми». А ведь именно в такой позе — коленопреклоненным — изображен Сергий Радонежский на шитом покрове 1587 года «Явление Богоматери преподобному Сергию» (с Голгофским крестом), происходящем из Троице-Сергиевой лавры. Причем, поразительно не только сходство позы молящегося преподобного, но и своеобразный прием изображения нимба, который выглядит на обоих произведениях как полукруг, лежащий на плечах святого. Мы уже отмечали близость нашей иконы к памятникам Троицкого монастыря. Эти совпадения заставляют пристальнее присмотреться к возможному взаимодействию Муром, и в частности Спасского монастыря, с Троице-Сергиевой обителью.

Все источники по истории муромского Спасского монастыря ссылаются на предание о том, что в середине XVI века после завершения казанского похода Иван Грозный повелел построить в монастыре каменный храм, наделил монастырь вотчинами и открыл общежительство. Идея внедрения общежительного устава в монастырях при Иване Грозном и митрополите Макарии, безусловно, вызывала в памяти одну из первых киновий на Руси — Троицкий Сергиев монастырь. Преподобный Сергий и его последователь Никон, следовавшие заповедям нестяжания и духовного совершенствования, воспринимались как авторитеты в деле устройства «монастырского благочестия».

Появление в местном ряду иконостаса Спасо-Преображенского собора иконы с изображением преподобных Сергия и Никона Радонежских могло служить свидетельством приобщения монастырской братии к правилам киновийного устава. Муромские монахи могли обращаться к Троицким чудотворцам и как к заступникам-покровителям, молящимся о процветании и охране недавно обновленной обители в древнем городе, постоянно подвергавшемся чужеземным набегам.

Характерно, что «Спас Смоленский с Сергием и Никоном» — не единственное свидетельство почитания в Муроме Троицких святых. Писцовые книги XVII века зафиксировали в церкви Георгия в Кожевниках «образ преподобных отец Сергия и Никона радонежских чудотворцов на золоте» (Л. 50)²¹. В самом Спасо-Преображенском соборе была икона «Сергия преподобного». О ней мы узнаем из описи 1623/24 года. Согласно тому же источнику, на посаде г. Муром в 20-е годы XVII века среди белых дворов числился один церковный двор Троице-Сергиева монастыря²². Стоит напомнить и о том, что Троицкий монастырь владел большими земельными наделами в муромских краях. Этот вопрос хорошо изучен исследователями²³.

Определенным образом повлиять на интерес к Троицким святым подвижникам могла и официальная церковная канонизация Никона Радонежского, совершенная в 1547 году. В интересном исследовании, посвященном макариевским соборам 1547 и 1549 годов, А. Е. Мусин обращает внимание на взаимосвязь маршрутов царских богомолий Алексея Михайловича 1543-1552 годов со списком святых, которым было установлено соборное пение. Для нас важно то, что в перечне посещенных царем мест присутствуют и Троице-Сергиев монастырь, и Муром, поскольку в упомянутом списке одновременно с Никоном Радонежским были прославлены также и муромские святые, в числе которых были Петр и Феврония²⁴.

Любопытный факт приводит О. А. Сухова. Оказывается, что вкладчиком в муромский собор Рождества Богородицы житийной иконы с изображением Петра и Февронии был воевода Андрей Федорович Палицын, дядя которого Авраамий Палицын являлся келарем Троице-Сергиева монастыря²⁵. Существовало даже предпо-

ложение о том, что икона могла быть заказана в Троицком монастыре.

К сожалению, мы не располагаем материалами, позволяющими судить о том, какова была практика иконописания в Муроме в конце XVI века. От этого времени до нас дошли единичные разрозненные памятники, не всегда местного письма. Источники ранее первой четверти XVII века не сохранились. В писцовых книгах 1623/24 и 1636/37 гг. упоминается значительное число икон, находящихся в церквях Мурома, да и самих церквей было достаточно, чтобы испытывать насущную потребность в иконописцах, а вот о них самих нет никаких упоминаний, неизвестно даже, были ли это местные люди или пришлые. В. Я. Чернышев, исследовавший эту проблему, приходит к выводу о том, что «во второй четверти XVII в. в Муроме зародилась монастырская иконописная мастерская»²⁶. Означает ли это, что ранее большая часть живописной продукции для храмов была привозной, либо то, что в городе самостоятельно работали мастера, не объединившиеся в производственную артель?

Иная картина складывается к этому времени в Троицкой обители. По заключению Л. М. Воронцовой, «иконописание как определенный вид художественной деятельности существовало в Троице-Сергиевом монастыре на протяжении XV-XVI столетий», в монастыре им занимались «и сами иноки, и крестьяне подмонастырских сел, и приглашенные мастера», при этом «монастырские ремесленники, монахи или даже келари... выполняли определенное послушание или делали

иконы на заказ»²⁷.

Таким образом, анализ совокупности разрозненных свидетельств дает основание предложить несколько гипотез, связанных с происхождением иконы «Спас Смоленский с припадающими Сергием и Никоном»:

— икона могла быть написана в конце XVI века мастером, близким к Троице-Сергиеву монастырю, о чем свидетельствует выбор представленных на иконе святых и стилистические особенности памятника;

— икона могла быть исполнена по заказу в мастерской Троицкого монастыря и затем перевезена в Муром. Она могла быть вкладом в Спасский монастырь какой-либо знатной московской или местной персоны;

— автором ее мог быть местный муромский мастер, знакомый с московскими иконами подобного сюжета, либо иконник, связанный с Троицкой обителью, но проживавший на ее подворье в Муроме.

И поскольку по одной из версий мы не исключаем возможности изготовления иконы в обители преподобного Сергия, стоит напомнить о той сакральной частице иконы — редкой хлопковой синей паволоке, которая скрыта под ее живописью. Уж не была ли сама эта святыня связана с Троице-Сергиевым монастырем?

Надеемся, что дальнейшее изучение иконы поможет найти ответы на большинство поставленных вопросов, а наш материал послужит базой для этого.

¹ МИХМ. Инв. № М-6630. Размер 155x103. КП ВХНРЦ-3609.

² В середине XVII века по указу царя Алексея Михайловича Фроловская башня Кремля была переименована в Спасскую по находящейся над проездными воротами иконе «Спас Смоленский».

³ Подробнее об этом и в целом об иконографии «Спаса Смоленского» см.: Бусева-Давыдова И. Л. «Бог посреде его»: о редкой иконографии Спаса Вседержителя // Искусствознание. — 2003. — № 2. — С. 230-233.

⁴ Впервые это отмечено О. А. Суховой. См.: Сухова О. А. Древности Муромского Спасского монастыря // Уваровские чтения-III. — Муром, 2001. — С. 29.

⁵ Сотная с писцовых книг г. Мурома 1623/24 г. — Владимир, 2010. — С. 66.

⁶ См.: Писцовая книга г. Мурома 1636/37 г. — Владимир, 2010. — С. 84.

⁷ Опись Муромского Спасского 3-го класса монастыря

и древних предметов, в нем находящихся. Составлена июня дня 1904 года. г. Муром // МИХМ. НА. — № 29. — Л. 2.

⁸ «Спас Смоленский» — 155x103; «Преображение» — 154x105. МИХМ. Инв. № М-6620. См.: Сухова О. А. и др. Иконы Мурома. — М., 2004. — Кат. 4, воспр. на с. 87.

⁹ Реставрационные работы с основой (сплочение и укрепление досок, изготовление и восполнение двух недостающих шпонок-«ласточек») выполнены реставратором отдела С. В. Савиним.

¹⁰ МИХМ. Инв № М-6640. Размер 135,5x97. В настоящее время икона находится на реставрации в темперном отделе ВХНРЦ имени И. Э. Грабаря. КП ВХНРЦ-3603. Реставратор М. В. Наумова. Реставратор основы С. В. Савин.

¹¹ МИХМ. Инв № М-6640. Размер 135,5x97. В настоящее время икона находится на реставрации в темперном отделе ВХНРЦ имени И. Э. Грабаря. КП ВХНРЦ-3603.

Реставратор М. В. Наумова. Реставратор основы С. В. Савин.

¹² Исследование паволоки методами микроскопии в отраженном свете и морфологического анализа волокон проведено научным сотрудником ВХНРЦ А. Я. Мaziной. Съемка научного сотрудника ВХНРЦ Е. В. Кугучевой.

¹³ Попытки заведения отечественного хлопководства предпринимались царем Алексеем Михайловичем в 1665 и 1672 годах. Ни одна из них не увенчалась успехом. Только в первой четверти XVIII в. полотняное производство было организовано в Москве обрусевшим голландцем Иваном Тамесом, и лишь при Екатерине II был издан манифест, разрешавший повсеместное устройство хлопчатобумажных заведений. До этого весь хлопок привозился из-за границы. Подробнее см.: Неелов В. И. Ткачество: от плетельных рам до многозевных машин. — М., 1986. — С. 40-41.

¹⁴ Сотная с писцовых книг г. Муром 1623/24 г. — С. 66.

¹⁵ Подробнее о икононовских реформах иконописания см.: Тарасов О. Ю. Икона и благочестие: Очерки иконного дела в императорской России. — М., 1995. Следует также отметить, что в Муроме сопротивление икононовским нововведениям было довольно сильным. Известно, что за старую веру пострадал муромский протопоп Лонгин (по некоторым источникам — Логгин), который был осужден, расстрижен и умер в тюрьме. Другой ревнитель «староверия» архимандрит Антоний в 1662 году был отстранен от управления Спасским монастырем и сослан в Кирилло-Белозерский монастырь.

¹⁶ Официальная церковь после Большого Московского собора (1666 г. — *Прим. авт.*) предписывала исправлять

на старых иконах двуеперстие и титул «IC XC». Тарасов О. Ю. Указ. соч. — С. 90.

¹⁷ Сергиево-Посадский государственный историко-художественный музей-заповедник. Дерево, темпера 41x34. Инв. № 2735.

¹⁸ Смирнова Э. С. Московская икона XIV-XVII веков. — Л., 1988. — С. 305. — Кат. № 189.

¹⁹ МИХМ. Инв. № М-6677. Размер 98x62. КП ВХНРЦ-3606. Реставратор Т. М. Мосунова. Мастер XVIII века, безусловно, не только знал нашу икону на период ее второго поновления, но и заимствовал из нее отдельные композиционные элементы.

²⁰ Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». Инв. № Ж-2356. Размер 114x118.

²¹ Сотная с писцовых книг г. Муром. — С. 45.

²² Там же. — С. 19.

²³ См. об этом: Черкасова М. С. Землевладение Троице-Сергиева монастыря в Муромском уезде в XV-XVII веках // Уваровские чтения-III. — Муром, 2001. — С. 131-136.

²⁴ См.: Мусин А. Е. Соборы митрополита Макария 1547-1549 гг. и проблема авторитета в культуре XVI в. // Древнерусское искусство. Русское искусство позднего средневековья: XVI век. — СПб., 2003. — С. 146-165.

²⁵ Сухова О. А. и др. Указ. соч. — С. 152.

²⁶ Чернышев В. Я. Муромские иконописцы XVII-XVIII веков // Уваровские чтения-III. — Муром, 2001. — С. 201.

²⁷ Воронцова Л. М. О монастырском иконописании в XV-XVII веках (на материалах Троице-Сергиева монастыря) // Исследование и реставрация памятников культуры Русского Севера. — Вологда, 2000. — Вып. VIII. — С. 26.

Т. М. Мосунова (Москва)

ИСТОРИЯ РЕСТАВРАЦИИ МУРОМСКОЙ ИКОНЫ XVI ВЕКА

«СВЯТОЙ ИОАНН КРЕСТИТЕЛЬ»

В 2009 году в ВХНРЦ поступила на реставрацию икона второй половины XVI века «Святой Иоанн Креститель»¹ из Муромского историко-художественного музея (Рис. 1). При обследовании иконы стало ясно, что живопись находится под поздней записью. Для принятия решения об ее удалении был сделан рентген². Он показал хорошую сохранность нижнего слоя живописи, изменения в рисунке правой руки и лица, а также пейзаж на поземе, выполненный в традиции XVIII века.

Пробное удаление записи в левой части иконы обнаружило два слоя поновлений и слой живописи XVI века, лежащий на грунте, который на профессиональном языке реставраторов называется «авторским». Под верхним масляным слоем XIX века была промежуточная запись XVIII века.

© Мосунова Т. М., 2012

Реставрационный совет отдела постановил удалять все слои записи одновременно, чтобы не травмировать тонкий авторский слой многократным воздействием растворителя. Пейзажный позем и изменения рисунка нужно было зафиксировать фотосъемкой³, поэтому при расчистке оставались контрольные участки со слоями записи (Рис. 2). По ним можно проследить характер и особенности иконописи, соотнесенные со временем поновления иконы.

Авторский слой живописи тонкий, с уплотнением только при проработке объема лица и открытых частей тела. Иконописец свободно работает жидкой краской, оставляя следы мазков кисти, изображение выходит из ковчега на поля. Колорит очень теплый, везде присутствуют ки-

Рис. 1. Икона «Святой Иоанн Креститель» до реставрации

Рис. 2. Икона «Святой Иоанн Креститель» в процессе реставрации

Рис. 3. Икона «Святой Иоанн Креститель»: завершающий этап реставрации

новарь и желтый аурипигмент⁴. При раскрытии авторского слоя стали видны близкие по цвету прописи в местах утрат краски. Эти тонировки, скорее всего, принадлежат XVII веку, т. к. они находятся под слоем записи XVIII века. Очевидно, промывая потемневшую авторскую олифу, реставратор XVII века невольно уничтожил часть живописи и восполнил утраты, почти не меняя рисунка и колера автора. Такой деликатный подход к тонированию утрат живописи, пусть даже с заходом на авторский слой, без сплошной записи иконы, нам встречается только второй раз за почти сорок лет работы реставратором. К сожалению, сильно пострадал санкирь лика, и был неудачно прописан левый глаз святого. Исследуя под би-

нокуляром лик, удалось найти авторский зрачок и восстановить рисунок левого глаза по остаткам первоначальной живописи. Светложелтые фон и поля покрыты окладом, который сохранился с небольшими утратами. Он был изготовлен из позолоченной меди с глубоким рельефом узора.

После поновления в XVII веке живопись покрыли олифой, но в следующем столетии ее смыли и записали икону полностью. В этот раз иконописец внес изменения, соответствующие стилю его времени. Прежде всего, он постарался уравновесить, успокоить композицию и все изображение перевел внутрь ковчега: убрал части оклада на поземе, перекрыл поля и оклад бронзянкой, отделив этим поля от средника. Был выпрямлен силуэт

свитка, четко написаны буквы, слегка изменен текст (автор: «Се ягнецъ кжій // взмла грехи // всего мира по // кайтеса и при // ближи ко ея // црѣтко нк[е]ноѣ // Ѹже ко н екира» Ин. I, 29; Мф. III, 2, 10; запись: «Се ягнецъ кжій // вземлай грѣх // хи мира покаяте // ея приближи // ко ея црѣтко // нк[е]ноѣ. Ѹзъ // обѣщъ крѣпаю // въ водою // в покаяние» Ин. I, 29; Мф. III, 2, 11), перекрашен непривычный красный оборот свитка белилами. На поземе появился пейзаж с горками, деревьями, кустами и цветами. Иконописец записал двуперстие, выровнял контур головы, лик сделал более округлым. По колориту личное письмо похоже на авторское, чуть потемнее. Перед записью поновитель процарапал по авторской живописи складки одежд, слегка изменив их согласно канону, с тем, чтобы после прокладки основного колера воспользоваться видимым рельефом царапин для светотеневой проработки. Одежду написал небесным синеголубым цветом, распространенным в XVIII веке.

В XIX веке покрывную олифу опять смыли, хотя в практике поновителей чаще встречаются случаи, когда икону записывали по олифе, что значительно облегчало работу современных реставраторов. Верхний масляный слой повторяет рисунок промежуточной записи. В цвете живопись стала сдержанней, глуше: коричневая шерсть милоти, зеленый гиматий, коричневый позем. Интересно сравнить два коричневых позема XVI и XIX веков. Авторский коричневый тон обогащен включениями золотистого аурипигмента, крупнотертыми белилами, углем, киноварью⁵. Колер XIX века — это просто краснокоричневая краска. В верхнем слое записи личное написано телесным цветом, ноги укрупнены, их рисунок выдает знакомство живописца с академическим искусством. Мастер не тронул свиток, используя надпись XVIII века. На утратах оклада кое-где он прибил фольгу, где-то подкрасил охрой, затем покрыл оклад олифой вместе с живописью. Вдоль изображения рук и ног остались крупные железные гвозди и отверстия от них. Такие же гвозди встречаются по полям и фону на окладе, под несколькими остались обрывки серых металлических пластинок. Что же крепились этими гвоздями? Это мог быть металлический рельефный оклад, закрывающий всю живопись, кроме личного письма, или,

возможно, бархатная риза с цветными камушками, которая упоминается в описи Преображенского собора 1904 года⁶. Во всяком случае, ни под одним гвоздем не было найдено оборванных нитей ризы.

По документам известно, что икона поступила в музей из Преображенского собора Спасского муромского монастыря 28 августа 1923 года⁷. В сотной книге города Муром 1623/24 годов⁸ читаем в описи местного ряда Преображенского собора: «Образ Ивана Предтечи обложен медью, позолочен». Наша ли это икона? Фигура святого изображена в повороте, как пишут на иконах деисусного ряда (Рис. 3). Сохранилась одна икона деисусного чина иконостаса собора «Святитель Иоанн Златоуст»⁹ размером 190x81, скорее всего московской работы. Икона «Святой Иоанн Креститель» по стилю далека от этой иконы и размер ее 160x51. Образ написан во второй половине XVI века, т. е. приблизительно в одно время со строительством храма, что исключает возможность ее переноса из более древней церкви. По приведенной описи и по иконам из местного ряда, хранящимся в музее, только на иконе Иоанна Предтечи позолоченный медный оклад, на остальных — серебряный. Нечасто на деисусной иконе лик и взгляд святого обращен не в сторону центральной иконы с изображением Спасителя. Поэтому нельзя отрицать возможность принадлежности нашей иконы к местному ряду иконостаса. Кроме того, вряд ли на иконе деисусного чина в XVIII веке написали бы пейзаж.

В уже упомянутой описи 1904 года написано: «На северной стороне против столпа, на стене в вызолоченном киоте — образ св. Иоанна Крестителя. Риза бархатная шитая, украшенная простыми разноцветными камнями. Венец металлический вызолоченный, чеканной работы. Высота образа два ар. три с половиной в., ширина три четверти ар. Доска деревянная гладкая. Фон темно-ореховый. XVII». Судя по размерам, речь идет о нашей иконе, к тому же низ ее правой боковой стороны слегка стесан, на ней сохранились остатки деревянных гвоздей, возможно, с их помощью она крепилась к киоту. Этим сообщением подтверждается, что икона и в XIX веке находилась не в деисусном ряду.

Надо сказать, что как только было сделано пробное раскрытие до авторского слоя, стало

ясно — икона принадлежит кисти муромского художника XVI века, написавшего уже известные нам пять икон: «О Тебе Радуется»¹⁰, две иконы «Святитель Николай Чудотворец»¹¹, «Богоматерь Одигитрия с избранными святыми»¹² и маленькую четырехчастную икону с праздниками¹³. Об этих иконах нами был прочитан доклад на конференции «Уваровские чтения-VI»¹⁴.

Прежде всего, общим является теплый колорит этих икон с большим количеством аурипигмента, сверкающего в смесях, как кусочки золота. Синий индиго встречается в обводке нимбов, на изображении одежд, со сходными приемами белильных разделок (иконы «Святой Иоанн Креститель» и четырехчастная).

Самое необычное в иконах — это характерное личное письмо. Тонкий слой светлокорицевого санкиря с явными кистевыми мазками, по нему лежит плотное желтоватое вохрение. Санкирь не залессирован в тенях, поэтому происходит резкий перепад в тоне, например, под подбородком на шее. Уши нарисованы в виде петелек, часто чуть ниже, чем надо, а брови высоко приподняты. Руки и ноги написаны с четким акцентом суставов и мышц. Одежды пройдены жидким колером, по нему идут графичные белильные разделки углами и прямоугольными длинными плоскостями.

Мастер пишет свободно, широко, его не удерживает лужа средника, живопись захватывает поля; даже свитку с Евангельским текстом не хватает места на иконе. Он набирает колер на кисть и пишет, пока краска не кончится. Поэтому, например, на четырехчастной иконе одни лики светлее других, т. к. во втором случае в санкире полный набор пигментов, а у светлых только часть их. По этой широте и скорости работы можно предположить, что автор был фрескист, привыкший быстро работать на больших плоскостях. На всех шести иконах меловой грунт неравномерной

толщины, ноздреватый, с царапинами и ямками на поверхности.

Доски везде липовые, в щите иконы не больше двух досок, даже очень широких («О Тебе Радуется» 152x98). Доски склеивались в шип, т. н. гусем, в них врезались по две сквозные шпонки. Иконы «Богоматерь Одигитрия с избранными святыми» (52x39) и четырехчастная (33,5x26,5) выполнены на цельной доске без шпонок. «Святой Иоанн Креститель» также написан на одной доске, шириной 51 см, имеющей обзол на боковой стороне (так называется часть древесины, близкая к коре ствола), у нее сквозные шпонки, как на других крупных иконах.

Таким образом, единство стиля, техники и технологии, а также своеобычность живописи этих шести икон позволяет считать их не просто вышедшими из одной мастерской, а, скорее всего, произведениями одного большого мастера, жившего и работавшего в Муроме во второй половине XVI века.

Дальнейшее исследование после окончания реставрации даст ответы на вопросы, возникшие при работе над этой темой. Нужно уточнить происхождение мастера. Поражает смелость живописи, не свойственная русским иконописцам, размах и широта кисти, когда, например, свиток с Евангельским текстом обрезается краем иконы. Непривычный красный цвет свитка нашелся только на македонской иконе Иоанна Предтечи XV века¹⁵.

Заметно особое отношение мастера к царю Ивану IV. На иконе «Богоматерь Одигитрия с избранными святыми» небесный патрон Ивана Грозного Иоанн Предтеча выделен не только расположением в центре верхнего ряда святых и золотом нимба, но и поразительной надписью: «Оагиос Иван Мудрый».

¹ МИХМ. Инв. № М-6621. 160x51.

² Рентген выполнен инженером-рентгенологом ВХНРЦ им. И. Э. Грабаря Н. М. Устиновой.

³ Фотосъемка сотрудника ВХНРЦ им. И. Э. Грабаря А. А. Смирнова.

⁴ Пигменты определены визуальным методом автором статьи.

⁵ Анализ пигментов выполнен научными сотрудниками ВХНРЦ им. И. Э. Грабаря М. Г. Кононович и А. Я. Мазиной.

⁶ Опись Муромского Спасского 3-го класса монастыря

и древних предметов, в нем находящихся. Составлена июня дня 1904 года. Г. Муром // МИХМ. НА № 29. — Л. 2.

⁷ Беспалов Н. А. Муромский Спасский монастырь // Уваровские чтения-VI. — Муром, 2006. — Стр. 434.

⁸ Сотная с писцовых книг г. Муром 1623/24 г. — Владимир, 2010. — С. 66.

⁹ Иконы Муром. — М., 2004. — Кат.7.

¹⁰ Иконы XIII-XVI веков в собрании музея имени Андрея Рублева. — М., 2007. — Кат.103.

¹¹ Иконы Муром. — Ил.7; кат.8.

¹² Там же. — Кат. 6.¹³ Там же. — Кат. 11.¹⁴ Мосунова Т. М. Иконы святого Николая Чудотворца из Мурома // Уваровские чтения-VI. — Муром, 2006.

— С. 220-221.

¹⁵ Древности монастырей Афона X-XVII веков в России. — М. 2004. — С. 238.

А. А. Сиротинская (Муром)

ИКОНА «УСПЕНИЕ БОГОРОДИЦЫ» 1732 ГОДА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ МУРОМСКОГО МУЗЕЯ

В коллекции Муромского историко-художественного музея хранится икона «Успение Богородицы» 1732 г.¹, которая недавно вернулась из реставрации в ВХНРЦ имени академика И. Э. Грабаря. В процессе реставрационных работ этой иконы раскрылись возможности для исследования, которое представляет несомненный интерес для специалистов.

Размер памятника небольшой — (30,5x36 см). Икона имеет горизонтальную композицию Успения, которая расположена в среднике иконы, а на боковых широких полях изображены в рост четыре фигуры избранных святых. На верхнем поле в центре — полуфигура Саваофа.

На нижнем поле иконы находится овальная формы картуш с надписью: «ИСТИННОЕ ИУОБРАЖЕНИЕ ЧУДОТВОРНИЯ ИКОНЫ ОУСПЕНИЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ ПЕЧЕРСКИЯ ИУОБРАЗИСЯ ВЪ КИЕВЕ РОКУ А ЛК (1732. — А. С.) МЦА ДЕКАБРЯ К. Д. (24. — А. С.) П: М». Из надписи следует, что эта икона является списком с чудотворного образа «Успение Богородицы Печерской», и что написана она в Киеве в 1732 году. Последние буквы в надписи: «П. М.» означают, вероятно, «Печерский монастырь». Тот факт, что на лицевой стороне доски имеется надпись о времени и месте создания данного памятника, дает возможность представить всю историю его бытования.

Во время обследования фонда древнерусского искусства нашего музея реставраторами темперной живописи ВХНРЦ им. И. Э. Грабаря было рекомендовано реставрировать эту икону². Интерес реставраторов вызвал тот факт, что в местах утрат грунта, значительно разрушенного в средней и правой части средника, а также на полях, просматривалась нижележащая, более ранняя, живопись. По терминологии реставраторов

нижний слой живописи называется «авторский» в отличие от всех последующих слоев. На данной иконе поверх авторской живописи был нанесен новый левкас и написана новая композиция. Специалистам известно, что древние иконы время от времени записывались, как говорят — «поновлялись». Это поновление иконы и было сделано в 1732 году, как указывает надпись. Кроме того, еще раз, но неравномерно, она была прописана в XIX веке и сверху покрыта толстым слоем олифы, потемневшей со временем. Итак, икона представляла собой многослойное произведение с существенными повреждениями верхнего красочного слоя, причем фрагменты живописи верхнего слоя были подклеены не на свои места, а в случайном, хаотическом порядке. Поскольку олифа, покрывавшая живопись, темнела через 50-70 лет, то, как правило, икону прописывали по этой темной олифе. В нашем случае на авторскую живопись положен новый левкас со своим слоем живописи. Это встречается редко. В ВХНРЦ им. Грабаря этому памятнику был сделан рентгеновский снимок, который показал, что нижняя сохранившаяся авторская живопись имеет тот же сюжет «Успение Богородицы», но выполнен он в вертикальном формате доски. На рентгенограмме хорошо видны четыре фигуры на правом и левом боковых полях, надписи между этими фигурами, фрагменты архитектуры в верхней части иконы, фигуры святых в центральной части, фрагменты жемчужных украшений³. Если верхний живописный слой датируется 1732 годом, то нижний, как минимум, может быть XVII веком. Как известно, основной смысл работы реставратора заключается в освобождении памятника от поздних напластований и возвращении ему первоначального авторского замысла. Но если поздний слой представляет и художественную, и историческую ценность, то как

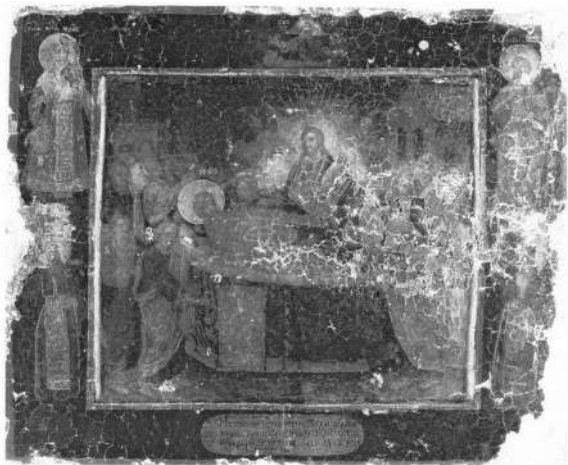

Рис. 1. Икона «Успение Богородицы» 1732 года до реставрации

быть? На этой проблеме акцентировала внимание сотрудник темперного отдела ВХНРЦ Е. В. Цапаева: «А могут ли эти поздние слои представлять какую-то самостоятельную ценность, и как следует поступать в случае положительного ответа на вопрос»⁴. Этот вопрос неизбежно возникает среди специалистов, и каждый раз необходимо найти индивидуальный ответ для каждого отдельно взятого памятника. В данном случае мы столкнулись именно с такой проблемой, и это способствовало тому, чтобы как можно более глубоко исследовать историю варианта верхнего слоя записи, представляющего в сюжетном, образном и художественном отношениях законченное произведение.

Первым предложением реставраторов было произвести расслоение живописных слоев, т. е. отделить верхний записной слой с левкасом без нанесения вреда авторской живописи и перенести его на другую основу. Были опробованы несколько применявшихся на практике способов расслоения живописи, к сожалению, не давших положительного результата⁵. И, поскольку при проведении данной операции риск повреждения нижнего слоя живописи остается слишком высоким, то выполнить расслоение в настоящее время невозможно. Реставрационный совет принял другое решение: довести верхний записной слой до экспозиционного вида, оставив авторский, как он есть, до будущих времен. Реставрация нашей иконы была поручена С. Н. Добрынину, который является не только реставратором-практиком, но и искусствоведом-исследователем⁶.

Следует напомнить, что запись XVIII века повторяет авторский сюжет, но выполнена

не в вертикальном, а в горизонтальном формате. Как следует из надписи, икона выполнена в Киево-Печерском монастыре в 1732 году и по всем признакам относится к так называемому «Киево-Печерскому Успению», имеющему свою особую иконографию. Исследованию иконографии «Киево-Печерского Успения» посвящены работы известных специалистов: Э. С. Смирновой «Киево-Печерское Успение. Икона-реликварий XI века в свете письменных и изобразительных источников»⁷, В. Г. Пуцко «Икона Успения Богородицы из с. Красное Гороховецкого уезда и утраченная киево-печерская реликвия 1073 г.»⁸. Авторы этих научных статей подчеркивают, что до наших дней не дошло ни само древнее «Успение», ни письменные свидетельства о его существовании в XI веке, а сохранившиеся списки относятся лишь к XVII веку и к более позднему времени.

Что собой представляла древняя, не сохранившаяся икона, можно узнать из описания, сделанного киевским митрополитом Евгением Болховитиновым в 1825 г. Оно приведено в статье Э. С. Смирновой: «Это была икона, как тогда полагали, „греческого письма“, на кипарисовой доске, горизонтального формата, размером 9х6 с половиной вершков (около 29х40 см, что соответствует размеру сохранившихся до наших дней реплик...). По сторонам ложа Богородицы были изображены небольшие компактные группы апостолов, за ложем — Христос с душой Богородицы, по сторонам его фигуры — два летящих ангела.

Рис. 2. Рентгенограмма иконы «Успение Богородицы» 1732 года

Судя по сохранившимся репликам, в передней стенке ложа Богородицы, в левой его части, была серебряная дверца (в репликах иногда она изображалась средствами живописи, а иногда делалась из настоящего металла). Лаврская святыня была покрыта роскошным золотым окладом, украшенным крупными бриллиантами и другими камнями. Икона висела в Успенской церкви над центром иконостаса — над царскими вратами, на двух шелковых шнурах, и могла, по необходимости, опускаться и вновь подниматься⁹. Уникальной особенностью икон «Успение» Киево-Печерского извода является изображение маленькой дверцы в левой части ложа Богородицы. Нет сомнения, что эта дверца прикрывала вместилище для мощей. Таким образом, «Успение» оказывается не только иконой, но и реликварием¹⁰. Это описание полностью соответствует композиции центральной части рассматриваемой нами иконы.

Как известно, от XI в., древнейшего периода русского христианского искусства, икон на Руси не сохранилось. Но русская средневековая культура отличалась особым интересом к ранним страницам национальной истории. На Руси почитались древние предания и создавались иконографические повторения наиболее ранних, особо чтившихся памятников. К этому времени исследователи и относят восстановление образа и почитание «Киево-Печерского Успения», что явилось свидетельством возрождения и укрепления киевской православной культуры.

Среди известных списков прославленного образа Киево-Печерской лавры самыми ранними следует считать икону «Успение» второй половины XVII века из самой лавры. О ней известно, что «икона была заключена в оклад в форме круга, усыпанный бриллиантами и алмазами, и находилась над царскими вратами иконостаса Успенского собора»¹¹. К ранним иконам относится и находящаяся в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника, датированная 1677 годом. Эта икона является подарком от архимандрита Киево-Печерской лавры Иннокентия Гизеля боярину Богдану Матвеевичу Хитрову. Ею он благословил свою дочь Ирину Богдановну¹². Иконы данной иконографии писали известные иконописцы московской Оружейной палаты: Симон Ушаков (икона 1671 г., хранящаяся в Сергиево-Посадском

музее); Кирилл Уланов (икона 1702 г., находящаяся в ГТГ). Все эти иконы идентичны по композиции и по размеру. По времени написания икона Муромского музея является более поздней (1732), и имеет ряд отличий от остальных. Прежде всего, эти отличия касаются размера самой иконы (30,5х36). К тому же средник, в котором размещена композиция «Успение», будучи почти квадратным по форме, имеет размер (21х24 см), что не совпадает с указанными параметрами древнего образа (29х40) и не соответствует известным спискам. Но главное отличие, это, конечно же, избранные святые на широких боковых полях иконы, тогда как ни на одном из известных списков их нет. Возможно, этот иконографический вариант был продиктован уже существовавшим в авторском вертикальном формате сюжете «Успения» с образами святых на полях. Но, вернее всего, как полагают исследователи, большое влияние на почитание этой иконографии «Успения» оказало появление в XVII веке ее гравированных изображений. Как пишет И. В. Шульц во вступительной статье к каталогу выставки «Православная икона России, Украины, Беларуси» «источниками иконографических образцов для украинских художников служили гравюры из западноевропейских альбомов, а также иллюстрации из старопечатных книг»¹³. На некоторых из них можно видеть образы предстоящих святых. Так, В. Г. Пуцко отмечает, «что гравюра Книги житий святых Димитрия Туптала, выпущенной в 1695 г., изображает основателей Печерского монастыря по сторонам медальона с Успением, представленным в соответствии с палеологовской схемой»¹⁴. В качестве примера можно привести гравюру из Нового Завета с Псалтырью, изданного в Киеве в 1692 году, где по сторонам центрального сюжета «Успения» изображены двое святых, вероятно, Антоний и Феодосий. На титульном листе издания Киево-Печерского патерика название обрамлено гравированными изображениями, вверху — сюжет «Успения» с характерной иконографией «Киево-Печерской» иконы, по сторонам — святые иноки, о которых идет речь в Патерике, и на рамочке имеется надпись: «ИКОНА ЧУДОТВОРНАЯ МАНС ПЕЧЕР»¹⁵.

Как известно из цитируемого выше описания иконы «Успение» митрополитом Е. Болховити-

Рис. 3. Оклад иконы «Успение Богородицы» 1738 года

новым в 1825 г., она была покрыта роскошным золотым окладом, украшенным драгоценными камнями. На иконе XVII века из Лавры оклад был усыпан бриллиантами и алмазами. Заказчик нашей иконы тоже украшает ее серебряным чеканным окладом, что может свидетельствовать о следовании сложившейся традиции особого почитания данной иконы. Оклад выполнен в барочном стиле и сплошь закрывает икону за исключением «личного»¹⁶. Он находится в хорошей сохранности, полностью повторяет композицию и ту же надпись в картуше. И, если надписи над святыми на полях иконы практически утрачены, мы все же можем их определить благодаря вполне читаемым надписям на окладе. Фигуры святых расположены по две слева и справа от центральной композиции: святитель Михаил и преподобный Феодосий Печерский; великомученица Варвара и преподобный Антоний Печерский. На верхнем поле в центре присутствует образ Саваофа. Кроме того, верхнее и нижнее поле украшает стилизованный растительный орнамент, состоящий из завитков с трилистниками. На самой иконе такого растительного орнамента нет. На кромке серебряного оклада имеются клейма: 1738/СС; Двуглавый орел(?). Из датировки, имеющейся на окладе, следует, что он выполнен позже иконы на шесть лет. Присутствующие на полях иконы избранные святые имеют непосредственное отношение к Киеву и Киево-Печерской лавре.

Слева вверху — Святитель Михаил, который почитается первым Киевским митрополитом. Прибыл в Киев вместе с князем Владимиром по-

сле его крещения. «Святый первый митрополит Михаил, иже крестил русийскую землю, преставися въ лето 6508 месяца июня въ 15 день и положен бысть в пещере. Рукоположен в Царьграде в 983 году... Равноапостольный Владимир (по свидетельству Кормчей XVI века, списанной с Кормчей XIII века, которая сама была списком еще древнейшей) говорит о себе: „Прием святое крещение и прославих Бога, яко сподоби мя прияти таковою благодать преосвященным митрополитом Михаилом, и взях его первого митрополита от патриарха и от всего собора, почтенного лампадаю и сакон, яко втораго патриарха, с ним же крестих всю русскую землю“. Умер в 992 году. Память его 30 сентября. Мощи его были первоначально погребены въ Десятинной церкви, но въ 1103 году перенесены в Антониеву пещеру, а оттуда в 1730 году перенесены в Великую церковь Печерскую»¹⁷. Ревностному распространителю христианства, митрополиту Михаилу, приписывают построение Киево-Златоверхо-Михайловского монастыря. Изображение святителя Михаила на иконе 1732 года, вероятнее всего, было связано с прошедшим двумя годами раньше событием, связанным с перенесением его мощей.

Слева внизу — Преподобный Феодосий, игумен Киевопечерский, первый учредитель общежительного порядка в монастырях¹⁸.

Справа вверху — «Великомученица Греческой церкви Варвара пострадала в Илиополе, около 306 года. Мощи ея принесены в Киев Греческою царевною Варварою, дочерью императора Алексия Комнена, супругою великого князя Михаила Изяславича, и почивают открыто в приделе соборной церкви Киевского Михайловского монастыря»¹⁹. В Киев мощи св. Варвары были принесены в 1108 году из Константинополя, и почитание их очень скоро сделалось всеобщим по всей России²⁰.

Справа внизу — Преподобный Антоний Печерский, основатель Киевопечерской лавры и первоначальник русских иноков²¹.

Следует отметить интересную особенность в изображении Саваофа. Над его головой — нимб, имеющий треугольную форму. Вот как об этом говорит исследователь Н. И. Пак: «Поясное изображение Саваофа над Распятием с характерным треугольным нимбом составляет обычный мотив в восточно-украинской иконографии XVIII в.»²².

Рис. 4. Икона «Успение Богородицы» 1732 года после реставрации

Однако на окладе нимб имеет круглую традиционную форму. Это указывает на то, что сделан он не на Украине. Как же попала из Киева в Муром эта чудотворная икона? Рассмотрим историю ее бытования в Муроме.

Известно, что икона поступила в музей в 1940 году из Успенской церкви г. Мурома после ее закрытия. Успенская церковь, вначале деревянная, имеет древнюю историю. Она впервые упоминается в Сотной выписи Мурома 1574 года. В писцовых книгах 1623/24 и 1636/37 года об этом храме сообщается следующее: «Да за осыпью в Успенской улице церковь Успение пречистые Богородицы древяна клетцки с папертью, да два придела: великого чудотворца Николы и другой придел святых жен мироносиц... Другая теплая церковь Богоявление Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа древяна клетцки... А церкви и в церквах образы и свечи и ризы и колокола и все церковное строение московских гостей Смирнова да Третьяка Микитиных детей Судовщикова»²³. Дальнейших сведений об этих церквях до конца XVIII столетия не имеется. В 1790 году на средства муромского купца Д. И. Лихонина вместо двух деревянных церквей был построен каменный храм. В новом храме было устроено два престола: главный — в честь Успения Пресвятой Богородицы, а в теплом приделе в честь великомученика Димитрия Солунского — небесного покровителя храмоздателя. В описи сообщается, что утварью, ризницей, святыми иконами и богослужебными книгами церковь снабжена достаточно. И тут же замечено, что чего-либо особенно

замечательного по своей древности в церкви не имеется. В рукописном сборнике «Опись древних церквей города Мурома и древних предметов в них находящихся», составленной помощником смотрителя Муромского духовного училища Николаем Травчетовым и ризничим собора священником Леонидом Белоцветовым, дана короткая информация об Успенской церкви, что освещен был храм преосвященным Виктором, епископом Суздальским в 1792 году 19 апреля, что стенопись внутри храма на масле произведена в 1897 году. Древних предметов указано немного, всего 10 наименований. Из них: икон — 6, книг и сосудов — 4. В основном эти предметы датированы XVIII веком. Лишь одна икона «Казанская Богоматерь» — XVII века и о ней известно, что пожертвована прихожанином. Среди перечисленных икон «Успения» 1732 года нет²⁴. Кроме интересующей нас иконы, не упомянута в этой описи и другая икона «Успение», поступившая в музей в том же сороковом году. Это тоже подписная и датированная икона, но другой, так называемой «облачной», иконографии. Надпись на ней сообщает, что «писал сей образ 1770 году месяца ноября 10 дня Степан Малороссиянин». Итак, получается, что в Успенской церкви находились две иконы «Успения», связанные непосредственно с Украиной. Поскольку рассматриваемая нами икона не упоминается в описях храма, вероятно, она находилась у частного лица, и передана была в Успенскую церковь позже. Икона вполне могла быть подарком из Малороссии. Такого рода иконы в дорогом серебряном окладе, скорее всего, делались по заказу, как в известном случае с боярином Богданом Хитрово. Скорее всего, это произведение XVIII века является паломнической реликвией с изображением святынь и святых Киева и Киево-Печерской лавры. Как указывает И. В. Шульд в приводимой выше статье (см. сн. 11): «В Киево-Печерском монастыре с конца XVII века действовала иконописная школа — одно из первых в Восточной Европе специальное учебное заведение со своей системой обучения. В ней учились не только выходцы из Украины, но и из Сербии, Беларуси, Венгрии, России»²⁵. В Киево-Печерский монастырь совершались паломничества, и оттуда приносились списки икон местных святынь. Такие иконы помещались на видных местах, около

иконостаса, в самых значительных соборах России, в том числе в Успенском соборе Московского Кремля, в Софийском соборе в Новгороде. Рассматриваемая нами икона могла таким же образом появиться на муромской земле.

В процессе исследования данного памятника возникает ряд вопросов. Почему икона с уже имеющейся живописью была использована для поздней записи, да еще такого чудотворного образа? Напомним, что размеры ее не совпадают с параметрами известных списков. Если это икона была выполнена по заказу, то, как правило, должна была бы писаться на новой доске. Почему на иконе, кроме сюжета «Успения», появились, в отличие от канонического извода, дополнительные персонажи, связанные с киевскими святыми? Возможно, они являются небесными покровите-

лями заказчика. Несмотря на имеющиеся особенности муромской иконы, она имеет все определяющие характерные черты лаврского «Успения», где в центре — Христос с душой Богородицы, к нему летят два ангела. По сторонам лежат две группы апостолов. И главной особенностью является изображение дверцы на ложе Богородицы.

Публикация иконы обусловлена ее художественной ценностью, а также особым историко-культурным значением этого произведения, точно датированного и обладающего данными о происхождении. Таким образом, «Киево-Печерское Успение» — чудотворная икона, почитавшаяся среди святынь России начиная со второй половины XVII в., и особенно широко — на протяжении последующих столетий.

¹ МИХМ. Инв. № М-6772.

² Выражаю искреннюю благодарность Татьяне Максимовне Мосуновой за консультации и помощь в написании данной статьи.

³ Протокол рентгенографического исследования № 6588-1 от 5.12.1994 г.

⁴ Цапаева Е. В. Расслоение как метод реставрации. Взгляд на проблему // VII Грабаревские чтения. — М., 2010. — С. 196.

⁵ Реставрационный паспорт.

⁶ Реставрационный паспорт.

⁷ Смирнова Э. С. «Киево-Печерское Успение». Икона-реликварий XI века в свете письменных и изобразительных источников // Восточнохристианские реликвии. — М., 2003. — С. 415-446.

⁸ Пуцко В. Г. Икона Успения Богоматери из с. Красное Гороховецкого уезда и утраченная киево-печерская реликвия 1073 г. // Рождественский сборник. — Ковров, 1996. — Вып. 3. — С. 75-83.

⁹ Смирнова Э. С. Указ соч. — С. 415-416.

¹⁰ Там же. — С. 434.

¹¹ Шульц И. В. Православная икона России, Украины, Беларуси // Каталог выставки. — М., 2008. — С. 90-91.

¹² Пуцко В. Г. Указ соч. — С. 75

¹³ Шульц И. В. Указ соч. — С. 74.

¹⁴ Пуцко В. Г. Указ соч. — С. 79.

¹⁵ Смирнова Э. С. Указ соч. — С. 422.

¹⁶ МИХМ. Инв. № М-5237 (151).

¹⁷ Книга глаголемая описание о Российских святыях. — М., 1995. — С. 10.

¹⁸ Словарь исторический о святыях, прославленных в российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. — М., 1990. — С. 249.

¹⁹ Книга глаголемая описание о Российских святыях. — С. 9.

²⁰ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. — СПб., 1892. — Т. 10. — С. 507-508.

²¹ Словарь исторический о святыях, прославленных в российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. — С. 24.

²² Пак Н. И. Два образца киевской деревянной резьбы XVIII в. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1986. — Л., 1987. — С. 422.

²³ Писцовая книга г. Муром 1636/37. // Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. — М., 1857. — Л. 113об-114об.

²⁴ Опись Успенской города Муром церкви и древних предметов церковных, в ней находящихся. Составил священник Успенской церкви Петр Смирнов // Опись древних церквей города Муром и древних предметов в них находящихся. Рукопись конца XIX а. — МИХМ. — НА 29. — Л. 39-40.

²⁵ Шульц И. В. Указ соч. — С. 75.

В. Г. Пуцко (Калуга)

КАМНЕРЕЗНОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ремесло МАЛЫХ ФОРМ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

Начало изучения древнерусской мелкой пластики из камня на рубеже XIX-XX вв. оказалось тесно связанным с собирательством древностей. В результате этого коллекционеры сыграли неоднозначную роль: произведения были сохранены, но их происхождение намеренно скрыто как нередко связанное с хищением из церковных и монастырских ризниц. В этом плане единственное исключение представляет исторически сложившееся собрание ризницы Троице-Сергиевой лавры с ее фондом каменных иконок XIII-XVI вв.¹ Первые исследователи каменной пластики ограничивались изданием археологических находок, а также публикацией коллекций, и только значительно позже появляются работы, рассматривающие произведения как образцы средневекового художественного ремесла². Н. Г. Порфиридов провел подсчет иконографических сюжетов, выделив наиболее популярные из них, встречающиеся в резьбе³. А. В. Рындина представила образцы мелкой каменной пластики как художественное явление в культуре Древней Руси⁴. Т. В. Николаева осуществила каталогизацию и издание всех выявленных и оказавшихся доступными для изучения произведений, предпослав обзорные тексты, посвященные происхождению коллекций мелкой пластики, историографии, классификации и хронологии произведений мелкой пластики из камня, вопросу о мастерах⁵. Это итог многолетнего изучения крайне сложного по своему составу материала, с ценнейшими наблюдениями и во многих случаях убедительными выводами. Однако остались и спорные атрибуции, что естественно по отношению к сотням сохранившихся образцов, преимущественно новгородским⁶.

Последующий этап систематизации произведений должен был учесть и недавно введенные в научный оборот образцы резьбы, и новую интерпретацию ранее известного материала⁷. Оказалось очевидным, что дальнейшее изучение развития древнерусской мелкой каменной пластики немислимо без привлечения широкого худо-

жественного контекста, роль которого далеко не всегда оценивалась по достоинству. Ведь и само возникновение и затем весьма интенсивное развитие камнерезного художественного ремесла на Руси представляет феномен, объяснение которому, в сущности, не дано. Проблематичной остается порой и локализация каменных иконок, далеко не всегда соответствующая историческому бытованию изделий, никак не равнозначная ареалу их распространения. От правильной датировки произведений зависит решение вопроса о хронологических этапах в использовании для резьбы определенных пород камня.

Актуальным является вопрос о времени возникновения русской художественной резьбы по камню, о появлении первых каменных иконок. Как известно, в Византии этому предшествовал многовековой опыт резьбы по слоновой кости, искусство которой унаследовано от поздней античности⁸. В Македонскую эпоху она вступает в период нового расцвета, отмеченного удивительным взаимодействием с иконописью⁹. Самые ранние византийские иконы, выполненные в технике резьбы по светло-зеленому стеатиту, относятся к X в., в XI в. их больше, а в XII в. они уже многочисленные¹⁰. Однако нет оснований утверждать, что синхронным оказалось камнерезное дело на Руси. Б. А. Рыбаков написал: «Существование специальных резчиков по камню явствует из обилия русских каменных иконок и крестиков XI-XIII вв. Вполне возможно, что выделкой этих иконок занимались монастырские мастерские», — и привел ссылку на публикации изделий, среди которых нет ни единого, относящегося к XI-XII вв.¹¹ Из пяти изделий, отнесенных к указанному времени Т. В. Николаевой, не оказалось ни единого, выполненного раньше рубежа XII-XIII вв.¹² Таковы реальные факты, никем не оспоренные.

Объем и общий характер византийского художественного импорта в XI-XII вв. на Руси неизвестны. Однако шиферные рельефы с мифологическими сюжетами в Киеве могли быть выполнены

только при использовании в качестве образца соответствующих сцен на византийских ларцах с накладками слоновой кости¹³. Византийские иконки XII в. из стеатита и сланца обнаружены при археологических раскопках в Киеве и Новгороде¹⁴. Эти изделия оставляют впечатление мастерства и изящества, присущих константинопольской продукции. Не исключено, что отдельные греческие мастера, свободно владевшие искусством художественной резьбы по камню, могли появиться в этот период в Киеве или Новгороде, но результаты их творчества неизвестны, в отличие от металлопластики, прослеживаемой в последней четверти XII в.¹⁵

Как ни велик соблазн удревнить появление местной традиции изготовления каменных иконок в Киеве, — удастся ее проследить только с начала XIII в., когда она представлена различными стилистическими вариантами¹⁶. Один из них, характеризующий произведения группы мастера «1200 г.», свойственный византийским столичным изделиям придворного круга (стеатитовые иконки Уверения апостола Фомы, Иоанна Богослова, св. Космы и Дамиана); другой, «группы мастера Распятия», с графическо-декоративной манерой и своеобразными «каллиграфическими» сопроводительными надписями; третий — архаизирующий, с укрупненными головами и кистями рук¹⁷. Все эти резчики являются носителями оформившихся художественных направлений и совершенно не похожи на осваивающих профессию ремесленников. Характерно, что мастер архаизирующего стиля успешно работал с различным материалом в разной технике, и каждой из них владел в совершенстве¹⁸. Ареал распространения этих изделий неодинаков, причем самый широкий у «группы мастера Распятия», образцы которой и наиболее многочисленны, в целом их датировка не выходит за пределы первой трети XIII в. Генетически данная продукция непосредственно связана с Византией, что затрудняет выделение предметов импорта, особенно неравноценного по качественному уровню¹⁹. Обнаруженные произведения отчасти обязаны мастерам, оказавшимся на Руси после захвата Константинополя крестоносцами в 1204 г. и образования Латинской империи на Востоке, в условиях которой трудно было найти достойное применение их художественному ремеслу. В этом

плане Киев открывал большие возможности, а изделия находили ценителей даже в демократической среде. Изысканная стеатитовая иконка Уверения апостола Фомы вызывает наивное керамическое подражание, обнаруженное в Переяславе²⁰. Существование камнерезного дела в Киеве оказалось ограничено десятилетиями, предшествовавшими монголо-татарскому вторжению. Но, судя по иконке св. Георгия-воина из Триполья, было отмечено выполнением замечательных образцов²¹.

Локализация каменных иконок XIII в. затруднена тем обстоятельством, что резчик мог работать не только в большом ремесленном центре, но и там, где оседала его продукция, скажем в Изяславле или Любече²². В пользу последнего предположения может свидетельствовать в целом невысокий профессиональный уровень резьбы, хотя в то же время применены технические приемы, прослеживаемые по образцам определенной художественной традиции²³. Впрочем, могли мигрировать как сами мастера, так и выполненные ими изделия, которые порой судьба заносила даже далеко за пределы Руси: в Грузию и на Синай.

Византийский вектор в развитии древнерусской каменной пластики малых форм безусловно был определяющим ее общий характер, но это никак не исключало проникновение западных иконографических мотивов и стилистической характеристики. Немало тому способствовали крестовые походы, обусловившие развитие весьма своеобразного культурного направления²⁴. Не обошло оно стороной и средневековую Русь, оставив в ее искусстве самые разнообразные следы²⁵. Помещенное в киот со створами западное скульптурное изображение св. Николая около 1200 г, воспроизводит на каменной иконке резчик, манера которого близка скандинавской романике, и при повторении затем этой композиции киевским мастером исчезают непонятные для него реалии, а позже, уже в Новгороде, на основе более радикальной адаптации образца создана совершенно новая композиция²⁶. Аналогично была в резьбе первой половины XIII в. интерпретирована западная деисусная композиция с двухъярусным расположением полуфигур²⁷. В это же время квалифицированные романские резчики выполняют каменные иконки, найденные в Рязани²⁸.

Под воздействием западных изображений

складывается иконография Гроба Господня в новгородской каменной пластике²⁹. Этот перечень может быть продолжен. Однако надо при этом сделать и важное уточнение: заимствования большей частью входили в византийском культурном контексте, и в таком случае их западное происхождение не учитывалось.

По-видимому, в начале XIII в. камнерезное художественное ремесло проникает не только в Киев, но и в иные русские наиболее значительные политические и культурные центры. Несколько каменных иконок связаны своим происхождением с Полоцким княжеством³⁰. Некоторые из них с чертами романского стиля, и особенно примечательной в этом плане является найденная при археологических раскопках на Верхнем замке в Полоцке в 1967 г. с изображением св. Константина и Елены³¹. Среди русских изделий она уникальна и не имеет полноценных стилистических аналогий. В целом стильная резьба отличает преимущественно наиболее качественные изделия, вышедшие из рук опытных мастеров.

Зарождение камнерезного художественного ремесла в Новгороде, где получило наиболее широкое развитие, представляется особенно интересным. Между тем, оно пока прослеживается с трудом, по отдельным археологическим находкам изделий XIII в. неравноценным и разнохарактерным³². Среди них и отличающаяся высоким мастерством сланцевая иконка с изображением св. Дмитрия Солунского с Космой и Дамианом, византийского круга, выполненная около 1222-1225 гг., возможно, для князя Всеволода Юрьевича³³. По стилю с ней сопоставима двусторонняя шиферная иконка с изображениями Распятия и избранных святых, тоже 1220-х гг., ошибочно прежде отнесенная к продукции московских мастеров XIV в.³⁴ Однако становление новгородского камнерезного художественного ремесла как производства происходит лишь на рубеже XIII-XIV вв., при своеобразных обстоятельствах³⁵. С одной стороны — твердая византийская основа, с другой — позднероманские элементы, словно вплетенные в канву³⁶. Их роль нельзя не заметить, но ее нельзя переоценивать, поскольку это свойство унаследовано вместе с художественным стилем византийской пластики XIII в.³⁷ Бесспорным воздействием выполненных для крестоносцев

греческими мастерами икон отмечена композиция новгородских каменных образков XIV в. с движущимися попутно парными святыми всадниками³⁸. Трудно представить, что все это достигает далекой северной периферии византийского культурного мира, пусть даже с некоторым запозданием, когда в Константинополе успело оформиться элитарное искусство эпохи Палеологов.

Новгородские каменные иконки XIII-XIV вв. в количественном отношении составляют более половины всего фонда произведений древнерусского камнерезного художественного ремесла, даже без учета того, что не учтены все материалы, а также некоторые ошибочно приписаны продукции иных культурных центров³⁹. Пока невозможно окончательно выяснить, существовало ли камнерезное дело XIII-XIV вв. во Пскове, испытывавшее воздействие Новгорода, а позже — Москвы, или логичнее предполагать в известных образцах предметы импорта⁴⁰. Могло, судя по археологическим находкам недавнего времени, оказаться отмеченным новгородским влиянием и ремесло Твери. Для того, чтобы занять столь влиятельное положение, Новгород должен был иметь широко поставленное ремесленное производство и опытные кадры резчиков по камню, тем более, что каждое произведение было продуктом индивидуального исполнения. Говорить о серийном изготовлении изделий можно скорее условно и в немногих отдельных случаях, имевших свои причины.

Производство новгородских резчиков характеризуют определенные сюжеты и иконографические схемы, порой отличающиеся вариативностью и воспроизводящие живописные образцы, в целом соответствующие византийским⁴¹. Это изображение Гроба Господня, Деисуса, Богоматери Умиление, св. Николая (иногда в окружении семи отроков эфесских). В качестве материала новгородцы обычно используют различные породы сланца (шифера), реже — известняк, мелкозернистый песчаник, и лишь в исключительных случаях — темный или темно-серый твердый камень, схожий с базальтом. Сюжетная избирательность явно предопределена не только популярностью, но и устойчивой сакрализацией конкретных образов и иконографических формул. Изображение Спаса на престоле дают тому наглядный пример⁴². Деисусная композиция, представленная в новго-

родских каменных иконках XIV в., имеет общий источник, иногда несколько интерпретируемый резчиками⁴³. Многочисленные каменные иконки св. Николая отражают эволюцию его иконографии на протяжении нескольких столетий, прежде всего в новгородской иконописи⁴⁴. Некоторые миниатюрные рельефы воспроизводят наиболее оригинальные изображения святителя⁴⁵. Показательно, что изображения семи спящих отроков эфесских не являются самостоятельной иконографической темой каменных образков, но лишь служат обрамлением изображений Христа, Богоматери с Младенцем, св. Николая⁴⁶. Особый интерес представляют весьма редкие изображения на каменных иконках местных новгородских святых, как правило, включенные в определенную композицию⁴⁷. Естественно, часто воспроизводили в каменной резьбе Чудо св. Георгия о змие в его различных иконографических изводах⁴⁸.

Новгородские паломнические каменные иконки с преобладающим изображением Гроба Господня уже неоднократно служили предметом анализа. Примечательна и датируемая XIV в. иконка из мелкозернистого песчаника с изображением Благовещения, Сретения и Крещения⁴⁹. Ее иконография и композиционная схема, как выясняется, восходят к средневековым палестинским евлогиям, сопроводительные греческие и латинские надписи которых были восприняты новгородским ремесленником как собственные имена⁵⁰.

Творчество средневекового мастера преимущественно анонимное, но некоторые произведения могут быть сгруппированы по индивидуальной манере исполнения. Это удастся сделать по отношению к некоторым резчикам по камню, связанным с Киевом и Новгородом⁵¹. Сходные манеры объединяются понятием мастерской в его приложении к древнерусской производственной практике⁵². Т. Б. Николаева, оказавшись перед нерасчлененной массой новгородских каменных иконок, выделила относимые к Новгороду предположительно, затем с изображениями воинов и архангелов, работы мастерской с линейной орнаментацией одежд, мастерской с монументально-живописным стилем, мастерской с чертами романо-готической пластики и византийской иконографии, мастерской с преобладающей декоративной орнаментацией одежд, заштрихованными треугольниками или прямыми

линиями, мастерской с условно декоративной трактовкой многофигурных сюжетов, мастерской с живописно-пластической лепкой фигур с символическими и патрональными изображениями, иконки с изображениями Гроба Господня и святых, с изображениями конных воинов, плоского рельефа со штриховой трактовкой одежд, в иконописном стиле конца XIV — начала XV в., с композициями праздников, иконки XV в., отметив и пути новгородской пластики в конце XV — начале XVI в.⁵³ Столь сложная, если не дробная, классификация красноречиво говорит не только о необычайно широко развитом искусстве художественной резьбы по камню в средневековом Новгороде, но и о почти синхронно работающих там мастерах со своими индивидуальными манерами, скорее всего оформившимися явно не на местной почве; по крайней мере, — во многих случаях. Это предположение заставило критически осмыслить сформулированные положения с привлечением более широкого историко-культурного контекста⁵⁴. В результате установлено, что у истоков новгородской каменной резьбы малых форм прослеживается присутствие греческих мастеров. При всех локальных отличиях продукция «мастерской с чертами романо-готической пластики и византийской иконографии» не отделима от византийской палеологовской пластики. Свойства, приписанные мастерским, скорее воспринимаются как индивидуальные манеры конкретных ремесленников. Характерно, что на ранних этапах встречаются высокие образцы, но на рубеже XIV-XV вв. заметна некоторая дробность, параллельно с этим усиливается стилизация.

На заключительном этапе развития новгородского камнерезного дела начинают появляться воспроизведения московских византизирующих иконописных оригиналов. Сказывается, с другой стороны, также ставшая заметной миграция мастеров, работающих в Вологде, Сольвычегодске, Великом Устюге. Впрочем, ни в одном из этих городов камнерезное художественное ремесло не имело того размаха, равно как столь искусных резчиков (не считая переселившихся новгородцев), а также богатых, наделенных тонким эстетическим вкусом заказчиков. Требования последних существенно формировали тот высокий уровень развития новгородской пластики малых форм, кото-

рый обеспечил ей ведущее место в средневековом русском искусстве.

Хотя ряд образцов каменной пластики XIII-XV вв. исторически связан с Владимиро-Суздальской Русью, очень трудно характеризовать мастерство ее городских ремесленных центров, даже несмотря на то, что обнаружены остатки камнерезной мастерской во Владимире. Часть продукции стилистически близка монументальной скульптуре первой трети XIII в.⁵⁵ Другая — образцы новгородской резьбы, возможно в некоторых случаях выполненные в этом регионе, как каменная иконка Богоматери Одигитрии XIV в.⁵⁶ Встречаются также ремесленные изделия, о стилистической принадлежности которых говорить невозможно. Не многим лучше обстоит дело и с выявлением продукции московских мастеров, что кажется вызывающим удивление. Нет оснований оспаривать наблюдения Т. В. Николаевой, позволившие ей локализовать Москвой ряд виртуозных по исполнению образцов каменной резьбы, но в то же время нельзя признать московскими характерные новгородские образцы⁵⁷. Исследовательница писала: «Во второй половине XV в. выработалась совершенно особая манера резьбы, в которой передача лиц и одежд приоб-

рела четко отработанные черты, заимствованные с иконописных образцов»⁵⁸. Явно речь идет о том византийском стиле, который прежде всего проявляется в московской деревянной резьбе, более распространенной в XV в., чем каменная⁵⁹. Новые археологические находки в пределах Москвы и Подмосковья в последние годы, по мере введения их в научный оборот, могут значительно облегчить решение проблем, требующих привлечения более широкого круга произведений.

Практически невозможно на основании отдельных разрозненных находок характеризовать камнерезное художественное ремесло западных земель, особенно при отсутствии качественных научных публикаций. При этом надо решительно исключить имитации и подделки, порой рассматриваемые в литературе как иконки неизвестного происхождения. Не идет речь и о производстве каменных крестиков-тельников⁶⁰.

В стремлении представить камнерезное художественное ремесло, каменные иконки как одну из ярких страниц в развитии пластического искусства средневековой Руси, обращено внимание главным образом на его истоки и пути поисков профессионального совершенства. О достижениях свидетельствуют лучшие произведения, которых немало.

¹ Николаева Т. В. Произведения мелкой пластики XIII-XVII веков в собрании Загорского музея. Каталог. — Загорск, 1960.

² Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI-XV вв. // САИ. — М., 1983. — Вып. Е 1-60. — С. 11-17.

³ Порфиридов Н. Г. Древнерусская мелкая пластика и ее сюжеты // СА. — 1972. — № 3. — С. 200-207.

⁴ Рындина А. В. Древнерусская мелкая пластика: Новгород и Центральная Русь XIV-XV веков. — М., 1978.

⁵ Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня. — С. 8-47.

⁶ Великий Новгород. История и культура IX-XVII веков: Энциклопедический словарь. — СПб., 2009. — С. 233-236.

⁷ Пуцко В. Г. Древнерусская каменная пластика малых форм: из опыта систематизации // Русское время, Stratum plus. 2005-2009. — СПб.-Кишинев-Одесса-Бухарест, 2009. — № 5. — С. 439-448.

⁸ Volbach W. F. Elfenbeinarbeiten der Späntike und des frühen Mittelalters. — Mainz, 1952; Goldsahmidt A., Weitzmann K. Die byzantinischen Elfenbeinskulpturen des X.-XIII. Jahrhunderts. Bd. II: Reliefs. — Berlin, 1934.

⁹ Weitzmann K. Ivory Sculpture of the Macedonian Renaissance // Kolloquium über Späntike und frühmittelalterliche Skulptur. Bd. II. — Mainz am Rhein, 1970. — P. 1-12.

¹⁰ Kalavrzou-Maxiner I. Byzantine Icons in Steatite // Byzan-

tina Vindobonensia. Bd. XV. — Wien, 1985.

¹¹ Рыбаков Е. А. Ремесло Древней Руси. — М., 1948. — С. 424-425.

¹² Пуцко В. Г. Русские ранние каменные иконки (к вопросу о начале художественной резьбы малых форм) // Уваровские чтения-IV. — Муром, 2003. — С. 89-95.

¹³ Даркевич В. П. О некоторых византийских мотивах в древнерусской скульптуре // Славяне и Русь. — М., 1968. — С. 410-419; Радојчи С. Кијевски рељефи Диониса, Херакла и светих ратника // Старинар. Нов. сер. Књ. XX-1969. — Београд, 1970. — С. 331-334.

¹⁴ Івакін Г. Ю., Пуцко В. Г. Пам'ятки пластичного мистецтва з розкопок Верхнього Києва 1998-2001 рр. // Археологія. — 2005. — № 4. — С. 96-99. Рис. 2, 4; Седова М. В. Каменные иконки древнего Новгорода // СА. — 1965. — № 3. — С. 262-264. Рис. 1:1-3, 6, 8; она же. Паломнический комплекс XII в. с Неревского раскопа // Новгородские археологические чтения. — Новгород, 1994. — С. 90-92. Рис. 1.

¹⁵ Мусин А. Е., Степанов А. М. Находка иконки свв. Бориса и Глеба на Борисоглебском раскопе в Новгороде в контексте иконографии святых братьев на Руси // Хорошие дни. Памяти А. С. Хорошева. — Великий Новгород-СПб.-М., 2009. — С. 354-357.

¹⁶ Пуцко В. Київська пластика початку XIII століття // Студії мистецтвознавчі. — Київ, 2005. — Ч. 3(11). —

- С. 42-58. Статья написана в ноябре 1991 г. и тогда же сдана в печать.
- ¹⁷ Пуцко В. Г. Художественное ремесло Киева начала XIII века (по данным археологических находок) // Проблемы славянской археологии (Труды VI Международного конгресса славянской археологии). — М., 1997. — Т. 1. — С. 317-321; он же. Константинополь и киевская пластика на рубеже XII-XIII вв. // *Byzantinoslavica*. — Prague, 1996. — Т. LVII. — С. 376-390; он же. Киевское художественное ремесло начала XIII в. Индивидуальные манеры мастеров // *Byzantinoslavica*. — Prague. — Т. LII. — С. 305-319.
- ¹⁸ Пуцко В. Г. Архаїзуєчий стиль у кївському художньому ремеслі XIII ст. // Історія Русі-України (історико-археологічний збірник). — Київ, 1998. — С. 222-229.
- ¹⁹ Пекарская Л. В., Пуцко В. Г. Византийская мелкая пластика из археологических находок на Украине // Южная Русь и Византия. — Киев, 1991. — С. 131-138; Боровский Я. Е., Архипова Е. И. Новые произведения мелкой каменной пластики из древнего Киева (по материалам раскопок) // Там же. — С. 119-131; Архипова Е. И. Нові знахідки візантійських іконок в Україні // Студії мистецтвознавчі. — Київ, 2004. — Ч. 3(7). — С. 7-20.
- ²⁰ Пуцко В. Г. Переяславська теракотова іконка «Запевнення апостола Фоми» // Археологічний збірник Полтавського краєзнавчого музею. — Полтава, 1992. — Вип. I. — С. 72-78; он же. Коропластика средневековой Руси // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. — Тверь, 2002. — Вып. 4. — С. 161. Рис. 1, 2.
- ²¹ Пекарская Л. В. Каменная иконка из Триполья // Памятники культуры. Новые открытия. 1988. — М., 1989. — С. 304-307.
- ²² Миролубов М. А. Памятники письменности и религиозного культа из раскопок древнего Изяслава // Труды Государственного Эрмитажа. — СПб., 2004. — Т. 30. — С. 11-12; Пуцко В. Мистецтво у середньовічному Любечі // Скарбниця української культури. — Чернігів, 2006. — Вип. 7. — С. 160-164.
- ²³ Пуцко В. Г. Произведение русской пластики в Троице-Сергиевом монастыре: об одной стилистической группе каменных иконок XIII в. // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. — Тверь, 2010. — Вып. 6. — С. 286-291.
- ²⁴ См.: Folda J. *Crusader Art The Art of the Crusaders in the Holy Land, 1099-1291*. — Hampshire, 2008.
- ²⁵ Пуцко В. Крестоносцы и западные тенденции в искусстве Руси XII-начала XIV в. // *Actes du XVe Congr s International d'etudes byzantines*. Ath nes-1976. — Ath nes, 1981. — Т. II. — С. 953-972.
- ²⁶ Пуцко В. Г. Загадочные явления в новгородской каменной пластике // Новгород и Новгородская земля. История и археология. — Великий Новгород, 2000. — Вып. 14. — С. 204-212.
- ²⁷ Пуцко В. Г. Резная каменная иконка новгородского круга (о генезисе двухъярусной композиции с Деисусом) // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. — Тверь, 2003. — Вып. 5. — С. 203-214.
- ²⁸ Пуцко В. Г. Из истории русской каменной пластики XIII в.: рязанские иконы с изображением Деисуса // Великое княжество Рязанское. Историко-археологические исследования и материалы. — М., 2005. — С. 567-577; он же. Рязанский фрагмент каменной иконки апостола Петра // *Материалы по истории и археологии России*. — Рязань, 2010. — Т. 1. — С. 256-269.
- ²⁹ Беляев Л. А. Элементы романской иконографии XII века в древнерусских изображениях Гроба Господня // Беляев Л. А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII-XVII вв. — М., 1996. — С. 183-210; он же. Элементы романской иконографии XII века в древнерусских изображениях Гроба Господня // *Древнерусское искусство. Русь и страны византийского мира*. XII век. — СПб., 2002. — С. 539-553; Пуцко В. Г. «Гроб Господень» в каменной пластике средневекового Новгорода // *Православный Палестинский сборник*. — СПб., 1998. — Вып. 98(35). — С. 159-183.
- ³⁰ Pucko W. *redniowieczne kamienne ikonki z zachdnych obszar w Rusi* // *Biuletyn Historii Sztuki*. — 1993. — R. LV. — S. 9-20.
- ³¹ Pucko W. *Po ocki relief XII wieku* // *Biuletyn Historii Sztuki*. — 1983. — R. XLV. — S. 259-264.
- ³² Пуцко В. Каменные иконки из археологических раскопок Новгорода // София. — 2000. — № 4. — С. 21-24.
- ³³ Там же. — С. 23-24. Ил. 3. Первоначально находка отнесена к более позднему времени: Седова М. В. Каменная иконка XIV в. с Троицкого раскопа Новгорода // *Великий Новгород в истории средневековой Европы*. — М., 1999. — С. 374-378.
- ³⁴ Пуцко В. Г. Крест Семена Золотилова: мемория Дмитрия Донского? // Н. И. Троицкий и современные исследования историко-культурного наследия Центральной России. — Тула, 2002. — Т. 2. — С. 64-87.
- ³⁵ Пуцко В. Г. Новгородская каменная резьба на рубеже XIII-XIV вв.: становление традиции // *Новгородский исторический сборник*. — СПб., 2003. — Вып. 9(19). — С. 141-152.
- ³⁶ Пуцко В. Г. Византийско-новгородские каменные иконы // Пилигримы. Историко-культурная роль паломничества. — СПб., 2001. — С. 149-156.
- ³⁷ Пуцко В. Г. Новгородские каменные иконки XII — начала XIV в. «романского» стиля // *Староладожский сборник*. — СПб.-Старая Ладога, 2002. — С. 87-102.
- ³⁸ Пуцко В. Г. Святые всадники в новгородской каменной пластике // *Староладожский сборник*. — СПб.-Старая Ладога, 1998. — С. 105-115.
- ³⁹ См.: Пуцко В. Г. Неизвестная каменная пластика древнего Новгорода // *Древности Пскова: Археология. История. Архитектура*. — Псков, 1999. — С. 72-81; он же. Каменные паломнические иконки из Новгорода // *София*. — 2006. — № 2. — С. 11-14; он же. Древнерусская мелкая пластика из камня в Ростове // *История и культура Ростовской земли*. 1999. — Ростов, 2000. — С. 232-241.
- ⁴⁰ Пуцко В. Г. Каменные иконки средневекового Пскова // *Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию первого летописного упоминания)*. — М., 2003. — Т. 2. — С. 347-355.
- ⁴¹ Пуцко В. Г. Сюжеты новгородских каменных икон //

- Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. — СПб.-Псков, 1995. — Ч. 2. — С. 78-81; он же. Сюжетная каменная резьба в художественном ремесле средневекового Новгорода // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. — М., 2008. — Т. II. — С. 505-508.
- ⁴² Пуцко В. Каменная резная иконка из раскопок на Славне // София. — 2001. — № 1. — С. 27-29; он же. Об одной группе каменных икон Спаса на престоле // Археологические вести. — СПб., 2005. — № 12. — С. 142-147.
- ⁴³ Пуцко В. Г. Резная иконка в Ельце: Денсус в новгородской каменной пластике XIV века // Археологические вести. — М., 2008. — № 15. — С. 133-140; он же. У истоков иконографии прп. Варлаама Хутынского // София. — 2004. — № 2. — С. 16-18.
- ⁴⁴ Пуцко В. Г. Русские иконы святителя Николая по данным мелкой каменной пластики XIII-XV веков // Почитание святителя Николая Чудотворца и его отражение в фольклоре, письменности и искусстве. — М., 2007. — С. 121-131.
- ⁴⁵ Пуцко В. Г. Новгородская круглая икона святого Николы // София. — 2000. — № 2. — С. 26-29; он же. Новгородская двусторонняя каменная иконка конца XIV века // София. — 2005. — № 3. — С. 21-23.
- ⁴⁶ Пуцко В. Новгородские каменные иконки с включением изображений семи спящих отроков эфесских // София. — 2008. — № 2. — С. 8-12; он же. Двусторонняя каменная иконка из Калуги // Калуга в шести веках. — Калуга, 1997. — С. 62-74.
- ⁴⁷ Пуцко В. Ранние изображения св. Ионы Новгородского // София. — 2000. — № 2. — С. 25-26.
- ⁴⁸ Пуцко В. Новгородская каменная иконка Георгия Победоносца // София. — 2004. — № 1. — С. 29-31.
- ⁴⁹ Рындина А. В. Древнерусская мелкая пластика: Новгород и Центральная Русь XIV-XV веков. — С. 64. Ил. 51; Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня. — С. 99. Табл. 35:7. Кат. № 203.
- ⁵⁰ Пуцко В. Г. Новгородская каменная иконка с тремя праздничными сюжетами // Диалог культур и народов средневековой Европы: К 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. — СПб., 2010. — С. 79-85.
- ⁵¹ Пуцко В. Г. Индивидуальная манера резьбы в каменной пластике средневековой Руси // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. — Тверь, 2002. — Вып. 4. — С. 276-289.
- ⁵² Подробнее см.: Пуцко В. Г. Понятие «мастерская художника» в древнерусском историко-культурном контексте // Церковь и общество: история и современность. IV научно-образовательные Знаменские чтения. — Курск, 2009. — С. 117-124.
- ⁵³ Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня. — С. 25-35.
- ⁵⁴ Пуцко В. Г. Средневековые мастера новгородской каменной резьбы малых форм // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Сборник статей в честь А. Н. Кирпичникова. — М., 2010. — Т. 2. — С. 188-199.
- ⁵⁵ Вереш С. В. Памятник мелкой пластики XIII в. // Памятники культуры. Новые открытия. 1975. — М., 1976. — С. 145-146; Овчинникова Е. С. Резная каменная икона с изображением св. Тимофея // СА. — 1971. — № 2. — С. 196-203.
- ⁵⁶ Седова М. В., Мухина Т. Ф. Каменная иконка из Владимира // РА. — 1995. — № 1. — С. 206-209.
- ⁵⁷ Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня. — С. 40-42. Бесспорно новгородскими являются кат. № 317, 315, 316, 314.
- ⁵⁸ Там же. — С. 42.
- ⁵⁹ Пуцко В. Г. Византийский стиль в московской деревянной резьбе XV века // Уваровские чтения-VI. Граница и пограничье в истории и культуре. — Муром, 2006. — С. 234-244.
- ⁶⁰ Павленко С. Исследование производственных комплексов овражеской средневековой индустрии пиррофиллитового сланца в 2002 г. // Наукові записки з української історії (Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет ім. Г. Сковороди. Кафедра історії на культурі України). — Переяслав-Хмельницький, 2005. — Вып. 16. — С. 195-209. В целом это трудный для изучения материал. См.: Сидоренко Г. В. Скульптура. Прикладное искусство X-XIV веков // Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. Т. 1: Древнерусское искусство X — начала XV века. — М., 1995. — С. 193, 210-218. Кат. № 112-165; она же. Коллекция крестов-«курсунчиков» В. Е. Гезе — И. С. Остроухова в собрании Государственной Третьяковской галереи // Ставрографический сборник. — М., 2003. — Кн. 2. — С. 201-206.

ГЕНЕАЛОГИЯ МУРОМСКИХ КНЯЗЕЙ В XIII – СЕРЕДИНЕ XIV ВВ.:

ФАКТЫ И ГИПОТЕЗЫ

Генеалогия правителей Муромской земли неоднократно привлекала внимание исследователей. Несмотря на сбор и анализ имеющихся сведений о муромских князьях в письменных источниках, общепризнанной реконструкции их поколенной росписи не существует. Основная проблема связана с затруднением установления прямой генеалогической связи и, соответственно, — владельческой преемственности между лицами, правившими в Муромском княжестве в XII — первой половине XIII в. и начале — середине XIV в. Эта проблема во многом вызвана тем, что в известных летописях и родословцах сохранилось недостаточно сведений о представителях местной династии князей¹.

А. Г. Кузьмин, пытаясь выйти из порочного круга опоры только на редкие известия летописей и актов о событиях в Муроме, привлек для решения проблемы генеалогии муромских князей сведения древнерусских синодиков. Исследователь обратил внимание на то, что в некоторых из них фигурирует некий князь Глеб Ярославич, генеалогия которого в историографии не была прояснена. А. Г. Кузьмин выдвинул версию о рязанском происхождении Глеба Ярославича. Этот князь известен тем, что вместе со своей женой Феодосией был записан для поминания в синодик Рязанского Духовского монастыря². Проверка данной версии показала ее сомнительность.

А. В. Кузьмину удалось установить, что князь Глеб Ярославич был сыном не пронского князя Ярослава Александровича, а муромского князя Ярослава. Таким образом, удается подтвердить, что правившие в первой половине XIV в. в Муроме князья были местными династами, а не представителями княжеского рода из Рязанской земли³. Следовательно, внутривосточная борьба в Муроме в середине XIV в. была связана с претензией на него не со стороны рязанских князей, а совершенно другой силы.

В 1348 г. находившийся на службе в Москве князь Федор Глебович, в котором следует

видеть сына упоминавшегося ранее князя Глеба Ярославича, был назначен в посольство первым из трех киличеев владимирского великого князя Семена Ивановича Гордого⁴. Они должны были отправиться в Орду к хану Джанибеку с жалобой на действия на Руси правителей Великого княжества Литовского. В это время Гедиминовичи находились в затруднительном положении после разгрома их войск 2 февраля 1348 г. в битве на р. Страва. Князь Федор Глебович великолепно справился со своей миссией в Орде. Все члены посольства великого князя Ольгерда, включая его младшего брата — новгородского князя Кориата, были арестованы в ханской ставке, а затем доставлены оттуда в Москву под присмотром особого ордынского посла Тотуя⁵.

Очевидно, что именно обширные связи в Орде и Москве помогли в 1355 г. князю Федору Глебовичу получить у хана ярлык на Муромское княжение⁶. При этом, несмотря на многолетнее правление, местный князь Юрий Ярославич был выдан с головой на расправу своему более удачливому сопернику. Этот факт косвенно также ставит под сомнение рязанское происхождение князя Глеба Ярославича. Совершенно ясно, что эти действия князя Федора Глебовича шли вразрез с существовавшими в Муроме традициями наследования княжеского престола.

Летописи рисуют, что в Муромском княжестве, как и в соседних с ним Чернигово-Северских землях, в этом вопросе придерживались домонгольских традиций. В 1345 г. князь Юрий Ярославич сменил своего умершего старшего брата князя Василия Ярославича⁷. В 1345-1355 гг. в Муроме князь Юрий Ярославич правил единолично⁸. Его младшим родственникам пришлось устраиваться на службу при дворе соседних более могущественных князей.

Победа князя Федора Глебовича над дядей была возможна в том случае, если его отец, по сравнению с Юрием, был старшим сыном муромского князя Ярослава. В 1330 г. этот прави-

тель Мурома упоминается в записях киевского митрополита Феоноста как его должник⁹.

Данному предположению о степени родства муромских князей в первой половине XIV в. не противоречат сведения их помянника. Ранее он находился в составе синодика, который еще в конце XIX в. хранился в Муромском Спасском монастыре. В этом источнике после князя Давыда (Петра?) были записаны князья Андрей и Юрий (Георгий)¹⁰. В последнем из них, несомненно, стоит видеть сына муромского князя Давыда Юрьевича.

Юрий Давыдович известен благодаря его упоминаниям в Лаврентьевской летописи как преемника отца на муромском княжении. У него был, по крайней мере, один брат, а также неназванная по имени сестра, жена юрьевского князя Святослава (Гавриила) Всеволодовича († 1252). В январе 1228 г. князь Юрий Давыдович был участником военного похода правителей Северо-Восточной Руси на земли мордвы¹¹. В 1232 г. муромские князья вновь разоряли мордовские земли в составе общерусской рати, в которой в этот раз принимали участие и рязанские князья¹².

В следующем поколении муромских князей известен внук князя Давыда Юрьевича — князь Ярослав Юрьевич. Еще зимой 1225-1226 гг. этот муромский династ женился на «свести», т. е. на родной сестре жены переяславского князя Ярослава (Феодора) Всеволодовича. Таким образом, князь Ярослав Юрьевич не только еще раз подтвердил военно-политический союз муромских князей с правителями Владимиро-Суздальской земли, но и породнился с детьми недавно умершего знаменитого новгородского, галицкого и торопецкого князя Мстислава Мстиславича Удатного¹³.

Родство правителей Муромского княжества с владельцами Переяславля-Залесского стало еще более актуальным в 1238 г., когда Ярослав Всеволодович стал новым владимирским великим князем, а его старший сын князь Александр Ярославич Храбрый (Невский) окончательно заменил отца на княжеском столе в Новгороде. В 1243 г., согласно летописцам, «Батьи же почти Ярослава великого чествоу и мужи его, и отпусти и рече ему: Ярославе буди ты старей всемъ княземъ в Русскомъ языке»¹⁴. После гибели 30 сентября 1246 г. великого князя Ярослава Всеволодовича

от яда¹⁵ в Монголию в 1247 г. были вызваны его старшие дети — новгородский князь Александр Ярославич Храбрый и суздальский князь Андрей Ярославич. В 1249 г. первый из них получил право на «старейшинство» среди русских князей, Киевское великое княжество и «всю Руськую землю», а второй — на Владимирское великое княжество¹⁶. (В ряде русских родословцев второй половины XVI-XVII вв. при невнимательном копировании одного из летописных источников была сделана ошибка. Из-за нее период действия княжеской власти Александра Ярославича в Киевской земле начинал отсчитываться с 1252 г. и составлял 12 лет¹⁷). Этот политический акт властей Монгольской империи 1249 г. свидетельствовал о сохранении в их планах первенства и старшинства Киевского княжества среди других древнерусских княжеств и земель.

Политическое усиление переяславских Ярославичей на Руси в период установления здесь ордынского ига некоторым образом повышало значение их ближайших родичей. Несомненно, именно старые семейные связи позволили в 1248 г. муромскому князю Ярославу Юрьевичу удачно выдать замуж свою дочь Марию. Она стала женой ростовского князя Бориса Васильковича, внука недавно (20 сентября 1246 г.) замученного в Орде черниговского великого князя Михаила Всеволодовича. Княжна Мария Ярославна «в нчас оу с(в)то Б(огороди)ци в Ростов»¹⁸. Время смерти князя Ярослава Юрьевича неизвестно. Поэтому трудно судить, при нем ли происходила в 1257 г. ордынская перепись населения Муромского княжества, или же эту горькую чашу пришлось испить одному из его преемников (или наследников?).

Брак с княжной Марией Ярославной был выгоден семье покойного ростовского князя Василька Константиновича. Ее члены традиционно держались союза с великими князьями Ярославом Всеволодовичем и Александром Ярославичем. Они гарантировали Константиновичам неприкосновенность их владений от возможных посягательств со стороны других родственников. Таким образом, в 1248 г. правитель Муромского княжества еще более укрепил традиционные связи своей династии с князьями Северо-Восточной Руси.

В помяннике муромских князей имя Ярослава

Юрьевича не встречается. В нем записан некий князь Роман, в котором можно видеть как одного из сыновей князей Андрея или Юрия, так и христианское имя самого князя Ярослава Юрьевича. Второй вариант представляется наиболее вероятным, так как источники упоминают его семью, где, несомненно, были дети. Они могли дать по князе Ярославе Юрьевиче поминальный вклад.

Между сообщениями Троицкой летописи за 31 июля и 11 октября 1278 г. в ней помещено известие о смерти некоего князя Андрея Ярославича и его жены княгини Устинии. При этом умерший князь был упомянут как «благоверный»¹⁹. С разной степенью подробности это известие о смерти двух титулованных особ фигурирует и в других летописях так называемой лаврентьевско-троицкой группы²⁰.

Происхождение князя Андрея Ярославича неясно. А. В. Экземплярский показал, что нет никаких оснований отождествлять это лицо с суздальским князем Андреем Ярославичем († 1264) и угличским князем Андреем Владимировичем († 1261). Время смерти этих лиц не приходится на 1278 г.²¹ Между тем, включение поминания князя Андрея Ярославича в общерусский свод 1305 г. было явно связано с его родством с правителями Северо-Восточной Руси. Представляется, что наиболее вероятна версия родства Андрея Ярославича с муромскими князьями. В это время именно они были близкими родственниками по женской линии как великокняжеской семьи, так и ростовских князей. По-видимому, только этот факт и может прояснить причину включения записи о смерти Андрея Ярославича и Устинии в летописные своды. Эта версия удачно согласуется со сведениями об отчестве князя Андрея и времени его жизни. Скорее всего, если она верна, то Андрей Ярославич мог быть сыном только муромского князя Ярослава Юрьевича.

История Муромского княжества в последней четверти XIII — начале XIV в. очень плохо отражена в известных источниках. Их косвенные сведения дают возможность выдвинуть следующую версию последовательности событий. Очевидно, что смерть князя Андрея Ярославича вызвала определенные сложности в управлении Муромским княжеством. Его наследник (или наследники), остались сиротой (сиротами).

В Северо-Восточной Руси позиции правите-

лей Муромского княжества, нуждавшихся в сильном и авторитетном в русско-ордынских делах союзнике, ослабила смерть в Орде 16 сентября 1277 г. ростовского князя Бориса Васильковича²². Мария Ярославна перевезла отсюда своего мужа на Русь и похоронила его в Ростове. Она пережила князя Бориса Васильковича почти на 20 лет. О вовлеченности вдовы княгини в политическую борьбу за княжеские столы в последней трети XIII в., к сожалению, ничего неизвестно. Княгиня Мария Ярославна умерла в Ростове в 1297 г.²³

Вероятно, малолетний наследник князя Андрея Ярославича не был в состоянии самостоятельно вести дела Муромского княжества. Его ориентация на союз с владимирским великим князем Дмитрием Александровичем была естественна и не выходила за рамки традиционной практики правителей Муромы. В 1282 г. также, например, развивались отношения между Дмитрием Александровичем и наследниками галицкого и дмитровского князя Давыда Константиновича²⁴. Однако такая политика вскоре принесла серьезные неприятности для Муромского княжества, которые его правители заранее не могли предвидеть.

7 декабря 1280 г. в Переяславле-Залесском умер духовный авторитет православной Руси — киевский митрополит Кирилл²⁵. Его смерть сразу же обострила ранее замороженные между русскими княжествами конфликты. Во время развития одного из них, по-видимому, в первой половине декабря 1281 г. и в 1282 г., столица Муромского княжества была разорена русско-ордынскими войсками. Ими командовал претендент на Владимирское великое княжение — князь Андрей Александрович Городецкий²⁶. В 1288 г. едва оправившееся Муромское княжество было снова разорено ордынцами²⁷. Как считает А. А. Горский, эта рать пришла из Волжской, а не Ногаевой Орды²⁸. В конце 1293 г. Муром вновь стал ареной новых боевых действий. Он был вновь захвачен и разорен русско-ордынскими войсками²⁹.

Такая систематическая месть со стороны ордынцев могла быть вызвана лишь тем, что правитель Муромского княжества по-прежнему продолжал держаться политического союза с великим князем Дмитрием Александровичем. Вина правителя Владимирского великого княжества и вина

его союзников в глазах некоторых ордынцев усугублялась тем, что они держались союза с темником Ногаем, пытавшимся ослабить центральную власть в Орде³⁰.

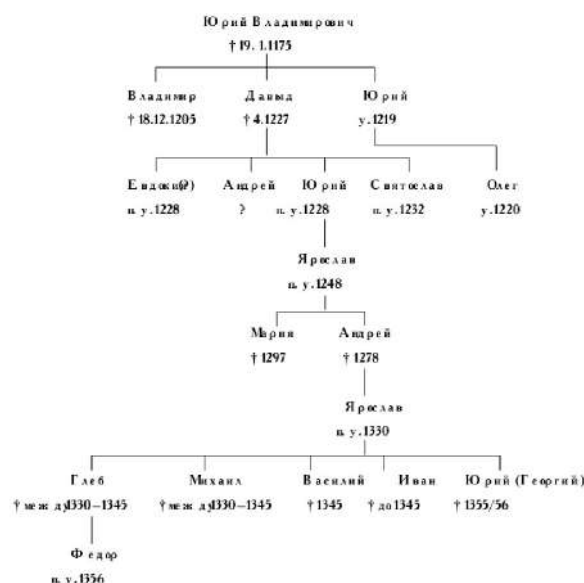
После событий последней четверти XIII в. известия о Муроме и Муромском княжестве надолго выпадают из летописей. Это, конечно, затрудняет восстановление их истории и реконструкцию генеалогии муромских князей. Об одном из них, правившем в первой трети XIV в., известно благодаря внелетописным источникам. По-видимому, этот муромский князь Ярослав был близок к московским князьям. Его имя упоминается среди князей Северо-Восточной Руси первой половины XIV в., внесенных для поминания в вечный синодик Большого Успенского собора Московского Кремля³¹. Именно он в 1330 г. был должником киевского митрополита Феогноста. Поэтому служба князя Федора Глебовича, внука князя Ярослава, в Москве не была случайной. Она отражала давно установившиеся связи муромских князей с Калитовичами. Следующее за князем Ярославом поколение муромских князей, несомненно, относится к его детям. В княжеском помяннике из муромского Спасского монастыря фигурируют несколько имен. Это — князья Глеб, Михаил, Василий, Иван и Юрий (Георгий)³². Старший из них (Глеб), как указано выше, для поминания был записан в синодик муромского Духовского монастыря. Двое других (Василий и Юрий) — известны по летописям.

Итак, помимо этих трех князей, правивших в Муроме в первой половине XIV в., синодики позволяют установить имена еще двух сыновей муромского князя Ярослава — Михаила и Ивана, о которых нет сведений в летописях. Эти князья не упоминаются ни в летописцах, ни в родословных росписях правителей Рязанской и Муромской земли³³.

После указанных ранее лиц помянник перечисляет еще несколько мужских и женских имен. Среди этих лиц не упоминается князь Федор Глебович. Этот факт лишний раз свидетельствует о неполноте записей представителей рода муромских князей за XIII-XIV вв. в составе синодиков. В данном случае, конечно, стоит отметить, что в 1816 г. сотрудники графа Н. П. Румянцева скопировали для него данный помянник муромских

князей из какого-то явно другого списка³⁴. В отличие от текста, опубликованного Н. Г. Добрынкиным, этот источник не имел помет о одновременности записи в помянник имен князей Петра и Павла. Кроме того, в нем отсутствует также имя князя Дмитрия, а князь-инок Вассиан ошибочно был записан писцом как «Вольян»³⁵. Безусловно, копия графа Н. П. Румянцева имела более качественный протограф, хотя и не столь древний как у Н. Г. Добрынкина³⁶. Но, главное, помянник подтверждает существование среди правителей Муромского князя по имени Глеб. Этот факт еще раз подчеркивает правильность предположения о том, что этого Ярославича не стоит причислять к дому рязанских князей.

Известные в источниках сведения о родстве³⁷, а также указанные выше сведения источников о муромских князьях за XIII в. — 50-е гг. XIV в., можно свести в следующую генеалогическую схему:

Приведенная выше реконструкция генеалогического древа правителей Муромского княжества за XIII — середину XIV в. может помочь прояснить историю правящего здесь дома. Большую роль в этом играют сведения древнерусских синодиков. Очевидно, что только их дальнейшее изучение позволит уточнить и дополнить персональный состав муромских князей за XIII-XIV вв. и, возможно, прояснить историю их подчинения власти московских Калитовичей в 1390-е гг. Это — задача отдельного исследования.

- ¹ Подробнее об этом, например, см.: Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, с 1238 по 1505 г.: Биографические очерки по первоисточникам и главнейшим пособиям. — СПб., 1891. — Т. 2; Монгайт А. Л. Рязанская земля. — М., 1961; Кузьмин А. Г. Рязанское летописание: Сведения летописей о Рязани и Муроме до середины XVI в. — М., 1965; Рапов О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. — М., 1977; Кузьмин А. В. Генеалогия рязанских и муромских князей XIII — первой половины XIV в. // Записки отдела рукописей [РГБ]. — М., 2008. — Вып. 53. — С. 35–60; и др.
- ² Кузьмин А. Г. Рязанское летописание. — С. 208.
- ³ Кузьмин А. В. Указ. соч. — С. 45.
- ⁴ О функции киличеев на Руси подробнее см.: Кузьмин А. В. Формирование, генеалогия и персональный состав боярства Тверского великого княжества в XIII-XV вв. // Проблемы источниковедения. — М., 2006. — Вып. 1 (12). — Ч. 1 — С. 125, 147-152; он же. О происхождении рода Аминевых: (к изучению истории киличеев в средневековой Руси) // Государство и общество в дореволюционной России XV — начала XX в.: сборник статей памяти Н. Е. Носова. — СПб., 2007. — С. 116–121; и др.
- ⁵ Присёлков М. Д. Троицкая летопись: реконструкция текста. — СПб., 2002. — С. 369; ПСРЛ. — М., 2000. — Т. 15. — Вып. 1. — Стб. 58. — Л. 279 об.; и др.
- ⁶ О тождестве лиц, упоминаемых в летописных статьях 1348 и 1355 гг. под именем Федор Глебович подробнее см.: Кучкин В. А. Русские княжества и земли перед Куликовской битвой // Куликовская битва: сборник статей. — М., 1980. — С. 52. — Прим. 144.
- ⁷ ПСРЛ. — М., 2004. — Т. 25. — С. 175. — Л. 233 об.
- ⁸ ПСРЛ. — Т. 15. — Стб. 64. — Л. 283 об.; Т. 25. — С. 179-180. — Л. 240 об.-241. Подробнее об этом князе см.: Кузьмин А. В. Георгий (Юрий) Ярославич [блгв. кн. муромский] // Православная энциклопедия. — М., 2006. — Т. 11. — С. 106-107; [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/164467.html>.
- ⁹ Присёлков М. Д., Фасмер М. Р. Отрывки В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV в.: (Посвящается В. Н. Бенешевичу). I-IV // Известия ОРЯС. 1916 г. — Пг., 1916. — Т. 21. — Кн. 1-я. — С. 50.
- ¹⁰ Памятники древней письменности Спасского монастыря в городе Муроме: (Лицевой синодик и вкладная книга) / сообщ. Н. Г. Добрынкин. — Владимир-на-Клязьме, 1892. — С. 26. — Прим. 26.
- ¹¹ ПСРЛ. — М., 1997. — Т. 1. — Вып. 2. — Стб. 450-451. — Л. 155-155 об.
- ¹² ПСРЛ. — Т. 25. — С. 125. — Л. 155 об.
- ¹³ Кузьмин А. В. Торопецкая знать в XIII в.: Из истории Смоленской земли // *Russia Mediaevalis*. — München, 2001. — Т. 10, fasc. — S. 66.
- ¹⁴ Присёлков М. Д. Троицкая летопись. — С. 321; ПСРЛ. — Т. 1. — Вып. 2. — Стб. 470. — Л. 165.
- ¹⁵ Карпини Джованни дель Плано. История монголов. — М., 1997. — С. 79; ПСРЛ. — Т. 1. — Вып. 3. — Стб. 523. — Л. 246 об.; Полубояринова М. Д. Русские люди в Золотой Орде. — М., 1978. — С. 10.
- ¹⁶ ПСРЛ. — Т. 1. — Вып. 2. — Стб. 472. — Л. 165 об.
- ¹⁷ См., например: РГАДА. — Ф. 181. — № 636/1147. — Л. 28-28 об.
- ¹⁸ ПСРЛ. — Т. 1. — Вып. 2. — Стб. 471. — Л. 165 об. Подробнее об этом см. в ст.: Кузьмин А. В. Генеалогия ростовских князей XIII — середины XIV в. // История и культура Ростовской земли. 1999. — Ростов, 2000. — С. 111-116.
- ¹⁹ Присёлков М. Д. Указ. соч. — С. 335.
- ²⁰ ПСРЛ. — Т. 10. — М., 2000. — С. 156; Т. 18. — М., 2007. — С. 76. — Л. 130 об.; Т. 30. — М., 2009. — С. 95. — Л. 157 об.; и др.
- ²¹ Экземплярский А. В. Указ. соч. — С. 128-129. — Прим. 374.
- ²² ПСРЛ. — Т. 18. — С. 75. — Л. 128 об.-129.
- ²³ ПСРЛ. — Т. 1. — Вып. 3. — Стб. 528. — Л. 250 об.
- ²⁴ Подробнее об этом см.: Кучкин В. А. Первый московский князь Даниил Александрович // Отечественная история. — 1995. — № 1. — С. 97.
- ²⁵ Присёлков М. Д. Указ. соч. — С. 338.
- ²⁶ Там же. — С. 339.
- ²⁷ ПСРЛ. — Т. 10. — С. 167.
- ²⁸ Горский А. А. Политическая борьба на Руси в конце XIII в. и отношения с Ордой // Отечественная история. — 1996. — № 3. — С. 81.
- ²⁹ Присёлков М. Д. Указ. соч. — С. 345.
- ³⁰ Кучкин В. А. Первый московский князь Даниил Александрович. — С. 96; Горский А. А. Политическая борьба на Руси в конце XIII в. и отношения с Ордой. — С. 75, 80, 81.
- ³¹ Древняя российская вивлиофика. — М., 1788. — Ч. 6. — С. 449.
- ³² Памятники древней письменности Спасского монастыря в городе Муроме. — С. 26. Прим. 26.
- ³³ Например, см.: ОР РГБ. — Ф. 256. — № 349. — Л. 289-293 об.
- ³⁴ Выписка была сделана для графа Н. П. Румянцева во время его путешествия по стране (Козлов В. П. К истории комплектования Румянцевского собрания русских и славянских рукописей // Записки отдела рукописей [ГБЛ]. — М., 1980. — Вып. 41. — С. 26).
- ³⁵ ОР РГБ. — Ф. 256. — № 387. — Л. 45 об.
- ³⁶ Ср.: Памятники древней письменности Спасского монастыря в городе Муроме. — С. 26.
- ³⁷ Экземплярский А. В. Указ. соч. — С. 610-619.

Н. Б. Шиман (Суздаль)

О МУРОМСКИХ КНЯЗЬЯХ XI-XIII ВЕКОВ

Несмотря на то, что Муром является одним из древнейших городов России, как справедливо отметил Ю. М. Смирнов, «историческая наука XX в. благополучно обошла Муром стороной»¹. Причина недостаточно пристального внимания к истории города хорошо известна — это очень ограниченное количество информации о Муроме, сохранившееся в древнерусских летописях. «Дефицит информации столь серьезен, что до сих пор, например, отсутствует полная персонификация муромских князей и точная хронология их правления, многие данные в принятой схеме являются легендарными»².

Не так давно удалось обнаружить летописное сообщение 1226 г. из которого следует, что женой муромского князя Ярослава стала одна из дочерей Мстислава Удалого³. Дальнейший детальный анализ сообщений древнерусских летописей, а также привлечение других письменных источников, дающих дополнительную информацию, позволили достаточно точно установить родословную муромских князей периода XI-XIII вв., являющихся потомками Ярослава Святославича.

Но сначала хотелось бы остановиться на некоторых моментах, касающихся истории Мурома до появления в нем князя Ярослава Святославича. Следуя «Сказанию о граде Муроме», традиционно считается, что крещение всех жителей города было сопряжено с большими трудностями. Но этот письменный источник является художественным произведением, поэтому опираться на его сведения при реконструкции исторических событий не всегда оправдано. Из летописных источников известно, что в 990 г. Владимир Святославич пришел в Залесскую землю, где крестил жителей земли Суздальской и Ростовской, основал город Владимир, построил храмы и, посадив наместников «по всей земли», ушел в Киев⁴. Расстояние от Владимира до Мурома чуть более 130 км. Трудно представить, что Владимир Святославич обошел стороной город, занимающий важное стратегическое положение на окраинных рубежах его владений, и куда он предполагал посадить одного из своих сыновей. Скорее всего, пер-

вые христиане появились в Муроме в год прихода в. кн. Владимира. Но многие жители Мурома, как, например, и Ростова, долгое время сохраняли языческие традиции. В ранний период истории эти города имеют много общего. Муром и Ростов упоминаются под 862 г. В них княжили родные братья Борис и Глеб, ставшие одними из первых русских святых. Оба города связывает драматическая история о печальной судьбе новгородского посадника Константина Добрынича.

После смерти киевского князя Владимира и гибели Бориса и Глеба, одержав победу над Святополком, в 1016 г. в Киеве сел Ярослав Владимирович. Но в 1018 г., потерпев поражение от польского короля Болеслава, Ярослав бежал в Новгород. Из Новгорода Ярослав хотел «бежати за море», но от этого опрометчивого шага его удержал Константин Добрынич. Он «с Новгородци расekoша лодья Ярославле» и, собрав средства и войско, приведя в помощь варягов, помог Ярославу разбить Святополка и окончательно утвердиться в Киеве⁵. В 1019 г. Ярославу вновь пришлось сразиться со Святополком, он одержал победу не без помощи новгородцев. Константин в это время был в Новгороде. И что могло случиться, почему «разгневался на нь великий князь Ярославъ»⁶, остается загадкой. Многие летописи об этом умалчивают, в некоторых присутствует недосказанность, — и неудивительно, т. к. поступок этот бросает тень на Ярослава, получившего Киев благодаря решительным действиям новгородского посадника. Ярослав «поточи и въ Ростове; и на третье лето повеле его убити въ Муроме, на реце на Оце»⁷. Трагический конец двоюродного брата Владимира Крестителя странным образом связан с городами, где княжили убитые Святополком Борис и Глеб. Причем, в ростовской тюрьме Константин Добрынич провел почти три года, из чего следует, что Муром и Ростов к 1020 г. принадлежали Ярославу, и в этих городах была сильная княжеская администрация. Около 1022 г. Константин был убит в Муроме, а в 1024 г. в Суздале вспыхнуло восстание волхвов, подавить которое приехал сам Ярослав⁸. С волхвами князь

обошелся достаточно жестко. Если опираться на события, происходившие как в самом Муроме, так и в городе, не столь отдаленном, то мнение о позднем принятии крещения жителями Мурома, не соответствует действительности. Несомненно, что языческое население в городе присутствовало, но мирно уживалось с христианами.

О том, что процесс христианизации на Руси шел постепенно, говорится в Ипатьевской летописи под 1037 годом. Здесь сообщается о строительных работах в Киеве, которые вел Ярослав, о храмах и монастырях, которые князь основал. Летописец пишет: «И при семь нача вера крестьянская плодится в Руси и раширятися, и чернорисци поча множитися, монастыреве почаху быти». В заключении статьи, подтверждающей поэтапность принятия крещения, летописцем сказано: «И умножишася прозвутери, и людье хрестьяньстеи», «а врагъ сетоваше, побежаемъ новыми людьми крестьяными»⁹.

То, что старая вера, вера предков была сильна, подтверждается летописными сообщениями 1071 г.¹⁰ Скорее всего, эта дата условна, но здесь важен факт появления в семидесятые годы в различных регионах Руси языческих волхвов, дестабилизирующих обстановку в городах и селах. Одна из самых известных историй произошла в «Ростовской области», в момент приезда на Белоозеро для сбора дани Яна Вышатича. Ян Вышатич казнил волхвов, повинных в смерти многих людей. В Киеве появился волхв, предсказывающий глобальные географические изменения, «егоже неведгласии послушахуть, а вернии насмехахуся». Самая серьезная ситуация сложилась в Новгороде. Здесь волхв, «хулящий веру христианскую», собрал много сторонников и «бысть мятежь во граде великъ, и вси яша ему веру, и хотяше погубити епископа Феодора». Епископ с крестом в руках призвал людей сделать выбор: «Иже хоцеть веру няти влхву, той за ним итеть; аще ли кто веруетъ кресту, да итеть по нь». Оказалось, что кресту были верны только князь Глеб Святославич и его бояре, население Новгорода «вси идоша за влхву». Князь вынужден был пойти на крайние меры, на глазах у всех зарубить волхва топором. Чудес, обещанных волхвом, не случилось, и «людие разыдошася»¹¹. Описанные события дают ясно понять, что принятие

христианства — это не разовая акция, а сложный, многолетний труд «просвещения крещением».

События, произошедшие в Муроме и описанные в «Сказании», скорее всего случились в это же время, когда активный всплеск деятельности языческих волхвов прокатился от Киева до Белоозера, от Новгорода до Мурома. Опасность этих событий сразу же оценили братья Ярославичи и 20 мая 1072 г. торжественно перезахоронили мощи князей Бориса и Глеба в новом храме¹². По мнению многих исследователей, тогда же Борис и Глеб были канонизированы, и братьям сразу было установлено общецерковное почитание.

Не исключено, что именно в это время Святослав Ярославич отправляет в Муром одного из своих сыновей, с тем, чтоб некрещеное население города «отвратити от заблуждения» и «в веру крещеную желая привести». То, что активность волхвов обеспокоила князя Святослава, неудивительно, т. к. коснулась регионов, принадлежащих на тот момент именно ему. В Новгороде стабилизировать ситуацию удалось его сыну Глебу. На Белоозере дань брал также Святослав, и убитые Яном Вышатичем волхвы были его смердами. Если бы не существовал один из древнейших датированных документов — «Изборник» Святослава, вопрос, был ли у него сын Константин, не возник. Поскольку известен год рождения Святослава Ярославича — 1027¹³, то бесспорно, что к семидесятым годам у него могли быть внуки. Если предположить ранние браки и Святослава, и Константина, то до 1073 г. у Константина уже могло быть двое сыновей 6-7 лет. Ориентироваться приходится именно на 1073 г., год появления «Изборника», т. к. его украшает миниатюра с изображением семейства Святослава Ярославича. На заднем плане миниатюры четверо взрослых сыновей Святослава и надпись, где перечислены их имена: Глеб, Олег, Давыд, Роман. Указанные имена соответствуют летописным. На переднем плане сам Святослав и его вторая супруга Ода с малолетним сыном Ярославом¹⁴. Если ориентироваться на летописные сведения, рассказывающие о том, как непросто приживалась новая вера по всей Руси, а также на «Изборник» Святослава, где изображена вся его семья, то можно предположить, что у Святослава был старший сын Константин, который до 1073 г. погиб или умер. То, что летописи не упомянули

о Константине, не является аргументом в пользу отрицания его существования. Так, например, только благодаря вошедшему в Новгородские летописи списку новгородских князей, мы узнаем, что у Ярослава Владимировича был старший сын Илья, умерший очень рано¹⁵. В летописях об Илье упоминаний нет. Во всяком случае, ситуация, сложившаяся в семидесятые годы на Руси, отмеченная всплеском активности приверженцев язычества, позволяет предполагать, что Святослав послал своего сына в Муром. Велика вероятность того, что именно этим князем был основан Спасский монастырь, известный к 1096 г. Есть подтверждения и древнего почитания среди муромо-рязанских князей св. Ирины. Об этом говорит золотой медальон, находившийся в одном из Рязанских кладов. Этот медальон со вставной иконой св. Ирины, как и медальон с иконой св. Варвары, по мнению Н. П. Кондакова, выполнен местными мастерами в XII в. как дополнение к медальону с образом Богоматерь Оранта византийской работы кон. XI — нач. XII вв. В этом же кладе находились два крупных золотых колта с изображениями святых в царских одеждах, с крестами в руках, предположительно Борис и Глеб. Колты также датируются XII веком и могли принадлежать Ростиславу Ярославичу, внуку Святослава, или его сыну Глебу Ростиславичу.

Что касается родоначальника князей муромо-рязанских, то около 1070-1071 гг. Святослав Ярославич заключил выгодный политический союз, женившись на двоюродной племяннице германского императора Генриха IV. Об этом браке рассказано в анналах северосаксонского хрониста сер. XIII в. Альберта Штаденского (т. н. Штаденские анналы). Под 1112 г. говорится о судьбе Иды и ее дочери, монахини из Ринтелена (город в Нижней Саксонии) — Оде. Мать освободила дочь из монастыря, дав монастырю большое вознаграждение, а затем, при посредничестве Генриха IV, отдала замуж за «короля Руси»¹⁶. Об этом браке очень подробно написано в работе А. В. Назаренко «О династических связях сыновей Ярослава Мудрого»¹⁷. У Оды родился сын, которого Штаденские анналы называют Вартиславом, на Руси его звали Ярославом¹⁸. Из «Хождения Даниила, игумена Русской земли» известно христианское имя Ярослава — Панкра-

тий¹⁹. Предположительно Ярослав родился ок. 1071-1072 гг. Святослав умер, когда ему было около пяти лет. Его мать Ода вернулась в Саксонию, взяв с собой сына и часть денег, большую же часть денег приказала закопать, а тех, кто закапывал, приказала убить, чтоб не выдали²⁰. О несметных богатствах Святослава говорят и летописи под 1075 г., рассказывая о немецких послах, перед которыми великий князь хвастался своими сокровищами²¹. Впоследствии Ода вышла замуж.

Ярослав впервые в русских летописях упоминается под 1096 г.²², из чего следует, что прожил он в Германской империи около двадцати лет. Такое длительное пребывание Ярослава в Германии вызывает ряд вопросов: принимал ли он католичество, сохранил ли знание русского языка, был ли женат до возвращения в Русь. Не исключено, что Ярослав общался с германским императором Генрихом IV, т. к. находился с ним в родстве по материнской линии, а также его двоюродная сестра Евпраксия Всеволодовна после смерти мужа, саксонского маркграфа, в 1089 г. вышла замуж за Генриха²³. Возможно, Ярослав никогда не думал о возвращении на родину отца, поскольку Штаденские анналы сообщают, что «в Русию» он был вызван²⁴. Его сводный брат Олег нуждался в кровных родственниках, т. к. после смерти отца очень быстро лишился двух братьев, а брат Давыд устранился от разрешения территориальных споров, которые возникли после смерти Святослава Ярославича.

На момент смерти в. кн. Святослава в 1076 г. его сын Глеб сидел в Новгороде, Роман в Тмуторакани, Олег во Владимире²⁵. О Давыде сведений нет, возможно он был в Киеве с отцом. Всеволод Ярославич вывел Олега из Владимира к себе в Чернигов, куда приехал и его сын Владимир, получивший Чернигов от отца²⁶. Такое положение дел Олега не устраивало, и он бежал к брату Роману «Тмутораканию отъ Всеволода, месяца апреля въ 10 день»²⁷. Скорее всего, Олег уже тогда намеревался вернуть Чернигов, но летом он лишился брата Глеба, убитого в Заволочьи²⁸, а о Давыде в этот период летописи не упоминают, и есть основания предполагать, что он, не вступая в конфликт с дядей, сел в Муроме. Это предположение косвенно подтверждается сообщением Тверской летописи под 1088 г., где говорится: «Святополкъ иде

изъ Новгорода къ Турову на княжение; а въ Новгороде седе Давыдъ Святославичъ; а Болгары взяли Муромъ»²⁹. Львовская летопись сообщает, что «въ Новгороде седе Давыдъ Святославичъ. Того же году Болгаре взяша Муромъ»³⁰.

Это нападение болгар на Муром мог спровоцировать именно уход князя из города. Однозначно сказать, куда ушел на княжение Давыд, в Новгород или Смоленск, нельзя, т. к. в новгородских летописях сведения за этот период полностью отсутствуют, а в списке новгородских князей его приход в Новгород значится под 1093 г.³¹ Очевидно, такому перемещению поспособствовал Всеволод. Опасаясь вернувшегося на Русь Олега, решил повысить статус неконфликтного Давыда, лишив Олега таким образом поддержки брата. Олег, не смирившийся с потерей своей «отчины», еще в 1078 г. пытался забрать Чернигов у Всеволода. Но, несмотря на то, что ему и двоюродному брату Борису Вячеславичу удалось отбить Чернигов, и жители города хотели видеть Олега своим князем, силы были неравны, и после гибели Бориса Олег бежал в Тмуторакань, где находился его брат Роман³². Роман в 1079 г. также решил воевать с Всеволодом, приведя на него половцев. Но Всеволод сумел с половцами договориться, и они, заключив с киевским князем мир, убили Романа, а Олега «емше Козаре поточиша за море Царюгороду»³³. Находился в изгнании Олег более трех лет. Из них, как известно из «Хожения Даниила», два года провел на острове Родос³⁴. В 1083 г. Олег вернулся³⁵, и в течении следующих десяти лет в летописях о нем сообщений нет. Велика вероятность того, что все эти годы он княжил в Тмуторакани, а после ухода Давыда из Муромы посадил там своего посадника. В 1094 г. Олег вместе с половцами из Тмуторакани двинулся к Чернигову и осадил его, решив вернуть «городъ отца своего». Мономах уступил Чернигов, заключив с Олегом мир³⁶. Но мира не получилось, т. к. в 1095 г. Изяслав Владимирович ушел из Курска к Мурому, «и прияша и Муромъце, и я посадника Ольгова»³⁷.

Именно в это время Олег мог вызвать в Русь Ярослава, понимая, что с помощью посадников отцовские города не удержать. Неизвестно, какое положение занимал Ярослав в Германии, очевидно, у него были причины вернуться, т. к. он мог рас-

читывать, что получит часть отцовских владений; также он знал, где спрятаны сокровища Святослава. В Штаденских анналах говорится, что Ярослав получил деньги, которые запрятала мать, но только перед смертью³⁸. В 1096 г., когда Олег отбил у Изяслава Муром, а затем захватил земли Мономахичей, в летописях появляется имя Ярослава. Судя по сообщениям, он действовал по указаниям Олега и полностью от него зависел. Драматические события 1096 г. заставили русских князей собраться и обсудить территориальные вопросы. В 1097 г. они встретились в Любече «на строенье мира» и порешили, что «каждо держитъ очьчину свою»³⁹. Таким образом Святославичи закрепили за собой отцовские земли. Давыд как старший, сел в Чернигове, Олег в Новгороде Северском, а Ярослав сел в Муроме. Какое-то время Ярослав появляется в Южной Руси, в 1101 г. участвует в заключении мира с половцами на Золотче⁴⁰. Но после того, как 4 марта 1103 г. Ярослав потерпел поражение от мордвы⁴¹, его имя среди участников походов на половцев не упоминается. Не было Ярослава и на торжественной церемонии перенесения мощей Бориса и Глеба.

1 августа 1115 г. умирает Олег⁴², а в 1123 г. в Чернигове умирает Давыд, «и седев него место Ярослав брат его»⁴³. Ярослав уходит в Чернигов вместе с детьми, а в Муроме сажает племянника Всеволода Давыдовича. Это также подтверждает, что Давыд Святославич мог княжить в Муроме в период с 1078 по 1088 гг. В 1124 г. в Муроме Всеволод женится на дочери польского короля Болеслава III Кривоустого⁴⁴. Этот брак, с большой долей вероятности устроенный Ярославом, говорит о его серьезных планах, которым не суждено было сбыться. В том же 1124 г. в Чернигове умирает жена Ярослава⁴⁵. На ком был женат Ярослав — неизвестно, как неизвестно, приехал ли он с супругой из Германии или женился на Руси. Это мог бы подсказать Любецкий синодик, где записаны имена многих черниговских князей и их жен. Но имя Ярослава Святославича здесь отсутствует. Объясняют это по-разному. Так, по мнению Р. В. Зотова, имя Ярослава отсутствует по той причине, что он стал родоначальником князей мурома-рязанских⁴⁶. А. В. Назаренко считает, что причина в происхождении Ярослава, поскольку мать его была расстриженной католической

монахиной⁴⁷. Дальнейшая судьба Ярослава подтверждает именно это предположение. В 1128 г. племянник Ярослава, Всеволод Олгович, схватил его в Чернигове, «а дружину его исече и разграби»⁴⁸. Этот поступок Всеволода, впоследствии достаточно справедливо относившегося к праву очередности, говорит о непризнании им прав дяди на Чернигов. Всеволод вынудил Ярослава уйти в Муром. Для Ярослава потеря Чернигова была сильным ударом, рушившим все его планы. Потеряв дружину, он идет из Муром в Киев к Мстиславу Владимировичу и «кланяяся ему, моляшеться» помочь вернуть Чернигов. Но Всеволод тоже умолял Мстислава не оказывать дяде поддержки. Мстислав, обещав военную помощь Ярославу, скрепил обязательства крестным целованием и оказался в сложном положении. Ситуацию разрешил любимец Мономаха, игумен Андреевского монастыря Григорий. Он запретил Мстиславу «кровь пролити хрестьяньскую»⁴⁹. Этот поступок игумена также может служить подтверждением того, что духовенство считало брак Святослава и Оды неканоническим, и в их глазах Ярослав не имел наследственных прав на Чернигов. Но поскольку в Русь Ярослав был приглашен сводным братом Олегом, то Олговичи признавали за ним право на Муромскую землю и на некоторую часть земли Рязанской. Ярослав был вынужден вернуться в Муром. Судьба его племянника Всеволода Давыдовича, княжившего в Муроме почти пять лет, в письменных источниках не прослеживается. Сам Ярослав после этих событий прожил недолго, он умер в Муроме в 1129 г.⁵⁰, где и был похоронен.

Ярослав Святославич единственный из наших князей, кто столь длительное время прожил за пределами Руси. Попав в Германию в детском возрасте, там он рос, формировался как личность, однозначно знал латынь и немецкий язык. Ярослав с ранних лет приобщился к европейской культуре, традициям. Поэтому очень бы хотелось знать, каким был Муром в период почти тридцатилетнего княжения в нем Ярослава. Как выглядело жилище княжеской семьи, какими вещами он пользовался. Ведь удивительные по красоте украшения, найденные на месте Старой Рязани и о которых говорилось выше, указывают не только на то, какие святые почитались в семье Ярослава и на высокий художественный вкус его

детей, но и на то, что у них были средства на изготовление драгоценных вещей. Поскольку золото на Руси было редким, то такое количество драгоценного материала может служить подтверждением того, что Ярослав действительно получил отцовские сокровища, спрятанные Одой. Но время, бытовые пожары, разорения монголами, позднейшая застройка не оставили и следа от древнего города. Может быть археологи когда-нибудь смогут дать ответ, каким был Муром в XII веке.

Велика вероятность того, что с Ярославом Святославичем связано и использование среди муромских князей при крещении и постриге имен Петра и Павла. Его христианское имя — Панкратий, а как известно, Панкратий, будущий епископ сицилийского города Тавромении, жил во времена пребывания Христа на земле. Панкратий был близок с апостолами Петром и Павлом, и именно ими в Киликии был рукоположен в сан епископа. Таким образом, неразрывная связь христианского имени Ярослава с особо почитаемыми в католической церкви апостолами Петром и Павлом могла способствовать утверждению их почитания в Муроме.

Образ Панкратия Тавроменийского присутствует на двусторонней иконе-таблетке XVI в. из Новгородского Софийского собора. О том, что этот святой почитался в Муроме говорит тот факт, что на оборотной стороне иконы — св. равноапостольный Константин и мать его Елена, а рядом с Панкратием — Петр и Феврония Муромские.

После смерти Ярослава Святославича «на Муроме и на Рязани остались дети его: Ростиславъ, да Святославъ, да Юрьи; и Ростиславъ да Святославъ были на Рязани, а Юрьи на Муроме». Так освещает положение дел Воскресенская летопись в статье под 6635 г. «Начало о великихъ князехъ Рязанскихъ»⁵¹, хотя в статье «Начало Муромскимъ княземъ» имя Юрия уже отсутствует⁵². Это расхождение в описании состава одной семьи присутствует и в работе Д. Тихомирова, касающейся генеалогии князей рязанских и муромских. Поясняя генеалогию князей рязанских, он пишет: «Ярослав скончался, оставив Княжества, Рязанское и Муромское в наследство сыновьям своим: Ростиславу, княжившему в Рязани и Ярославу в св. крещении (Н. Ш.) Юрию, княживше-

му в Муроме. В 1143 (*Н. Ш.*) году Ярослав или Юрий Ярославич Муромский скончался, а как детей у него не было, то по смерти его Муром и достался брату Ростиславу Рязанскому»⁵³. О генеалогии князей Муромских Д. Тихомиров пишет так: «Дети его (т. е. Ярослава. — *Н. Ш.*) Ростислав и Святослав (*Н. Ш.*) княжили: первый в Рязане, а последний в Муроме. У Ростислава Ярославича был сын Глеб, а у Святослава брата его, Владимир; а у Владимира Святославича сын Юрий, а у Юрия Владимир да Давид. Святослав Ярославичь, в 1143 (*Н. Ш.*) году скончался в Муроме, а сын его Владимир, в 1161 году, в Рязане»⁵⁴.

Не эти ли источники положили начало ошибкам, осложнившим установление родословной муромских князей? Этот вопрос требует дополнительного исследования.

Теперь, обнаружив, что в Воскресенской летописи, в статье о муромских князьях потерян Юрий, а у Д. Тихомирова Юрий похоронен в 1143 г., выясним последствия этих ошибок. Они выразились в том, что муромская ветвь ведется от брата Ростислава, Святослава Ярославича. Насколько это оправдано, что с потерей Юрия как сына Ярослава Святославича, мы получили его правнука Юрия — сына Владимира Святославича. Если о муромских князьях сохранилось не так много информации, то даты смерти многих из них летописи зафиксировали. Если вести родословную от сына Ярослава — Святослава, то известно, что Ярослав Святославич умер в 1129 г., а его праправнук Давыд умер в 1228 г., имея взрослых сыновей и замужнюю дочь. По генеалогическому правилу на столетие приходится время активной деятельности трех поколений, а здесь мы видим пять. То же самое получается, если мы возьмем столетний отрезок времени от рождения Ярослава Святославича, поскольку дата его рождения достаточно точно определяется 1071-1072 гг., и до смерти в 1174 г. его правнука Юрия, у которого в 1169 и 1172 гг. сыновья ходили в военные походы на Новгород и волжских болгар, здесь снова проходит пять поколений.

Справедливость статьи Воскресенской летописи о князьях рязанских, где названы три сына Ярослава — Ростислав, Святослав и Юрий — подкрепляется сообщением Тверской летописи, которое подтверждает, что Юрий был сы-

ном, а не правнуком Ярослава. Под 1203 г. сообщается: «Тоа же зыми, декабря въ 18, преставися Володимеръ Юриевичъ въ Муроме, внукъ Ярославъ Святославича»⁵⁵.

Сообщение о смерти Юрия Ярославича в 1143 г. вошло в научный оборот и стало причиной еще одной генеалогической неточности. В Ипатьевской летописи под 1144 г. сообщается о том, что в одну неделю в. кн. Всеволод Ольгович выдал замуж двух сестер Всеволодковных. Осиротевшие княжны приходились двоюродными сестрами жене Всеволода — Рогнеде Мстиславовне и внучками Мономаху. Отдал Всеволод «едину за Володимера за Давыдовича, а другу за Ярославича за Дюрдя»⁵⁶. Владимир Давыдович приходился Всеволоду двоюродным братом и, если бы не ошибка, благодаря которой Юрий был вычеркнут из числа живых, то думается, не возникло сомнений в том, что «другу» сестру Всеволода также выдал за своего двоюродного брата Юрия Ярославича Муромского.

Часто совпадающие имена князей позволили видеть в Юрии Ярославиче или сына Ярослава Ярополковича, или сына Ярослава Святополковича. Сына Ярослава Ярополковича — Юрия — в летописях отыскать не удалось. Возможно, этот князь появился в результате ошибки в Тверской летописи, где под 1155 г. Юрий Владимирович Долгорукий назван Юрием Ярославичем⁵⁷. То, что это ошибка, подтверждается текстами других летописей. Но если бы даже такой князь существовал, то для жениха был бы староват, т. к. его отец умер в 1102 г.⁵⁸ и к 1144 г. этому Юрию было бы не менее 44 лет.

Что касается Юрия, внука Святополка, то его кандидатура вряд ли бы устроила Рогнеду Мстиславну. Дело в том, что отец Юрия, Ярослав, был женат вторым браком на сестре Рогнеды. Женился Ярослав в 1113 г., а в 1118 г. выгнал жену, чем вызвал негодование ее деда Владимира Мономаха⁵⁹. Об этом событии Мономах даже написал в своем «Поучении»: «И потом ходили к Владимиру на Ярославца, не стерпев злодеяний его»⁶⁰. Поэтому кандидатура Юрия, внука Святополка, отклоняется по двум причинам. Если он был сыном Мстиславны, то приходился Всеволодковне двоюродным племянником. Если Юрий был рожден от другого брака Ярослава, то внучки Моно-

маха, помня о «злодеяниях» отца его, об оскорблении, нанесенном их сестре, в эту семью не вошли. А то, что Рогнеда и Всеволод поженили своих двоюродных сестер и братьев, является вполне понятным решением.

Таким образом, выявив недостоверность сведений о смерти Юрия Ярославича в 1143 г., делаем два важных вывода. После смерти Ярослава в 1129 г. в Муроме оставались три его сына: Святослав, Ростислав и Юрий, который продолжил муромскую ветвь Святославичей и который в 1144 г. женился на дочери Агафьи Владимировны, внучке Мономаха.

В следующих немногочисленных сообщениях летописей отчество князя не указывается, его называют Юрием Муромским. У Юрия известны два сына — Владимир и Давыд, причем родство их определяется на основании единственного сообщения 1187 г.⁶¹ Повторяющиеся имена муромских князей и отсутствие указаний на родителей привели к тому, что два князя, носившие имя Давыд, стали при составлении родословной одним лицом. На это указывает Тверская летопись, где под 1213 г. значится Давыд Муромский Владимирович⁶². У Давыда Владимировича были сыновья Святослав и Юрий, а у его брата Юрия сын Олег. В этот же период времени известны князь Ярослав, женившийся в 1226 г. на дочери Мстислава Удалого и княжна, вышедшая около 1216 г. замуж за Святослава Всеволодовича.

На основании вышеизложенного родословная муромских князей XI-XIII вв. выглядит таким образом:

тописям, в которых сохранилось наибольшее число упоминаний муромских князей. Если по количеству сообщений эти источники близки друг другу, то отличаются полнотой сведений. Почти во всех имеются разночтения, хотя многие из разночтений различаются только орфографией или порядком слов. Анализ разночтений, касающихся сообщений о муромских князьях, позволяет сделать вывод, что существовало несколько независимых друг от друга источников, где присутствовали сведения о жизни муромских князей.

Отмечается, что в более поздних сводах такие сведения сокращались или вовсе не включались в состав нового списка. Так, самые ранние летописи — Ипатьевская, Лаврентьевская, Летописец Переяславля Суздальского — сообщая о смерти Юрия Ярославича в 1174 г., дают самую полную информацию, хотя тексты различаются орфографией и порядком слов. В Ипатьевской летописи читаем: «В томъ же лете преставися Дюръдий князь Муромский, месяца генваря 19 день, и положенъ бысть у Христови церкви въ Муроме, юже самъ создалъ»⁶³. Московский летописный свод и Воскресенская летопись сообщают, что «того же лета преставися князь Юри Муромски генваря 19»⁶⁴. Тверская, Львовская и Ермолинская дают самый короткий вариант: «Того же лета преставися князь Юрий Муромский»⁶⁵. Но эти же три летописи дают наиболее полные сведения о муромских князьях в связи с событиями 1220 г., когда в поход на Болгар «Давыдъ Муромский посла сына Святослава Давыдича, а братъ его Юрий сына Олега Юриевича»⁶⁶. Московский летописный свод, Воскресенская летопись не указывают родство Давыда и Юрия⁶⁷, в Никоновской летописи под 1219 г. отразились сообщения двух источников⁶⁸, в Лаврентьевской и Троицкой эти сведения полностью отсутствуют. Единственное сообщение, по которому определяется родство Владимира и Давыда Юрьевичей, касается событий 1187 г., когда на свадьбе Всеволоды Всеволодовны во Владимире присутствовал Давыд и где его единственный раз называют по отчеству: «Бе на свадьбе из Муромы и Давыдъ Георгиевичъ»⁶⁹, — и в этот же год со Всеволодом на Рязань идет Владимир Юрьевич Муромский⁷⁰. Такие сведения вновь присутствуют в самых ранних списках: Летописце Переяславля Суздаль-

ского, Лаврентьевской, а также Троицкой летописях. События 1187 г., без сообщения о свадьбе Всеславы и упоминаний о Давыде Юрьевиче, но с известием о походе на Рязань, в т. ч. и Владимира Юрьевича, присутствуют в Московском летописном своде, Воскресенской, Никоновской, Тверской, Львовской летописях. Причем, в Тверской, Львовской и Никоновской отсутствует отчетство Владимира. Ермолинская летопись сообщает о свадьбе Всеславы, но без упоминаний о Давыде Юрьевиче. Очень серьезные разночтения присутствуют в сообщениях о событиях под Пронском в 1207, 1208 гг. Московский летописный свод и Воскресенская летопись под 1207 г. пишут о том, что Всеволод Юрьевич, взяв Пронск, посадил в нем тиуна, «а Изяславу съ братама своима раздели имъ отчину ихъ»⁷¹. Тверская, Львовская, Ермолинская, под тем же 1207 г. пишут о том, что Всеволод разделил «вотчину» трем братьям: Глебу, Олегу и Изяславу, не упоминая о тиуне⁷². Под 1208 г. Лаврентьевская, Троицкая и Никоновская летописи пишут, что Всеволод посадил в Пронске Олега Владимировича⁷³, а Летописец Переяславля Суздальского под 1208-1209 гг. дает оригинальное сообщение о том, что в Пронске Всеволод посадил Давыда Муромского и посадника Ослядюка. В 1209 г. Олег, Глеб, Изяслав и Кир Михаил привели к Пронску половцев. Давыд выехал к ним из города со словами, что на Пронск он не претендует, здесь посадил его Всеволод, и он готов город отдать и идти «въ свою волость». «И уладишася с ним и иде Давыдъ къ Мурому»⁷⁴. Эти серьезные разночтения говорят о двух, а, возможно, и трех источниках, откуда брались сведения о муромских князьях при составлении новых сводов.

Самые полные сведения, дающие представление о ситуации, сложившейся в Муроме после смерти Ярослава Святославича, присутствуют в Киевской летописи, входящей в состав Ипатьевской. Они охватывают период с момента вокняжения Ярослава в Чернигове в 1123 г. до смерти Юрия Ярославича в 1174 г. Только в Ипатьевской летописи сохранились сведения о событиях, последовавших после того, как в 1145 г. в Муроме умер Святослав Ярославич. Из этого сообщения видно, что Святослав был старшим в семье и то, что Муром был главным городом княжества

Мурома-Рязанского. «Той же зиме умре Святославъ, сынъ Ярославъ, у Мюроме, а братъ его Ростиславъ седе на столе, а Рязаню послаша меншего Ростиславича Глеба»⁷⁵. Дальнейшие события говорят о том, что Ростислав жестоко обошелся со своим племянником Владимиром Святославичем. Под 1146 г. читаем: «В то же время, Божьемъ милосердемъ, прибеже отъ строя Святославичъ Володимиръ, Ярославъ внукъ, къ Святославу, Новугороду»⁷⁶. Очевидно отношения Ростислава с племянником сильно обострились, и тот, бежав от дяди родного к двоюродному, нашел в Святославе Олговиче покровителя, благодаря которому получил надел в Рязанской земле. То, что в это время под Рязанью подразумевался не город, а земля, где имели уделы и представители других ветвей, следует из сообщений Никоновской летописи 1114-1129, 1131, 1134, 1147-1149 гг. Рязанскими землями с 1145 г. стремится полностью завладеть Ростислав Ярославич. Были владения в Рязанской земле и у Святослава Олговича. Так, направляясь в 1147 г. к Долгорукому в Москву, Святослав шел «съ Резани изъ Тешилова» с сыном Олегом и Владимиром Святославичем⁷⁷. В Москве они были встречены Долгоруким с большими почестями, а при отъезде были даны многочисленные дары и самому Святославу, «и сынови его Олгови и Володимиру Святославичю»⁷⁸. К этому времени проявляются сложные отношения между Ростиславом Ярославичем и его муромскими родственниками, державшими сторону Долгорукого. Союзнические отношения с Юрием Владимировичем сложились, очевидно, у Юрия Ярославича и по той причине, что он был женат на племяннице суздальского князя. Ростислав же стремился к союзу с Мстиславичами. В 1146 г. он вступил в союз с Изяславом Мстиславичем, помогая ему против Долгорукого, «воюя волость его». Долгорукий, шедший на помощь Святославу Олговичу, должен был вернуться. Его сыновья Ростислав и Андрей пошли к Рязани, чтоб наказать Ростислава, «Ростиславъ же выбеже изъ Рязаня в Половце къ Ельтукови»⁷⁹. И в 1147 г. Изяслав собирал силы против дяди в т. ч. и в Рязани. Но Долгорукий всячески препятствовал этому союзу. Так, в 1152 г., воюя с Изяславом, он послал за помощью и в Рязань. Тогда Ростислав Ярославич с «братьею», с рязан-

цами и муромцами, вынужден был пойти вместе с Юрием, «а не отрекоша ему»⁸⁰. Но, судя по оригинальному сообщению Львовской летописи под 1154 г., Долгорукий не доверял рязанскому князю, а, скорее всего, Ростислав и не скрывал своего желания к союзу с племянниками Юрия. Поэтому в 1154 г. Юрий изгнал Ростислава в «половцы», а в Рязани посадил сына Андрея. Но Ростислав, «совокупя Половцы поиде на Ондreja ночью». Неожиданное нападение привело к тому, что часть андреевой дружины была перебита, часть взята в плен, а сам Андрей «едва утече об одном сапоге». Бежал Андрей сначала к Мурому, что вновь подтверждает тесный союз князя муромского с суздальскими князьями, а уже затем возвращался домой в Суздаль⁸¹. В 1155 г. Рязанский князь укрепил свои отношения со Смоленским князем крестным целованием. Ростислав Мстиславич «целова хрестъ съ братьею своею съ Рязанскими князи, на всей любви; они же вси зряху на Ростислава, имеахуть и отцемъ себе»⁸².

В зависимости от применяемой системы летоисчисления, в летописях ряд событий имеет различную датировку. В Ипатьевской летописи под 1162 г. сообщается: «Том же лете преставися Володимиръ князь Рязани сынъ Святославль, внукъ Ярославличъ»⁸³. У Владимира, благодаря поддержке Святослава Ольговича, был какой-то удел в Рязанской земле. Судя по отсутствию сведений о Владимире после 1147 г., он мог с дядей примириться и входить в число т. н. «князей рязанских». О семье и детях Владимира сведений нет, поэтому его земли могли отойти к семье Ростислава, и после 1162 г. вся Рязанская земля могла полностью принадлежать роду Ростислава Ярославича.

Муромский князь Юрий Ярославич, а затем и его потомки, навсегда связали свои союзнические отношения с владими́ро-суздальскими князьями. Это было обусловлено соседством княжеств и подкреплялось династическими браками. Сейчас известны уже три таких брака. Как говорилось выше, Юрий Ярославич в 1144 г. женился на племяннице Долгорукого, дочери его кровной сестры Агафьи Владимировны. В связи с этим родством в летописях впервые появляется такое понятие, как «муромская помощь». Андрей Боголюбский отправил помощь во Вжищ юному князю Святославу Владимировичу, ставшему

чуть позже его зятем. Муромскому князю Святослав приходился по отцу двоюродным племянником, а его жене — родным. Андрей отправил сына Изяслава «съ всемъ плъкомъ, и муромьскаа помочъ с нимъ»⁸⁴.

Около 1215-1217 гг. на муромской княжне женился Святослав Всеволодович (род. 1196 г.), а в 1226 г. Ярослав Всеволодович просватал за муромского князя Ярослава свою свояченицу, дочь Мстислава Мстиславича.

Юрий Муромский в 1164 г. вместе с Андреем Боголюбским участвует в походе на волжских болгар⁸⁵. Впоследствии в военных походах на Новгород, Булгар, Киев, участвовали уже сыновья Юрия и Андрея. Судьба этих князей сложилась таким образом, что Юрий Ярославич умер за полгода до убийства Андрея, в январе 1174 г. «Том же лете преставися князь муромский Георгии месяца генваря въ 19 день, и положиша и у Христовы церкви в Муроме, яже бе самъ създаль»⁸⁶. Это сообщение дает повод задуматься, как выглядел муромский храм, строящийся одновременно с храмами Андрея Боголюбского. То, что был он белокаменным, подтверждают немногочисленные находки в Муроме белокаменных фрагментов храма XII в.

В период княжения Всеволода Юрьевича, а затем его сына Георгия, муромские князья неоднократно упоминаются как участники совместных походов на Булгар, Рязань, Пронск. В самых ранних летописных списках присутствуют известия, по которым можно судить о тесном общении князей муромских и владимирских и в мирное время. Будучи двоюродными племянниками Всеволода, Владимир и Давыд присутствуют на свадьбах его детей. Владимир умер 18 декабря 1203/1204/1205 г. До этого по имени он упоминается трижды: два раза как участник походов и один раз как гость на свадьбе Константина во Владимире в 1196 г.⁸⁷ Давыд же, напротив, до кончины Владимира упоминается как участник похода на Рязань один раз и два раза о нем говорится как о госте на свадьбе Всеславы в 1187 г. и Константина в 1196 г.

Поскольку имя Владимира в летописях появляется раньше и пишется первым, можно считать, что он был старше Давыда. Так как выяснилось, что в муромском княжеском доме было два Давы-

да, то велика вероятность того, что именно Владимир и Давыд Юрьевичи были теми братьями, о которых говорится в «Повести о Петре и Февронии». Поскольку Владимир — имя княжеское, он мог носить в крещении имя Павел, а Давыд, принимая постриг, в память о брате принял имя Петр. То, что оба Давыда это имя получили в крещении, является бесспорным и подтверждается летописными сообщениями. Но Давыд-Петр мог принять схиму и вновь принять имя Давыд. Предположение о том, что именно об этих князьях говорится в повести, подкрепляется тем, что братья совместно княжили в Муроме и Владимир-Павел умер первым, оставив Муром брату. О детях Давыда Юрьевича сведений нет, что также соответствует сюжету повести. И есть сообщение Летописца Переяславля Суздальского 1208-1209 гг., где рассказано о том, что Всеволод посадил Давыда в Пронске. В этих событиях присутствует факт ухода Давыда из Муром, его изгнание, но только из Пронска, и возвращение князя в Муром. Время смерти Давыда Юрьевича неизвестно.

В конфликте владимирских князей Георгия и Константина в 1213 г., на стороне Георгия участвовал Давыд Владимирович. Тверская летопись

в своем составе под 1203, 1213, 1220 и 1226 гг. сохранила ценные сведения, помогающие восстановить родословную муромских князей. Львовская и Ермолинская летописи также сохранили в своем составе сведения о том, что у Давыда, судя по характеру сообщений, был младший брат Олег. У братьев были сыновья. Наличие еще одного брата и детей у Давыда, умершего в 1228 г., исключает возможность его отождествления с Петром.

Оригинальное сообщение Лаврентьевской летописи под 1228 г. говорит и о предшествовавшей смерти Давыда смерти его сына, не названного по имени⁸⁸. Велика вероятность того, что это был Святослав. Под этим же годом говорится о сыне Давыда — Георгии⁸⁹. Чьими детьми были Ярослав и жена Святослава Всеволодовича, сказать однозначно нельзя, но предпочтительней является версия, что Давыда Владимировича.

Неизвестно, кто из муромских князей остался в живых после нашествия Батые. Самые поздние известия на период XIII в. дают сведения о том, что в живых остался Ярослав. В 1248 г. он выдал дочь Марию замуж за семнадцатилетнего ростовского князя Бориса Васильковича⁹⁰. Мария Ярославна умерла в Ростове в 1297 г.⁹¹

¹ Смирнов Ю. М. Вероятность реконструкции и реконструкция вероятности // Уваровские чтения-VII. — Муром, 2011. — С. 308.

² Там же. — С. 309.

³ Шиман Н. Б. Ярослав Всеволодович и его семья. Статистические показатели на материале летописных сводов // Уваровские чтения-VII. — Муром, 2011. — С. 249-250.

⁴ ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 15. — С. 113-114.

⁵ РЛ. — Рязань, 2001. — Т. 11. — С. 100.

⁶ ПСРЛ. — СПб., 1841. — Т. 5. — С. 134.

⁷ Там же.

⁸ ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 15. — С. 144.

⁹ РЛ. — Т. 11. — С. 106, 107.

¹⁰ Там же. — С. 123-127.

¹¹ ПСРЛ. — Т. 15. — С. 165-166.

¹² Там же. — С. 166.

¹³ Там же. — С. 145.

¹⁴ Назаренко А. В. О династических связях сыновей Ярослава Мудрого // Отечественная история. — 1994. — № 4-5. — С. 181-194.

¹⁵ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. — М.-Л., 1950. — С. 161.

¹⁶ Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия середина XII — середина XIII в. — М., 1990.

¹⁷ Назаренко А. В. Указ. соч.

¹⁸ Латиноязычные источники...

¹⁹ Хождение Даниила, игумена Русской земли // Сокровища

древнерусской литературы. — М., 1984. — С. 78.

²⁰ Латиноязычные источники...

²¹ РЛ. — Т. 11. — С. 139.

²² Там же. — С. 165.

²³ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях // Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII веков. — М., 2001. — С. 539.

²⁴ Латиноязычные источники...

²⁵ ПСРЛ. — Л., 1926-1928. — Т. 1. — С. 173.

²⁶ Там же.

²⁷ РЛ. — Т. 11. — С. 140.

²⁸ Там же.

²⁹ ПСРЛ. — Т. 15. — С. 176.

³⁰ РЛ. — Т. 4. — С. 126.

³¹ Новгородская первая. — С. 161.

³² РЛ. — Т. 11. — С. 141.

³³ Там же. — С. 143.

³⁴ Хождение Даниила... — С. 30.

³⁵ РЛ. — Т. 11. — С. 143.

³⁶ Там же. — С. 157-158.

³⁷ Там же. — С. 160.

³⁸ Латиноязычные источники...

³⁹ РЛ. — Т. 11. — С. 167.

⁴⁰ Там же. — С. 181.

⁴¹ Там же. — С. 185.

⁴² Там же. — С. 203.

⁴³ Там же. — С. 206.

- ⁴⁴ Там же. — С. 207.
⁴⁵ Там же.
⁴⁶ Зотов Р. В. О Черниговских князьях по Любечкому синодику и о Черниговском княжестве в татарское время. — СПб., 1892. — С. 176.
⁴⁷ Назаренко А. В. О династических связях... — С. 184.
⁴⁸ РЛ. — Т. 11. — С. 209.
⁴⁹ Там же. — С. 210.
⁵⁰ Там же. — С. 211.
⁵¹ РЛ. — Т. 2. — С. 320.
⁵² Там же. — С. 322.
⁵³ Тихомиров Д. Исторические исследования о генеалогии князей: Рязанских, Муромских и Пронских. — М., 1844. — С. 8.
⁵⁴ Там же. — С. 19-20.
⁵⁵ ПСРЛ. — Т. 15. — С. 293.
⁵⁶ РЛ. — Т. 11. — С. 226-227.
⁵⁷ ПСРЛ. — Т. 15. — С. 223.
⁵⁸ РЛ. — Т. 11. — С. 182.
⁵⁹ ПСРЛ. — Т. 15. — С. 191-192.
⁶⁰ ПСРЛ. — Т. 1. — С. 175.
⁶¹ Летописец Переяславля Суздальского, изд. К. М. Оболенским. — М., 1851. — С. 100.
⁶² ПСРЛ. — Т. 15. — С. 313.
⁶³ РЛ. — Т. 11. — С. 394.
⁶⁴ РЛ. — Т. 8. — С. 116; Т. 2. — С. 125.
⁶⁵ ПСРЛ. — Т. 15. — С. 249; РЛ. — Т. 4. — С. 165.
⁶⁶ Там же. — С. 330, 195.
⁶⁷ РЛ. — Т. 8. — С. 160; Т. 2. — С. 173.
⁶⁸ ПСРЛ. — СПб., 1885. — Т. 10. — С. 83.
⁶⁹ Летописец Переяславля Суздальского. — С. 100.
⁷⁰ Там же.
⁷¹ РЛ. — Т. 8. — С. 147; Т. 2. — С. 159.
⁷² ПСРЛ. — Т. 15. — С. 306.
⁷³ ПСРЛ. — Т. 1. — С. 298; Т. 10. — С. 57.
⁷⁴ Летописец Переяславля Суздальского. — С. 108-109.
⁷⁵ РЛ. — Т. 11. — С. 227.
⁷⁶ Там же. — С. 234.
⁷⁷ ПСРЛ. — СПб., 1862. — Т. 9. — С. 172.
⁷⁸ РЛ. — Т. 11. — С. 241.
⁷⁹ Там же. — С. 240.
⁸⁰ Там же. — С. 314.
⁸¹ РЛ. — Т. 4. — С. 153.
⁸² РЛ. — Т. 11. — С. 331-332.
⁸³ Там же. — С. 355.
⁸⁴ Там же. — С. 348.
⁸⁵ РЛ. — Т. 8. — С. 102.
⁸⁶ РЛ. — Т. 11. — С. 394.
⁸⁷ Летописец Переяславля Суздальского. — С. 102.
⁸⁸ ПСРЛ. — Т. 1. — С. 312.
⁸⁹ Там же.
⁹⁰ Там же. — С. 471.
⁹¹ Там же. — С. 528.

Н. Б. Шиман (Суздаль)

МУРОМСКАЯ КНЯЖНА МАРИЯ ЯРОСЛАВОВНА

Летописные источники сохранили немного сведений о муромских Рюриковичах, по этой причине сложно определяется степень родства тех, кто княжил в Муроме с конца XII до первой половины XIII вв. А затем и вовсе целое столетие сведения о муромских князьях в летописях отсутствуют.

Последний муромский князь, упоминаемый под 1248 г. — Ярослав. Кто был отцом Ярослава, летописи не сообщают. Под 1220 г. упоминаются два муромских князя — братья Давыд и Юрий, пославшие своих сыновей в поход на волжских болгар вместе с дружинами братьев и племянников в. к. Георгия Всеволодовича: «А Давыд Муромский посла сына Святослава Давыдича, а брат его Юрий сына Олга Юриевича»¹. Ярослав, не принимавший участия в походе, очевидно был совсем юным. Это подтверждается сообщением о его женитьбе в 1226 г. Ярослава выбрал в мужья для своей свояченицы Ярослав Всеволодович,

на попечение которого оставил семью ушедший в «Русь» Мстислав Удалой. Сам Ярослав Всеволодович был женат на дочери Мстислава — Феодосии, а ее сестру просватал за муромского князя. Свадьба состоялась в Переяславле Залесском в 1226 г. Ярослав «начать отдавати свесть свою за Ярослава, Муромского князя»². Известно только об одном ребенке, родившемся в семье, — это дочь Мария.

Мария Ярославна единственная представительница муромского княжеского дома, судьба которой прослеживается от рождения до смерти. Связано это с тем, что она вышла замуж в Ростов, где велось летописание, и если не прямые, то косвенные сообщения позволяют проследить жизнь муромской княжны.

Мария Ярославна родилась ок. 1233-35 гг., поскольку в 1248 г. была выдана замуж за семнадцатилетнего ростовского князя Бориса: «Же-

нился Борис Василькович у Ярослава, Муромского князя»³. Венчался Борис с Марией в святой Богородице в Ростове «и бысть радость велика»⁴. Свекровью Марии стала Мария Михайловна, дочь Михаила Черниговского. Известно, что она была очень образована, обладала литературными способностями и, несомненно, оказала большое влияние на свою юную невестку.

В 1250 г. Борис Василькович «иде в Орду», куда ходил затем не раз, участвовал в других важных событиях и был близок с Александром Ярославичем Невским, приходившемся Борису двоюродным дядей по отцовской линии.

По материнской линии Александр был двоюродным братом Марии Ярославны, что также способствовало близости Александра и Бориса. Известно, что в 1259 г., возвращаясь из Новгорода во Владимир, Александр с большими дарами заехал в Ростов⁵.

Известны три сына Марии и Бориса. Перенец Дмитрий родился 11 сентября 1253 г.⁶, 30 июля 1255 г. родился Константин⁷, и 16 апреля 1268 г. родился Василий⁸. О Василии после его рождения сведений нет, возможно, он умер в младенчестве. Марии Ярославне довелось пережить почти всех своих близких. В 1271 г. умерла ее свекровь, с которой вместе прожили они 23 года. «Преставися княгини Марья Василкова, декабря 9, в Зачатье, в день обедню поют, ту суццу сыну ея Борису с княгинею и з детьми»⁹.

В 1276 г. Мария и Борис женят старшего сына Дмитрия. И вскоре Мария с мужем и детьми идет в Орду. Что послужило причиной такой дальней поездки княгини? Может быть, уже в Ростове Борис Василькович чувствовал себя нездоровым, и Мария считала своим долгом сопровождать мужа. 16 сентября 1277 г. Борис Василькович умер в Орде¹⁰. Почти два месяца длилось печальное возвращение домой с далекого Кавказа. Вместе с сыном Дмитрием Мария Ярославна привезла мужа в Ростов, где 13 ноября он был похоронен в соборной церкви «святыя Богородица на левой стороне»¹¹.

После смерти Бориса Васильковича непросто складывались отношения между ее сыновьями Дмитрием и Константином. Приходилось Марии Ярославне видеть их вражду из-за отцовского наследства. Но еще более тяжелым событием

была смерть сына Дмитрия в 1294 г.¹² У Дмитрия остался восьмилетний сын и две дочери — Анна и Василиса. Еще одна дочь в 1292 г. уже была выдана замуж в Переяславль¹³. Анна и Василиса выходят замуж почти сразу же после смерти отца, Василиса за в. к. Андрея Александровича, а Анна за Михаила Ярославовича Тверского¹⁴. Анна и Михаил венчались 8 ноября в тверском храме св. Спаса, венчал их епископ Андрей¹⁵. Возможно, что Мария Ярославна позаботилась о судьбе внушек, оставшихся без отцовского покровительства, и постаралась как можно быстрее устроить их жизнь. Сама она прожила после этих событий недолго. Под 1297 г. в летописи по Академическому списку находим сообщение о том, что «того же лета преставися княгини Борисова Василковича»¹⁶.

Мария Ярославна относится к небольшому числу женщин-княгинь, чья жизнь отражена в летописных источниках. Известна и трагическая судьба ее внучки Анны, которая почитается как святая Анна Кашинская. Выйдя замуж в Тверь за кн. Михаила Ярославича, Анна Дмитриевна стала снохой бывшей новгородской боярышни Ксении Юрьевны и прожила рядом с ней почти девятнадцать лет. Это родство обращает на себя внимание в связи с двумя известнейшими древнерусскими повестями: «Повестью о Петре и Февронии Муромских» и «Повестью об отроке тверского князя» (или «Повесть о Тверском Отроке монастыре»). Несмотря на то, что в «Повести о Петре и Февронии» «отмечают присутствие многочисленных эпизодов, как бы цитирующих русскую волшебную сказку»¹⁷, и то, что повесть «очень тонко сопрягает дохристианскую мифологию наших предков с христианскими воззрениями»¹⁸, «тем не менее, в научной литературе неоднократно предпринимались попытки обнаружить исторические корни легенды и связать имена Петра и Февронии с достоверно известными историческими персонажами»¹⁹. Родственные связи бывшей муромской княжны Марии, ставшей ростовской княгиней, не позволяют установить, кто скрывается за именами Петра и Февронии, но позволяют сделать предположение, что она имеет как прямое отношение к распространению истории о Петре и Февронии Муромских, так и косвенное к появлению истории об отношениях в. к. Ярослава и новгородской боярышни Ксении.

Мария Ярославна приехала в Ростов вскоре после гибели в Орде деда своего мужа — Михаила Черниговского. Марии довелось видеть, как ее свекровью создавалось в Ростове сказание об убийстве кн. Михаила, велось летописание. Прикосновение к литературным трудам кн. Марии Михайловны могло способствовать тому, что муромская княжна, знавшая необычную историю отношений Петра и Февронии, случившуюся за несколько десятилетий до ее рождения, также стремилась сохранить память о своих родственниках. Известно, в каком виде сохранялась легенда на протяжении столетий до появления в XVI веке знаменитого произведения Ермолая-Еразма. Но то, что история Петра и Февронии была известна в XIII в., подтверждает тверская повесть, рассказывающая о реальных исторических лицах — в. к. Ярославе Ярославиче и его второй супруге Ксении Юрьевне. Об исторической связи между этими преданиями можно утверждать, поскольку Мария Ярославна приходилась двоюродной сестрой мужу Ксении Юрьевны — Ярославу, а ее внучка Анна стала снохой тверской княгини. Историю о Петре и Февронии Ксения Юрьевна могла услышать как от Анны, так и от самой Марии Ярославны. Близкое родство Марии и Ксении предполагает их тесное общение, хотя бы в процессе сватовства детей. Мария могла присутствовать и на венчании Анны, быть некоторое время в гостях в Твери.

Вряд ли можно считать случайным совпадением родство муромской княгини с тверским княжеским домом и появлением на тверской земле истории, сюжет которой в XVII в. лег в основу «Повести об отроке тверского князя», где, как и в истории о Петре и Февронии, главной темой является неравный брак, а героиня Ксения, как и Феврония, — «мудрая дева». Тема неравного брака взволновала тверскую княгиню. После смерти мужа недоброжелатели могли упрекнуть ее в не княжеском происхождении.

Впоследствии отношения ее сына Михаила с новгородцами не сложились и по этой причине. Именно Ксения Юрьевна была заинтересована в том, чтоб и на тверской земле появилось красивое предание, объясняющее неслучайный выбор жены тверским князем. Это предание должно было утверждать мысль о том, что выбрана Ксе-

ния князем не только за необыкновенную красоту, ум и многие добродетели, но и о том, что брак их был предопределен судьбой. Эта мысль отражена и в повести XVII в., где Ксения говорит князю Ярославу, горюющему о любимом отроке: «Аще бы не божиим повелением, како бы было мощно тебе, великому князю, к нашей нищете приехать и пояти мя за себя».

Незамеченное сообщение 1226 года о женитьбе муромского князя Ярослава на дочери Мстислава Удалого в какой-то степени определило то, что две известные повести сопоставлялись только как литературные произведения, имеющие в качестве героинь «мудрых дев», вступивших в неравный брак, но не устанавливалась между ними связь историческая, существование которой вряд ли можно отрицать.

В результате тщательного исследования летописных списков для выявления сведений, касающихся судьбы Марии Ярославны, в составе Пискаревского летописца автором обнаружено «Сказание о Отроке монастыре, еже есть во Твери». Поскольку Пискаревский летописец составлен в первой половине XVII в., то «Сказание» старше широко известного произведения, появившегося во второй половине XVII в. Текст «Сказания» достаточно краток и имеет ряд исторических неточностей, т. к. речь в нем идет о тверском князе Михаиле, а не о его отце Ярославе Ярославиче. С большой долей вероятности можно предположить, что имя князя было изменено при переписке текста, чему способствовали предшествующие сообщения под 6779 г., где говорится о смерти князя Ярослава и о рождении его сына Михаила.

Текст «Сказания» требует отдельного тщательного исследования, поэтому автор лишь ставит задачу ввести его в научный оборот, поскольку все новые данные, касающиеся тверского предания, ведут к разгадке истории Петра и Февронии Муромских.

«Сказание о Отроке Монастыре, еже есть во Твери. При великом князе Михаиле тверском некий боярин у него именем Федор, а у него сын млад, а взяша его въ Дмитров отроком, образом красен и смыслен. И любяше его князь великий и вси людие. И хотяше его князь велики оженити от своего царьскаго племяни. И не хотяше отроку оженитися. И не в кое время поеха отрок

на ловы звериные для потехи, и прииде дождь, и заеха не в кую весь. И по суду божию полюбися ему у гостинника дочь, зело красна и смыслена. И приходяше ко отцу и к матери многожды унылым лицом и хотяше поведати, и стыдися отча лица. И узнаша отец и мать, и начат его вопрошати многожды, и не могоша поведати срама ради. И не в кое время сказаха о сем отцу и матери. И запретиша ему отец и мать пояти ея, как тако ю от простых людей понять вельможину сыну. И отрок неуклонно со злезамы глагола отцу и матери, и всему роду, и отцу духовному. И многа о сем стонаше отец и мать: как так створити. И се судьбами божими послаше по нее отец имать на смотрение ея, и роивезоша ю, и дивишася красоте ея и разуму, и даша на его волю. И известиша о сем великому князю. И едва князь сотвориша волю их, и как прииде время браку, в той час приеха внеза-

пу князь великий и поя себе ю въ жены, а царицу Марфу постриже въ Марфине монастыре для бездетства. И отрок от того часа пострижеса въ монастыре, и потому прозвася Отроч монастырь; а где постриже великую кнеиню Марфу, и тот монастырь прозвася Марфин. И как преставися князь Михаил тверский, и после его прислал ординской царь по кнеиню его, хотя взять за ся для красоты ея. И она не хотяша и дая послом многи дары. И Удамал един посол, чем избыти и глагола: „Не разъяри царя, поди, а сотвори тако: измыйся в мыльне в пару синею репою и после того не умывайся. Не полюбит тя царь”. И поеха великая княгиня со злезамы къ царю, и сотвори повеленное послом. И видя ее царь и не полюби, и почти вельми, и отпусти во Тверь. И она многи дары даша послу»²⁰.

¹ ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 15. — С. 330.

² Там же. — С. 345.

³ ПСРЛ. — М., 1962. — Т. 1. — С. 471.

⁴ Там же.

⁵ Там же. — С. 475.

⁶ Там же. — С. 473.

⁷ Присёлков М. Д. Троицкая летопись. — М.-Л., 1950. — С. 324.

⁸ ПСРЛ. — Т. 15. — С. 403.

⁹ ПСРЛ. — Т. 1. — С. 525.

¹⁰ Присёлков М. Д. Указ. соч. — С. 334.

¹¹ Там же.

¹² Там же; ПСРЛ. — Т. 1. — С. 525.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ ПСРЛ. — Т. 15. — С. 407, 347.

¹⁶ ПСРЛ. — Т. 1. — С. 528.

¹⁷ Алексеева Л. М. Легенда о Петре и Февронии как возможный ключ к расшифровке древнейшей мифологии Европы // Уваровские чтения-V. — Муром, 2003.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Самойлова Т. Е. К истории почитания Петра и Февронии Муромских // Уваровские чтения-V. — Муром, 2003.

²⁰ ПСРЛ. — Т. 34. — М., 1978. — С. 98.

Л. В. Угроватова (Муром)

МУРОМ И ВОЛЖСКАЯ БУЛГАРИЯ

Одной из самых известных достопримечательностей города Мурома является величественная фигура Ильи Муромца, стоящая в Окском парке. Могучий богатырь воинственно поднял меч над головой и грозно смотрит в заокские дали. Весь его облик как бы говорит: «Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет!» Будущее месторасположение памятника в свое время бурно обсуждалось на страницах местных газет: правомерно ли нам грозить своим восточным соседям? Многочисленные туристы, посещающие наш город, тоже задаются вопросом: случайно или нет место, выбранное для увековечивания памяти грозного воина. Цель данной работы — попытаться ответить

на эти вопросы, выяснить, чего во взаимоотношениях древнего Муромского княжества с соседями было больше: ненависти, вражды или дружбы, взаимовыгодного сотрудничества. Из всех соседей Муромского княжества меня больше всех заинтересовала Волжская Булгария.

Волжская Булгария (Волжская Болгария, Волжско-Камская Булгария, Волго-Камская Болгария, Серебряная Булгария, чуваш. Кёмёл Пулкар, тат. Идел Болгары) (922-1239) — государство, существовавшее в X-XIII веках в среднем Поволжье и бассейне Камы.

Вариации корневого звука О или У зависят от особенностей различных языков. В оригина-

ле корневой звук гласной буквы после Б звучал как нечто среднее между гласной Ъ в болгарском языке, приглушенным У и О. Современные болгары называют себя българи, используя гласную Ъ. Название болгары употребляли византийские греки, описавшие этот период истории в письменных источниках. Название болгары употребляли русские летописцы, описавшие военные походы русских князей на Волжскую Булгарию в существующих древнерусских летописных сводах¹.

Письменные источники не дают полной информации о территории Волжской Булгарии. Персидские и арабские географы считали страну болгар самой северной в мире страной, населенной мусульманами, находящейся в седьмом климате.

Опираясь на письменные и археологические источники, разные авторы по-разному определяют границы Волжской Булгарии. Традиционно считается, что территория Волжской Булгарии включала часть территорий Среднего Поволжья: Предкамье, Закамье и Предволжье. Меня прежде всего интересовала западная граница этого государства: насколько она была далека от Муромской земли. Но и на этот счет у современных ученых нет единства. Некоторые мусульманские географы X-XI веков помещают западные границы Волжской Булгарии к востоку от славянских племен. Ф. Ш. Хузин — по реке Суре, А. Х. Халиков и Е. П. Казаков — в районе бассейна реки Свияги. В представлении некоторых исследователей, например, М. З. Закиева, западные границы совпадают с границами Древней Руси.

Основу хозяйства болгар составляло пашенное земледелие и скотоводство. Достаточно высоко у них было развито ремесло.

В период, предшествовавший нашествию татаро-монгольских орд, отношения между восточными русскими княжествами и Волжской Булгарией не были стабильными². Можно выделить несколько этапов этого взаимодействия.

Город Муром носит имя расселявшихся в данном регионе племен финской языковой семьи. Ипатьевская летопись называет мурома племенем, стоящим на значительной ступени культуры и участвовавшим в торговле с Востоком. В X-XI вв. болгары оказывали сильное влияние на это племя, и «есть основание думать, что болгары жили в самом Муроме»³. «Важнейшим косвенным усло-

вием, стимулирующим быстрое развитие ремесла и промыслов муромской деревни, было торговое движение по Оке, основными агентами которого являлись болгарские купцы. Муром был, очевидно, одним из основных пунктов этой торговли, о чем свидетельствуют находки богатейших кладов арабских монет VIII-X веков как в самом городе, так и в ближайшей его округе. Они говорят о постоянных наездах, а возможно, и о длительном пребывании здесь болгарских купцов. Очевидно, Муромский край представлял для них большой интерес»⁴.

До 1088 года летописи умалчивают о столкновениях болгар с русами. Однако, разгневанные грабежами и разбоями по отношению к своим купцам на территориях Рязанского и Муромского княжеств и не найдя защиты у великого князя, который навряд ли из Киева мог повлиять на своих удельников, болгары предприняли захват Мурома. Под 1088 г. русские летописи сообщают о взятии болгарами города Мурома: «Взяша болгаре Муром». Подробности данного события находим у В. Н. Татищева: «В те же времена были на Волге и Оке разбои, и много болгар торгующих пограбили и побили. Болгаре же прислали ко князю Олегу и брату его Ярославу просить на разбойников, но не получа управы и взятого, пришед с войски, Муром взяли, а села пожгли»⁵.

При набегах болгары рассчитывали на внезапность удара и на хитрость. Вести правильную осаду они не умели. Подойдя к городу, окружали его и пытались взять измором, выжигая одновременно окружающие деревни и села. Муром, скорее всего, был захвачен благодаря внезапности нападения, но удержали его болгары в своих руках недолго. В 1095 году в Муроме уже посадник князя Олега Святославича.

Расчет на силу оружия, которой болгарская дипломатия постепенно вынуждала сдать позиции, себя не оправдал. Любое вооруженное действие со стороны болгар служило поводом для организации широкомасштабных походов объединенных суздальских, муромских и рязанских дружин по болгарским тылам. В 1120 году Юрий Долгорукий «ходи на Болгары и взял полон мног и полк их победи».

Активное наступление русских на восток и северо-восток началось при преемнике Юрия, его

сыне Андрее Боголюбском. В 1164 году Андрей вместе с сыном Изяславом, братом Ярославом и муромским князем Юрием совершили большой и удачный поход на болгар. Согласно Лаврентьевской летописи, русские князья болгар «исекоша множество, а стягы их поимаша, и едва в мале дружине утече князь Болгарьскыи до Великаго города. Князь же Ондрей воротися с победою, видев поганые Болгары избиты, а свою дружину всю здраву, стояху же пеши с святою богородицею на полчище под сиягы. И приехав до святое богородици (и до пешец) князь Андрей с Гюргием и со Изяславом и со Ярославом и со всею дружиною... и шедше взяша град их славныи Бряхимов, а переде 3 городы их пожгоша»⁶.

Через восемь лет, зимой 1172 года, Андрей организовал новый поход на болгар. Возглавили его сыновья владимирского, муромского и рязанского князей. Летопись указывает, что молодые княжичи отправились с неохотой, так как военная кампания против болгар в зимний период была сопряжена с большими трудностями. Но послушаться воли отцов они не могли. Собравшись в устье Оки, они две недели ждали подхода войска и, не дождавшись, выступили с небольшой дружиной. Тем не менее, им удалось взять шесть сел и один город. Узнав, что русская рать невелика, болгары сделали попытку контрудара. Они в короткое время сумели собрать шеститысячную рать. И только чистая случайность спасла дружины русских князей от встречи с нею. Мстислав с союзниками отошли к устью Оки, а затем вернулись «в своя си».

В 1183 году Всеволоду Большое Гнездо удалось организовать грандиозный поход русских князей на болгар. Помимо Всеволода, в походе приняли участие его племянник Изяслав Глебович, князь Мстислав Давыдович, сын смоленского князя Давыда Ростиславича; четыре сына рязанского князя Глеба Ростиславича: Роман, Игорь, Всеволод и Владимир, а также муромский князь Владимир Юрьевич. Трехдневная осада болгарской столицы, Биляра (Великого города русских летописей), не была успешной для русских князей. Город взять не удалось. В один из приступов был смертельно ранен племянник Всеволода князь Изяслав. Осажденные болгары предложили мир, который, по всей видимости, и был принят. Всеволод со своими союзниками отошел к Исадам, а от-

туда вернулся во Владимир, пустив конные полки на мордву. Очевидно, некоторые мордовские племена в то время ориентировались на Болгарию, чем и была вызвана акция Всеволода.

Переломным моментом в споре Болгарии и Владимиро-Суздальской Руси за мордовские земли явился 1220 год. В 1217-1219 годах болгары захватили Унжу и Устюг. В ответ ростовские, суздальские и муромские полки под командованием брата владимирского князя Святослава Всеволодовича взяли, разграбили и сожгли крупный город Ошель. Военный разгром 1220 года был самым серьезным из всех ударов, нанесенных русскими князьями Болгарии.

Трижды болгарские послы приходили к Юрию Всеволодовичу просить о мире. Первые два посольства Юрий отослал, готовя новый серьезный и, по всей видимости, более мощный поход на болгарские города. Болгарская дипломатия приложила много усилий, чтобы убедить его в предпочтительности мира. В. Н. Татищев сообщает, что когда пришли третьи «послы от болгар из Великого града со многими дарами», князь Юрий «послушав просьбы их, учинил с ними мир на прежних договорах, каковы были учинены при отце его. И взяв от них роту, послал в Болгары своих послов привести князей их к роте, а сам возвратился во Владимир»⁷.

В 1221 году в Городце между Владимирским княжеством и Волжской Булгарией было подписано перемирие на шесть лет, в 1229 году в Кореневе — еще на шесть лет. По-видимому, одним из условий договора был отказ болгарского эмира от контроля над мордовскими племенами. Далеко не случайно то обстоятельство, что именно в 20-х — 30-х годах XIII века владимиро-суздальские феодалы не предпринимают больше походов против Болгарии, но начинают интенсивно осваивать мордовские земли. Уже в 1221 году Юрий Всеволодович в важном стратегическом месте при впадении Оки в Волгу заложил Нижний Новгород: «Там, где исстари находился град болгарский»⁸.

Таким образом, в отношениях между русским княжеством и Волжской Булгарией можно выделить два периода. Первый характеризуется мирным сосуществованием, активным развитием торговых отношений. По договору 1006 года, который заключил Владимир Святославович с бул-

гарами, купцы получали право «торговать без опасения». Он оказал решающее влияние на развитие Мурома, бывшего тогда главным русским городом на Оке. С этого времени в Муроме стали особенно интенсивно расти гончарное, кузнечное, костезное и другие ремесла. Муромцы продолжали вести обширную торговлю с камскими булгарами, Черниговской и Рязанской землями⁹.

После ста лет спокойной жизни в болгаро-русских отношениях мирные периоды начинают перемежаться военными столкновениями в связи с укреплением у первых ислама, а у вторых православия. В стычках подобного рода еще нет политических целей. Р. Г. Фахрутдинов пишет, что источники по внешнеполитической истории Волжской Булгарии, главным образом по ее связи с Киевской Русью, показывают, что эти связи в основном были добрососедскими, если исключить несколько инцидентов, вызванных чисто экономическими причинами (сбор дани, ограбление купцов). В этот период еще не ставятся широкие политические цели, нет стремления к расширению границ. Этим кончается первый период русско-булгарских взаимоотношений.

Второй период этих отношений связан с образованием Северо-Восточной Руси с политическим центром на Верхней Волге. С конца XI в. столкновение интересов приводило к военным конфликтам Волжской Булгарии с Северо-Восточной Русью. В трудах разных ученых-историков указываются разные причины вражды. Противоречия между ними возникали из-за земель по Оке и ее притокам, населенными мордовскими племенами, а также по поводу добычи пушнины на Севере и торговли с Востоком. В XII веке отношения с Булгарией уже не были стабильными: давние торговые русско-булгарские связи укрепляли их, столкновения в связи с поволжской колонизацией ослабляли. Второй поход булгары совершили в 1107 г. на Суздаль. Возможно, со взятием Суздаля булгары связывали уже решение каких-то политических вопросов. Нападение Юрия Долгорукого в 1120 году на булгар преследовало цели скорее грабежа, чем захвата какой-либо территории. Не случайно поэтому летописи вначале сообщают о захвате Юрием «полона многа» и лишь затем говорят о его сражении с булгарами. Поход 1120 года был единственной активной акцией

Юрия Долгорукого против восточных соседей.

В работе Р. Бариева «Философские аспекты этногенеза Волжских Булгар» речь идет о других причинах. «Причины походов русских на булгар были разными. Так, например, поход Юрия Долгорукого в 1120 г., по мысли некоторых исследователей, был связан с отравлением булгарами его тестя половецкого князя Аепы. В Ипатьевской летописи об этом говорится: „Придоша половци к болгарам, и высла им князь болгарский пищи с отравою, и пив Аепак и прочие князи вси помраша”. Юрий Долгорукий с братом своим Глебом не замедлил выступить против булгар по Волге на ладьях с суздальским и ростовским войском. Несмотря на большие силы, с которыми булгары выступили против войска Юрия Долгорукого, они были побеждены, и русские вернулись с добычей. Неприязнь к булгарам передалась сыну Юрия Долгорукого от половчанки Андрею Боголюбскому, который не забыл, что булгары отравили его деда Аепу»¹⁰.

Наибольшее количество походов связано с именем Андрея Боголюбского. Полуполовец, его матерью была дочь хана Аепы, имевший второе половецкое имя Катай (Китай), знавший половецкий язык, много раз взаимодействовавший с половцами в борьбе с своими противниками, Андрей Юрьевич был великим строителем земли Русской. Женатый на болгарской принцессе, он в борьбе за преобладание Владимиро-Суздальской Руси не раз ходил походом на Волжскую Булгарию, постоянно поддерживал церкви и монастыри, усердствовал в обращении многих булгар и евреев в христианскую веру.

Взаимные вторжения продолжались и после гибели Андрея Боголюбского, что видно из письма Всеволода в 1182 г. киевскому князю Святославу Всеволодовичу: «Отче и брате, се булгары соседи наши... суть вельми богаты и сильны, ныне пришед по Волге и Оке, якоже и коими с великим войском многие города разорили, людей бесчисленно пленили, которым я един противиться не могу... Половцев же призывать не хочу, ибо они с булгары язык и род един».¹¹ Татищев причину вторжения булгар в русские земли объясняет тем, что они искали «управы на русских грабителей». Как бы там ни было, Всеволод начал готовиться к ответному вторжению.

По этому поводу Н. М. Карамзин писал: «Подобно Андрею смотря с завистью на цветущую художествами и торговлею Болгарию, Всеволод желал овладеть ею, и звал других Князей к содействию. Война с неверными казалась тогда во всяком случае справедливою»¹².

Подводя итог вышесказанному, можно сделать следующие выводы. Долгое время Муром был крайним восточным форпостом Руси. Он располагался на перепутье торговых путей между Русью и Булгарией. Имея довольно активные отношения с Волжской Булгарией, Муром очень рано сделался одним из зажиточных городов северо-восточной Руси. Но частые военные столкновения между Русью и Волжской Булгарией на протяжении многих лет заслонили культурные связи между этими народами. Неоднократно жители отражали нападения воинственных соседей.

Нельзя рассматривать летописные сообщения о войнах с соседними народами только как защиту русских против набегов жестоких инородцев. Волжские булгары зачастую сами становились жертвой алчности русских князей.

Муром являлся крайним укрепленным пунктом русской земли на востоке, поэтому муромские князья постоянно принимали участие в военных походах, организованных владимирскими князьями, чаще всего в составе войска Андрея Боголюбского.

С этой точки зрения, Илья Муромец, стоящий на месте, где находился древний муромский кремль, как нельзя более точно отражает нашу древнюю историю. Но с другой стороны, изображение богатыря с занесенным над головой мечом, грозно глядящего в земли наших добрых соседей, выглядит в крайней степени некорректно.

¹ Волжская Булгария. Материал из Википедии — свободной энциклопедии. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: // [http://pascal-entering.ru/wiki/index.php/Волжская Булгария](http://pascal-entering.ru/wiki/index.php/Волжская_Булгария).

² Гагин И. А. Политические и культурные связи Волжской Булгарии и Восточной Руси перед татаро-монгольским нашествием. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: // <http://bulgarforum.ru/topic52.html>.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Бариев Р. Философские аспекты этногенеза Волжских Булгар. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: // <http://www.balkaria.info/library/b/bariev/1/glava31.htm>.

www.balkaria.info/library/b/bariev/1/glava31.htm.

⁶ Гагин И. А. Указ. соч.

⁷ Волжская Булгария. Материал из Википедии — свободной энциклопедии.

⁸ Гагин И. А. Указ. соч.

⁹ Муром. Историко-экономический очерк. — Владимир, 1962. — С. 7.

¹⁰ Бариев Р. Философские аспекты этногенеза Волжских Булгар.

¹¹ Там же.

¹² Карамзин Н. М. История государства Российского. — М., 2009. — С. 205.

А. А. Горская (Муром)

КАК УВАРОВЫ ОСВОБОЖДАЛИ КРЕСТЬЯН¹

В основе настоящего исследования лежат документы, хранящиеся в фондах Муромского музея (данные волостных правлений 1869 года, доставлявшиеся в Земскую управу Мурома, а также документы из личного фонда графов Уваровых 1851 года), Государственного архива Владимирской области (фонд Губернского по крестьянским делам присутствия), а также опубликованные источники по крестьянскому и помещичьему землепользованию.

Первые документальные сведения о Карачаровской вотчине относятся к XVII веку. Известно, что первоначально она принадлежала князьям Сулешевым, затем перешла во владение

князей Черкасских. Впоследствии вотчина была отдана в приданое за Варварой Алексеевной, дочерью князя А. М. Черкасского, выданной замуж за Петра Борисовича Шереметева. В 1774 году Карачаровская вотчина перешла к графу Алексею Кирилловичу Разумовскому как приданое за дочерью В. А. и П. Б. Шереметевых Варварой Петровной. По отдельному акту о наследстве Карачаровская вотчина отошла к графине Екатерине Алексеевне Уваровой, урожденной Разумовской, жене графа Сергея Семеновича Уварова. После смерти Е. А. Уваровой по отдельному акту 1849 года между Сергеем Семеновичем и Алексеем Сергеевичем Уваровым владельцем Карача-

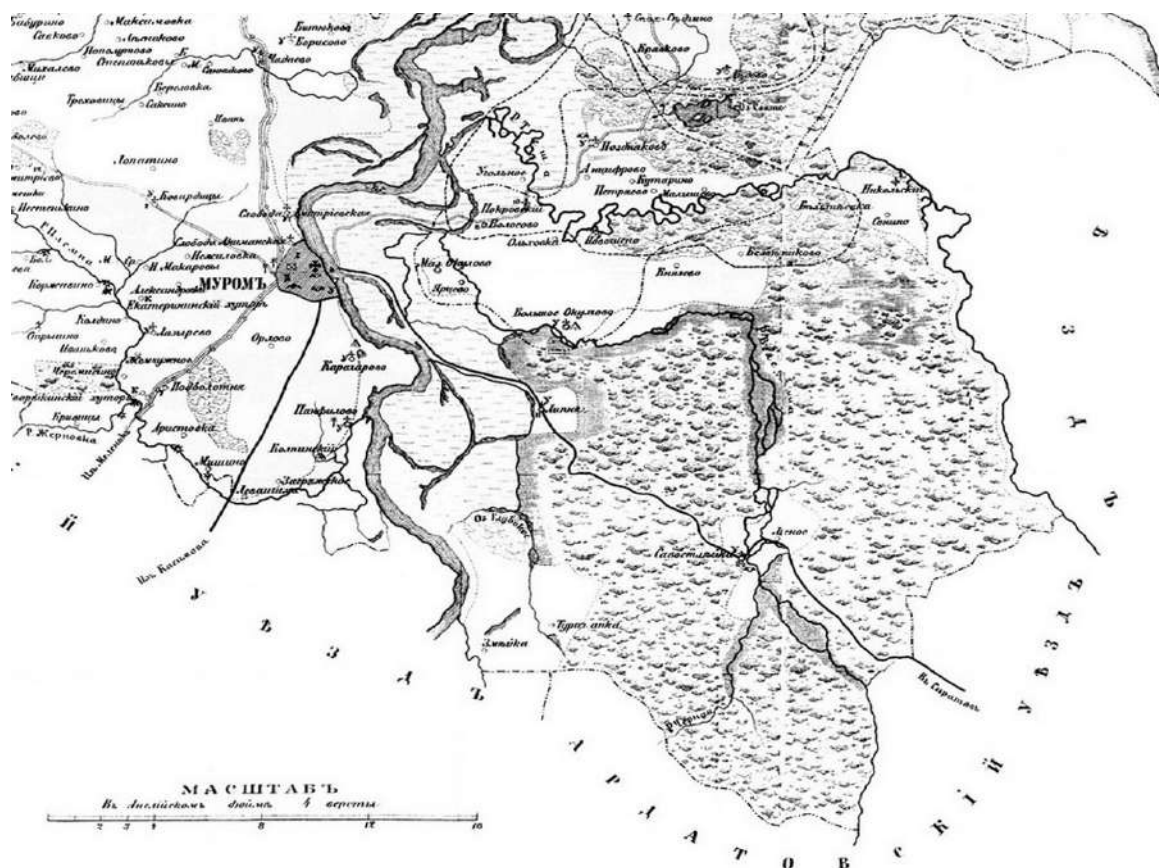

Рис. 1. Фрагмент карты Муромского уезда Владимирской губернии. Составитель Н. Г. Добрынкин. 1877 год

рова становится последний. Согласно алфавиту имений Муромского уезда², в состав владений графа А. С. Уварова входили села Карачарово, Панфилово, Окулово, Савастлейка и деревни Липня, Загряжское, Левашово, Змейка, расположенные на северо-востоке Муромского уезда в Карачаровской, Липинской и Петроковской волостях на обоих берегах реки Оки. Природные условия этих территорий и их экономические характеристики были различны. Самая большая Липинская волость была наименее населенной из-за неблагоприятных природных условий, большую часть волости занимали болота и другие неудобные места. К тому же в заречной части, земли которой располагались в пойменной долине, посевы нередко смывались половодьем, поэтому, несмотря на то, что суглинистая почва была пригодна для земледелия, она была занята заливными лугами.

Чтобы рассчитать, какие изменения произошли в землепользовании крестьян в ходе реформы, необходимо определить количество крестьян мужского пола, имевших земельные наделы до и после 1861 г. Документы из архива Уваровых в фондах музея за 1851 год указывают

цифру в 3677 душ мужского пола. В. Г. Зимина в своей диссертации, посвященной реформе 1861 года во Владимирской губернии, указывает, что до реформы в имении Уварова в Муромском уезде проживало 3705 душ мужского пола³. Приложения к трудам редакционных комиссий⁴ уточняют эту цифру — в имении Уваровых проживало 3696 крестьян и 9 дворовых — всего 3705 душ мужского пола. Еще один источник, хранящийся в ГАВО, — «Сведения о поземельном устройстве бывших временнообязанных крестьян по выкупным документам по Муромскому уезду»⁵, сообщает, что в Карачаровской вотчине по Х ревизии проживало 3699 крестьян и 6 дворовых, что в сумме дает также 3705 душ мужского пола. «Списки населенных мест Российской империи»⁶, изданные центральным статистическим комитетом министерства внутренних дел в 1863 году по сведениям 1859 года, то есть по результатам X ревизии, указывают цифру в 3759 душ мужского пола. Недостатком этого источника является то, что его данные несколько завышены, так как «Списки населенных мест» указывают общее число жителей мужского пола, а не только крестьян.

В дальнейшем при наших расчетах за основу будут взяты данные из «Сведений о поземельном устройстве бывших временнообязанных крестьян по выкупным документам по Муромскому уезду», так как они содержат информацию по всем селениям графов Уваровых в динамике, информация будет дополнена сведениями из документов, хранящихся в Муромском музее.

Согласно «Сведениям», до 1861 года в Карачаровской вотчине пользовались земельными наделами 3699 крестьян, а после реформы землю получили 3678 душ мужского пола. Также произошла и отрезка земель; всего у крестьян было отрезано 722 с половиной десятины земли. Прирезку земли в 45,3 десятины получили только крестьяне Савастлейки.

Таблица 1. Распределение земли в пользовании крестьян по селениям Карачаровской вотчины (в десятинах)

Селение	До 1861 г.	После 1861 г.	Изменение
Карачарово	3313,1	3114,7	-198,4
Большое Окулово	2700,5	2349	-351,5
Панфилово	2202,7	2173,5	-29,2
Савастлейка	1314	1359,2	45,3
Липня	918,4	882,1	-36,3
Змейка	483,1	483,1	0
Загряжское	465	418,3	-46,7
Левашово	265,5	205,1	-60,4
Всего	11662,3	10985,1	-677,2

П. С. Уварова в своих мемуарах вспоминает, как происходило наделение крестьян землей: «Муж с управляющим объезжал ежедневно по одной из окружающих и принадлежащих нам деревень, знакомил крестьян с планом, обходил с ними поля⁷, пояснял им, что именно должно будет им принадлежать, выслушивал их заявления и претензии, заносил их в свою записную книжку, объясняя крестьянам, что будут назначены правительством особые мировые посредники, при участии которых будут составлены для каждой деревни особые планы с указанием нарезанной земли, ее качества и годности для обработки под поле, луг или пастбище... Постоянно высказывались мужем... заботы о благоустройстве крестьян, о чем усердно списывался он как с главным управляющим, так и с поместными, предписывая при малейших недоразумениях сообщать ему письмом или даже телеграммой, чтобы дать ему возмож-

ность приехать для переговоров с крестьянами. Такому сердечному и доброжелательному отношению к новым задачам, возложенным на дворянство всемилостивейшим Владыкою России, обязаны мы, вероятно, тем, что наделение крестьян землею прошло в наших имениях спокойно и тихо, не разрывая той крепкой связи, которая спокон веков существовала между нами, помещиками, и подвластными нам крестьянами.

Происходили иногда и маленькие трения: так, например, село Карачарово было, к сожалению, многолюдно так, что не хватило ни пахотной, ни луговой земли — пришлось закрыть совершенно все свое полевое хозяйство и отдать крестьянам не только все поля, но и часть заливных заокских лугов и лес; в лесу же пришлось вырезать все лучшие полянки в надел крестьянам села Б. Окулово⁸. К сожалению, «Сведения о поземельном устройстве бывших временнообязанных крестьян по выкупным документам» указывают только общее количество земли в пользовании крестьян без росписи по угодьям. Более подробную информацию об этом содержат документы из фонда МИХМ и Приложения к трудам Редакционных комиссий:

Таблица 2. Распределение земли по угодьям в Карачаровской вотчине на 1860 г.⁹

Душ м. п.	3696
Усадьба (дес.)	359,51
Пашня (дес.)	3577,82
Сенокос (дес.)	4371,99
Выгон (дес.)	1100,69
Кустарник (дес.)	2094,62
Удобной земли на душу (дес.)	3,11

Документы из фонда МИХМ за более раннее время — 1851 год — сообщают сведения о структуре земельного надела по отдельным селениям:

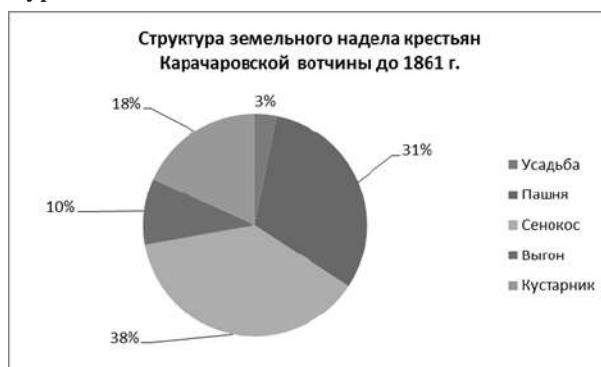

Таблица 3. Распределение земли по угодьям в Карачаровской вотчине на 1851 г.

Селение	Душ муж. пола	Пашня (дес.)	Сенокос (дес.)	Усадьба (дес.)	Выгон (дес.)	Удобной (дес.)
Карачарово	1203	780,8	1370	127	769	3046,8
Большое Окулово	746	739	1158	62	177	2136
Панфилово	841	538	1073	73	347	2031
Савастлейка	357	820	547	47	29	1443
Липня	328	451	372	18	27	868
Змейка	135	235,5	137	11,5	9	393
Загряжское	167	200	131	9	79	419
Левашово	79	126,5	109	7	70	312,5
Всего	3856	3890,8	4897	354,5	1507	10649,3

В фонде МИХМ сохранился документ¹⁰ с указанием суммы оценки отпущенным крестьянам вотчины земель. Данные о количестве земли несколько разнятся с представленными выше, но все же позволяют представить угодья, находившиеся в пользовании крестьян, в денежном выражении:

Таблица 4. Оценка земель Карачаровской вотчины

Категория земель	Кол-во	Цена	Всего на сумму (руб.)
Пашня	3892,5 д.	9	35 032,50
Сенокос	4939	15	74 085
Выгон	1108	5	5 540
Усадьба	357,5	7	2 502,50
Разного леса	не указано		76 044,84
Всего			193 204,84

Сообщение П. С. Уваровой о нехватке пахотной земли в Карачарове и Большом Окулове подтверждается документами из фонда МИХМ (количеством усадебной земли в составе надела для наглядности пренебрегли).

Таблица 5. Распределение земли по угодьям в Карачаровской вотчине на 1851 г. в процентах

Селение	Пашня (%)	Сенокос (%)	Выгон (%)
Карачарово	27	47	26
Липня	53	44	3
Окулово	36	56	8
Савастлейка	59	39	2
Змейка	62	36	2
Загряжское	49	32	19
Левашовское	41	36	23
Панфилово	27	55	18

Похожая ситуация с распределением земли была и в селе Панфилово, расположенном рядом с Карачаровым.

Схоже распределение земли для селений Загряжское и Левашово, расположенных на левом берегу Оки. В правобережных селениях ситуация другая, здесь почти нет выгона в пользовании крестьян, и большую часть надела занимает пашня.

Согласно подсчетам, средний душевой надел для вотчины до 1861 года составлял 3,2 десятины, после реформы — 3 десятины, то есть в целом изменение было весьма незначительным. Данные для вотчины отличаются от данных по уезду в целом. Для Муромского уезда средний дореформенный надел по нашим подсчетам составлял 3,86 десятины. Для крестьян на смешанной повинности, таких, как крестьяне Карачаровской вотчины, — 3,84 десятины. Вероятно, крестьяне карачаровской вотчины имели меньшие душевые наделы в связи с тем, что основным источником их доходов до реформы 1861 года служило не земледелие, а различные торговые занятия и промыслы.

Таблица 6. Средний душевой надел крестьян Карачаровской вотчины (в десятинах)

Селение	До 1861 г.	После 1861 г.	Изменение
Карачарово	3	2,8	-0,2
Липня	2,9	2,8	-0,1
Большое Окулово	3,7	3,3	-0,4
Савастлейка	3,7	3,8	0,1
Змейка	3,6	3,6	0
Загряжское	3,1	2,8	-0,3
Левашовское	3,6	2,8	-0,8
Панфилово	2,7	2,7	0
Всего	3,2	3	-0,2

После реформы показатели изменились: в среднем крестьяне Муромского уезда получили наделы в 3,18 десятин, бывшие на смешанной по-

винности — 3,45 десятины. Большинство крестьян Карачаровской вотчины по-прежнему продолжали пользоваться меньшими наделами.

Согласно Местному положению, высший душевой надел равнялся 3,5 десятинам. Большинство помещиков привели уделы крестьян в соответствие с размером высшего надела по Положению, произведя отрезки. За высший душевой надел, согласно Положению, причитался оброк в сумме 9 рублей с души в год.

Сведения о помещичьих имениях¹¹ сообщают, что в Карачаровской вотчине крестьяне состоят на смешанной повинности — вырубает в лесу и доставляют к помещичьей усадьбе дрова, бревна, ракитник, исправляют плотину при мельницах.

Сведения о поземельном устройстве бывших временнообязанных крестьян по выкупным документам по Муромскому уезду¹² сообщают о размерах платежей крестьян вотчины с души в год до и после 1861 года.

Таблица 7. Платежи крестьян Карачаровской вотчины в пользу помещика до и после реформы

Селение	До 1861 г. (руб.)	После 1861 г. (руб.)	Изменение (руб.)
Карачарово	Не указано	8,6	-
Липня	9,1	6,9	-2,2
Окулово	8,5	8,2	-0,3
Савастлейка	8,6	8,6	0
Змейка	8,6	7,3	-1,3
Загряжское	9,5	7,9	-1,6
Левашовское	8,6	7,9	-0,7
Панфилово	8,6	7,8	-0,8
В среднем	8,8	7,9	-0,9

Ряд распределения показывает, что большое количество крестьян уезда до реформы платило от 6 до 8 рублей в год с души. Достаточно большой процент платил больше 10 рублей. В основном, это были крестьяне имения князя С. Г. Голицына, где был установлен высокий душевой оброк.

Очевидно, что крестьяне вотчины Уваровых относились к категории крестьян, испытывавших достаточную большую нагрузку — в денежном выражении, а также в виде выполняемых работ.

После реформы 1861 года размеры платежей снизились, как и в целом по уезду.

Таблица 8. Ряд распределения подушных годовых платежей до и после 1861 г.

Величина оброка (руб.)	% плательщиков	
	до 1861 г.	после 1861 г.
0-1	0	0
1-2	0	0
2-3	0,28	0,13
3-4	0,41	0,41
4-5	0,33	0,36
5-6	8,29	12,15
6-7	22,35	20,06
7-8	21,38	33,05
8-9	3,35	21,91
9-10	8,25	11,95
10-11	33,04	0
11-12	0,36	0
12-13	0,63	0
13-14	1,34	0
Всего	100	100

Если рассчитать, какие платежи приходились на десятину удобной земли до и после реформы 1861 года, мы сможем лучше понять, каким образом проходили процессы сокращения наделов и сокращения платежей после реформы.

Таблица 9. Распределение оброка на десятину удобной земли в Карачаровской вотчине до и после реформы 1861 года (в руб.)

Селение	До 1861 г.	После 1861 г.
Карачарово		3,1
Липня	3,1	2,5
Окулово	2,3	2,5
Савастлейка	2,3	2,3
Змейка	2,4	2,0
Загряжское	3,1	2,8
Левашовское	2,4	2,8
Панфилово	3,2	2,9
В среднем	2,8	2,6

В целом происходит уменьшение количества оброка, приходящегося на десятину удобной земли; в среднем этот показатель составляет 2,6 рубля на десятину после 1861 года и 2,8 рубля до реформы. По уезду до реформы на десятину удобной земли приходилось 2 руб. 71 коп. оброка, после реформы — 2 руб. 64 коп. Следовательно, процесс сокращения платежей несколько обогнал процесс сокращения крестьянских наделов, а ситуация в Карачаровской вотчине была типична для уезда в целом.

¹ В данной статье речь пойдет о Карачаровской вотчине Муромского уезда Владимирской губернии.

² РГИА. — Ф. 577. — Оп. 52. — Ед. хр. № 1291.

³ Зимина В. Г. Крестьянская реформа 1861 года во Владимирской губернии. 1956 г. — Л. 37.

⁴ Приложения к трудам Редакционных комиссий. Сведения о помещичьих имениях. — СПб., — 1860. — Т. 1. — С. 26-27.

⁵ ГАВО. — Ф. 180. — Оп. 2. — Ед. хр. 3451.

⁶ Списки населенных мест Российской губернии, составленные и издаваемые центральным статистическим комитетом министерства внутренних дел. Владимирская губерния. —

СПб., 1863. — Т. VI.

⁷ Уварова П. С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни / Подгот. текста и писем, коммент. Н. Б. Стрижовой // Труды ГИМ. — М., 2005. — Вып. 144. — Вкл. с. 91.

⁸ Там же. — С. 92.

⁹ Приложения к трудам Редакционных комиссий. Сведения о помещичьих имениях. — С. 26-27.

¹⁰ МИХМ. М-9772.

¹¹ Приложения к трудам Редакционных комиссий. Сведения о помещичьих имениях. — С. 26-27.

¹² ГАВО. — Ф. 180. — Оп. 2. — Ед. хр. 3452.

А. С. Воробьева (Владимир)

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГРАФИНИ П. С. УВАРОВОЙ

Все больший интерес у исследователей отечественной истории вызывает общественная деятельность графини Прасковьи Сергеевны Уваровой, жены известного российского археолога Алексея Сергеевича Уварова, одного из основателей Русского и Московского археологических обществ, Исторического музея в Москве и археологических съездов. Если более ранние статьи о П. С. Уваровой, как правило, посвящены ее археологической деятельности, то в данной работе хотелось бы рассмотреть менее обсуждаемую благотворительную деятельность графини П. С. Уваровой, которая занимала значительную часть ее общественной жизни.

Среди исторических источников о жизни и деятельности Уваровых особое внимание исследователей истории привлекают мемуары графини П. С. Уваровой, изданные в 2005 г. под названием «Давно прошедшие счастливые дни». Текст воспоминаний воспроизведен по машинописной копии одного из экземпляров, который хранится в Отделе письменных источников Государственного исторического музея в составе фонда Уваровых¹. Копия воспоминаний была передана в музей 16 сентября 2001 г. правнуком графини П. С. Уваровой князем Сергеем Сергеевичем Оболенским, живущим в Париже. По свидетельству С. С. Оболенского, подлинник был написан «от руки, на память» и лишь позднее перепечатан родственниками². Несмотря на то, что воспоминания являются незаконченными и имеют хронологические неточности, они в достаточной мере отражают характер и образ жизни графини и ее супруга. В этой связи появляется

ряд статей, связанных с жизнью и деятельностью П. С. Уваровой, например, одна из них, основанная на анализе мемуаров графини, посвящена исследованию процесса постепенного освоения женщинами новых социальных ролей и их месту в становлении дисциплинарного археологического сообщества в России³.

Графиня П. С. Уварова относится к поколению тех людей, деятельность которых составляла основу «общественного подъема», определившего бурное развитие России во второй половине XIX — начале XX веков. Именно в это время происходило формирование не только научной среды, которая проявляла особый интерес к истории, просветительству и искусствам, но появились так называемые «ученые средства»⁴: на развитие научных и образовательных учреждений стали привлекаться солидные капиталы меценатов и благотворителей, как правило, владельцев промышленных предприятий и земельных угодий. Они вкладывали средства в строительство музеев, земских школ, больниц, детских приютов. Всех их объединяла страстная приверженность делу просвещения народа и культурного созидания. Не имея каких-либо особых дарований в определенных областях художественного творчества, но обладая высоким эстетическим чувством и ощущая нравственную потребность способствовать прогрессу просвещения и культуры, они стремились обогатить жизнь людей созданием художественных собраний, изданием книг. Они выступали инициаторами и организаторами крупных начинаний в области культуры и просвещения. По словам П. С. Уваровой, пореформенный пери-

од открывал «всякому здравому человеку возможность поработать на пользу родины»⁵.

Занимаясь благотворительной деятельностью, графиня П. С. Уварова вкладывала не только значительную часть денежных средств в обустройство земских образовательных учреждений, памятников культуры, но и душу. В силу особенностей своего характера, разумного и взвешенного отношения к жизни, чувства долга и верности моральным принципам, усвоенным ею еще в детстве, она была способна старательно и усердно «хлопотать с душой» (по В. Далю) за сохранение культурных ценностей, развитие образования, оказание помощи нуждающимся людям. Она никогда не меняла своего отношения к «высшей власти», олицетворявшей, по ее убеждению, закон и порядок в России. Общась с представителями власти, включая членов царствующего дома, всегда поступала и думала как человек, нравственно свободный. Этот внутренний аристократизм определял ее отношение как к событиям, так и к людям, независимо от их общественного положения. Оставаясь верно-подданной, графиня всегда сохраняла собственное достоинство, «служила делу, а не лицам». После смерти супруга, будучи избранной на должность председателя Императорского Московского археологического Общества, она считала себя продолжательницей дел покойного мужа и твердо исполняла его заветы, важнейший из которых — «научить дорожить родными памятниками, ценить всякий остаток старины, всякое здание, воздвигнутое нашими предками, сохранить и защитить их от всякого разрушения»⁶. Одна из важнейших ее задач перед супругом, его коллегами и соратниками, по мнению графини, заключалась в том, чтобы «продолжать его работы, углубляя и развивая все его начинания»⁷.

В число дел А. С. Уварова входила и благотворительная деятельность. После избрания графа предводителем дворянства Можайского уезда в 1865 г. Уваровыми было основано Можайское благотворительное общество. В Государственном архиве Владимирской области хранятся материалы из семейного усадебного архива Уваровых, где из дела под названием «Переписка по утверждению проекта устава общества вспоможествования учащих женщин и об участии П. С. Уваровой в деятельности этого и других благотворительных

обществ» мы имеем представление об основных направлениях деятельности общества. С момента образования общества, с 12 октября 1867 г., графиня являлась его председателем. Это благотворительное учреждение основывалось с целью «вспоможества местному населению в самом широком смысле этого слова». В задачи общества по идее графини входило: «Призрение сирот, обучение грамотности крестьянских малолетников, доставление работ бедным труженицам, развитие грамотности в народе и другие благотворительные цели»⁸. Занимаясь благотворительной деятельностью, графиня использовала все свои возможности — знатность, богатство, связи. Она неоднократно привлекала в среду «провинциального общества многих из среды Московской знати» изыскивая средства «к изучению нравственного и материального положения общества и тех заведений, которые были им открыты»⁹. Также благодаря связям и деятельности графини Можайское благотворительное общество и опекаемые им заведения состояли под покровительством императрицы Марии Федоровны. «Таким образом графиня Уварова поднимала престиж общественных деятелей, земских учреждений, демонстрируя, как много можно добиться на этом поприще»¹⁰. Для Можайского земства и благотворительного общества она стала такой же «послужилицей», как и для Московского археологического общества.

Значительный вклад она внесла в развитие и обустройство школьного дела. Она входила в состав Школьной комиссии, где ей приходилось решать весь ряд проблем, связанных с учебным процессом, — устройством школ, подготовкой учителей, разработкой учебных программ, а также лично руководить шестью сельскими школами: можайской, порецкой, мышкинской, гаретовской, вешкинской и борисовской. Эти школы выгодно отличались от других как по постановке, так и по уровню обучения, и считались образцовыми. Предметом ее особой гордости была школа-интернат для сирот и детей бедняков в Поречье, где воспитанники не только получали начальное образование, но и обучались «полезным ремеслам» в специально устроенных мастерских. Впоследствии она была преобразована в «женскую четырехклассную школу с программой прогимназии и интернатом для сирот и бедных»¹¹. Уваровой

удалось добиться, чтобы школа получила статус «министерской прогимназии», а это существенно увеличивало заработную плату преподавателей и расширяло возможности выпускниц при устройстве на работу. Графиня настояла на том, чтобы министерские чиновники не вмешивались в «дела интерната и вообще в воспитательную часть заведения». Графиня лично объезжала села, убеждая крестьян учить детей, в том числе девочек, в школах, а не у сельских дьячков, разыскивала в учебных заведениях Москвы и Можайска способных учителей и воспитателей. Нередко сама вела занятия в своих школах и, согласно воспоминаниям свидетелей этих событий, срывала голос, обучая грамоте по «звуковому методу», который основывался на умении соотносить буквы со звуками родной речи.

Графиня была уважаемым гостем и членом различных собраний, посвященных благотворительной деятельности, об этом свидетельствуют письма-приглашения и копии рескриптов, хранящихся в семейном усадебном архиве Уваровых. Например, 14 декабря 1895 г. графиня была приглашена на празднование двадцатипятилетия председательницы Московского общества воспитательниц и учительниц Елизаветы Ивановны Мамонтовой¹². Она являлась почетным членом «Елисаветинского благотворительного общества» в Москве и Московской губернии. В октябре 1902 г. графиня получила копию рескрипта (от 12 июня 1902 г.) от попечительницы «Елисаветинского Благотворительного общества» в Москве и Московской губернии великой княгини Елисаветы Федоровны «во исполнение воли Государыни Императрицы Марии Федоровны», где выражалось «Высочайшее одобрение» за работу в сфере благотворения и за достигнутые результаты в ней. Графиня П. С. Уварова входила в состав «Елисаветинского благотворительного общества», и в письме от председателя совета высказывалась «искреннее желание — сохранить в составе Общества лицо одним из первых отзывавшееся на нужды» и обращение с просьбой «не отказывать в возобновлении взносов... по званию Действительного Члена общества»¹³.

На благотворительные нужды графиня вкладывала значительные средства из личного капитала. Из протокола заседания Товарищества

помощи бедным, приуроченного к его двадцатипятилетию, в 1902 г. зафиксировано основание уваровского капитала для помощи бедным. Учредителем Товарищества являлся покойный граф А. С. Уваров. В начале заседания была отслужена панихида «по двум Императорам Александру II и Александру III в царствование которых открыто и действовало Товарищество, в течение 17 апр.: — по учредителю товарищества покойному Графу А. С. Уварову и по умершим членам Совета, Правления и прочим членам Товарищества. После панихиды священник М. Д. Приклонский сказал речь о пользе Товарищества для местных жителей, потом отслужен был благодарственный молебен. После молебна А. Ф. Страшной рассказал вкратце историю 25-летия Товарищества, при коей выделил заботы и участие покойного графа А. С. Уварова в том Товариществе. Ввиду всего этого Собрание постановило принести искреннюю благодарность супруге покойного графа Прасковьи Сергеевны Уваровой, как за участие самой, так и за покойного мужа в делах Товарищества... Годовое собрание открылось чтением годового отчета и последнего протокола Товарищества Совета в котором по предложению Председателя Совета в ознаменование 25-летия Товарищества предлагается Общему Собранию учредить при Товариществе особый капитал для помощи членам пострадавшим от разных несчастных случаев. Главный управляющий капиталом Графини Уваровой... прочел при этом письмо Графини Прасковьи Сергеевны Уваровой, в котором она пожертвовала Товариществу к 25-летию юбилею, прислала портрет покойного Графа А. С. Уварова и 500 рублей в основание нового капитала»¹⁴.

Таким образом, особый капитал для помощи бедным членам Общества «на случай какого-нибудь постигшего их несчастья» был учрежден председателем Товарищества на основе средств, пожертвованных графиней П. С. Уваровой. В дальнейшем он должен был пополняться «добровольными пожертвованиями как членами Товарищества так и посторонними лицами, а также отчислений из чистой прибыли годовой Товарищества по постановлению общего совета»¹⁵. «Желающие получить из этого капитала обращаются письменно или словесно в Правление Товарищества, где эти заявления будут ежемесячного про-

смагиваться Членами Совета, которые совместно с членами Правления и решают следует ли удовлетворить и в какой сумме, законообразно без процентов, или безвозвратно эти заявления о чем записываются эти постановления в протокол»¹⁶.

Интересно отметить то, что в ведении Товарищества находились города и села Владимирской губернии, в частности, г. Муром, села Чадаево, Борисово, слободы Якиманская и Дмитриевская, деревни Натальино, Рожное и др.¹⁷

С просьбами о попечительстве к графине обращались представители благотворительных обществ и других губерний. В семейном уваровском архиве сохранилось письмо из Тамбовской губернии (Тамбов, 12 марта 1902), где один из членов правления «Общества попечительства о детях», З. Орехова, обратилась к графине за материальной поддержкой: «Во время первого учредительного собрания (9-го марта) возник разумется вопрос о средствах и было решено обратиться за помощью ко всем известным жертвователям Тамбова и Москвы. Зная Вашу отзывчивость, Графиня, на всякое благое начинание, зная, что Вы любите детей и сами посвящаете весьма значительную часть своего времени заботам о бедных, обездоленных детях, я предложила обратиться к Вам. Я уверена, Графиня, что Вы не откажетесь прийти на помощь молодому Обществу»¹⁸.

Уваровы не забывали и о благоустройстве своего имения в Карачарове Муромского уезда Владимирской губернии, которое с середины 1860-х гг. и до 1892 г. перешло графине в результате раздела уваровских имений. Графиня очень любила Карачарово, и в преклонных годах она

все больше времени проводила в своем имении. Старожилы рассказывали, как она часто ездила по селу без кучера на тройке коней и могла просто, без церемоний, войти во двор к любому крестьянину. Если графиня замечала в селе покосившийся дом, то тут же узнавала у соседней о поведении его хозяев, и почему они довели свое жилье до неприглядного состояния. Если это были приличные, но бедные люди, Прасковья Сергеевна посылала управляющему записку, чтоб тот выдал им на ремонт лесу. А всех замеченных в дурном поведении, она немедленно высылала за пределы ее любимого Карачарова¹⁹. В начале XX в. П. С. Уварова неоднократно участвовала в выборах в гласные Муромской городской Думы, вела активную земскую деятельность: выступала за сохранение лесов Мещеры, оказывала помощь в получении кредитов для школ, реставрации церквей; развитию телефонной связи в Муромском уезде²⁰. Таким образом, супруги Уваровы внесли значительный вклад не только в археологию, сохранение памятников истории и культуры, но и в благотворительную деятельность. В личных архивах Уваровых [(Материалы отдела письменных источников Государственного Исторического музея; семейный Уваровский архив (ГАВО))] важное место занимают материалы, связанные с развитием народного образования Московской, Владимирской губерний. П. С. Уварова являлась попечителем школ, училищ, входила в училищные советы, оказывала финансовую поддержку благотворительным и образовательным учреждениям. Графиня активно участвовала в подборе учительских кадров, обсуждении учебных программ, уставов и др.

¹ Ф. 17. — Оп. 1. — Ед. хр. 427а.

² Уварова П. С. Давно прошедшие счастливые дни. — М., 2005. — С. 18.

³ Аксареева В. Г. Гендерный взгляд на мемуары Прасковьи Сергеевны Уваровой // Вестник Удмуртского университета. — 2009. — Вып. 2. — С. 138.

⁴ Уварова П. С. Указ. соч. — С. 11.

⁵ Там же. — С. 7.

⁶ П. С. Уварова // Памятники Отечества. — 1993. — № 29 (1-2); Меценаты и коллекционеры. — М., 1994. — С. 152.

⁷ Там же.

⁸ ГАВО. — Ф. 631. — Оп. 01. — Д. 105. — Л. 24.

⁹ Там же.

¹⁰ Уварова П. С. Указ. соч. — С. 16.

¹¹ Там же.

¹² ГАВО. — Ф. 631. — Оп. 01. — Д. 105. — Л. 1.

¹³ Там же. — Л. 13.

¹⁴ Копия с протокола Повторного Совета 2 февраля 1902 г. // ГАВО. — Ф. 631. — Оп. 01. — Д. 101. — Л. 1.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. — Л. 2.

¹⁷ Там же. — Л. 1.

¹⁸ ГАВО. — Ф. 631. — Оп. 01. — Д. 105. — Л. 19.

¹⁹ Арбатская Ю., Вихляев К. Роза «Графиня Уварова» // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kajuta.net/node/2127>.

²⁰ Белозерова И. В. Деятельность А. С. и П. С. Уваровых во Владимирской губернии (по материалам отдела письменных источников государственного исторического музея) // Уваровские чтения. — Муром, 1990. — С. 19.

Ф. А. Селезнев (Нижний Новгород)

ПИСЬМА М. В. ЧЕЛНОВА К ГРАФИНЕ Е. А. УВАРОВОЙ В ЦЕНТРАЛЬНОМ АРХИВЕ НИЖЕГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ

Семья Уваровых оставила заметный след в истории нашей страны. Крупную роль в политической и культурной жизни Российской империи первой половины XIX в. играл министр народного просвещения С. С. Уваров (1786-1855). Его сын Алексей Сергеевич (1825-1884) и невестка Прасковья Сергеевна (1840-1924) Уваровы прославились как выдающиеся археологи. Менее известны дети А. С. и П. С. Уваровых — Алексей, Федор, Игорь, Екатерина, Прасковья. Хотя и они в начале XX в. заслужили уважение современников своей общественной деятельностью.

Алексей и Федор работали в земстве, избирались депутатами: первый — Государственной думы, второй — Государственного совета. Екатерина руководила «Кружком детских летних колоний». Она и ее помощники снимали на определенный срок помещения в сельской или курортной местности (Саратовская, Курская губернии, Финляндия), где под наблюдением воспитателей отдыхали городские дети из малообеспеченных семей.

Общественная деятельность сблизила графиню Екатерину Алексеевну Уварову со многими известными людьми того времени. Среди них, например, были видные либеральные политики Д. Н. Шипов и М. В. Челнов, покровительница искусств Е. Г. Мамонтова.

В Центральном архиве Нижегородской области имеется фонд графини Е. А. Уваровой (Ф. 1834), в котором хранятся адресованные ей письма родных и знакомых (М. Орлова, В. Татищевой и др.). Наибольшее число писем (63) принадлежит перу видного деятеля партии кадетов, депутата Государственной думы М. В. Челнова (1863-1935)¹.

Нижегородским историкам уже достаточно давно было известно об этих материалах. Судя по отметкам в деле, с этими письмами работали Н. М. Добротвор и В. В. Ниякий. Краткая оценка содержания писем имеется в газетной статье В. В. Ниякого, опубликованной в 1995 году². Кроме того, в 1999 г. журналистка Н. Жиль-

цова опубликовала небольшие отрывки из этих писем в газете «Нижегородский рабочий»³. Правда, поскольку публикация имела место в газете, Н. Жильцовой не были соблюдены правила публикации архивных документов. В частности, отсутствовали ссылки на номера фонда, описи, дела и листов. В тексте допускались не оговоренные сокращения. Имелись также фактические ошибки в небольшом авторском введении. Так, Н. Жильцова утверждала, что «послания» М. В. Челнова были адресованы «в Нижегородскую губернию», хотя, разумеется, ни одно письмо в Нижегородскую губернию направлено не было, поскольку графиня Уварова проживала либо в Муромском уезде Владимирской губернии, либо в Москве.

Нами была осуществлена научная публикация писем М. В. Челнова к Е. А. Уваровой⁴. Ниже мы хотим дать общую характеристику этой переписке и показать ее значение для изучения истории семьи Уваровых.

Романтическая дружба Челнова и Екатерины Алексеевны Уваровой началась в 1897 г., когда они проходили курс оздоровительных процедур в лечебнице Яхимовича на Лимане, около Одессы. После этой встречи завязалась их долготелая переписка.

Письма Уваровой к Челнову хранятся в ГАРФ и охватывают период с 1897 по 1914 годы⁵. Письма Челнова к графине находятся в двух местах. Шесть писем (за 1907-1913 гг.) есть в фондах Муромского историко-художественного музея. Характеристика их содержания была дана в 1965 г. И. П. Богатовым⁶. Основной же их массив сосредоточен в Центральном архиве Нижегородской области. Письма Челнова вместе с посланиями прочих корреспондентов графини оказались там не позднее 1945 г. и первоначально лежали в конверте, на котором рукою Е. А. Уваровой было написано «Письма. На случай моей смерти сжечь, не разбирая или передать Жене Татищевой»⁷. Предположительно, они попали в Горький в 30-е гг. XX в. из Карача-

рова — бывшего имения Уваровых в Муромском уезде (Муром тогда входил в состав Горьковского края). Всего в ЦАНО зарегистрировано 63 письма М. В. Челнокова с 1903 по 1912 год.

М. В. Челноков регулярно затрагивал в своих письмах вопросы общественно-политической жизни страны (отношения между властью и либеральной оппозицией, деятельность правительства и Государственной Думы, слухи из «высших сфер»). Из этого мы можем сделать вывод о том, что Е. А. Уварова интересовалась политикой. Политическое кредо корреспондентки Челнокова можно обозначить как «консервативный либерализм». Она была сторонницей конституционного устройства России, но в то же время полагала, что общество должно найти компромисс с исторической властью и отрицательно относилась к революционерам и им сочувствующим. О политических взглядах Е. А. Уваровой могут дать представление следующие два отрывка из ее писем к Челнокову. В одном из них (от 26 апреля 1906 г.) внучка творца теории «официальной народности», узнав, что III съезд партии кадетов фактически приветствовал покушение на Ф. В. Дубасова, пишет: «Что за гадость покушение на Дубасова... Неужели, правда, известие в газетах, что известие о покушении было принято у вас на съезде аплодисментами, и что когда один из членов выразил негодование по этому поводу, говоря, что съезд только что принял отмену смертной казни, ему не дали говорить?»⁸. В другом письме (от 1 ноября 1905 г.), графиня называет ошибкой отказ либералов войти в правительство Витте, отмечая: «Я понимаю, что Д. Н. Шипов не мог идти в Гос. контролеры, не будучи подготовлен к этому делу, но не могу понять, почему порядочные люди, сочувствующие конституции, не хотят помочь Власти в эту трудную минуту?»⁹.

В письмах Челнокова сохранился ряд важных подробностей, которые позволяют установить круг знакомств Е. А. Уваровой, получить представление о ее характере и занятиях. Так, в числе знакомых графини Уваровой была Мария Алексеевна Маклакова, сестра известного деятеля партии кадетов, депутата Государственной думы В. А. Маклакова¹⁰. В работе в «Кружке детских летних колоний» Е. А. Уваровой помогали Мария Николаевна Толстая (урожденная Зубова, вторая жена С. Л. Толстого) и Вера Саввишна Самарина

(урожденная Мамонтова — «Девочка с персиками» с картины В. А. Серова).

Из писем Челнокова мы узнаем о том, что осенью 1907 г. у Е. А. Уваровой «опять начинается кашель»¹¹. Видимо, речь идет о каком-то хроническом заболевании. Весной 1908 г. графиня Уварова находится в Италии, в Раппало, а летом в Полтаве и Чернигове¹². Осенью 1908 г. она снова едет в Италию.

Сам Челноков тоже много путешествовал. Летом 1909 г. он с делегацией Государственной думы посетил Англию, был в Виндзоре и в зале Ватерлоо видел портрет графа Уварова (видимо, двоюродного деда графини, Ф. С. Уварова). Его портрет вместе с портретами генерала А. И. Чернышева и дипломата К. В. Нессельроде представляли участие России в кампании 1815 г. против Наполеона¹³.

Из писем 1911 г. мы узнаем о старом французско-библиотекаре графа А. С. Уварова (Августе Августовиче ла Драге) и о том, что решила заказать свой портрет мать Е. А. Уваровой, графиня П. С. Уварова¹⁴.

В письмах Челнокова упомянут еще целый ряд событий, фактов, слухов, касающихся политической и культурной жизни России начала XX в. (обсуждение различных законопроектов в Государственной думе, студенческие беспорядки 1908 г., визит русских парламентариев в Англию в 1909 г., дуэль депутатов О. Я. Пергамента и Н. Е. Маркова, убийство П. А. Столыпина, премьера «Синей птицы» и т. д., и т. п.). Обращаясь к своей заочной собеседнице, М. В. Челноков увлеченно рассуждает то об итальянской живописи и архитектуре эпохи Возрождения (он прекрасно разбирался в искусстве, был лично знаком с художниками В. А. Серовым и И. Э. Грабарем), то о поэзии Тютчева, то о новых театральных постановках и современной литературе.

Размышляет Челноков и о судьбе России. Чаще всего эти раздумья проникнуты предчувствием грядущей катастрофы. В целом же хранящиеся в Государственном архиве Нижегородской области письма к графине Е. А. Уваровой представляют достаточно информативный источник, содержащий ряд новых подробностей как о роде Уваровых, так и о политической и культурной жизни России начала XX века.

¹ Подробнее о нем см.: Селезнев Ф. А. Михаил Васильевич Челноков // Вопросы истории. — 2004. — № 6.

² Ниякий В. В. Нижегородские кадеты к началу Февральской революции // Нижегородские новости. — 1995. — 28 февр.

³ Жильцова Н. «Придет новое и страшное...» // Нижегородский рабочий. — 1999. — 3 июля.

⁴ «Столыпин как всегда ничего не понимает и ломит»: Премьер-министр другими глазами (публикация Ф. А. Селезнева) // Источник: Документы русской истории. — 2002. — № 6; «У нас беда — страшная привычка к словам...». Письма депутата Государственной Думы М. В. Челнокова к графине Е. А. Уваровой. 1903-1912 гг. (публикация

Ф. А. Селезнева) // Исторический архив. — 2004. — № 1, 2, 4.

⁵ ГАРФ. — Ф. 810. — Д. 372, 373, 379, 386, 387, 389.

⁶ Богатов И. П. Письма кадета Челнокова (1907-1913 гг.) // История СССР. — 1965. — № 2.

⁷ ЦАНО. — Д. 1834. — Л. 2.

⁸ ГАРФ. — Ф. 810. — Оп. 1. — Д. 379. — Л. 29.

⁹ Там же. — Л. 27.

¹⁰ «У нас беда — страшная привычка к словам...». — С. 160.

¹¹ Там же. — С. 169.

¹² Там же. — С. 173, 178.

¹³ «У нас беда — страшная привычка к словам...». — С. 112.

¹⁴ Там же. — С. 169, 172.

Е. И. Сазонова (Муром)

«С ДОБРОЙ СОВЕСТЬЮ И НЕЗАЗОРНОГО ПОВЕДЕНИЯ...»

(К ИСТОРИИ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В МУРОМЕ)

Обращение к данной теме началось с описания семейного альбома конца XIX столетия, который поступил в музей путем случайного приобретения на муромском базаре от неизвестного лица. В альбоме находятся фотографии с изображениями муромских купцов, мещан, чиновников, в том числе и особая группа портретов, обклеенных в рамочку из цветной бумаги. Как оказалось, это портреты представителей городской выборной власти. Все персонажи в то или иное время возглавляли Муромскую городскую думу. При внимательном рассмотрении фотографий видно, что некоторые снимки выполнены не с натуры, а скопированы с живописных или акварельных произведений. По-видимому — пока это выяснить не удалось — эти портреты были сделаны к какой-то определенной дате, возможно к реформе местного самоуправления 1892 года. Вышеназванные изображения представителей городской власти вернули меня к вопросу «незавершенного списка» первых должностных лиц Мурома конца XVIII — начала XX вв. До сих пор нет достаточно точных данных, показывающих хронологическую последовательность периодически меняющихся городских голов в досоветском Муроме. Некоторые сведения по этому вопросу содержатся в исторической записке о пожарах в Муроме, составленной В. М. Емельяновым, И. П. Стуловым и Н. Ф. Гладковым¹, а также в рукописях И. П. Мяздрикова². Хронологический список

городских голов опубликован в учебном пособии «История Мурома и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века»³. Но имеющиеся в нашем распоряжении данные все еще нуждаются в дополнении и уточнении. Например, не ясен вопрос с именем первого городского головы. В. М. Емельянов пишет: «В 1785 году, когда в Муроме было введено Городовое положение, тогда первым городским головою служил **по преданию** (выделено мною. — Е. С.) Михаил Иванович Елин, затем Иван Семенович Зворыкин»⁴. И. П. Мяздриков называет первым городским головою купца Алексея Ивановича Антонова и начинает отсчет городского самоуправления почему-то с 1794 года: «В Муроме новое Городское положение введено в 1794 г. и было принято с восторгом. На первое трехлетие избраны были в Городские Головы Алексей Иванович Антонов»⁵. В настоящий момент по архивным документам установлено, что с 1787 г. по 1790 г. городским головою был Иван Семенович Зворыкин⁶. Возможно, что с 1785 по 1787 гг. эту должность занимал купец М. И. Елин, но пока документального подтверждения этого факта не обнаружено.

Как известно, должность главы городского общественного управления была введена Екатериной Второй в 1767 г. Избирался он на два года домовладельцами не моложе тридцати лет и выполнял некоторые «особые распоряжения» высшей власти. Никаких других обязанностей у него в то

время не было. С введением в 1785 г. Городового положения, известного под названием «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи», городской голова становится председателем общей и шестигласной городской думы и избирается городским обществом на три года. Таким образом, реальные обязанности по обустройству «градского общества» и реальные полномочия городской голова получает, начиная с 1785 г., когда город становится самостоятельным юридическим лицом.

Известно, что должности городского головы и гласных (членов) городской думы были общественными и по традиции воспринимались населением города как лишняя нагрузка и повинность. Поэтому довольно часто были случаи самоотвода, отказа от должности. В 1892 г., при проведении очередной организации городского самоуправления, должность городского головы была приравнена к чиновникам, находящимся на государственной службе. Городской голова стал получать жалование, но полностью потерял свободу и мог быть устранен губернатором. Императорская власть стремилась, чтобы в городскую думу попадали лучшие представители городских обывателей. Жалованная грамота 1785 г. установила, что городской голова избирается городским избирательным собранием из числа «почетнейших лиц городского общества»: дворян, именитых и почетных граждан, купцов первой гильдии, которые владели в городе собственностью не менее 15 тысяч рублей». Городской голова должен быть не моложе тридцати лет, «с доброй совестью и незазорного поведения», иметь дом (или торг, или ремесло, или промысел), а также «не банкротное или штрафное имущество». Для придания престижности избираемых общественных должностей, в том числе бургомистров и ратманов, государство давало им разного рода привилегии и выгоды. Например, освобождало от телесного наказания, а их дворы от постоя. Они имели право ездить по городу в карете, иметь загородные дворы и сады⁷. Грамота подчеркивает важность и значимость городского головы внешним ритуалом заседания городского управления: «В Городской Думе сидит Городской Голова на стуле по середине: против городского головы сидят на лавке на право голос цеховых, на лево голос посадских; возле городского головы на правом завороте голос настоящих

городских обывателей и иностранных гостей; возле городского головы на левом завороте на лавке же голос именитых граждан и голос гильдейский»⁸.

Начиная с 1785 по 1918 гг. в Муроме на должности городского головы побывало двадцать шесть представителей городского купечества. В основном это были незаурядные личности, которые видели главную свою задачу в охране горожан «от самоуправства, бесчинства и обид». Конечно, были случаи, когда городские головы не очень стремились оправдать доверие своих избирателей, не все имена остались в народной памяти. Ниже публикуется список городских голов Мурома, который не претендует на полную достоверность, но все же более корректен, чем список, опубликованный в учебном пособии по истории города.

Как сказано выше, на посту городского головы в Муроме были только представители купеческого сословия, хотя эту должность имели и лица, имеющие гражданские или военные чины. Этот факт характеризует Муром как уездный город, где купечество играло первую роль и оказывало значительное влияние на общественно-экономическую обстановку. Действительно, в Муроме в конце XVIII и на протяжении XIX столетий основными домовладельцами, то есть «настоящими городскими обывателями», являлись купцы и мещане. В середине XIX в. дворянам принадлежало всего 41 домовладение, что составляло около четырех процентов от всех жилых домов в Муроме⁹. В основном это были небольшие деревянные строения, в то же время многие крупные торговцы и предприниматели проживали в каменных особняках в своих обширных городских усадьбах (Зворыкины, Емельяновы, Мяздриковы, Суздальцевы и др.).

Известно, что власть «без облика» не существует. При изучении конкретных личностей, занимавших должность «градского главы» Мурома, видно, что власть в городе была сосредоточена в руках нескольких богатых фамилий, возглавлявших ведущие производства Мурома: кожевенное, полотняное, мукомольное. Например, одним из первых выборных городских голов стал Иван Семенович Зворыкин (с 1787). Всего же на этой должности побывали семь представителей рода Зворыкиных. Наиболее известные из них Егор

Иванович (1836-1839) и Прокопий Степанович (1870-1880). Егор Иванович за службу градским главою был награжден золотой медалью, а также правом «носить мундиры с шитым золотом воротниками и саблей с темляками»¹⁰. Он был крупным производителем крупчатой муки, имел мельницы на реках Илемне и Ушне. Как пишет В. М. Емельянов, «некоторые торговцы из Н. Новгорода, Владимира и Суздаля завели у себя крупчатое производство, но не смогли сравняться с Зворыкиными как по качеству производимой муки, так и по обширности оборотов»¹¹.

Большая часть кожевенных предприятий в Муроме находилась в руках купцов Мяздриковых. В должности городских голов побывало пять представителей этого семейства, и трое из них выбирались в городские головы дважды. Семен Кузьмич Мяздриков, родоначальник клана, был избран на должность городского головы в 1790 г., но отказался по слабости здоровья и старости: ему было 78 лет¹². Его сын Иван Семенович Мяздриков, купец первой гильдии, занимал эту должность с 1797 по 1800 гг. Затем дважды городскими головами были его сыновья: Петр и Андриан. Эти братья Мяздриковы пользовались в городе большим уважением и почетом. От отца им досталось в наследство кожевенное дело, которое они значительно расширили и приумножили. Качества их товара было высоким. Не случайно их кожаные изделия получили серебряные медали на выставке 1835 года в Москве¹³. Сын Петра Ивановича — Иван Петрович достойно продолжил и торговое, и общественное дело своих отцов и дедов. Избирался на должность городского головы в 1845-1848 и 1854-1857 гг. Сохранился его портрет, который, возможно, выполнен муромским фотографом Ф. В. Муляком.

Долгое время находились у руля городской власти представители богатейшего рода муромских купцов Суздальцевых. Они и Емельяновы заправляли полотняным производством Мурома. До сих пор в городе сохранились их каменные дома-особняки, выбивающиеся своими классическими формами из рядовой застройки, и полуразрушенные корпуса старых фабрик. Первым городским головою из Суздальцевых был первооткрывательный купец Василий Тимофеевич. Среди горожан он был известен и как строитель клад-

бищенской Пятницкой церкви. Он был хозяином первого в городе полотняного заведения, лавочных корпусов на Торговой площади, которые достались ему по наследству от отца. Василий Тимофеевич настолько был уважаем среди муромского купечества, что избирался в городские головы три раза: в 1812-1815, в 1821-1824, а также и в 1834 году, в год его кончины. Кстати, в этот год он встречал в Муроме самого императора Николая Первого¹⁴. В 1851-1854 гг. городским головою становится его старший сын Иван Васильевич, а в 1857-1859 гг. — средний сын Федор Васильевич. Изображение Ивана Васильевича сохранилось на фотографии, выполненной с живописного портрета 1847 г. художника Арона Велела. Перед нами типичный представитель провинциального купеческого сословия первой половины XIX столетия: одет в модный европейский двубортный сюртук, но подстрижен «в скобку», на старинный лад, по-русски. Федор Васильевич Суздальцев становится городским головою за отказом купца А. В. Ермакова занять эту должность. С городским хозяйством он был знаком на практике, а не только потому, что городскими головами были его отец и брат. Он сам с 1848 г. являлся бургомистром в городском магистрате¹⁵. Федор Васильевич был женат дважды, и вторая жена была старше его дочери от первого брака всего на два года. Он редко выезжал из Мурома, занимаясь торговлей полотнами и хлебом. Его полотняная фабрика находилась в Воскресенском овраге. Большое семейство проживало в двухэтажном каменном доме с колоннами по Успенской улице (дом сохранился до настоящего времени). В Муромском музее находится его живописный портрет, выполненный художником И. Морозовым.

Несомненно, были среди городского руководства исключительные личности, деятельность которых отразилась яркой страницей в истории Мурома. Они были не только купцы-предприниматели, но и одаренные творческие люди. Это Алексей Алексеевич Титов, первый историк Мурома и общественный деятель¹⁶, Владимир Васильевич Гундобин, садовод и летописец. Он вел дневниковые записи о городской жизни, которыми пользовался в своих краеведческих исследованиях Н. Г. Добрынкин¹⁷. Владимир Макарович Емельянов, оставивший своеобразную хрони-

Рис. 1. Иван Васильевич Суздальцев. Художник Арон Велел. 1847. Фотокопия Н. Сажина, 1890-е гг.

Рис. 2. Федор Васильевич Суздальцев. Художник И. Морозов. 1835 г. Фотокопия Н. Сажина, 1890-е гг.

Рис. 3. Алексей Алексеевич Титов. Неизвестный художник. 1830-1833. Фотокопия Н. Сажина, 1890-е гг.

ку о муромских пожарах; Прокопий Степанович Зворыкин, представитель передового образованного купечества, приложивший много сил для основания и постройки в Муроме реального училища. Иван Петрович Мяздриков, краевед, «первооткрыватель муромской природы», один из первых фотографов-любителей, запечатлевший на своих снимках обычную повседневную жизнь. Сохранился дневник И. П. Мяздрикова, в котором он описывает свои чувства по поводу избрания его на должность городского головы. В контексте данного сообщения процитируем несколько строк: «28 марта 1907 г. были в Думе выборы в городские головы вместо отказавшегося Е. И. Зворыкина. И пал выбор на меня... Было 36 гласных и на меня подали 31 записку. Я не отказывался и только заявил перед баллотировкой, что я не совсем оправился и придется мне уехать на несколько недель полечиться. И вот я принимаю на себя обязанность и трудную и тяжелую, и боюсь, как-то я сумею оправдать надежды избирателей... Хотя и не особенно дрожит мое сердце, когда я собираюсь принять на себя такую ответственность, но все-таки мне не совсем по себе и невольно все думается, да сумею ли я, буду ли годен для этой службы? Но верю, что Бог не оставит меня... и молюсь об этом и буду молиться»¹⁸.

Рамки данной публикации не позволяют подробно остановиться на вышеуказанных фамилиях, поэтому здесь ограничимся описанием самой яркой и масштабной фигуры муром-

ского городского самоуправления — Алексея Васильевича Ермакова.

О многосторонней деятельности А. В. Ермакова можно написать ни одну книгу. История Мурома XIX столетия делится на две части: Муром до Ермакова, Муром после Ермакова. И это действительно так. Все свои силы и личный капитал он пожертвовал на обустройство Мурома. Его неожиданная скоростная смерть явилась большой утратой для города и его жителей: «Когда несли на руках усопшего по волнам безутешной толпы, в воздухе стоял гул благословений и стон разлуки. Муром прощался со своим благодетелем. Друзья и недруги слились в одно общее сознание тяжкой утраты»¹⁹. Личность А. В. Ермакова была настолько популярна, что после его смерти о нем создавались легенды и писались поэмы. Первую оценку деятельности А. В. Ермакову дал его друг, чиновник по особым поручениям при Министерстве внутренних дел Евгений Васильевич Богданович. В некрологе он охарактеризовал Алексея Васильевича Ермакова как человека широких взглядов, который превратил Муром «из города азиатского в город европейский»²⁰. Изучением «жизненного пути» А. В. Ермакова занимался городской голова И. П. Мяздриков. В архиве музея хранится его машинописный текст «Очерк общественной деятельности в Муроме городского головы Алексея Васильевича Ермакова», который был опубликован в 1991 г. на страницах газеты «Муромский рабочий»²¹. Некоторые сведения

Рис. 4. Иван Петрович Мяздрик. Фотограф Ф. В. Муляк(?) Муром, 1870-1878. Фотокопия Н. Сажина, 1890-е гг.

Рис. 5. Владимир Васильевич Гундобин. Фотограф Ф. В. Муляк(?) Муром, 1870-1878. Фотокопия Н. Сажина, 1890-е гг.

Рис. 6. Алексей Васильевич Ермаков. Незвестный фотограф, 1865-1868. Фотокопия Н. Сажина, 1890-е гг.

об А. В. Ермакове имеются в книге В. И. Пехова «Муром в прошлом и настоящем»²². А. В. Ермакову посвящен раздел в работе И. А. Новоселовой об истории городского самоуправления²³.

Все вышеназванные публикации описывают и перечисляют многочисленные заслуги А. В. Ермакова на посту городского головы Мурома: постройка водопровода, театра, женского училища, богадельни, приюта для подкидышей, ярмарочного городка с парком, расчистка и благоустройство улиц. На все эти мероприятия А. В. Ермаков тратил свои капиталы. Преображение города из захолустья в «уютный городок с фонтанами» поразило современников. Появление в городе водопровода стало большим событием, хотя само устройство водопровода было не простым делом, не хватало знаний и опыта. О постройке муромского водопровода можно написать увлекательную историю: столько с ним было сложностей и невероятных приключений. Например, по воспоминанию Е. В. Богдановича, решение о начале строительства водопровода было связано с болезнью А. В. Ермакова: будто бы ему явился ангел, «после чего больной прослезился и тут же отдал приказание выдать 20 тысяч рублей находившемуся у него в гостях инженеру Е. И. Ержемскому. На эту сумму заказали водопроводные трубы»²⁴. Сохранились дневниковые записи современника событий мещанина Андрея Ивановича Гладкова. Вот, например, как он описывает момент «на-

лаживания водопровода»: «24 числа. В 9-м утра пробовали водопроводную машину с водой, но вода не пошла.

25 числа. По утру пробовали водопроводную машину — не пошла вода, а пробовали в 6 пополудни — пошла вода, и дошла до главной башни, но испортился качек и воздушный насос.

30 числа. Для опробации пускали воду — 29 числа и на 30-е число в 8-м часу вечера пускали, но не пошла. Впоследствии в 10 часу вечера пришел Иван Петров Мяздрик, и еще кое-кто были в водопроводной из купечества. Мяздрик пригласил купечество помолиться Богу. И после этого в 12 часу пополудни вода пошла, и дошла в сад к Алексею Васильевичу Ермакову (строителю водопровода). А 30 числа в 12 часов до полудни пошла по всем бассейнам, но чаны в Башне и у Предтеча потекли»²⁵.

Интересен тот факт, что А. В. Ермаков, в отличие от предыдущих городских голов, не имел муромских корней. Он был «чужак». Родился в Челябинске, по всей видимости, в мещанской семье, по образованию самоучка, начал свою деятельность в торговой сфере с самых маленьких должностей. В Муром он переехал с женой Марией Ефимовной в 1847 г., когда ему было сорок девять лет. С этого времени начинается совершенно новая и, к сожалению, последняя страница его жизни. Приехав в Муром, он почти сразу включился в общественную жизнь. В 1851 г. его изби-

Рис. 7. Прокопий Степанович Звонрыкин. Неизвестный фотограф, 1871-1875. Фотокопия Н. Сажина, 1890-е гг.

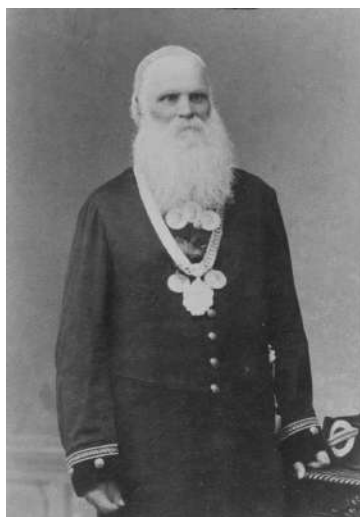

Рис. 8. Василий Михайлович Русаков. Неизвестный фотограф, 1888-1890. Фотокопия Н. Сажина, 1890-е гг.

Рис. 9. Иван Дмитриевич Перлов. Неизвестный фотограф, 1880-1884. Фотокопия Н. Сажина, 1890-е гг.

рают попечителем городской больницы, в 1860 г. по его инициативе открывается женское училище, которое первоначально находилось в доме самого А. В. Ермакова. (Дом, где жил А. В. Ермаков, сохранился; училище преобразовано в прогимназию, затем в гимназию). Видя его организаторские способности, городское общество уже в 1857 г. избирает А. В. Ермакова на должность городского головы, но он на тот момент отказался, и вместо него губернатор утвердил Ф. В. Суздальцева²⁶. Чем был вызван этот отказ, к сожалению, пока остается неизвестным.

Алексей Васильевич Ермаков еще до городской реформы 1870-х гг. видел, что городское хозяйство находится в стадии стагнации. В последние годы он разрабатывал два больших проекта, которые могли бы существенно повлиять на дальнейшее развитие Мурома, если бы были доведены до конца. Первый план связан с изменением городской застройки. Им была задумана полная перепланировка Мурома. Во Владимирском архиве хранится дело под названием «О составлении нового плана Мурома» (1869). В нем содержится переписка землемера Войнич с Муромской городской думой о необходимости перед началом работ «снять весь город на план, в том виде, в каком он существует»²⁷. Скоропостижная смерть А. В. Ермакова оборвала осуществление этого плана. Второе крупное дело, начатое незадолго до смерти — строительство железной дороги от Муром до Коврова.

Алексей Васильевич Ермаков умер в ночь

с 8 на 9 августа 1869 г. Он был похоронен на Напольном кладбище близ алтаря кладбищенской церкви. В 1870 г. стараниями его супруги на могиле была воздвигнута надгробная часовня, которая до настоящего времени не сохранилась.

В 1914 г. в одном из номеров газеты «Муромский край» появилась заметка о заброшенном надгробном памятнике А. В. Ермакову: «Памятник-часовня Ермакову А. В. и его супруге стоит заброшенный на кладбище... Сильно обветшал и почернел, густой слой пыли почти совсем закрыл глаза и благородные черты лица на мраморном бюсте... Кладбище содержится в чистоте и порядке и только один памятник Ермаковых стоит среди них печальный и забытый как сирота. Не осталось у Ермаковых близких родных и друзей, для которых память о нем была бы дорога»²⁸. Эта заметка всколыхнула городскую общественность. Городской голова И. П. Мяздрик собрал заседание городской управы, на котором было принято решение об увековечении памяти А. В. Ермакова в Муроме. Постановление состояло из следующих пунктов: 1) привести в порядок памятник А. В. Ермакову и его супруге на Напольном кладбище; 2) собрать биографические сведения о А. В. Ермакове; 3) назвать торговую площадь, на которой помещена водонапорная башня — Ермаковской; 4) в нише башни разместить металлический бюст А. В. Ермакову в натуральную величину, поставить монумент на одной из городских площадей. Из всех вышеперечисленных пунктов было выполнено два. К августу 1914 года,

Рис. 10. Сергей Афанасьевич Хохлов. Неизвестный фотограф, 1884-1888. Фотокопия Н. Сажина, 1890-е гг.

Рис. 11. Иван Петрович Мяздриков. Фотоателье И. Дьяговченко, Москва, 1880-е гг.

Рис. 12. Владимир Макарович Емельянов. Фотоателье Г. В. Трунова, Москва, 1880-е гг.

когда отмечали пятидесятилетие муромского водопровода, была приведена в порядок часовня на могиле и издан красочный плакат, посвященный деятельности А. В. Ермакова. И. П. Мяздриков собрал в архивах биографические сведения. Начались сборы средств и на монумент. На страницах «Муромского края» регулярно публиковались фамилии жертвователей. Среди них были жители самых разных слоев городского общества. Но первая мировая война и последующие революционные события прервали начатое дело. В советские годы память о А. В. Ермакове была вычеркнута из истории города. Часовня с могилы исчезла. Только в 1991 г. городской общественностью по инициативе муромского отделения «Фонда культуры» была установлена на водонапорной башне мемориальная доска и деревянный крест на месте бывшей когда-то часовни. А. В. Ермаков единственный городской голова, личность которого подверглась мифологизации. В сознании простых обывателей Алексей Васильевич предстает сердечным, добрым, отзывчивым человеком, который, как отец, искренне заботился о своих домочадцах. Он наделяется чертами сказочного персонажа: в город попал «перешагнув через Уральский хребет», «грязь непролазную победил орлиной мыслью». В записках жительницы Муромы Анны Дмитриевны Жадиной приведено следующее сказание о А. В. Ермакове. Одна бедная женщина с городской окраины пришла за водой к фонтану в центре города. В это время как раз на паре лошадей проезжал Алексей Ва-

сильевич. Бросилась она к нему в ноги: «Батюшка, родимый! Сделай Божью милость, устрой фонтан у нас поблизости». «Не плачь, старуха, — отвечает Ермаков, поднимая ее с колен, — будет и у тебя близкая вода!»²⁹. В дневниковых записях уже известного мещанина А. И. Гладкова также имеются интересные замечания о характере Алексея Васильевича. Гладков был семейным дебоширом: часто устраивал скандалы в доме, за что не раз отсиживал срок в полицейском участке. Все свои приключения он подробно записывал. Оказывается, А. В. Ермаков любил проводить воспитательные беседы с горожанами, не отличавшимися примерным поведением. Не раз разговаривал он и с Гладковым. Однажды Гладков пожаловался Ермакову на своих родных, за то, что пока он пять дней сидел в полиции, они его не навещали. Интересна реакция городского головы: «Покачав головою, Ермаков осудил мать и детей моих, что не посетили заключенного отца: стало быть, пустая жена, и дети глупы и пусты»³⁰. Таким образом, мы видим, что городской голова встает на сторону слабого человека, обиженного близкими людьми.

В Муромском музее хранится портрет Алексея Васильевича, выполненный художником А. Г. Горавским. Появление этого портрета не случайно. В музейном архиве имеется «Дело о разрешении постановки в зале Городской Думы портрета Городского головы и кавалера Ермакова». В нем есть «ходотайство» горожан перед Министерством внутренних дел, где описываются

ся все заслуги А. В. Ермакова. В конце следует заключение, что «портрет сей нужен, чтобы не только увековечить имя и память о делах его, но и в назидание потомкам»³¹.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Городские головы в Муроме

- 1785-1787 Елин Михаил Иванович (?)
 1787-1790 Зворыкин Иван Семенович
 1790-1794 Антонов Алексей Иванович — вместо избранного С. К. Мяздрикова
 1794-1797 Антонов Алексей Иванович
 1797-1800 Мяздриков Иван Семенович (1738-1824)
 1800-1803 Бушев Карп Кириллович
 1803-1806 Зворыкин Григорий Федорович
 1806-1809 Зубчанинов Василий Иванович
 1809-1812 Зворыкин Василий Иванович
 1812-1815 Суздальцев Василий Тимофеевич (1779-1834)
 1815-1818 Мяздриков Петр Иванович (род. 1777)
 1818-1821 Имя не установлено
 1821-1824 Суздальцев Василий Тимофеевич (1779-1834) — второе избрание
 1824-1827 Мяздриков Андриан Иванович (род. 1784) 1839-1842
 1827-1830 Усов Гавриил Тимофеевич
 1830-1833 Титов Алексей Алексеевич (1783-1848)
 1833-1834 Суздальцев Василий Тимофеевич (1779-1834) — третье избрание
 1834-1835 Мяздриков Петр Иванович (род. 1777) — дослуживал срок из-за смерти В. Т. Суздальцева
 1835-1836 Имя не установлено
 1836-1839 Зворыкин Егор Иванович
 1839-1842 Мяздриков Андриан Иванович (род. 1784) — второе избрание
 1842-1844 Гундобин Иван Васильевич (1805-1844)
 1844-1845 Перлов Иван Яковлевич — дослуживал срок из-за смерти И. В. Гундобина
 1845-1848 Мяздриков Иван Петрович (1804-1873)
 1848-1851 Зворыкин Григорий Дмитриевич
 1851-1854 Суздальцев Иван Васильевич
 1854-1857 Мяздриков Иван Петрович (1804-1873) — второе избрание
 1857-1860 Суздальцев Федор Васильевич — назначен из-за отказа А. В. Ермакова
 1860-1863 Гундобин Владимир Васильевич (1802-1883)
 1863-1866 Ермаков Алексей Васильевич (1795-1869) — второе избрание
 1866-1869 Ермаков Алексей Васильевич (1795-1869) — третье избрание
 1869-1870 Гундобин Владимир Васильевич (1802-1883) — дослуживал срок из-за смерти А. В. Ермакова
 1870-1871 Зворыкин Прокопий Степанович (1823-1883)
 1871-1875 Зворыкин Прокопий Степанович (1823-1883) — избран по новому городскому положению
 1875-1878 Зворыкин Прокопий Степанович (1823-1883) — второе избрание
 1878-1880 Зворыкин Прокопий Степанович (1823-1883) — третье избрание
 1880-1884 Перлов Иван Дмитриевич (1845-1886)
 1884-1888 Хохлов Сергей Афанасьевич (1821-1888)
 1888-1891 Русаков Василий Михайлович (1798-1891)
 1892-1894 Емельянов Владимир Макарович
 1894-1898 Емельянов Владимир Макарович — второе избрание
 1898-1902 Каратыгин Иван Максимович
 1903-1907 Зворыкин Егор Иванович
 1907-1911 Мяздриков Иван Петрович (1854-1934)
 1911-1914 Мяздриков Иван Петрович (1854-1934) — второе избрание
 1914-1917 Мяздриков Иван Петрович (1854-1934) — третье избрание
 1917-1918 Гладков Константин Николаевич

- ¹ Емельянов В. М., Стулов И. П., Гладков Н. Ф. Описание бывших пожаров в городе Муроме и более сильных в прочих городах Российской империи и разных достопамятных событий как в городе Муроме, так и в прочих городах с 1777 года. — Муром, 1912.
- ² Выписки из литературы о городе. Архив И. П. Мяздрикова // МИХМ. — Инв. № М-14217/2. — Л. 16.
- ³ История Муром и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века. — Муром, 2001. — С. 151, 247. Этот список без изменений опубликован в работе И. А. Новоселовой «Развитие городского хозяйства и роль местного самоуправления уездного города Муром в XIX веке». — Муром, 2006. — С. 240.
- ⁴ Емельянов В. М., Стулов И. П., Гладков Н. Ф. Указ. соч. — С. 1.
- ⁵ Выписки из литературы о городе. Архив И. П. Мяздрикова. — Л. 4.
- ⁶ ГАВО. — Ф. 22. — Оп. 3. — Д. 66. — Л. 2, 6, 7.
- ⁷ Полное собрание законов Российской империи. — СПб., 1830. — Т. 22. — Статья 1687. — С. 360, 361, 380, 381.
- ⁸ Там же. — С. 382-383.
- ⁹ Сазонова Е. И. Дом и усадьба жителей города Муром в XIX в. // Уваровские чтения-V. — Муром, 2003. — С. 203.
- ¹⁰ Емельянов В. М., Стулов И. П., Гладков Н. Ф. Указ. соч. — С. 16.
- ¹¹ Там же. — С. 22.
- ¹² ГАВО. — Ф. 22. — Оп. 3. — Д. 66. — Л. 1, 6.
- ¹³ Титов А. А. Статистическое описание города Муром. — Владимир, 1900. — С. 20.
- ¹⁴ Добрынкин Н. Г. Державные гости в городе Муроме 1445-1837. — Владимир, 1887. — С. 27.
- ¹⁵ ГАВО. — Ф. 415. — Оп. 1. — Д. 13. — Л. 1.
- ¹⁶ Биографические сведения об А. А. Титове впервые представлены Н. Г. Добрынкиным в предисловии к изданию работы А. А. Титова «Историческое обозрение города Муром», опубликованное в «Трудах Владимирской ученой архивной комиссии» в 1902 г.
- ¹⁷ Добрынкин Н. Г. Державные гости в городе Муроме 1445-1837. — Владимир, 1887. — С. 83.
- ¹⁸ Дневник И. П. Мяздрикова. Архив И. П. Мяздрикова // МИХМ. — Инв. № М-18730. Б. п.
- ¹⁹ Пехов В. И. Муром в прошлом и настоящем. — Муром, 1917. — С. 41.
- ²⁰ Богданович Е. В. Памяти русского гражданина Алексея Васильевича Ермакова // Владимирские губернские ведомости. — 1869. — № 41.
- ²¹ Мяздриков И. П. Очерк общественной деятельности в Муроме городского головы Алексея Васильевича Ермакова // Муромский край. — 1991. — № 77.
- ²² Пехов В. И. Муром в прошлом и настоящем. — М., 1903.
- ²³ Новоселова И. А. Развитие городского хозяйства и роль местного самоуправления уездного города Муром в XIX веке. — Муром, 2005. — С. 219-228.
- ²⁴ Богданович Е. В. Указ. соч.
- ²⁵ Дневник муромского мещанина А. И. Гладкова. 1853-1865 гг. // МИХМ. — НВ-19046. — Л. 262.
- ²⁶ Емельянов В. М., Стулов И. П., Гладков Н. Ф. Указ. соч. — С. 18.
- ²⁷ ГАВО. — Ф. 403. — Оп. 1. — Д. 527.
- ²⁸ Муромец В. Памяти А. В. Ермакова // Муромский край. — 1914. — № 112.
- ²⁹ Воспоминания Анны Дмитриевны Жадиной о Ермакове. 30 марта 1922 // МИХМ. — Собрание фотографий и документов. — Ф. 1. — Оп. 50. — Д. 09. — Л. 3.
- ³⁰ Дневник муромского мещанина А. И. Гладкова. 1853-1865 гг. — Л. 281об.
- ³¹ Дело о разрешении постановки в зале Городской Думы портрета Городского головы и кавалера Ермаков. Начато 25 ноября 1866 — окончено 28 января 1867 г. // МИХМ. — Инв. № М-9765. — Л. 4.

М. А. Казанкова, Т. А. Лаптева (Москва)

КУПЕЧЕСКИЙ РОД ЖАДИНЫХ В ИСТОРИИ ГОРОДА МУРОМА И ЕГО ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ СВЯЗИ

Фамилия Жадины является одной из самых древних муромских фамилий и наряду с фамилиями Гладковы, Гундобины, Зубчаниновы, Мяздриковы, Тагуновы, Стуловы, Суздальцевы и др. встречается в писцовых книгах уже в начале XVII века¹.

В «Ономастиконе» С. Б. Веселовского среди родоначальников русских фамилий с корнем «жад» (по Далю: жад — камень) указаны: крестьянин Жаден Григорьев (1545, Новгород); Жа-

ден Федорович Тучнев (1540, Тверь); бобыль Жадный Ермолаев (1593, Арзамас); крестьянин Жадобин Петр (1605, Муром); участник похода московской рати с Вятки на Двину Жадовский Семен (1417, Новгород); Жадовский Василий Константинович (1550)². Близкие по звучанию имена и фамилии — Жданка Черной, Жадной Яковлев сын Серебренников, Ивашка Евдоимов сын Жадной, Жадново Петр и Иванка Жадново, Жадка Моисеев — встречаются в самых ранних

документах по г. Мурому: в выписи из писцовых книг г. Муром писцов Д. А. Бутурлина со товарищи (1566)³ и в сотной грамоте муромскому посаду писцов М. И. Шушелова и Б. Григорьева (1573/1574)⁴.

Существует несколько версий происхождения фамилии Жадин. Так, в «Энциклопедии русских фамилий»⁵ рассматривается семейство фамилий — Жадов, Жадин, Жадный, Жадных, Жаденов и т. п. — как производные от глаголов жадать и жаждать, означающих чего-то сильно желать, хотеть, вопить. «Жадаю видеть его», — говорили на Вологодчине, Тамбовщине, в Рязанских землях. В приведенных выше фамилиях тот же смысл: страстно и ненасытно желать чего-то, но с некоторым негативным оттенком — завидовать, быть корыстолюбивым. Впрочем, жадоба в одних говорах (курск., тверск.) — стяжатель, алчный, прожора, обжора, а в других (новг., рязан., олон.) — желанный, милый, любезный сердцу, кого жалею и кого желаю.

В словаре М. Фасмера⁶ слову *жадать* соответствуют те же значения «желать, жаждать, ощущать недостаток, тосковать, стремиться к чему-либо», а слово *жадный*, *жадн*, *укр.* *жадний* — голодный, скупой, *древне-русск.* *жаданъ*, *старослав.* *жадынъ*, *сербохорв.* *же;едан*, *словен.* *zaden*.

Возможно также, что фамилия Жадин имеет польские корни. Известно, что в переговорах между русскими и поляками в 1634 году, закончившихся Поляновским миром, с польской стороны участвовал епископ Хелминский и Помезанский Якуб Жадин (Задзик)⁷. С другой стороны, среди терских казаков распространено убеждение, что фамилия Жадин, с достаточной частотой встречающаяся на Северном Кавказе, образовалась от измененной французской фамилии Жадэн. В то же время, существует вероятность, что терские казаки — это потомки рязанских и мещерских казаков и новгородских ушкуйников, переселившихся в XV веке сначала на Дон, а оттуда, частично, на склоны Кавказского хребта и берега реки Терек.

Наконец, нельзя исключить того, что происхождение фамилии Жадин может быть связано с тремя географическими названиями: деревней Жадины Боровичского района Новгородской области, расположенной на реке Мста; речкой Жа-

динкой, впадающей в Мсту, и деревней Жадина, упоминаемой в переписных книгах 1707 г. среди деревень Радогожского стана Комарицкой волости Севского уезда⁸.

Известное нам первое упоминание собственно фамилии Жадин относится к началу XVII в. В сотной с писцовых книг г. Муром 1623/24 г. записаны «двор для осадного времени на убог Олешки и Томилки Фоминых детей Жадиных; в москательном ряду, что исстари слыл большим рядом, лавка посадского человека Томилки Юрьева сына Жадина, а владеет он ею по купчей брата своего Дружинки Юрьева; в том же ряду две лавки Олешки Фомина сына Жадина и лавка Васьки Фомина сына Жадина; Ивашка Жадин лавку в москательном ряду продал»⁹. Там же указаны среди дворов посадских средних людей — «двор Олешки Фомина сына Жадина, у него ж брат Васька торгует москательным товаром»; а среди дворов посадских молотчих людей — «двор Ивашки Юрьева сына Жадина, у него брат Томилка — красильники». Следует упомянуть также двор «Гришки Нефедова сына Жадного, прасолит рыбником, он беден, больше того тягла на нем прибавить немочно»¹⁰.

В списке переписной книги г. Муром 1646 г. написано: «В городе Муроме на посаде, улица Выползовая, а в ней... во дворе Васька Фомин прозвище Жадин. У него дети Ивашка двундцати лет да Обросимка пяти лет. Во дворе Иевка, прозвище Томилка Юр[в]ев, прозвище Жадин, с сыном Ивашком. Во дворе Левка да Трофимка да Гришка четырнадцати лет Олексеевы, прозвище Фомина»¹¹. В данном случае трое сыновей Алексея Жадина получили также прозвище Фомины.

В крестоприводной книге 1676 года по г. Мурому упомянуты «Якушко Жадин... Трошка Жадин, Архипко Жадин»¹².

В близкой по времени переписной книге 1678 г. значатся: Гришка Алексеев сын Жадин, у него дети — Архипко, 14 лет (р. 1664), Якимко да Ивашко по 10 лет (р. 1668), Алешка осьми лет (р. 1670); кроме того, упоминаются вдовы, Анютка Левонтьевская жена Жадина, у нее сын Якушка пятнадцати лет (р. 1663) и Окулинка Трофимовская жена Жадина, у нее дети Трошка тринадцати лет (р. 1665) и Ганка десяти лет (р. 1668)¹³.

К концу XVII века население Муром сильно сократилось в результате эпидемии 1654 г., пожара 1671 г. и значительной миграции в сибирские города, возможно по этим причинам потомки Василия и Иева (Томилки) Жадиных, а также Леонтий Алексеев сын Жадин, в переписных книгах больше не упоминаются.

Более подробные сведения о Жадиных содержатся в документах XVIII века. Анализируя имеющиеся данные, в том числе сопоставляя имена и даты, можно составить несколько семейных линий Жадиных, живших в Муроме в XVIII веке.

Три сына Алексея Фомина сына Жадина образуют следующие линии: Григорий Алексеевич, сыновья — Архипко, Якимко, Ивашко и Олешка. У Алексея Григорьевича приемный сын Лука Максимов, у них крашенинный промысел. У Ивана Григорьевича дети — Степан (р. 1691) и Парфений (р. 1701). Степан Иванович имел двух сыновей — Ивана (р. 1714) и Тихона (р. 1717), у Ивана Степановича сын Алексей. Парфений Иванович имел сына Харитона (р. 1717). У них калашный промысел¹⁴.

Линия Трофима Алексеевича: сыновья — Гаврила (р. 1671), Трофим (р. 1657). Сын Гаврилы Алексеевича — Максим (р. 1694), у него дети — Матвей (р. 1694), Петр (р. 1717), Афанасий (р. 1720), Григорий (р. 1722), Иван (р. 1727) и Никита (р. 1743). У Матвея Максимовича сыновья Василий (р. 1733) и Герасим (р. 1743). Василий Матвеевич имел сыновей Гаврилу (р. 1772), Михаила (р. 1781) и дочь Пелагею (р. 1777). Трофим Трофимович сын Жадин (р. 1657) имеет сына Трофима (р. 1702), у Трофима жена Февронья Кузминична и дети — Филипп (р. 1735), Федул (р. 1736), Андрей [р. 1743(55)], Семен (р. 1748) и Иван¹⁵.

Линия Якова Алексеевича Жадина: у него два сына — Иван (р. 1689) и Павел (р. 1684). У Павла дети — Алексей (р. 1709) и Степан (р. 1714). Таким образом, уже с начала XVII века Жадины жили на Выползовой улице, были торговыми людьми и торговали москательным товаром, имели калашный и крашенинный промысел.

Во второй половине XVIII века особенной известностью в Муроме пользовались сыновья Трофима Трофимовича Жадина и его супруги Февроньи Кузминичны.

Филипп Трофимович (р. 1737) состоял во второй купеческой гильдии, женился на Матрене Еремеевне и имел трех дочерей, все они были выданы замуж за муромских купцов.

Семен Трофимович Жадин (р. 1748) — муромский купец третьей гильдии. Трижды был женат, вторая жена Матрена Осиповна (1763-1788), третья жена Авдотья Ивановна Агапова, старинного муромского купеческого рода. Всего в семье Семена Трофимовича было шесть сыновей и пять дочерей: Иван, Василий, Данила, Алексей, Трифон, Федор, Ирина, Федосья, Агафья, Матрена, Пелагея.

Младший сын Трофима Трофимовича — Андрей (р. 1755) — при рождении был записан в мещанство и только в 1811 г. получил купечество. Женой Андрея Трофимовича была Меланья Макаровна, купчиха третьей гильдии. В 1779 г. родился сын Иван, а в 1781 г. — сын Григорий. В 1777 году Андрей Трофимов сын Жадин занимал должность градского старшины¹⁶.

Из сыновей Семена Трофимовича наиболее известным человеком в Муроме был Данила Семенович Жадин, который в 1865 г. уже имел аттестат купца первой гильдии и был потомственным почетным гражданином. Данила Семенович родился в 1790 г. и числился купцом третьей гильдии. Жена Фекла Петровна, сыновья Константин, Василий, Петр, Михаил, Дмитрий и дочери Марья и Татьяна. В 1849 г. имел в городе в 28-м квартале землю, на которой каменная палатка с деревянным строением и землю в 32-м квартале с деревянным домом. Дом стоял около Сретенской церкви на пересечении современных улиц К. Маркса и Свердлова, это был деревянный двухэтажный дом на каменном фундаменте, крытый и обитый тесом. В 1863 г. по духовному завещанию Данилы Семеновича дом перешел во владение Константина Даниловича, а затем был отдан в приданое его дочери Марии Константиновне. В 1865 г. стоимость имений семьи Данилы Семеновича составляла уже 3120 руб. Данила Семенович был награжден золотой медалью на Аннинской ленте за спасение погибавших во время бури в 1814 г. на реке Оке.

Организованный Данилой Семеновичем торговый дом «Данилы Жадина сыновья К. В. М. Н. и И. Жадины» владел свечным, мыловаренным

и паточным заводом, основанным в 1830 году. На заводе работало 16 человек рабочих, их годовое содержание составляло 2818 рублей.

Семья Данилы Семеновича была православной и глубоко верующей, сам Данила Семенович являлся ктиторм муромской церкви Всех Святых на Напольном кладбище, которая была выстроена к 1865 г. в основном на его средства и благодаря его усилиям. Пожертвования в церковь производились семьей Жадиных постоянно. Так, усердием семейства Жадиных были куплены церковные колокола в 1865, 1869 и 1874 гг., немало жертвовалось и по духовным завещаниям, в частности, по завещанию Константина Даниловича — 250 руб., Василия Даниловича — 200 руб., Алексея Константиновича — 100 руб., Николая Константиновича — также 100 руб. В конце 1870-х г. по результатам выборов в городской думе должность церковного старосты Напольной кладбищенской церкви занимал сын Данилы Семеновича — Василий Данилович Жадин (1819-1893), которому за усердную службу была объявлена благодарность, и он, по просьбе епархиального начальства, был оставлен на этой службе и два последующих трехлетия (1882 и 1885 гг.). В начале XX века церковным старостой этой церкви был утвержден его сын, потомственный почетный гражданин Николай Васильевич Жадин (1862-1903). Потомственные почетные граждане Данила Семенович, Василий Данилович и Николай Васильевич Жадины захоронены в усыпальнице при Всесвятской кладбищенской церкви¹⁷.

С целью сохранения и умножения капитала и развития семейного бизнеса в середине XIX столетия в купеческих семьях заключались, в основном, внутрисословные браки. Так, сыновья Данилы Семеновича женились на представительницах древних муромских купеческих родов Гундобиных (Василий и Дмитрий Даниловичи), Усовых (Василий и Михаил Даниловичи), Суздальцевых (Константин Данилович), Засухиных (Константин Данилович, Алексей и Иван Константиновичи). Следом за Константином Даниловичем на дочерях купцов и фабрикантов Суздальцевых были женаты его сыновья — Владимир — на Зинаиде Ивановне и Дмитрий — на Елизавете Егоровне; на Суздальцевых были женаты и дети Василия Даниловича: Николай Васильевич — на Оль-

ге Николаевне и Петр Васильевич — на Анне Васильевне Суздальцевой-Ушаковой.

Старший сын Данилы Семеновича — Константин Данилович (1812-21.05.1880), купеческий сын первой гильдии, ратман муромского магистрата (в 1864), не раз избирался в различные органы местного управления. В 1847 г. был избран городским старостой, затем два трехлетия — гласным муромской городской думы (1851-1854 и 1857-1860). Был женат дважды на дочерях купцов известных муромских фамилий — Елене Ивановне Засухиной (р. 1815) и Прасковье Никифоровне Суздальцевой (1826-27.01.1876). Семья Константина Даниловича была большая — десять детей, сыновья: Иван (1835-09.07.1903), Николай (р. 1843), Алексей (1856-29.09.1886), Дмитрий (27.10.1852-20.02.1920), Владимир (р. 1857), Петр (1863-1879, погиб во время пожара в конторе торгового дома «Д. Жадин и сыновья»); дочери Екатерина, Прасковья, Мария (1848-1922, замужем за Александром Ивановичем Вощининым), Ольга (1861-06.04.1867, умерла во младенчестве).

Константин Данилович имел шорные мастерские и мыловаренный завод. В 1882 г. создается торговый дом «Константина Жадина сыновья», куда входили потомственные почетные граждане Иван, Николай, Алексей и Владимир Константиновичи Жадины. Эта фирма имела крахмалопаточное заведение, основанное в том же году, с 12 рабочими, которым в год платили 620 руб.

Во второй половине XIX века Жадины все еще жили на Выползовой улице в 28-м квартале, в приходе Сретенской церкви, и владели здесь в том числе садовой землей. Так, в 1879 г. купец первой гильдии Василий Данилович Жадин (1819-19.12.1893) прикупил соседнюю садовую землю с плодовыми деревьями у своего родственника Владимира Васильевича Гундобина в той же улице (42х63х60 сажень) за 2000 рублей серебром. Потомственный почетный гражданин Василий Данилович Жадин был женат дважды: на Наталье Владимировне Усовой и купеческой дочери Анне Петровне Гундобинной, в семье было трое сыновей — Николай (1862-29.08.1903), Петр (1855-06.03.1892), Владимир (р. 15.06.1878). Женой Владимира Васильевича была вдова его двоюродного брата Константина Михайловича

Рис. 1. Константин Данилович Жадин до 1880 г.

Жадина — княгиня Инна Петровна Потоцкая. Василий Данилович был очень авторитетным человеком в Муроме и неоднократно избирался на различные городские общественные должности. В 1885 г. Василий Данилович владел мыловаренным и свечным заводами с ручным производством и паровым паточным заведением, на котором работало 16 мужчин, их годовое содержание составляло 980 рублей.

В ноябре 1882 г. после смерти Константина Даниловича и Михаила Даниловича состоялся раздел имущества между их братьями, сыновьями и племянниками. Разделу подлежали дворовые и огородные земли, деревянные дома и лавки, а также приобретенное в феврале 1879 г. в Меленковском уезде сельцо Городище с усадебной землей почти в шесть десятин. Здесь был господский дом с мебелью, скотный двор, амбара, картофелетерочный завод, сушилка, лошади, экипажи, также лес и другие угодья. Общая стоимость владения составляла 31 000 рублей. Сельцо Городище по разделу досталось Дмитрию Даниловичу Жадину, который выплачивал другим наследникам стоимость их доли. Сыновья Константина Даниловича Иван, Николай, и Алексей имели свечной, мыловаренный и паточный заводы в Муроме.

Самым состоятельным из сыновей Даниила Семеновича был Дмитрий Данилович (1832-

11.03.1903), в 1885 г. купец второй гильдии. Он был женат на Анне Ивановне Гундобинной (р. 1834). Своих детей у них не было, и Дмитрий Данилович усыновил своего племянника, Дмитрия Константиновича Жадина (сына Константина Даниловича). Дмитрий Данилович имел каменный двухэтажный дом по Козмодемьянской улице (ныне ул. Мечникова № 9) с каменными постройками. Здесь же был каменный двухэтажный корпус бывшей фабрики и каменная палатка, а также сад в 200 кв. сажен. Кроме того, Дмитрий Данилович имел землю и сад на берегу реки Оки возле Козмодемьянской церкви.

Немалый вклад внесли Жадины в развитие банковского дела в Муроме. В 1877 г. Василий Данилович Жадин был избран директором муромского городского общественного банка и исполнял исправно эту обязанность, несмотря на большую занятость руководством сально-свечным, мыльным заводами и паточным заведением, а также торговыми предприятиями и служением церковным старостой Напольной кладбищенской церкви. В 1884 г. директором общественного банка становится его брат Дмитрий Данилович, который оставался на этой должности в течение длительного времени. В журнале муромской городской думы от 10 апреля 1896 г. читаем: «Отчет городского общественного банка утвердить. Директору банка потомственному почетному гражданину Жадину и его товарищам и кандидатам выразить благодарность городской думы за их безвозмездную и полезную для города службу и принимая во внимание долговременную, усердную, безвозмездную службу директора банка потомственного почетного гражданина Дмитрия Даниловича Жадина о таковой примерной его деятельности представить на начальническое внимание г. начальника губернии»¹⁸. По просьбе Дмитрия Даниловича он был освобожден от должности директора банка в декабре 1904 г. с вынесением ему благодарности за долговременную, полезную и двадцатипятилетнюю службу в этой должности. Хорошо известна и благотворительная деятельность Дмитрия Даниловича. Пожертвования от его имени поступали в виде процентов от ренты в странноприимный дом Ушакова и городскую богадельню. Дмитрий Данилович скоропостижно скончался 11 марта 1915 г. Все его имущество по наслед-

Рис. 2. Дмитрий Константинович Жадин (1852-1920) Фотография 1890-х гг.

Рис. 3. Митрофан Дмитриевич Жадин (1883-1938). Фотография 1904 г.

Рис. 4. Зинаида Дмитриевна и Митрофан Дмитриевич Жадины после венчания. Фотография 1908 г.

ству перешло к его приемному сыну Дмитрию Константиновичу Жадину.

Купец первой гильдии Дмитрий Константинович Жадин (27.10.1852-20.02.1920) был женат на дочери купца первой гильдии Елизавете Егоровне Суздальцевой (27.08.1858-14.09.1920). Бракосочетание Дмитрия Константиновича с Елизаветой Егоровной состоялось 10 января 1877 г. в Сретенской церкви. Через пять лет, 21 января 1882 г., переехали жить в дом Гундобиных. В семье было четверо детей (один ребенок умер во младенчестве): сын Митрофан и дочери Елена (р. 18.10.1885), Анна (р. 06.01.1891) и Варвара (р. 18.01.1891). Митрофан Дмитриевич родился 3 января 1883 г., крестили его в Сретенской церкви и восприемниками при крещении был Егор Иванович Суздальцев (дед) и Анна Ивановна Жадина (бабушка). Все дети Дмитрия Константиновича получили образование. Девочки учились в гимназии, а Митрофан — в реальном училище.

18 ноября 1907 г. состоялось обручение Митрофана Дмитриевича с Зинаидой Дмитриевной Абрамовой, дочерью купца первой гильдии и фабриканта Костромской губернии. Обручение проходило на квартире Абрамовых в Большом Власьевском переулке в Москве, затем последовал ужин в ресторане «Прага». Бракосочетание же состоялось 14 января 1908 г. в Муроме, также в Сретенской церкви. Венчал их прото-

иерей Василий Робустов. После венца было поздравление молодых в доме, затем обед и бал в зале муромского дворянско-купеческого собрания. Старшая дочь Тамара родилась в этой семье 15 ноября 1908 г., восприемниками при крещении были Д. К. Жадин и Елизавета Сергеевна Абрамова (бабушка). Затем в 1910 и 1911 гг. родились еще две дочери — Ольга и Нина. 3 декабря 1915 г. родился сын Константин, восприемниками были все те же дедушка и бабушка — Д. К. Жадин и Е. С. Абрамова. 28.08.1918 г. родилась Евгения Митрофановна Жадина. Восприемниками при крещении были Дмитрий Константинович и сестра Ольга. В сентябре 1919 г. дом Жадиных был занят под отдел народного образования, семье же были оставлены три комнаты внизу и кухня.

8 февраля 1920 г. Митрофан Дмитриевич Жадин был арестован и 9 февраля увезен во Владимир, где просидел в тюрьме до 13 марта 1920 г. 9 февраля были похороны его отца, но его на похороны не отпустили. Ему было разрешено только выйти на крыльцо милиции, когда гроб с останками отца проносили мимо. 19 июля 1920 г. в Муроме был грандиозный пожар, во время которого сгорело двенадцать домов, в том числе и дом Жадиных. Половина городского населения в это время была отправлена на тушение лесных пожаров.

1 сентября 1920 г. скончалась Елизавета Егоровна Жадина (урожденная Суздальцева) вслед-

Рис. 5. Дмитрий Данилович Жадин с внуками. Фотография 1900-х гг.

ствии нервного потрясения и кровоизлияния в мозг. Дочери ее Варвара и Анна скончались в 1921 и 1924 годах. Старшая дочь Елена Дмитриевна умерла еще раньше 29.08.1904 г. от менингита.

31 января 1938 г. был вновь арестован Митрофан Дмитриевич, работавший в то время продавцом. Арест произведен был Муромским РО НКВД по обвинению в том, что «находясь на эсеровских позициях, состоял в эсеровской группе и до дня ареста проводил активную антисоветскую деятельность, направленную на дискредитацию политики ВКП(б) и Советского правительства; среди населения распространял провокационные слухи о голоде и нищете рабочего класса в СССР; вел пораженческую агитацию в пользу фашистских государств, то есть в преступлении, предусмотренной статьей 58-10-11 УК РСФСР». По решению Особого совещания при НКВД СССР от 21 июля 1938 г. М. Д. Жадин был заключен в ИТЛ сроком на восемь лет, считая срок с 31.01.1938 г. Постановлением президиума Владимирского областного суда от 18 октября

1958 г. приговор был отменен за недоказанностью состава преступления.

Изложенный выше материал представляет далеко не полные данные о жизни и родственных связях одной из ветвей рода Жадиных, начиная от жителя города Муром Трофима Трофимовича. Ниже мы остановимся на судьбах потомков младшего сына Трофима Трофимовича — Андрея Трофимовича. Как уже упоминалось выше, Андрей Трофимович имел двух сыновей Ивана и Григория. О жизни Григория Андреевича известно совсем немного, упоминается лишь, что он был купцом третьей гильдии и в 1811 г. выбыл в мещане.

Старший сын Андрея Трофимовича, Иван Андреевич Жадин как мещанский сын был рекрутирован в солдаты в 1813 г., оставив жену с малыми детьми — дочерью Аксиньей и сыновьями Василием (1805-1857), Федором (Фролом) (р. 1809) и Петром (р. 1813).

Василий Иванович Жадин в 1831 г. записан в купцы третьей гильдии и владел благоприобретенным капиталом в 2400 рублей. Был дважды женат: на мещанской дочери Татьяне Ивановне (р. 1805) и Наталье Васильевне, имел дочь Анну (р. 1831) и двух сыновей — Ивана (р. 1.02.1836) и Федора (р. 4.09.1845). В городе владел деревянным флигелем с наследственной землей в 32-м квартале, торговал пряжей, холстом и щетиною.

Фрол Иванович Жадин (р. 1810) — купец третьей гильдии, капитал имел благоприобретенный 2400 руб. Женат на Анне Федотовне (р. 1811) и имел трех сыновей — Николая (р. 1830, в 1853 г. выбыл в шуйское купечество), Ивана (р. 1832) и Павла (р. 1835).

Петр Иванович Жадин (р. 1815) был женат на Анне (р. 1816) и имел дочь Прасковью (р. 1835).

Дочь Василия Ивановича, Анна Васильевна, вышла замуж за муромского купца Серебренникова и впоследствии была восприемницей сына своего брата Федора — Алексея Федоровича Жадина.

Сыновья — Федор Васильевич и Иван Васильевич Жадины имели в совместном владении на Ивановской улице деревянный двухэтажный флигель с надворными постройками и в 32-м квартале дворовое место 10 на 7 сажен и деревянный двухэтажный дом по Полевой ул., оце-

ненный в 2000 руб., т. к. дом очень обширный, двухэтажный, и, кроме того, при доме шорное заведение и разные склады товаров. Федор Васильевич торговал каретами, санями, телегами, шорно-седельным и скобяным товаром, был поставщиком Двора его Императорского Величества по части кожевенного и костного сырья и продуктов его переработки. Федор Васильевич пользовался большим авторитетом у сограждан и неоднократно избирался в городскую думу, был представителем купеческого сословия г. Муром на торжествах коронации императора Николая II в 1896 г., о чем свидетельствует наличие у него медали «В память коронации императора Николая II», был избран помощником старосты Богородицкого собора г. Муром. Старостой этого же собора был и Иван Константинович Жадин.

Федор Васильевич Жадин в 1884 г. венчался с внучкой муромского купца Екима Никитича Стулова, Екатериной Николаевной (р. 1864). Интересна история их женитьбы. Девятнадцатилетний Федя был приглашен к другу Коле Стулову в гости на крестины его дочери. Девочка произвела на Федю такое сильное впечатление, что он сразу сказал: «Я буду ее воспитывать. Она будет моей женой». Слово свое Федор Васильевич сдержал, и, когда Кате исполнилось двадцать лет, они обвенчались в Сретенской церкви и прожили в любви и согласии долгие годы. В семье Екатерины Николаевны и Федора Васильевича было восемь детей, Мария и Антонина умерли в раннем возрасте и похоронены на Напольном кладбище. Первым ребенком в семье был сын Алексей (09.02.1886-14.10.1920). Восприимками при рождении были Николай Екимович Стулов (отец Екатерины Николаевны), Иван Васильевич Жадин (старший брат Федора Васильевича), Прасковья Владимировна Стулова, Анна Васильевна Серебrenикова (сестра Федора Васильевича). Старшая из дочерей, Елена Федоровна, была очень красивой, но не очень счастливой. Она рано овдовела и до конца жизни жила в родительском доме по ул. Свердлова (бывшая Полевая) 33. Ее единственный сын Федор Иванович Клипков в 1935 г. уехал строить Горьковский автозавод, там второй раз женился, и его дети, внуки и правнуки живут в Нижнем Новгороде. Дочь Федора Ивановича от первой жены — Елена

Рис. 6. Федор Васильевич Жадин (1845-?). Фотография начала 1900-х гг.

Федоровна Аверьянова — много лет учительствовала в муромской школе № 5. В настоящее время живет в Муроме на улице Экземплярского.

Вторая дочь, Александра Федоровна Жадина (22.04.1893 — 06.03.1987), окончила в 1912 году Муромскую женскую гимназию и затем училась в Московском государственном университете на медицинском факультете. После начала первой мировой войны занятия на факультете прекратились, и все студентки отправились в лазареты и госпитали сестрами милосердия. В 1924 г. Александра Федоровна вышла замуж за бывшего купеческого сына Николая Федоровича Зубова [1894(96) — янв.1953]. Коля Зубов окончил реальное училище в 1914 г., был одноклассником будущего известного ученого-гидробиолога Владимира Ивановича Жадина, который приходился внуком потомственному почетному гражданину Константину Даниловичу Жадину. Дочь Александры Федоровны и Николая Федоровича — Екатерина Николаевна Тропинина — живет в Выксе, она на пенсии, но продолжает вести ак-

Рис. 7. Семья Федора Васильевича Жадина. Фотография 1909 г.

тивный образ жизни, она — председатель общества ветеранов и председатель домкома.

Наталья Федоровна (р. 04.08.1895) и Зинаида Федоровна закончили муромскую гимназию А. Ф. Финогеновой, Зинаида Федоровна поступила в Московский женский политехнический институт на инженерно-строительное отделение. Младшая дочь, Валентина Федоровна (23.01.1900-30.03.1989), также училась в гимназии А. Ф. Финогеновой и закончила восемь классов в 1917 г. С 1917 г. и до конца жизни работала секретарем в Муромском горисполкоме, была высококлассной машинисткой и добрейшей души человеком. В детстве училась музыке и пению, по-видимому, так же, как и все сестры Жадины.

Сын Федора Васильевича Жадина — Алексей Федорович — окончил реальное училище, в котором учился приблизительно в период 1896-1904 гг. После окончания учебы он успешно помогал отцу в его бизнесе и имел собственную лавку, в которой лично торговал разнообразными шорными и скобяными изделиями. В семье держали лошадей, был собственный выезд, и рассказывали, что Алексей Федорович был лихим наездником и даже въезжал на лошади в открывшийся в Му-

роме кинотеатр.

4 июня 1908 г. Алексей Федорович был обвенчан в Сретенской церкви с дочерью потомственного почетного гражданина Ивана Петровича Гундобина — Софьей Ивановной (1887-1973). Поручителями со стороны жениха были потомственный почетный гражданин Петр Иванович Жадин (по-видимому, сын Ивана Константиновича) и крестьянин Дмитровской слободы Муромского уезда Ковардицкой волости Иван Афанасьевич Ершов (муж старшей сестры Алексея Федоровича), а со стороны невесты — касимовский купеческий племянник Сергей Николаевич Шемякин и касимовский купеческий сын Василий Федорович Шемякин (оба поручителя — мужья старших сестер Софьи Гундобиной). Бал по поводу бракосочетания состоялся в тот же день в 7 часов вечера в собственном доме по адресу Полевая 33.

В семье Алексея Федоровича было трое детей, Наталья (1909-1989), Игорь (1910-1943?), пропал без вести на фронте в Великую Отечественную войну) и Олег (1914-1942). До отъезда из Мурома дети жили в родительском доме по ул. Свердлова 33. Дом был большой, двух-

Рис. 8. Софья Ивановна и Алексей Федорович Жадины с дочерью Наташей. Фотография 1909 г.

этажный с галереей, вместе с прилегающими постройками занимал целый квартал, при доме был сад, в котором росло 300 яблонь различных пород, на участке располагались склады, сараи, баня и прачечная, в противоположной стороне была беседка, лужайка и клумбы с цветами, был также и огород. Во дворе был водопровод, который проходил в кухню, располагавшуюся на первом этаже. Дом был гостеприимным и хлебосольным. В доме была огромная библиотека, собранная, в основном, Алексеем Федоровичем. Значительная часть ее сохранилась до настоящего времени, частично находится в Муромском историко-художественном музее, а частично — в центральной библиотеке г. Мурома.

Главным делом Алексея Федоровича, главной его страстью было коллекционирование. К началу революционных потрясений в России он собрал многочисленную коллекцию, которая уже была хорошо известна. В коллекции было много вещей, представляющих историческую и художественную ценность. Вместе с другими представителями муромской интеллигенции Алексей Федорович уча-

Рис. 9. Алексей Федорович Жадин (1886-1920). Фотография 1910 г.

ствовал в создании и работе муромского Научного общества и организации краеведческого музея.

В 1918 г. Алексей Федорович Жадин был объявлен одним из руководителей белогвардейского восстания в г. Муроме в июле 1918 года и приговорен к расстрелу по решению Владимирского губернского трибунала. В ответе из УРАФ ФСБ России, который пришел на запрос внучки Алексея Федоровича, сообщалось, что А. Ф. Жадин арестован в Омске 4.04.1920 г. Омской ГубЧК «по делу о белогвардейском восстании 8-9 июля 1918 года и дело передано Особому отделу Владимирской ГубЧК. По приговору Владимирского Губернского революционного трибунала от 22-26 февраля 1919 года Жадин А. Ф. объявлен врагом народа, и при обнаружении места нахождения подлежал расстрелу. Приговор приведен в исполнение 14 октября 1920 года в г. Владимире». Данные о месте захоронения в материалах дела отсутствуют, реабилитации до сих пор не было.

В докладе использованы материалы сайта Муромского историко-художественного музея и личные документы, хранившиеся в семье Жадиных.

- ¹ Сотная с писцовых книг г. Мурома 1623/24 г. — Владимир, 2010. — С. 163.
- ² Веселовский С. Б. Ономастикон. Древнерусские имена. Прозвища и фамилии. — М., 1974. — С. 110.
- ³ Кучкин В. А. Материалы для истории русского города XVI в. (выпись из писцовых книг г. Мурома 1566 г. и муромская сотная 1573/1574 г.) // Археографический ежегодник за 1967 г. — М., 1969. — С. 291.
- ⁴ Там же. — С. 295.
- ⁵ Ведица Т. Энциклопедия русских фамилий. Тайна происхождения и значения. — М., 2008. — С. 82.
- ⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. — М., 1986. — Т. 2. — С. 33.
- ⁷ Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. — СПб., 1899. — С. 462.
- ⁸ Севский уезд по переписным книгам 1705, 1707, 1709 годов // Труды Орловской ученой архивной комиссии 1891 год. — Орел, 1891. — Вып. 2. — С. 36-37.
- ⁹ Писцовая книга г. Мурома 1636/1637 г. — Владимир, 2010. — С. 101-105.
- ¹⁰ I. Список с переписной книги г. Мурома 1646 г. II. Список со строельной книги г. Мурома 1649 г. — Владимир, 2010. — С. 45.
- ¹¹ Крестоприводная книга 1676 г. по Мурому // РГАДА. — Ф. 210. — Оп. 4. — № 291. — Л. 175об.
- ¹² Документы по истории Муромского посада второй половины XVII в. — Владимир, 2011. — С. 89, 92-93.
- ¹³ Книга переписная посадских людей города Мурома 1722-1727 // РГАДА. — Ф. 350. — Оп. 2. — № 1810. — Л. 728, 729, 734об.
- ¹⁴ РГАДА. — Ф. 350. — Оп. 2. — Кн. 1886. — Л. 86, 86об., 89-90, 123.
- ¹⁵ Муромская ратуша // РГАДА. — Ф. 745. — Оп. 1. — № 289. — Л. 7.
- ¹⁶ РГАДА. — Ф. 745. — Оп. 1. — № 10820. — Л. 16.
- ¹⁷ Шереметевский В. В. Русский провинциальный некрополь. — М., 1914. — Т. 1. — С. 294-295.
- ¹⁸ Журналы Муромской городской думы. — Муром, 1896. — С. 14.

Е. А. Васильченко (Муром)

КНИЖНЫЕ СОБРАНИЯ МУРОМСКИХ КУПЦОВ

ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА: К ВОПРОСУ О РЕКОНСТРУКЦИИ

Библиотеки — неотъемлемая часть книжной культуры, а личные собрания жителей — важный фактор формирования книжных традиций края.

Центрами книжности первоначально являлись монастыри, соборные и приходские храмы. Формировались и личные собрания духовенства. При Екатерине II высшее общество России охватила мода на создание огромных фамильных библиотек. Со временем чтение и собирательство книг получают повсеместное распространение. Книга «становится более доступной, теряет свой аристократический облик, проникая постепенно во все слои общества, в самые отдаленные города»¹. Личные библиотеки складываются в среде дворян и священников, купцов и крестьян, чиновников и представителей интеллигенции. В российской провинции такие библиотеки играли особую роль, становясь своеобразными культурными и просветительскими центрами. Частные книжные собрания небольшого провинциального города, каким является Муром, представляют большой интерес для изучения, т. к. характеризуют культурный уровень жителей, широту интересов владельцев библиотек, отражают их интеллектуальную и ду-

ховную жизнь. А полнота сохранившегося книжного комплекса повышает его ценность для исследований. Совокупность книг может дать гораздо больше сведений о своем владельце, нежели одна книга, пусть даже и с владельческими пометами.

Муромские книжные коллекции изучались в том или ином аспекте многими исследователями (Т. Б. Купряшина, А. А. Анучкина, О. А. Сухова, В. Ф. Чумакова, Т. Е. Сенчурова)².

В данной работе рассмотрим домашние библиотеки муромских купцов второй половины XIX — начала XX веков как явление провинциальной книжной культуры.

Выбор объекта исследования не случаен. Купечество в Муроме в пореформенный период и на рубеже XIX-XX веков составляет значительную часть населения и оказывает влияние на развитие общественной, экономической и культурной жизни города. В этих условиях постепенно растет образовательный уровень купеческого сословия, а книжное почитание становится нормой поведения. Многие из представителей муромского купечества формируют личные книжные собрания. Документов о них сохранилось мало. К со-

жалению, книги из этих библиотек на сегодняшний день распылены по многим хранилищам или утрачены совсем. Это создает большие трудности в реконструкции подобного книжного комплекса.

В настоящее время книги из купеческих библиотек находятся в музее и центральной городской библиотеке. В этих хранилищах они оказались в результате решения о конфискации книг у местной буржуазии, принятого Муромским Советом рабочих и крестьянских депутатов в 1918 году. Книги из личных собраний купцов, хранящиеся в музее, не выделены в отдельные коллекции. Издания второй половины XIX — первой половины XX вв., находящиеся на учете в центральной городской библиотеке (чуть больше 200 экземпляров), в 2002 году были выделены в фонд «редкой» или «старой» книги. В состав этого фонда входят, в числе прочих, и экземпляры из купеческих библиотек. Поэтому для определения владельческой принадлежности изданий использовались музейные учетные документы и покнижный просмотр коллекций музея и фонда «редкой» книги центральной городской библиотеки³.

В ходе исследования были выявлены книги из библиотек Гундобина, Зворыкина, Перлова, Жадина и др. Отсутствие каталогов купеческих библиотек затрудняет попытку их реконструкции. Принадлежность издания к тому или иному личному собранию определялось по книжным знакам, владельческим записям, различным рукописным пометам и т. д. Наиболее полно представлены книги из библиотек И. Д. Перлова и А. Ф. Жадина.

Иван Дмитриевич Перлов (9.4.1845-14.8.1886)⁴ — купец первой гильдии, потомственный почетный гражданин, один из представителей большой купеческой династии Муромца. В 1880-1884 гг. И. Д. Перлов избирался на престижную должность городского головы⁵. Сохранился «Журнал или повседневные записи...», которые вел в течение нескольких лет (1833-1837, 1839 гг.) дядя Ивана Дмитриевича — Егор Иванович Перлов⁶. Из этих записей можно узнать не только о деловой (Перловы владели полотняным заводом в Муроме, поташным — в Уфе, занимались торговлей), но духовной и культурной жизни семьи.

Скорее всего, домашние библиотеки были у нескольких поколений Перловых. В своем

«Журнале» Егор Иванович пишет «о приобретенных книг, отдаче их в переплет... Есть упоминания о том, что по почте в Муроме семья получает „Санкт-Петербургские ведомости“; сам он приобретает „Волшебный фонарь“, книги: „Последний год власти герцога Бирона“, „Черная женщина“, „Таинственный монах“. В Нижнем Новгороде... во время ярмарки 1835 года... покупает в Гостином дворе сказку „Конек-Горбунок“ П. П. Ершова»⁷. Судьба этих приобретений неизвестна.

Владельческую надпись на книги ставит только Иван Дмитриевич Перлов. Известно о двенадцати книгах с такой надписью. Все они находятся в городской библиотеке. Хронологические границы — вторая половина XIX века. Книги переплетены владельцем. На некоторых экземплярах внизу на корешке есть суперэкслибрис в виде тисненых инициалов «И. П.». Надпись, как правило, вверху на титульном листе либо на форзаце черными чернилами: «Из книг Ивана Перлова» или «Из книг Ивана Дмитриевича Перлова». Иногда просто «Иван Перлов». Отличительная особенность этой библиотеки — комплектование книгами по естествознанию. С большой долей вероятности можно предположить, что библиотека И. Д. Перлова была отраслевой. Все сохранившиеся книги из библиотеки И. Д. Перлова впоследствии попали в собрание А. Ф. Жадина.

Алексей Федорович Жадин (9.2.1886-14.10.1920) — потомственный почетный гражданин, известный в городе коллекционер и общественный деятель, представитель одной из старинных купеческих семей Муромца. Долгое время сведения о жизни А. Ф. Жадина были довольно скудными, хотя многие вещи из его коллекций хранятся сегодня в музее⁸. Только недавно, благодаря его внучке М. А. Казанковой, стали известны подробности биографии Алексея Федоровича⁹.

По свидетельству Марины Александровны, Алексей Федорович «был одним из тех молодых людей, которые составляли цвет муромской молодежи»¹⁰, умел и работать, и развлекаться. После окончания Муромского реального училища, А. Ф. Жадин «успешно помогал отцу в его бизнесе и имел собственную лавку, в которой лично торговал разнообразными шорными и скобяными изделиями»¹¹. Алексей Федорович активно участвовал в создании и работе Муромского научного

общества (1916), при формировании музея местного края (открылся 1 января 1919) отдал туда часть предметов из своего собрания. Но главным его увлечением было коллекционирование.

А. Ф. Жадин был не просто собирателем. У него дома хранилась библиотека с профессионально подобранной, передовой по тому времени, литературой по всем направлениям его коллекционерской деятельности. Также он выписывал «периодические научно-популярные... и литературные... журналы и альманахи»¹²: «Нива», «Природа и люди», «Вестник Европы» и др.

Определить принадлежность книг к собранию А. Ф. Жадина можно по экслибрису и суперэкслибрису. Экслибрис представляет собой прямоугольный оттиск штемпеля в виде свитка с надписью: «Домашняя библиотека Алексея Федоровича Жадина отд(ел) №». Как правило, экслибрис стоит на форзаце издания. Суперэкслибрис — инициалы А. Ф. Ж. или А. Ж., вытесненные внизу на корешке. На некоторых экземплярах стоит, по всей видимости, порядковый номер книги. Если судить по этим номерам на сохранившихся книгах, библиотечный фонд Алексея Федоровича включал более двух тысяч изданий. На сегодняшний день пятьдесят два экземпляра находится в центральной библиотеке, пятьдесят пять — в Муромском историко-художественном музее. Удалось установить, что в семье потомков владельца библиотеки сохранилось семнадцать книг и журналов. Таким образом, из всего собрания осталось сто двадцать четыре издания.

В состав библиотеки входили книги по истории, этнографии, русской словесности, естествознанию и т. д.; научно-популярные, детские и литературные журналы. Сохранившийся фонд можно распределить по следующим разделам. (Табл. 1)

Больше всего изданий — по истории (38,7 %). Здесь есть труды по всеобщей истории и сочинения, посвященные отдельным странам или историческим периодам. Сохранились издания о жизни и деятельности конкретных личностей. Следующий большой раздел — естественные науки. Из четырнадцати книг этого раздела двенадцать раньше принадлежали И. Д. Перлову.

Достаточно много сохранилось художественной литературы (9,6 %). Подобного

рода произведения не были необходимы для профессиональных или собирательских нужд владельца библиотек, но помогали приятно и с пользой провести свой досуг, быть в курсе литературных новинок.

Таблица 1

п/п	Раздел знания	Количество экземпляров	Процент от общего количества изданий (%)
1	история	48	38,7
2	естествознание	14	11,3
3	художественная литература	12	9,6
4	религиоведение	7	5,6
5	нумизматика	6	4,8
6	справочники	5	4,0
7	археология	4	3,2
8	литературоведение	3	2,4
9	фольклор	3	2,4
10	книговедение	2	1,6
11	культура	2	1,6
12	этнография	2	1,6
13	краеведение	2	1,6
14	общественные науки	1	0,8
15	искусство	2	1,6
16	журналы	10	8,1

Из семи книг по религиоведению четыре — это очерки и рассказы публициста, прозаика, переводчика Федора Васильевича Ливанова (?-1879) «Раскольники и острожники». Его четырехтомник известный русский писатель Николай Семенович Лесков (1831-1895) назвал «злохудожным сочинением», в котором «были глубоко оскорблены и обесславлены многие из уважаемых людей в московском купечестве»¹³. Из книг Жадина три тома раньше принадлежали художнику И. С. Куликову. Иван Семенович и Алексей Федорович были соседями по Полевой улице и дружили между собой¹⁴.

Появление книг по нумизматике характеризует А. Ф. Жадин как серьезного коллекционера, стремящегося со всех сторон изучить предметы из своего собрания.

Сохранилось пять томов «Справочного энциклопедического словаря», издававшегося с 1847 по 1855 годы К. Краем под редакцией А. Старчевского. Всего было выпущено двенадцать томов. Логично предположить, что Алексей

Федорович собрал все тома словаря. И, вероятно, это была не единственная энциклопедия в его библиотеке.

Есть книги по краеведению. Следует отметить, что наличие изданий по краеведению — не редкость в собраниях представителей просвещенного купечества. И для Алексея Федоровича характерно было увлечение не только историей вообще, но и своего края в частности.

Алексей Федорович собирал и периодику. Она позволяла быть в курсе общественных и научных событий в стране и мире. Подзаголовков популярного еженедельного иллюстрированного издания для семейного чтения «Нива» гласил, что это «Журнал литературы, политики и современной жизни». Приобретались и детские издания. Например, еженедельный детский журнал «Задушевное слово». Скорее всего, журналы выписывались годами и хранились целыми комплектами.

Таким образом, библиотека А. Ф. Жадина относится к универсальному типу. По объему — это, скорее всего, крупное книжное собрание. Хронологически библиотека охватывает период первой половины XIX — начала XX веков. Самое раннее из сохранившихся изданий — книга «Жизнь Петра Великого», вышедшая в Санкт-Петербурге в 1812 году. Самое позднее — сочинение основоположника британской школы буддизма профессора Томаса Уильяма Рис-Дэвидса о жизни и учении Будды, изданное в 1906 году.

подавляющее число из сохранившихся книг (почти 80 %) было выпущено в Санкт-Петербурге. Около 17 % книг изданы в Москве. Две книги вышли во Владимире и по одной — в Одессе и Киеве.

Все сохранившиеся книги — на русском языке. Были ли в библиотеке Алексея Федоровича издания на иностранных языках, пока установить не удалось.

Книги для своего собрания А. Ф. Жадин выписывал из столицы, покупал в книжных лавках Москвы и Санкт-Петербурга, на городских ярмарках, приобретал отдельные тома и комплексы книг у жителей города. Технологию комплектования библиотеки Алексея Федоровича можно проследить по книжным знакам: владельческие надписи и суперэкслибрисы прежних хозяев, яр-

лыки книготорговцев и т. п. Например, на первом выпуске «Геологических доказательств древности человека...» Ч. Ляйэлла на форзаце надпись чернилами: «Из книг Ивана Дмитриевича Перлова». Кроме того, в книгу вклеен билет оранжевого цвета «на получение второго выпуска „Древность человека“ Чарльза Ляйэлла 1864 года» с подписью Ковалевского (это переводчик. — Е. В.), на билете гравированный штамп: «Книжный магазин и библиотека В. А. Серно-Соловьевича на Невском в Д. Петропавловской церкви № 24, СПб.». На форзаце верхней крышки переплета сочинения Н. Дубровина «Восточная война 1853-1856 годов...» (СПб., 1878) наклеен шрифтовой наборный экслибрис библиотеки русского историка и общественного деятеля Михаила Ивановича Семевского (1837-1892). А на форзаце нижней крышки переплета — ярлык книготорговца В. И. Клочкова. После смерти М. И. Семевского его книга попала в книжный магазин В. И. Клочкова, а затем была приобретена А. Ф. Жадиным.

Практически все книги из собрания А. Ф. Жадина имеют владельческие переплеты. Об этом позаботились либо прежние владельцы, либо сам Алексей Федорович. В Муроме книги можно было переплести в переплетных заведениях Иванова или А. Живновского. За исключением нескольких изданий в цельнокожаных переплетах, у книг составные, как правило, полукожаные переплеты. Крышки выклеены бумагой под «мрамор» или обтянуты коленкором. Только две книги: повесть «Андрей князь переяславский» (М.: в тип. С. Селивановского, 1828) и работа Н. П. Травчетова «Подболотский могильник близ города Муром» (Владимир, 1910) остались в бумажных издательских обложках.

В собрании А. Ф. Жадина сохранилась одна книга с автографом, адресованным автором Алексею Федоровичу. Это работа известного в городе краеведа, помощника смотрителя Муромского духовного училища Николая Петровича Травчетова, посвященная раскопкам могильника близ деревни Подболотни Муромского уезда.

В музее сохранилось три книги, принадлежащие семейству Жадиных. Возможно, они находились в собраниях именно той ветви рода, к которой относился и Алексей Федорович.

Конечно, библиотека А. Ф. Жадина сохрани-

лась далеко не полностью. Но даже по оставшимся книгам можно судить, что собрание Алексея Федоровича характеризует читательские интересы просвещенного слоя купечества. Его домашняя библиотека — яркий пример провинциального библиофильства. Разнообразный книжный репертуар, наличие специальной литературы свидетельствуют о разносторонности интересов, широте кругозора, высоком образовательном уровне владельца библиотеки.

«В начале XX столетия в Муроме книги можно было приобрести в магазинах А. А. Гладковой, Г. Я. Зоценко, М. П. Мошенцева, наследников А. Воцинина. В киосках В. И. Пехова продавались не только „новые произведения печати“, книги, газеты, журналы, но имелся подбор подержанных книг для пополнения библиотек недостающими экземплярами. Печатная продукция, в том числе книги, распространялась через привокзальные книжные киоски. По воспоминаниям современников, книги можно было приобрести на городской ярмарке»¹⁵. В 1920-м году книгами, в числе прочих вещей, торговал и Михаил Васильевич Мельников. Сведения о нем крайне скудны. Известно, что он принадлежал к старообрядцам. В памятной книжке Владимирской губернии за 1900 год отмечено, что у мещанина М. В. Мельникова в Муроме сенопрессовальное заведение, основанное в 1889 году¹⁶. А на книге «История об отцах и страдальцах Соловецких», изданной в 1794-95 годах владельческая надпись гласит о принадлежности экземпляра «Муромскому 2-й гильдии купцу» В. М. Мельникову. Но эти факты вполне объяснимы. Состав купеческого сословия был довольно подвижен. Купцы, не уплатившие ежегодных гильдейских пошлин, выбывали в сословие мещан, а мещане могли перейти в купечество.

В музее хранится дневник погоды, который вел Михаил Васильевич на протяжении нескольких лет¹⁷. Первоначально записи делались на листах приходно-расходной книги спасской лавки В. М. Мельникова в Москве. Есть сведения за 1905-1906 и 1912-1918 (до июля включительно) года. В это время он торговал сеном, овсом, колесной мазью, прессованной соломой. Далее следуют записи за 1920 год с мая по октябрь. В это время Михаил Васильевич торговал всем,

начиная с молока и табака и заканчивая подержанными вещами. В своем дневнике, который он вел с 1923 по 1935 годы, Мельников аккуратным почерком изо дня в день педантично заносил данные о погоде. Иногда среди них можно встретить скупые сведения бытового характера — от отела коровы до сообщения о смерти знакомого — и даже о событиях мирового масштаба. Записи обрываются в марте 1935 года сообщением сына о болезни и смерти М. В. Мельникова 13 апреля.

Среди данных о погоде за 1924 год есть лист со списком из двадцати книг. Он называется «Каталог книг 1-го сентября 1922 г.». Тематика книг, числящихся в «Каталоге», весьма разнообразна. Здесь есть и рукописный травник, и старообрядческий календарь на 1912 год, и пятый том сочинений Тургенева. Встречается краткий учебник естествознания и фантастический роман Р. М. Зотова «Цын-Киу-Тонг или три добрые дела духа тьмы». «История Петра Великого» соседствует с отчетом муромской пожарной команды. Сейчас трудно определить, входили ли книги из «Каталога» в состав личной библиотеки Михаила Васильевича или остались от продаж.

На сегодняшний день сохранилось несколько книг из библиотеки Мельникова. Это два тома из собрания сочинений Л. Андреева (СПб., 1913), книга «Старая вера», вышедшая в Москве в 1914 году, и уже упоминаемая «История об отцах и страдальцах Соловецких», напечатанная в конце XVIII века. На книгах стоит овальный штампель: «Михаил Васильевич Мельников в Муроме». Есть книги с владельческими знаками семей Зворыкиных, Гундобиных, Синевых, Смольяниновых и других, но пока не удалось установить, кому именно они принадлежали. Книжные собрания представлены фрагментарно, поэтому, естественно, представления о конкретной домашней библиотеке они не дают. Но по совокупности сохранившихся книг можно судить о читательских пристрастиях и увлечениях муромского купечества с конца XVIII по начало XX веков.

На примере личных библиотек муромского купечества видно, что подобные библиотеки имеют свою направленность и содержание в соответствии со вкусами и информационными потребностями их владельцев. Комплектование личных книжных фондов было нацелено на удовлетворение научных,

производственных, просветительских интересов собирателя. Формирование библиотек зависело не только от уровня образованности владельца, но и от его финансовых возможностей, а также от развития книжного рынка в конкретный период. Своеобразным связующим звеном между изданием и его владельцем становились книжные знаки.

Следует заметить, что значение домашних купеческих библиотек выходит за рамки простого владения и пользования книгой. Подобные книжные собрания являются одним из ключевых факторов развития культурной жизни российской провинции. Многие из представителей местного купечества участвовали в создании и работе научного общества и первой публичной библиотеки в Муроме. Часть вещей из своих коллекций, в том числе и книжных, купцы передали в создаваемые музеи научного общества и местного края,

в фонд городской публичной библиотеки.

Несмотря на многочисленные утраты, совокупность сохранившихся сегодня книг из личных купеческих собраний представляет историческую и культурную ценность. Анализируя репертуар домашних библиотек, можно с уверенностью заявлять о включенности муромского купечества в культурный контекст своего времени, о знакомстве его с достижениями национальной и мировой науки, литературы, искусства. Реконструкция процесса комплектования и состава личных библиотек позволит определить развитие библиофильских традиций в крае и социальную роль книги в местном обществе, что, в свою очередь, может стать полезным для воссоздания обобщающей картины культурной и духовной жизни российской провинции.

¹ Блюм А. В. Массовое чтение в русской провинции конца XVIII – первой четверти XIX в. // История русского читателя. – М., 1973. – Вып. 1. – С. 38.

² Купряшина Т. Б. Коллекция из имения А. С. и П. С. Уваровых Карачарово в Муромском музее // Очерки истории русской и советской археологии. – М., 1991. – С. 51-69; Сухова О. А. Наследие Н. Г. Добрынкина в Муромском музее: Доклад на конференции, посвященной 90-летию со дня смерти Н. Г. Добрынкина. – Муром, 1991. Машинопись // НА МИХМ; она же. Коллекция графов Уваровых из Карачарова как основа собрания Муромского историко-художественного музея // Уваровские чтения. – Муром, 1990. – С. 11-13; Сенчурава Т. Е. Муромский краевед Н. Г. Добрынкин // Муромский сборник. – Муром, 1993. – С. 157-178; Чумакова В. Ф. Развитие библиотечного дела в городе Муроме Владимирской губернии с XII века до октября 1917 года: Дипломная работа. – Рязань, 1997 // НА МИХМ; Библиотечное дело // История Муром и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века. – Муром, 2001. – С. 268-272.

³ Выражаю особую благодарность работникам городской библиотеки и ее директору М. В. Евсеевой за предоставленную возможность.

⁴ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.museum.murom.ru/wwwmus/history/merchant/perlov.htm>.

⁵ Емельянов В. М., Стулов И. П., Гладков Н. Ф. Описание бывших пожаров в городе Муроме и более сильных в прочих

городах Российской империи и разных достопамятных событий как в городе Муроме, так и в прочих городах с 1777 года. – Муром, 1912. – С. 33

⁶ Е. И. Перлов (19.04.1816-11.06.1848) – «купеческий сын». См.: «Журнал или ежедневные записки» Муромского купеческого сына Егора (Георгия) Ивановича Перлова, 1833-1837 гг., 1839 г. / Комментарии О. А. Суховой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // <http://www.museum-murom.ru/page.html?pid=169>.

⁷ «Журнал или ежедневные записки»...

⁸ Предметы одежды в коллекции тканей; военные лубочные картины в коллекции лубков и плакатов; предметы археологии в коллекции археологии и др.

⁹ Казанкова М. А. Гражданин Муром – А. Ф. Жадин // Сообщения Муромского музея-2009. – Муром, 2010. – С. 75-90.

¹⁰ Там же. – С. 81.

¹¹ Там же. – С. 80-81.

¹² Там же. – С. 83.

¹³ «Народники и расколоведы на службе» // Лесков Н. С. Собр. соч. – М., 1958. – XI. – С. 43.

¹⁴ Казанкова М. А. Указ. соч. – С. 84.

¹⁵ Библиотечное дело... – С. 268.

¹⁶ Памятная книжка Владимирской губернии. – Владимир, 1900. – С. 152.

¹⁷ Дневник М. В. Мельникова // МИХМ, коллекция рукописной книги, М-2244.

Н. В. Насонова (Москва), Е. И. Сазонова (Муром)

ПОРТРЕТЫ АКТЕРОВ В ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ АЛЬБОМАХ XIX ВЕКА

В фондах Муромского историко-художественного музея в коллекции фотографии находится альбом второй половины XIX века, который поступил в музей от неизвестного лица¹. В нем, кроме семейных фотографий (20 единиц), находятся портреты актеров, а также литераторов и театральных критиков (30 единиц). Часть портретов имеет подписи на обороте или лицевой стороне фотографии, но большая часть портретов людей в театральных костюмах не аннотирована и значится как «неизвестные». Понятно, что перед нами специально собранная коллекция портретов актеров и деятелей театра. Кому могла принадлежать эта коллекция, и чьи имена скрываются под словами «неизвестный актер»? Именно на эти вопросы мы пытались ответить в этом небольшом исследовании.

Известно, что в провинциальных городах России XIX столетия был интерес и к литературе, и к живописи, и, особенно, к театру. В «Отечественных записках» 1861 года неизвестный автор театральной хроники пишет о том, что провинциалы с нетерпением ждут каждого журнала, чтобы прочитать свежие новости о театральных постановках и других культурных событиях². Посетить столичный театр мог далеко не каждый житель уездного городка. Поэтому для поклонников театра с 1808 г. начал выходить первый русский театральный журнал «Драматический вестник», с 1840 г. «Пантеон русского и всех европейских театров», с 1888 г. — журнал «Артист» с иллюстрациями, где печатались новости из разных городов России для заинтересованной публики, а иногда и новые пьесы. Кроме того, в начале XIX в. даже театральные афиши распространялись по подписке.

Об увлечении муромских обывателей театром ярко свидетельствуют дневниковые записи 1830-х гг. купеческого сына Егора Перлова. Он много разъезжал по торговым делам своего отца, и в каждом городе, где был театр, спешил попасть на представление. Анализируя его записи о посещении представлений, публикатор

«Журнала Егора Перлова» О. А. Сухова дала довольно полную характеристику театральных интересов молодого провинциала того времени. В его дневнике указано почти пятьдесят названий спектаклей в Казани, Муроме, Нижнем Новгороде, Рыбинске, Москве. «Он слушал оперы, водевили, смотрел пьесы, комедии и балеты; представления в Механическом театре, т. е. охватил все — от высоких жанров до низких; бывал как в известных российских театрах, так и в ярмарочных балаганах, например, в родном Муроме. Среди опер, которые слушал Егор Перлов, не только „Свадьба Фигаро“ и другие известных европейских композиторов, но и русские „эпохи Алексея Николаевича Верстовского“ (1799-1862). Так, „Аскольдову могилу“ отечественного метра он посетил дважды: летом (в Нижнем) и осенью (в Москве) 1836 года. Романтическая опера на либретто М. Н. Загоскина, по его же одноименному роману из древней русской истории, впервые была представлена 28 сентября 1835 года на сцене московского Большого театра. Приключенческая интрига, национальный колорит, сплав вокальных партий, народных мелодий и разговорного жанра обеспечили ей огромную популярность. Другую оперу Верстовского — „Пан Твардовский“ — Егор Перлов слушал летом 1837 года в Нижнем Новгороде. Особенно любопытна афиша театральной Москвы осени-зимы 1836 года. В перечне спектаклей, которые почти ежедневно посещал автор, и пьеса Шекспира „Гамлет“, и балет „Розалья“, и опера „Роберт“, и любопытные спектакли на темы из русской истории: упомянутая „Аскольдова могила“, „Михаил Васильевич Скопин-Шуйский“, „Дмитрий Донской“. Особенно стоит отметить пьесы современных авторов той поры, ныне знаковых и хрестоматийных. Так, 3 ноября 1836 года Е. И. Перлов присутствовал на спектакле по пьесе А. С. Грибоедова „Горе от ума“, впервые поставленной в Москве в 1831 году. А 10 ноября 1836 был на представлении комедии Н. В. Гоголя „Ревизор“. Эту пьесу Н. В. Гоголя он смотрел позже и в Нижнем Нов-

городе летом следующего года»³.

Для театральной жизни в самом Муроме многое было сделано городским головой А. В. Ермаковым. В 1867 году по его инициативе и на его средства в городе был построен театр. Это событие отмечает журнал «Антракт»: «Муромский городской голова г. Ермаков в прошлое лето на Конной площади города Мурома построил деревянный выштукатуренный театр, который не уступит и театрам в некоторых губернских городах»⁴. К сожалению, само здание театра не сохранилось, но как оно выглядело, можно представить по двум эскизам фасадов, находящимся в коллекции документов муромского музея. Это было небольшое одноэтажное здание с классическим порталом. А. В. Ермаков был страстным любителем театральных представлений, не пропустил ни одной пьесы. Как вспоминала жительница Мурома А. Д. Жадина, городской голова «приказывал муромскому купечеству вместе с женами посещать все спектакли»⁵.

Провинциальным актерам и антрепренерам посвящена работа В. Костылева «Театральные перекрестки провинции. Из истории русского революционного театра во Владимире и Муроме»⁶. Он довольно подробно останавливается на описании «картины муромской театральной жизни» еще до постройки ермаковского театра. В город часто приезжали кочевые актерские труппы, в одной из них работала приемная мать будущей известной талантливой актрисы Пелагеи Антиповны Стрепетовой Елизавета Ивановна Кочетова, которая в Муроме «успешно и много играла». А через несколько лет, уже живя в Нижнем Новгороде, она разрешила «своей Поле и ее подруге Лизе» играть на муромской сцене⁷. Таким образом, Пелагея Стрепетова дебютировала в только что открывшемся ермаковском театре. На следующий летний сезон 1868 года П. А. Стрепетова выступала в Муроме вместе с А. П. Ленским — будущим знаменитым артистом Малого театра. Актеры прибыли с богатым репертуаром, состоявшим из классических произведений А. С. Грибоедова, А. К. Толстого, А. Н. Островского, Ж. Оффенбаха.

Театральная жизнь Мурома не стояла на месте. Приезжали гастролирующие актеры, давали концерты и оперные артисты. В 1896 и 1898 гг.

выступал с концертной программой Леонид Собинов — один из крупнейших представителей русской классической вокальной школы. В 1910-е годы в городе был организован музыкально-драматический театральный кружок, где ставились и классические пьесы, и водевили. На страницах газеты «Муромский край» (1913-1914) бурно обсуждались спектакли, актеры и персонажи.

Таким образом, интерес к театру среди определенного слоя жителей Мурома был огромный. Провинциалы старались не отставать от столичной моды: занимались коллекционированием портретов знаменитых и любимых актеров. Это занятие получило распространение после того, как стала развиваться типографская индустрия, которая позволяла издавать открытки большими тиражами. Открытки помещались в альбом; среди них были и портреты актеров, присланные родственниками или друзьями из разных городов России, с короткими письмами⁸.

На некоторых снимках из нашей портретной коллекции актеров и театральных деятелей карандашом написаны фамилии или псевдонимы: Комиссаржевский, Петров, Никольский, Самойлов, Гейно и др. Именно с этих надписей начался поиск по разным литературным и визуальным источникам. В основном снимки относятся к 1860-1870-м годам, а авторами большей части портретов были петербургские фотографы: Л. Барклай, Везенберг, С. Л. Левицкий. Все эти факторы сузили временные рамки до середины позапрошлого столетия, а ареал поиска — до главных театров Санкт-Петербурга — Мариинского и Александринского, на сценах которых выступали самые известные русские и зарубежные актеры. Постепенно, шаг за шагом, удалось установить имена и фамилии почти всех изображенных на фотографиях персонажей.

Перед нами лучшие голоса оперной Мариинской труппы: П. С. Левицкая (сопрано), О. А. Петров (бас), А. Я. Воробьева (контральто), А. П. Крутикова (контральто), Ф. К. Никольский (драматический тенор), Ф. П. Комиссаржевский (лирико-драматический тенор), Д. А. Орлов (Калгин, тенор). Актеры Санкт-Петербургского Александринского театра: П. В. Васильев, В. В. Самойлов, В. А. Лядова, С. П. Волгина, Э. А. Лилева (Лилеева),

Рис. 1. А. Я. Петрова (Воробьева) (02.02.1817-13.04.1901). Русская певица (контральто) Мариинского театра

Рис. 2. Андреев. Русский певец, выступал в разных театрах Санкт-Петербурга

Рис. 3. Э. А. Лилеева (1823-1893). Русская певица (лирико-драматическое сопрано). Выступала в Александринском театре Санкт-Петербурга

Н. А. Енгалычева (Энгалли, Эльвира Анжелли). Итальянские певцы: Аделина Патти (колоратурное сопрано), Паолина Лукка (сопрано широкого диапазона), Винченцо Грациани (бас), Энрико Тамберлик (тенор), французская певица Эмилия-Мария Лагура.

Имена многих из этих актеров можно встретить в театральных обзорах периодической литературы середины и второй половины XIX столетия. Например, Николай Алексеевич Некрасов под псевдонимом «Петербургский житель» публикует статью, в которой замечает, что театр стал доступен для всех слоев населения, что участились выступления итальянских, французских и других зарубежных артистов в Санкт-Петербурге и Москве. Устраивались совместные с российскими певцами концерты, специально ставились спектакли на итальянском языке с участием двух трупп: российской и итальянской⁹. В этой же статье он говорит о том, что не надо сравнивать Осипа Афанасьевича Петрова с другими певцами для того, чтобы показать, насколько велик О. А. Петров: «И какие тут могут быть сравнения? Разве вола с цыпленком сравнивают?»¹⁰. Несколько лет назад в опере «Жизнь за царя» О. А. Петров великолепно пел Ивана Сусанина. От публики певцу преподнесли старинный русский кубок, на крышке которого был сделан памятник Сусанину. Извест-

но, что О. А. Петров был женат на певице Анне Яковлевне Петровой (Воробьевой). В первом исполнении оперы «Жизнь за царя» она пела роль Вани. Из-за большой голосовой нагрузки в мужских низких партиях певица сорвала голос и была вынуждена в 1846 году оставить сцену, хотя официально продолжала числиться в оперной труппе до 1850 года. В нашей коллекции находятся два ее портрета, и на одном из них А. Я. Петрова-Воробьева изображена в мужской роли.

Лучшим певцом труппы Мариинского театра Н. А. Некрасов считал Федора Калиновича Никольского. Он обладал необыкновенно красивым, сильным голосом мягкого и теплого тембра большого диапазона. Репертуар певца насчитывал свыше двадцати партий. Критики сравнивали его со знаменитыми итальянскими артистами Э. Тамберликом, Э. Кальцинари и Джованни Баттиста Рубини¹¹.

В театральной хронике 1864 года подробно описан бенефис В. В. Самойлова: «Его игра тепла и симпатична; во многих местах он вызвал громкие, вполне искренние рукоплескания»¹². В. В. Самойлову преподнесли несколько букетов, серебряную вазу с цветами. Несколько слов сказано о русской опере. По мнению критика, «русская опера воскресла в нынешнем сезоне; в ней явилось несколько новых сюжетов, из которых

Рис. 4. А. П. Крутикова. (1851-1919). Русская певица (контральто) Мариинского театра

Рис. 5. Энрико Тамберлик (16.03.1820-13.03.1889). Итальянский певец (тенор). С 1863 г. как солист выступал в Мариинском театре Санкт-Петербурга

Рис. 6. Аделина Патти (19.02.1843-27.09.1919). Итальянская певица (колоратурное сопрано). С 1869 по 1904 гг. неоднократно выступала в России

один, именно господин Коммисаржевский — явление весьма приятное»¹³. Через несколько лет Ф. П. Коммисаржевский будет петь в Мариинском театре главные партии.

В одном из обзоров Н. А. Некрасов отмечает солистку Венской оперы Паолину Лукка, которая «необычайно пленительная, даровитая и свежая певица, имеет у нас успех давно небывалый»¹⁴. Очень часто на Петербургской сцене выступала известная итальянская певица Аделина Патти, которая начала петь с восьмилетнего возраста. Все современники восхищались ее голосом, который и в шестьдесят лет звучал, как в молодости. Аделине Патти повезло больше, чем ее коллегам: ее голос в 1906 г. был записан на фонограф, поэтому и сегодня мы можем услышать эту итальянскую диву. Правда, в России не все восхищались ее голосом. Модест Петрович Мусоргский даже сделал на нее музыкальную пародию («Салонный вальс»), которая была ответом на рецензию Ф. Толстого, где он безудержно хвалил Аделину Патти¹⁵. Но критика Мусоргского и Ф. Толстого создала еще большую рекламу певице, и публика просто ломилась на спектакли с ее участием. Кстати, уже в советское время, в 1956 г. режиссер Г. Рошаль снял фильм «Мусоргский», где напомнил зрителям имя Аделины Патти, включив эпизод с «Салонным вальсом» в виде

кукольной постановки.

В театральном обзоре «Отечественных записок» 1861 года, помещенных под псевдонимом «Праздношатающийся»¹⁶, речь идет об итальянских и французских оперных певцах, портреты которых также представлены в рассматриваемой коллекции. «Винченцо Грациани был неподражаемо хорош в роли графа де Луна (Трубадур); игра и пение его безукоризненны и постоянно возбуждали восторг публики... Г. Грациани, неоспоримо, лучший певец нынешняго сезона»; «голос Э. Лагруа не очень подходит к партии Леоноры, а вот в опере Доницетти Э. Лагруа совершенно на месте»¹⁷.

Таким образом, перед нами коллекция звезд оперной сцены 1860-1870-х годов. Такую коллекцию мог собрать заядлый театрал, человек, который бывал в Санкт-Петербурге, видел и слышал своих кумиров. Как указывалось выше, в альбоме находятся портреты обычных людей, среди которых, как нам кажется, может быть и портрет самого коллекционера. На фотографиях изображены дети, молодые женщины, мужчины, есть и групповые снимки. К сожалению, почти все эти портреты не подписаны. Некоторые из них имеют на обороте краткую помету: «Мар. Тим. (Мария Тимофеевна). 1863 год», или «Mari. 1863», или «Софья Павловна. 1862». Снимки сделаны

в Питере, в Москве, в Смоленске, во Владимире. Конечно, установить по этим данным владельца коллекции актеров не представляется возможным. Но на обороте портрета певицы Э. Лагруа имеется надпись следующего содержания: «Предмет моего обожания в нынешнем году. 1-я певица итальянской оперы Лагруа. Здесь она приготовилась в роль Нормы, в которой восхитительна»¹⁸.

А вот подпись разобрать не удалось. Возможно — Ал. Аронин.

В последнее время все больше появляется интересных работ, посвященных «человеку в истории». Наше небольшое исследование расширяет знания об образе жизни, круге интересов и увлечений жителей небольших уездных русских городов.

¹ Коллекция фотографий и документов МИХМ // Ф. 1. — Оп. 171.

² Неизвестный автор. Театральная хроника // Отечественные записки. — 1861. — Т. СXXXIX. — С. 631-636.

³ Сухова О. А. «Живой журнал» современника Гоголя // Новая провинция. — 2009. — № 18. — С. 9; проект Муромского музея «Эпистолярное наследие провинции» // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.museum-murom.ru>.

⁴ Антракт. — 1868. — № 22. Цит. По: Костылев В. Театральные перекрестки провинции. Из истории русского до-революционного театра во Владимире и Муроме. Курсовая работа. — Муром, 1986 // НА МИХМ. — Ф. 7. — Оп. 2. — Ед. хр. 3. — С. 17.

⁵ Жадина А. Д., Алексей Васильевич Ермаков. Рукопись // Собрание фотографий и документов МИХМ. — Ф. 1. — Оп. 50. — Ед. хр. 9. — Л. 3.

⁶ Костылев В. Указ. соч.

⁷ Костылев В. Указ. соч. — С. 18.

⁸ Таковую коллекцию открыток собрала жительница Муромы Мария Давыдовна Гундобина — бабушка Н. В. Насоновой,

одного из авторов данного сообщения.

⁹ Некрасов Н. А. Петербургский театр. Русская опера // Отечественные записки. — 1868. — Т. CVIIVIII. — С. 132-138.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Театральная хроника // Отечественные записки. — 1864. — Т. GLIII. — С. 73-81.

¹³ Там же.

¹⁴ Некрасов Н. А. Указ. соч. — С. 132-138.

¹⁵ Стасов В. В. Письмецо к г. Ростиславу про Глинку // Театральный и музыкальный вестник. — 1857 // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_music/.

¹⁶ Псевдоним генерал-майора М. П. Розенгейма — поэта, писателя.

¹⁷ Театральный обзор // Отечественные записки. — 1861. — Т. СXXXIX. — С. 631-636.

¹⁸ Коллекция фотографий и документов МИХМ. — Ф. 1. — Оп. 171. — Ед. хр. 44.

Н. А. Кузнецов (Москва)

ИНЖЕНЕР-МЕХАНИК В. В. ЗВЕРЕВ – ГЕРОЙ МУРОМСКОЙ ЗЕМЛИ

Русско-японская война 1904-1905 гг., как и другие крупнейшие войны XX века, затронула практически все слои населения и регионы России. Но, в отличие от второй мировой войны, памятники участникам которой стоят практически в каждом городе и поселке, память о героях войны с Японией увековечена в наши дни в значительно меньшем масштабе. В восприятии же основной массы населения эти события ассоциируются в основном лишь с подвигами экипажа крейсера «Варяг» и миноносца «Стерегущий». Люди постарше могут вспомнить о романах А. Н. Степанова «Порт-Артур» и А. С. Новикова-Прибоя «Цусима». В настоящей работе мы хотим рассказать о биографии одного из героев Русско-японской войны — уроженца города Муром инженер-ме-

ханике Василии Васильевиче Звереве.

Василий Васильевич Зверев родился 26 декабря 1865 г.¹ Он окончил Муромское реальное училище², а в 1885 г. поступил в Техническое училище Морского ведомства, находившиеся в Кронштадте (это учебное заведение, основанное в 1798 г., занималось подготовкой кадров инженер-механиков для Российского флота). Спустя три года В. В. Зверев окончил училище и 22 сентября 1888 г. был произведен в звание младшего инженер-механика (в 1885-1904 гг., лица, состоявшие в корпусе инженер-механиков флота, не имели офицерских чинов, а получали специальные звания).

В 1889-1898 гг. Зверев служил на Черноморском флоте, занимая должность механика на раз-

Рис. 1. В. В. Зверев

личных кораблях (канонерские лодки «Кубанец», «Терец», «Запорожец», «Донец»; эскадренные броненосцы «Екатерина II», «12 Апостолов», «Три Святителя», «Синоп»; миноносец «Гагры», номерные миноносцы и др.). 6 декабря 1894 г. он получил звание помощника старшего инженер-механика (аналог чина штабс-капитана).

С 27 сентября 1896 г. по 27 октября 1897 г. Зверев проходил обучение в Минном офицерском классе, который был основан в 1874 г. в Кронштадте для подготовки офицеров по специальности минера. Сохранились воспоминания одного из офицеров, обучавшихся вместе с В. В. Зверевым — Д. В. Никитина (известного морского писателя Русского зарубежья, трудившегося под псевдонимом Фокагитов). «Был в числе слушателей инженер-механик из Черного моря Василий Васильевич Зверев. Окружающие все его очень любили, но, пользуясь его добродушием и незлобием, иногда над ним подшучивали.

Каждый из нас должен был изготовить в стеклянной пробирке небольшое количество нитроглицерина и затем некоторое время наблюдать за ним. Если это опасное вещество разложится и помутнеет, оно может самовзорваться.

Однажды Зверев подошел к шкапику, где хранилась его пробирка и вдруг узрел, что нитроглицерин в ней из прозрачного и светлого обратился в темно-бурую жидкость самого угрожающего вида.

Бедняга заметался, не зная, что и делать: „Нитроглицерин разложился”. И в руки-то пробирку взять опасно: сейчас взорвет, а кроме того — скандал: скажут — небрежность, не досмотрел,

того гляди еще и от класса отчислят.

На помощь пришел Яков, неизменный в течении многих лет сторож химического кабинета. Он, не стесняясь, сунул палец в пробирку, попробовал вещество на язык и доложил: „Это, Ваше Скородие, не иначе, как по случаю сегодняшнего дня 1-го Апреля господа вам на ваш номер пробирку с окисью железа поставили, а нитроглицерин ваш — вон он стоит на нижней полке в полной сохранности”³.

После окончания Минного офицерского класса Зверев прослужил на Черном море еще почти полтора года (на учебных судах «Прут», «Днестр», канонерской лодке «Донец», транспорте «Буг», броненосце «Синоп»).

Начиная с 1899 г. служба Зверева проходила на Дальнем Востоке. 7 января 1899 г. он был назначен исполняющим должность старшего механика на крейсер 1 ранга «Рюрик», на котором до 27 февраля 1902 г. находился в заграничном плавании. 14 февраля этого же года Зверева перевели в Сибирский флотский экипаж, а 6 декабря он был произведен в старшие инженер-механики (капитаны).

В 1900-1903 гг. Зверев служил на различных номерных миноносцах Сибирской флотилии (№ 204, 208, 206, 210, 211), занимая должность механического и минного офицера, а также судовым механиком на миноносце «Лейтенант Бураков». В этот период он участвовал в боевых действиях во время подавления так называемого «Боксерского» восстания в Китае, за что в 1902 г. получил серебряную медаль в память военных событий в Китае в 1900-1901 гг. Помимо этой награды в послужном списке офицера отмечены ордена Святого Станислава 3 степени (1896) и Святой Анны 3 степени (28 декабря 1900).

6 января 1903 г. Зверев получил назначение на миноносец «Сильный», ставший его последним местом службы. Этот корабль относился к серии из двенадцати миноносцев типа «Сокол» постройки Невского и Ижорского заводов, собранных в Порт-Артуре в 1901-1904 гг. Его основные данные: водоизмещение 258 т, размеры: 57,91x5,64x1,65 м, мощность машин — 3800 л. с., вооружение: одно 75-мм орудие, три 47-мм пушки, два торпедных аппарата калибром 381 мм, максимальная скорость — 27 узлов, экипаж —

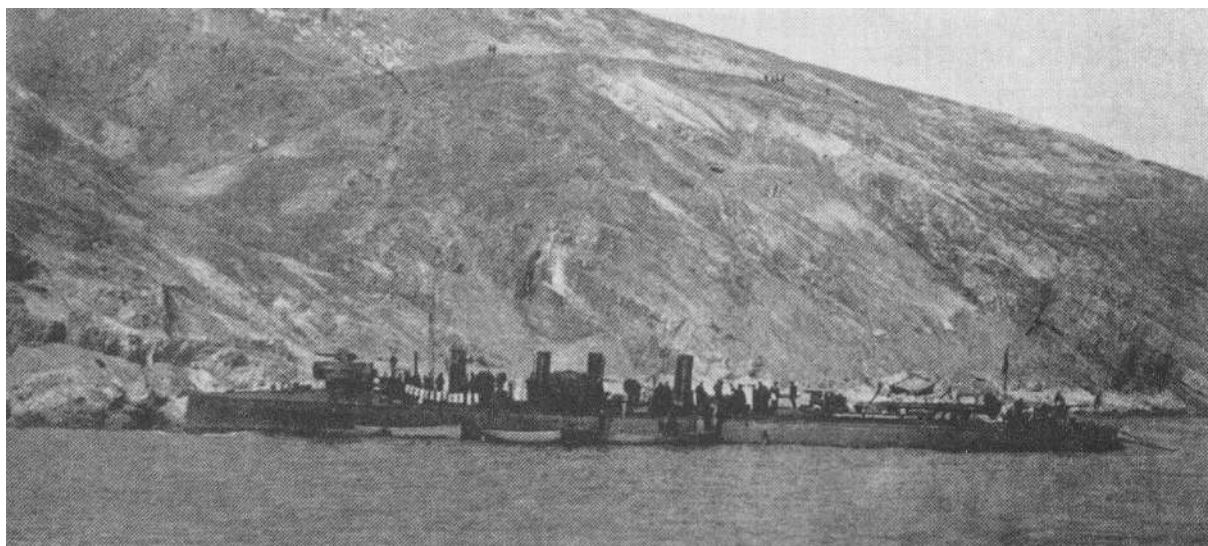

Рис. 2. Миноносец «Сильный» на мели у Золотой горы

4 офицера и 50 нижних чинов⁴.

Миноносцам довелось принять активное участие в Русско-японской войне 1904-1905 гг. «Они несли сторожевую службу, ходили в дозоры, отражали атаки вражеских миноносцев и пароходов-брандеров, прорывали блокаду, доставляя важные донесения, занимались тралением и постановкой мин. „Соколы” показали себя настоящими „рабочими лошадками” флота или, по образному выражению адмирала С. О. Макарова, „лихими морскими казаками”. По активности использования с миноносцами не мог сравниться ни один из каких-либо других классов боевых кораблей»⁵. «Сильный», на котором служил В. В. Зверев, входил в состав второго отряда миноносцев эскадры Тихого океана.

В ночь на 14 марта 1904 г. дежурными миноносцами были назначены «Сильный» и «Решительный», которые находились в проходе между Золотой горой и Тигровым полуостровом. Примерно в 2.15 в лучах береговых прожекторов появились четыре парохода-брандера, направившихся прямо ко входу на внутренний рейд. Неприятель планировал затопить их на фарватере и тем самым закупорить русскую эскадру в порт-артурской бухте. Береговые батареи немедленно открыли огонь, однако японские суда продолжали двигаться прежним курсом. Тогда старший в дозоре — командир канонерской лодки «Отважный» капитан второго ранга А. В. Лебедев — приказал миноносцам атаковать противника.

«Сильный» и «Решительный» вышли навстре-

чу брандерам, не обращая внимания на то, что они сразу попали в зону огня своих же батарей. Торпеда (мина Уайтхеда), выпущенная из носового торпедного аппарата «Сильного», угодила в носовую часть головного парохода «Чийо Мэру» и сделала огромную пробоину в его корпусе (по японским данным, эта торпеда поразила второй в колонне пароход — «Фукуи Мару»). Вторая мина, выпущенная по следующему судну, не взорвалась или прошла мимо. Не сменивший курса «Сильный» неожиданно оказался под носом последнего брандера — «Йонеяма Мару» — и едва не был протаранен его форштевнем. Пароход проскользнул вперед, отдал якорь и готовился затопиться у входного фарватера, когда его поразила торпеда с «Решительного».

Все четыре японских брандера затонули в опасной близости от прохода на внутренний рейд, однако поставленной задачи не выполнили. Только последний из пароходов, «Йонеяма Мару», своим корпусом частично перекрыл фарватер, но не настолько, чтобы существенно помешать движению судов.

Разойдясь с брандерами, «Сильный» в темноте наткнулся на отряд японских миноносцев, сопровождавший пароходы и шедший снимать с них экипажи. Завязалась ожесточенная перестрелка. Поначалу она свелась к дуэли «Сильного» и миноносца «Аотака»; позже в бой вступил находившийся по другому борту «Дубаме». Последний выпустил в русский истребитель торпеду, но промахнулся.

Ситуация осложнялась тем, что береговые батареи открыли огонь и по японцам, и по «Сильному», принимая его за неприятеля⁶.

В официальном труде, посвященном Русско-японской войне на море, изданном в начале XX века, приведено подробное описание боя «Сильного».

«Как только головной неприятельский миноносец заметил появление „Сильного“, им был открыт энергичный огонь, который был поддержан и остальными.

В ответ на выстрелы, „Сильный“ открыл огонь всем правым бортом. Расстояние между сражающимися первое время было около 20 сажен.

Несмотря на сразу начавшиеся попадания, „Сильный“ успешно боролся с противником, на мощь к которому подошли еще три миноносца.

Удачным выстрелом „Сильный“ попал рядом своему противнику в котельное отделение, после чего тот весь окутался сильным облаком пара и исчез в нем. После первого же появления пара было видно, как на нем с кормы и носа бросились к машине люди, по-видимому, чтобы оказать содействие машинной команде. Лейт[енант] Криницкий [командир „Сильного“] застопорил машину, и „Сильный“ стал в упор бить из всех орудий в центр пара.

Звук выстрелов и вспышки огня привлекли к себе внимание береговых батарей, которые, поймав миноносец прожекторами и принимая за неприятельский, осыпали его снарядами. К счастью, хотя снаряды и ложились близко, но попаданий не было.

Опасаясь быть расстрелянным, лейт[енант] Криницкий дал ход и отошел дальше, но тотчас встретился с несколькими неприятельскими миноносцами, которые, увидев его, открыли огонь.

Бой разгорелся снова.

Отстреливаясь от сильнейшего неприятеля, „Сильный“ сделал попытку таранить приближившийся к нему один из миноносцев, но тот успел, положив руль на борт, увернуться.

Опасаясь быть отрезанным, продолжая вести неравный бой, лейтенант Криницкий повернул к порту, чтобы встать под прикрытие „Отважного“ и батарей.

Неприятель усилил огонь и „Сильный“ был засыпан снарядами. Один из них попал в маши-

ну и перебил паропровод. Хлынувший в машину пар обварил на смерть почти всех бывших в машине — инженер-механика Зверева и 7 человек машинной команды.

Вся машина наполнилась паром, который не позволял проникнуть в нее. Электрическое освещение погасло.

Чтобы спасти людей, находившихся в машине, и проникнуть туда для исправлений паропровода, тотчас же были приняты все меры. Пар в машину был закрыт и для охлаждения его в машинное отделение была направлена из брандспойтов вода.

В это время неприятельские миноносцы, потеряв в темноте „Сильного“, попали под огонь батарей и поспешили скрыться, благодаря чему „Сильный“ мог произвести необходимые исправления. Как только пар был охлажден, и получилась возможность проникнуть в машину — на перебитые трубы были наложены бинты, и миноносец мог дать малый ход. Учитывая свое положение и повреждения, среди которых было несколько значительных в носовой части, командир миноносца решил не идти в порт, а малым ходом направился к Золотой горе, где и приткнулся к берегу неподалеку от выкинувшихся брандеров.

К этому времени атака брандеров была уже совершенно отбита, и суда и батареи обстреливали миноносцы и шлюпки с пароходов, в чем сейчас же по постановки к берегу принял участие и „Сильный“.

Дав знать о своем положении на „Отважный“, командир тотчас же отправил под начальством мичмана В. Дмитриева несколько человек для осмотра заградителей и принятия мер для предотвращения ожидавшихся взрывов.

Помощь раненым па миноносце „Сильный“ была оказана врачом отряда миноносцев, который, находясь во время боя на Золотой горе, тотчас же по преткновению миноносца к берегу спустился к нему и сделал с помощью двух санитаров миноносца необходимые перевязки обожженным и раненым»⁷.

В этом бою на миноносце погибли инженер-механик Зверев, семь человек из числа машинной команды, еще один человек был убит снарядом, также легкое ранение в руку получил лейтенант Криницкий, было ранено двенадцать матросов. Все члены экипажа получили награды, лей-

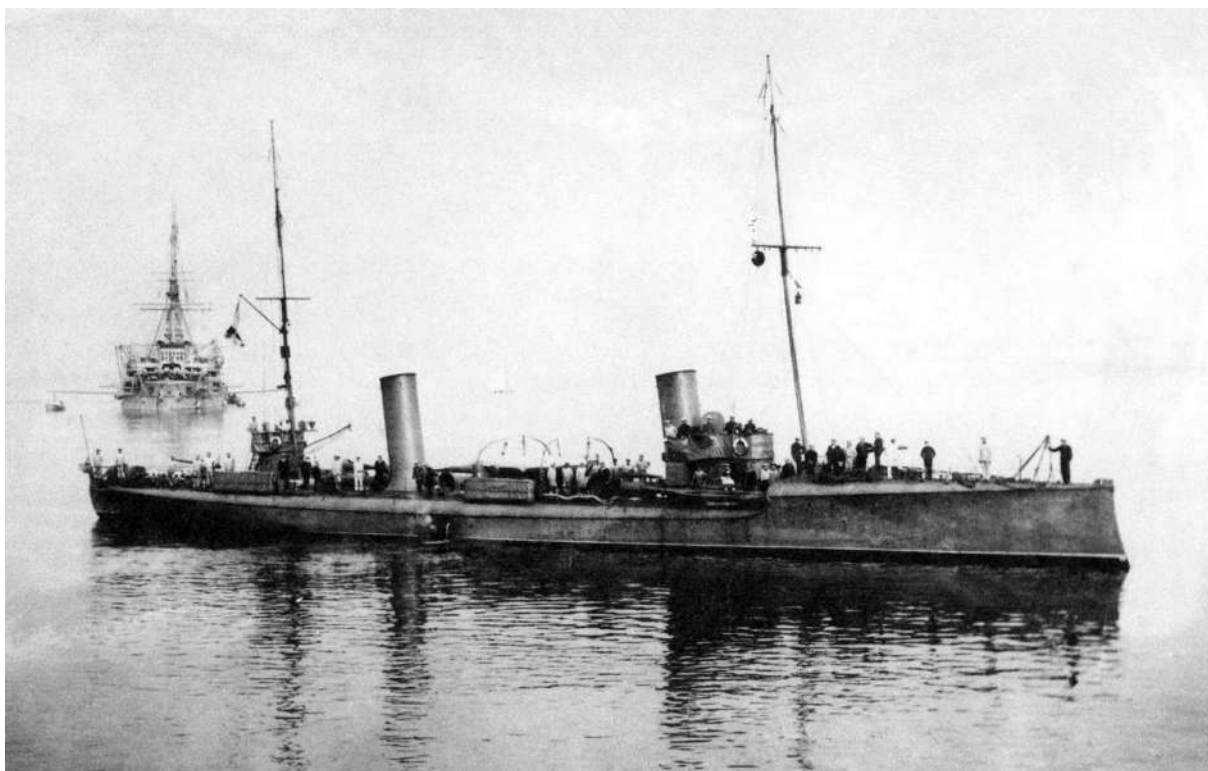

Рис. 3. Эсминец «Инженер-механик Зверев»

тенант Е. И. Криницкий был удостоен ордена Святого Георгия.

Уже в современный период подвиг инженер-механика В. В. Зверева, который до последней минуты жизни не оставлял свой пост и обеспечивал работу машин корабля, стал сопровождаться мифом, кочующим из одного издания в другое и не имеющим, как мы видим из свидетельств очевидцев и документов (на основании которых было создано официальное описание войны) к реальности никакого отношения. В работе Л. Пудкова «Муром» (Ярославль, 1987), а также в справочном издании, подготовленном при поддержке Администрации Владимирской области «Владимирская энциклопедия: Библиографический словарь» (Владимир, 2002) и ряде других публикаций приводится информация о том, что «получив пробоину в паропроводе, „Сильный” превратился в неподвижную мишень для вражеского обстрела. Тогда Зверев закрыл пробоину своим телом и возвратил кораблю ход, пожертвовав своей жизнью»⁸. Версия, несомненно, героическая, но разве настоящий подвиг нуждается в приукрашивании?

Сразу же после получения известий о бое «Сильного» в столице, император Николай II отправил командующему флотом Тихого океана

телеграмму следующего содержания: «С чувством гордости и радости прочел донесение ваше о ночном деле 14-го марта. Передайте мою сердечную благодарность лейтенанту Криницкому и офицерам. Мое душевное спасибо молодцам нижним чинам миноносца „Сильный”. Николай»⁹. Одновременно с решением о награждении офицеров и команды «Сильного» последовало решение назвать в честь В. В. Зверева один из миноносцев Балтийского флота (об этом корабле мы скажем ниже)¹⁰.

Сохранилось подробное описание похорон В. В. Зверева и других моряков, погибших на «Сильном», автором которого является Е. К. Ножин — порт-артурский журналист¹¹. «Против берегового лазарета выстроилась полурота Квантунского экипажа при двух офицерах и хор музыки для присутствования, сопровождения и отдания последнего воинского долга героям, павшим в бою в ночь на 14 марта при отражении неприятельских брандеров, стремившихся заградить вход во внутренний рейд Порт-Артура. В начале 11 часа из ворот берегового лазарета офицеры вынесли гроб с останками инженера-механика Василия Васильевича Зверева, погибшего на вверенном ему посту, во время лихой, геройской атаки миноносца против неприятельских брандеров и 6 минонос-

цев противника. Останки безвременно погибшего во цвете лет хорошего, идеального человека были встречены звуками „Коль славен наш Господь в Сионе”... и товарищами установлены на катафалк. Почти час лились плавные, торжественные звуки христианского гимна, под чудный мотив которых один за другим выносились моряками семь гробов погибших товарищей беззаветных героев-матросов машинной команды миноносца „Сильный”. Случайные прохожие плотной толпой окружали место, на котором стояли приготовленные дроги, принимавшие эти дорогие останки.

Тихое, радостное солнечное утро зародившейся весны, обещающее полное возрождение природы, не гармонировало с печальной картиной разрушения человеческих жизней, которых коснулось веяние неумолимой смерти. Толпа, дополнявшая собой тона печальной картины, стояла безмолвной и с грустью смотрела, искренно, правдиво горя о безвременно, но со славой погибших своих защитниках, — каждая последующая смерть которых создает еще большую мощь России, прибавляя неувыдаемые лавры. Предательская слеза, как нарочно упавшая из глаз, выдавала, что чувствовали они — русские, погребая своих героев.

Гробы, наконец, установлены, осенены Андреевским флагом и печальная процессия тронулась. Звуки гимна умолкли; войска взяли на-плечо. Оркестр Квантунского экипажа в такт тронувшимся войскам заиграл похоронный марш. В мерном темпе полились внушительно торжественные звуки траурного марша, под которые процессия достигла церкви сводного госпиталя. Сняв с катафалка тела погибших, офицеры-моряки перенесли их в храм. Началась заупокойная, божественная литургия, а по окончании ее обряд христианского отпевания. Настоятель Отец Скальский, в сослужении одного из священников местного гарнизона, при пении хора моряков — под звуки погребальных молитвословий — возносил к престолу Всевышнего вместе с присутствующими горячие моления о упокоении душ „на поле брани живот свой положивших”.

Зазвучал трогательный напев „со святыми упокой” и вся церковь, как один опустилась на колена со скромной, искренней молитвой о тех, кто защищал Россию. Окончился грустный, вдохнов-

ленный церковью, обряд отпевания. Товарищи и близкие отдали своим погибшим друзьям последнее целование, и вереница гробов тронулась из церкви.

Войска опять взяли на караул, оркестр встретил гимном „Коль Славен”. Установив гроба на катафалки, процессия под звуки погребальных мотивов оркестра мерно потянулась на кладбище.

На военном кладбище ожидали ее две могилы — одна для Зверева, другая братская. Замолкли звуки марша, товарищи принесли на руках останки своих друзей и при радостно светившем солнце, в полудне весеннего дня, установили их на краю могил. Зазвучали молитвы литеи священнослужителей и вместе с облаками фимиама камильниц понеслись к подножию престола Царя Царствующих.

Кончились моления, дружные руки матросов опустили героев в место их последнего упокоения... полились тихие молящие звуки „вечная память”, зашумели последние горсти земли на гробах; — покатались залпы войск, звучным эхом отозвавшиеся в кружных высотах, и земная почесть — кончилась.

Мир праху вашему дорогие, беззаветные герои! Россия рано или поздно оценит ваш подвиг и на скрижалях ее истории ваши имена никогда не померкнут».

К сожалению, до наших дней могила В. В. Зверева не сохранилась. Информация о ней отсутствует на страницах издания, посвященного русскому и советскому некрополю в Порт-Артуре¹².

Участник обороны Порт-Артура капитан Квантунской саперной роты В. Ф. Линдер посвятил В. В. Звереву стихотворные строки:

Вчера в бою с врагом, геройски, но неожиданно
В могилу ты сошел в расцвете юных сил,
Твоя душа ушла в предел обетованный,
Как чистый фимиам от жертвенных кадил.
Мир праху твоему! С поникшей головою
Последнюю мы честь останкам отдадим,
За упокой души к Спасителю с мольбою
У гроба твоего колени преклоним.
Вдали от родины главу склонил ты долу.
Ты умер на посту, как верный часовой,
Ты отдал жизнь свою, как присягал, престолу!
Мы память вечную поем тебе, герой!¹³
Память героя была увековечена и на его роди-

не. Жители Муромы собрали средства на мемориальную доску и установили ее на стене реального училища (ныне — средняя школа № 16). В фойе поместили большой портрет В. Зверева рядом с парадным портретом императора Николая II. После 1918 г. эта мемориальная доска была уничтожена. В настоящее время портрет В. В. Зверева вывешен среди изображений наиболее известных выпускников школы № 16¹⁴.

Известно, что родственники Зверева в этот период жили на улице Нижегородской (позже — Воровского). Василий Васильевич был женат, однако сведениями о его детях автор не располагает. Кроме Василия, в семье Зверевых росли две дочери. В их потомстве есть и один советский контр-адмирал, служивший на Северном флоте¹⁵.

2 апреля 1905 г. в списки судов Балтийского

флота был зачислен эсминец «Инженер-механик Зверев» — головной корабль в серии из восьми единиц, построенных на верфи «Шихау» в Германии. Он принимал участие в первой мировой войне, затем служил на Балтике до 1930 г., после чего был списан как устаревший¹⁶.

9 февраля 2010 г. в Спасо-Преображенском мужском монастыре состоялось открытие мемориала в память о подвиге экипажа крейсера «Варяг» (среди его матросов был уроженец «Муромы» — Николай Николаевич Антонов)¹⁷. Хочется верить, что со временем мемориальная доска, посвященная Василию Васильевичу Звереву, вновь украсит здание бывшего реального училища, а, возможно, когда-нибудь в море вновь выйдет корабль под андреевским флагом, названный в честь героя Муромской земли.

¹ Основные биографические сведения о В. В. Звереве приведены по: Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). — Ф. 417. — Оп. 4. — Д. 890. — Л. 4-5об.

² История Муромы и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века. — Муром, 2001. — С. 301.

³ Никитин (Фокагитов) Д. В. На берегу и в море. — Сан-Франциско, б. г. — С. 81-82.

⁴ Сулига С. Корабли Русско-Японской войны 1904-1905 гг. — М., 1993. — С. 33.

⁵ Афонин Н. Н., Балакин С. А. Миноносцы типа «Сокол» // Морская коллекция. — 2004. — № 2. — С. 12.

⁶ Там же. — С. 18-19.

⁷ Русско-японская война 1904-1905 гг. Работа исторической комиссии по описанию действий флота в войну 1904-1905 гг. при Морском Генеральном Штабе. Книга первая. Действия флота на Южном театре от начала войны до перерыва сообщений с Порт-Артуром. — СПб., 1912. — С. 505-507.

⁸ Зверев Василий Васильевич. Владимирский край. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.vladregion.info/people/vladimirskaya-entsiklopediya-zemlyaki/zverev-vasilii-vasilevich>.

⁹ Цит. по: Несолёный С. В. Разгром в Желтом море. Осада Порт-Артура и гибель Первой Тихоокеанской эскадры в архивных документах и фотографиях. — СПб., 2010. — С. 44.

¹⁰ Русско-японская война 1904-1905 гг. — С. 511.

¹¹ Ножин Е. К. Конец осады Порт-Артура. Эпилог 1 и 2 ч. „Правды о Порт-Артуре“. — СПб., 1907. Цит. по: Не скажет ни камень, ни крест... (Опыт военно-морского некрополя 1696-1917 г. г.) Глава III. Боевые действия. XX век. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nekropolvmf.ru/boy.php>.

¹² Коваль Л. Порт-Артур — воинский мемориал России. Книга Памяти. — М., 2011.

¹³ Цит. по: Война и люди. Артурский поэт. Русско-японская война 1904-1905 гг. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.japanrussia.ru/russko-aronskaa-voina-voina-i-lydi-arturskii-poet-.html>.

¹⁴ Морозов Ю. Муромляне чтут героя русско-японской войны. Владимирские ведомости. 2008. 14 марта. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.marktreview.net/2008/muromlyane-chtut-geroia-russko-yaponskoi-voiny?page=0,1>.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Апальков Ю. В. Боевые корабли русского флота 8.1914-10.1917 г. — СПб., 1996. — С. 63-64.

¹⁷ Подвигу русских моряков — вечная память. Муромское городское телевидение. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://murom-tv.ru/podvigu_russkikh_moriakov_vechnaia_pamiat-16258.html.

СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА МУРОМСКОГО ВОССТАНИЯ (1918)

Наполеон сказал:

— Если бы военное искусство сводилось к тому, чтобы никогда не дерзать, то военная слава явилась бы уделом посредственности.

Газета «Доброволец» (Париж, 1936)

Антисоветское вооруженное выступление 8-9 июля 1918 г. стало, наверное, одним из наиболее ярких событий истории Муром — по крайней мере, в XX веке. Тем не менее, ход событий, развернувшихся за эти неполные двое суток на улицах города и в непосредственной близости от него, до сих пор не стал предметом детального рассмотрения, чем затрудняется и решение вопросов о целях и замыслах восставших, о том, изменялись ли эти замыслы под влиянием внешних обстоятельств, и, в конечном счете, — почему восстание было столь скоротечным и неудачным. Выводы об «обреченности» восстания, поскольку, «выражая молчаливую поддержку, жители города не оказали активной помощи восставшим так, как это было, например, в Ярославле (где 6-21 июля развернулись весьма интенсивные боевые действия. — А. К.)»¹, о том, что «восстание в Муроме вообще оказалось каким-то вялым, а организаторские способности его руководителей — значительно уступавшими их порыву и личной храбрости»², сегодня представляются справедливыми лишь отчасти (необходимой корректировке подлежит и ряд наших выводов и заключений, сделанных в 2002 г.). Для того же, чтобы понять «стратегию» восстания и боевых столкновений 8-9 июля, то есть подоплеку решений, принимавшихся руководителями выступления — подполковником Н. П. Сахаровым и военным врачом Н. С. Григорьевым, — следует более подробно, чем это делалось ранее, рассмотреть действия восставших — их «тактику» (по Клаузевицу — «тактика есть учение об использовании вооруженных сил в бою, а стратегия — учение об использовании боев в целях войны»³).

1. Переворот в ночь на 9 июля 1918 года. День 8 июля — один из важнейших в муромском церковном календаре (25 июня старого стиля — память святых благоверных Петра и Февронии) — закончился стрельбой и почти бескровным

свержением в городе Советской власти. Переворот определенно и обоснованно связывается с прибытием около 10 часов вечера на пароходе из Нижнего Новгорода подполковника Сахарова с группой единомышленников, однако свидетельства о дальнейших событиях уже не отличаются такую же определенностью.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники разрознены, относятся в подавляющем большинстве к советскому лагерю (первичные свидетельства участников восстания имеются только в показаниях на допросах в ЧК — источнике весьма специфическом) и, в значительной своей части, представляют довольно поздние (1950-е гг.) мемуарные зарисовки. Наверное, этим в некоторой степени объясняется какой-то хаотический характер складывающейся из их совокупности картины; все же, думается, дело не только в разрозненно-

Рис. 1. Н. П. Сахаров в чине генерал-майора. Предположительно 1920-1922 гг.

сти и субъективности свидетельств. В попытках реконструкции событий значительную помощь должно оказать сопоставление источников с топографией — сначала города, а затем и его окрестностей; недаром, согласно мнению классика военной истории Г. Дельбрюка, «местность, на которой дается сражение, — это настолько важный элемент, что как только он расшифрован, так раскрывается и вся картина данного военно-исторического события»⁴.

Из реального училища на улице Касимовской, где размещался штаб Высшего Военного Совета Республики («Высвосвета»), первые выстрелы — «сначала одиночные ружейные [...], а потом и залпами» — были услышаны около полуночи и, согласно полученным сведениям, раздавались «на Успенской улице», видимо, при разоружении расквартированного там красноармейского отряда⁵; по крайней мере, направление, откуда доносилась стрельба, можно считать установленным. Другой современник вспоминал, как «появились выстрелы в разных концах города», относя это примерно к половине первого ночи⁶. «Около вокзала» о том, «что в городе восстание», узнали поздним вечером — последняя предыдущая временная отметка «около 8 час[ов] вечера»; правда, стрельбы еще не было слышно, а просто «идут из города на вагзал люди и сообщают». Хронологическим же ориентиром может служить наступление полной темноты: «На станции темно, чтобы разобрать, в чем дело, трудно понять, бегают туды и сюды, всюду военные салуэты, а кто, в темноте разобрать трудно» (впрочем, в этих воспоминаниях вообще налицо ряд хронологических ошибок)⁷. Военный комиссар М. М. Жуков (в городе было два военкома, М. М. Жуков и И. П. Лашков; как между ними разделялись функции, неясно — возможно, первый был городским, а второй уездным) узнал «об аресте караульной роты» (видимо, той самой, на Успенской) «часа в два [ночи] девятого июля» по телефону⁸. Исполнявший обязанности председателя уездной ЧК Б. И. Кириллов, живший на Овражной улице, услышал стрельбу «около 10 часов вечера» (опять-таки «сначала отдельные винтовочные выстрелы, затем несколько залпов»), а вскоре узнал и о появлении патрулей восставших, «не пропускавших» к зданию милиции на Московской улице и блокировавших

дом на Старой Банковской, где жил военный комиссар Лашков (последнего, впрочем, дома в это время не было); «часу в первом ночи» Кириллов видел «автомобиль грузовой с пулеметом, с вооруженными людьми», проехавший мимо помещения комитета РКП(б) «в доме Русакова по Касимовской улице»⁹. Находившийся в том же доме редактор муромских «Известий» В. И. Лепехин первые выстрелы услышал «в часу одиннадцатом», не конкретизируя, с какой стороны¹⁰. Исполнявший обязанности председателя городского Совета депутатов А. И. Ерлыкин сообщил коллеге по Совдепу, «что по уездному совету стреляют и кричат от имени временного правительства „сдавайся“», около полуночи (здание, занятое Совдепом, имело один ход на Московскую, другой — на Касимовскую улицу), а вскоре поступили и сведения об аресте караульной роты и захвате гаража Высвосвета¹¹. Сам Ерлыкин утверждает, что первые известия о восстании (в ответ на вопрос: «Что такое за выстрелы около милиции?») он получил, проходя по Московской «около Союза Потребительских О[бществ]», «около 3 часов ночи»¹², однако это кажется явной ошибкой, несмотря на то, что свидетельство — одно из самых ранних (впервые опубликовано 24 июля 1918 г.). Наконец, военный руководитель Высвосвета бывший генерал М. Д. Бонч-Бруевич, выехавший из Муром, по его воспоминаниям, около 11 часов вечера 8 июля, утверждал, что его поезд был обстрелян, «когда паровоз, еще не набрав ско-

Рис. 2. М. Д. Бонч-Бруевич в период первой мировой войны. 1915 г.

рости, довольно медленно протащил состав мимо Муром»¹³; ехал же он не по Казанской железной дороге, а по северной ветке (поезд прошел Ковров 9 июля в 8 часов 35 минут, Владимир — в 10 часов 45 минут, Петушки — в 12 часов 40 минут¹⁴), — а это значит, что «мимо Мурома» следует понимать как «мимо дальних городских окраин».

При всей хаотичности получающейся картины, можно выделить «крайние пункты», начало стрельбы в которых происходит со сравнительно небольшими временными интервалами: Овражная улица, 10 часов вечера (по-видимому, высадка Сахарова с парохода — пристань расположена неподалеку) — Успенская, около полуночи (разоружение красноармейцев) — окраина города за вокзалом, Ковровское направление, после 11 часов (обстрел поезда Бонч-Бруевича); правда, все оценки времени носят лишь приблизительный характер, что хорошо видно из процитированных источников. Однако, хотя получившийся треугольник в каком-то смысле охватывает почти весь Муром, внутри его события, нередко вновь сопровождающиеся перестрелкой (Совдеп был даже обстрелян из пулемета, после чего его защитники бежали¹⁵), продолжают еще в течение нескольких часов. Очевидно, представить на основании приведенных свидетельств «маршрут движения» отряда Сахарова по городу с *последовательным* занятием красноармейской казармы, милиции, Совдепа, Высвосвета, вокзала и проч., — весьма затруднительно, но возможно, что этого и не следует делать. Нарисованная картина скорее соответствует почти *одновременным* выступлениям подпольных ячеек в разных местах, причем действия их отличаются целеустремленностью и слаженностью, должно быть в силу благоприятного распределения задач. Добавим к этому произведенные около 7 июля взрывы нескольких мостов на Казанской железной дороге (на Московском направлении, если считать Муром исходным пунктом)¹⁶ и 8 июля — разрыв телеграфной связи в Ковровском направлении («в 4-х километрах от ст[анции] Муром все телеграфные провода были обрезаны»)¹⁷, — и можно придти к выводу о хорошо подготовленном перевороте, организаторы которого постарались предусмотреть все, что вообще можно предусмотреть в таком сложном деле, как восстание рассредото-

ченной по городу подпольной организации.

Заслуживает внимания и вопрос о способе оповещения выступавших независимо друг от друга групп (если наше предположение о характере восстания справедливо). Из источников неоспоримо следует, что сигналом не могли являться выстрелы, поскольку они уже стали печальной бытовой приметой переживаемого Муромом смутного времени. Еще 30 июня в приказе уездного военкома отмечалось, что «в последнее время в городе и уезде значительно участились случаи бесцельной стрельбы и беспорядков с применением оружия», и гражданам предписывалось зарегистрировать все имеющееся у них оружие в двухнедельный срок¹⁸. Несмотря на прошедшую со времени издания приказа неделю, положение вряд ли успело измениться (да и могло ли оно измениться, если 2 июля на пленарном собрании Муромского Совдепа говорилось, «что в составе милиции много хулиганов», а в Красную Армию записываются «нежелательные элементы, которым место не в армии, а на большой дороге»!¹⁹), и в некоторых случаях на стрельбу, начавшуюся поздним вечером 8 июля, просто... не обратили большого внимания: «По одной версии — красноармейцы, находящиеся в Муроме, хотят показать свою силу, с которой чтобы считались все; по другой — бесцельная стрельба пьяных»²⁰; «я думал, что это хулиганит какая-либо толпа реалистов, так как выходки такие были»²¹; «в часу одиннадцатом я услышал одиночные выстрелы, но не придал им значения, полагая, что в городе где-либо „пошаливают“»²². На фоне столь распространенных «шалостей» революционного времени сигнал следовало давать каким-либо иным способом (по телефону, через курьеров), но не стрельбой, — и та же стрельба как обычная примета городских будней заставляет усомниться, что вечером 8 июля ею было прервано гулянье на Окском бульваре («появились выстрелы в разных концах города» — и «публика с бульвара бросилась бежать по домам»²³). А к самому этому гулянию следует присмотреться попристальнее.

Как утверждалось в датированном 8 февраля 1919 г. постановлении следственной комиссии при Владимирском губернском ревтрибунале о предании суду участников «вооруженного белогвардейского мятежа» (в том числе заочно — Сахарова

и Григорьева), 8 июля 1918-го «бульвар служил сборным пунктом для белогвардейских сил, причем отсюда и началось выступление белогвардейцев»²⁴. Однако основанием для такого вывода стали, согласно тексту самого же постановления, показания «свидетеля Лашкова» (военкома), который вечером 8-го находился на противоположном конце города — на железнодорожной станции, а при попытке пробраться ближе к центру событий был схвачен неподалеку от «Гофманского сада» и улицы Успенской²⁵, — следовательно, очевидцем происходившего на Окском бульваре не являлся. То же можно сказать и о председателе уездного комитета РКП(б) Н. Н. Тагунове (уехал во Владимир «пятого или шестого июля»), считавшем, как и Лашков, бульвар центром событий: «Восстание началось вечером 8 июля. В этот вечер местное бывшее офицерство, а также приезжие, пьянствовали на Окском бульваре, где они и распивали вино, с собою принесенное и полученное на месте [...]. В этот день вечером еще до разоружения [караульной] роты по городу и Окскому бульвару ходили вооруженные винтовками пьяные офицеры и выстрелами в воздух разгоняли публику»²⁶. В отличие от этих двух источников, подлинные очевидцы того, что происходило на бульваре, рисуют совсем иную картину.

Член ревкома Ф. И. Постников, уже цитировавшийся выше, без малого через сорок лет вспоминал: «Часов около одиннадцати на бульваре все больше и больше стали появляться выпивши старых офицеров и бывших учеников реального училища [...]. Потом в 12 часов ночи оркестр прекратил играть, к ним подошел купца Жадина сын Алексей Жадин, одет в синей суконной поддевке, белая фуражка, музыкантам выкинул 50 руб[лей] и просил поиграть один час, но музыка не проиграла и 40 минут, как появились выстрелы в разных концах города, публика с бульвара бросилась бежать по домам»²⁷. Организатор ЧК Кириллов сообщал, что «8 июля вечером, часов в восемь» был на Окском бульваре, «где гуляло много публики»: «Мне бросилось в глаза, что публика была крайне нервно настроена, и в особенности молодые купчики и мелкая буржуазия; говорили об убийстве в Москве германского посла и критиковали Советскую власть, но активных призывов к свержению власти Советов я не слышал; пья-

ных в толпе я тоже не заметил»²⁸. Аналогичные впечатления остались и у редактора «Известий»: «8-го, когда начался самый переворот, я был часов до 8 вечера на Окском бульваре, где ввиду местного праздника гуляло много публики, главным образом из среды буржуазии, интеллигенции и учащихся. Толпа вела себя шумно, но каких-либо выпадов против Советов, каких-либо призывов к свержению власти Советов я лично не слышал. Также не видел, чтобы в толпе раздавались какие-то летучки»²⁹. Можно подвергать сомнению точные указания на тот или иной час, — так, не очень правдоподобно, что до полуночи на Окском бульваре не слышали стрельбы, которая, как свидетельствуют другие источники, уже должна была начаться после прибытия парохода с Сахаровым; но последовательность событий, примерные временные интервалы, а главное — настроения толпы на гуляньи, думается, восстановлены верно.

Но если так, получается, что события разворачивались вовсе не по версии Лашкова, Тагунова и Владимирского ревтрибунала. Среди гуляющей публики, безусловно, находились подпольщики, которые должны были ожидать прибытия в Муром Сахарова — общепризнанного руководителя военной стороны переворота; на напряженное ожидание «не идет ли низовой пароход» (и даже глухую угрозу — «погоди ужо, едут»), со стороны тех, кто не симпатизировал большевикам, указывал и Бонч-Бруевич³⁰. Однако зачислять в заговорщики всю толпу с Окского бульвара кажется ошибочным — действия А. Ф. Жадина скорее похожи как раз на попытку искусственно задержать на гуляньи людей, которые *могут* по своим настроениям активно влиться в ряды восставших, но пока еще *не знают* о предстоящем выступлении и, быть может, не расходятся по домам просто потому, что продолжает играть музыка. Их настроения могут подогреваться разговорами и «критикой Советской власти», но прямая вербовка вряд ли идет: в противном случае, если бы бульвар был действительно переполнен заговорщиками, оттуда, наверное, не позволили бы спокойно разойтись по домам местным советским деятелям (кроме уже известных нам главного чекиста и редактора газеты, на гуляньи присутствовали руководивший Совдепом Ерлыкин и военком Жуков³¹).

Таким образом, группа Сахарова оказывается «детонатором» переворота; гуляющие горожане на Окском бульваре — своего рода «пороховым зарядом», средой, в ближайшие же часы давшей тех самых «мятежников с белыми повязками на рукавах», которых увидят рассыпавшимися чуть ли не по всем улицам; но само восстание производит скорее впечатление «объемного взрыва», почти одновременного и почти повсеместного выступления, мгновенно разъединившего силы защитников Советской власти и, по-видимому, довольно умело срежиссированного.

2. Боевые действия 9 июля 1918 года. События 9 июля — единственного дня, в который Муром оказался освобожденным от большевиков, — в источниках и историографии порою получают диаметрально противоположные толкования. Если участник восстания поручик П. Орлов, сумевший скрыться, почти три года спустя вспоминал о перевороте, явно преувеличивая («Держались почти неделю. Умирали, но крепко держались. Ждали помощи, но ее не было. Большевики раздавили восставших. Когда продержаться в городе было уже нельзя — не сдались, а рассеялись»³²), — то в «Еженедельнике ВЧК» в сентябре 1918 года, очевидно кто-то из муромских корреспондентов сообщал, будто после занятия города «устраивались празднества офицеров вкупе с местной буржуазией», и даже захваченные в советских учреждениях деньги («около 70 000 руб[лей]») «пошли целиком на празднества»³³. Разумеется, истине не соответствует ни одно, ни другое утверждение; да и вариант, изложенный советской энциклопедией и по самому характеру издания претендующий на роль «итоговой» версии, вызывает не меньше вопросов и даже недоумения.

«Мятежники [...] выслали три отряда (на ст[анции] Селиваново, Климово и Новашино) навстречу белочехам», — утверждает энциклопедия³⁴. Разумеется, в ситуации, когда наступление русско-чешских войск на Волге не достигло еще не только Казани (взята 7 августа), но и Симбирска (взят 22 июля), искать «встречи с белочехами» в направлении на Арзамас (Навашино) или тем более на Владимир (Климово—Селиваново) — значило бы проявить крайнее легкомыслие и весьма нелестно характеризовало бы подполковника Сахарова. Очевидно, действия, как в

том, так и в другом направлении имели какие-то иные цели, которые представляется возможным установить из подробного рассмотрения тактики «Восточного отряда Северной Добровольческой Армии» (официальное название производившихся Сахаровым формирований).

Приходится признать, что масштаб этих формирований остается невыясненным, однако, как бы то ни было, он позволил командующему выделить несколько вооруженных групп, направив их на Владимир и Арзамас. Очевидно, из-за малочисленности и необходимости компенсировать ее быстротой продвижения и разворачивания, все действия были связаны с направлениями железных дорог, которые в известной степени и детерминировали ход «однодневной кампании» 9 июля.

По железнодорожной ветке Муром—Ковров, условно и определяемой нами как Владимирское операционное направление, были высланы отряды под командой офицеров Гальберга (или Гольберга) и К. Пестрякова³⁵, причем первый из них — едва ли не сразу по пятам поезда Высвосвета. Как вспоминал служивший на железной дороге А. Ф. Шеронов, он выехал для устранения обрыва телеграфной связи именно в поезде Бонч-Бруевича, но на месте повреждения «высадить связистов комендант поезда (латышский стрелок А. Ю. Бломе. — А. К.) отказался» — по-видимому, после обстрела на выезде из Мурома Бонч-Бруевич очень торопился. В результате ремонтники вынуждены были отправиться обратно от станции Климово на ручной дрезине, но примерно в 16 верстах от Мурома встретились с поездом, везущим из города отряд добровольцев (командир отряда воспретил чинить телеграфную линию и проследовал дальше). Решив сэкономить силы, Шеронов вернулся на Климово в надежде сесть на «резервный паровоз» из Коврова, однако тот же офицер сказал, «что со стороны Коврова не будет пропущен ни паровоз, ни поезд», свой же состав продвинул до станции Селиваново и предложил Шеронову, «чтобы он помог разобрать путь на перегоне Селиваново—Волосатая (встречается также написание «Волосатое». — А. К.), но Шеронов отказался. На что получил ответ: „Ну что же, мы невольтить не будем”»³⁶. По-видимому, это и был упоминаемый советской

следственной комиссией «вооруженный отряд», посланный «на станцию Селиваново под начальством бывшего офицера Гольберга» «для порчи железнодорожного полотна»³⁷; однако следующий отряд — «на станцию Климово во главе с бывшим офицером Пестряковым» — вопреки мнению следствия, должен был иметь более широкие задачи, чем разрушение пути.

Предположить, что на Владимирском направлении можно было бы прикрыться, всего лишь «разобрав путь в нескольких местах между станциями Селивановом и Муромом» или «загромождив» один из поврежденных участков железнодорожную платформу³⁸, — значило бы проявить не меньшее легкомыслие, чем попытавшись искать там встречи с мифическими «белочехами». Очевидно было, что, упустив (причем именно по маршруту Ковров—Владимир) поезд военного руководителя Высвосвета, следовало ждать здесь поднятия тревоги и немедленных мер против восставшего Мурома, хотя оценить силы, которые большевики могли бы для этого выделить, и было, наверное, сложно (с другой стороны, сведениями на этот счет, вероятно, обладали члены владимирской офицерской организации, заблаговременно перебазированной в Муром³⁹). И Бонч-Бруевич действительно не только сообщил по пути следования о том, как уезжал из Мурома под выстрелами, но и дал определенные указания. Правда, его позднейшие воспоминания об этом — «для разгрома мятежников после воздушной разведки, произведенной высланным по моему распоряжению аэропланом, был послан особый отряд, снаряженный Оперодом (Оперативным отделом Наркомата по военным делам, то есть независимым от Высвосвета учреждением, остававшимся в Москве. — А. К.)»⁴⁰, — небезосновательно подвергались сомнению одним из муромских большевиков, И. П. Богатовым, справедливо отмечавшим: «Отряд латышей (из Москвы. — А. К.) прибыл в Муром позднее Владимирского»⁴¹. Но на существование более ранних распоряжений Бонч-Бруевича, отданных им еще по дороге в Москву, может указывать телеграмма владимирского губвоенкома Завадского, отправленная ранним утром 10 июля именно Бончу, а не в Оперод Наркомвоенмора: «Послан на Муром [из] Владимира отряд [численностью] 200

[штыков], конных 5, пулеметов 2, [из] Судогды [—] 85 [штыков], пулемет 1, [из] Ковр[ов]а [—] 125 [штыков], пулемет 1»⁴².

Обеспокоенный Бонч-Бруевич 9 июля требовал отправки на Муром все новых и новых сил: «Сообщите от меня [в] Тамбов военрук[у] военного комиссариата Волобуеву, что я поддерживаю просьбу послать на выручку Мурома (так в документе. — А. К.), только прошу сделать это с ведома оперативного отдела в Москве [...]. Обещали послать отряд из Владимира и посылаю отряд из Москвы [...]. Помощь из Тамбова крайне необходима»⁴³. Сложно сказать, как представлял себе бывший генерал переброску войск из Тамбова и последующую координацию действий против Восточного отряда, и возможно, что эти призывы стали просто следствием растерянности, если не паники перед фактом захвата Высвосвета. Ясно, однако, что главной угрозой для Мурома являлись советские войска с левобережья Оки (Владимир, Ковров, Судогда).

Понимал ли это подполковник Сахаров? — Днем 9 июля в Муроме распространился «слух, что части Красной Армии должны подойти парходом, а также что из Коврова вышел ночью карательный поезд»⁴⁴. Вряд ли «парход» ожидался со стороны Нижнего Новгорода, откуда всего несколькими часами ранее прибыл сам Сахаров; возможно, имелись в виду вероятные советские подкрепления из Касимова или Рязани (не из Тамбова же, в самом деле, по Цне—Мокше—Оке?!); но в любом случае «железнодорожное» направление было сочтено гораздо более опасным, чем «речное», о действиях на котором вообще ничего не известно (очевидно, их и не было).

В течение дня 9 июля командованием предпринимались шаги к усилению отряда Пестрякова, выступившего на Ковров. Согласно показаниям одного из муромлян (который утром узнал о перевороте, записался в отряд, ушел домой пить чай, уклонился от отправки на фронт, то приходил на сборный пункт, то уходил, и, в конце концов, бросив винтовку, вернулся домой), между 10-ю часами утра и 4-мя пополудни в штабе Восточного отряда (бывшее управление уездного воинского начальника, а затем уездный комиссариат по военным делам на улице Ивановской, дом 43) дважды

производилась запись добровольцев «для посылки в Ковров»⁴⁵. Судя по всему, Сахаров предполагал, незначительно продвинувшись за Климово, перейти на этом направлении к обороне, — возможно, до проведения массовой мобилизации и разворачивания своих сил. Участник событий (с советской стороны) рассказывал: «Между ст[анциями] Заколтье (Заколпье. — А. К.) и Нечаевской взорван ж[елезно]-д[орожный] однопролетный мост, и товарный поезд, идущий к Москве, потерпел на этом мосту крушение»⁴⁶, — причем крушение нельзя не считать преднамеренным, коль скоро мост подрывали сами восставшие, и с их же стороны «шел к Москве» состав, окончательно загромоздивший пути. Предосторожность была не лишней, поскольку от Коврова начиналось наступление советских войск.

Красногвардейский отряд из Судогды (командир — Успенский, политкомиссар — будущий советский маршал К. А. Мерецков), по-видимому, так и не присоединился к основным силам и подошел к Мурому 10 июля самостоятельно, имея до этого 9-го столкновение с передовыми частями Восточного отряда «около Новлянского моста через р[еку] Ушну»⁴⁷. Высланные из Москвы латыши вообще прибыли в Муром к шапочному разбору (выехали из столицы лишь 10-го)⁴⁸ и в бою участия не приняли. Главные силы красных составляли Владимирский и Ковровский отряды, которые, осторожно продвигаясь вперед от станции Волосатое (ковровские красногвардейцы «были высажены [из вагонов] за ст[анцией] Волосатая, отсюда пешком направились к Мурому»⁴⁹), соединились на станции Селиваново, имея Волосатое своей базой. Как докладывал красный военный летчик Яковлевский, перелетевший из Москвы во Владимир и около 8 часов вечера 9 июля говоривший оттуда с Ковровом по прямому проводу, «штаб нового фронта формируется в Коврове»⁵⁰, что свидетельствует о серьезности, с которой подошли советские власти к действиям против Мурома. Это объясняется просто — вместо «поврежденного пути» красные в своем продвижении встретили противника и вооруженный отпор: «Между Селиваново [и] Климово перестрелка, [из] Коврова просит легкую артиллерию», — телеграфировал Бонч-Бруевичу владимирский губвоенком⁵¹.

К сожалению, о силах Восточного отряда мы можем судить лишь на основании весьма косвенных соображений (единственная оценка — сил передового отряда, столкнувшегося с судогодскими красногвардейцами, — «30-40 человек на платформе с паровозом»⁵² — принадлежит противнику и может быть неточной). Очевидно лишь, что силы эти должны были быть достаточными для одновременного выполнения нескольких задач: 1) сдерживать (независимо друг от друга) Судогодский (напомним, 85 штыков с пулеметом) и объединенные Владимирский и Ковровский (всего 325 штыков, 3 пулемета) отряды примерно на рубеже реки Ушны; 2) произвести достаточно внушительное впечатление на отряд Красной Гвардии железнодорожных мастерских станции Муром (50-60, а по другим сведениям — даже до 120 человек при одном или двух пулеметах⁵³), который, по сути дела, весь день 9-го и всю ночь на 10 июля держал нейтралитет, не решаясь выйти за пределы мастерских; 3) окарауливать весь Муром вооруженными патрулями⁵⁴; 4) выслать еще один отряд в противоположном Владимирскому (Ковровскому) — Арзамасском направлении. Последнее предприятие, по-видимому, и привело к последствиям, решающим для судьбы восставшего Мурома.

Советское следствие так описывало действия восставших в двух противоположных операционных направлениях: «Посылались вооруженные отряды; первый — на станцию Селиваново под начальством бывшего офицера Гальберга, второй — на станцию Климово во главе с бывшим офицером Пестряковым (оба отряда — для порчи железнодорожного полотна), третий отряд — на станцию Навашино для боя с выступавшими на защиту Советской власти рабочими»; в том же документе рядом с уже известными именами командиров двух подразделений названо еще одно: «Николая Карпинского-Гноринского, бывшего начальника пулеметной команды, Гальберга и бывшего офицера Пестрякова, командовавших посылаемыми белогвардейским штабом отрядами для порчи железнодорожного полотна и в бой с рабочими»⁵⁵. Как видим, результаты следствия излагались весьма небрежно, и трудно даже понять, кто — Гальберг или Карпинский-Гноринский был начальником пулеметной команды (то есть, наверное,

«военспецом» -инструктором, входившим в число заговорщиков или примкнувшим к восстанию после его начала); поэтому лишь с определенной долей вероятности можно предположить, что отрядом, высланным «на станцию Навашино», командовал именно Карпинский. Цели же отрядов следствием были просто перепутаны.

На Владимирском направлении, как мы уже знаем, подполковник Сахаров явно стремился развернуть «регулярные» боевые действия, поступая при этом грамотно и целесообразно (подготовка рубежей для возможного сдерживания противника, активность при его «прощупывании» и первых боевых столкновениях, наращивание собственных сил в течение дня). Напротив, события на направлении Арзамасском, где и лежала станция Навашино — первая крупная на правом берегу Оки, — на первый взгляд производят впечатлительное крайнего легкомыслия высланного туда из Муром отряда.

Выехавший небольшой состав («паровоз с платформой впереди и двумя вагонами»⁵⁶, по другим сведениям — «паровоз с тремя теплушками»⁵⁷) продвигался не только без каких-либо мер предосторожности, но даже с предварительным уведомлением по линии дороги: «Получена депеша, этот спец[иальный] поезд пропускать сходу, без задержки». «Белые стояли в дверях [теплушек], мигом спрятались за стенки, это для них была неожиданность», — рассказывал потом со слов очевидца один из советских мемуаристов об обстреле поезда на подступах к Навашину. Дело в том, что утром 9 июля член штаба Красной Гвардии Чирочкин, пройдя через Муром под видом косца, направлявшегося за Оку, перебрался на лодке через реку и из Навашина по телефону вызвал подмогу со станции Кулебаки — до 150 штыков из состава Красной Гвардии Кулебакского горного завода. Заняв оборону «в бунтах железного лома» (возможно, заодно с местными красногвардейцами судостроительной верфи Коломенских заводов или красноармейцами гарнизона), этот отряд около двух часов пополудни и встретил огнем приближающийся поезд.

Оценивая плотность огня (из расчета не менее 50 стволов на каждый вагон — по паровозу не стреляли), приходится сделать вывод, что теплушки были попросту изрешечены пулями, и совсем

неудивительны большие потери муромского отряда, обратившегося вспять: по возвращении в Муром, рассказывает современник, «с перона и из первого класса вагзала всех удалили, из вагонов стали выносить в первый класс тяжело раненых, некоторые были с перевязками рук, головы и хромали. На двух легковых машинах „рено” тяжело раненых отправляли в город (а куда потом девали, не известно, так как 9 числа в больнице никаких раненых небыло, очевидно развезли по буржуйским квартер[ирам?]), также осведомители видели и имеются и убитые»⁵⁸.

Попав под огонь, отряд (вопреки хвастливому рассказу одного из красногвардейцев) не бросился наутек, а попытался огрызнуться, открыв ответную стрельбу, однако укрытия, очевидно, были слишком удачными: «Белогвардейцы бежали в Муром, оставив двух пленных (возможно, выпавшие из дверей теплушек при торможении или будучи ранеными. — А. К.), [с] нашей стороны двое раненых», — сообщали из Арзамаса в Москву⁵⁹. Но в чем же причина исходной беспечности муромского отряда?

Безусловно, его начальник (Карпинский или кто-либо другой) должен был продвигаться с большими мерами предосторожности, какие бы распоряжения он ни получил в Муроме перед отправлением: война полна неожиданностей, и встреча с красногвардейскими заслонами отнюдь не относилась к разряду чего-либо невероятного. Однако — не в оправдание, но в объяснение неудачи у станции Навашино — следует подчеркнуть, что Арзамасское направление, в отличие от Владимирского, очевидно, изначально не мыслилось боевым.

Агитируя рабочих Муромских железнодорожных мастерских в первой половине дня 9 июля, представители штаба Восточного отряда (утверждалось даже, будто приезжал сам правительственный уполномоченный доктор Григорьев) рассказывали, «что они заняли уже Нижний Новгород, Муром и Арзамас, и просили рабочих поддерживать их и помочь свергнуть ненавистных коммунистов и Советскую власть»⁶⁰. Сообщение о перевороте в Нижнем (если вообще верить процитированному свидетельству) было явным блефом — Сахаров уехал оттуда самое большее сутками ранее и должен был адекватно представ-

лять себе тамошнюю обстановку, сведений же о каких-либо выступлениях нижегородцев не имеется и до сего дня; но вот на Арзамас восставшие надеялись и в своих надеждах были уверены настолько, что в «Приказе № 1» командующий Восточным отрядом объявлял о введении военного положения в «городах Муроме, Арзамасе и прочих пунктах, занятых в ночь с 8 на 9 сего июля н[ового] с[тиля]»⁶¹. И хотя он ошибся, некоторые основания для надежд, по-видимому, имелись.

О существовании в Арзамасе тайной организации свидетельствовал видный деятель подполья капитан В. Ф. Клементьев⁶². Более того, она начала действовать, причем практически синхронно с выступлением организации муромской, а это снова подталкивает нас к выводу о достаточно высоком уровне работы заговорщиков. Оспаривая процитированный выше приказ Сахарова, советский публицист по горячим следам писал: «В Арзамасе они успели только разбросать прокламации»⁶³, — незаметно для себя давая противнику довольно лестную оценку: легко было печатать прокламации, воззвания и приказы в освобожденном от большевиков Муроме, но в условиях подполья заблаговременно подготовить такую литературу было намного сложнее. Отчеты советских Чрезвычайных Комиссий также упоминают об арзамасской организации в связи с репрессиями против ее членов: «Комиссией (Нижегородской губернской ЧК. — А. К.) ликвидирована Арзамасская белогвардейская организация, из которой арестованы почти все члены и часть расстреляна»; Арзамасская ЧК в заседании 15 сентября постановила расстрелять, в числе прочих лиц, одного заговорщика «против Советской власти» и одного участника «вооруженного выступления против Советской власти»; а в октябре появилось и сообщение о расстреле четырех обер-офицеров, входивших в «арзамасскую контрреволюционную организацию под названием „Против Советов“», одного «участника Муромского восстания из отряда Сахарова» и двух юношей-реалистов, которые «перерезывали телеграфно-телефонные провода по линии ж[елезной] д[ороги] во время Муромского восстания»⁶⁴.

В последнем случае из текста сообщения нельзя понять, перерезали ли они провода в Арзамасе или бежали туда (а может быть, и в Нижний?)

из Муромы, но факт нарушения связи и в Арзамасе безусловно имел место. Вечером 9 июля в Москву сообщалось, что «связь Арзамаса с Нижним Новгородом прервана, по частным сведениям, провода умышленно перерезаны», и прямой провод действовал только через Воронеж(!)⁶⁵. Отсюда можно сделать вывод об исключении Нижнего из первоначальных стратегических планов подполковника Сахарова (в противном случае связь с губернским городом, где ожидался бы переворот, следовало сохранить), а реконструкция самих планов обогащается дополнительными деталями.

Находясь в Нижнем Новгороде по меньшей мере с 3 июля⁶⁶, Сахаров должен был там получить известия о «левоэсеровском мятеже» в Москве или начале восстания в Ярославле (6-го). Очевидно, сразу же последовали его распоряжения муромской организации (через курьера или условную телеграммой), во исполнение которых 7-го были произведены диверсии на железнодорожной линии Москва—Муром: вряд ли столь серьезные действия в столь подходящий момент могли предприниматься без санкции военного руководителя подполья, даже при том, что политический руководитель доктор Григорьев находился тогда в Муроме. Направившись 8-го пароходом в Муром, Сахаров, вероятно, взял с собою добровольцев из нижегородской организации (случаи подобной переброски сил известны: Калуга—Ярославль, Владимир—Муром и др.⁶⁷) и на какие-либо активные действия в Нижнем уже не рассчитывал. Извещение в Арзамас о начале восстания при этом могло быть отправлено как из Нижнего перед отъездом, так и из Муромы в ночь на 9-е, когда стало ясно, что муромской организации сопутствует успех.

В этом случае телеграмма по линии Муром—Арзамас о беспрепятственном пропуске экстренного поезда днем 9 июля должна была в глазах отправлявших ее быть не хвастливым «иду на вы», а заурядным техническим извещением: легкость муромского переворота внушала мысль, что и у арзамасцев все складывалось удачно. Отряду же предстояло не отбивать соседний город у противника, а установить связь с соратниками и, возможно, по мере продвижения брать под контроль наиболее важные пункты, оставляя там посты или маленькие гарнизоны. Однако с этой

задачей он не справился, а переворота в Арзамасе так и не получилось (известно, что туда была направлена «боевая группа» из состава караульного батальона при Нижегородском губвоенкомате «для подавления ожидаемого белогвардейского восстания»⁶⁸, но когда именно это произошло — неясно). Муром оказался в изоляции.

3. Ночь на 10 июля 1918 г.: стратегическое решение подполковника Сахарова. Теперь командующему Восточным отрядом предстояло сделать непростой выбор: продолжать боевые действия или, отказавшись от них, «свернуть» сопротивление и попытаться с наименьшим уроном вывести доверившихся ему людей. Восстановить рассуждения Сахарова, конечно, уже нельзя, но мы можем с позиций сегодняшнего знания рассмотреть обе перспективы и сделать вывод о степени обоснованности принятого им решения.

Прежде всего, как мы показали, должны быть пересмотрены представления об отсутствии поддержки или о «пассивной поддержке» восставших основной массой населения Мурома, коль скоро в первый же день были выставлены достаточные силы для выполнения разнообразных боевых задач. Сомнительным кажется и утверждение о том, что население «выжидало, „чем закончится дело”, не понимая целей восставших и не проявляя никакого желания к вступлению в активную борьбу»⁶⁹. Вряд ли, к примеру, муромляне, собравшиеся 9 июля на «благодарственное молебствие об освобождении города от большевиков» в собор Рождества Богородицы, были неискренними в своих молитвах или не вспоминали публичных чтений послания святителя Тихона, провозгласившего анафему богоборческой власти, виновникам «кровавых расправ» и братоубийства⁷⁰.

Даже относительно рабочих, чью реакцию на переворот советские документы и мемуары описывают как глухо-враждебную (да и могли ли они описывать ее как-либо иначе?), допустимо высказать сомнение. Еще летом 1917 г. в железнодорожных мастерских большинство твердо придерживалось оборонческих, патриотических позиций: например, когда будущий командир красногвардейцев, большевик Т. Гоголев, попытался выдвинуть лозунг «долой войну», его едва не вышвырнули из мастерских (грозили «вывезти на тачке» — и «целую неделю Гоголеву нельзя

было ходить по большим проходам мастерских, где он от тачки не мог бы уйти»)⁷¹. Трудно поверить, чтобы год спустя рабочие не восприняли (или тем более «не поняли») патриотических воззваний Григорьева: «Именем народа самозванцы-комиссары отдали лучшие хлебородные земли врагу земли русской — австрийцам и германцам [...]. Хлеб идет сейчас в Германию. Этим хлебом питаются те, кто завоевывает нас шаг за шагом и с помощью большевиков отдает нас под власть германского царя»⁷², — тем более, что продовольственный вопрос в Муроме действительно обострялся в течение 1918 года: «Хлеб дорог и недоступен, а теперь и мясо исчезает — куда только все девается»⁷³ (вспомним здесь и обличительное послание святителя Тихона от 5/18 марта по поводу заключения Брестского мира).

Разумеется, настроение горожан могло быть сильно поколеблено неудачей и потерями отряда, вернувшегося из-под станции Навашино. Однако общая атмосфера вряд ли принципиально изменилась — не случайно же просидевшие в течение суток в своем штабе красногвардейцы не решались ничего предпринимать и расхрабрились лишь после того, как ночью на 10 июля узнали о начале эвакуации Восточного отряда; правдоподобным кажется нам предположение, что, затянулись события в Муроме еще на несколько суток, красногвардейский отряд потихоньку разбежался бы по домам (а красногвардейцы бумаготкацкой фабрики вообще не сделали попытки собраться по тревоге, и винтовки их достались восставшим⁷⁴).

Единственное (и запоздалое) проявление активности Красной Гвардии железнодорожных мастерских имело место около полудня 10 июля, когда рабочие обстреляли подходящую к городу вдоль железной дороги цепь, посчитав ее разбитыми и отступающими частями Восточного отряда⁷⁵. Это был, однако, соединенный владимирско-ковровский отряд советских войск, а столь поздним его приближением к Мурому доказывается отсутствие активного напора красных на подразделения Пестрякова и Гальберга, которые легко и незаметно оторвались от противника, продолжавшего весьма осторожно наступать в пустое пространство. Таким образом, на Владимирском направлении вовсе не происходило какого-либо перелома в пользу красных, и обстановка там от-

нюдь не должна была сама по себе побуждать к прекращению сопротивления. С Арзамасского направления большевики также не проявляли активности и не стремились к немедленному преследованию отряда, отступившего от Навашина.

Действия большевиков против восставшего Мурома могли также быть значительно затруднены в случае новых восстаний — по селам в окрестностях города, для чего, похоже, имелись предпосылки. Так, Бонч-Бруевич предполагал «прилив сил» в отряд Сахарова «под видом приезда на Петровскую ярмарку»⁷⁶. Известия о происходившем в уездном центре действительно находили живой отклик, возможно, не успевший перерасти в крупномасштабные выступления лишь из-за скоротечности событий в Муроме. Скажем, в селе Ковардицы сын местного лавочника И. П. Шамшин «во время белогвардейского переворота с 8 на 9 июля хотел собственноручно повесить председателя волостного Совета и весь Совет перестрелять»⁷⁷ (Совет бежал в лес, унося с собою кассу⁷⁸) и, вероятно, не остановился бы на угрозах, появившись в Ковардицах отряд из Мурома. В селе Новокотлицы был разогнан волостной исполком и захвачены винтовки, «а красный флаг втоптали в грязь»⁷⁹, и, хотя вспышка возмущения оказалась непродолжительной, поддержка из города опять-таки могла значительно приободрить местные силы. Есть глухое упоминание и о волнениях в Монакове⁸⁰. Наконец, известен случай и восстания в полном смысле слова — в районе сел Архангел и Бутылицы, где крестьянами был захвачен «эшалон хлеба [в] 10 тов[арных] вагонов»⁸¹ и где высланный на подавление красногвардейский отряд действовал поначалу столь неудачно, что его передовое подразделение полностью погибло в засаде⁸², а командир отряда был смещен⁸³. При очищении окрестностей от расплывшихся отрядов Сахарова преследователи натолкнулись на сопротивление и в направлении на Меленки, где был убит командир красногвардейцев Гоголев⁸⁴. Конечно, сложно сказать, насколько существенной была бы роль Муромского восстания как детонатора для остального уезда; примечательно, однако, что ряд упомянутых пунктов — Новокотлицы, Ковардицы, Бутылицы, Апостол — оказывался бы в полосе боевых действий в случае перехода советских войск за Ушну и развития ими операции

против Муромы. При этом местное население, и так уже настроенное резко антибольшевитски, было бы волей-неволей вовлечено в дело, защищая свои собственные очаги, и тем самым могло значительно усилить отряд подполковника Сахарова.

Вспомнив о взволнованных требованиях советского командования выслать артиллерию, следует отметить, что на первых порах и по этому показателю у восставших было преимущество. Даже если отнести рассказ «что около переезда 2-го Муромы стоят две пушки Гаубицы»⁸⁵ на счет слухов, передававшихся друг другу напуганными красногвардейцами, — наличие по меньшей мере одного артиллерийского орудия «у старого вокзала около парка»⁸⁶ или «между кузницами»⁸⁷ отмечалось очевидцами и было зафиксировано документально (при осуждении ревтрибуналом добровольца, стоявшего часовым «у орудия»⁸⁸). В то же время необходимо решительно подчеркнуть обманчивость и в каком-то смысле даже вредность такого «превосходства в артиллерии». Создавая иллюзию собственной значимости по сравнению с беспушечным (пока!) противником, оно могло подталкивать к развитию боевых действий и тем самым... заманивать в гибельную трясину, — поэтому, если Сахаров сознательно переборол подобный соблазн, это свидетельствует о его здравомыслии.

В самом деле, к тактическим свойствам артиллерийского огня относятся его сила, гибкость, удобоуправляемость, а также «способность к оттенкам, дающая возможность пользоваться силою и гибкостью в мере необходимости»⁸⁹. Нечего и говорить, что при сомнительной силе «однопушечной батареи» гибкость ее огня («способность видоизменять цель, направление, дистанцию, форму огня и, наконец, пространство, им поражаемое») минимальна, а такие тонкости, как «оттенки» этого огня, и вовсе не стоит обсуждать. Поэтому единственным эффектом от участия в бою муромской пушки была бы мобилизация сил встревоженного противника и массивное подтягивание его артиллерии, противопоставить которой было нечего. Для сравнения заметим, что артиллерия у восставших, удерживавших в те же дни Ярославль, состояла из нескольких батарей (начальник одного из участков рассказывал, например, про «около 12 орудий»⁹⁰), а с этим уже мож-

но было маневрировать огнем, не только нанося противнику урон, но и при удачном развитии операций захватывая у него новые пушки и боеприпасы. Последнее становилось особенно важным ввиду отсутствия иных источников снабжения.

Изолированность и невозможность пополнения огнеприпасами (кроме как за счет противника) и должны были играть главную роль в судьбе восстаний, подобных Муромскому, — роль столь существенную, что этими соображениями полностью уничтожались все временные преимущества, о которых шла речь выше. Даже Ярославль, расположенный на Волге и на линии железной дороги Москва—Вологда—Архангельск, имел, пусть и гипотетические, шансы на успех сопротивления: с севера можно было ждать союзного десанта, с юга (по реке) — русско-чешских войск, очищавших с боями линию Волги, хотя и в том, и в другом случае расстояния исчислялись бы сотнями верст (сегодня обе перспективы выглядят фантастическими, но в те дни в них верили). У Мурома, лишенного поддержки даже от Арзамаса, шансов не было. Отказ Сахарова от продолжения сопротивления — на рубеже ли Ушны или в стенах города, — по нашему мнению, свидетельствует в пользу высказанной ранее версии о стратегическом плане борьбы путем образования выдвинутых в сторону советской столицы «форпостов», опирающихся на сравнительно широкие тыловые районы (даже если такой план не был сформулирован, а лишь присутствовал в сознании руководителей подполья в качестве общей идеи)⁹¹. Географическое же положение Мурома («близость к Москве») само по себе, вопреки сегодняшнему утверждению, не открывало «в случае обладания городом и уездом»⁹² не только «огромных», но и вообще никаких перспектив: даже при успехе массовой мобилизации вооружить основную часть мобилизованных было бы, в сущности, нечем.

Таким образом, в ночь на 10 июля 1918 г. подполковник Сахаров должен был оказаться перед довольно простой альтернативой: сворачивать боевые действия и уходить из Мурома (прорываясь на Волгу одной колонной или мелкими группами) — или, продолжая сопротивление, в ближайшие дни героически погибать в бою, быть может на развалинах своего родного города. Воздерживаясь от моральных оценок (мировая история знает

и прославляет немало случаев подобных самоубийственных решений), следует лишь подчеркнуть, что со стратегической точки зрения иных вариантов, по-видимому, не было, и выбирать в ту ночь руководителям восстания оставалось именно между упомянутыми двумя. Сделанный ими выбор известен.

4. Дополнительные соображения. Выводы. Военное творчество всегда индивидуально, а при масштабах, подобных муромским, эта индивидуальность выступает еще ярче обычного и может оказывать определяющее влияние на ход событий. При малочисленности формирований, на ограниченном театре и в течение всего лишь суток-полутора практически полностью исключается возможность «сглаживания», «нивелировки» противоречий и различных мнений и, напротив, рельефнее выступают личные черты начальников, руководящих действиями.

Впрочем, версия, будто в судьбе муромского восстания «сыграло свою негативную роль» «наличие „триумvirата“ вместо единоличного руководства»⁹³ (правительственный уполномоченный Н. С. Григорьев, командующий войсками Н. П. Сахаров и «казначей» А. Ф. Жадин), представляется голословной (отметим также, что по уверениям родственников Жадина его роль в событиях была чрезмерно и злонамеренно раздута⁹⁴, хотя этот вопрос и требует дополнительного исследования). С большей вероятностью можно предположить, что скоротечность событий просто не дала возможности оформиться нарушившим бы «единоличное руководство» разногласиям, даже если для них и были какие-либо предпосылки. Существенными должны быть не столько взаимоотношения внутри «триумvirата», сколько личные качества его членов, из которых первостепенный интерес представляет, конечно, подполковник Сахаров.

К сожалению, известные нам развернутые отзывы о Сахарове и описания его поведения в экстремальных ситуациях относятся к значительно более позднему периоду — событиям на Дальнем Востоке зимою 1921/1922 года («Хабаровский поход»). Скрупулезный и кропотливый историограф похода, поручик Б. Б. Филимонов, восстанавливая его картину уже в эмиграции на основании документов и опроса участников, дает

Сахарову (уже генерал-майору) следующую характеристику: «Генерал Сахаров пользовался репутацией энергичного, храброго и лихого командира бригады. Простотой обращения и своею улыбкой он обвораживал всех. [...] Опасаясь надорвать физические силы людей и лошадей введенных ему частей, Генерал Сахаров в течение Хабаровского похода подчас не выполнял поставленные ему Генералом Молчановым (командующим войсками. — А. К.) задания до конца, но следует отметить, что требования последнего почти всегда были очень велики. При больших положительных качествах у Генерала Сахарова были и недостатки: стремление решать бой и операции лобовым ударом, как результат некоторой неполноты изучения вождения войск, и горячность»⁹⁵. В свете этого не случайным кажется, что после отъезда Сахарова из действующей армии «представителя энергии и порыва в рядах белоповстанческих войск не стало. Правда, — продолжает Филимонов, — среди офицеров и особенно старших войсковых начальников Генерал Сахаров не пользовался таким весом, как среди бойцов, особенно солдат 3-го корпуса. К солдату Генерал Сахаров умел подойти, солдату Генерал Сахаров внушил веру в него. Его имя в рядах белых полков было широко известно и популярно»⁹⁶.

Но эту характеристику необходимо дополнить двумя красноречивыми зарисовками того, как Сахаров реагировал на неудачу руководимых им войск в бою под станцией Ин в декабре 1921 года. Свидетельства очевидцев показывают, что его «горячностью» и однообразием тактических приемов не исчерпывались негативные для всякого военачальника черты, которые дополняются, увя, резким переходом едва ли не к депрессии и параличу воли и даже желанием искать «виноватых» помимо себя самого; и то, и другое делает генералу мало чести и безусловно не способствует поддержанию здоровой атмосферы в воюющих частях.

«Живой и впечатлительный, — пишет о Сахарове Филимонов, — он был очень нервно настроен, когда увидел свои части отступающими. Он как бы лишился рассудка. Называя своих помощников по имени и отчеству, он в каком-то забытьи повторял: „Неужели отступают, неужели отступают...“ Теперь он несколько утих, смирился, но он был страшно подавлен. [...] Быть может,

кто-либо другой и попытался бы в следующую ночь повторить атаку Ина, но с Ген[ералом] Сахаровым ничего уже сделать было нельзя: от порыва вперед он перешел к порыву назад, он хотел уйти как можно дальше от ставших вдруг столь могучими и страшными красных»; «Взор Генерала остановился на фигуре Полк[овника] Торопова, шагавшего с винтовкой на ремне по скверной разбитой дороге. Он подъехал к нему. — „Кто виноват? Скажите, Анатолий Борисович, кто виноват? Ведь Александров? Он опоздал, он виноват“, как бы найдя решение, проговорил Генерал и замолчал, вопросительно остановясь на старом своем соратнике. Полк[овник] Торопов помолчал, потом мрачно ответил: „Виноват тот, Ваше Превосходительство, кто командовал“. Такого ответа не ожидал Генерал, „как“, вскрикнул он, „Вы хотите сказать, что Я виноват?“ Мысль, что главная вина лежит на нем, была неожиданна и нова Генералу, и точно недоумевая, он чисто механически повторил: „Я виноват?“ — „Так точно, Ваше Превосходительство, Вы виноваты“. Генерал понял, но все же он хотел удостовериться в том, что не ошибся, что его подчиненные белые бойцы, его ближайший соратник возлагал тяжелое обвинение на него, он повысил голос и опять задал вопрос: „Я виноват?“ — „Так точно, Ваше Превосходительство, Вы командовали — Вы и виноваты в произошедшей катастрофе“. Генерал вздрогнул, кровь бросилась ему в голову, но он сдержался. Не говоря больше ни слова, он дал шенкеля коню и поскорее отъехал»⁹⁷.

Таким образом, на принятие стратегического решения в Муроме летом 1918 года могли, наверное, оказать влияние и личные качества Сахарова: возможность перепада настроения от эйфории первых успехов к ее полной противоположности вследствие неудачи под станцией Навашино, а также «опасение надорвать силы» своих подчиненных неравной борьбой, к которому должна была добавляться и гнетущая перспектива сделать родной город ареною боев. В то же время делать подобные наблюдения и заключения следует с очень большой осторожностью, поскольку человеческая личность вряд ли может оставаться неизменной, и за три с половиною года (тем более — три с половиною года гражданской войны!) подполковник, ставший генералом, вполне мог

основательно испортить себе нервы, при чем впечатлительность, вероятно, присущая ему и ранее, развивалась бы до форм, описанных процитированными очевидцами.

В какой-то степени влияние личностного фактора можно заподозрить и в еще одном вопросе, который на первый взгляд вызывает удивление. За исключением разрыва прямого провода с Москвой, Высший Военный Совет был оставлен в неприкосновенности как во время занятия Муром Восточным отрядом, так и при отступлении последнего из города. Причина этого, правда, на поверку проста и даже очевидна, — вспомним лишь крайнюю германофобию руководителей савинковского Союза Защиты Родины и Свободы и их ставку на содействие союзников по Антанте. «Мы хотели также восстановить фронт, прерванный Брест-Литовским миром, дабы, закончив победоносно войну с Германией, впоследствии иметь право рассчитывать на помощь наших союзников в смысле восстановления и укрепления новой России», — свидетельствовал в 1924 году один из ближайших сотрудников Савинкова А. А. Дикгоф-Деренталь⁹⁸. Неприязнь к немцам, слишком явно поддерживавшим большевиков в их работе по разрушению России, и осознание желательности иностранного содействия в условиях, когда все ресурсы находились в руках противника, должны были разделять многие офицеры, входившие в Союз или примкнувшие к Восточному отряду после переворота. Однако определенное мнение на этот счет можно высказать лишь в отношении правительственного уполномоченного в Муроме — доктора Григорьева.

Один из руководителей Союза еще в московский период его деятельности (по утверждению Савинкова — «начальник иногороднего отдела»⁹⁹, по свидетельству начальника связи Союза, непосредственно работавшего в подчинении у доктора, капитана Клементьева, — еще и «начальник пропаганды»¹⁰⁰), сразу же после переворота в Муроме Григорьев выпустил два воззвания антибольшевистской и резко антигерманской направленности, одно — за своей подписью («временно исполняющий обязанности уполномоченного правительства, представитель Центрального штаба при Восточном отряде»), другое — за подписью «Союз Защиты Родины и Свободы» (даже если не сам

Григорьев являлся автором второго документа, очевидно, он имел все возможности исключить из текста то, с чем не был бы согласен)¹⁰¹. И правдоподобным кажется предположение, что в вопросе о перспективах возобновления борьбы против Германии слово Григорьева должно было оказаться веским, если не решающим.

А именно эту перспективу и определялось отношение к сохранению Высвосвета. Бывший генерал Н. А. Сулейман так рассказывал Бонч-Бруевичу о собрании «военспецов», созванном в здании реального училища в три часа пополудни 9 июля: «После объявления уполномоченного (Григорьева. — А. К.), которое он сделал всем собравшимся от имени правительства, окончательно выяснилось, что Штаб Высвосвета пока может продолжать управление завесой (система оперативных отрядов, созданных для прикрытия советско-германской демаркационной линии от Нарвы до Нового Оскола, установленной Брест-Литовским мирным договором. — А. К.), но под контролем (осуществлять управление можно было по радио. — А. К.). После этого я сделал собравшимся сообщение, т. к. было много посторонних, призванных для регистрации, о той роли Высвосвета и работе его, которую он несет в отношении завесы, и [о] создании постоянной армии»¹⁰². Деренталь позже утверждал, возможно, со слов Григорьева: «В Муроме нашим отрядом была арестована большевистская ставка. Когда арестованные заявили, что они заняты разработкой операционного плана на случай продолжения войны с Германией, их сейчас же оставили в покое и дали им полную возможность продолжать работу»¹⁰³.

Казалось бы, все это имеет отношение только к периоду пребывания Муром в руках восставших, когда только и можно было осуществлять упомянутый «контроль за управлением завесой». Однако руководители восстания могли надеяться, что дестабилизация обстановки в центре Советской республики (напомним, несколькими днями ранее были подавлены «левоэсеровский мятеж» в Москве и «муравьевский мятеж» на Волге), как и ожидаемый англо-французский десант на Севере, волей-неволей повлекут возобновление борьбы против Германии, а при этом сохраняющаяся дееспособность Высвосвета представлялась

полезной, даже если бы «контроль» над ним снова стал бы советским. Напомним, что применительно к гораздо более напряженной боевой обстановке, складывавшейся в конце апреля 1918 г. на границе Донской и Кубанской областей, генерал А. И. Деникин позднее признавал: «Нанесение более серьезного удара в тыл тем большевистским войскам, которые преграждали путь нашествию немцев на Кавказ, не входило тогда в мои намерения: извращенная донельзя русская действительность рядила иной раз разбойников и предателей в покровы русской национальной идеи»¹⁰⁴. На таком фоне снисходительность и даже, возможно, определенное сочувствие к «оборонцам»-военспецам перестает казаться чем-либо неправдоподобным.

Не менее важно и еще одно соображение. «Большевицкая ставка», как пышно именовали Высвосовет Савинков, Деренталь и те, кто писал с их слов, на самом деле таковой отнюдь не являлась. Советская военно-государственная машина далеко не отличалась последовательностью и оптимальностью структуры, и, в частности, с 12 мая 1918 г., невзирая на существование Высвосвета, функционировал Оперативный отдел Народного Комиссариата по военным делам («Оперод Наркомвоена»). Бонч-Бруевич жаловался впоследствии (да, наверное, жаловался и тогда) на «параллелизм в работе» двух управляющих центров и на то, что «„Оперод” взял на себя руководство операциями не только против Каледина и чехословаков (упоминание генерала А. М. Каледина — явный анахронизм. — А. К.), но и против тех же немцев»¹⁰⁵. Таким образом, не только разрушение в Муроме структуры или технических средств управления Высвосвета, но даже поголовное

его истребление не лишило бы центральную Советскую власть органа, руководившего боевыми действиями на «внутренних», «контрреволюционных» фронтах, а вот дело борьбы против немцев в случае возобновления войны, безусловно, пострадало бы. Узнать о подлинной структуре управления советскими вооруженными силами Сахаров и Григорьев должны были от того же Сулеймана, и этим, вероятно, также в значительной мере была поколеблена их решимость держаться в Муроме во что бы то ни стало.

Как бы то ни было, несмотря на все влияния «личностного фактора» (насколько его вообще возможно учесть при фактическом отсутствии источников со стороны Восточного отряда), стратегия подполковника Сахарова и доктора Григорьева 8-9 июля 1918 г. предстает вполне здоровой и базирующейся на серьезных рациональных основаниях. Сама ситуация переворота в изолированном городе, в центре контролируемой противником территории, неизбежно влечет импровизированность не только вновь создаваемых вооруженных формирований, но и их использования как для решения текущих задач, так и в перспективе — для достижения более широкомасштабных результатов. Но, невзирая на эту импровизированность, крайний дефицит времени и сил, а возможно — и некоторые личные негативные качества, руководители Муромского восстания с честью действовали в чрезвычайно сложных условиях, и не их вина (как, по-видимому, не вина и активной части населения Мурома), что выступление после первоначального успеха не получило развития: иным оно, скорее всего, и не могло оказаться.

¹ История Мурома и Муромского края с древнейших времен до конца двадцатого века. — Муром, 2001. — С. 315.

² Кручинин А. С. Муромское антисоветское восстание (1918): истоки и предыстория // Уваровские чтения-V. — Муром, 2003. — С. 286.

³ Клаузевиц К. О войне. — М., 1934. — С. 67. Выделено в первоисточнике.

⁴ Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. — СПб., 1994. — Т. 1. — С. 95.

⁵ РГВА. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 74. — Л. 145 и об.

⁶ Постников Ф. И. Муромское белогвардейское восстание. // Белогвардейский мятеж в Муроме в июле 1918 г. и его разгром. 1957 // МИХМ. — Б. п.; // МИХМ.

⁷ Астахов В. В. Мое воспоминание и участие в революционных событиях 1917-1921 гг. Автобиографии и воспоминания

членов историко-революционной секции (при Муромском краеведческом музее) // МИХМ. — Б. п.

⁸ Богатов И. П. Разгром белогвардейского мятежа в гор. Муроме 9-10 июля 1918 года (1963.) // Белогвардейский мятеж... — С. 17.

⁹ Красная книга ВЧК. — М., 1990. — Т. 1. — С. 134.

¹⁰ Там же. — С. 136.

¹¹ Арефин П. О партийной и Советской работе в Муроме и уезде (1917—1920) // Двадцать лет рабочей организации гор[одов]: Муром, Кулебаки, Выкса. — М.-Пг., 1923. — С. 202.

¹² А. Е[рлыкин]. Белогвардейское выступление: (Из воспоминаний) // Там же. — С. 218. Автор установлен по маргиналиям в экземпляре книги, хранящемся в библиотеке МИХМ.

- ¹³ Бонч-Бруевич М. Д. Вся власть Советам: Воспоминания / Литературная записка И. Кремлева. — М., 1957. — С. 309.
- ¹⁴ РГВА. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 74. — Л. 149.
- ¹⁵ Богатов И. П. Указ. соч. — С. 19.
- ¹⁶ Бонч-Бруевич М. Д. Указ. соч. — С. 305.
- ¹⁷ Копия письма Л. А. Кондратюк в редакцию газеты «Муромский Рабочий» от 16 августа 1962 года // Белогвардейский мятеж...
- ¹⁸ Приказ Муромского уездного комиссариата по военным делам от 30 июня 1918 года № 98 // МИХМ. — № М-12351 1049.
- ¹⁹ Протокол пленарного собрания Муромского Совета рабочих и крестьянских депутат[атов] от 1 и 2 июля 1918 г. // Известия Муромского Совета рабочих и крестьянских депутатов. — Муром, 1918. — № 56, 13 августа. — С. 3.
- ²⁰ РГВА. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 74. — Л. 145.
- ²¹ Арефин П. Указ. соч. — С. 202.
- ²² Красная книга ВЧК. — Т. 1. — С. 136.
- ²³ Постников Ф. И. Указ. соч.
- ²⁴ Красная книга ВЧК. — Т. 1. — С. 145.
- ²⁵ Астахов В. В. Указ. соч.
- ²⁶ Красная книга ВЧК. — Т. 1. — С. 131.
- ²⁷ Постников Ф. И. Указ. соч.
- ²⁸ Красная книга ВЧК. — Т. 1. — С. 133-134.
- ²⁹ Там же. — С. 135.
- ³⁰ Бонч-Бруевич М. Д. Указ. соч. — С. 306.
- ³¹ Богатов И. П. Указ. соч. — С. 17, 19.
- ³² Клементьев В. Ф. В большевицкой Москве (1918-1920). — М., 1998. — С. 211.
- ³³ ВЧК уполномочена сообщить...: 1918 г. — Жуковский; М., 2004. — С. 123-124.
- ³⁴ Муромский мятеж 1918 // Гражданская война и военная интервенция в СССР (sic! — А. К.). — М., 1983. — С. 363. Более правильным представляется написание «Навашино».
- ³⁵ Красная книга ВЧК. — Т. 1. — С. 145.
- ³⁶ Копия письма Л. А. Кондратюк // Белогвардейский мятеж...
- ³⁷ Красная книга ВЧК. — Т. 1. — С. 145.
- ³⁸ Там же. — С. 131.
- ³⁹ Клементьев В. Ф. Указ. соч. — С. 211.
- ⁴⁰ Бонч-Бруевич М. Д. Указ. соч. — С. 309.
- ⁴¹ Богатов И. П. Указ. соч. — С. 4.
- ⁴² РГВА. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 74. — Л. 144.
- ⁴³ Там же. — Л. 82.
- ⁴⁴ Там же. — Л. 99.
- ⁴⁵ Красная книга ВЧК. — Т. 1. — С. 142.
- ⁴⁶ Астахов В. В. Указ. соч.
- ⁴⁷ Богатов И. П. Указ. соч. — С. 17, 19.
- ⁴⁸ РГВА. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 74. — Л. 98.
- ⁴⁹ Богатов И. П. Указ. соч. — С. 4. Подчеркивание, вероятно, И. П. Богатова.
- ⁵⁰ РГВА. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 74. — Л. 149.
- ⁵¹ Там же. — Л. 144.
- ⁵² Богатов И. П. Указ. соч. С. 19.
- ⁵³ Там же. — С. 29; Астахов В. В. Указ. соч.
- ⁵⁴ РГВА. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 74. — Л. 97.
- ⁵⁵ Красная книга ВЧК. — Т. 1. — С. 145—146.
- ⁵⁶ Там же. — С. 131.
- ⁵⁷ Астахов В. В. Указ. соч.
- ⁵⁸ Там же. Все описание событий у станции Навашино приведено В. В. Астаховым со слов Чирочкина.
- ⁵⁹ РГВА. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 74. — Л. 110.
- ⁶⁰ Орехов И. О некоторых событиях в Муромских мастерских // Двадцать лет рабочей организации... — С. 209.
- ⁶¹ См. фотографию приказа в: История Муромы и Муромского края... — С. 312.
- ⁶² Клементьев В. Ф. Указ. соч. — С. 198, 210.
- ⁶³ Ярославский. Учредительное Собрание в г[ороде] Муроме // Известия Муромского Совета... — 1918. — № 48, 16 июля. — С. 2.
- ⁶⁴ ВЧК уполномочена сообщить... — С. 75, 159, 265.
- ⁶⁵ РГВА. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 74. — Л. 84.
- ⁶⁶ Красная книга ВЧК. — Т. 1. — С. 129.
- ⁶⁷ Клементьев В. Ф. Указ. соч. — С. 209, 211.
- ⁶⁸ Олейник П. А. Мои воспоминания // МИХМ. Дело «Автобиографии и воспоминания...»
- ⁶⁹ Капустин Л. Г. Последний командир кашпелевцев: забытые страницы биографии генерала Н. П. Сахарова // Сибирский исторический альманах. — Красноярск, 2010. — Т. 1 — С. 95.
- ⁷⁰ Красная книга ВЧК. — Т. 1. — С. 131, 137.
- ⁷¹ Кириллов Б. И. Возникновение организации Р. К. П. (б) при станции Муром Моск[овско-]Каз[анской] ж[елезной] д[ороги] // Двадцать лет рабочей организации... — С. 205.
- ⁷² Красная книга ВЧК. — Т. 1. — С. 127.
- ⁷³ История Муромы и Муромского края... — С. 315.
- ⁷⁴ Богатов И. П. Указ. соч. — С. 17, 28.
- ⁷⁵ Дрягалин Д. Ф. Воспоминание из жизни в эпоху Февральской и Октябрьской Революции [с] 1916 по 1919 год // Белогвардейский мятеж...
- ⁷⁶ РГВА. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 74. — Л. 82.
- ⁷⁷ Прокофьев. Ковардицкие «уважаемые» граждане // Известия Муромского Совета... — 1918. — № 67, 21 сентября. — С. 3.
- ⁷⁸ Дрягалин Д. Ф. Указ. соч.
- ⁷⁹ Богатов И. П. Указ. соч. — С. 24.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ Заявление Б. И. Кириллова в Муромский горком КПСС, б. д. // Автобиографии и воспоминания...
- ⁸² Астахов В. В. Указ. соч.
- ⁸³ Кириллов Б. И. Указ. соч. — С. 207.
- ⁸⁴ Астахов В. В. Указ. соч.
- ⁸⁵ Там же.
- ⁸⁶ Постников Ф. И. Указ. соч.
- ⁸⁷ Богатов И. П. Указ. соч. — С. 18.
- ⁸⁸ Красная книга ВЧК. — Т. 1. — С. 148.
- ⁸⁹ Келчевский А. К. Тактика полевой легкой артиллерии с задачами. — СПб., 1912. — С. 87.
- ⁹⁰ Злуницын П. Ф. Восстание в Ярославле в 1918 г. (6—21 июля 1918 г.) // Белая Гвардия. — № 6: Антибольшевическое повстанческое движение. — М., 2002. — С. 120.
- ⁹¹ См. в нашей работе: Кручинин А. С. Указ. соч. — С. 285.
- ⁹² Капустин Л. Г. Указ. соч. — С. 93.

⁹³ Там же. — С. 94.⁹⁴ Казанкова М. А. Гражданин города Муром — Алексей Федорович Жадин // Сообщения Муромского музея-2009. — Муром, 2010. — С. 86–87.⁹⁵ Филимонов Б. Б. Белоповстанцы: Хабаровский поход зимы 1921-1922 годов. — Кн. 1. — Шанхай, 1932. — С. 65.⁹⁶ Там же. — Кн. 2. — 1933. — С. 154.⁹⁷ Там же. — С. 37, 39.⁹⁸ Борис Савинков на Лубянке. — М., 2001. — С. 386.⁹⁹ Савинков Б. В. Борьба с большевиками. — Варшава, 1920. — С. 25.¹⁰⁰ Клементьев В. Ф. Указ. соч. — С. 122.¹⁰¹ Красная книга ВЧК. — Т. 1. — С. 125–128.¹⁰² РГВА. — Ф. 3. — Оп. 1. — Д. 74. — Л. 95, 96.¹⁰³ Борис Савинков на Лубянке. — С. 387.¹⁰⁴ Деникин А. И. Очерки Русской Смуты. — Paris, [1922]. — Т. 2. — С. 345.¹⁰⁵ Бонч-Бруевич М. Д. Указ. соч. — С. 256.

А. Л. Ершов (Владимир)

БОГОРОДИЦКИЙ СОБОР В МУРОМЕ

В 1928 г. в печати г. Муром был поднят вопрос о необходимости передачи церквей для нужд города. И 31 мая 1929 г. пленум Муромского горсовета постановил передать Вознесенскую и Предтеченскую церкви под школу и центральную амбулаторию. В городе тогда насчитывалось 16 церквей и 2 монастыря, что не могло не раздражать воинствующих безбожников, поэтому 4 июня того же года президиум Муромского горсовета, а на другой день президиум Муромского уездного исполкома постановили переделать Николо-Можайскую церковь под центральную библиотеку, Сретенскую — под Дом физкультурно-санпросвета, Воздвиженскую — под рабочий клуб текстильщиков, Рождественскую — под фабрику-кухню, а собор — под дом культуры.

30 августа 1929 г. прихожане собора пишут жалобу в Муромский окрисполком, где указывают, что собор является историческим памятником, поэтому капитальная перестройка, неизбежная при переоборудовании, недопустима, ремонт сделан; кроме того, в соборе служат две общины (самого собора и Предтеченская), из-за чего уже сейчас верующим тесно. Тем временем, 10 июля 1929 г. Главнаука пишет в Муромский окрисполком, что собор — памятник XVI-XVII вв. 18 ноября 1929 г. президиум Муромского окрисполкома передает собор под музей местного края, но музей отказывается от переезда в собор, т. к. там мало места и сыро, что губительно для экспонатов, а существующий температурный режим не позволит вести музейную работу круглый год; в лучшем случае его можно использовать под антирелигиозный отдел музея. 20 декабря 1929 г. Главнаука разрешает использовать Богородицкий собор, по-

строенный в XVI в. и являющийся памятником архитектуры первой категории, но при условии сохранения его внешнего облика. Это же относилось и к памятнику первой категории Николо-Зарядной церкви, построенной в 1675-1677 гг., и памятникам второй категории — церквям Воскресенской, XVII в., и Николо-Можайской, XVI в. Кроме того, Главнаука возражала против переведения музея в собор. Вскоре такое решение было найдено — Президиум ВЦИК постановил оставить собор в пользовании верующих. До 1934 г. так оно и было. Только в июне 1933 г. было произведено снятие колоколов на металлолом, при котором получили повреждения крыльцо и карнизы¹.

17 января 1934 г. Наркомпрос пишет в Комиссию по делам культов, что «Музейный отдел НКП РСФСР просит изъять из собора в г. Муроме 2 ценных памятника: иконы т. н. Огидитрии и Спаса и передать их в Муромский музей». 1 февраля того же года Президиум ВЦИК удовлетворяет просьбу. 3 апреля Наркомпрос ходатайствует об изъятии еще 30 богослужебных предметов, в основном икон, из Благовещенского монастыря и Успенской, Николо-Набережной, Георгиевской и Введенской церквей. Из собора предполагалось взять икону Спаса Нерукотворного XIV-XV вв., все время висевшую над воротами кремля, икону Петра и Февронии в житии с клеймами, икону Рождества Богородицы (размер 157x102 см) и икону Николая Чудотворца в рост (121x94 см) — все XVI в.; икону 12 праздников и икону Муромской Богородицы — обе XVIII в. и в серебряных ризах. Необходимость изъятия объяснялась наблюдающимися кражами в церк-

вах г. Муром². В это же время 4 мая церковный совет собора просит у ВЦИК помочь вернуть из музея иконы т. н. Одигитрии и Спаса Нерукотворного «как местно чтимых святынь и для удовлетворения религиозных потребностей граждан Муромского района, чем прекратится тот ропот народный, который неприятен нам, как лояльным гражданам Советской Республики»; дневную и ночную охрану обещал обеспечить. Вернули ли им иконы, неизвестно, но ходатайства муромских верующих о возвращении икон привели к тому, что 13 мая Комиссия отказала Музейному отделу г. Муром в изъятии еще 30 богослужебных предметов из муромских церквей, «если только изъятие... мотивируется возможностью хищения... Помимо этого изъятие должно коснуться почти всех муромских церквей, а это крайне нежелательно. Изъятие можно допустить лишь при условии постепенного отбора и к тому же особо ценных предметов»³.

А вскоре началось окончательное закрытие собора. Так, 19 августа 1935 г. Культурная комиссия при Президиуме Горьковского крайисполкома выносит постановление о его ликвидации, а 31 августа Президиум крайисполкома утверждает это постановление. 7 сентября постановление объявлено верующим под расписку⁴. Верующие, имеющие достаточный опыт борьбы за свои права, тут же пишут письмо во ВЦИК с просьбой разрешить открыть собор, т. к. причины закрытия им не объяснили, а налоги в сумме 12 687 р. 50 к. ими уплачены⁵.

22 сентября Комиссия по вопросам культов при Президиуме ВЦИК требует у крайисполкома выслать все материалы по закрытию и предупредить райисполком, что до окончательного решения храм должен находиться в пользовании верующих. А также пишет, что из отношения Муромского райисполкома за № 11 от 7 сентября «видно, что райисполком в противовес существующим законоположениям, сообщая о... постановлении, не разъясняет о порядке обжалования во ВЦИК и не предоставляет срока для этого,

а закрывает „с сего дня“... По жалобе верующих, собор действительно закрыт 7 сентября, что является прямым нарушением закона». Получив 27 сентября письмо из ВЦИК, крайисполком отвечает только 20 октября. Ответ сводится к тому, что «собор в г. Муроме ликвидирован согласно ст. 44 инструкции „О религиозных объединениях“ постановлением Культурной комиссии от 19 августа 1935 г. о ликвидации собора в Муроме, утвержденным Президиумом крайисполкома 31 августа», постановление объявлено верующим под расписку 7 сентября и что жалоб в крайисполком не поступало⁶.

3 ноября Комиссия сообщает, что считает ответ крайисполкома недостаточным и не отвечающим на поставленные вопросы. Указывает на нарушение при закрытии и требует выслать все материалы по делу и список действующих в городе церквей. 15 ноября крайисполком отвечает, ответ почти идентичен тому, что был написан 20 октября. 1 декабря Комиссия требует выполнить приказание из писем от 22 сентября и 3 ноября и выслать список закрытых и действующих церквей г. Муром. И вдруг 15 декабря 1935 г. ВЦИК вернул дело о закрытии собора в Муроме, постановив «постановление крайисполкома следует полагать вошедшим в силу»⁷.

Так был закрыт собор в Муроме. Во время его закрытия, 24 октября 1935 г. пришел приказ перевезти резную сень и четыре колонки киотов из собора в Москву, т. к. в Муроме их хранить негде. В 1936 г. собор арендовал 14-й стрелковый полк и к 1939 г. привел его в удручающий вид: чугунная решетка вокруг собора была сломана, окна выбиты, отопление разрушено, полы на хорах тоже, крыша протекала. Поэтому в 1939 г. его начали разбирать, закончили в 1940 г. Колокольня просуществовала дольше. Ее использовали как пожарную каланчу; под ней, в помещении бывшего храма Спасова Образа, размещалась артель металлистов. В 1943 г. колокольня еще стояла, по воспоминаниям жителей ее уничтожили в 1948 г.⁸

¹ См.: Тюрина Е. К. Судьба Муромского Богородского собора в документах // Первый Муромский сборник. — Муром, 1993. — 195-201.

² ГАРФ. — Ф. Р-5263. — Оп. 1. — Д. 460. — Л. 122, 121, 124.

³ Там же. — Л. 120, 123.

⁴ Там же. — Д. 461. — Л. 100.

⁵ Там же. — Л. 103.

⁶ Там же. — Л. 98, 100.

⁷ Там же. — Л. 99, 96, 95, 94.

⁸ Тюрина Е. К. Указ. соч. — С. 201-203.

ДЕТСКИЕ ИГРУШКИ И ВЗРОСЛАЯ ПОЛИТИКА

Если вы хотите узнать людей, — приглядитесь, как и чем играют их дети.
Глаголь С. Русская народная игрушка в XIX веке. — М., 1912

Наша жизнь на крутом подъеме к лучшему.
Муромский рабочий. — 1933, 1 октября

В дореволюционной России производство игрушек существовало вне ведения государства. Российская педагогика также долгое время не обращала на них внимания. Исторически сложившиеся центры производства народной игрушки не удовлетворяли потребностей населения даже при учете того, что «игрушки для детей высших классов резко отличались от тех, которыми играли их ровесники „низкого” звания»¹.

Едва ли вызовет протест предположение, что в это время основной игрушкой в деревне была игрушка традиционная — привезенная с ярмарки и самодельная; фабричные и иностранные игрушки бытовали лишь в помещичьих усадьбах, хотя и там встречались «этнически окрашенные» игрушки; вряд ли они могли предназначаться для крестьянских детей.

В маргинальных слоях городского населения, судя по позднейшим данным, преимущественную роль играли также традиционные игрушки, но по мере повышения статуса социального слоя их место занимали фабричные изделия.

Несмотря на то, что древнейшее происхождение игрушки — и куклы в частности — ни у кого не вызывает сомнения, тема детских игрушек вообще до самого недавнего времени оставалась за пределами внимания историков. Ее изучение началось только в последнее столетие, а пристальный интерес к ней возник всего лишь пару десятилетий назад. На рубеже XIX-XX веков отношение российских исследователей к игрушке, а предметом изучения стала в первую очередь игрушка народная, целиком определялась искусствоведческими и этнографическими задачами: игрушка рассматривалась не столько как атрибут субкультуры детства, сколько как продукт народного промысла². Чуть позже, в середине 1910-х годов, возникает педагогический интерес к игрушке, но и здесь

предметом рассмотрения в силу различных причин остается, прежде всего, народная игрушка, причем, основанием для ее классификации весьма часто служит (это остается и по сей день) материал, из которого она изготовлена, и техника ее исполнения³. Во многом ситуация была предопределена и тем, что в традиционном сельском укладе России кукла играла специфическую сакральную роль и в жизни взрослых, и тем, что почти все производство игрушек осуществлялось кустарно, нередко как сезонный приработок в основном промысле, например, гончарном (абашевская, дымковская, жбанниковская, каргопольская, филимоновская, романовская, скопинская, тульская, хлудневская игрушка). Так, в Курской губернии «широкая продажа игрушек... начиналась с 23 апреля (6 мая по новому стилю), в праздник Георгия Победоносца, который считался в этих местах покровителем глиняной игрушки. В г. Судже в этот день устраивались крупные ярмарки, а среди других товаров продавались... и игрушки. С этого дня перекупщики начинали возить игрушки по ярмаркам и базарам в разные села и города»⁴.

Изучалась, прежде всего, этнографическая игрушка, да и то преимущественно с позиций декоративно-прикладного искусства; в связи с детскими играми тема игрушки затрагивалась как средство психического развития и обучения детей; в 20-30-е годы большое внимание уделялось идеологическому воздействию игрушек и проч. При том, что педагоги, психологи, искусствоведы, художники, этнографы рассматривали сложные теоретические проблемы, связанные с игрушкой, практически вне поля зрения исследователей оставались вопросы бытования игрушки в конкретном историческом контексте. Для советского времени эта ситуация вполне объяснима: реальное бытование игрушки обнажа-

ет множество острых социальных противоречий, которых по официальной идеологии в советской жизни не было и быть не могло; даже простое их обозначение еще несколько лет назад могло быть небезопасным для исследователя.

Сложность в изучении бытования игрушки заключается, прежде всего, в том, что игрушка недолговечна: она ломается или ее ломают, стареет или устаревает, теряется или выбрасывается, надоедает или становится неинтересной. К тому же игрушка, как и многое другое в обществе, подвержена влиянию моды и идеологии. В конце концов, когда дети вырастают, она просто оказывается ненужной и рано или поздно от нее избавляются как от хлама. Редкие экземпляры хранят и передают из поколения в поколение и чаще уже не как игрушку, а как семейную реликвию. Долгое время, в том числе и в первые десятилетия советской власти, в обычных семьях игрушек у детей было мало. Зачастую покупных, фабричных, не было вообще; играли самоделками, которые, конечно не хранили. Игрушки выбрасывали еще и оттого, что жизнь в малогабаритных квартирах, — а чаще в бараках или «коммуналках», — просто не оставляла места, где можно было хранить игрушки. Однако многие выходцы из деревни, даже переехав в города, пытались остаться верными своему крестьянскому «накопительскому» менталитету. Старые игрушки — может быть потому, что в крестьянской жизни нередко использовались игрушки, сохранявшие сакральное значение, — хранили сначала в шкафу дома, затем в кладовке, если был сарай — в нем. С уходом старшего поколения из жизни, молодые, разбирая старые вещи, выбрасывали на помойку и игрушки, в которых уже не видели ни мемориальной, ни, тем более, сакральной и уж совсем никакой материальной ценности.

Большинство краеведческих и исторических музеев также не могут похвастаться систематическими коллекциями игрушек, а немногие частные коллекции до недавнего времени были или тематическими (например, оловянных солдатиков, автомашин, самолетов, какого-либо вида народной игрушки), или собранием антикварных раритетов (авторских или фарфоровых кукол, мишек Тедди) и т. п. Обычная повседневная серийная игрушка интересовала, пожалуй, только организацию, ныне именуемую Учреждение Российской академии об-

разования «Художественно-педагогический музей игрушки» в Сергиевом Посаде. Специализированные музеи игрушки, в большинстве своем — частные, в нашей стране появились только в последние десятилетия.

И о производстве, и о бытовании детских игрушек в Муроме известно крайне мало, а точнее сказать, неизвестно ничего.

Иногда игрушки упоминаются в мемуарной литературе, но круг известных мемуаров о Муроме весьма ограничен⁵. Кое-какие сведения можно почерпнуть из дореволюционных каталогов промышленных выставок и преёскурантов промышленных артелей⁶, из местной периодической печати. Определенный интерес представляет и подборка фотографий, сложившаяся в муромском музее в ходе осуществления проекта «Фотолетопись Муром»⁷. Около 220 отобранных снимков запечатлели с игрушками детей и взрослых. Фотографии, сделанные в период с начала по шестидесятые годы XX века, имеют разный художественный и технический уровень — есть выполненные профессионалами в фотоателье, есть снимки начинающих любителей, но почти все они постановочные. Это и плохо, и хорошо. С одной стороны, на фотографиях практически отсутствуют самоделные и простенькие игрушки, а зафиксированные мишансены демонстрируют или «как должно быть», или близки по жанру к «парадному портрету», или это просто «фотография на память». С другой — волей участвовавших в съемке оказались отобранными или самые любимые, или самые престижные, модные и дорогие игрушки, из тех, которые во многих семьях дети только иногда, по особому разрешению старших, получали для игры. К тому же подборка фотографий носит случайный характер, и о ее полной репрезентативности говорить весьма сложно. Так что при статистической обработке проявляется, конечно же, не абсолютная картина, а лишь некоторые тенденции бытования игрушек в Муроме. При этом не следует забывать, что эти фотографии в ряде случаев являются едва ли не единственным источником, по которому можно составить представление, как выглядели те или иные конкретные игрушки. К сожалению, комплекс фотографий, относящихся к дореволюционному периоду, в этой выборке весьма мал:

всего семнадцать снимков. Следующая выборка условно отнесена к 1918-1940 годам. Такой значительный временной период во многом обусловлен не только тем, что бытовая фотография не имела большого распространения, но и тем, что фотографии этого периода чрезвычайно сложно поддаются более-менее точной датировке. Хронологическая атрибуция каждой из них — это практически самостоятельное исследование. В этом комплексе всего девять фотографий. Необходимо учитывать и то, что в этом жанре фотографии, во всяком случае, до революции, существовала своя мода, и фотоателье приобретали специальных кукол для фотографирования.

До 1917 года на шести снимках (т. е. более трети всей выборки) запечатлены куклы, причем, пять из них явно фабричного производства; два плюшевых медведя; по две дудочки, мячику и трехколесному велосипеду; по одной лошадке-каталке и собачке из папье-маше, погремушке, креслу-каталке, барабану. Кем и где произведены эти игрушки, установить пока не удалось.

Как уже упоминалось, основную массу отечественной игрушки до революции производили кустари. В качестве особенностей русской кустарной промышленности исследователи уже давно отмечали ее сельский характер и так называемое «гнездование», т. е. компактное расположение какого-то вида производства в одной местности⁸. Во Владимирской губернии таким «гнездом» по производству деревянных резных игрушек была деревня Богородская, сельцо Ворсково и сельцо Гривино Константиновской волости Александровского уезда. В 1894 году в Ворскове и Гривине производством игрушек на дому занималось 100 мужчин и 70 подростков. Каждый из них за зиму из местного материала вырезал до 1800 штук. Себестоимость игрушки составляла 2 коп., а сбывали их по 3 коп. в Москву. Еще один мастер, нарабатывавший до 100 руб. в год, работал в д. Березино Тирибревской волости того же Александровского уезда и свои изделия продавал тоже в Москву⁹. Стоимость богородских игрушек по данным на 1912 год колебалась уже от 9 коп. до 20 руб. Ассортимент был весьма разнообразным, включал 174 наименования, где были звери, наездники, пистолет с мушкетом, развод солдат, бодающи-

еся барашки, суфражистки, броненосец, шествие царицы и многое другое¹⁰. Игрушки крупными партиями сбывались в Сергиевом Посаде (на сумму до 4200 руб.)¹¹. Игрушки из Александровского уезда были известны и за границей. Газета «Муромский край», например, несколько раз сообщала: «В Германии... наблюдается большой спрос на дешевые деревянные изделия, главным образом, на деревянные игрушки»¹²; «Игрушки раскупались нарасхват. Большинство посетителей (Русской кустарной выставки в Берлине, март 1914 года. — Л. Г., Ю. С.) возвращались с выставки с игрушками»¹³; «На значительный и постоянный спрос в Германии могут рассчитывать всевозможные игрушки»¹⁴. Однако эти игрушки радовали не только столичных жителей и иностранцев. Довольно крупными партиями их привозили на Муромскую ярмарку, о чем писала та же газета: «Идет бойкая торговля игрушками кустарей Александровского уезда»¹⁵.

В селах Исаково, Большое и Малое Маркушино, Набережная делали санки и продавали их в основном в Коврове и лишь частью в других местах¹⁶. Пять мужчин из д. Горки Тейковской волости Шуйского уезда занимались изготовлением лукошек и детских повозок. Материал завозили из Суздальского района, а товар сбывали на базарах Шуйска, Коврова, Суздаля, производя в год до 500 изделий. Производство одной повозки стоило до 150 руб., а ее базарная цена назначалась в 250 руб.¹⁷

Эти игрушки, если и попадали в Муром, то не слишком часто. Чаще в Муроме на базарах можно было встретить детскую плетеную мебель — столик, креслице (по 1 руб.), диванчик (1 руб. 75 коп.) — из корзиночной мастерской села Благовещенского Муромского уезда или «последовательную коллекцию погремушек» (1 коп.) из Санчурской земской мастерской Меленковского уезда. Бережковская кустарная сапожная артель шила покрышки для футбольных мячей по цене 3 руб. 50 коп. (для сравнения — туфли, пошитые в той же артели стоили 2 руб. 50 коп., а сапоги — 6 руб. 50 коп.)¹⁸.

Некоторые кустари и артели, специально не занимавшиеся выпуском игрушек, тем не менее, делали их из отходов своего производства. Муромская жительница Н. П. Вошинина-Ки-

селева (1911-1989) вспоминала, что на Рождественской площади города торговали гончары, которые вместе с «серьезным товаром» в большом выборе продавали глиняную игрушечную посуду, которую ей часто покупала бабушка¹⁹. Надо полагать, что раз такую посуду покупали одной девочке часто, то и стоила она — посуда — недорого. Одной из причин отсутствия на рынке широкого ассортимента местных глиняных игрушек являлось, видимо, то, что во Владимирской губернии (кроме с. Коровина Меленковского уезда) не было естественных залежей пластичных глин. Владимирские глины среднего качества. Изделия из них грубые и ломкие; чтобы довести глину до нужной производственной кондиции, следовало потратить много времени и сил. Причем, если «выкручиванием» посуды занимались мужчины, то лепка одинаковых и дешевых свистулек была женским занятием. Обжигали свистульки вместе с посудой, чтобы рационально использовать все пространство горна²⁰. Однако некоторые исследователи категорически утверждают, что «глиняную игрушку в Муромском крае раньше не делали», правда, речь в этом случае идет о производстве в промышленных масштабах²¹.

Неподалеку от гончаров в рядах, где предлагали столярные и плотницкие изделия, можно было выбрать детские колясочки или что-нибудь из деревянных игрушек²². Вполне возможно, что основными поставщиками были крестьяне Меленковского уезда, значительная часть которых занималась «выделыванием деревянной разного рода домашней посуды²³», хотя, справедливости ради, следует отметить, что несколько ранее «деланием деревянной посуды» занимались «почти все уезды, изобилующие лесом», но особо отличался Муромский²⁴.

Академик живописи Иван Семенович Куликов, уроженец и житель Мурома, «вспоминал об удовольствиях, которые получали крестьянские дети на ярмарке. Им покупали незамысловатые игрушки, вроде деревянных кузнецов, глиняных свистулек, оловянных петушков и дудочек»²⁵.

Еще один канал поставки игрушек на муромский рынок обнаружился благодаря курьезу, описанному в местной газете. Там в разделе «Ярмарочная жизнь» сообщалось: «Привлекаются к ответственности: по ст. 169... крестьянина с. Ка-

рарчарова А. П. Сасина за кражу *металлической гремушки* (курсив наш. — Л. Г., Ю. С.), стоящей 35 коп. из лавки игрушек на ярмарке крестьянина Ковровского уезда И. Ф. Казакова»²⁶. Житель Ковровского уезда появился на Муромской ярмарке не случайно: еще в середине XIX века жители этого района славились «предприимчивостью особого рода: они развозят мануфактурные изделия по ярманкам, в разные внутренние губернии... Этот промысел называется *ходобство*... Число офеней в уезде показано до 4000 человек, а торговые их обороты до 6 млн. руб. серебром»²⁷. Так что можно не без основания полагать, что игрушки в Муром попадали и благодаря мелочным разносчикам.

Дорогие фабричные игрушки можно было выписать из другого города или, судя по рекламным объявлениям, приобрести в магазине Г. И. Когана²⁸ и в «книжном и писчебумажном» магазине Н. П. Мошенцевой²⁹. Об ассортименте судить трудно. В рекламе Мошенцевой, например, говорится о детских играх и заводных игрушках. В то время основную массу поступавших в российскую продажу игрушек составлял импорт из Франции, Германии, Англии. Народные игрушки все более вытеснялись игрушками западноевропейского образца³⁰. «Лишенная руководства, стихийно развивавшаяся местная фабричная и кустарная промышленность всецело попадала под влияние иностранного капитала и чуждой народному искусству капиталистической культуры. Ассортимент игрушек, выброшенных на рынок земством, был слишком ничтожен в сравнении с огромным потреблением игрушек в России. Частные мастерские и фабрики, работавшие по немецким образцам, не могли конкурировать с дешевизной и роскошью немецкой игрушки. Создавшееся положение приводит к тому, что гегемоном на русском игрушечном рынке начала XX в. становится Германия»³¹. (В Германии в это время существуют следующие развитые производства игрушек: Дрезденские мастерские художественного ремесла, Дрезденские мастерские немецкой обстановки; Венские, Бременские и Любекские мастерские; Мюнхенские объединенные мастерские; в Мюнхене же — производство кукол М. Каулица; в Шарлоттенбурге — куклы К. Крузе; кроме этого действует игрушечная мастерская

профессора К. Сутера, а также кустарные производства в Рудных горах в Саксонии и в Зоннеберге, где изготавливаются изделия из дерева, папье-маше и картонажа, и фабрики в Нюрнберге по производству оловянных и жестяных игрушек и кукольных домов). В среде российских исследователей эти игрушки особого интереса не вызывали. Отношение к ним, скорее, напоминало современное отношение к Барби. В середине 1990-х годов во время музейной закупочной экспедиции в соседствующий с Муромом г. Меленки пожилая жительница, дочь бывшего местного купца, показала нам три фарфоровые куклы, которые ее отец еще до революции заказал для нее в Париже. Продать их в музей она отказалась.

В небольшом количестве по западноевропейским образцам делал кукольную посуду Кузнецовский фарфоровый завод. Фарфоровые головки для кукол формовались на фабриках Бенуа и Хотьковской, которые затем, как это было на кукольной фабрике Журавлева и Кочеткова, монтировались с шитым туловищем. Такой же «сборкой» занимались и кукольные артели³².

В зажиточных семьях такие игрушки обычно дарили детям на Рождество³³, Пасху. По воспоминаниям философа М. В. Безобразовой (1857-1914) — в данном контексте для нас важно не столько ее отношение к куклам, сколько возможность узнать, какими эти куклы были — она «не только никогда не играла в куклы, но возненавидела повод, по которому их дарят — елку. На елку приезжали те старшие родители, для которых мои молодые родители не были законодателями и не могли им сказать: „не дарите“. Эти старшие заваливали меня, как первенца, аршинными куклами, их кроватками, шкапиками и другой дребеденью»³⁴. Хотя М. В. Безобразова и не жила в Муроме, ее воспоминания достаточно типичны для того времени. В муромских семьях также было принято дарить детям рождественские и пасхальные игрушки. Это, конечно, были не ювелирные шедевры Фаберже, но все же... «Воспитательница... всем нам подарила по яйцу, сделанному необыкновенно красиво. Скорлупа была ровно разрезана на две равные части и выклеена изнутри шелком. На шелке стояла маленькая картиночка ангела, над ним небо, под ним трава. Снаружи яйцо было в бархате. Оно открывалось и закры-

валось, как дверка. Все было сделано ее руками», — вспоминает Киселева-Вощинина³⁵.

Активная реклама игрушек в газете — «Покупайте к празднику» — приходится как раз на предрождественские и предпасхальные дни, причем размещалась она на первой странице³⁶. В 1914 году Пасха была 6 апреля, поэтому пик объявлений начался со второй половины марта. Перед летним выездом на дачу ассортимент игрушек менялся. Магазин Н. П. Мошенцевой, например, в это время предлагал «летние садовые и детские игры»³⁷. Выезжая на дачу, детские игрушки обязательно вывозили с собой³⁸. М. В. Безобразова вспоминала, что «летом разыгрывалась фантазия матери. С нетерпением ждала я своих именин, зная, что она готовит мне сюрприз. Но то, что она дарила, всегда превосходило мои ожидания. За деревянным топором следовала маленькая соха с железными лемехами... в которую я впрягала братьев; и, наконец, явилась коса, в сообществе бруска в брусочнице и молотка с бабкой»³⁹.

Еще одним производителем игрушек были монастыри с традиционно группировавшимися вокруг них ремесленниками, которые изготавливали игрушки и для массовой продажи, и на заказ⁴⁰. Следует отметить, что уже в те времена их продукция носила оттенок сувенирной, т. е. предназначалась не только для игры, а иногда и совсем не для нее. Наиболее известным и крупным поставщиком игрушек был промысел, сформировавшийся на основе производства богородицкой игрушки у Троице-Сергиева монастыря в Сергиевом Посаде.

На заказ игрушки делали в швейных мастерских муромского Троицкого монастыря. Н. П. Вощинина-Киселева вспоминала: «Я со своей Кокой ходила (в монастырь. — Л. Г., Ю. С.) к монахини матушке Нине... Занималась матушка Нина стежкой одеял и шитьем тряпичных кукол. Для нашей большой семьи бабушка заказывала и то и другое... Лица кукол вышивали цветными нитками. Куклы были очень прочными. Здесь же можно было заказать для кукол платье и пальто. Все выполнялось тщательно и красиво. Пальто отделялись меховой опушкой... Помню, у меня была кукла-девочка, а у Лени — кукла мальчик»⁴¹. Показательно, что Н. П. Вощинина-Киселева также от-

мечает, как в Муроме на Рождество детям дарили нарядных дорогих кукол, однако куклы из Троицкого монастыря «были очень хороши, и мы любили играть ими больше, чем фарфоровыми»⁴².

Самодельные игрушки делались, прежде всего, к Рождеству как украшения на елку. Эта традиция еще многие десятилетия сохранялась в Муроме. Н. П. Воцинина-Киселева вспоминала, что игрушки ее научила делать воспитательница: «Дети клеют, как умеют, игрушки для елки... К елке мы сами делали игрушки... Потом, уже будучи школьницей, я всему... учила своих младших братьев и сестер, когда мы клеили игрушки для своей домашней елки... Елки были необыкновенно красивы. Дети нарядные, как дорогие куклы, которые они получали в подарок»⁴³.

Кроме того, были самоделки и для повседневных игр. Например, сосед Воцининой-Киселевой, восьмилетний Шурик, «очень хорошо рисовал, лепил из пластилина... глины и строил из всякого материала все на свете. Его изделия были так хороши, что их не ломали. Помню много кораблей и кораблик с хорошо выделанными мелкими деталями: якорями, мачтами, цепями, канатами; дома и замки из глины и песка в саду... Он построил даже настоящий маленький домик в саду. В доме было две или три комнаты и настоящая кирпичная печка, которую можно было топить»⁴⁴.

Места для игр выбирались самые разные, но предпочтение, конечно же, отдавалось укромным уголкам: «Верх амбара использовали для лишних в доме вещей... (ах, какое это было желанное место для детских игр!)»⁴⁵. А В. К. Зворыкин вспоминал, что в огромном доме отца, великоватом даже для их немалой семьи, дети любили пробираться в незанятые комнаты и устраивать игры там⁴⁶.

Историю России первой половины XX века можно рассматривать как непрерывную цепь потрясений. Столетие началось жестокой мировой войной, перешедшей в социальную революцию, которая, в свою очередь, переросла в гражданскую войну. Военные и политические катаклизмы привели экономику страны к полной разрухе.

По установившемуся в последние годы публицистическому обыкновению, в спаде производства игрушек в России первых десятилетий XX века

следовало бы обвинить октябрьскую революцию, однако на самом деле революция уже «застала игрушечное производство в состоянии крайнего упадка»⁴⁷. Гражданская война только усугубила положение. На некоторое время производство игрушек прекратилось совсем; в лучшем случае, их можно было купить лишь у отдельных кустарей⁴⁸. Дела с игрушками и в стране в целом, и в Муромском регионе обстояли отвратительно.

После октябрьского переворота какие-либо, и без того скудные, сведения об игрушках из муромской прессы практически исчезают. Во всяком случае, до 1923 года. Единственный раз встречается упоминание об игрушках в весьма специфическом контексте, где игрушка рассматривается не как детская забава, а как средство коммерческого обмена, или, говоря современным языком, бартера: «Расширяются промыслы экспортных изделий (Богородская игрушка...) для обмена за границу на необходимые кустарям орудия производства»⁴⁹. Это объявление дал Московский союз производителей трудовых артелей и их объединений «Артель-банк», который в числе своих главнейших предметов производства и торговли декларировал, в том числе, «всевозможные игрушки: куклы, пасхальные и елочные приборы»⁵⁰.

Оно и понятно, о каких игрушках может идти речь, когда в 1922 году в Муроме, например, «за весь учебный год Усоцвос из скудных запасов прошлых лет и незначительных поступлений из Губстнароба осенью 1921 года распределил всего лишь по несколько десятков книг самого разного содержания, по 40-50 шт. карандашей, небольшое количество чернил; на волость по 4-8 листов бумаги на 1-го учащегося. Перья, мел совершенно отсутствовали». Это эвфемистично называлось «дефектом в работе»⁵¹. Достаточно сказать, что на 455 страницах рекламы формата А4 справочной и адресной книги «Вся Россия» за 1923 год игрушки упоминаются всего пять раз — три в Москве [Универсальный магазин Мосторга (Мум) — бывший Мюр и Мерилиз; Иногородняя экспедиция товаров («деньги высылать вперед»); «Артель-банк»]; один в Петрограде (магазин № 1, Гостиный двор — «художественные игрушки, цены вне конкуренции»), один в Берлине (международное торгово-промышленное общество «Индустрелла» — игрушечные товары, экспорт во все

страны); числится еще заготовительная контора по кустарно-художественным изделиям в городе Сергиеве «Отдела внешней торговли при Московском совете РК и КД и Московском отделении Государственной Экспортно-импортной конторе при НКВТ»⁵². Такая же книга на 1923-24 гг. четыре раза упоминает о продаже игрушек в Москве (Государственный трест резиновой промышленности «Резинотрест» продает мячи и принимает заказы на них; Центральное торгово-промышленное управление Всероссийского комитета помощи больным и раненым красноармейцам и инвалидам войны при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете Советов «производит на собственных заводах... по заказу всевозможные игрушки из дерева, папье-маше и картона»; оптово-розничный магазин в Столешниковом — игрушечные и кустарные изделия; Торговый отдел МОНД — игры и занятия для детских домов); по одному — в Оренбурге (в магазинах Государственного издательства КССР «громдный выбор» игрушек) и Нижнем Новгороде (Губернский союз потребительских обществ предлагает игрушки фабрики «Националь». Рекламируются еще музей игрушки в Загорске (Сергиевом Посаде) и «лечебница» кукол Н. Шумского в Москве⁵³).

В числе многих глобальных целей, которые в первые десятилетия существования поставило перед собой советское государство, не последнее место занимал вопрос воспитания нового коммунистического человека. «Идеи марксизма-ленинизма об общественном воспитании и охране материнства и младенчества легли в основу политики Коммунистической партии и правительства в области просвещения и стали проводиться в жизнь. Дошкольное воспитание было включено в систему народного образования. Стала создаваться широкая сеть яслей, детских садов», — с чувством глубокого удовлетворения писала в 1969 году О. А. Фролова⁵⁴. Буквально через несколько дней после революции, 20 ноября 1917 года, Наркомпросом была опубликована «Декларация по дошкольному воспитанию», где общественное воспитание детей с момента их рождения объявлялось насущнейшей задачей⁵⁵.

Советское государство, декларирувавшее себя как государство нового типа, занялось строительством и нового типа экономики, причем, создать

ее предполагалось в невероятно краткие сроки. Основными задачами, поставленными в этот период, были индустриализация и коллективизация страны с далеко идущими фантастическими планами. «В промышленности, — писал в 1929 году идеолог новых планов Л. Сабсович, — (за один 1942/43 год. — Л. Г., Ю. С.) мы должны будем построить такое количество фабрик и заводов, — которые по стоимости их в ценах 1927/28 г. (а, следовательно, и по физическому объему) будут превышать стоимость всех ныне существующих фабрик и заводов в 5-6 раз, а размер капитальных работ 1927/28 г. будет превышать в 33 раза. Другими словами, если капитальное строительство, крупной промышленности 1927/28 г. по своим размерам равнялось примерно 7,5 Магнитогорским заводам, то капитальное строительство одного 1942/43 г. будет равняться постройке примерно 240 Магнитогорских заводов... Число рабочих должно будет увеличиться за 10 лет примерно в 4,5 раза»⁵⁶. Аналогичные перспективы намечались и для сельского хозяйства.

Грандиозные планы требовали огромного количества рабочих рук. В связи с этим вспомнилась и утопическая идея «обобществления быта». Согласно ей освобождение населения от бытовых и семейных забот должно было позволить народу активнее включиться в общественное производство. «Условия быта должны быть изменены прежде всего в том направлении, что должно быть уничтожено индивидуальное домашнее хозяйство, тот „домашний очаг“, который всегда являлся и является источником рабства женщины... даже при весьма быстром поднятии производительности труда недостаток в рабочих руках может быть преодолен через 15 лет только при том условии, если все трудоспособные в возрасте от 21 до 49 лет — и мужчины и женщины — будут заняты общественно-обязательным трудом... Воспитание детей с самого раннего возраста может быть рационально организовано только как общественное воспитание... В социалистических условиях, при обобществлении воспитания, дети уже не будут являться „собственностью“ родителей: они будут „собственностью“ государства, которое возьмет на себя все задачи и заботы о воспитании детей... дети не будут жить вместе с родителями.

С самого же рождения они должны быть помещены в специальные „дома ребенка...” В результате женщина раскрепощается подлинно и полностью и становится действительно равноправным мужчине работником»⁵⁷. Таким образом, «население рассматривается как рабочая сила, на содержание которой следует тратить как можно меньше средств. Минимальное жилье, казенная типовая мебель, минимум бытового оборудования. Дети воспитываются в детских домах типовым образом. Так на них тратится меньше ресурсов... В идеале советским людям не следовало тратить ни времени, ни средств на личную, индивидуальную жизнь и на воспитание детей»⁵⁸.

Общественное воспитание детей преследовало несколько явных и скрытых целей. Во-первых, предполагалось не только оторвать детей от влияния семьи, но и сделать их проводниками новых идей в «тесный домашний мирок»; таким образом «общественно воспитанные» дети займутся перевоспитанием идейно несознательных взрослых. Во-вторых, избавление родителей, и, в первую очередь, матерей от необходимости заботы о детях, позволяло им активно включиться в общественное производство, высвобождая огромное количество рабочих рук. В-третьих, «правильно организованное» общественное воспитание требовало гораздо меньше материальных затрат из расчета на одного ребенка, тем более, что и родители должны были вносить свою лепту деньгами, то есть в масштабах страны можно было сэкономить колоссальные средства и пустить их на более актуальные, с точки зрения партии и государства, нужды⁵⁹.

«Развертывание сети дошкольных учреждений — детских садов, площадок и комнат, — писал „Муромский рабочий” со ссылкой на газету „Правда”, — превысило все предположения в первой пятилетке. В 1932 году в детских садах и на площадках РСФСР воспитывалось свыше 570 000 ребятишек. (ЦСУ СССР указывает несколько иные цифры — 1 061 700 детей. — Л. Г., Ю. М.)⁶⁰. План дошкольного воспитания перевыполнен в десять раз. На дошкольное воспитание по РСФСР в 1932 году затрачивается около 1 млрд. руб. Во второй пятилетке предполагается введение всеобщего дошкольного коммунистического воспитания детей и в городе и в деревне. В городах и фабрично-заводских поселках стопро-

центный охват детей всеми видами дошкольных учреждений будет осуществлен уже в 1933 году. Стационарными детскими садами в 1933 году будут охвачены все дети из рабочих семей в городах, на новостройках, транспорте и в районах ведущих отраслей промышленности. В 1937 году в дошкольных учреждениях РСФСР будет находиться свыше 13 млн. детей в возрасте от 3 до 6 лет... На дошкольное воспитание во второй пятилетке будет вложено около 17 млрд. руб. Около 5 млрд. будет отпущено по финплану, *остальные — средства самого населения и общественных организаций* (курсив наш. — Л. Г., Ю. С.)⁶¹.

Идеологические и прочие установки партии и государства не соответствовали реалиям жизни, но, поскольку ставилась задача строительства нового мира, само собой подразумевалось, что на эти несоответствия не стоит обращать внимания, а брать их в расчет следует только для того, чтобы их разрушить. Однако идеальные цели, провозглашенные в верхах, в провинции словно отражались в кривом зеркале, принимая зачастую карикатурные и анекдотические формы. Как на самом деле претворялся в действительность лозунг «Все лучшее — детям», хорошо видно на материалах провинциальной прессы.

Трудно сказать, насколько радужная статистика соответствовала действительности. Указания сверху, конечно же, исполнялись на местах. Однако, как и насколько они претворялись в жизнь, хорошо видно из материалов муромской городской прессы того времени. Установка на изменение роли семьи в обществе методично доводилась до населения. «Работница всегда была связана по рукам и ногам с узкосемейными обязанностями, заботами — это в немалой доле также способствовало ее закреплению, отсталости от передовых слоев рабочего класса, ее слабому развитию... находилась под гнетом двойного рабства: с одной стороны — под экономически-политическим и узко-семейным — с другой... Для того, чтобы женщина-труженица могла занять равное место в рядах пролетариата рабоче-крестьянская власть помогала и помогает женщине освобождаться от наследия царского строя — семейного рабства — путем организации общественных столовых, детских домов, садов, яслей и т. п.

Сеть вышеуказанных учреждений, при не-

посредственном и активном участии работницы и крестьянки, все в большей и большей степени раскидывается по СССР... Перед работницей и крестьянкой открыты все пути, которые раскрепощают ее от семейного рабства — наследия прошлого, старого быта», — 7 ноября 1924 года писала в газете «Красный Луч» Г. Горбунова⁶². «Не прошла революция бесследно и для семьи. Целый ряд заметок, помещенных в „Красном Луче“ (1924 г. — Л. Г., Ю. С.) ярко свидетельствуют, что мы имеем на лицо начало конца былой власти отца и матери над детьми. Даже в деревне все чаще и чаще дети сами распоряжаются своей судьбой... Женщина все более осознает необходимость своего раскрепощения от печи, пеленок, претендует на те же права, которыми пользуется мужчина. Это явление общее для СССР, но есть и у нас в Муроме. Организация общественных и доступных всем столовых, прачечных, детских яслей, детдомов и т. п. — вот те условия раскрепощения женщины, которые наметила революция в других местах, — а далее автор как бы между делом замечает, — и которые даже частично у нас не разрешены. Ни для кого не секрет, что даже те детдома, которые созданы для беспризорных детей — влачат жалкое существование (курсив наш. — Л. Г., Ю. С.)»⁶³. С неизбежной обреченностью возникает вопрос: «А что же на самом деле было по сравнению с условиями, заявленными в первой половине заметки?» Картины того, что было, рисуют в местной прессе самые разные авторы. Радетель общественного воспитания пишет в «Приокском рабочем»: «Несмотря на то, что воспитание ребенка, как будущего члена коммунистического общества, должно начинаться с первых же дней его рождения, у нас дошкольное воспитание детей в загоне. Дети дошкольного возраста воспитательной работой через дошкольные учреждения охвачены только на 1/2 процента... Государство же больше средств, что оно дает и намерено дать за пятилетку, в связи с расходами на индустриализацию страны, дать не может. Необходимо помощь со стороны общественности, со стороны населения»⁶⁴. Следующие авторы просто кипят от негодования: «Ни один возраст у нас так не обижен общественным воспитанием, как пред-дошкольный и дошкольный. Школ в округе насчитывается свыше 500, политпросветучрежде-

ний более сотни, а детсадов и д/очагов мы имеем только 6 с 385 детьми, тогда как всех дошкольников в округе числится 76 098 чел... Но это не все. Одна из наших основных задач, — это задача раскрепощения женщин... Все на борьбу за общественное воспитание дошкольников!»⁶⁵. «С детским дошкольным воспитанием в нашем округе дело обстоит плохо, — пишет следующий автор. — В Муроме на 22 тыс. населения — 1 детсад. Летом дошкольная работа несколько улучшается: при предприятиях и учреждениях организуются детплощадки... обнаружены ненормальные явления в детучреждениях... На дошкольную работу наши учреждения, в том числе и ОНО привыкли смотреть, как на дело последней важности. В бюджете отдела образования дошкольному воспитанию отводили всего лишь один процент. Это одно уже не давало возможности развернуть работу»⁶⁶.

Неожиданно оптимистично на этом фоне выглядит заглавие еще одной заметки — «Детский сад пользуется авторитетом». Однако ее содержание настраивает совсем на иной лад: «В детсаде при с. Дмитриевской слободе состоялось родительское собрание, на котором выявился ряд недочетов в его оборудовании. Стены и пол в детсаде грязные, штукатурка около печей обвалилась, скамейки и столы большие, неуклюжие... Учебных пособий не хватает. Нет ни кубиков, ни игрушек. Несмотря на недостатки, детсад завоевал авторитет среди крестьянок. Многие желают отдать своих детей в детсад, но не позволяют размеры помещения»⁶⁷.

Следующие два года положение не меняется. «Ни одна организация не подошла к делу дошкольного похода по-серьезному: все проявили возмутительную неповоротливость, допустив дошколят ходить по улицам беспризорными, купаться в пыли и помойках. Матери же, обремененные семьями, не могут полностью включиться в социалистическую стройку... спиртоводочный завод не дает ни одной копейки на содержание площадок. Так же поступает маслозавод, толевая фабрика и другие»⁶⁸; «Наиболее отстающим разделом культработы является дошкольное воспитание. Особенно плохо оно по сельской местности. Из 10 600 детей дошкольного возраста, мы имеем охваченными дош. учреждениями всего лишь 100 человек... До сих пор не проработали

еще вопроса об организации летних дошкольных площадок»⁶⁹; «В начале марта были обследованы все дошкольные учреждения стационарного типа. Обследование... выявило ряд недостатков в работе... помещение д/с при жакте „Коммунар“ не соответствует своему назначению... Большую работу проделала секция по мобилизации средств общественных организаций на дело дошкольного воспитания»⁷⁰, — продолжают писать газеты. При этом итоговая статья за 1931 год рисует вполне приемлемую картину: «Дошкольный поход, объявленный в 1929 г., оправдал себя вполне... В 1929 году мы имели охват по городу детсадами 100 чел., детплощадками 290, всего 450 чел. (хотя если к ста прибавить двести девяносто будет триста девяносто. — Л. Г., Ю. С.), по селу детсадами 70 чел., детплощадками 30. В 1930 году по городу было охвачено детсадами 340 чел., детплощадками 1050 чел., по селу детсадами — 90 чел., детплощадками — 150 чел. В 1931 году мы уже имеем детей, охваченных по городу детсадами 587 чел., детплощадками 1073 чел. И по селу: детсадами охвачено детей 90 чел., детплощадками 1827 чел. Но этот рост далеко неудовлетворительный. Он отстает от роста потребностей в дош. учреждениях... резерв безнадзорной детворы продолжает расти... Мешает делу развертывания сети дошкольных учреждений недостаток средств... С большим трудом была развернута летняя сеть дошкольных учреждений, план не выполнен на 550 чел.»⁷¹. Складывается впечатление, что в городе, говоря современным языком, проходит некая PR-акция по поводу дошкольных учреждений. Чем она вызвана — мы не знаем, но в следующем номере уже сами работники дошкольных учреждений рассказывают, как они воспитывают дошколят. На детплощадке, например, «воспитывают детей в политическом духе. Дети так же, как и вся пролетарская общественность, участвует в выполнении пятилетки. Детплощадка жакта „Коммунар“ провела коллективную подписку на заем „Третьего, решающего года пятилетки“ на сумму 40 руб. 50 коп. Кроме того, дети Всеславин и двое Горшковых подписались индивидуально по 5 руб. в пользу детплощадки»⁷² (заметка называется «Строители социализма»). В городском детском саду «в педагогической работе дети приобрели навыки ориентировочно-исследовательские, элемен-

тарно-двигательные, речевые и навыки грамоты и счета, культурно-гигиенические, коллективные, трудовые (в малом виде) и дисциплинарные. Политические вопросы освещались перед ребятами в революционных праздниках и в общении с прикрепленными к ним пионерами. Антирелигиозная работа велась в попутных беседах с детьми... Условия работы городского сада тяжелы, занимаемая площадка неудобна, мебель не отвечает требованиям детей, сад неудобен и тем, что он обслуживает детей 4 часа, нужно бороться за то, чтобы обслуживать детей в течение 8 часов»⁷³.

И в последующие годы обстановка не улучшилась, хотя «Муромский рабочий» сообщал, что «в 1932 году по Мурому было 11 детсадов (стационарные учреждения) с количеством 714 детей, в 1933 — 12 детсадов с количеством 988 детей. Имеется вечерняя деткомната. По деревне летних площадок в 1932 году было 18 с охватом 300 детей, в 1933 году намечено 42 с охватом 1600. Летней сетью детплощадок по городу в 1932 году было охвачено 500 человек, а в 1933 году детплощадками намечено охватить 650 детей... По нашему району есть образцовые дошкольные учреждения, например, деточаг фабрики „Красный Луч“. Он укомплектован квалифицированными кадрами. Налажено правильное воспитание детей»⁷⁴. Но члены депутатской группы и актив женщин-ударниц одной из фабрик тут же жалуются: «Наша фабрика систематически не выполняет производственные программы... Фабрика не имеет своих детяслей, в то время, как на фабрике применяется исключительно женский труд. Решения об открытии детяслей не выполняются»⁷⁵. Далее жалобы льются потоком. «В районе с развертыванием дошкольного похода плохо. Намечено охватить по району площадками по городу 2000 детей и по деревне 2500. Но дальше этой наметки не двигается. Нет средств, нет кадров, нет инвентаря, помещений... Средств по бюджету на дошкольное дело не отпущено»⁷⁶. «Детсад 41 полка — вместо намеченных по плану 50 детей охватил всего 32. Не дают детей в сад потому, что сад работает безобразно. Руководительницы Хромова и Кутовая не сумели поставить там воспитательную работу, не могут заинтересовать детей, в результате получается среди детей дебоширство, бросаются табурет-

ками, дерутся. Хромова детей воспитывает тем, что таскает их за уши. Районо, прекрати эти безобразия»⁷⁷. «В плохом состоянии находится детплощадка Горжилсоюза... Неважно с питанием, часто были перебои по снабжению ребят белым хлебом и сахаром. По утрам ребята кушали только черный хлеб с кипятком... С 20 декабря от отсутствия дров площадка закрыта»⁷⁸. «Детясли при жакте № 1 находятся в антисанитарном состоянии. Помещение рассчитано на 40 человек детей, а помещается 58 человек. Изолированной уборной нет, судно находится в общем коридоре, вонючий воздух разносится по всем комнатам... Не имеется ванны и сушильни для белья. Обслуживающий персонал неквалифицированный... Пища в большинстве однообразна»⁷⁹. «В Санниковском колхозе в мае месяце были открыты детясли. В ясли детей носили от случая к случаю, потому что за детьми там никто не смотрит. Дети падают с коек, ходят по улице и собирают всякую нечистоту... Есть случаи, когда ребенка принесут в ясли, а детясли на замке»⁸⁰. «Права тов. Палкина, которая в своем письме в „Горьковскую коммуну“, отмечает, что в детяслях и детсадах Муроме еще есть целый ряд безобразий. „Отдаешь хорошего, здорового ребенка — пишет т. Палкина — через 2 недели он уже неврастеник, приносит домой нездоровые навыки“. Чем объяснить такое явление? Прежде всего... недостаточным контролем и вниманием окружены детучреждения. Благодаря безответственности руководителей, детучреждения часто остаются материально необеспеченными. Плохое воспитание, скверные жилищные условия, плохой подбор кадров — вот корни от которых идут эти нездоровые явления... Задача каждой организации... организовать борьбу за здоровых коммунистически-воспитанных детей. Малыши этого требуют!»⁸¹. «В течении пяти лет тянется волокита об открытии детяслей для детей кустарей Муроме... В промкассе имеется достаточно средств на открытие и содержание детских яслей. Весь вопрос упирается в помещение. За последнее время вынесены новые решения... что в строящемся здании под контору промкаassy будут отведены комнаты и для детяслей. Дом построили, а комнаты, предназначенные под ясли, использовали под квартиры служащих. Правление Муркустпромсоюза и Древхимсоюза совершенно не интересуется

указанными фактами»⁸². «В нашей стране дети трудящихся окружены исключительной заботой и вниманием со стороны партии и правительства. На организацию детских учреждений (детсады, ясли и т. д.) отпускаются огромные средства... К сожалению, партийные, профсоюзные и хозяйственные организации, райздравотдел (тов. Марин), районо (тов. Боровков) мало интересуются работой детских площадок, яслей, детской амбулатории, больницы... Только этим можно объяснить, что детские очаги на Фанерном заводе, на фабрике им. Войкова... имеют крупнейшие недостатки, не обеспечены всем необходимым для нормальной работы»⁸³. «К великому сожалению, у нас в Муроме забота о ребенке далеко недостаточна. Многие руководители общественных организаций еще не осознали всей важности вопроса воспитания детей. Часто приходится доказывать хозяйственникам и профсоюзным работникам необходимость организации, укрепления и оказания помощи ячейкам ОДД (Общество „Друг детей“ — Л. Г., Ю. С.) на производстве. Они забывают, что работа добровольных обществ должна стоять в центре внимания профсоюзной работы»⁸⁴.

Не вдаваясь в детальный анализ ситуации, отметим только, что приведенные материалы не являются тенденциозной выборкой — использовались все, опубликованные в газетах, заметки.

В пылу теоретических дискуссий, обсуждавших педагогические методы, способы, приемы, на такую мелочь, как игрушка, теоретики революционного воспитания не сразу обратили внимание. Тем более, что и до революции игрушка в нашей стране также по большей своей части выпадала из поля зрения педагогов, а ее производство и импорт были пущены на самотек.

Однако работники детских учреждений, на местах проводя в жизнь спущенные сверху циркуляры, постоянно жаловались на недостаток игрушек. С 1923 года в муромской городской прессе изредка появляются заметки, авторы которых, руководимые здравым смыслом, пытаются обратить внимание общественности на проблему игрушек. «В д/с до 150 чел... К сожалению, отсутствие необходимых пособий и детских игрушек немного затрудняет работу»⁸⁵ (1923); «В детских же площадках и садах все дети от 2 до 6 лет

пользуются надлежащим присмотром, и где их забавляют разными играми, и куда нужно отдавать все, у кого имеются детские игрушки для общего пользования»⁸⁶ (1924); «В детсаде при с. Дмитриевской слободе... учебных пособий не хватает. Нет ни кубиков, ни игрушек»⁸⁷ (1929).

С начала тридцатых таких заметок становится заметно больше (если с 1923 по 1931 годы их было всего три, то с 1932 по 1934 — одиннадцать). «Недостаточно учебных пособий и игрушек»⁸⁸ (1932); «В Бердищевских яслях плохо... даже игрушек нет»⁸⁹ (1932); «Необходимо при яслях иметь игрушки это стоит недорого»⁹⁰ (1933); «Хорошо сделанная игрушка имеет большое воспитательное значение. Через нее ребенок учится понимать и осмысливать окружающий его мир. Игрушка отвлекает его от шалостей, наводит на путь размышлений и т. д. К сожалению, игрушка в муромские дет-очаги еще не пробилась себе дорогу. Взять хотя бы для примера детскую больницу... Ни детских журналов, ни игрушек в больнице нет. То же в детяслях. Здесь дети такого возраста, при котором необходима игрушка, а все же ни зав. яслями, ни инспектор охраны матери и ребенка т. Русакова мер к приобретению игрушек не принимают. Ссылки на отсутствие средств совершенно неосновательны. Любое предприятие, дети работниц которого обслуживаются яслями, пойдут навстречу, стоит только поставить вопрос перед родителями, заводскими комитетами и средства на игрушки будут»⁹¹ (1933); «...игрушек недостаточно (ясли „Красный Луч“. — Л. Г., Ю. С.)»⁹² (1933); «Детсад горжилсоюза рассчитан на 115 человек... Никакой системы в работе нет. Часто дети предоставлены сами себе, шалят и, вооружившись вениками, метут пол, поднимая массу пыли... сейчас необходимо детсаду отеплить уборную, приобрести клеенки, игрушек... но средств на это жилсоюз не отпускает, а игрушки работники из жилсоюза считают „мелочью”»⁹³ (1933); «Дмитриевослободской детский сад обслуживает детей работниц фабрики им. Войкова и детей колхозников... Помещение сада неуютное, стены голые... Воспитательная работа поставлена слабо... Игрушек почти нет, а ведь хорошая игрушка имеет большое воспитательное значение»⁹⁴ (1933); «Детплощадка оборудована всем необходимым... Ощущается недостаток в игруш-

ках»⁹⁵ (1934); «На полу лужи, ребята-ползунки размазывают их напыленными деревяшками и руками. Другой забавы для них нет»⁹⁶ (1934); «В Прудницах работа детсада поставлена хорошо... Комсомолец Крючков сделал для детей детсада кубики из дерева, тачки... Плохо обстоит дело в Новошинском колхозе... Детплощадка... не имеет игрушек»⁹⁷ (1934); «Особенно резко стоит вопрос о воспитании детей. Нет специальных сотрудников, наглядных пособий, игрушек... Все это накладывает на детей отпечаток умственной отсталости»⁹⁸ (1934). В организованном для ста пятидесяти ребятишек детском саду игрушек просто не было. Однако руководство констатировало, что это лишь «немного затрудняет работу»⁹⁹. Показательно, что, авторы некоторых заметок требуют уже не просто игрушек, а игрушек «хороших».

Всплеск корреспондентской активности обусловлен не только тем, что в стране в массовом порядке стали создаваться дошкольные учреждения. Второй причиной, вызвавшей корреспондентскую активность, стало выстраивание государственной политики в отношении игрушек. Естественно, что основным требованием к игрушке стал ее классовый характер: «Надо перестать говорить о внеклассовом ребенке и всюду в первую очередь выявлять не половые, не возрастные особенности, а классовую принадлежность... И с ребенком рабочего, кулака, интеллигента надо, видимо, работать по-разному»¹⁰⁰. Сверхзадача, которую ставила коммунистическая партия — это полное изъятие ребенка из семьи, полное отсутствие семейного воспитания.

Исследования, выборочно проведенные в двадцатых-тридцатых годах, показали крайне низкую обеспеченность детей игрушками и в семьях, и в общественно-воспитательных учреждениях. В 1922 году в Москве из тридцати шести обследованных рабочих семей «следы особой детской жизни нашлись лишь в 9 семьях... Уголок с жалкими игрушками или кучка учебников, рисунков на столе»¹⁰¹. К середине двадцатых годов даже в семьях «политически сознательных» рабочих с тремя и более детьми расход на игрушки не превышал 0,4 % от годового бюджета, тогда как не менее 3 % тратилось на спиртное¹⁰². 9,4 % детей, в 1926 году опрошенных в Мытищинской волости Московской губернии, ответили, что если

бы у них неожиданно появилась большая сумма денег, они бы не стали покупать игрушки, а купили бы платье и обувь¹⁰³. В Горьком (1933; Муром с 1929 года входил в Горьковский край. — Л. Г., Ю. С.) в семьях у детей игрушки в основном самодельные; у девочек это куклы из тряпок и «мебельные гарнитуры» — кровати, столики из спичечных коробок, дощечек, фанеры. Из покупных отмечены диванчики, столы, барыня-кукла, пупс, коровы из папье-маше¹⁰⁴. В непролетарских семьях, как пишет исследователь, «дети-девочки не возражают против семеновской мебели»¹⁰⁵. Обследовав детские уголки различных социальных группировок, автор констатирует, что почти у всех девочек пяти-семи лет были семейные уголки для кукол: тут были «папа» и «мама», и «детки», и «манной кашкой кормят», и «оспochку прививают...»¹⁰⁶ Справедливости ради следует отметить, что покупные игрушки были чрезвычайно дороги. Лошадка из папье-маше величиной 12-15 см стоила 7 руб. 50 коп.¹⁰⁷ Игрушки из жести были еще дороже. В оптовой торговле их цена доходила до 12 руб., а детское ведерко стоило столько же, сколько и настоящее — 1 руб. 25 коп.¹⁰⁸

Обследование дошкольных и ясельных учреждений Горького, Ижевска, Балахны, Йошкар-Олы, Городца в 1933 году показало, что на одного ребенка приходится одна десятая, а иногда и одна двадцатая часть игрушки¹⁰⁹. Ассортимент игрушек на сто детей следующий: набор песочников, ящик мелкого строительного материала, поезд из жести (грубый), несколько птиц и животных из папье-маше, деревянные пароход, лодки, коляски, мельница, матрешки (семеновские), кубики с картинками; две-три настольных игры; «обязательная» пирамида из колец¹¹⁰.

При этом игрушками, которых так не хватало в дошкольных учреждениях, к началу тридцатых годов были затоварены многие торговые точки Мурома, и это несмотря на то, что кустарные артели нередко не выполняли план («Красный кустарь» после «чистки», например, выполнил его всего на 5,8 %). «Плохо обстоит дело в ларьке № 1 Нижкустпромторга... Ассортимент товаров в ларьке не ходовой. Большинство: детские игрушки кустарного производства, которые затовариваются неделями»¹¹¹. У строителей Мурома «в магазине... ассортимент товаров: пудра,

барабаны, детские игрушки. Больше ничего там не увидишь»¹¹². «Кооперация формально участвует в проведении колхозных базаров... Вот ларек инвалидов „Розничник” — одни игрушки расставлены по полкам»¹¹³. «Отстает „Розничник”. В его ларьках по-прежнему одни детские игрушки»¹¹⁴. Кстати, «корова из папье-маше» в 1931 году была приобретена «в Муромском Ларьке № 11» для экспозиции общественно-экономического отдела Муромского краеведческого музея, но, к сожалению, до наших дней не сохранилась¹¹⁵.

В Муроме попытались возродить традиционную ярмарку, которая просуществовала несколько лет. «Невелика была в текущем (1929. — Л. Г., Ю. С.) году ярмарка в Муроме, но публики собиралось на нее много... а игрушечники торговали на широкую ногу... Ярмарка таким образом целиком была предоставлена частнику и лишь только два киоска с папиросами было поставлено на ярмарке коопартелью инвалидов, МЦРК (Муромский центральный рабочий кооператив. — Л. Г., Ю. С.) в свою очередь мог бы выйти с большим успехом на ярмарочную площадь с теми же игрушками»¹¹⁶. Одна из старожилок вспоминает об ярмарочной лотерее: «Лотереи большие были. Я выиграла курочку с яичком. Вот такая вот дощечка и ручка... И, вот так вот крутишь эту дощечку, и курочки клюют зернышки. Вот такая игрушка. Наверно, лет восемь мне было»¹¹⁷. Судя по описанию, это была богородская игрушка.

Время от времени и Муромское отделение Госбанка дает объявления, что «имеются в продаже игрушки. Справиться у т. Антонова», — это госбанк распродает неоплаченные товары¹¹⁸.

Качество же игрушек оставляло желать лучшего. После революции прекратился ввоз в страну импортных игрушек. Во всяком случае, из-за границы в 1923 году «игрушечные товары» предлагало только международное торгово-промышленное общество «Индустрелла». Все это в самом скором времени заставило кустарей увеличить выработку¹¹⁹. С одной стороны, они вроде бы восполняли лагуну в общественном производстве, которому было не до детских игрушек. С другой — при переводе хозяйства «на социалистические рельсы» кустарь был объявлен классовым врагом, рассадником мелкобуржуазной стихии, которого надо

было изжить в кратчайшие сроки. Показательно, что то небольшое число публикаций об игрушке, которое встречается в муромской прессе, — 11 заметок за 11 лет — посвящено ей не как предмету детской забавы, обучения и проч., а как предмету производства и товару.

«В селах Криуша, Пол-Майдан, Тумлейка и некоторых колхозах Вознесенского района вы встретите крестьян, хорошо набивших руку на выделке... детских игрушек... Этот промысел в зачаточном состоянии возник в Вознесенском районе не случайно. В годы разрухи, голода, некоторые группы передовых крестьян, в борьбе за существование, переняли у кустарей-ремесленников способ выделки деревянных кустарных изделий и стали их выделывать, применяя простой ручной токарный станок»¹²⁰. «Пол-Майдан... Умелые быстрые рассчитанные движения токаря на глазах превращают липу в детские игрушки — чугунки, чайные приборы, грибы, цветочницы и т. д., что принято называть турурушками. От этого названия и сами пол-майданцы получили прозвище „турурушечники“. В избе-читальне комсомолка обжигает игрушки. За выжигание она получает 1 р. — 1 р. 20 коп. за сотню игрушек... Один из местных тузов К. П. Волков, руками своих рабочих, вырабатывает около 800 шт. пеналов в неделю. В зависимости от сезона пеналы продаются от 5 до 9 руб. за сотню. В неделю продается на 70-100 руб. или 300-400 руб. в месяц».¹²¹

Однако экономическая политика Советов была направлена против кустаря-одиночки. С 1924 по 1938 гг. в стране проводятся мероприятия по укрупнению предприятий игрушечной промышленности¹²². Под давлением государства часть кустарей разорялась, не выдержав высоких налогов. Из-за этого исчезали целые промыслы, как это произошло, например, с романовской игрушкой¹²³; тульскую игрушку посчитали слишком буржуазной, и ее производство свернулось¹²⁴; другие игрушечные промыслы умирали с закрытием монастырей. В некоторых местах, как, скажем, в Сергиевом Посаде, местные власти предпринимали усилия для объединения кустарей в артели¹²⁵, тем более, что игрушечные артели существовали там и до революции.

Те одиночки и артели, которым чудом удавалось выживать, зачастую выпускали ассортимент,

который больше напоминал политическую сатиру, направленную против нового строя, чем детские забавы¹²⁶. Одна артель под Петроградом, например, у детских скакалок делала ручки в виде повешенных¹²⁷; у других кукла красноармеец и кукла революционный матрос были не иначе, как пьяными; новая деревня представлялась образами разухабистых «Маньки да Ваньки» из папье-маше (Семенов), еще один красноармеец превратился в паяца-копилку¹²⁸. «Современного типажа в куклах мы почти не находим. Если и попадет-ся из тысячи „барышень“ одна пионерка, то на ней — букли, белые завитые локоны, крашенные губы и пр. Попытка в точеной деревянной игрушке дать современный типаж приводит к карикатуре: щеголи-красноармейцы и матросы с усами кверху, стоящие на одной ноге, пионер, ударяющий себя по лицу и т. п.»¹²⁹ (можно предположить, что это игрушка с движущимися руками — пионер отдает салют). В г. Горьком среди игрушечного ассортимента встречались гипсовые статуэтки-пепельницы: «отдыхающий лев с лежащей на нем, тоже в отдыхающей позе, полудетой женщиной. Эта „игрушка“ сходила за куклу со львом и продавалась „для девочек“ 7-8 лет»¹³⁰.

При этом игрушки нередко были сделаны не бесталанно, с юмором и сарказмом, и власть не без основания усматривала в них идеологическую угрозу. Кроме того, ассортимент выпускаемых игрушек во многом повторял существовавший ранее, иногда, правда, курьезно приспособивая его к «политическому моменту». Так, кувыркающийся в кресле клоун стал «физкультурником», а Деду-морозу вручили в руки топор, и он стал лесорубом¹³¹. Большинство настольных игр также повторяло дореволюционные сюжеты: «Цирк», «Вверх и вниз», «Гусек». (Гусек — разновидность одной из старейших настольных игр. Цель игры — проводка своей фишки на игровой доске по определенному маршруту. Расстояние, на которое можно было провести фишку за один ход, определялось броском кости. Обычно в игре присутствуют дополнительные правила, дающие преимущества или налагающие штрафные санкции при попадании фишки на определенное поле¹³². До революции игра была чрезвычайно популярна в России. И. П. Сахаров писал о ней: «Гусек составляет отрадное утешение пожилых людей летом и зимою.

Охотники до этой игры предпочитают ее всем другим, даже шахматной, наслаждаются Гуськом лучше всех утешений... Без всякого сомнения, Гусек занесен к нам с чужой стороны и, как кажется, подарен нам немцами. Здесь только и есть русско-го: постоялый двор и кружало, в которых заметно русское удалство)¹³³.

К последней, например, сделано такое предисловие: «Незавидна доля домашнего гуся: единственное его назначение — быть съеденным, и только незнание своей горькой участи не лишает гуся душевного спокойствия... Иgraя, мы проследим, что приходится испытывать гуся в продолжение его существования на земле»¹³⁴. Приспособленный к веяниям времени вариант этой игры вышел под названием... «Пятилетка». Понятно, почему критик, не скрывая раздражения, усматривает в ней идеологическую диверсию: «Игровой процесс в ней строится на систематическом вредительстве различных типов производств друг другу. Цель вредительства — выполнение пятилетки»¹³⁵. Так же не вызывает вопросов и то, почему Междуведомственный научно-художественный совет по игрушке и игровым материалам в 1930 году из всего репертуара одобрил 16,6 %, временно допустил к производству 25,6 % и забраковал как идеологически и педологически вредные 67,8 %¹³⁶. Из кукол, представляющих различные народы, населяющие Россию — а в новой пролетарской идеологии они получили название «интернациональных типов» — за исключением экспортной куклы Загорской артели остальные признаны абсолютно не приемлемыми¹³⁷. «Интернациональным типам» придавалось большое значение, потому что обычные игровые куклы в рамках теории общественного воспитания были объявлены идеологически вредными и практически запрещены¹³⁸.

Жестяная игрушка Андреевской артели, образцом для которой, по мнению советских специалистов, «служила дешевая немецкая игрушка, безнадежно антипедагогическая, глубоко пропитанная немецким буржуазным духом, антихудожественная по форме и окраске», подверглась острой критике, потому что, например, из 130 названий транспортной игрушки «транспорта грузового и тягового почти нет... на грузовые автомобили приходится 6, на тяговый транспорт (тракторы)

— 3, на лошадиный рабочий транспорт, водовозки — 8 и на колымажки — 6 названий», остальные средства передвижения... почти все легковые или пассажирско-прогулочного типа... Пароход не плавает (для катания по суше), часть игрушек, в том числе с пружинным заводом, с неподвижными колесами... Из жести изготавливаются люди, лошади, бочки, мебель, материал, флаги, бахрома и т. д... Колористическое оформление часто противоречит действительности... 60 названий... — игрушка, изображающая семейную обстановку: мебель... — золоченая... и венская...; умывальники — с камином, зеркалом и т. д.; комнаты с мебелью...; ванны разных размеров на ножках и без; кровати; коляски для детей; плиты с набором кухонной посуды; примус»¹³⁹.

В публицистическом азарте Е. А. Флерины, специалист по игрушке, отмечает, что на 90 % современная игрушка — это старая дореволюционная игрушка, ассортимент, техника и художественное оформление которой к тому же значительно понизились¹⁴⁰. Видимо, она была недалеко от истины. Другой специалист, Ф. А. Моисеев, полностью соглашался с Е. А. Флериной: «Современная игрушка — в большой своей массе с индивидуалистическим уклоном, мецанской тематикой, с религиозным душком и без всякого художественного оформления... Задача, которая в данный момент стоит перед научно-художественным советом по игрушке, — это переделать большевистской рукой игрушечную промышленность с точки зрения идеологии и дать в ближайшее время нашему ребенку коллективную, политехническую, интернациональную, коммунистическую по духу игрушку и игровой материал»¹⁴¹.

Еще в 1918 году Наркомпросом в Москве был создан специализированный музей, директором которого назначен знаток игрушки, художник Н. Д. Бартрам; он, собственно, и создал этот музей, который чуть позже перевели в Загорск. В задачи музея входило изучение истории и этнографии игрушки. Это выглядело как продолжение дореволюционной традиции, ибо по справедливому замечанию Т. В. Шумуновой «в дореволюционный период в России игрушка представлялась музейными работниками, прежде всего, как носитель традиций и культуры промыслового производства.

Педагогика игры и игрушки представлялись опосредованно и свернуто через феномены этнокультуры и производства, обслуживающего институты детства и родительства»¹⁴².

Практически тогда же Л. Г. Оршанский, один из первых наиболее авторитетных исследователей отечественной игрушки, справедливо предупреждал: «Нельзя в игрушке интересоваться только элементом обучения, педагогической стороной; недостаточно также психологической стороны, потому что здесь есть и первое, и второе, и еще много иных сторон»¹⁴³.

Однако именно в эту крайность — с доведением ее до идеологического абсурда — впала молодая советская педология/педагогика, возможно и под влиянием государственной власти, в своих целях обратившей внимание на игрушки. В конце 20 — начале 30-х гг. государство увидело в игрушке мощное воспитательное средство. Но по замечанию специалистов того времени, у этого средства имелось «сильное отставание в идеологическом отношении»¹⁴⁴, и расценивалось оно как «явно отрицательное»¹⁴⁵. «Вопрос же об идеологии современной игрушки — вопрос самый острый»¹⁴⁶; «здесь еще революции нет, она только будет»¹⁴⁷. По замыслу педагогов-идеологов «игрушка из предмета коммерческой эксплуатации должна превратиться в орудие коммунистического воспитания детей»¹⁴⁸; для этого следует «переделать большевистской рукой игрушечную промышленность с точки зрения идеологии и дать в ближайшее время нашему ребенку коллективную, политехническую, интернациональную, коммунистическую по духу игрушку и игровой материал»¹⁴⁹. Свой взгляд на значение игрушки для коммунистического воспитания детей выразили А. В. Луначарский, А. С. Макаренко, А. М. Горький... «К игрушке нужно подойти с точки зрения того, насколько эта игрушка помогает изучать окружающее, насколько она помогает активности и самостоятельности ребят», — писала Н. К. Крупская¹⁵⁰. «Мягкая игрушка — слоны, марфушки, зайцы, плюшевые медведи — вот весь убогий ассортимент развлечений. Мы должны через игрушку воспитывать пролетариат», — писал в начале 30-х годов журнал «Дошкольное воспитание»¹⁵¹. Роскошных кукол продолжала выпускать московская фабрика «Журавлев и Кочетков». Кукол одевали в до-

рогие, шикарные ткани, кружево, заграничную шерсть, обували обязательно в кожаную обувь. В 1928 году по распоряжению А. В. Луначарского фабрику закрыли за излишнюю буржуазность продукции: «У советского ребенка должны быть куклы, отвечающие советским реалиям — пионеры, рабочие, красноармейцы, а не девочки в локонах и шляпках»¹⁵².

Тогда же началась государственная работа по созданию новой «советской» игрушки, которая должна была способствовать воспитанию строителя социализма. С 1930 г. при ВСНХ действовал межведомственный Научно-художественный совет по игрушке (МНХС); ему в компетенцию вменялись контроль над выпуском, пропаганда и создание образцов новых игрушек, оценка их педагогического значения¹⁵³. В мае 1932 года был основан Всесоюзный научно-исследовательский институт игрушки в г. Загорске с филиалом в г. Вятке¹⁵⁴. 13 августа 1933 г. при Наркомпросе РСФСР создан Комитет по игрушке, призванный организовать политико-идеологическое руководство и контроль за игрушкой, однако, как это нередко бывало в Советском Союзе, решение выполнялось только на бумаге: за 1935-39 годы Комитет ни одного документа по игрушке не издал¹⁵⁵, хотя к 1935 году действовало около трехсот игрушечных производств¹⁵⁶; при этом в стране издавался журнал «Советская игрушка» («Игрушка»). Именно в это время стали распространять лозунг «Спасибо родному Сталину за счастливое детство!» и на полных оборотах заработал миф, который исследователи впоследствии назовут «Советский Союз — рай для детей».

«Муромский рабочий» на очередную идеологическую кампанию откликнулся статьей К. Вольского: «Меньше всего приходится говорить о детской игрушке. Ассортимент их незначительный, а качество безобразное. Лошадь, например, похожа на корову. У слона одна нога короче другой и он валится на бок. Такие игрушки как автомобиль, пароход или детский самолет, ребенку хватает лишь на день или максимум на два-три дня. Сделаны они очень небрежно, „на скорую руку“ и тут же раскалываются. К кооперации рабочие и колхозники сейчас предъявляют очень большие требования... Товарищи кооператоры! Ваша прямая обязанность обеспечить детей этими столь необ-

ходимыми предметами дошкольного обихода»¹⁵⁷.

Но и эти скудные поделки вызывали раздражение советских педагогов: «Эта игрушка всего больше наталкивает детей на игры в „папу и маму“, прославляющие „священный домашний очаг“... Все эти двуспальные кровати, комоды и куклы, игры в „папу и маму“ — хорошая подготовительная ступень к сексуализму, женскому кокетству и нездоровому отношению между мальчиками и девочками»¹⁵⁸. Предлагалось вообще упразднить куклу: «Довольно культивировать куклу. К чему искусственным образом культивировать у девочек ненужные коммунистическому строю способности домашних хозяек, суживающие их горизонты? Мы уверены, что игра в куклы в той форме, в какой она обычно существует... изживется очень скоро»¹⁵⁹ «смущаться тем, что мы огорчим девочек изъятием мещански-обывательских игрушек, вызывающих у детей нездоровые явления, нечего: марксистско-ленинская педагогика не ставит задачи приспособлять воспитательную среду к настроениям детей, чтобы они... „выясняли свою внутреннюю сущность“, чтобы „не ломали свою природу“ и воспитывались „гармонически развивая свою личность“. Задачи и цели коммунистического воспитания четко определены, поэтому не приходится смущаться тем, что мы из ассортимента игрушек изъяли весь старый хлам, вредящий здоровому росту ребенка»¹⁶⁰. Отсюда — и запрет на куклы, и замена их новыми, «общественными по звучанию», игрушками.

К середине тридцатых годов созрела идея создания первой серийной производственной игрушки, которая могла бы пропагандировать Красную Армию. В условиях приближающейся войны государство, так же, кстати, как и страна потенциального противника — Германия, — обратило внимание на этот мощнейший способ воспитания и пропаганды. Например, мастерской театра кукол запретили выпустить своего красноармейца: служащие Красной Армии должны выглядеть подтянуто, молодцевато, служить примером для подражания, а их солдат больше походил на преступника. Критика неточностей в униформе велась на высшем уровне, в частности, ей занимался комбриг Ф. Ф. Новицкий¹⁶¹. Характерный образец советской идеологизированной военной игрушки того времени представляет жестяной пистолетик

с пионерским лозунгом на стволе: с одной стороны — «Будь готов!», с другой — «Всегда готов!», — невольно вызывающий ассоциацию с известным немецким пистолетом, в 1900 году представленным на конкурс оружия под девизом «Para bellum» — «Готовься к войне»¹⁶². «Игрушки, — как верно отмечает А. Л. Романова, — из естественного, стихийного порождения народной жизни и культуры превратились в осознанный инструмент педагогического воздействия на ребенка»¹⁶³.

Ситуация усугублялась тем, что теория коллективного воспитания начинала активно претворяться в жизнь. Выполнение грандиозных планов по индустриализации и коллективизации требовало максимального освобождения взрослых. Поэтому в стране повсеместно создавались детские уголки, комнаты, клубы, площадки в общежитиях, дворах, жилтовариществах, колхозах¹⁶⁴. По мысли теоретиков, здесь «особенное значение приобретает вещь-организатор — вещь, которая может объединить вокруг себя детей... на основе активной самостоятельности, без обязательного участия взрослых»¹⁶⁵, т. е. игрушка.

Возобновившийся было в годы НЭПа поток игрушек из-за границы в самом скором времени благополучно иссяк вместе с НЭПом¹⁶⁶.

В стране стали создаваться артели игрушечников и производства игрушек. Наиболее крупными производителями игрушек, которых пока удалось установить, к 1931 году были «Всекооперация» (самый крупный из всех), «Резинотрест», концессионная Ченстоховская фабрика, «Моссельпром», Наркомтруд (где этим занимался отдел борьбы с безработицей), общество «Друг детей», «Ленпром», фабрика «Детский мир» (Москва), завод им. Медведова в Харькове, артель «Вятская игрушка», производства в Городце и Лыскове, Андреевская артель жестяной игрушки.

Сергиево-Посадская промышленная артель игрушечников к 1930 г. выросла в целое объединение: фабрика игрушек, мастерская по производству кукол из мастики, артель одевалиц кукол, Хотьковская артель мягкой игрушки, кудринская артель резчиков, мастерская майоликовых изделий (бывшая Дунаева). План артели на 1931 г. составлял 2 млн. рублей¹⁶⁷.

Полхово-Майданская артель «Красная заря» с 1932 года входила в Муромский межрайонный

союз деревообрабатывающих, лесозаготовительных и лесохимических кооперативов промышленной кооперации «Мурдревхимсоюз», правление которого находилось в Муроме. Здесь же имелся розничный и оптовый магазин «с продажей всех изделий, вырабатываемых системой». Производственная программа «научно-художественных изделий» артели составляла 1,2 млн. руб. (Для сравнения — выработка непаровых судов Мурдревхимсоюзом на 4.000 грузотонн — 532 000 руб., общая производственная программа 17,5 млн. руб.)¹⁶⁸.

Хотя выпуск некоторых традиционных игрушек сохранился, в целом ассортимент, взятый под жесткий идеологический контроль, значительно изменился. По решению Межведомственного научно-художественного совета по игрушке и игровым материалам приняты к производству колхозный птичий двор из папье-маше (фигурки: гусь, индюк, утка, петух, курица); колхозный скотный двор, выполненные профессиональными художниками Д. В. Горловым и В. А. Ватагиным; ряд моделей политехнической игрушки: двигающаяся схема парохода, винтового, колесного, два типа самоката, два типа турбин¹⁶⁹.

Из «познавательных» игрушек в Муромском музее имелись «макет силосной ямы», присланный по заказу из мастерской наглядных пособий г. Твери (1932); детская игра «Работа по добычи руды»; кубики зоологические, выпущенные московской «фабрикой политических игр и наглядных пособий „Друг детства“» (1934)¹⁷⁰.

В Петрограде на заводе «Треугольник» по английским прессформам (многие из которых просуществовали до 1941 года) изготавливали резиновые игрушки-пищалки: зверюшек, человечков, птичек и рыбок. Химкомбинат в районе Охты с 1926 года штамповал (тоже по зарубежным прессформам) куколок, пупсиков-голышей, зверей и проч. из целлулоида.

Много артелей с характерными для того времени названиями — «Все для ребенка», «Забава детей», «Красная игрушка», артель им. КИМ (Коммунистического Интернационала молодежи) — появилось в Москве.

Артель «КИМ» занималась выпуском игрушек из металла и жести: делала автомобильчики, леечки, лопатки, формочки, волчки, кукольные

кроватки и саночки. «Забава детей» шила тряпичных кукол, представлявшие профессии: работниц в красных косынках, почтальонов, пожарных, молочниц. Загорские мастера из артели им. Красной Армии (Сергиев Посад переименовали в Загорск) вытачивали красноармейцев, матросов, уличных регулировщиков, пионеров-барabanщиков, из жести и папье-маше делали коней и каталки¹⁷¹. С 1932 года в Посаде решили делать куклы с детскими лицами. «Тряпочные девочки» обзаводятся своей маленькой утварью, своей мебелью. Затем появляются маленькие ослики, слоны¹⁷². При катастрофической нехватке игрушек в стране до двадцати процентов загорской игрушки в конце двадцатых годов отправлялось на экспорт со штампом «Made in Russia»¹⁷³ или «Made in Soviet Union». В Муроме игрушки выпускали артели им. Крупской и «Красный кустарь»¹⁷⁴, в соседних Меленках шила куклы мастерская В. П. Лобикова¹⁷⁵.

Создание артелей позволило и сохранить промыслы, и контролировать ассортимент игрушек, и влиять на него. Так, был снят с производства зеленый пупсик-погремушка, поскольку считалось, что кукла должна быть, как и ребенок, телесного цвета.

Однако даже в условиях крепнущего тоталитаризма идеология не могла решить все. Во-первых, не было профессионалов-игрушечников. «Предметно-вещественную среду» нового детского мира по старинке создавали кустари-одиночки и кустарные артели¹⁷⁶. Загорская артель, например, вместо 2500 названий стала выпускать 200-500¹⁷⁷. В Горьковском крае, в который в 30-е годы входил Муромский округ, 30 % всех игрушек изготавливали кооперативы инвалидов¹⁷⁸, а пока Межведомственный научно-художественный совет по игрушке и игровым материалам ломал копыя по поводу «идеологической наполненности игрушек», самые «передовые» игрушки делали в местах заключения — «домзаках»¹⁷⁹. «В большинстве своем эти игрушки связаны с современностью, политехнические и производственные. Встречаются игрушки остроумные, занимательные, с применением принципов механики (использование воды, песка, электричества, пара). Мельница с приводным ремнем, подъемные краны, аэропланы, аэросани — все эти игрушки

с двигателями, очень любимы ребятами за то, что „сами летают”, „сами едут”... Интересна игрушка „фабрика-кухня” — изобретение старого мастера-самоучки из Буреполомской колонии. „Фабрика-кухня” в сущности модель настоящей фабрики-кухни и больше подходит под категорию учебных пособий. Состоит она из нескольких частей: большая плита с применением электричества для приготовления пищи, отделение для мытья посуды, для чистки овощей. В настоящее время эта игрушка-модель, требующая значительного упрощения и проверки возможности включения... в массовое производство»¹⁸⁰.

В этом контексте еще более двусмысленно звучит принцип реорганизации игрушечного производства, указанный Горьковским крайисполкомом на съезде кустарей: «Переделать кустаря-ремесленника в кустаря-педагога»¹⁸¹.

Во-вторых, в стране катастрофически не хватало сырья, а игрушки изготавливались из производственных отходов. Сырьем для восстановленных и вновь созданных артелей и фабрик служили отходы производства и дешевые материалы: тканевые лоскуты, макулатура, обрезки жести, фанеры, дерева, вата, пакля, опилки, стружки, глина. Новые производства «не делают роскошных дорогих кукол с фарфоровыми головами и в богатых платьях. И материалы, и куклы стали проще — в кукольном мире, как в зеркале, отражается то, что происходит в это время в стране. Несмотря на всю свою простоту, куклы отнюдь не были хуже, чем раньше. Они не утратили свою очаровательность, пусть даже и были сделаны „из тряпок и набиты ватой, а одежда сшита из отходов дешевой ткани”. Нарисованные личики этих кукол, а также модные платья, украшенные цветами — розетками из марли, напоминали их счастливым владельцам красивых героинь немого кино»¹⁸².

Предлагалось «взять на учет все отходы промышленности, все промышленное утильсырье. Организованная игрушечная промышленность должна иметь возможность использовать из этого сырья все, что может быть уступлено промышленностью, если ей будет доказана ценность применения его в игрушке»¹⁸³. Однако снабжающие органы брали на учет весь утиль — «хлопчатобумажный лоскут, отходы цветных и черных металлов, обрезки жести и даже использованные кон-

сервные банки, в связи с недостатком данного вида сырья... и в первую голову отпускаются разным группам производства, но не игрушечному»¹⁸⁴. Производителям предлагалось отказаться от дорогого сырья — металла, текстиля — и больше использовать дерево, папье-маше¹⁸⁵. Считали, что эта мера удешевит продукцию, поскольку, «игрушечное производство пользуется фактически отбросами от различных заводов, фабрик... в виду целого ряда накладных расходов и неопределенного положения с сырьем все время повышаются цены на игрушки; цены в выпущенных прейскурантах становятся уже низкими (по сравнению с реальными. — Л. Г., Ю. С.) тогда, когда прейскурант не вышел из типографии. Многие игрушки становятся настолько дороги, что их абсолютно не в состоянии покупать более или менее широкие массы потребителей»¹⁸⁶.

Иные исследователи, казалось бы, защищают производителей: «Оценивая игрушку как явно отрицательную, мы не в какой мере не обвиняем производителей». Однако тут же становится ясно, что речь идет не о кустарях, артелях и домах заключения, а о новой отрасли советской промышленности, которую создают, дабы обеспечить массовый выпуск вещи-организатора, поскольку автор продолжает: «Наоборот, нужно отметить, что в такое трудное время, когда все материалы мобилизованы на строительство, они смогли вызвать к жизни игрушечное производство, которое вырастает не по дням, а по часам... Благодаря колоссальной творческой работе производителей, кустарь поглощается артельными и фабричными производствами»¹⁸⁷. Основная ставка делалась на промкооперацию, развитие которой за три года привело к осязаемому росту выпуска игрушек. Если в 1928/29 году было произведено продукции на 3,7 млн. руб., в 1929/30 — 8,5, то в 1929/30 промкооперацией игрушек было выпущено уже на 16,7 млн. руб., т. е. 75 % от всего объема¹⁸⁸. В 1931 году планировалось изготовить игрушек на 25 млн. руб.¹⁸⁹

И, хотя как писал один из специалистов, «обобществление игрушечного промысла должно идти самым быстрым темпом. Коллективизация сельского хозяйства побуждает к скорейшему проведению этой меры. Освобождая большое количество рабочих рук (особенно женщин и молодежи),

благодаря широкому применению механической обработки земли, коллективизация сельского хозяйства ставит перед игрушечным производством боевую задачу — усилить переход от индивидуальной выработки к выработке в общих мастерских», — трудности были¹⁹⁰. Главная сложность в производстве игрушек заключалась в отсутствии сырья, или, во всяком случае, в недостаточной обеспеченности им игрушечного производства.

Из приведенной таблицы видно, что потребности в сырье, даже в его недефицитных видах, покрывались далеко не полностью¹⁹¹. Поэтому автор не только предлагает отказаться от металла и текстиля и перейти на дерево и папье-маше, но и выстраивает целую стратегию расширения игрушечного производства, удешевления игрушки, активного включения ее в жизнь деревенских ребятшек.

сырья все, что может быть уступлено промышленностью, если ей будет доказана ценность применения его в игрушке...

Игрушечное производство, не требующее особенно сложных механических установок, легче, чем какое-либо другое производство, можно развернуть в условиях деревенской жизни.

Деревня — новый потребитель игрушки.

Игрушка в настоящий момент становится предметом, обслуживающим не только привилегированный класс, как это было до революции, а предметом народным, обслуживающим целиком трудящееся население. Поэтому-то мы должны предъявить к игрушке требования дешевизны и доступности. Особенно твердо эти требования должны быть предъявлены к ассортименту игрушек, который идет в деревню, в крестьянскую среду. Здесь, наряду с удешевлением продукции,

Виды сырья	Заявка из Союза на продук. 1931 г. в тыс. руб.	% к общей заявке	Выработка промкооперации в 1931 г. в тыс. руб.	% к общей выработке
Дефицитное сырье				
Металл	7.882	40,41	2.355	14,06
Текстиль	770	3,94	2.130	12,72
Бумага, картон	500	2,56	250	1,49
Целлюлоид	59	0,28	470	2,80
Итого:	9.208	47,19	5.205	31,07
Недефицитное сырье				
Дерево	4.714	24,16	7.225	43,12
Папье-маше и разные мат.	5.050	25,86	3.324	19,84
Фарфор, фаянс, глина	545	2,79	1.000	5,97
Итого:	10.309	52,81	11.549	68,93
Всего:	19.517	100	16.754	100

«Широкое использование местного сырья также служит серьезным политехническим фактором для игрушки. Изучение местного сырья, с точки зрения применения его в игрушке, является также и необходимым условием для развития игрушечных производств в национальных республиках. Эти соображения диктуют необходимость взять на учет все отходы промышленности, утильсырье. Организованная игрушечная промышленность должна иметь возможность использовать из этого

должен стоять на очереди вопрос о массовом, серийном выпуске игрушек. Коллективизация сельского хозяйства, освобождая крестьянского ребенка от раннего, непосильного труда, возвращает ему детство и вместе с тем создает для игрушечного производства нового массового потребителя — потребителя, который до этого момента не имел игрушки совершенно»¹⁹². Среди кукол появились подтянутые симпатичные милиционеры, красноармейцы, санитарки¹⁹³ и пр.

Таким образом, несмотря на острую необходимость детей в игрушке, несмотря на то, что игрушка была объявлена инструментом идеологического воспитания нового человека, производство игрушек в первые десятилетия советской власти было организовано по «остаточному принципу», а многие интересные и полезные игрушки так и не попадали в руки большинству детей¹⁹⁴. Дети продолжали делать игрушки сами: кукол из глины и тряпочек («Платье разорвется — из него и шили. Из пуговиц глаза делали... Матери и бабушки только подсказывали»). Свистульки из ветлы делали «мастера»¹⁹⁵.

В деревне дело обстояло еще хуже. Уже до-революционные исследователи отмечали, что деревенским детям игрушек не покупали, они обходились самоделками¹⁹⁶. В этом, кстати, некоторые усматривали положительное значение: «Там, где отсутствует всякое предумышленное воспитание, — в крестьянской, в мещанской среде, где воспитывают детей поле, сад, животные и общество других детей, — дело обстоит несравненно лучше, чем в средних и так называемых „высших“, вообще, в „интеллигентных“, классах... большинство игрушек фабричного производства должны быть устранены из детской жизни как тормоз развития самостоятельного детского творчества», — писал В. Малахiev-Мирович в 1912 году¹⁹⁷. Тогда же интересные замечания о природе куклы и игры с ней сделал С. Глаголь: «Кукла не есть сама по себе нечто законченное и определенное. Кукла — это нечто такое, на чем ребенок изощряет свое творчество, и одна и та же кукла в его руках сегодня маленький грудной ребенок, завтра барыня, делающая визиты, затем мальчик, едущий верхом кататься, или деревенская баба, идущая в лес по грибы... В бедной деревенской семье ребенок, вместо куклы с фарфоровой головкой и ручками, играл с дощечкой или щепочкой, но точно так же, как и настоящую куклу, завертывая эту щепочку в одеяло и нянчил или одевал в подобие сарафана и шубы и заставлял изображать то деревенскую бабу, то пастуха и т. п., но суть дела не изменялась. Таким образом, на самой кукле окружающая жизнь отражалась мало. Больше всего и ярче всего она отражалась на том, как (курсив автора. — Л. Г., Ю. С.) играл ребенок этою куклой, что

заставлял он ее делать и переживать, но от этого прошлое не оставило, да и не могло оставить, никакого следа»¹⁹⁸.

Советская власть придерживалась иной точки зрения, однако игрушки, которые выпускались, до деревенских детей не доходили, т. к. «торгово-проводящая сеть» по распространению игрушек в сельской местности работала «исключительно неудовлетворительно», особенно в важнейшие хозяйственно-политические кампании — посевную и уборочную¹⁹⁹. Чтобы сделать игрушки доступными для сельских детей, предполагалось игрушечное производство «развернуть в условиях деревенской жизни»²⁰⁰. Полагали, что «коллективизация сельского хозяйства, освобождая крестьянского ребенка от раннего, непосильного труда, возвращает ему детство и вместе с тем создает для игрушечного производства нового массового потребителя... который до этого момента не имел игрушки совершенно»²⁰¹.

Чем и во что играли деревенские дети в 20-50-е годы, как нельзя более ярко характеризует несоответствие пропагандистского мифа и реального быта. Исследования, проведенные в Муромском районе, показывают, что, несмотря на то, что в 20-х годах XX века кукла была объявлена педологами вредной игрушкой, «которая воспитывает чувство собственности и любовь к нарядам»²⁰², и была под запретом, дети не переставали играть с ней. Ребятына мастерила кукол из того, что было под руками: бумаги, глины, соломы, тряпок. Популярность куклы у детей объясняется не столько материнским инстинктом, сколько стремлением к общению, приобретению форм социального поведения. «В детские годы независимо от взрослых сохраняются произведения фольклора, их репертуар своеобразен и очень богат. Никто из взрослых не учит с детьми считалки, дразнилки, заклички, перевертыши, но дети их знают и передают из поколения в поколение. С той же подчас труднообъяснимой устойчивостью бытуют среди детей игровые традиции и игрушки»²⁰³. Жизнь в деревне была вся на виду: свадьба, рождение, похороны, и кукла служила не индивидуальной игрушкой, а средством передачи потребности в общении. Наряду с повседневной жизнью эти события копировались в детских играх.

Дети, как правило, не играли в куклы по оди-

ночке, они объединялись в игровые сообщества (4-5 и более человек). По опросу респондентов деревень Репино, Кривицы, Одино, игровые сообщества чаще всего состояли из девочек и были постоянными. «Мы с подружками играли дружно, долго, человек пять собирались и играли»²⁰⁴; «Мальчишки хулиганили, и мы их выгоняли»²⁰⁵. Иногда, правда, в игру принимали и мальчиков: «Играли целой компанией 10-15 человек, и мальчишки играли»²⁰⁶. Зимой играли в «Дом», используя постройки из снега, делая из него целые комнаты. В межсезонье собирались у кого-нибудь в избе (если разрешали взрослые). Действия с куклами в играх напоминали действия родителей с малышами: кукол качали на руках или в зыбке, иногда припевая:

Ай баю, баю, баю

Не ложися на краю,

А ляжись в середку

Завлекать залетку²⁰⁷.

Кукол переодевали, «заворачивали в пеленки», (т. е. в старые тряпки, выданные взрослыми для игры), кормили их, а еще «мыли в маленькой посуде без мыла и сушили на печке или на солнышке летом»²⁰⁸.

Самые интересные игры разворачивались летом на улице, где проявлялось настоящее коллективное творчество. Играли около крыльца или «на задах» в огороде, где делали всякие постройки из веток, соломы. Выносились самодельные куклы, разные старые тряпки для изготовления постели, использовались различные дощечки и ящики, из которых делали кукольную мебель: «Где найдем дощечку, покроем ее тряпочкой — это кровать»²⁰⁹. На поле или окраине деревни собирали кусочки битой посуды, стекла и использовали ее как кукольную посуду, в некоторых деревнях посудку лепили из глины²¹⁰. «Делали из глины маленькие горшочки, блюдечки для игры в куклы. Сушили на солнце»²¹¹. Часто игру в «Дом» совмещали с игрой в «Магазин», используя все подручные средства, «а вешали (продавали. — Л. Г., Ю. С.), кто что с огорода принесет — морковь, лук, яблоки, репу. Деньги были бумажки: если газету найдем, то рвем из нее или какую другую бумагу — это и деньги»²¹².

В детских играх отражались и те нововведения, которые произошли в деревне в годы кол-

лективизации. «А еще мы играли в ясли. У нас в деревне перед самой войной открыли ясли, куда я водила младших брата и сестру Люсю... Вот мы на улице соберемся с подружками 5-6 человек и ведем своих кукол в ясли, там с ними играем, кормим», — вспоминала Ф. П. Кожухова из д. Филюково²¹³. М. И. Малюкова из д. Репино рассказывает: «В 1930 году в дереве был образован колхоз, а при нем была детская площадка. А у меня на другом конце деревни своя площадка была. Собирала малышню (6-8 чел.) и играла с ними, как будто я воспитатель на площадке. Любили играть в „жмурки“, мыльные пузыри через соломинку пускали, а еще я им давала бумагу и карандаши для рисования и занималась с ними. Ходили собирали щавель, ядрышки терновника, столбунцы... Мне было 7-8 лет»²¹⁴. Факт примечательный, особенно если учесть, что «в основе отечественной теории детской игры лежит представление о ее социальной природе. Ролевая игра возникает в ходе исторического развития в результате изменения места ребенка в системе общественных отношений, когда на основе развития общества включение детей в производительный труд отодвигается во времени»²¹⁵. В описанном же случае детская игра является элементом производственного процесса, в котором ребенок, сам того не подозревая, выполняет функции социального института: присмотр за младшими детьми, пока их родители находятся на работе. «В колхозах и бараках довоенной России, — пишет Катриона Келли, — уход многих родителей за „отпрысками“ в лучшем случае ограничивался заботой о том, чтобы дети были сыты, одеты, обуты и (среди самых старательных родителей) делали домашние задания»²¹⁶. Это подтверждается и воспоминаниями Н. М. Евстигнеевой: «Мама никогда не смотрела, где и как мы играем, ей было некогда — все работали в колхозе от зари и до зари»²¹⁷. Вообще первая реакция респондентов на вопрос «В какие игры вы играли в детстве?» была очень яркой: «Да ни в какие. Нам некогда было. Мы работали». В куклы играли до 8-9 лет, дальше играть было некогда. Родители с малых лет приобщали детей к труду: дома — по хозяйству, присматривая за младшими братьями и сестрами; в поле; по уходу за домашними животными: «Родители заставляли рвать траву для скотины и даже листья

с дуба, т. к. мало травы было. Дома кормили корову, кур, выносили помой»²¹⁸; «И не помню, чтоб играли в куклы, вот грядки копали, на поле ходили, жали серпом»²¹⁹. Справедливости ради следует отметить, что и до революции — по воспоминаниям Н. П. Воштинной-Киселевой даже в их зажиточной городской семье — играть детям разрешалось только во второй половине дня; первая половина посвящалась домашней работе.

В ходе полевого опроса мы не услышали воспоминаний об играх, отражающих ритуалы. Однако в опросах Московского дома фольклора такие упоминания есть. Играли в свадьбу: «Жених и невеста спать лягут, и тут под свадьбу куколка в белом... Невеста — платье, а парень — тряпку длинную, вот и все, ног не было»²²⁰; похороны: «Кукол из трав делали, мы их хоронили, даже плакали, поминки справляли, делали маленькие могилки и живыми цветами могилки украшали. Мы прям кукол хоронили, маленьких, как детей — мы так играли: закапывали, бугорок делали и около него из полевых цветов водили молибин»²²¹.

Играть девочки приходили со своими куклами, их никому не передавали и не дарили. Во время игры дети могли поменяться куклами, но, уходя домой, каждая забирала своих.

В разных семьях отношение к куклам было разным: в одних кукол берегли, играли с ними долго и передавали даже внукам, в других — после многократных игр, когда они начинали рваться — выбрасывали, в третьих — «поиграли — грязная стала — сжигали»²²².

Самыми ходовыми, распространенными куклами в играх детей были самодельные тряпичные. В первые десятилетия XX века куклу делали как «скатку» — кусок ткани сворачивали в трубочку, верхнюю часть обтягивали белой или светлой тканью (лицо), «груди» делали из ровных тряпичных шариков или обходились без них, приделывали кудельную или волосяную косу. Платье, как правило, не снималось, являясь неотъемлемой частью формы куклы²²³. В 30-50 гг. XX века в деревнях Репино, Одино, Лазарево, Кривицах «скатка» как основа (туловище) куклы остается, но изготовление других частей куклы и одежда меняются. Появляются сшивные куклы, где отдельные части тела (руки, ноги, голова, туловище) набивались разными материалами (старыми тряп-

ками, сеном, опилками, стружкой, травой) и затем пришивались. Иногда набивными были только голова и туловище, а руки и ноги делали в виде «скаток» из ткани, которые зашивали по краю (чтоб не разошлись) и пришивали к туловищу. Делали кукол и из других материалов, особенно летом. Например, в д. Кривицы «делали кукол, лошадок из соломы. Солому надо сжать, разровнять, высушить. Плели колыбельки, шляпки, корзиночки, шкатулки»; в д. Лазарево «Все делали. Сворачивали солому, одевали в тряпочку»²²⁴.

В тех деревнях, где была глина (Репино, Кривицы, Филюково) делали кукол из глины, чаще всего из красной. Этим кукол лепили так: «Из куска глины делали шар — голова, потом из большого куска сляпывали руками туловище и присоединяли с головой. Руки и ноги скатывали между ладонями, прилепляли к туловищу. Сушили на солнышке»²²⁵. В каких-то деревнях (например, в Кривицах) глиняных кукол не разрисовывали и не одевали, в других (Филюково) шили для кукол тряпичные платья и для игры в «Дом» лепили еще разных домашних животных (коров, овец, кошек, собак), которые жили в доме. «Кукол и животных мы не разрисовывали красками, только углем рисовали глаза и рот»²²⁶. Глиняных кукол лепили невысокими — 5-10 см высотой; поскольку они были очень хрупкими, часто ломались. За лето дети делали их несколько раз.

В селе Татарове на Святки сделанные из холста куклы взрослые девушки привязывали к себе полотенцем и, ходя колядовать, приговаривали: «И на ребеночка подай!»²²⁷.

Тряпичные самодельные куклы были более высокими — 15-30 см. Первых кукол детям делали матери или старшие сестры, тети, затем в 5-6 лет девочки уже сами мастерили себе кукол. Чаще их одевали в платье, которое вырезалось из прямоугольного куска ткани, сложенного пополам, с вырезом «лодочкой» для головы. По бокам обеих полотнищ платья были завязки, которые скреплялись спереди и сзади, чтобы платье держалось. На голову повязывали платок, косынку или «шашлычок» (видимо, искаженное «башлычок». — Л. Г., Ю. С.), похожий на шапочку: «Спереди собирали на нитку и сзади собирали на нитку. Спереди завязывали веревочки, чтоб не съезжала с головы. Как саван»²²⁸. Ни разу нам не встрети-

лось описание кукол с непокрытой головой или распущенными волосами.

По-разному делали и лица куклам. В некоторых деревнях не подбирали специально ткань белую или светлую, делали всю куклу из той, что дала мать, лицо не рисовали, в других лицо прорисовывали углем (глаза, брови, рот, нос).

Покупные игрушки доставались детям редко. Г. В. Васильева вспоминает, что любимую куклу Валу с закрывающимися глазами отец подарил ей после Финской кампании. Куклу взяли с собой в эвакуацию, и прожила она в семье до 1950 года²²⁹.

До 1927 года новогодние елки еще не были запрещены, но получили классово выдержанное название «пролетарских». Из-за введения нового календаря декретом Совнаркома от 24 января 1918 года Новый год стал обычным будничным днем недели. Тем не менее, его продолжали отмечать. «Благодаря стараниям Фабкома для детей рабочих фабрики „Красный луч“ была устроена „елка“... Были закуплены игрушки для „елки“ и подарки для детей... Детям были выданы подарки (на 404 человека) по 1 булке, колбасы, конфет, яблок и по 1 головному платку»²³⁰. Весьма похоже, что закупкой игрушек местные власти убили двух зайцев, т. к. в этом году в Муроме во Дворце Труда при Союзе соработников работает артель безработных, которая в числе прочих изделий «по самой сходной цене» изготавливает елочные игрушки²³¹.

Купить фабричные елочные игрушки было невозможно. Именно в это время появляется самое большое количество самодельных игрушек²³². В муромских семьях, где и раньше к елке делали игрушки, этот обычай продолжился: «Хлопушки, цепи, коробочки, рог изобилия, бомбоньерки. Из картона вырезали разных зверюшек: зайца, лису, медведя и обклеивали золотой или серебряной бумагой... Были у нас и настоящие покупные игрушки, но очень мало, — вспоминает Н. В. Суздальцева. — Это игрушки маминого детства, и еще было 12 очень красивых клоунов. Их подарила нам на Новый год мамина сестра... Когда мы были уже взрослыми, мама этих клоунов раздала нам всем поровну»²³³. В селе Татарове, где, по воспоминаниям, «народ жил бедно... ставили и

украшали елку, благо лес был прямо за околицей... Поэтому игрушки были самодельные. Их вырезали из обложек тетрадей или тетрадную бумагу раскрашивали чернилами и вырезали гирлянды. Вместо клея использовали вареную картошку. Бусы делали из сухих ягод рябины и шиповника, а также вешали на елку стружки от столярных работ... с улучшением жизни на елку стали вешать конфеты или конфеты-обманки. Фантики, а особенно фольгу, копили в течение года... игрушки на елку вырезали из дерева, моркови и свеклы. С базара из села Фоминки перед Рождеством привозили раскрашенные игрушки из теста²³⁴.

В 1935 году запрет на новогодние елки был отменен. Соответственно было разрешено производство елочных игрушек. Однако «Муромский рабочий» в 1936 году приводит такую сценку: «На днях зашел в культурный магазин Торга.

— Мне бы украшения для елки купить.

— Как вы сказали? Елка? Для чего она вам, — недоуменно переспросил продавец.

— Не елка, а украшения к ней, — поправил я. — Такие маленькие изящные вещички, что навешивают на елку. Ну, скажем, „дедушка Мороз“, блестящие маленькие шарики, нитка есть такая золотая...

— Вон вы о чем! А зачем вам такие безделушки понадобились?

Признаться, я опешил от такого вопроса. Как, мол так, думаю зачем. „Ведь новый год скоро, — говорю. — Ребятишки елку просят купить. Обязан им веселье устроить или нет?“

Смотрю, продавец начал мне сочувствовать. Недолго порылся под прилавком и достал оттуда...

— Вот могу предложить: заводной танк за 10 руб. вместо „дедушки Мороза“, кукол возьмите за 12 руб., паровозик, если хотите, за 5 рублей.

— Что вы, что вы, — испугался я. — Куда мне такие вещи. Эдак вы, — говорю, — на сотню с лишним насчитаете, — и постарался как можно незаметнее уйти из магазина.

Сейчас сижу вечерами и сам, как умею, мастерию всякие игрушки и украшения...

К сожалению, этот случай не выдумка. Торговые организации Муромы забыли, что приближается новый год...

Ни в одном из магазинов вы не купите де-

шевую, специально для елки изготовленную игрушку»²³⁵.

Тем не менее, в том же году муромский «фанерокомбинат» начал выпускать елочные игрушки из миллиметровой фанеры, «красиво отделанные цветной слюдой». Однако все пятьдесят видов общей стоимостью 20 тыс. рублей до 1 января 1937 года должны быть отправлены в Москву²³⁶.

Правда, уже в 1941 году на елке в Поздняковской средней школе «каких только игрушек не было: слоны, белки, самолеты, автомобили, а на самом верху ярко сияла пятиконечная звезда»²³⁷.

Недостаток игрушек и забав восполнялся идеологией, а место традиционных праздников постепенно занимали революционные. В Муроме «первый детский дом имени В. Г. Короленко праздник труда — „Первое мая” — отметил довольно удачно. Помещение дома декорировали зеленью.

Большой портрет Карла Маркса был вставлен в рамку из зелени, перевитой красной лентой. Рамка изображала букву „С” (социализм). Вечер (30 апреля) открылся пением Интернационала и докладом воспитанника детдома Семьи Вострикова о „значении 1-го Мая для трудящихся”²³⁸. К слову сказать, портреты вождей, на которые, в отличие от игрушек, деньги находились, продавались (на дешевой распродаже со скидкой 20 %) в том же книжно-писчебумажном магазине «Новая жизнь», что и «детские игры и забавы»²³⁹. Магазин пытался рекламировать игрушки и к советским праздникам, как, скажем, «к шестой годовщине Октябрьской революции»²⁴⁰, однако устойчивой традиции дарить детям игрушки к таким дням так и не сложилось.

Особой фантазии в устройстве праздников для детей не наблюдалось: идеологическое клише задавало жесткие формы. Что называется «найдите десять отличий» от картинки празднования другого праздника — «годовщины Октябрьской революции» — во Владивостоке в 1924 году: «В этом году наша школа особенно торжественно праздновала Красный Октябрь. Старшие наши товарищи из III и IV группы весь день накануне украшали зал. Все стены были украшены красным. Портреты Ленина и Троцкого были окружены осенними листьями, которые мы собрали во время

наших экскурсий. Везде висели плакаты. Пришли в школу наши отцы, матери, старшие братья, сестры. Народу было много.

Начался праздник.

Наш хор спел международную песню рабочих „Интернационал”. Одна из старших учениц сказала речь, в которой рассказала о том, как прошла Октябрьская революция и что она дала рабочим и крестьянам. Потом заведующий школой говорил о том, какое значение имеет образование в жизни рабочих и крестьян. После этого стали декламировать стихи и петь революционные песни. Особенно мне понравилась хоровая декламация. После этого начались игры. Нам было очень весело. После игр мы пошли по домам»²⁴¹.

К тридцатым годам стереотипы новых праздников были прочно внедрены в сознание детей. Е. А. Флерина приводит весьма показательный пример, конечно же, с положительной оценкой. В одном из детских садов группа педагогов проводила наблюдения за игровым поведением детей. Детям были предложены разные игрушки, однако, поиграв немного, «один 3-летка увидел, что на полочке лежит красный флажок... Поднял его, с торжественным видом стал шагать кругом комнаты и петь Интернационал, как умеет, переходя от Интернационала на другие революционные песни. Вся группа, как один, потребовала флажки: „И мне, и мне...”»²⁴².

30 апреля 1941 года, когда уже был снят запрет на куклы, «в детском саду фабрики „Красный луч” проходил утренник, посвященный Международному празднику 1 мая... Радостные ребята показывали замечательные игрушки. Особенно довольны девочки большими куклами... А куклы, как живые, повертывают головы, ручки, ножки»²⁴³.

Между тем, немалая часть детей, лишенная возможности нормальной игровой деятельности, была предоставлена сама себе. В мае 1922 года газета «Луч» поместила заметку с чрезвычайно выразительным названием: «Одичание детей». В ней говорилось: «Через неделю наши школы закроются. Детей „распустят” на летние каникулы... Значительная часть школьных малышей будет скитаться по городу без культурного воздействия. Будут собираться в стайки маленькие босяки, сражаться в бабки, в орлянку с азартом,

на деньги с матерной бранью. Начнутся походы за чужим добром, в огороды, в сады»²⁴⁴. В 1929 году Наркомвнудел предложил исполкомам издать обязательное Постановление о воспрещении каких бы то ни было лотерейных игр, лотерей и азартных игр (в карты, лото, орлянку, юлу, ремешок) в местах общественного пользования, не исключая сельских местностей²⁴⁵. В 1931 году из ассортимента Андреевской артели была «безусловно исключена» рулетка, «внешней формой предназначенная для игры на деньги»²⁴⁶.

Видимо как попытку отвлечь детей от улицы следует расценивать «праздники без повода», которые изредка устраивались для муромских детей. «8-го июня ячейкой ст. Муром Нижегородской железной дороги в летнем саду им. т. Воровского устроено большое гуляние для детей... Гуляние открылось ровно в 12 часов. На танцплощадке дети начали разные игры, по аллеям играли: кто в крокет, кто в мяч, часть детишек носилась друг за другом по аллеям... Спектакль окончен, дети снова рассыпаются по аллеям сада в ожидании игр... Дается сигнал, начинается бег на призы в мешках... Участникам бегов были розданы призы, как-то: печенье, книжка о В. И. Ленине, краски для рисования, карандаши, перья, резиновый мяч и пугач-игрушка»²⁴⁷.

Даже беглый обзор бытования игрушки в Муроме первых десятилетий XX века показывает, что собственного игрушечного производства в городе и уезде не было, практически все игровые средства привозились как из соседних регионов, так и издалека. Фабричные игрушки можно было приобрести или заказать в двух городских магазинах. Игрушки на заказ изготовлялись и в швейной мастерской Троицкого монастыря. Артельные ку-

старные игрушки привозились из центров их производства на ярмарки. Дешевые кустарные игрушки низкого качества как товар сопутствующего производства продавались на муромском базаре. После октябрьского переворота приток игрушек сократился. Показательно, что Н. П. Воцинина-Киселева, с упоением рассказывавшая о своих детских игрушках, об игрушках своих детей не упомянула ни разу...

Двадцатые-сороковые годы явились временем бытования в муромской деревне самодельной игрушки особого рода. Она не испытала влияния ни промышленной, ни так называемой народной промысловой игрушки. Все сходство ее с первой — промышленной — заключалось лишь в том, что и та, и другая делались в основном из отходов производства и утиля. Ближайшим ее родственником, без сомнения, можно считать русские домашние куклы — обереговые, обрядовые и игровые, о происхождении и семантике которых в последние годы написано немало²⁴⁸. В силу ряда внешних причин традиционные куклы практически мгновенно утратили свои сакральные характеристики, многие внешние черты; изменились и технологические приемы их изготовления. Детские самодельные куклы сыграли чрезвычайно интересную и важную роль в истории культуры. К сожалению, большинство этих кукол крайне недолговечно, и их современное изучение весьма проблематично.

Права К. Келли, отметившая, что «многие данные... прямо противоречат официальным лозунгам о „счастлимом детстве“... Когда действовал форс-мажор, о детях просто переставали заботиться... потребности детей и молодежи были подчинены мощным нуждам так называемого „военно-промышленного блока“»²⁴⁹. А форс-мажор действовал все эти годы...

¹ Оршанский Л. Г. Исторический очерк развития игрушек и игрушечного производства на Западе и в России // Оршанский Л. Г. Игрушки. Статьи по истории, этнографии и психологии игрушек. — М.-П., 1923. — С. 51.

² См., например: Боруцкий В. И. Игрушки и художественные изделия. — М., 1926; Галанин Д. Д. Игры и игрушки. — М., 1909; Евдокимов И. Русская игрушка. — ГИЗ, 1925; Игрушка, ее история и значение. — М., 1912; Литвинский И. А. Игрушки и их значение и выбор. — Б. м., 1899; Лубенц Г. П. Об игрушках. — Б. м., 1908; и др.

³ Алабычев. Механические игрушки. — Б. м., 1929; Болдырева Ю. Н. Игрушка, ее психологическое и педагогическое значение. — Петроград, 1916; Браун Гербо. Какие игрушки

нужны детям. — Л., 1927; Даньковская Р. С., Редин Н. Е. Об изучении детских народных игрушек // Воронежский историко-археологический вестник. — Воронеж, 1921. — Вып. II; Игра и игрушка. — ГИЗ, 1926; Леонов П. В. Деревянные игрушки. — Б. м., 1928; Ребенок и игрушка. — ГИЗ, 1926; Рыбников. Детские игрушки и их выбор. — М., 1927; Сухарев А., Пупышев В. Игрушка — поделка в школе и дома. — Б. м., 1930; Тезаврская. Бросовый материал. — Б. м., 1917; Тихеева. Игрушка как дидактический материал // Вестник наглядных пособий. — 1920; Холл С. Очерки по изучению ребенка. — Б. м., 1925; Шабад Е. Ю. Игрушка в дошкольном возрасте. — М., 1929; и др.

⁴ Слесивцев Ю. С. Суджанская традиционная глиняная

- игрушка: История сохранения промысла // Первые Бартрамовские чтения. — Сергиев Посад, 2004. — С. 87.
- ⁵ См., например: Воицинина-Киселева Н. П. О Муроме (Семейная хроника купцов Воицининых). — Муром, 2007; Суздальцева Н. В. Праздник Рождества в моей памяти о детстве // Муромский сборник. — 1993. — С. 154.
- ⁶ Каталог кустарно-промышленной выставки, устраиваемой в гор. Владимире при Губернской Управе с 15-го ноября по 6 декабря 1912 г. — Владимир на Клязьме, 1912; Муромский межрайонный союз деревообрабатывающих, лесозаготовительных и лесохимических кооперативов промысловой кооперации «Муромдревхимсоюз»: Иллюстрированный прейс-курант на изделия промкооперативов; Мебельные, Игрушек, Кузнечно-меховые, Судостроение, Лесохимической продукции, Бондарные и тары, Обозные, Разных промыслов. — М., 1937;
- ⁷ Благодарим Е. И. Сазонову, хранителя фотоархива Муромского историко-художественного музея за предоставленную подборку фотографий.
- ⁸ Кустарная промышленность РСФСР. — М., 1929. — С. 10.
- ⁹ Памятная книжка Владимирской губернии за 1894 год. — Владимир, 1895. — С. 480, 486.
- ¹⁰ Каталог кустарно-промышленной выставки, устраиваемой в гор. Владимире при Губернской Управе с 15-го ноября по 6 декабря 1912 г. — С. 27.
- ¹¹ Обзор Владимирской губернии за 1907 год. — Владимир, 1908. — С. 80.
- ¹² Русские кустарные изделия за границей // Муромский край. — 1914. — № 82 (15 апр.). — С. 1.
- ¹³ Русские кустари в Германии // Муромский край. — 1914. — № 53 (7 марта). — С. 2.
- ¹⁴ Русские кустари за границей // Муромский край. — 1914. — № 103 (9 мая). — С. 2.
- ¹⁵ Ярмарочная жизнь. Кустари // Муромский край. — 1914. — № 143 (28 июня). — С. 3.
- ¹⁶ Памятная книжка Владимирской губернии за 1894 год. — С. 362.
- ¹⁷ Там же. — С. 526.
- ¹⁸ Каталог кустарно-промышленной выставки, устраиваемой в гор. Владимире при Губернской Управе с 15-го ноября по 6 декабря 1912 г. — С. 21, 22, 76.
- ¹⁹ Воицинина-Киселева Н. П. Указ. соч. — С. 24.
- ²⁰ Сбитнева И. С. Гончарные и керамические промыслы во Владимире и Владимирской области: история и современность // Материалы областной краеведческой конференции (14 апреля 2006 г.). — Владимир, 2007. — Т. 1. — С. 164.
- ²¹ Кулешов А. Г. Мужские ремесла // Традиционная культура Муромского края. — М., 2008. — Т. 2. — С. 428.
- ²² Воицинина-Киселева Н. П. Указ. соч. — С. 25.
- ²³ Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. — М., 1857. — Гл. XV. — С. 13.
- ²⁴ Арсеньев К. Статистические очерки России. — СПб., 1848. — С. 205.
- ²⁵ Беспалов Н. А. И. С. Куликов. — М., 1990. — С. 62.
- ²⁶ Муромский край. — 1914. — № 149 (5 июля). — С. 3.
- ²⁷ Арсеньев К. Указ. соч. — СПб., 1848. — С. 415.
- ²⁸ Муромский край. — 1914. — № 1 (1 янв.). — С. 1; № 71 (29 марта). — С. 1.
- ²⁹ Муромский край. — 1914. — № 70 (28 марта). — С. 1; № 72. — С. 1; № 73. — С. 1; № 75. — С. 1; № 77. — С. 1; № 78. — С. 1.
- ³⁰ См., например: Баранова Д. Н. Куклы фабрики игрушек имени 8 Марта в собрании Художественно-педагогического Музея игрушки РАО // Первые Бартрамовские чтения. — Сергиев Посад, 2004. — С. 104.
- ³¹ Греков А. У. Н. Д. Бартрам — личность в контексте культуры России первой трети 20 века // Первые Бартрамовские чтения. — Сергиев Посад, 2004. — С. 10.
- ³² См.: Интервью с директором частного музея игрушки М. А. Марченко (Санкт-Петербург) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.antiq.info/magazine_all_issues/6859.html; Романов С. Г. Игрушки 1920-х годов в СССР (Размышления реставратора) // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.igrologia.ru/izdania/Teoria_i_istoria_igri/14_Romanov.htm; Было ли в старой России крупное кукольное производство? // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.antiq.info/magazine_all_issues/6859.html.
- ³³ См., например: Суздальцева Н. В. Указ. соч. — С. 154.
- ³⁴ Безобразова М. В. Розовое и черное из моей жизни. Цит. по: Розанов В. В. Люди лунного света: Метафизика христианства. — М., 1990. — С. 229.
- ³⁵ Воицинина-Киселева Н. П. Указ. соч. — С. 65-66.
- ³⁶ Муромский край. — 1913. — № 2 (28 дек.). — С. 1.
- ³⁷ Муромский край. — 1914. — № 118 (29 мая). — С. 1; № 126 (7 июня). — С. 1.
- ³⁸ Воицинина-Киселева Н. П. Указ. соч. — С. 64.
- ³⁹ Безобразова М. В. Указ. соч. — С. 230.
- ⁴⁰ См.: Горожанина С. В. К истории фабрик игрушек Сергиева Посада // Первые Бартрамовские чтения. — Сергиев Посад, 2004; Кочемина Н. Богородская игрушка // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.igrushkin.ru/bogor.php>; Прямова Н. А. Традиционная романовская глиняная игрушка. Проблемы современного развития // Первые Бартрамовские чтения. — Сергиев Посад, 2004; Воицинина-Киселева Н. П. Указ. соч. — С. 50.
- ⁴¹ Воицинина-Киселева Н. П. Указ. соч. — С. 50.
- ⁴² Там же. — С. 50, 55.
- ⁴³ Там же. — С. 54, 55, 65.
- ⁴⁴ Там же. — С. 67.
- ⁴⁵ Там же. — С. 29.
- ⁴⁶ Зворыкин В. К. Мемуары изобретателя телевидения // Парфенов Л. Зворыкин Муромец. — М., 2011. — С. 67.
- ⁴⁷ Баранова Д. Н. Указ. соч. — С. 104.
- ⁴⁸ История «советской» игрушки // [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://igrushka.kz/phpBB2/viewtopic.php?p=8591>.
- ⁴⁹ Луч. — 1921. — 5 июля. — № 50 (333). — С. 3.
- ⁵⁰ Справочная и Адресная книга «Вся Россия» на 1923 г. — М., 6 г. — С. 59.
- ⁵¹ Позаботьтесь о пособиях // Луч. — 1922. — 1 июля. — № 49 (332).
- ⁵² Справочная и Адресная книга «Вся Россия» на 1923 г. — С. 23, 59, 157, 178, 189.
- ⁵³ Справочная и Адресная книга «Вся Россия» на 1923-

- 1924 г. — М., б. г. — С. 6, 39, 102, 109, 196, 197, 200.
- ⁵⁴ Фролова О. А. Система учреждений дошкольного воспитания в СССР. — М., 1969. — С. 12.
- ⁵⁵ Там же. — С. 16.
- ⁵⁶ Сабсович Л. Советский Союз через 15 лет. — М., 1929. Цит. по: Хмельницкий Д. С. Леонид Сабсович или кто придумал «обобществление быта?» // Уваровские чтения-VII. — Муром, 2011.
- ⁵⁷ Сабсович Л. Советский Союз через 15 лет. — М., 1929. Цит. по: Хмельницкий Д. С. Указ. соч. — С. 180-190.
- ⁵⁸ Хмельницкий Д. С. Указ. соч.
- ⁵⁹ См., например: Хмельницкий Д. С. Указ. соч.; Салова Ю. Г. Съезды и конференции по дошкольному воспитанию 1920-х годов о роли семьи и коллектива в становлении личности ребенка // Уваровские чтения-VIII. — Владимир, 2011. — С. 190-194.
- ⁶⁰ ЦСУ СССР. Народное хозяйство СССР в 1965 г. Статистический ежегодник. — М., 1966. — С. 686.
- ⁶¹ Всеобщее дошкольное коммунистическое воспитание детей // Муромский рабочий. — 1932. — № 292. — С. 4.
- ⁶² Горбунова Г. Работницы и пролетарская революция // Красный Луч. — 1924. — № 248. — С. 4.
- ⁶³ М-т. В атаку против старого быта! — Красный луч. — 1924. — № 248. — С. 6.
- ⁶⁴ На фронте дошкольного похода. За активное участие женщин // Приокский рабочий. — 1929. — № 125 (26 октября). — С. 4.
- ⁶⁵ Титов И. В поход за дошкольное воспитание // Приокский рабочий. — 1929. — № 132. — С. 2.
- ⁶⁶ В дошкольном походе должна участвовать вся общественность // Приокский рабочий. — 1929. — № 92. — С. 4.
- ⁶⁷ Детский сад пользуется авторитетом // Приокский рабочий. — 1929. — № 140 (15 ноября). — С. 4.
- ⁶⁸ С. М. Выполнить план дошкольного похода // Муромский рабочий. — 1931. — № 132 — С. 4.
- ⁶⁹ Е. М. На фронте дошкольного воспитания тревожно // Муромский рабочий. — 1931. — № 79. — С. 4.
- ⁷⁰ Лаврова. Работу детплощадок — на службу промфинплану // Муромский рабочий. — 1931. — № 157. — С. 4.
- ⁷¹ Музюкина. Дошкольный поход за два года и его перспективы // Муромский рабочий. — 1931. — № 156. — С. 4.
- ⁷² Детплощадка. Строители социализма // Муромский рабочий. — 1931. — № 157. — С. 4.
- ⁷³ Коллектив детского сада. Дети получают физическое, политическое и культурное воспитание // Муромский рабочий. — 1931. — № 157. — С. 4.
- ⁷⁴ Данилова. Больше внимания дошкольному воспитанию детей // Муромский рабочий. — 1933. — № 50. — С. 2.
- ⁷⁵ Члены депутатской группы и актив женщин-ударниц Смяткина, Бушуева, Бабакина, Чулошникова, Пустолаева и др. Открытое письмо // Муромский рабочий. — 1932. — № 84. — С. 2.
- ⁷⁶ Комса. Развернуть немедленно подготовку к дошкольному походу // Муромский рабочий. — 1932. — № 57. — С. 2.
- ⁷⁷ Смелый. Наладить работу // Муромский рабочий. — 1932. — № 57. — С. 2.
- ⁷⁸ Баева. Детплощадка беспризорна // Муромский рабочий. — 1932. — № 296. — С. 3.
- ⁷⁹ Лешин. Навести порядок в детях № 1 (письмо рабочего) // Муромский рабочий. — 1933. — № 149. — С. 4.
- ⁸⁰ Бригадир. В Санниково детясли работают плохо // Муромский рабочий. — 1932. — № 230. — С. 2.
- ⁸¹ Л. М-в. К месячнику смотра детучреждений // Муромский рабочий. — 1933. — № 248. — С. 4.
- ⁸² К. М. ...А детяслей еще нет // Муромский рабочий. — 1933. — № 150. — С. 2.
- ⁸³ Больше заботы о детях // Муромский рабочий. — 1934. — № 271. — С. 1.
- ⁸⁴ Куликова. Организуем досуг ребенка // Муромский рабочий. — 1934. — № 271. — С. 1.
- ⁸⁵ Вольник Н. Детский сад // Луч. — 1923. — № 44. — С. 2.
- ⁸⁶ Кому дороги дети — открывайте ясли в селах и деревнях // Луч. — 1924. — № 88. — С. 2.
- ⁸⁷ Детсад пользуется авторитетом // Приокский рабочий. — 1929. — № 140. — С. 4.
- ⁸⁸ Руновская. О состоянии работы деточага «Красного Луча» // Муромский рабочий. — 1932. — № 145. — С. 4.
- ⁸⁹ В. Л. Тов. Ларин увез у ребят сахар // Муромский рабочий. — 1932. — № 171. — С. 4.
- ⁹⁰ Кармышев. Каждому колхозу — детясли // Муромский рабочий. — 1933. — № 93.
- ⁹¹ Головашкин. Детям — хорошую игрушку // Муромский рабочий. — 1933. — № 263. — С. 4.
- ⁹² Головашкин. Чисто и вкусно // Муромский рабочий. — 1933. — № 273. — С. 2.
- ⁹³ Ларин. Детсад, которому нужна помощь // Муромский рабочий. — 1933. — № 273. — С. 2.
- ⁹⁴ Бригада «М. р.» — Сорокова, Балабанова, Рогоськова, Малькова. Побольше заботы о наших детях // Муромский рабочий. — 1933. — № 279. — С. 3.
- ⁹⁵ Лекутов В. Воспитываем здоровую смену // Муромский рабочий. — 1934. — № 117. — С. 2.
- ⁹⁶ Климовские руководители и коммунисты не заботятся о детях // Муромский рабочий. — 1934. — № 133. — С. 2.
- ⁹⁷ Данилова, Калинина. Обеспечить детям радостную, веселую жизнь. Больше заботы о работе детплощадок // Муромский рабочий. — 1934. — № 202. — С. 3.
- ⁹⁸ Бригада «М. р.» — Субботина, Экземплярская. Внимание дому ребенка // Муромский рабочий. — 1934. — № 271. — С. 1.
- ⁹⁹ Вольник Н. Детский сад // Луч. — 1923. — 22 апреля. — № 44 (428). — С. 2.
- ¹⁰⁰ Шульгин В. Н. Предисловие // Дети и Октябрьская революция. Идеология советского школьника. — М., 1929. — С. 4, 5.
- ¹⁰¹ Покровская А. Домашняя жизнь московских детей // Вестник просвещения. — 1922. — № 1. — С. 14.
- ¹⁰² Кабо Е. Очерки рабочего быта: Опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. — М., 1928. — С. 41, 45 и др.
- ¹⁰³ Арямов И., Одинцова А., Нечаева Е. Дитя рабочего. — М., 1926. — С. 70.
- ¹⁰⁴ Якубовская М. Игрушка Горьковского края. — Горький, 1934. — С.38.
- ¹⁰⁵ Там же. — С. 52.

- ¹⁰⁶ Там же. — С. 52.
- ¹⁰⁷ Указ. соч. — С. 77.
- ¹⁰⁸ Кваснецкий Г. А. Жестяная игрушка Андреевской артели // Советская игрушка. — М., 1931. — Вып. 1. — С. 47.
- ¹⁰⁹ Якубовская М. Указ. соч. — С. 37.
- ¹¹⁰ Там же. Указ. соч. — С. 37-38.
- ¹¹¹ Карелина. Развернуть на деле советскую торговлю // Муромский рабочий. — 1932. — № 60. — С. 2.
- ¹¹² Арекан. Пудра, барабаны... // Муромский рабочий. — 1932. — № 74. — С. 4.
- ¹¹³ Бригада. Кооперация в стороне от колхозной торговли // Муромский рабочий. — 1932. — № 145. — С. 3.
- ¹¹⁴ Бригада «Мур. раб.» Беспалов, Веселовская. Всячески искоренять перекупщика-спекулянта // Муромский рабочий. — 1932. — № 158. — С. 2.
- ¹¹⁵ Сухова О. А. Старые инвентари музея как исторический источник (на примере документов научного архива Муромского музея) // Сообщения Муромского музея 2009. — Муром, 2010. — С. 121.
- ¹¹⁶ Еко. Ярмарка в руках частного // Приокский рабочий. — 1929. — № 38. — С. 4.
- ¹¹⁷ Миронихина Л. Ф. Рассказы о прошлом // Традиционная культура Муромского края. — М., 2008. — Т. 1. — С. 519.
- ¹¹⁸ Муромский рабочий. — 1932. — № 2, 24, 290. — С. 2; 1933. — № 89. — С. 4.
- ¹¹⁹ Горожанина С. В. Указ. соч. — С. 93.
- ¹²⁰ Выксунец. Среди вознесенских кустарей-игрушечников // Приокский рабочий. — 1929. — № 58. — С. 3.
- ¹²¹ Из липового чурбана // Приокский рабочий. — 1929. — № 85. — С. 3.
- ¹²² Баранова Д. Н. Указ. соч. — С. 106.
- ¹²³ Прямова Н. А. Указ. соч. — С. 83.
- ¹²⁴ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.antiq.info/magazine_all_issues/6859.html.
- ¹²⁵ См.: Горожанина С. В. Указ. соч. — С. 93.
- ¹²⁶ См., например: Глуценко Л. И., Смирнов Ю. М. «Игра в куклы»: этнография и идеология (на материалах Муромского района) // Рождественский сборник: Материалы конференции «Российская провинция: история, традиция, современность». — Ковров, 2009. — Вып. XVI. — С. 133-136.
- ¹²⁷ Золотарев Д. А. Этнографические наблюдения в деревне РСФСР (1919-1925 гг.). // Материалы по этнографии Госуд. русского музея. — Л., 1926. — Т. III. — В. I.
- ¹²⁸ Гур-Гуревич. Революция требует новых игрушек // Советская игрушка. — М., 1931. — Вып. 1. — С. 54.
- ¹²⁹ См., например: Флерина Е. А. Игрушка, как она есть // Советская игрушка. — М., 1931. — Вып. 1. — С. 10.
- ¹³⁰ Якубовская М. Указ. соч. — С. 39.
- ¹³¹ Гур-Гуревич. Указ. соч. — С. 54.
- ¹³² [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D0%B3%D1%80%D0%B0-%D1%85%D0%BE%D0%B4%D0%B8%D0%BB%D0%BA%D0%B0>.
- ¹³³ См.: Сахаров И. П. Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://bibliotekar.ru/rusSaharov/136.htm>.
- ¹³⁴ Родин А. Настольные игры // Советская игрушка. — М., 1931. — Вып. 1. — С. 28.
- ¹³⁵ Флерина Е. А. Игрушка, как она есть. — С. 11-12.
- ¹³⁶ Моисеев Ф. А. Наши задачи // Советская игрушка. — М., 1931. — Вып. 1. — С. 6.
- ¹³⁷ Флерина Е. А. Указ. соч. — С. 11.
- ¹³⁸ См., например: Якубовская М. Указ. соч. — С. 52-53; Сальникова А. Безглазая кукла и папин револьвер: ребенок в вещно-предметном мире раннесоветской эпохи // Теория моды. — 2008. — Вып. 8; Глуценко Л. И., Смирнов Ю. М. Взрослые игры в детские игрушки (Игровые куклы 20 — 50-х годов XX века. Муромская округа в контексте времени и страны // Материалы Межрегиональной краеведческой конференции. — Владимир, 2010. — С. 163-168.
- ¹³⁹ Кваснецкий Г. А. Указ. соч. — С. 42, 43, 46, 47.
- ¹⁴⁰ Там же. — С. 9.
- ¹⁴¹ Моисеев Ф. А. Наши задачи // Советская игрушка. — М., 1931. — Вып. 1. — С. 6-7.
- ¹⁴² Шумунова Т. В. Педагогические воззрения Н. Д. Бартрама в концепции и практике музея игрушки. Попытка реконструкции // Первые Бартрамовские чтения. — Сергиев Посад, 2004. — С. 15.
- ¹⁴³ Оршанский Л. Г. Игрушки. — С. 101.
- ¹⁴⁴ Василевский И. И. Игрушечный промысел в системе промкооперации // Советская игрушка. — М., 1931. — Вып. 1. — С. 34.
- ¹⁴⁵ Горлов Д. В. Какова современная игрушка // Советская игрушка. — М., 1931. — Вып. 1. — С. 16.
- ¹⁴⁶ Флерина Е. А. Игрушка, как она есть. — Вып. 1. — С. 9, 10.
- ¹⁴⁷ Василевский И. И. Указ. соч. — С. 34.
- ¹⁴⁸ Василевский И. И. Указ. соч. — С. 35.
- ¹⁴⁹ Моисеев Ф. А. Указ. соч. — С. 7.
- ¹⁵⁰ Цит. по: Народные куклы. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.naivmir.ru/toys11.htm>.
- ¹⁵¹ Цит. по: Новые игрушки торопят детей взрослеть. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.dwjok.ru/HTML_VOV/HTML/vvv_001/vvv_15.htm.
- ¹⁵² Романов С. Г. Указ. соч.
- ¹⁵³ Ефимова Е. А. Журнал «Советская игрушка» («Игрушка») как исторический источник по истории развития игровой культуры второй половины 1930-х гг. // Первые Бартрамовские чтения. — Сергиев Посад, 2004. — С. 78.
- ¹⁵⁴ Игрушка Горьковского края. — Загорск, 1933. — С. 4; История «советской» игрушки. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://igrushka.kz/phpBB2/viewtopic.php?p=8591>.
- ¹⁵⁵ См.: Ефимова Е. А. Указ. соч. — С. 79, 80.
- ¹⁵⁶ Гептинг О. Игрушки прошлого века. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.novsu.ru/press/novuniver/i.2526/?number=2004_03_03&article=igrushki.
- ¹⁵⁷ Вольский К. О детском гардеробе // Муромский рабочий. — 1935. — № 69. — С. 2.
- ¹⁵⁸ Якубовская М. Указ. соч. — С. 52.
- ¹⁵⁹ Маркович М. Драматизация в школьном возрасте // Дети и театр. — Л., 1925. — С. 23; см. также: Сальникова А. Указ. соч.
- ¹⁶⁰ Якубовская М. Указ. соч. — С. 53-53.

- ¹⁶¹ История страны в игрушке. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ifvremya.ru/cgi-bin/res.pl?FIL=work/arc/2004/1117/5_20041117.txt; Советская военная игрушка. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: // <http://www.rustrana.ru/article.php?nid=31232>.
- ¹⁶² Часть латинской пословицы — «Хочешь мира — готовься к войне!». См.: Жук Б. А. Стрелковое оружие. — М., 1992. — С. 233.
- ¹⁶³ Романова А. Л. Образная игрушка как носитель социокультурных ценностей: сравнительный анализ советских и современных кукол // Психологическая наука и образование. — 2008. — № 3. — С. 91-98.
- ¹⁶⁴ Родин А. Настольные игры // Советская игрушка. — М., 1931. — Вып. 1. — С. 28.
- ¹⁶⁵ Там же.
- ¹⁶⁶ Романов С. Г. Указ. соч.
- ¹⁶⁷ Агапова М. П. Как работает и что делает Загорская артель игрушечников // Советская игрушка. — М., 1931. — Вып. 1. — С. 49.
- ¹⁶⁸ Муромский межрайонный союз деревообрабатывающих, лесозаготовительных и лесохимических кооперативов промышленной кооперации «Мурдревхимсоюз»: Иллюстрированный пресс-куррант на изделия промкооперативов: Мебельные, Игрушек, Кузнечно-меховые, Судостроение, Лесохимической продукции, Бондарные и тары, Обозные, Разных промыслов. — М., 1937.
- ¹⁶⁹ Флерина Е. А. Межведомственный научно-художественный совет по игрушке и игровым материалам. Работа за период с 1 июня по 1 ноября 1930 г. // Советская игрушка. — М., 1931. — С. 56.
- ¹⁷⁰ Сухова О. А. Указ. соч. — С. 121.
- ¹⁷¹ История «советской» игрушки; Романов С. Г. Указ. соч.; История страны в игрушке. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ifvremya.ru/cgi-bin/res.pl?FIL=work/arc/2004/1117/5_20041117.txt.
- ¹⁷² История страны в игрушке.
- ¹⁷³ Горожанина С. В. Указ. соч. — С. 94.
- ¹⁷⁴ Гордость артели (артель им. Крупской) // Муромский рабочий. — 1935. — № 52. — С. 2; Камский М. Артель «Красный кустарь» после чистки ухудшила работу // Муромский рабочий. — 1934. — № 224. — С. 2.
- ¹⁷⁵ Тюрина Е. К. Коллекция полотенец мастерской Василия Петровича Лобикова в собрании Муромского музея // Сообщения Муромского музея 2010. — Муром, 2010. — С. 123.
- ¹⁷⁶ См., например: Василевский И. И. Указ. соч.
- ¹⁷⁷ Агапова М. П. Указ. соч. — С. 50.
- ¹⁷⁸ Якубовская М. Указ. соч. — С. 69.
- ¹⁷⁹ Там же. — С. 70.
- ¹⁸⁰ Там же. — С. 70.
- ¹⁸¹ Там же. — С. 79.
- ¹⁸² История «советской» игрушки.
- ¹⁸³ Греченко В. А. На службу политехническому воспитанию // Советская игрушка. — М., 1931. — Вып. 1. — С. 23; см. также: Гур-Гуревич. Революция требует новых игрушек // Там же. — С. 53.
- ¹⁸⁴ Василевский И. И. Указ. соч. — С. 38.
- ¹⁸⁵ Там же. — С. 38.
- ¹⁸⁶ Гур-Гуревич. Указ. соч. — С. 53-54.
- ¹⁸⁷ Горлов Д. В. Какова современная игрушка // Советская игрушка. — М., 1931. — С. 16.
- ¹⁸⁸ Василевский И. И. Там же. — С. 34.
- ¹⁸⁹ Флерина Е. А. — Указ. соч. — С. 9.
- ¹⁹⁰ Греченко В. А. На службу политехническому воспитанию // Советская игрушка. — М., 1931. — Вып. 1. — С. 36.
- ¹⁹¹ Там же. — С. 37.
- ¹⁹² Там же. — Вып. 1. — С. 23, 36.
- ¹⁹³ См., например: Solovieva L. The Toy. — М., 2002. — С. 20; Русские декоративные промыслы. — М., 2010. — С. 55.
- ¹⁹⁴ См., например: Глуценко Л. И., Смирнов Ю. М. Указ. соч.
- ¹⁹⁵ Райкова И. Н. Детское творчество // Традиционная культура Муромского края. — С. 446.
- ¹⁹⁶ Глаголь С. Русская народная игрушка в XIX веке // Игрушка. Ее история и значение. — М., 1912. — С. 84.
- ¹⁹⁷ Малахiev-Мирович В. Воспитательное значение игрушки // Игрушка. Ее история и значение. — М., 1912. — С. 142, 154.
- ¹⁹⁸ Глаголь С. Указ. соч. — С. 82, 84.
- ¹⁹⁹ Якубовская М. — Указ. соч. — С. 79.
- ²⁰⁰ Василевский И. И. Указ. соч. — С. 36; Кустарная промышленность РСФСР. — М., 1929. — С. 10.
- ²⁰¹ Василевский И. И. Указ. соч. — С. 36.
- ²⁰² См.: Дайн Г. «Дочки-матери» // Декоративное искусство СССР. — 1978. — № 2. — С. 30.
- ²⁰³ Там же.
- ²⁰⁴ Полевой дневник Л. И. Глуценко. 2008 г. — Инф. З. А. Крошкина 1931 г. р.
- ²⁰⁵ Там же. — Инф. Г. С. Васильева 1932 г. р.
- ²⁰⁶ Там же. — Инф. М. И. Малокова 1924 г. р.
- ²⁰⁷ Там же. — Инф. Г. С. Васильева.
- ²⁰⁸ Там же. — Инф. Н. М. Евстигнеева. 1947 г. р.
- ²⁰⁹ Там же. — Инф. З. А. Крошкина, Г. В. Васильева.
- ²¹⁰ Там же. — Инф. Ф. П. Кожухова 1932 г. р.
- ²¹¹ Там же. — Инф. М. И. Малокова.
- ²¹² Там же. — Инф. З. А. Крошкина.
- ²¹³ Там же. — Инф. Ф. П. Кожухова.
- ²¹⁴ Там же. — Инф. М. И. Малокова.
- ²¹⁵ Зыков М. Б. Игрушка в эмоционально-виртуальном мире ребенка // Вторые Бартрамовские чтения. — Сергиев Посад, 2008. — С. 14-15.
- ²¹⁶ Катриона Келли. Советский Союз — рай для детей? — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://natali.pozitifff.com/modules.php>.
- ²¹⁷ Полевой дневник Л. И. Глуценко. — Инф. Н. М. Евстигнеева.
- ²¹⁸ Там же. — Инф. Н. М. Евстигнеева.
- ²¹⁹ Там же. — Инф. Л. О. Дырова 1932 г. р.
- ²²⁰ Традиционная культура Муромского края. — М., 2008. — Т. I. — С. 446. Инф. В. А. Герасимова 1913 г. р.
- ²²¹ Там же. — Инф. Т. Н. Кузнецова 1953 г. р.
- ²²² Там же. — С. 446е. Инф. Г. С. Серкина 1930 г. р.
- ²²³ Дайн Г. Указ. соч. — С. 30.
- ²²⁴ Традиционная культура Муромского края. — С. 446. Инф. Е. М. Лодыгина 1920 г. р., О. М. Сирюк 1930 г. р.; см. также: Попова Е. В. Растения дикорастущей и культурной фауны в игровой культуре удмуртов // Первые Бартра-

- мовские чтения. — Сергиев Посад, 2004. — С. 71.
- ²²⁵ Полевой дневник Л. И. Глущенко. — Инф. З. А. Крошкина.
- ²²⁶ Там же. — Инф. Ф. П. Кожухова.
- ²²⁷ Холодова Л. С. Рождественские праздники в селе Татарово // Сообщения Муромского музея 2010. — Муром, 2011. — С. 145.
- ²²⁸ Там же. — Инф. З. А. Крошкина.
- ²²⁹ Там же. — Инф. Г. С. Васильева.
- ²³⁰ Пролетарская елка // Луч. — 1923. — 3 февр. — № 10 (394). — С. 3.
- ²³¹ Луч. — 1923. — 25 дек. — № 229 (607).
- ²³² Советская елочная игрушка. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.kholmtoy.com/history7.html>.
- ²³³ Суздальцева Н. В. Праздник Рождества в моей памяти о детстве // Муромский сборник. — 1993. — С. 154.
- ²³⁴ Холодова Л. С. Указ. соч. — С. 143. — Инф. З. Ф. Киселева (1927 г. р.), В. Ф. Ватутина (1932 г. р.), А. М. Фролова (1917 г. р.).
- ²³⁵ Дети ждут новогоднюю елку // Муромский рабочий. — 1936. — 14 дек. — 3 227 (1794). — С. 3.
- ²³⁶ Изготовление елочных игрушек // Муромский рабочий. — 1936. — 28 дек. — № 234 (1801). — С. 4.
- ²³⁷ Новогодний праздник // Муромский рабочий. — 1941. — № 7. — С. 3.
- ²³⁸ Первое Мая у детей // Луч. — 1923. — 6 мая. — № 55 (489). — С. 2.
- ²³⁹ Луч. — 1923. — 12 июля. — № 102 (486). — С. 4; 17 июля. — № 104 (488). — С. 4.
- ²⁴⁰ Луч. — 1923. — 3 ноября. — № 183 (567). — С. 4.
- ²⁴¹ Как мы праздновали годовщину Октябрьской революции // Октябрь и дети. Воспоминания. Рассказы. Стихи. Пьесы. — Владивосток, 1924. — С. 11-12.
- ²⁴² Флерина Е. А. Игрушка, как она есть. — С. 8.
- ²⁴³ Детский сад // Муромский рабочий. — 1941. — № 106. — С. 3.
- ²⁴⁴ Одичание детей // Луч. — 1922. — 5 мая. — № 32 (315). — С. 2.
- ²⁴⁵ Запрещение азартных игр // Приокский рабочий. — 1929. — № 1 (855) (2 июня). — С. 2.
- ²⁴⁶ Кваснецкий Г. А. Указ. соч. — С. 47.
- ²⁴⁷ Гросс. Праздник детей // Луч. — 1924. — № 131. — С. 3.
- ²⁴⁸ См., например: Латынин Л. Основные сюжеты русского народного искусства. — М., 2006; Менджеричкая Д. В. Воспитателю о детской игре. — М., 1982; Романова А. Л. Образная игрушка как носитель социокультурных ценностей: сравнительный анализ советских и современных кукол // Психологическая наука и образование. — 2008. — № 3. — С. 91-98; Перетыкина Н. Кукла как средство самовыражения. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.wslon.ru/256#block.344>; Полякова В. А. Темы и сюжеты язычества в русской народной игрушке // Первые Бартрамовские чтения. — Сергиев Посад, 2004. — С. 168-169; и др.
- ²⁴⁹ Катриона Келли. Указ. соч.

М. В. Буслович (Муром)

БАЗАР В МУРОМЕ

Удивительно удобное место выбрали наши предки для своего поселения: «Сюда, в IX веке, еще до Рюрика, были привлекаемы народы, занимавшиеся торговлей. Со стороны юго-запада приезжали в Муром торговые гости из всех стран дальнейших: греки, жители древнего города Кафы, купцы киевские, смоленские, черниговские да рязанские... Рюрик, желая поддержать торговлю, дал Мурому исключительное право управлять старейшинами, между тем, как во всех городах России, помимо Ростова, Полоцка и Белоозера, были поставлены наместниками вельможи», — так пишет об основании Мурома первый летописец города А. А. Титов, бывший градским головой в 1830-1833 гг.

Наличие торгово-транзитного пути, обеспечивающего ремесленникам бесперебойный сбыт

товаров, было необходимым условием возникновения древнерусских городов. Для раннего периода истории Мурома внутренняя и внешняя торговля подробно не изучена, однако некоторые сведения о ней можно найти в разнообразной литературе, описывающей состояние торговли на Руси в то время¹. Располагаясь на берегу Оки, Муром находился на Большом Волжском пути, который соединял западные районы Руси с востоком. О существовании интенсивной торговли населения Волго-Окского междуречья с Востоком в IX-XI вв. позволяют говорить находки монетных кладов. Одним из крупнейших является клад, обнаруженный в Муроме в 1868 г. Общий вес клада, насчитывавшего только целых куфических монет 11 077, составил 2 пуда 33 фунта (45,2 кг). Монеты датируются 715-939 гг.², причем более

90 % из них составляют монеты самаркандской чеканки 890-930 гг.³

С приходом на Муромскую землю славян начинается бурный рост и развитие города: строится деревянный кремль, совершенствуются ремесла — кузнечное, кожевенное, гончарное, ювелирное, завязываются торговые связи с другими городами и даже с далекой Византией.

В X-XI веках Муром славился своей торговлей и был богатым торговым пунктом северо-восточной Руси. Многоводная Ока давала возможность удобно сношаться с волжскими булгарами, которые каждое лето и сами приплывали сюда; жители Мурома и окрестностей в большом количестве снабжали их шкурами пушных зверей — куниц, белок, красных и чернобурых лисиц, а также воском, медом и рыбой. От булгар получали взамен разные восточные товары: шелковые изделия, жемчуг и др. Нередко заглядывали в Муром и торговые гости из южных городов — Киева, Чернигова, даже Тавриды⁴.

Междоусобные войны русских князей и татарские набеги наносили тяжелый урон Мурому, иногда приводя его к полному запустению. Однако город каждый раз возрождался, чему, видимо, способствовало и его удачное расположение на торговых путях.

В 1573-74 году по сотным грамотам в Муроме числилось более трехсот лавок: «А сидят в них муромцы посадские люди со всякими товарами». 203 лавки, лавочных мест, прилавка, полка и лубенника было в «живущем городе», т. е. они работали, выплачивая 32 руб. 17 алтын и 3 деньги оброка: в большом ряду 38, в калачном и соляном — 60, в мясном — 24, в рыбном — 14. «В пусте» насчитывалось 117 торговых мест. Приезжих торговцев принимали три гостиных двора⁵. В источниках упоминаются следующие торговые ряды: большой, где торговали самым разным мелочным товаром (позже этот ряд стал называться москательным), рыбный, калачный, соляной, мясной, сапожный, хлебный, лубенный. Был особый торговый ряд в Спасской слободе. В городе, по сохранившимся писцовым и переписным книгам, насчитывалось около шестидесяти ремесленных профессий. Хорошо были представлены производства пищевых продуктов: хлебники, калачники, пирожники, солодники, квасники, пивовары, ры-

боловы, мясники, масленики, кисельники и проч.

Около 1636 г. на городском торгу появился новый калачный ряд, в котором было до двадцати лавок, а на посаде была улица Калачная. Забирали муромских мастеров калачного дела и в столицу; так, в грамоте 1666 г. говорится, что на «житье» в Москву в числе прочих были посланы и «калашники». В каждой Писцовой или Сотной книге отмечались дворы, в которых выпекали на продажу этот характерный для России и для Мурома особенный вид хлебопекарного изделия, в 1781 г. попавшего даже на герб города.

Жители города угощали ими не только простых заезжих гостей России, но и высоких государственных мужей, и даже российских царей. Кстати, Муром в прошлые годы посетили одиннадцать державных гостей и царей России. Вот как отзывался о муромских калачах император Павел I, когда после своего визита в наш город в 1799 г. он уезжал в Петербург и, провожая его, муромцы поднесли ему калачи: «Вот это по-русски: и встретили и проводили с калачами!»

Газета «Владимирские губернские ведомости» отмечала в 21 номере за 1890 год: «Старинная и характеристическая торговля в Муроме — это калачи — Муромские. Всех калачных пекарен есть до двадцати; мастера и сами хозяева так изучили все пропорции к составлению печения, что Муромские калачи, отличаясь от других самою формою, славятся особенно приятным вкусом и величиною».

За несколько лет до революции одной из пекарен владел отец будущего министра обороны СССР Д. Ф. Устинова (1908-1986). Н. Суздальцева вспоминает: «Если мама сама не пекла хлеб, его мы покупали в пекарне Устинова. Внизу была пекарня, а наверху жила семья Устиновых. Там можно было купить хлебобулочные изделия разных сортов: хлеб заварной, пеклеванный, подовые караваи, простой хлеб. Там же пеклись французские булочки, белые караваи и, конечно, калачи. Какие же они были вкусные, испеченные в пекарне Устинова». Пекарня находилась в двухэтажном красном доме рядом с южными воротами базара (ныне ул. Советская, 7; муромский филиал «Промрадтехбанка» отреставрировал разрушавшееся здание, теперь в нем размещаются судебные приставы Муромского района). В революцию се-

мья Устиновых уехала из Мурома.

Важным посадским промыслом являлся рыболовный. В Оке водились судаки, язи, лещи, караси, плотва, щуки, окуни. Из Волги заходила стерлядь, сом, реже — осетры и белуги. Непосредственно добычей рыбы занимались рыболовы и мережники, которые ловили рыбу специальными сетями — мережами. Рыба не только кормила, но и была объектом торговли. В городе у церкви Козьмы и Демьяна рыбники заготавливали рыбу впрок и занимались торговлей. Муромские рыбники умели готовить пластованную рыбу: жаривали ее на огне на длинных деревянных спицах, как на вертеле. Эта рыба поставлялась даже к царскому столу. Живую рыбу — стерлядь, осетров — нередко возили в специальных бочках к царскому двору. Рыбники были настолько искусны в своем деле, что царь Алексей Михайлович, желая научить рыболовов с Белоозера «строить такие пласты, как в Муроме строят», повелел прислать двух человек из Мурома, знающих, как «делать пласты». Ими оказались Иван Тогунов и Лука Полуэктов.

Огородные овощи посадские жители выращивали не только для собственного употребления, но и на продажу. Особенно ценились скороспелые муромские огурцы. М. Чулков в «Историческом описании Российской коммерции» пишет: «Общий промысел у граждан состоит в огуречных огородах. Огурцы у муромцев разделяются по сортам: на зеленцы и семянники; зеленцы употребляют для домашних расходов, а семянники попускают лежать на грядках до самой их спелости; потом, разбивая, собирают семена на вес, и пуд семян от 7 до 8 рублей продается». Некоторые муромцы специализировались на продаже моркови. В источниках даже отмечена такая профессия, как «морковник». Свои лавки на городском торгу имели и крестьяне из села Карачарова: в 1637 году две лавки в соляном ряду были у Никиты Горшкова, две в соляном и одна в Сапожном — у Васьки Гущина, две в Соляном — у Пахомки Глотова. Правда, позднее воевода запретил сельским торговцам держать лавки, предписав им продавать свой товар только с лотков и подвод. Однако, несмотря на это, дела у карачаровцев, видимо, шли хорошо, потому что сыновья Пахомки Глотова — Наум, Демид — и его племянники Иван и Бог-

дан Глотова в недолгом времени стали одними из самых богатых России, распространив свою торговлю до Мангазеи, куда на своих кочах доставляли местные товары и вывозя оттуда различные меха. «Торговые операции Готовых поражают своими размерами, — удивляется С. В. Бахрушин. — В 1633 г., например, они привезли в Мангазею на своих двух кочах товаров и хлебных запасов на 1196 р. 71 к.; в 1683 г. ими вывезено из Мангазеи 63 сорока 23 соболя, 22 сорока 30 пупков, не считая прочей мягкой рухляди; в 1642 г. Иван Никифоров явил в Якутске тоже на вывоз к Руси 21 сорок 11 соболей, 11 сороков пупков и других мехов — всего на 984 руб., в 1644 г. через Верхотурскую заставу прошло тех товаров на 708 руб. с копейками и т. д. Готовы имели приказчиков, которые скупали для них пушнину в Сибири; они участвовали в общих предприятиях с видными устюжскими торговыми людьми вроде Алексея Усова; с ними входил в компанию даже мангазейский воевода Г. И. Кокорев для общих промыслов. О размерах своих торгов сами они писали в одной из своих челобитных: „А сходит с нас, сирот твоих, тебе, государю, в казну печатных и перекупных пошлин в сибирских городех на год рублей по 150 и больши, оприче десятыя пошлины, а десятыя, государь, пошлины сходит с нас, сирот твоих, в твою государеву казну на Мангазее и в Енисейском острожке соболей сороков по 5 и больши, оприче московские пошлины”»⁶.

В те времена 1 рубль, вложенный в Мангазею, приносил 30 рублей прибыли. Не зря ее называли «златокипящей». Академик С. В. Обручев сообщает о находке на Таймыре двух ножей, датированных 1619 годом. На их рукоятках вырезаны имена Иван и Ананий, а рядом с каждым — приписка «Муромец».

Известно, что в феврале-марте 1694 года девять карачаровцев возили в Москву молочные продукты.

Важной и доходной статьёй торговли Мурома до 1570 года был мед и продукты бортничества⁷, что отмечали и иностранцы⁸. В 1570 году была очень суровая зима, и множество пчел погибло. После этого бортничество в прежнем объеме так и не было восстановлено, однако в Таможенной книге Великого Устюга 1655/56 годов имеется любопытная запись: «Генваря в 25

день гостиной сотни муромца Авраама Черкасова человек его Макар Кондратиев приехал на шти лошадах. Товару явил по муромской выписи меду 108 п. цена тому 81 р. Да сверх выписи воску 12 п. с четвертью, меду 110 п. И тот товар весь продал врознь. Цена тому воску и меду 138 р. Да он же, Макар, выменил у Семена Шаламова на мед две половинки сукон анбурских и повез в Муром. Платил пошлины с того товару, на которых выпись положил, по 5-ти д. с рубля, а на который товар выписи не положил, с того платил пошлины по 10-ти д. с рубля, и обоего платежу его пошлин 8 р. 30 ал. 5 д.»⁹.

Муром был перевалочной базой по продаже соли, которая добывалась, главным образом, на севере, а затем расходилась по всей России. Здесь, например, находились складочные места и пункты оптовой торговли купцов и заводчиков Строгановых¹⁰.

В XVII веке в городе появились торговые бани, построенные за счет частного капитала. Называли их торговыми потому, что брали две копейки как за торговлю мытьем. Каждое сословие ходило в свои излюбленные бани. В небольших городах их обычно топили в субботу и еще день или два. Кроме того, появились кабаки и харчевни, в которых шла продажа вина и еды.

В XVIII — начале XX вв. во внутренней торговле России большое значение имели базары, которые в России издавна действовали и в городах, и в сельской местности. Слово «базар» происходит от тюркского *bazar*, персидского — *bazar* — ярмарка, рынок. Базар — место для торговли, обычно на площади, а также розничная торговля на таком месте пищевыми продуктами и товарами широкого потребления, привозимыми в тот или иной населенный пункт преимущественно в определенные дни, большей частью самими производителями; место съезда и сходки продавцов и покупателей по назначенным дням. Правительство рассматривало городские базары как способ снабжения жителей дешевыми продуктами питания из первых рук.

По состоянию на 1771 год в Муроме «первостатейных купцов, кои торгуют всеславными товарами, находится небольшое число; а из протчих некоторая часть в среднем, а большая часть в убогом находится состоянии.

Муромские купцы имеют кожевенные заво-

ды... также выдѣлывают мелочные кожи и продают в Муроме; да мыльные заводы, с которых отвозят мыло в другие города. Закупают в Муроме и в уезде разных рук холсты и отвозят в другие города на ярмонки. А некоторые из купцов закупают в зимнее время на Моршанской пристани, которая состоит в Тамбовском уезде в селе Морше, разный хлеб, и отвозят оной по весне коломенками до города Ярославля и в другие места; отпускают также из Мурома по небольшому количеству лесных разных товаров коломенками ж до Астрахани; многие ж пекут из пшеничной муки калачи на продажу в другие города и места...

Июня 25 дня на празднике св. Благ. Кн. Петра и Кн. Февронии, Муромских чудотворцев, бывает богомолье, при котором Муромские купцы имеют и из других городов обыватели привозят следующие товары: хлеб, мясо и рыбу разных родов, шелк, кумачи, китайку по цветам, бумагу хлопчатую и крашеную, сукна не дорогой цены, воск, ладан, сандал красный и синий, краску брусковую по небольшой части, камки, голи по цветам, букеты, грезеты, люстрины, тафты, кисеи, каламенки разных рук, позументы, масло деревянное, скипидар, нефть, квасцы, купорос, сахар, чай, виноградные напитки, уклад, железо, пестредь бумажную разных цветов, мехи заячьи и мерлушчатые шапки, рукавицы, сапоги, гарус, чулки, узды, шлеи, гужи, кушаки и другие мелочные вещи, також и крестьянское рукоделие.

Торговый день в неделе суббота»¹¹.

За тем, чтобы перекупщики не взвинчивали цены, следило государство. «Жалованной грамотой городам» Екатерины II от 21 апреля 1785 г. определялись необходимые в городе «еженедельные торговые дни и часы... для того назначить в городе место, куда и время когда привозить, продавать и покупать удобно, кому потребно, и на том месте Городовой магистрат велит поднять распущенное знамя, и в те часы, пока знамя поднято, запрещается продавать или закупать оптом припасы; со спущением же знамени запрещение таковое снимается». «Жалованная грамота» облегчила процедуру утверждения новых городских базаров.

Главными участниками базаров в Муроме являлись крестьяне и купцы. Основными товарами были сельскохозяйственные, а промышленные играли менее заметную роль. В отношении ассор-

тиента товаров ярмарки и базары дополняли друг друга: на ярмарках преобладали промышленные изделия, а на базарах — сельскохозяйственные. В зависимости от оборота, числа участников, продолжительности и регулярности базары подразделялись на несколько видов: торжки, базары, торги. Утренние ежедневные небольшие базары в крупных городах назывались торжками. В городах дважды или трижды в неделю собирались базары, продолжавшиеся с утра до вечера. Один раз в две недели или в месяц в очередной базарный день объявлялись торги, которые по своему обороту и количеству участников приближались к малым ярмаркам.

На рубеже XVIII-XIX веков летом на торги в Муром из окрестных сел и деревень привозили хлеб, лес, овощи, сельскохозяйственные орудия и другие предметы, относящиеся к крестьянскому быту, холст, пряжу, сало, щетину, рубашечный холст, лошадей, а также рогатый скот, овец и телят для продовольствия городских и частично уездных жителей не менее чем на 100 тыс. руб. Крестьяне сбывали на базаре шкуры животных, которые скупали местные кожевники: продажа особым образом выделанных кож на несколько столетий стала основой муромского благосостояния¹².

По Оке всегда в большом количестве привозили свежую рыбу, и редко бывало, чтобы она оставалась непроданной до следующего дня. Несмотря на обилие рыбы на муромских торгах, цены на нее порою резко повышались и держались даже выше московских из-за того, что много рыбы вывозилось во Владимир и Москву. Однако цены снижались, как только подвозили рыбу с Урала, Волги, Хопра, а иногда и Дона. Еще Сигизмунд Герберштейн, немецкий барон, дипломат и путешественник, дважды посетивший Московию в первой четверти XVI века, писал, что «Ока... особенно знаменита обилием рыбы; ее рыба предпочитается (выловленной) в других реках Московии, а главным образом та, что ловится около Мурома»¹³. К сожалению, в начале XIX века муромские жители отдали рыбные ловли в аренду рязанцам, а те стали браконьерствовать — добывать рыбу громлением. С тех самых пор Муром и потерял славу рыбного города, полноценная популяция рыбы так и не восстановилась.

Зимой основными предметами торговли

оставались хлеб и мука, которые привозились из Тамбовской, Пензенской, Симбирской, Нижегородской губерний от 3 до 4 тыс., а иногда и более, возов. Все это раскупали и местные жители, и промышленники, приезжавшие из соседних городов и уездов. «Редко бывает, почти никогда, чтобы привезенный хлеб остался непроданным до другой недели, если же окажется непроданный хлеб, то амбары, лавки здешних торговцев всегда готовы для помещения остатков, стоит только продавцу уступить немного в доле»¹⁴.

«Владимирские губернские ведомости» в 1850 году сообщали, что в городе имеется четыре торговых площади: первая гостинодворская, вторая сенная и хлебная, третья конная, четвертая соборная ярмарочная, из «сих площадей» две вымощены камнем¹⁵.

Гостинодворская или **Рождественская** [Хлебная (1636), Базарная, Рыночная (1784), Комсомольская, им. 1100-летия г. Мурома] — это главная торговая площадь города. Еще в середине XVI века на ней, по старинной описи, стояло пять лавок размером от 8 до 50 квадратных метров. На этой площади помещались лавки мясные, шорные, свечные и др.

В XIX столетии на площади произошли немалые изменения. 15 июня 1813 г. заложено здание городского магистрата и Думы, сегодня там располагается художественная галерея Муромского историко-художественного музея. По периметру площади в середине XIX века выстроены торговые ряды в стиле ампир по проекту губернского архитектора Е. Я. Петрова (они сохранились до наших дней в северо-восточной части современной площади имени 1100-летия, придавая городу своеобразный колорит). Глубокие подвалы со сводчатыми перекрытиями были приспособлены для хранения зерна, обеспечивая постоянную температуру и влажность, а также безопасность хранения. Городской голова А. В. Ермаков, озабочиваясь обеспечением устроенного им приюта, с разрешения Городского управления выстроил в мясном ряду пять лавок на свой счет и впоследствии передал их в город с тем, что бы доходы с них шли на содержание приюта.

Позднее возводится дом купцов Зворыкиных — «Козьмичей». С расширением и надстройкой дома завершилось формирование торговой площа-

ди, но одновременно был закрыт вид на Николо-Зарядскую церковь со стороны реки. Центральная часть главного фасада обращена на площадь. В 60-х годах XIX века площадь замощена, а через столетие и заасфальтирована.

Помещения в рядах были весьма разнообразны и носили разные названия: амбары, погреб, лавки, прилавки, полки, шалаши. В шалашах продавались разные мелкие, большею частью изготовленные, съестные припасы, для употребления на месте простолюдинами, собиравшимися на торгах. На скамьях продавали мясо. Гончары размещали свой товар прямо на земле. Горшки, крынки, плошки, кувшины, формы для куличей и даже маленькая игрушечная посуда были всегда в большом выборе. Раскупалось все полностью, все было предметом первой необходимости. В каждом доме готовили пищу в русских печах, и глиняная посуда была нужна всем. Здесь продавали сита, решета, деревянные ложки, были бочки и бочоночки для солений, сани, телеги, лопаты, грабли, детские колясочки¹⁶.

Сенная площадь в базарные дни по субботам превращалась в огромное торжище. Условно она делилась на две части. Правая (северная) сторона предназначалась для торговли рыбой, капустой, свеклой, зеленью, морковью, огурцами, репой, картофелем, ягодами, молоком и сметаной. Противоположный конец площади граничил с Нижегородской улицей (ныне Воровского). Он отводился для торговли щепным товаром — всевозможными кадками, бочками, корзинками, лыком, дровами и сеном. Поэтому площадь и называлась Сенной, так как только здесь можно было купить в большом количестве корм для лошадей и коров.

Что касается основного товара Сенной площади — дров и сена, то в январе 1914 года за пуд сена просили 30 копеек, а одна сажень березовых дров стоила 7 рублей 50 копеек. Смешанные дрова шли за семь рублей.

На площади вплоть до вечера всегда былолюдно. Торговать разрешалось как со столов, ларей, так и прямо с телег или саней — в зависимости от времени года.

В настоящее время старую Сенную площадь не узнать. Ныне это тихий небольшой скверик, расположенный прямо перед Окским парком.

Трудно даже представить, что некогда здесь было одно из самых оживленных мест города

Конная площадь (Троицкая, Базарная, пл. Крестьянина, Монастырская поляна). Местность, примыкавшая к монастырям с востока, имела несколько наименований. В старину, в XVII-XVIII вв., здесь проходила Цветновская улица, на которой стоял когда-то двор купца гостининой сотни Богдана Цветнова, так много сделавшего для Мурома. В XIX в. площадь называлась Конной. На ней можно было купить или продать лошадей.

По приезду на площадь торговцы платили в пользу Городской думы определенную сумму денег, направлявшихся на благоустройство города.

Однако крестьяне, приезжавшие торговать в Муром из окрестных сел и деревень, не очень-то следили за чистотой и порядком. Вот забавный документ от 18 мая 1905 г., адресованный членом Городской управы П. Нехорошевым на имя муромского городского полицейского пристава: «Крестьяне, приезжающие на базары для торговли, вытаскивают из мостовой с площадей камни и подкладывают под колеса своих телег, затем по окончании торгова камни остаются на тех площадях, чрез что препятствует правильной езде. А потому Городская управа просит Вас, Милостивый Государь, воспретить крестьянам вытаскивать из мостовой камни и подкладывать их под телеги, в противном случае виновных привлекать к ответственности».

Площадь перед собором — **Соборная** (Базарная, Ярмарочная, в 1769 году без названия — западная часть парка им. Ленина). Она была самой большой и в базарный день вмещала ряды, то есть возы с сеном, дровами, овощами, мукой, зерном и ряды с молоком, маслом, сметаной, медом, ягодами. Долгие годы она оставалась центром шумной ярмарки.

На всех площадях летом торговля открывалась в четыре утра, а осенью и зимой — с семи часов. Один муромский старожил рассказывал, что в послевоенные годы ребята часто находили в музейном овраге медную мелочь конца XIX — начала XX веков. Объясняется это просто: еще до революции и после нее рядом с оврагом, на площади Крестьянина, находился базар, где торговали сеном. А на нынешней площади имени 1100-летия

города Муром (возле администрации) до войны и после располагался вещевой рынок. И, наверное, когда торговцы отсчитывали сдачу, мелкие монетки выскальзывались из рук и терялись.

В базарные дни городские площади были буквально забиты телегами или санями — в зависимости от времени года. Муромцы через местную газету ворчали по этому поводу и просили обратить внимание на то, что «по улицам, примыкающим к площадям, совершенно нельзя проехать».

Муромская пристань в конце 60-х годов XIX в. могла одновременно принять от 10 до 30 барок¹⁷.

Н. П. Вошнина-Киселева вспоминает: «К пристаням товарным и пассажирским подходили красивые белые пароходы, буксиры тащили баржи из Нижнего, Павлова, Горбатова, с всевозможными товарами, фруктами и астраханскими арбузами. Все это перевозилось на базар, занимавший несколько площадей, такой большой и с товарами такими разнообразными, какого я не видела никогда больше за всю мою последующую жизнь.

От пристаней дороги шли в гору, и бедным лошадам тяжело приходилось переправлять на базарные площади все это обилие»¹⁸.

В 1874 году по «Генеральной ведомости по всем Владимирского Наместничества городам и округам» на 7281 жителя в Муроме числилось 1473 купца — 753 мужчины и 720 женщин. Тогда же в городе было 112 лавок и 15 питейных домов¹⁹. Торг купечества в то же время состоял «в разных российских и немецких шелковых материях и сукнах, которые получают из Москвы, Санкт-Петербурга и с ярмонок Макарьевской и Ростовской, куда обратно отвозят и свои товары; более же занимаются торговлею хлеба и юфти на реке Оке... Кожу для выделки... покупают в разных того же уезда селениях, в городе Муроме и... селе Павлове... Торги и годовые ярмонки бывают в селах: еженедельные 1) в Болотникове в четверток, 2) в Новоселках в среду, 3) в Арефине в понедельник 4) в Яковцеве в субботу 5) в Клину во вторник; а годовые... 6) в Глеbove июня 23 и в... Новоселках июля 8. На оные приезжают из... Муром купцы... а крестьяне торгуют кожею. Съезд народа бывает от 300 до 3000 человек. Ярмонки продолжаются по одному дню»²⁰.

9 декабря 1880 года городская дума приняла постановление «О внутреннем распорядке на базарах в г. Муроме»: «Приезжающие на площадь торговцы должны становиться на указанных им местах рядами так, чтобы воза и другие помещения (имеется в виду лавки и полки) с одинаковыми товарами стояли в одних рядах, между которыми должен быть свободный проход и проезд; причем отнюдь не дозволяется приехавшим позднее выставлять свои воза впереди первых рядов».

Когда в 1891 г. Россию поразил полный неурожай хлебов и трав, отразившийся и на Муромском уезде непомерным повышением цен на все жизненные продукты, Городская Дума, специально изучавшая этот вопрос, «нашла, что помимо недостаточности неурожая, поднятие цен вызывается едва ли не в большей мере значительными скупками, совершаемыми для торговых спекуляций в виде вывоза продуктов из города».

5 сентября 1891 года гласный Городской думы Гулявский предложил запретить оптовую покупку хлебных и других продовольственных продуктов до 12 часов дня и ограничить всякие скупки в городе. Свое предложение он аргументировал следующим образом: в городе существует обычай, практикуемый крупными торговцами скупок на базарах хлебного товара, овса, сена и других припасов с раннего утра, высылая для этой цели по несколько служащих и лично сами закрывают воза, назначая за хлеб и другие товары цены без выторжки. И, таким образом, продукты первой необходимости остаются скупленными в двух, трех руках, а затем продаются по высоким ценам. Жители города зачастую возвращаются с рынка с пустыми руками, так как крупные торговцы успевают скупить на базаре все подходящие им товары.

А торговцы прессованным сеном являются за скупками его не только на площадь, но и к самому перевозу, с целью вывоза из Муром в Москву или в другие места.

Таким образом, населению города часто приходится делать большие переплаты за потребленные им продукты. Для исправления подобных неправильностей местного рынка крайне необходимо издать постановление о воспреещении торговцам скупки на базарах хлебного продукта, сена, овса ранее 12 часов дня.

Ввиду всего этого уездный исправник полагает издать следующие обязательные постановления:

«1. До 11 часов утра безусловно воспрещается скупщикам или поверенным, комиссионерам, приказчикам и служащим производить покупки продуктов как то: зернового хлеба, всякого рода муки, крупы, сала, соломы, овощей, живности, мяса, масла и яиц.

Воспрещенною скупкою признается покупка не для собственного домашнего потребления, а для торговых целей и кроме сего, скупка оптом или партиями для вывоза и отправки в другие места.

2. До означенного часа скупщики отстраняются не только от скупок ввиду вывоза продуктов с места продажи или из рук продавцов, но и от всяких с продавцами сделок, клонящихся к нарушению настоящих правил.

Собрание Городской Думы пришло к выводу, что в настоящее время крайне желательно принять меры к упорядочению торговли на здешних рынках и устранить те стеснения, которые жители города терпят от непомерного возвышения цен на продукты первой необходимости. Постановлено: составленные Уездным Исправником обязательные постановления принять без изменения и поручить Городской управе ходатайствовать перед Начальником Губернии о скорейшем приведении оных в действие ввиду важности дела»²¹.

Немало интересных фактов хранят в себе журналы (протоколы) заседаний городской думы. «Отцы города» решали и простые насущные людские проблемы.

Городской рынок постоянно находился под вниманием Городской думы. Например, 9 октября 1897 г. дума постановила: «Построить для торговли рыбою и зеленью десять закрытых лавок и десять открытых с постановкою в последних ларей, для чего ассигновать 800 руб.»²². 9 сентября 1908 г. было принято постановление: мелочную торговлю фруктами на Сенной площади не допускать, кроме торговли ящиками и закрытыми корзинами²³. 14 марта 1914 г. вступило в законную силу новое обязательное постановление о воспрещении в городе Муроме всяких скупок жизненных продуктов для торговых целей:

«1. Воспрещается в базарные дни до 10 часов утра всякая скупка для торговых целей, а равно скупка оптом или партией для вывоза и отправки

в другие места жизненных и съестных продуктов, как-то: муки, крупы, соломы, живности, молока, сметаны, рыбы свежей, творогу, дичи, поросят, уток, гусей и кур.

2. Указанная скупка свежей рыбы и разного вида ягод воспрещается во все дни недели.

3. Воспрещенною скупкою признается также покупка и для собственного домашнего употребления в базарные дни до 10 часов утра: масла коровьего более 30 ф., яиц более 300 штук, кур, цыплят, гусей, уток более 15 штук.

3. Жители города приглашаются к борьбе со скупщиками. Им представляется заявить о всех замеченных ими скупках Городской Управе, полиции и базарному смотрителю для составления надлежащего протокола.

4. О времени открытия свободной торговли вывешиваются флаги на здании Городской Управы, башни и таможни»²⁴. И уже 4 апреля газета «Муромский край» сообщает, что владимирский мецанин М. В. Байкусов за скупку свежей рыбы на базаре ранее установленного времени в количестве 4 п. по 2 ф., привлекается к ответственности по статье 29 о наказании. 9 июля, в разгар ягодного сезона, когда каждый день из окрестных деревень и сел в город приносят для продажи вишню, малину, смородину и другие ягоды, газета с тревогой пишет, что «продавцов ягод окружают скупщики, и ягоды быстро из „коробушек” и „плошечек” попадали в крупные корзины и решета. А между тем, существует обязательное постановление, воспрещающее скупку ягод во все дни недели, не исключая, конечно, и базарных».

Кроме того, Городская дума решала вопросы санитарного состояния рынка и контроля за качеством продуктов. В газете «Муромский край» за 24 января 1914 г. отмечалось, что «вопрос о контроле над продажей молочных продуктов становится злобой дня, на который обратили серьезное внимание не только в столицах, больших городах, но и в мелких. Вопрос о фальсификации продуктов, продаваемых на рынке, рассматривался на заседании муромской городской думы 8 января 1914 г. Надлежащая постановка торговли молоком и молочными продуктами на рынке требует, чтобы молоко и все продукты из него поступали на рынок первосортного качества и без фальсификации. Контроль за молочными продуктами произ-

водить ежедневно. Кроме того, следует удостовериться в правильности употребления продавцами мер и весов. Если у одного и того же продавца будут замечены два-три раза продукты подозрительного свойства, то его лишить и запретить ему торговать на рынке, а продукты забраковать. Контроль на местах торговли можно поручить базарному смотрителю, но при этом периодически должен контролировать санитарный городской врач. Устанавливая наблюдение за торговлей молочными продуктами, мы охраняем интересы жителей города Муром и его окрестностей как в экономическом, так и в санитарном отношении.

Повесить в местах продажи молока и молочных продуктов особые плакаты с указанием на последствия продажи недоброкачественными продуктами».

Особой популярностью пользовались Муромские субботние базары. Что на них продавалось и какие цены стояли на Муромском базаре? В 1912 году известный астрофизик В. Стратонов, волею судеб попавший в Муром, а до этого проживший в разных частях империи, изумлялся дешевизне муромского рынка: например, зайца — а их на базар привозили целыми возами — можно было купить за 20-30 коп. (как четыре стакана молока), тетерку — за 40-60 коп., поросенка за 1 руб. — 1 руб. 20 коп.²⁵

О продажах и уровне цен на муромском базаре в 1914 году можно судить по информации в газете «Муромский край».

«14 января, 1914 г. На субботнем базаре, как уже сообщалось, в субботу 11 января наблюдался большой привоз льна. В настоящее время выяснено, кем этот лен был закуплен. Муромская мануфактура льняных изделий купила льна до 3500 пуд., товарищество Анохиной тоже до 3500 пуд., товарищество братьев Суздальцевых до 1000 пуд. и скупщиками для Меленковской фабрики было куплено до 1500 пуд., осталось не проданным и сложенным до 3000 пуд. Цены были от 3 до 5 руб. за пуд. Льняное семя, которое было привезено до 150 в. закуплено маслобойными заводами по цене от 1 руб. 25 коп. до 1 руб. 35 коп. за пуд. Овес до 100 возов был продан по цене от 65 до 85 копеек за пуд. Сена было около 60 возов, цена на него стояла от 30 до 35 коп. за пуд. В общем, базар был средний.

Суббота, 18 января, 1914 г. Базарные цены в Муроме в прошлую субботу были следующие: рожь за пуд 80 коп., мука ржаная 95 коп., пшеничная 1-й сорт 2 руб. 50 коп. — 2 руб. 55 коп. и 2-й сорт 2 руб. 40 коп. за пуд.

Крупа гречневая — 1 руб. 50 коп., пшено — 1 руб. 35 коп., овес — 80 коп., солод ржаной 1 руб. 50 коп., горох 1 руб. 30 коп., керосин — 1 руб. 55 коп., сено — 30 коп. пуд, дрова березовые — 7 руб. 50 коп. сажень, смешанные — 7 руб.

Воскресенье, 9 февраля 1914 г. Базар был неважный, что и следовало ожидать, принимая во внимание распутицу. Цены на все съестные продукты были очень высокие. На базаре было очень много рыбы. Наблюдался большой привоз сена.

Воскресенье, 30 марта 1914 г. Базар был очень плохой. Причина — бездорожье и пасмурная погода. Цены на все продукты стояли высокие: например, лещ и судак продавался от 40 до 60 коп. за фунт.

Воскресенье, 25 мая 1914 г. Вчерашний базар был не особенно велик. Много было молочных продуктов, принесенных крестьянками из соседних сел. Молоко продавалось от 10 коп. за 1/4 ведра, масло топленое — от 40 копеек, масло сливочное — от 28 коп. за фунт. Яйца покупались за 20 копеек за десяток. Базарное деревенское мясо по цене 22 коп. фунт, баранина очень дорого — 18 коп. фунт. Низкие, сравнительно, цены, объясняются тем, что к празднику Троицы крестьянкам понадобились деньги.

Базар 15 июня 1914 г. Появился в большом количестве свежий картофель — 12 коп. фунт и грядовые огурцы — 16 коп. десяток.

Воскресенье, 22 июня 1914 г. На базаре появились первые ягоды — земляника, черника. Цену на ягоды выразить трудно, так как продаются они чашками, блюдечками, тарелками, за которые продавцы просят обыкновенно «по усмотрению».

Воскресенье, 29 июня 1914 г. Лучше всех расходились ягоды. Клубника «виктория» — 15 коп. фунт, земляника — около 6 коп. стакан, черника — 7 коп. фунт, малина — 15 коп. фунт, смородина: черная — 12-15 коп., красная 7-8 коп.»

Как и везде и во все времена, на муромском базаре нередки были случаи мошенниче-

ства. 27 марта 1914 года «Муромский край» поместил любопытную заметку: «В видах предосторожности сообщаем следующее: на днях г. Е. купив у одного из крестьян кусок коровьего масла, весом в 9 фунтов, разрешила таковое дома, и что же в середине его оказалось — сырая картошка и пшенная каша. Г. А. в купленном масле обнаружила тесто. Хозяйки, идя на базар, не забывают ножи!..»

Вообще отметим, что испокон веков на базарах и ярмарках вместе с покупателями бродили и преступные элементы. Большое скопление народа, шум и суета, царившие на торжищах, помогали обдывать темные дела. В Муроме печальной известностью славилась так называемая «Труба» — узкий проулок, соединявший Рождественскую улицу с Сенной площадью (ныне здесь берет свое начало Советская улица — район рынка и вновь открывшегося банка). В свое время это было царство картежников и всяких мелких шулеров. Вплоть до 1930-х годов здесь играли на деньги в азартные игры.

В заметке «Базарные картинки» от 8 марта 1914 г. в газете «Муромский край» читаем: «У нас, в богохранимом Муроме, есть две конные площади с постоянными дворами, где уставшие мужики из окрестных деревень и сел находят себе отдых, покупая съестное, балуются чайком и легонько из-под полы вырастает „она“... водочка от „устали“. Выпивают... и „теряют“.

На днях на старой конной у приезжих кре-

стьян случилась „потеря“, пропали... две супони, вожжи, один чрезседельник. Мер к розыску не было принято. Потерпевшим пришлось из своего скудного бюджета израсходовать на покупку украденных вещей 2 руб. 50 коп.».

Говорят, что графа А. Уварова подвигла на археологические раскопки в Муромском уезде появление на муромском базаре крестьянки из села Волосово, которая пыталась продать древнейшие кремниевые орудия.

В годы революции и последовавшей за ней гражданской войны базар в Муроме, несмотря на все усилия и жесткие меры по пресечению частной торговли, предпринимаемые центральными властями, продолжал играть важную роль в снабжении местного населения. Государству пришлось пойти на некоторые послабления в области торговли. В конце 1921 года местные власти с горечью констатировали: «Ввиду замены разверстки продналогом и разрешения частной торговли, последняя идет крупными шагами вперед, что можно усмотреть по многолюдству базаров и ярмарок. Причина развития частной торговли та, что она удовлетворяет потребность широких масс населения в предметах первой необходимости, а также и в продовольственных продуктах.

Никакому учету эта торговля не поддается»²⁶.

За последние четыре месяца 1921 года «вольные» цены на муромском базаре неудержимо росли:

	1/IX	15/IX	1/X	15/X	1/XI	15/XI	1/XII	15/XII
Цена за пуд (в тыс. руб.)								
Мука ржаная	60	150	150	160	240	235	255	345
Рожь	140	130	135	145	220	207	265	320
Пшеница	-	-	150	160	-	300	-	-
Пшеничн. мука	-	-	300	320	-	-	-	-
Овес	55	-	55	60	-	90	127	175
Ячмень	-	-	-	-	-	-	-	-
Пшено	200	145	150	170	250	236	260	360
Гречн. крупа	-	-	130	200	280	250	320	400
Картофель	14	10	16	18	20	22,5	22,5	42
Цена за фунт (в тыс. руб.)								
Масло кор.	20	20	24	30	33	40	42	60
Масло раст.	14	14	13	14	18	23	28,4	34
Мясо	4,5	4,5	4,5	4,5	3,5	3,5	15	14

	1/IX	15/IX	1/X	15/X	1/XI	15/XI	1/XII	15/XII
Копина	-	-	-	-	-	-	-	-
Баранина	5	5	6	6	6	10,5	12,25	15,5
Солонина	-	-	-	-	-	-	-	-
Сало свиное	14	15	15	15	16	25	27,75	30
Сало говяжье	-	-	18	22	20	27	82,6	37
Соль	2	2	2	2	3	3,25	4,5	5,5 ²⁷

Даже спустя почти десять лет, несмотря на все попытки ввести частную торговлю в рамки промкооперации, аналитики вынуждены были отмечать, что «потребительские нужды населения округа наряду с торговыми заведениями постоянного типа обслуживаются еще периодическими видами торговли: базарами и ярмарками.

Торговля второго вида имела место в очень многих селениях округа и носила, обычно, розничный характер. Предметами торгова на ярмарках являлись хлебный, мучной, мануфактурный, галантерейный, бакалейный, рыбный, кожаный, шорный и щепной товары, железные изделия и с/х орудия, скот, мясо, фураж, овощи, грибы и изделия местной кустарной промышленности. Время открытия ярмарок обычно приурочивалось к местным престольным праздникам; продолжались они в среднем два дня. Наиболее крупными примерами этого вида торговли в округе являлись Муромская... продолжавшаяся десять дней (с 23-го июня ст. ст. по 5-го июля н. ст.) имела оборот в 100-120 тыс. руб. Главными предметами торгова являлись — мануфактура (в частности, изделия местных текстильных фабрик), готовое платье, меха, рогатый скот, лошади и кустарные изделия. Возобновленная после перерыва за годы революции в 1925 году, она показала свою нежизненность и отсутствие в ней нужды в условиях советской системы товарораспределения и в 1928 году Муромская ярмарка была открыта официально в последний раз... Вообще местные ярмарки, за исключением Павловской, имевшие своим назначением разовое удовлетворение потребностей нужд крестьянского населения с охватом всей сельской местности системой промкооперации оказались не нужными и, так сказать, отмерли сами собой. Сокращение частной торговли и товарный кризис ускорили ликвидацию ярмарок»²⁸.

Вполне понятно, что, в условиях товарного

и сырьевого дефицита, отсутствия частного производства, а, следовательно, с одной стороны — возможности поставок крупных партий товара, с другой — закупки оптовых партий, ярмарки «самоликвидировались». Однако «базары в округе до настоящего времени еще не утратили своего значения. Известно, что и до сих пор в системе рабочего и городского потребительского снабжения имеется еще ряд продуктов, которыми не торгует промкооперация. Это — продукты крестьянского производства. Они то в большей или меньшей доле и идут через базарную торговлю... Наиболее крупным базаром в округе является Муромский. В сферу его тяготения не входят только Павловский район, северная и восточная часть Вачского района (из бывших Панинской и Арефинской волостей) и самые отдаленные части Ардатовского, Вознесенского и Ляховского районов. Но вместе с этим рыночное влияние Муромского базара распространяется целиком на Меленковский и Селивановский районы и на значительную часть Гусевского района Владимирского округа... Товары крестьянского привоза: сено, мясо, дрова, хлебные продукты, молочные продукты, лошади, коровы, овощи, лесоматериалы, прочие. Кустарные изделия: кожаная и валяная обувь, телеги и сани, щепной и скобяной товар, шорный товар, мануфактура, галантерея, готовое платье, прочие товары»²⁹. Главным спросом в это время пользовались хлебопродукты, обувные товары, сахар, табак.

Оборот одного базара в 1927-28 г. равнялся в среднем 25-30 тысяч рублей. Весь привоз и пригон 1 506 980 руб. за год. Базар давал прибыль 106,7 тыс. руб., т. е. 2,02 % к обороту. Размер прибыли надо признать для того времени вполне нормальным, если учесть, что 1927-28 год сопровождался жесткими условиями регулирования норм накладки на товары³⁰.

Как выглядел муромский базар в первой

четверти XX века, можно представить по работам муромского жителя, академика живописи И. С. Куликова. О базарах и ярмарках Иван Семенович вспоминал с большим удовольствием: «Запах свежей скошенной травы, которую жевали лошади у своих телег... Пахло дегтем, которым смазывались колеса — все это в солнечный день имело свою прелесть».

Особенно привлекательными были летние и осенние базары, которые занимали всю центральную часть города. В базарные, иногда совпадающие с религиозными праздниками, дни простой народ стремился провести время в городе на базарной площади, где встречаются люди со всей округи. На базаре толпы крестьян в праздничных одеждах, с праздничным настроением делают небольшие покупки, которые невозможно приобрести в деревне в обычные дни, и обсуждают различные проблемы.

Еще будучи учеником мастерской И. Репина, Куликов видел, как один из его лучших друзей Б. Кустодиев работал над конкурсной картиной «На базаре». Возможно, уже тогда у Куликова зародилась мысль о том, что бы отразить в своем творчестве одно из характерных явлений жизни Мурома. Изображению базаров И.С.Куликов посвятил несколько лет, постоянно возвращаясь к этой теме. На многих базарах художника можно было видеть с этюдником, однако лишь в 1907 г. он впервые создает полотно на эту тему: «Базар в Муроме» («Базар у карусели»), выставленное им на Весенней выставке в 1908 г.

Сюжет до предела прост. В летний солнечный день шумит многоцветная базарная толпа. Она показана настолько обобщенно, что многие лица и фигуры являются фоном, на котором вырисовываются несколько фигур переднего плана. На зрителя справа движется миловидная девушка в темно-зеленом платье и малиновом платке. Ее движения неторопливы и изящны. Молодые люди с восхищением смотрят ей в след. Слева стоит чиновник, разглядывающий лежащие на земле старинные

книги и вещи, которые продает старая женщина.

Другое произведение — «Базар с баранками» — написано художником несколько позднее (1910). Создается впечатление, что этот большой этюд написан с натуры. В центре на переднем плане на фоне церкви светлое пятно натянутого над столом с товарами холщового тента палатки. Под тентом развешаны муромские калачи и баранки.

Нельзя не упомянуть несколько крупных этюдов на эту тему: «Мальчики на базаре», «Базар у церкви», «Базар с лошадьё», которые можно считать подготовительными работами к крупному полотну «Ярмарка в Муроме» (1910-1912).

«Базар в Муроме» («Базар у карусели»), «Базар с баранками», «Мальчики на базаре», «Базар у церкви» — все эти произведения, хотя и написаны в разные годы, но написаны как бы в одном стиле.

В 1910-1912 гг. Куликов создает два значительных произведения под одним названием «Ярмарка в Муроме».

Одну из картин Куликова, напоминающую о муромском детстве, сохранил в эмиграции В. К. Зворыкин: «Дом, где я родился, выходил на большую площадь с двумя церквями (Рождества Христова и Николо-Зарядской). Вид из окон нашего дома на площадь с субботним базаром остался одним из приятных воспоминаний детства. До сих пор храню картину художника Куликова, на которой изображен субботний базарный день на площади (художник писал картину, стоя перед окном в нашем доме».

В. К. Зворыкин вместе с супругой Екатериной Андреевной в 1967 г. впервые приехали в Муром. По воспоминаниям Н. А. Беспалова «они приехали совсем ненадолго, даже не ночевали в Муроме. Мы побывали с супругами в Окском саду, посмотрели на реку, зашли на рынок, где Е. А. восхищалась обилием грибов на прилавках и даже поторговалась³¹.

¹ Костомаров Н. И. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. — СПб., 1862; Никольская Т. Н. Земля вятичей. К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX-XIII вв. — М., 1981. — С. 281; Полевой П. Очерки русской истории в памятниках быта. — СПб., 1880. — С. 142; Рыбаков Б. А. Торговля и торговые пути // История культуры Древней Руси. — М., 1948.

— Т. 1. — С. 348; и др.

² Родина М. Е. Международные связи Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. (по материалам Ростова, Суздаля, Владимира и их округи). Историко-археологические очерки. — Владимир, 2004. — С.67-68.

³ Хан Н. А. Очерки распространения куфических монет на территории Восточной Европы в конце XVIII — нача-

ле XI вв. — М., 2004. — С. 50.

⁴ Травчетов Н. П. Город Муром и его достопримечательности. — Владимир. — 1903. — С. 4.

⁵ Чечулин Н. Д. Города Московского государства в XVI веке. — М., 1989. — С. 159, 193, 194.

⁶ Бахрушин С. В. Торговые крестьяне в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. — М., 1952. — Т. II. — С. 124.

⁷ См.: Смирнов Ю. М. К вопросу о семантике посвящений престолов муромских храмов // Позднесредневековый город: археология и история. — Тула, 2007. — С. 162.

⁸ См., например: Ключевский В. Сказания иностранцев о Московском государстве. — М., 1866. — С. 139; Костомаров Н. И. Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. — СПб., 1862. — С. 283; Мальм В. А. Промыслы древнерусской деревни X-XIII вв. // Очерки по истории русской деревни. Труды ГИМ. — М., 1956. — Вып. 32. — С. 130; Флетчер Дж. О государстве русском // Проезжая по Московии (Россия XVI-XVII веков глазами дипломатов). — М., 1991. — С. 31.

⁹ 1655 (7164) г. сентября 1 — 1656 (7164) г. августа 30. — Таможенная книга Устюга Великого и Устюжского уезда сбора головы Андрея Тимофеева сына Маркова с товарищи // Таможенные книги Московского государства XVII века. — М., 1951. — С. 329.

¹⁰ См., например: Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. — М., 1954 — Т. 2. — С. 24; Истомина И. Г. Водные пути России во второй половине XVIII — начале XIX века. — М., 1982. — С. 107.

¹¹ Топографические известия, служащие для полного географического описания Российской империи. — СПб., 1771. — Т. 1. — 131-133.

¹² См.: Смирнов Ю. М. О выделке кож в средневековом Муроме // Позднесредневековый город II: Археология. История. — Тула, 2009. — С. 199-205; он же. О выделке кож в Муроме // Уваровские чтения-VII. — Муром, 2011. — С. 330-338.

¹³ Герберштейн С. Записки о Московии. — М., 1988. — С. 138.

¹⁴ Титов А. А. Статистическое обозрение города Муром.

— Владимир, 1900. — С. 50-51.

¹⁵ Владимирские губернские ведомости. — 1850. — № 20.

¹⁶ См.: Воицинина-Киселева Н. П. О Муроме. Воспоминания (семейная хроника купцов Воицининых). — Муром, 2007. — С. 21-22.

¹⁷ Владимирский историко-статистический сборник. — Владимир, 1869. — С. 32.

¹⁸ Воицинина-Киселева Н. П. О Муроме. Воспоминания (семейная хроника купцов Воицининых). — С. 21-22.

¹⁹ Генеральная ведомость по всем Владимирского Наместничества городам и округам // Рязский Г. А. Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1874 году. — Владимир, 1906.

²⁰ Рязский Г. А. Топографическое описание Владимирской губернии, составленное в 1874 году. — Владимир, 1906. — С. 54, 59.

²¹ Журнал заседаний муромской Городской думы. — Владимир, 1895.

²² Журнал заседаний муромской Городской думы. — Муром, 1897.

²³ Журнал заседаний муромской Городской думы. — Муром, 1908.

²⁴ Журнал заседаний муромской Городской думы. — Муром, 1914.

²⁵ Стратонов В. В. По волнам жизни. Воспоминания. Ч. II. // НА МИХМ. — Ф. 8. — Оп. 1. — № 94. — С. 4. Подлинник (рукопись) хранится: ГАРФ. — Ф. Р-5881. — Оп. 2. — Д. 668.

²⁶ Отчет в совет труда и обороны Владимирского Губернского Экономического Совецания. На 1 января 1922 года. — Владимир, б/г. — С. 8.

²⁷ Там же. — С. 7.

²⁸ Муромский округ перед 5-леткой. — Муром, 1930. — С. 134-135.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. — С. 149.

³¹ Новая провинция. — 2003. — 19 нояб.

М. Е. Игольникова (Владимир)

ИНТЕРЕСНЫЙ ДАР МУЗЕЮ ВЛАДИМИРСКОЙ УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ КОМИССИИ (КОЛЛЕКЦИЯ РИСУНКОВ САЛЬВАТОРА ТОНЧИ)

Существует давно сложившееся мнение, что главные художественные ценности сосредоточены в крупных столичных городах. В этом есть большая доля истины, однако и собрания провинциальных музеев порой способны удивить знатоков отечественной культуры. Одним из таких примеров может стать коллекция рисунков Сальватора

Тончи (1756-1844), принадлежащая Владимиро-Суздальскому музею-заповеднику.

Уроженец Рима С. Тончи относится к числу тех художников, которых принято называть представителями «россики». В Санкт-Петербург он приехал уже в зрелом возрасте, будучи сформировавшейся творческой личностью. Тончи, которого

в России стали называть Николаем Ивановичем, быстро приобрел популярность при дворе, стал модным художником. В 1804 году он переехал в Москву и вскоре женился на дочери знатного аристократа-мистика И. С. Гагарина. И в старой столице Тончи не был обделен вниманием почитателей. В своем дневнике театрал и мемуарист С. П. Жихарев записал следующее: «У князя Ивана Сергеевича Гагарина встретил я знаменитого живописца Тончи... Он занимал всю беседу. Удивительный человек! Кажется, живописец, а стоит любого профессора: все знает, все видел, всему учился»¹.

Именно здесь, в Москве, художник встретил весть о нашествии Наполеона. У дома московского генерал-губернатора Ф. В. Ростопчина Тончи стал свидетелем жестокой расправы над обвиненном в шпионаже «купеческим сыном» Верещагиным. Под впечатлением от увиденного рассудок художника помутился. В таком состоянии, под присмотром директора губернаторской канцелярии А. П. Рунича, Тончи был отправлен во Владимир. Во время одной из остановок в Александровском уезде художник отстал от обоза и в течение трех дней блуждал по окрестным лесам. Встретившие его лесные сторожа приняли не говорящего по-русски иностранца за французского шпиона и доставили в участок, откуда он с другими арестованными был отправлен во Владимир. Здесь недоразумение разъяснилось. Тончи поселили в доме А. П. Рунича. Арест усугубил состояние художника, и он в приступе страха попытался перерезать себе горло. Спустя несколько месяцев Тончи излечился от расстройства и в благодарность решил написать для города картину «Крещение Руси при Св. Владимире». Оконченное полотно, по распоряжению губернатора А. Н. Суворова, поместили в мужской гимназии. Затем оно было перенесено в кафедральный Успенский собор. Позже, с разрешения владимирского архиепископа Сергия, картину передали в музей Владимирской ученой архивной комиссии².

Минуло почти столетие со времени написания полотна, когда горожане вновь вспомнили о его создателе. В 1905 году в музей Владимирской ученой архивной комиссии поступила коллекция рисунков Сальватора Тончи. Листы были переданы в дар игуменьей Переславского Федо-

ровского женского монастыря Евгенией³. Ранее они принадлежали старшей дочери художника Марии Николаевне Тончи (1814-1898), которая с 1850 года являлась послушницей этого монастыря. Таким необычным образом оказалась связана судьба столичного художника с историей провинциального города.

В историю русского искусства Тончи вошел, прежде всего, как живописец-портретист. Графическое наследие художника оставалось вне поля зрения как современников, так и исследователей, когда-либо обращавшихся к его творчеству. Тем больший интерес вызывает наша коллекция, которая, к слову сказать, является и самой объемной (97 предметов) среди известных собраний рисунков мастера.

На широкое обозрение графические произведения С. Тончи выставлялись нечасто. Из архивных источников известно, что в 1920-х годах «целый ряд рисунков и снимков на кальку» находились на экспонировании в историческом музее⁴. В 1988 году 56 листов было представлено на выставке в картинной галерее, посвященной 1000-летию Крещения Руси. При этом планомерной научной обработке коллекция не подвергалась. Долгое время рисунки «жили» с названиями, данными по принципу описательности. Определение изображенных сюжетов стало главной задачей исследования⁵.

По своему тематическому составу коллекция разнообразна. Здесь есть листы исторического, религиозного, мифологического, аллегорического характера. Среди рисунков находим и подготовительные материалы к уже упоминавшемуся полотну «Крещение Руси при Св. Владимире».

К какой бы теме ни обращался художник, всюду чувствуется неординарность его мышления. В качестве литературных программ для листов религиозного характера Тончи использовал как канонические источники, так и апокрифы. При этом художник очень часто вносил собственные коррективы в давно известные и устоявшиеся иконографические нормы. Наиболее ярко эта особенность отразилась в листах, связанных с темой Апокалипсиса.

Интерес художника к литературному жанру «откровений» известен. Он отразился не только в поэтическом творчестве Тончи (в подражание

Данте им была написана поэма в 33 песнях «Эднейда или Истина, открытая Разумом», в которой Иоанн Богослов ведет поэта в рай и объясняет ему тайны творения и искупления), но и в его графике. На темы Апокалипсиса, адских мучений художником создано три рисунка «Ладья Харона» (В-3722) (Рис. 1), «Апокалипсис» (В-3732), «Ад» (В-3739). На основе описаний, данных в откровениях Иоанна, апокрифическом откровении Иоанна Богослова, «Божественной комедии» Данте художник создает фантастические картины ужасов. Возможно, именно эти рисунки имел в виду литературовед и филолог Я. Грот, который после ознакомления с хранившимся у Марии Николаевны «портфелем» Тончи, говорил, что в нем сохранилось много интересных исторических этюдов, «из которых некоторые отличаются болезненностью фантазии»⁶.

Отдельную большую группу коллекции составляют мифологические и аллегорические сюжеты. Каждое из этих произведений — не только образец изысканно-лаконичной графики эпохи классицизма, но зачастую и целая система ассоциаций. Несмотря на то, что использование символов уже давно вошло в практику мирового искусства, они были описаны в специальных сборниках-справочниках, каждый художник оставлял за собой право переосмысливать их по-новому. Примером таких «ассоциативных игр» могут служить рисунки «Венера и Амуры», «Триумф Добродетели», «Аллегория Церкви», «Аллегория Смерти», «Аллегория Возрождения».

Сюжет рисунка «Венера и Амуры» (В-3687), на первый взгляд кажущийся довольно обычным, на самом деле имеет более глубокое значение (Рис. 2). Венера изображена сидящей в окружении шести Амуров. Рисунок интересен своей композицией, которая перекликается с известным тондо Рафаэля «Мадонна в кресле» и его же аллегорией «Милосердие», созданной для церкви Сан Франческо аль Прато в Перудже. Наибольшее композиционное сходство наш рисунок имеет с последним произведением. Между ними прослеживается и смысловая связь. Под самой главной христианской добродетелью — милосердием, подразумевается любовь к Богу, любовь к ближнему, т. е. любовь духовная. В первом послании Павла к Коринфянам говорится: «А теперь пребывают

Рис. 1. С. Тончи. Ладья Харона. Начало XIX в. Бумага, тушь, перо

сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше»⁷. Как известно, такой персонаж, как Венера, в античной мифологии соединяет в себе два начала — Любовь земную (плотскую) и Любовь небесную (духовную). Именно вторая ипостась языческой богини нашла отражение в рисунке С. Тончи. Кроме того, шесть Амуров могут означать шесть добрых дел, приписываемых Милосердию: утолять голод, жажду, предоставлять приют, одевать, лечить, утешать в неволе⁸.

Оригинален рисунок «Триумф Добродетели» (В-3673) (Рис. 3). В колеснице, запряженной львом, волком и леопардом едет женщина в античных одеждах и шлеме, у ног которой виднеется некое фантастическое существо. Поскольку единственным женским персонажем греко-римской мифологии, носившим воинское

Рис. 2. С. Тончи. Венера и Амуры. Начало XIX в. Бумага, тушь, перо

Рис. 3. С. Тончи. Триумф Добродетели. Начало XIX в. Бумага тонированная, рисунок переведенный, акварель

облачение, была Минерва (Афина), то можно утверждать, что здесь изображена именно она. Животными-атрибутами богини Мудрости, Минервы, считаются сова и змея. В другой своей ипостаси Минерва могла ассоциироваться с одной из добродетелей — Целомудрием, которой соответствовало такое животное как единорог⁹. В нашем рисунке мы ничего подобного не встречаем. Однако те животные, которые здесь изображены, в средневековой религиозно-поучительной литературе означали следующее: леопард (рысь) — сластолюбие; лев — гордость; волчица — алчность. Эти символы Тончи мог заимствовать из «Божественной комедии», к автору которой, Данте, он относился с большим пиететом¹⁰. Но каково взаимоотношение столь противоположных символов, соединенных в одну композицию? Этот сюжет можно интерпретировать как Триумф Добродетели (в образе Минервы), обуздавшей Порок, который олицетворяется тремя животными. Тему борьбы подчеркивают и напряженная поза богини, с усилием сдерживающей поводья, и намеченный динамичными линиями развевающийся плащ, и клубящиеся облака. Завершает смысловую картину произведения изображение фантастического существа (а именно Сирены), находящегося у ног Минервы. Персонаж античной мифологии, Сирена, является символом морских пучин, а также олицетворяет темные пучины души, в которые низвергается человек, увлекаемый пороками¹¹. И не случайно Сирена притаилась за спиной Добродетели, готовая в любой момент поймать в свои сети колеблющуюся душу.

Следующий рисунок, на котором хочется остановиться, числился в музейной документации под названием «Женщина с тремя детьми» (В-3683) (Рис. 4). Здесь мы вновь встречаемся с сочетанием нескольких символических элементов, дающих в сумме сложную многоступенчатую аллегию.

В виде женщины, окруженной детьми, одного из которых она кормит грудью, изображалось Милосердие¹². Три других элемента олицетворяют Церковь. Крест — символ жертвы Христа и, в более общем смысле, христианской религии¹³; камень (скала) — символ Христа, или Церкви, или вообще христианской твердости¹⁴. Изображение креста вписано в солнечный диск. Солнце — символ персонифицированной истины, поскольку в его свете все становится ясным, а также символ Христа¹⁵. Слева, у камня, мы видим якорь, олицетворяющий Надежду¹⁶.

Совокупность всех значений позволяет идентифицировать данный сюжет как аллегию Церкви, которая может звучать следующим образом: милосердная христианская религия, озаряющая все светом истины, является надежным пристанищем для человека, дает ему надежду. Логически завершает композицию изображение мотылька, которого Милосердие держит за крыло.

Рис. 4. С. Тончи. Аллегория Церкви. Начало XIX в. Бумага, тушь, перо

Мотылек символизирует душу, а в данном контексте — душу, обращенную к Истине¹⁷. Кроме того, мы здесь находим еще одну вспомогательную смысловую линию — воплощение трех главных теологических добродетелей: Веры, Надежды, Любви (Милосердия).

Этот рисунок очень ярко иллюстрирует высказывание специалиста по истории оформления книги Ю. Я. Герчука, касающееся принципов построения подобных композиций: «Вещи реального мира стоят в одном ряду с условно-мифологическими и подчинены им, возвышаются и осмысливаются их присутствием... Еще одно правило — часть в этой системе равняется целому, атрибут заменяет аллегорическую фигуру»¹⁸.

Два рисунка, речь о которых пойдет ниже (В-3676, В-3662), стоят особняком среди произведений нашей коллекции (Рис. 5). Они также являются аллегориями, но аллегориями иного порядка. Сложность идентификации данных сюжетов состояла в том, что нам не удалось найти ни прямых, ни ассоциативных аналогий с известными произведениями мирового искусства.

Композиции рисунков очень близки друг другу. Центральное место в них занимает изображение Амура (в одном случае — в виде младенца, в другом — в виде юноши), причем в обоих произведениях отсутствует какое-либо действие, в них нет очевидной повествовательности. Определение значения каждого отдельного элемента композиции не в состоянии выявить смысловую идею произведений в целом. Но если взглянуть на эти рисунки через призму масонской символики, которая к началу XIX века уже проникла в литературу, изобразительное искусство, то становится возможной цельная логическая дешифровка сюжетов.

Основа масонского учения — история Хирама, бывшего строителем храма Соломона и убитого завистливыми учениками. Тема смерти и возрождения, по-разному интерпретированная, является одной из главных в посвященческих ритуалах масонов¹⁹. Исходя из этой установки, объяснение сюжетов может быть следующим. Оба рисунка находятся в тесной смысловой взаимосвязи. Первый из них (В-3676) символизирует смерть, о чем свидетельствует перевернутый факел в руках Амура. Второй (В-3662) — рождение (возрождение). Причем такие понятия, как рождение

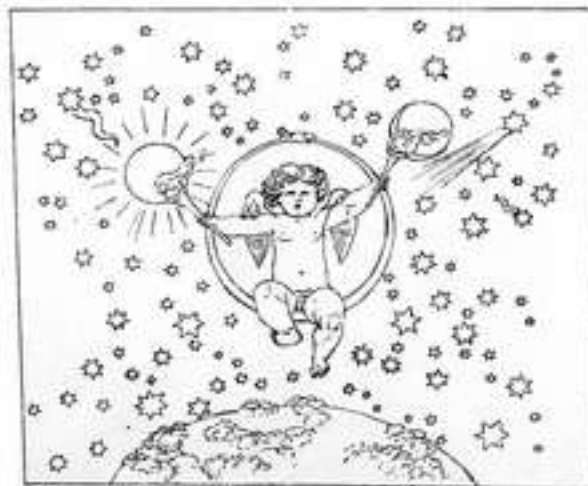

Рис. 5. С. Тончи. Аллегория Возрождения. 1811-1814 гг. Бумага, тушь, перо

и смерть, трактуются здесь не как физические, а как духовные явления. Смерть, в данном случае, должна восприниматься как ритуальная смерть профана (т. е. кандидата в члены ложи) перед его инициацией. Рождение (возрождение) — переход в новое состояние посвященного.

Большое количество символов, использовавшихся масонами в своих ритуалах, мы находим в рисунке «Аллегория Возрождения». По двум сторонам от Амура помещены изображения Луны и Солнца. Расположение их не случайно. Согласно традиции у входа в масонский храм находились два столба по аналогии с храмом Соломона²⁰. Левый называется Йахин (ему соответствует Солнце), а правый — Воаз (Луна). Причем левое и правое отсчитывается не от человека, стоящего перед храмом, а от Бога, живущего в нем²¹. Таким образом, данную композицию следует считать взглядом из масонского храма.

Земной шар, часть которого виднеется внизу рисунка, объединяет в себе такие стихии, как вода, земля, воздух; факелы в руках Амура символизируют огонь. Очищение этими четырьмя стихиями было частью масонских ритуалов различных ступеней инициации²².

Элементами, связывающими композиции двух рисунков, являются звездное небо и кольцо, образованное кусающей себя за хвост змеей, в котором помещены изображения Амура. В виде звездного небосклона оформлялся свод над помещением масонской ложи, что должно было означать космос и бесконечность. Близкое значение имеет и змея, замкнутая в кольцо, — символ вечного круговоро-

та и взаимосвязи жизни и смерти²³. В масонстве такая змея — символ адепта, как бы сжигающего самого себя в процессе самосовершенствования с демонстрацией схождения крайностей и соединения противоположностей²⁴.

Из литературы известно, что Тончи считал своим учителем Рафаэля, копирование произведений которого заменило ему профессиональное обучение. Но не только в живописных полотнах мы находим отражение пристрастий художника. Среди графических листов Тончи есть такие, в которых сильны реминисценции итальянского Возрождения. Упомянутый уже рисунок «Венера и Амуры», а также «Жертвоприношение» (В-3680), «Ладья Харона» (В-3722) (Рис. 6) обнаруживают хорошее знание росписей Сикстинской капеллы, выполненных Микеланджело. Лист «Битва» (В-3724), значившийся в музейной документации как копия с Леонардо да Винчи, в действительности больше напоминает композицию картона Микеланджело «Битва при Кашине» к неосуществленной фреске зала Большого совета в Палаццо Веккьо (Флоренция). Строй рисунка «Тайная вечеря» воскрешает в памяти образ известнейшего произведения Леонардо да Винчи.

Говоря о коллекции рисунков С. Тончи, нельзя не остановиться на особенностях его творческой манеры. Стиль большей части рисунков нашей коллекции определяется как очерковая графика (тушь, перо), где главным (или единственным) средством выразительности является линия. И даже в тех случаях, когда художник помещает изображение персонажей в пейзажную среду, он остается верен принципу плоскостности, расценивая поверхность листа только в качестве нейтрального фона. В этом смысле он поступает как настоящий представитель эпохи классицизма.

Рис. 6. С. Тончи. Жертвоприношение. Начало XIX в. Бумага, тушь, перо

Однако типаж, выработанный художником, заметно отличается от той возвышенной идеальности, которая характерна, например, для творчества художника и скульптора Ф. П. Толстого. Женские фигуры в исполнении С. Тончи порой немного «тяжеловесны», приземисты и почти всегда очень чувственны. Такое привнесение непосредственности, «живости» в строгую классицистическую художественную систему делают рисунки мастера очень самобытными.

В последнее время среди специалистов возник интерес к творчеству художника. Стали появляться публикации²⁵. Сведения о коллекции рисунков С. Тончи из собрания Владимиро-Суздальского музея-заповедника способны пополнить знания об интересном мастере и еще не до конца понятой личности. В какой-то мере нами реализован замысел члена Владимирской ученой архивной комиссии А. В. Селиванова, который еще в 1912 году высказал мысль об издании альбома рисунков Сальватора Тончи²⁶.

¹ Жихарев С. П. Записки современника. — М.-Л., 1934. — Т. 1. — С. 272.

² Селиванов А. В. Художник Сальватор Тончи (Материалы для его биографии) // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. — Владимир, 1904. — Кн. 6.

³ Селиванов А. В. Художник Сальватор Тончи (Материалы для его биографии) // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. — Владимир, 1904. — Кн. 6.

⁴ ГАВО. — Ф. 1826. — Оп. 1. — Д. 11. — Л. 100об.

⁵ Подробнее об атрибуции сюжетов рисунков см.: Игольникова М. Е. Религиозная тематика в графике Сальватора Тончи // Владимиро-Суздальский музей-заповедник. Материалы исследований. — Владимир, 2003. — С. 215-231;

она же. Мифологические и аллегорические сюжеты в рисунках Сальватора Тончи // Владимиро-Суздальский музей-заповедник. Материалы исследований. — Владимир, 2004. — С. 105-115.

⁶ Селиванов А. В. Указ. соч. — С. 153.

⁷ Первое послание Святого Апостола Павла Коринфянам (13:13).

⁸ Евангелие от Матфея (25:35-37).

⁹ Холл Дж. Словарь сюжетов и символов в искусстве. — М., 1999. — С. 362, 160, 301.

¹⁰ Данте Алигьери. Божественная комедия. Ад. (1:31-60).

¹¹ Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. Энциклопедия символов. — М., 1995. — С. 171.

¹² Холл Дж. Указ. соч. — С. 361.

¹³ Там же. — С. 315.

¹⁴ Там же. — С. 510.

¹⁵ Там же. — С. 524.

¹⁶ Эмблемы и символы. — М., 2000. — С. 49.

¹⁷ Холл Дж. Указ. соч. — С. 89.

¹⁸ Герчук Ю. Я. Эпоха политипажей. — М., 1982. — С. 117-118.

¹⁹ Соловьев О. Ф. Массонство. Словарь-справочник. — М., 2001. — С. 112-113, 121.

²⁰ Третья книга Царств (7:13-15, 21).

²¹ Каганов Г. Э. «Святой град». Иерусалимские черты в образе Санкт-Петербурга XVIII — начала XIX века // Библия в культуре и искусстве. Материалы научной конферен-

ции «Вишперовские чтения — 1995». — М., 1996. — С. 179.

²² Там же. — С. 188.

²³ Бауэр В., Дюмотц И., Головин С. Указ. соч. — С. 43.

²⁴ Соловьев О. Ф. Указ. соч. — С. 239.

²⁵ Елатко Ю. Г. Неизвестный миниатюрный портрет Сальватора Тончи // Памятники культуры. Новые открытия. 2000 г. — М., 2001; Ломизе И. Е., Преснова Н. Г., Ракина В. А. Портрет графа Н. П. Шереметева из собрания музея-усадьбы «Кусково». К вопросу об атрибуции // Материалы V научной конференция «Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного искусства». — М. 2001.

²⁶ Селиванов А. В. Почтовый ящик (Заметка) // Старые годы. — 1912. — Май. — С. 60.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- АО – Археологические открытия
БАН ОР – Библиотека Академии наук, отдел рукописей
ВУАК – Владимирская ученая архивная комиссия
ВСНХ – Высший совет народного хозяйства
ВХНРЦ – Всероссийский художественный научно-реставрационный центр
ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет
ВЧК – Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем
ГАВО – Государственный архив Владимирской области
ГБЛ – Государственная библиотека им. В. И. Ленина
ГАРО – Государственный архив Рязанской области
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ГосНИИР – Государственный научно-исследовательский институт реставрации
ГТГ – Государственная Третьяковская галерея
ГАТО – Государственный архив Тверской области
КП – книга поступлений
КСИА – Краткие сообщения Института археологии
КССР – Казахская Советская Социалистическая республика
МИХМ – Муромский историко-художественный музей
НА – научный архив
НКВД – Народный комиссариат внутренних дел
НКВТ – Народный комиссариат внешней торговли
НКП – Народный комиссариат просвещения
НЭП – новая экономическая политика
ОНО – отдел народного образования
ОРЯС – Отделения русского языка и словесности
ПВЛ – Повесть временных лет
ПГХГ – Пермская государственная художественная галерея
ПКНО Памятники Культуры. Новые открытия
ПСЗ – Полный свод законов Российской империи
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
РАН – Российская Академия наук
РГАДА – Российский государственный архив древних актов
РГА ВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота
РГБ – Российская государственная библиотека
РГВА – Российский государственный военный архив
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
РГИА – Российский государственный исторический архив
РК и КД – рабоче-крестьянские и красноармейские депутаты
РКП(б) – Российская коммунистическая партия (большевиков)
РЛ – Рязанское летописание
РНБ – Российская национальная библиотека
РСФСР – Российская Советская Федеративная Социалистическая республика
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
Совдеп – советские депутаты
СССР – Союз Советских Социалистических республик
ЦАНО – Центральный архив Нижегородской области
ЦГБ – Центральная городская библиотека
ЦСУ – Центральное статистическое управление
ЧК – чрезвычайная комиссия

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрамова Е. С.** 210
 Абрамова Э. Д. 210
 Абрамовы 210
 Абу Хамид ал-Гарнати 48
 Августа 131
 Августин (Виноградарский) 122
 Аверинцев С. 15, 21
 Аверьянова Е. Ф. 212
 Авиценна (Абу Али ибн Сина) 68
 Авксентий, иерод. 101
 Агапова А. И. 207
 Агапова М. П. 279
 Агафья 207
 Агафья Владимировна 175, 177
 Адамов И. 94
 Аепа 185
 Азгур Э. И. 82
 Аксареева В. Г. 194
 Аксинья 211
 Алабычев 275
 Александр II 80, 81, 193
 Александр III 81, 125, 193
 Александров 244
 Алексеев И. А. 3, 13
 Алексеева Л. М. 182
 Алексей 207, 208, 209, 212
 Алексей Григорьевич 207
 Алексей Константинович 208
 Алексей Михайлович, царь 10, 11, 12, 145, 146, 147, 281
 Алексей Федорович 213
 Алексей Фомин сын Жадин 207
 Алексий (Новиков) 135
 Алексий (Титов), еп. 120
 Алексий, митр., св. 64
 Алешка 206
 Алешковский М. Х. 37, 40
 Алимпий, архимандр. 117
 ал-Истахри 46
 Алтаузен Д. 81
 Альквист А. 47
 Амелин Серафим, схиархимандр. 103
 Аминева 168
 Андреев 223
 Андреев А. 101
 Андреев Л. 219
 Андрей 207
 Андрей Александрович, в. кн. 180
 Андрей Владимирович, кн. 166
 Андрей тимофеев сын Марков 292
 Андрей Трофимов сын Жадин 207
 Андрей Трофимович 211
 Андрей Юрьевич, кн. 185
 Андрей Ярославич, кн. 165, 166
 Андрей, еп. 180
 Андрей, кн. 165, 166, 167, 176, 177, 186, 218
 Андрин Н. П. 112
 Анна 109, 210, 211
 Анна Васильевна 211
 Анна Дмитриевна, кн. 180
 Анна Иоанновна, имп. 103
 Анна Федотовна 211
 Анна, кн. 180
 Анохина 288
 Антоний, св. 153
 Антонина 212
 Антонов А. И. 197, 204
 Антонов Д. А. 58, 62, 63
 Антонов Н. Н. 231
 Антонова В. И. 105, 133, 134
 Анучкина А. А. 215
 Анютка Левонтьевская жена Жадина 206
 Апальков Ю. В. 231
 Апраксина М. М. 119
 Арбатская Ю. 194
 Арекан 278
 Арефин П. 246, 247
 Аронин Ал. 225
 Арсений, еп. 14
 Арсений, преп. 109
 Арсентьев Н. М. 87
 Арсеньев К. 276
 Архипко 206, 207
 Архипова Е. И. 162
 Арямов И. 277
 Астахов В. В. 246, 247
 Афанасий 207
 Афонин Н. Н. 231
 Ахмет ибн Фадлан 45, 47
Бабаккина 277
 Бабич Г. 118
 Баева 277
 Базарова И. Л. 21
 Байкусов М. В. 287
 Балабанова 277
 Балакин С. А. 231
 Баранова Д. Н. 276, 278
 Барбарич А. И. 52, 56
 Бардыгины 100
 Бариев Р. 185, 186
 Барклай Л. 222
 Бартрам Н. Д. 264, 276, 278
 Барышников М. Н. 41
 Баташёв А. Р. 84, 85
 Баташёв И. Р. 84, 85
 Баташёв И. Т. 84
 Баташёв Р. 84
 Баташёвы 4, 84
 Батый 16, 21, 121, 178
 Бауэр В. 297, 298
 Бахарева Н. Н. 118, 137
 Бахрушин С. В. 282, 292
 Башмачкин А. А. 90
 Безобразова М. В. 254, 276
 Безусько А. Г. 56
 Безусько Л. Г. 56
 Безусько Т. В. 56
 Беклемишев С. И. 12
 Беленькая Д. А. 36, 40, 41
 Белоброва О. А. 135, 138
 Белов Ю. В. 4, 78
 Белозерова И. В. 194
 Белозерский Кирилл 144
 Белопольский Я. 83, 84
 Белоусов П. В. 4, 68

- Белоцветов Л. 123, 127, 135, 138, 155
Белюстин И. С. 97
Беляев Л. А. 108, 134, 162
Бенешевич В. Н. 168
Бенуа 254
Беспалов 278
Беспалов Н. А. 150, 276
Бирон 216
Битяговская А. 70, 71
Битяговский Д. 71
Битяговский М. 68
Блинов И. Г. 112
Бломе А. Ю. 236
Блудов Д. Н. 95
Блюм А. В. 220
Бобриков 92
Богатов И. П. 195, 197, 237, 246, 247
Богданович Е. В. 200, 201, 205
Боголепов С. М. 120
Боголюбский Андрей 36, 39, 108, 177, 184, 185, 186
Богослов Григорий 115
Богослов Иоанн 15, 20, 143, 158, 294
Бодрова Ю. В. 4, 88
Болванов Н. 11
Болдырева Ю. Н. 275
Болеслав 169
Болеслав III Кривоустый 172
Болотцева И. П. 133
Болховитинов Е., митр. 152
Бонч-Бруевич М. Д. 233, 235, 236, 237, 238, 242, 245, 246, 247, 248
Борис Василькович, кн. 165, 166, 178, 180
Борис Вячеславич, кн. 172
Борис, кн. 179
Борис, св., кн. 16, 46, 113, 161, 169, 170, 171, 172
Борисовы 7
Боровков 260
Боровский Я. Е. 162
Боруцкий В. И. 275
Брамбат Я. 82
Браун Гербо 275
Брѣхов П. Г. 99, 100
Брѣховы 99
Бровцын Д. С. 101
Брокгауз Ф. А. 156, 215
Брун Т. А. 136
Брюсова В. Г. 135
Бубровин Н. 218
Будда 218
Булгарин Ф. В. 90, 95
Бусева-Давыдова И. Л. 22, 105, 115, 133, 136, 140, 146
Буслович М. В. 6, 280
Буссов К. 70, 75
Бутурлин А. 69
Бутурлин Д. А. 206
Бутурлины 78
Бутырский М. Н. 137
Бухарева М. 94
Бушев К. К. 204
Бушуева 277
Буяновы 99
Бычков А. Ф. 71, 75
Бычкова М. Е. 75
Вагнер Г. К. 134
Ванька 263
Варвара 210, 211
Варвара, св. 154, 171
Варганов А. Д. 36, 40, 82
Варлаам, св. 145
Варсонофия 127
Вартислав 171
Василевский И. И. 278, 279
Василий 207, 211
Василий III 64
Василий Дмитриевич, в. кн. 7
Василий Матвеевич 207
Василий Рязанский, св. 16, 109, 110, 111, 112, 113, 116, 118, 122, 123, 125, 126, 128, 130, 131, 132
Василий Ярославич 164
Василий, еп. 108, 119, 134
Василий, кн. 109, 167, 180
Василий, св., кн. 106
Василиса, кн. 180
Васильев П. В. 222
Васильева Г. В. 273
Васильева Г. С. 279, 280
Васильева Т. М. 134
Василько Константинович, кн. 165
Васильченко Е. А. 5, 215
Вассиан 167
Васька Фомин сын Жадин 206
Ватагин В. А. 267
Ватутина В. Ф. 280
Вахрина В. И. 137
Ведина Т. 215
Везенберг 222
Вейсман А. Д. 74
Велел А. 199, 200
Венера 294
Верецагин 293
Верстовский А. Н. 221
Веселовская 278
Веселовский С. Б. 205, 215
Виктор, еп. 155
Виноградов А. С. 3, 57
Виноградов Н. 98
Винокур Г. О. 74
Вихляев К. 194
Владимир (Павел?), кн. 175
Владимир 208
Владимир Васильевич 208
Владимир Святой 46
Владимир Святославич, кн. 169, 174, 176, 184
Владимир Юрьевич Муромский, кн. 175
Владимир Юрьевич, кн. 174, 176, 178, 184
Владимир, архиеп. 135
Владимир, кн. 15, 21, 46, 47, 154, 167, 169, 171, 174, 175, 177, 184
Владимир, монах 130
Владимир-Павел, кн. 178
Воздвиженский Т. 134, 137, 138
Волгина С. П. 222
Волк П. 71
Волков И. В. 35
Волков К. П. 263
Волосявкин О. 11
Волохов О. 68
Волохова В. 72
Вольник Н. 277
Вольский К. 265, 278

- Вольян 167
 Воробьева (Петрова) А. Я. 222, 223
 Воробьева А. С. 5, 191
 Воронин Н. Н. 36, 37, 40, 41, 44, 45
 Воронцов Р. И. 77
 Воронцова Л. М. 146, 147
 Воронцовы 69
 Воротынский 68
 Воротынский А. И. 8
 Воротынский Михаил 7
 Ворыпаевы 7
 Вошинин А. 219
 Вошинин А. И. 208
 Вошинина-Киселева Н. П. 252, 254, 255, 272, 275, 276, 286, 292
 Вошинины 276, 292
 Всеволод Большое Гнездо, в. кн. 36, 184
 Всеволод Давыдович, кн. 172, 173
 Всеволод Ольгович, кн. 173, 174
 Всеволод Юрьевич, кн. 36, 159, 176, 177
 Всеволод, в. кн. 35, 36
 Всеволод, кн. 171, 172, 175, 178, 184, 185
 Всеслава 176, 177
 Всеслава Всеволодовна, кн. 175
 Выксунец 278
 Вылузгин Е. Д. 68
 Высотцкий Варлаам, архимандр. 103
Гаврила 207
 Гаврила Алексеевич 207
 Гагарин И. С. 293
 Гагин И. А. 186
 Галанин Д. Д. 275
 Галахов 94
 Галкин Т. О. 4, 63
 Гальберг (Гольберг?) 236, 237, 238, 241
 Ганка 206
 Гаркави А. Я. 48
 Гарост С. А. 27
 Гедминовичи 164
 Гезе В. Е. 163
 Гейденштейн Р. 69, 75
 Гейно 222
 Геласий, митр. 68
 Генрих IV 171
 Георгий (Муромский), кн. 177
 Георгий (Юрий) Ярославич, кн. 168
 Георгий Всеволодович, в. кн. 179
 Георгий Победоносец 163
 Георгий, великомуч. 134
 Георгий, кн. 178
 Георгий, св. 160
 Георгий-воин, св. 158
 Гептинг О. 278
 Гераклит 69
 Герасим 207
 Герасимова В. А. 279
 Герберштейн С. 284, 292
 Геродот 69
 Геронтий, митр. 64, 67
 Герчук Ю. Я. 296, 298
 Гизель И. 153
 Гиппократ 69
 Глаголев Д. М. 75
 Глаголь С. 250, 270, 279
 Гладков А. И. 201, 203, 205
 Гладков К. Н. 204
 Гладков Н. Ф. 197, 205, 220
 Гладкова А. А. 219
 Гладковы 205
 Гладышева Е. В. 137
 Глазов В. П. 67
 Глеб Ростиславич 108, 171, 176, 184
 Глеб Святославич, кн. 170
 Глеб Ярославич, кн. 164
 Глеб, кн. 167, 174, 175, 176, 185
 Глеб, св., кн. 15, 16, 46, 113, 161, 169, 170, 171, 172
 Глинка 225
 Глинские 69, 75
 Глинский И. М. 69
 Глотов Б. 282
 Глотов Д. 282
 Глотов И. 282
 Глотов Н. 282
 Глотов П. 282
 Глотовы 282
 Глухарев М., архимандр. 101
 Глушков П. С. 75
 Глущенко Л. И. 6, 250, 278, 279, 280
 Глядячев 7
 Гоголев Т. 241, 242
 Гоголь Н. В. 88, 91, 95, 221, 225
 Годунов Борис 68, 70, 71, 73, 74
 Голицын С. Г. 190
 Головашкин 277
 Головин Б. Н. 63
 Головин С. 297, 298
 Гольшев И. А. 84
 Горавский А. Г. 203
 Горбунова Г. 258, 277
 Гордеев Ф. И. 43
 Гордый С. И., кн. 164
 Горлов Д. В. 267, 278, 279
 Горностаев А. М. 80
 Горовкина А. И. 86
 Городецкий Андрей Александрович, кн. 166
 Горожанина С. В. 276, 278, 279
 Горская А. А. 5, 186
 Горский А. А. 166, 168
 Горшков Н. 282
 Горяиновы 7
 Грабар А. 118
 Грабарь И. Э. 105, 107, 119, 134, 196
 Грациани В. 223, 224
 Гребенюк В. П. 134
 Греков А. У. 276
 Греков Б. Д. 37, 40, 292
 Греченко В. А. 279
 Грибов Н. Н. 62
 Грибоедов А. С. 221, 222
 Григорий 98, 207
 Григорий Алексеевич 207
 Григорий Андреевич 211
 Григорий, игум. 173
 Григорий, иконопис. 116
 Григорьев Б. 206
 Григорьев Н. С. 232, 235, 239, 240, 241, 243, 245, 246
 Григорьев П. 11
 Гричук В. П. 50
 Гришка Алексеев сын Жадин 206
 Гришка Нефедов сын Жадного 206

- Гришка Олексеев Фомин 206
 Грозный Иван 69, 70, 74, 75, 107, 116, 133, 145, 150
 Гросс 280
 Гротя 294
 Гуляевский 286
 Гуляева В. В. 3, 44
 Гундобин 216
 Гундобин В. В. 199, 201, 204, 208
 Гундобин В. Д. 208
 Гундобин Д. Д. 208
 Гундобин И. В. 204
 Гундобин И. П. 213
 Гундобина А. И. 209
 Гундобина А. П. 208
 Гундобина М. Д. 225
 Гундобина С. 213
 Гундобины 205, 208, 210, 219
 Гур-Гуревич 278, 279
 Гурий, св. 115
 Гусева О. Г. 82
 Гусева Э. К. 134
да Винчи Леонардо 297
 Давид, кн. 174
 Давида 131
 Давыд (Петр?), кн. 165, 175
 Давыд Владимирович, кн. 178
 Давыд Константинович, кн. 166
 Давыд Муромский Владимирович, кн. 175
 Давыд Муромский, кн. 176, 179
 Давыд Ростиславич, кн. 184
 Давыд Святославич, кн. 172
 Давыд Юрьевич, кн. 165, 175, 176, 178
 Давыд, кн. 167
 Давыд, кн. 170, 171, 174, 175, 177, 178, 179
 Давыденко И. А. 56, 57
 Давыд-Петр, кн. 178
 Дайн Г. 279
 Даль В. И. 40, 192, 205
 Дамаскин Иоанн 137
 Дамиан, св. 158, 159
 Даниил Александрович, кн. 168
 Даниил, игум. 15, 21, 171, 172, 178
 Данила 207
 Данила Семенович 208
 Данилевский Филорет, игум. 103
 Данилов Н. 12
 Данилова 277
 Даницетти 224
 Данте 295
 Даньковская Р. С. 275
 Даркевич В. П. 161
 де Луна 224
 Дегтярев А. 48
 дель Пано Карпини Джованни 168
 Дельбрюк Г. 233, 246
 Деникин А. И. 246, 248
 Денисов Л. И. 104
 Дергунов И. 86
 Джаксон Д. Н. 47
 Джанибек 164
 Дикгоф-Деренталь А. А. 245, 245
 Дионисий Ареопогид 18
 Дмитриев В. 228
 Дмитриева Н. В. 123, 138
 Дмитриева Р. П. 134, 135
 Дмитрий 207, 208
 Дмитрий Александрович, в. кн. 166
 Дмитрий Донской 17, 107, 162
 Дмитрий, кн. 167, 180
 Дмитрий, царевич 4, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75
 Добронравов В. Г. 136
 Добротвор Н. М. 195
 Добрынин С. Н. 152
 Добрынкин В. Н. 124, 138
 Добрынкин Н. Г. 167, 168, 187, 199, 205
 Долгих Е. В. 95
 Долгорукий 176, 177
 Долгорукий Юрий 37, 183, 185
 Долгорукий Юрий Владимирович 174
 Долгоруков И. М. 79, 83
 Дрягалин Б. Ф. 247
 Дубасов Ф. В. 196
 Дубов И. 48
 Дубодел А. М. 87
 Дубынин А. Ф. 44
 Думенко О. Е. 4, 96
 Дуров Р. М. 70
 Духанин Е. 94
 Дырова М. О. 279
 Дьяговченко И. 203
 Дюмотц И. 297, 298
 Дюрдь 174
 Дюшен Л. 109
Евгения, игум. 293
 Евдокимов И. 275
 Евдокия(?), кн. 167
 Евпраксия Всеволодовна 171
 Евсеева Л. М. 104, 119, 136, 137
 Евсеева М. В. 220
 Евстафий, свящ. 15
 Евстигнеева М. М. 271, 279
 Евфросин Святогорец, еп. 106, 120, 121
 Евфросин, еп. 16
 Екатерина 208
 Екатерина II 75, 76, 78, 97, 120, 126, 147, 197, 215, 283
 Екатерина Николаевна 212
 Екатерина Павловна, в. кн. 92
 Екатерина, св. 113
 Еко 278
 Елена 210
 Елена Дмитриевна 211
 Елена, св. 159, 173
 Елизавета Егоровна 208
 Елизавета Петровна, имп. 34
 Елизаровы 7
 Елин М. И. 197, 204
 Елисавета Федоровна, в. кн. 193
 Емельянов В. М. 197, 199, 203, 204, 205, 220
 Емельяновы 198, 199
 Енгальчева (Энгалли, Эльвира Анжелли) Н. А. 223
 Епанчин А. А. 129, 130
 Епанчина Н. А. 129
 Епатко Ю. Г. 298
 Ерамаков А. В. 199, 200, 201, 202, 203, 205, 222, 225, 284
 Еремина Т. С. 115, 136
 Ержемский Е. И. 201
 Ерышкин А. И. 233, 235, 246
 Ермолай Еразм 109, 116, 119, 181
 Ершов А. Л. 6, 248
 Ершов В. Е. 3, 7

- Ершов И. А. 213
 Ершов П. П. 216
 Ефимова Е. А. 278
 Ефрем, архимандр. 79, 80
 Ефрон И. А. 156, 215
 Ефросиния 120
Жаден Григорьев 205
 Жаден Федорович Тучнев 205
 Жаденов 206
 Жадин (Задзик) Я. 206
 Жадин 206, 216
 Жадин А. К. 208
 Жадин А. Ф. 211, 214, 216, 217, 218, 219, 220, 235, 243, 248
 Жадин Алексей 206
 Жадин Архипко 206
 Жадин В. Д. 208, 209
 Жадин В. И. 211, 212
 Жадин В. К. 208
 Жадин Василий 207
 Жадин Д. Д. 209, 211
 Жадин Д. К. 210
 Жадин Д. С. 207
 Жадин И. 206
 Жадин И. А. 211
 Жадин И. В. 211, 212
 Жадин И. К. 208, 212
 Жадин Иев (Томилка) 207
 Жадин К. Д. 208, 209, 212
 Жадин М. Д. 210, 211
 Жадин Н. В. 208
 Жадин Н. К. 208
 Жадин П. И. 213
 Жадин С. Т. 207
 Жадин Т. 206
 Жадин Ф. В. 211, 212, 213
 Жадин Ф. И. 211
 Жадин Я. 206
 Жадин Я. А. 207
 Жадина А. Д. 203, 205, 222, 225
 Жадина А. И. 210
 Жадина А. Ф. 212
 Жадина Е. Е., урожд. Суздальцева 210
 Жадина Е. М. 210
 Жадина Э. Д. 210
 Жадина С. И. 214
 Жадина Ф. К. 207
 Жадины 5, 205, 207, 208, 209, 210, 211, 214, 218
 Жадново И. 205
 Жадново П. 205
 Жадной Яковлев сын Серебренников 205
 Жадный 206
 Жадный Ермолаев 205
 Жадных 206
 Жадобин П. 205
 Жадов 206
 Жадовский В. К.
 Жадовский С. 205
 Жадэн 206
 Живновский А. 218
 Жильцова Н. 195, 197
 Жихарев С. П. 293, 297
 Жук Б. А. 279
 Жуков М. М. 233, 235
 Журавлев 254, 265
 Журавский И. 18, 21
Завацкий 237
 Завьялов В. И. 63
 Загарины 7
 Загоскин М. Н. 221
 Загряжский Я. П. 10
 Закиев М. З. 183
 Засурцев П. И. 40
 Засухин А. К. 208
 Засухин И. К. 208
 Засухин К. Д. 208
 Засухина Е. И. 208
 Засухины 208
 Зверев В. В. 6, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231
 Зверинский В. В. 104
 Зворыкин 216
 Зворыкин В. И. 204
 Зворыкин В. К. 255, 276, 291
 Зворыкин Г. Д. 204
 Зворыкин Г. Ф. 204
 Зворыкин Е. И. 199, 200, 204
 Зворыкин И. С. 197, 198, 204
 Зворыкин П. С. 199, 200, 202, 204
 Зворыкина Е. А. 291
 Зворыкины 198, 219
 Зворыкины-Козьмичи 284
 Зимин А. А. 74, 75
 Зимица В. Г. 191
 Зинаида Ивановна 208
 Зинаида Федоровна 213
 Златоуст Иоанн 149
 Злуницин П. Ф. 247
 Золотарев Д. А. 278
 Золотилов Семен 162
 Зосима, св. 144
 Зотов Р. В. 172, 179
 Зотов Р. М. 219
 Зощенко Г. Я. 219
 Зубов Н. Ф. 212
 Зубчанинов В. И. 204
 Зубчаниновы 205
 Зуева Л. Е. 3, 35
 Зыков М. Б. 279
Ивакин Г. Ю. 56, 161
 Иван 10, 11, 208, 209, 211
 Иван III 107, 109, 114, 134
 Иван IV 69, 75, 107, 150
 Иван Васильевич, царь 107
 Иван Григорьевич 207
 Иван Иванович, царевич 69, 70
 Иван, кн. 167
 Иванов 218
 Иватин (Ивонин) Матвей 7
 Ивашка 11
 Ивашка Евдаимов сын Жадной 205
 Ивашка Юрьев сын Жадин 206
 Ивашко 206, 207
 Ивашовы 7
 Игольникова М. Е. 6, 292, 297
 Игорь 213
 Игорь, кн. 45, 46, 184
 Ида 171
 Иевка 206
 Иероним (Алякринский) 137
 Иероним, архим. 21
 Изяслав Владимирович, кн. 172

- Изяслав Глебович, кн. 184
Изяслав Мстиславич, кн. 176
Изяслав, кн. 54, 176, 177, 184
Иисус Христос 15, 18, 19, 20, 100, 103, 109, 110, 113, 114, 127, 137, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 152, 155, 156, 160, 173, 295
Иларион, архимандр. 80
Ильенко И. В. 16, 17, 21
Илья Муромец 182, 186
Илья, кн. 171
Именной указатель
Инжеватов И. К. 42, 43
Иоанн (И. К. Смирнов) 129
Иоанн (Маслов) 104
Иоанн 11, 13
Иов, парт. 68
Иона Сысоевич, митр. 20
Иона, митр. 107
Иосиф, митр. 119
Ирина 207
Ирина, св. 171
Ирод 70
Кабо Е. 277
Каганов Г. Э. 298
Казаков Е. П. 183
Казаков И. Ф. 253
Казанкова М. А. 5, 205, 216, 220, 248
Казанцев А. И. 111, 112, 113, 120, 122, 123, 126, 127, 129, 135, 138
Калачева В. 87
Каледин А. М. 246
Калинина 277
Калитовичи 167
Кальцинари Э. 223
Каменский А. Б. 95
Камский М. 279
Каптерёв Л. М. 42, 43
Капустин Л. Г. 247
Карамалин Д. И. 10
Карамзин Н. М. 68, 74, 122, 186
Каратыгин И. М. 204
Караулов 11
Каргер М. К. 53
Карелина 278
Кармышев 277
Карпинский-Гнорицкий Н. 238, 239
Карпов Л. 98
Карпухин А. А. 67
Катай (Китай) 185
Каулиц М. 253
Качалов Н. 68, 71
Кашинская Анна, св. 180
Каширины 99
Каштанов С. М. 74
Кваснецкий Г. А. 278, 280
Келли К. 271, 275, 279, 280
Келчевский А. К. 247
Килиевич С. Р. 55
Киликия, кн. 175
Кир Михаил 176
Кирилл, митр. 166
Кириллов Б. И. 233, 235, 247
Кириллов В. А. 75
Кирпичникова А. Н. 163
Кириянов И. А. 43
Кисилева Э. Ф. 280
Кисилевы 7
Клаузевиц К. 246
Клейн В. К. 74
Клементьев В. Ф. 240, 245, 248
Клименко Ю. А. 56, 57
Клипков Ф. И. 212
Клокман Ю. Р. 76, 78
Клокова Г. С. 121, 134, 138
Клоповы 99
Клочков В. И. 218
Ключевский В. 292
Князевы 99, 100
Кобрин В. Б. 74
Ковалевский 218
Ковалевский И. П. 74
Коваль Л. 231
Коган Г. И. 253
Кожухова Ф. П. 271, 279, 280
Козлов В. П. 168
Козловский Г. 72
Кокорев Г. И. 282
Колобов П. 72
Колобова Н. 73
Колчин Б. А. 61, 62
Комашко Н. И. 105, 119, 133, 136, 137
Комиссаржевский Ф. П. 222, 224
Комнен Алексей 154
Кондаков Н. П. 105, 117, 119, 133, 137, 171
Кондратиев М. 283
Кондратьев Л. А. 247
Кононович М. Г. 150
Константин 207
Константин XI 114
Константин Данилович 207, 208
Константин Добрынич 169
Константин Павлович, в. кн. 92
Константин, кн. 170, 171, 177, 178, 180
Константин, св. 159, 173
Константин, св., кн. 105, 106, 107, 109, 110, 111, 112, 113, 116, 117, 122, 123, 125, 126, 127, 135, 138
Корзнийев Г. 11, 12
Корзухина Г. Ф. 46, 48
Кориат, кн. 164
Корнюкова Л. А. 115, 136
Корф М. А. 95
Косма, св. 158, 159
Костомаров Н. И. 74, 75, 291, 292
Костылев В. 222, 225
Кочемина Н. 276
Кочетков 254, 265
Кочетков И. А. 105, 109, 114, 119, 121, 133, 134, 136, 137, 138
Кочетова Е. И. 222
Край К. 217
Красенский И. 72
Красилин М. М. 108, 134
Крезе К. 235
Кремлев И. 247
Креститель Владимир 169
Креститель Иоанн 4, 147, 148, 149, 150
Кривошеев М. В. 108, 134
Криницкий Е. И. 228, 229
Крошкина Э. А. 279, 280
Крупская Н. К. 265
Крутикова А. П. 222, 224

- Кручинин А. С. 6, 138, 232, 246
 Крюков А. М. 110, 135
 Крючков 261
 Ксения Юрьевна 180, 181
 Ксенофонт (Тропольский) 122
 Кубенской И 69
 Кугучева Е. В. 147
 Кудрявцев М. П. 15, 21
 Куза А. В. 40
 Кузнецов Н. А. 6, 225
 Кузнецов С. И. 56, 57
 Кузнецова В. Ф. 4, 84, 87
 Кузнецова Т. Н. 279
 Кузьмин А. В. 5, 164, 168
 Кузьмин А. Г. 164, 168
 Кулешов А. Г. 276
 Куликов И. С. 217, 253, 276, 291
 Куликова 277
 Куликовы 99
 Куприянов А. И. 95
 Купряшина Т. Б. 138, 215, 220
 Кустодиев Б. 291
 Кутаковы 99
 Кучкин В. А. 134, 168, 215
ла Драге А. А. 196
 Лаврова 277
 Лагруа Э.-М. 223, 224, 225
 Лазорев В. Н. 117, 134
 Лакосина Н. Д. 74
 Лаптева Т. А. 5, 205
 Лапшин В. А. 67
 Ларин 277
 Латынин Л. 280
 Лебедев А. В. 227
 Лебедев Л. 20, 22
 Лебедевы 99
 Левицкая П. С. 222
 Левицкий С. Л. 222
 Левка Алексеев Фомин 206
 Лекутов В. 277
 Лем И. М. 34
 Ленин 274, 275
 Ленский А. П. 222
 Ленья 254
 Леонов П. В. 275
 Леонтий Алексеев сын Жадин 207
 Леонтьев А. Е. 40, 41, 58, 63, 67
 Лепехин В. И. 233
 Лесков Н. С. 217, 220
 Лессинг А. 87
 Лешин 277
 Ливанов И. Д. 217
 Лившиц Л. И. 118, 137
 Лидов А. М. 13, 14, 21, 109, 110, 133, 134, 135
 Лилева (Лилева) Э. А. 222
 Линдер В. Ф. 230
 Лисицын С. 93
 Лисицына М. 93
 Лисовский 8, 142, 143
 Литвинский И. А. 275
 Лихачев Д. С. 16, 21
 Лихачев Н. П. 105, 112, 117, 133, 137
 Лихонин Д. И. 155
 Личко А. Е. 75
 Лобиков В. П. 267
 Лобыгина Е. М. 279
 Логгин 147
 Ломизе И. Е. 298
 Ломоносов М. В. 78
 Лонгин 147
 Лотман Ю. М. 95
 Лошаков М. Ф. 10
 Лошков И. П. 233, 235
 Лубенц Г. П. 275
 Лубияновский Ф. П. 92
 Лука, ев. 134
 Лукаш Андроник, схиигум. 104
 Лукка П. 223, 224
 Луначарский А. В. 265
 Луп-Клешнин А. П. 68
 Лыкова А. 100
 Лыткин В. И. 43
 Лядова В. А. 222
 Ляйяль Ч. 218
 Ляпунов 118, 119
Мавродин В. В. 46, 48
 Мазина А. Я. 147, 150
 Мазур Л. Д. 76, 78
 Макаренко А. С. 265
 Макаренко Н. Н. 63, 67
 Макарий, архимандр. 119, 120, 121, 124, 125, 132, 134, 137, 138
 Макарий, митр. 116, 145, 147
 Макаров И. 87
 Макаров Н. А. 41
 Макаров С. О. 227
 Маклаков В. А. 196
 Маклакова М. А. 196
 Максим 207
 Максим Исповедник 18
 Максимов Л. 207
 Максимова Л. Б. 133, 136, 139
 Максимович М. А. 54, 57
 Малахияев-Мирович В. 270, 279
 Малиновский А. Ф. 79, 80, 83
 Малороссиянин Степан 155
 Малькова 277
 Мальм В. А. 292
 Малукова М. И. 271, 279
 Мамонтова Е. Г. 195
 Мамонтова Е. И. 193
 Манья 263
 Мариамна, св. 124, 127, 130
 Марин 260
 Мария 136, 165, 180, 208, 212
 Мария Ефимовна 201
 Мария Константиновна 207
 Мария Михайловна, кн. 180, 181
 Мария Тимофеевна 224
 Мария Федоровна, имп. 192, 193
 Мария Ярославна, кн. 5, 165, 166, 178, 179, 180, 181
 Мария, дева 109
 Мария, кн. 167, 175
 Марков Н. Е. 196
 Маркович М. 278
 Маркс К. 274
 Марфа 136
 Марфа Ивановна 116
 Марфа, преп. 119
 Марфа, царица 182
 Марченко М. А. 276

- Марья 207
Марья Василкова, кн. 180
Масленицын С. И. 135
Маснель Санчес Л. К. 135
Масса И. 70
Матвей 207
Матвей Максимович 207
Матрена 207
Матрена Еримеевна 207
Матрена Осиповна 207
Матфей, ев. 297
Махмет-Гирей 140
Мачинский Д. А. 46, 48
Медведев Д. 83
Меланья Макаровна 207
Мельников М. В. 219, 220
Мельников П. И. (А. Печерский) 87
Мельников-Печерский П. 86, 100
Менджерцкая Д. В. 280
Мерецков К. А. 238
Мешков 93
Мещериновы 7
Микеланджело 297
Минасян Р. С. 58, 63
Миненко Н. А. 95
Минин К. 78, 79, 81, 82, 83
Миролюбов М. А. 162
Миронихина Л. Ф. 278
Митрофан (М. В. Загорский) 129
Митрофан 210
Митрофан, св. 36
Михаил 207
Михаил Всеволодович, в. кн. 165
Михаил Федорович, царь 116, 136
Михаил Черниговский, кн. 180, 181
Михаил, имп. 16
Михаил, кн. 167
Михаил, митроп. 154
Михаил, св., кн. 111, 112, 123, 135, 138
Михаил, свят. 154
Михайлов С. С. 4, 97
Михайловский Е. В. 16, 17, 21
Мнева Н. Е. 105, 133, 134
Моисеев Ж. 205
Моисеев Ф. А. 264, 278
Мокеев Г. Я. 15, 20, 21, 22, 40
Молчанов 244
Монгайт А. Л. 46, 48, 168
Мономах Владимир 36, 172, 173, 174, 175
Монякова О. А. 4, 75
Морозов И. 199, 200
Морозов Ю. 231
Морозова О. С. 3, 28
Моряков Ю. 130
Моряхин В. 131
Мосунова Т. М. 4, 139, 141, 147, 151, 156
Моховиков С. 113, 137
Мошенцев М. П. 219
Мошенцева Н. П. 253, 254
Мстислав Владимирович, кн. 173
Мстислав Давыдович, кн. 184
Мстислав Мстиславич, кн. 177
Мстислав Ростиславич 108
Мудрый Иван 150
Мудрый Ярослав 171, 178
Музина Т. В. 163
Музюкина 277
Муляк Ф. В. 199, 201
Мурашева В. В. 24, 27
Муринов И. 70, 73
Муромец Ананий 282
Муромец В. 205
Муромец Иван 282
Мусин А. Е. 145, 147, 161
Мусоргский М. П. 68, 224
Мяздриков А. И. 204
Мяздриков Андриан 199
Мяздриков И. П. 34, 197, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205
Мяздриков И. С. 199
Мяздриков П. И. 204
Мяздриков Петр 199
Мяздриков С. К. 199
Мяздриковы 198, 199, 205
Нагая Мария 68, 72, 73
Нагие 68, 70
Нагой А. 71
Назаренко А. В. 134, 171, 172, 178, 179
Наполеон 121, 196, 232, 293
Насакин А. 11
Насонова Н. В. 6, 221, 225
Наталья 213
Наталья Васильевна 212
Наталья Федоровна 213
Наумова М. В. 146, 147
Невский Александр 128, 180
Неелов В. И. 147
Некрасов Н. А. 223, 224, 225
Несолёный С. В. 231
Нессельроде К. В. 196
Нестерова Н. В. 67
Нехорошев П. 285
Нечаева Е. 277
Никита (Добронравов) 137
Никита 207
Никитенко Н. 56
Никитин (Фокагитов) Д. В. 226, 231
Николаева Т. В. 157, 160, 161, 163
Николай (Налимов) 128
Николай 208, 209, 211
Николай I 80, 98, 199
Николай II 81, 212, 229, 231
Николай Васильевич 208
Николай Иванович 293
Николай Константинович 208
Николай, св. 158, 159, 160
Николай, чуд. 15, 130, 155, 162
Никольская Т. Н. 291
Никольский Н. К. 67
Никольский Ф. К. 222, 223
Никон 4, 139, 140, 141, 143, 144, 146
Никон Радонежский 144, 145
Никон, патр. 20
Никольский В. В. 93
Нина 210, 254
Ниякий В. В. 195, 197
Новгородский Иона, св. 163
Новиков-Прибой А. С. 225
Новицкий Ф. Ф. 266
Новоезерский Кирилл 144
Новоселова И. А. 201, 205

- Новосильский М. Г. 93
 Ножин Е. К. 229, 231
 Носов Н. Е. 163, 168
Оболенский С. С. 191
 Обросимка 206
 Обручев С. В. 282
 Овчинникова Е. С. 163
 Огурец Ф. 72
 Ода 170, 171, 173, 175
 Одинцова А. 277
 Окуинка Трофимовская жена Жадина 206
 Окулов Г. 92
 Олговичи 173
 Олег 213
 Олег Владимирович, кн. 176
 Олег Иванович, кн. 17
 Олег Святославич, кн. 183
 Олег Юриевич, кн. 175, 179
 Олег, кн. 45, 46, 167, 170, 171, 172, 173, 175, 176, 178, 183
 Олейник П. А. 247
 Олешка 207
 Олешко Фомин сын Жадин 206
 Ольга 208, 210
 Ольга Николаевна 208
 Ольга, кн. 45, 46
 Ольгерд, в. кн. 164
 Ольденбургский Г. 92
 Ондреев Потап 137
 Орехов И. 247
 Орехова З. 194
 Орлов (Колгин) Д. А. 222
 Орлов П. 236
 Орлова М. 195
 Оршанский Л. Г. 265, 275, 278
 Ослядюк 176
 Осорьины 7
 Остафьев 113
 Островский А. Н. 222
 Остроухов И. С. 163
 Оффенбах Ж. 222
Павел 173, 178, 207, 211
 Павел I 281
 Павел, ап. 20, 173, 294, 297
 Павел, кн. 167
 Павленко С. 163
 Пак Н. И. 154, 156
 Палеолог Софья 114
 Палицын А. 70, 75, 145
 Палицын А. Ф. 135, 145
 Палкина 260
 Панкратий 171, 173
 Пантелемон, св. 117
 Параскева Пятница 143
 Парийский Василий 119, 123, 124, 127, 128, 130
 Парфений 207
 Парфений Иванович 207
 Парфенов Л. 276
 Парфиридов Н. Г. 161
 Парыгин А. 94
 Парэ А. 68
 Патти А. 223, 224
 Пашкевич Г. А. 56
 Пекарская Л. В. 162
 Пелагея 207
 Пергамент О. Я. 196
 Перетькина Н. 280
 Перлов 216
 Перлов Е. И. 216, 220, 221
 Перлов И. Д. 202, 216, 217, 218
 Перлов И. Я. 204
 Перловы 216
 Першина М. А. 133, 136
 Пестряков 237, 238, 241
 Петр 92, 173, 207, 208, 211
 Петр Васильевич 208
 Петр Великий 218
 Петр, ап. 173
 Петр, кн. 167, 178
 Петр, св., кн. 112, 116, 120, 126, 131, 134, 135, 137, 144, 145, 173, 178, 180, 182, 232, 283
 Петрей П. 69, 70, 75
 Петров 222
 Петров Е. Я. 284
 Петров О. А. 222, 223
 Пехов В. И. 201, 205, 219
 Печерский Антоний 154
 Печерский Феодосий 154
 Пивоварова Н. П. 105, 118, 133
 Плаксина Н. Е. 105, 116, 133, 136
 Платонов С. Ф. 71, 75
 Плеологи 159
 Плюханова М. Б. 106, 133, 136
 Подобедова О. И. 136
 Подурец А. М. 4, 84, 87
 Пожарская А. А. 79
 Пожарские 79, 80
 Пожарский Д. М. 4, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84
 Пожарский И. Д. 79
 Покровская А. 277
 Покровский Н. 117, 137
 Полевой П. 291
 Полосин И. И. 74
 Полоцкая Евфросиния 109
 Полубояринова М. Д. 168
 Полулях А. А. 27, 35
 Полуэтов М. 282
 Полякова В. А. 280
 Попов И. Д. 122
 Попова Е. В. 279
 Порфиридов Н. Г. 157
 Поселянин Е. 133, 134
 Поссивино А. 69
 Постников Ф. И. 235, 246, 247
 Потемкин С. П. 101
 Потоцкая И. П. 209
 Прасковья 208, 211
 Предтеча Иван 149
 Предтеча Иоанн 150
 Преснова Н. Г. 298
 Приклонский М. Д. 193
 Присёлков М. Д. 135, 168, 182
 Прокофьев 247
 Протасьевы 7
 Прямова Н. А. 276, 278
 Прянишников 112
 Пудков 229
 Пудовкин В. 82
 Пупышев В. 275
 Пустолаева 277
 Пуцко В. Г. 4, 5, 100, 137, 152, 153, 156, 157, 161, 162, 163

- Пушкин А. С. 68, 74, 78, 83
Пылаев 34
Разин С. 11, 12
Разумовский А. К. 186
Райкова И. Н. 279
Ракина В. А. 298
Раков Р. 73
Ранг М. М. 80
Рапов О. М. 168
Раппопорт П. А. 40
Рафаэль 294, 297
Редин Н. Е. 275
Репин И. 291
Рис-Дэвидс Т. У. 218
Робустов В. 210
Ровинский Д. 133, 134
Рогнеда Мстиславовна, кн. 174, 175
Рогозинников 92
Рогоськова 277
Родин А. 278, 279
Родин В. В. 3, 22
Родина М. Е. 291
Родионов И. 98
Розанов В. В. 276
Розанова Л. С. 63
Розенгейм Н. П. 225
Розенфельдт Р. Л. 34, 35
Роман, кн. 170, 171, 172, 184
Романов И. Н. 8, 136
Романов С. Г. 276, 278, 279
Романова А. Л. 266, 279, 280
Романовы 81
Романчук С. П. 56
Ростислав 225
Ростислав Мстиславович, кн. 54, 177
Ростислав Ярославич, кн. 171, 176, 177
Ростислав, кн. 173, 175
Ростовский Димитрий 34
Ростопчин Ф. В. 293
Рубини Д. Б. 223
Руди Т. Р. 135
Румянцев Н. П. 79, 167, 168
Рунич А. П. 293
Руновская 277
Русаков В. М. 202, 204
Русинов Н. Д. 42, 43
Руссаков 233
Руссакова 261
Рыбаков Б. А. 48, 157, 161, 291
Рыбников 275
Рылов И. 35
Рындзюнский П. Г. 76, 78
Рындина А. В. 157, 161, 163
Рюрик 280
Рюриковичи 179
Рябушинский С. П. 136
Ряжский Г. А. 292
Рязанский Василий, св., еп. 105
Рязанский Ростислав, кн. 174
Сабсович Л. 256, 277
Сабурова М. А. 67
Саваоф 154
Савватий, св. 144
Савин С. В. 146, 147
Савинков Б. В. 245, 246, 248
Сагайдак М. А. 49, 56
Сажин Н. 200, 201, 202, 203
Сазонов С. В. 3, 10, 13
Сазонова Е. И. 5, 6, 197, 205, 221, 276
Салова Ю. Г. 277
Салтанов В. 11
Салтыков-Щедрин М. Е. 91, 95
Сальникова А. 278
Самарина В. С., урожд. Мамонтова 196
Самойлов В. В. 222, 223
Самойлов Н. 104
Самойлова М. 72
Самойлова Т. Е. 182
Саровский Серафим 118
Сасин А. П. 253
Сафонович В. И. 90, 95
Сахаров И. П. 263, 278
Сахаров Л. 83
Сахаров Н. П. 232, 234, 235, 236-244, 246, 247
Сбитнева И. С. 276
Своробоярские 7
Святополк, кн. 169, 171
Святослав (Гавриил) Всеволодович, кн. 165
Святослав Владимирович, кн. 177
Святослав Всеволодович, кн. 175, 177, 178, 184, 185
Святослав Давыдич, кн. 175, 179
Святослав Киевский 113, 135
Святослав Олгович, кн. 176, 177
Святослав Черниговский 110
Святослав Ярославич, кн. 170, 171, 174, 176, 186
Святослав, кн. 109, 167, 171, 173, 174, 175, 178
Святославичи 172, 175
Седов В. В. 45, 48
Седова М. В. 36, 40, 41, 47, 48, 62, 63, 67, 161, 162, 163
Селознев Ф. А. 5, 195, 197
Селиванов А. В. 297, 298
Селивановский С. 218
Семевский М. И. 218
Семен 207
Семькин Ю. А. 57, 58, 63
Сенчурова Т. Е. 138, 215, 220
Сергий 4, 139, 140, 141, 143, 144, 145, 146
Сергий Радонежский, св. 17, 19, 140, 144, 145
Сергий, архиеп. 293
Серебренников 211
Серебренникова А. В. 212
Серебрянский Н. 135
Серкина Г. С. 279
Серна-Соловьевич В. А. 218
Серов В. А. 196
Сечинов Д., митр. 120
Сидоренко Г. В. 114, 115, 133, 136, 163
Силкин А. В. 137
Синевы 219
Синельникова Т. 121, 138
Синицына Е. В. 10
Сиротинская А. А. 5, 135, 139, 151
Сирюк О. М. 279
Скальский 230
Скрынников Р. Г. 72, 74
Слепнев В. 92
Смирнов А. П. 43, 47
Смирнов В. И. 100
Смирнов Микитин сын Судовщиков 155
Смирнов П. 40, 156

- Смирнов П. П. 46
Смирнов Ю. М. 6, 128, 135, 138, 169, 178, 250, 278, 279, 292
Смирнова Э. С. 144, 147, 152, 156
Смольяниновы 219
Смяткина 277
Собинов Л. 222
Соболин В. 35
Соколова П. Е. 93
Соколовы 93
Соловьев О. Ф. 298
Соловьев С. М. 97
Солодовников Д. Д. 15, 21
Соломон 296
Солунский Димитрий, св. 155, 159
Сорокова 277
Софья Ивановна 213
Софья Павловна 224
Спесивцев Ю. С. 275
Спицын А. А. 67
Сталин 265
Старчевский А. 217
Стасов В. В. 225
Стаховский К. М. 83
Степан 207
Степан Иванович 207
Степанов А. М. 161
Степанов А. Н. 225
Стольпин П. А. 196, 197
Столярова Л. В. 4, 68
Стратилат Федор 119
Стратонов В. В. 288, 292
Страшной А. Ф. 193
Стрепетова П. А. 222
Стрижова Н. Б. 191
Строгановы 283
Стулов Е. Н. 212
Стулов И. П. 197, 205, 220
Стулов Коля 212
Стулов Н. Е. 212
Стулова П. В. 212
Стуловы 205
Субботина 277
Суворов А. В. 78
Судиенко И. М. 81
Суздальцев В. Т. 199, 204
Суздальцев Е. И. 210
Суздальцев И. В. 199, 200, 204
Суздальцев К. Д. 208
Суздальцев Ф. В. 199, 200, 202, 204
Суздальцева Е. Е. 210
Суздальцева Н. В. 273, 276, 280, 281
Суздальцева П. Н. 208
Суздальцева-Ушакова А. В. 208
Суздальцевы 198, 199, 205, 208, 288
Сулейман Н. А. 245, 246
Сулешевы 186
Сумникова Т. А. 134
Супонев А. Н. 293
Сусанин И. 223
Сутер К. 254
Сухарев А. 275
Сухов И. В. 130, 131, 132
Сухова О. А. 4, 104, 133, 135, 136, 137, 138, 139, 145, 146, 215, 220, 221, 225, 278, 279
Сывороткин М. М. 3, 41
- Тавифа (Горланова) 130, 138**
Тавроменийский Панкратий 173
Тагунов Н. Н. 235
Тагуновы 205
Таисия (Карцева) 135
Талызины 7
Тамара 210
Тамберлик Э. 223, 224
Тамес Иван 147
Тамилка Фомин сын Жаден 206
Тамилка Юрьев сын Жаден 206
Тараненко С. П. 3, 48
Тарасов О. Ю. 147
Татищ-Джурич М. 118
Татищев В. Н. 47, 48, 183, 184
Татищева В. 195
Татищева Женья 195
Татьяна 207
Татьяна Ивановна 211
Тацит 44, 47
Тверской Михаил Ярославич, кн. 180, 182
Тезаврская 275
Темный Василий 107
Тепчегорский Г. П. 113, 120, 137
Терентьев П. 98
Терехова Н. Н. 63
Тимофеев 11
Тимофеев Ф. 96
Тимофей, св. 163
Титов А. А. 10, 13, 120, 122, 137, 138, 199, 200, 204, 205, 280, 292
Титов И. 277
Тихеева 275
Тихомиров Д. 173, 174, 179
Тихомиров М. Н. 37, 38, 40, 41
Тихон 207,
Тихон, святит. 341
Тихонов А. 96
Тихонравов К. Н. 63, 66, 67, 80, 81, 135
Тихонравов Н. 113, 136
Тогунев И. 282
Токмаков Г. И. 134
Толмачева М. М. 63
Толчок П. П. 37, 38, 40, 41, 56
Толстая М. Н., урожд. Зубова 196
Толстой А. К. 222
Толстой С. Л. 196
Толстой Ф. 224
Толстой Ф. П. 297
Томашевский А. П. 56
Тончи М. Н. 293, 294
Тончи С. 6, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298
Торопов А. Б. 244
Тотуй 164
Травкин П. Н. 67
Травчетов Н. П. 155, 218, 292
Третной Иван Васильевич, в. кн. 16
Третьяк Микитин сын Судовщиков 155
Третьяков Н. П. 41, 43
Тропинина Е. М. 212
Трофим 207
Трофим Алексеевич 207
Трофим Трофимович 211
Трофим Трофимович сын Жадин 207
Трофимка Олексеев Фомин 206

- Троцкий 274
Трошка 206
Трунов Г. В. 203
Тупгал Димитрий 153
Тургенев 219
Тучков Б. 72
Тучкова А. 73, 74
Тюрина Е. К. 249
Тюрина Е. К. 279
Тютчев 196
Уайтхед 227
Уваров А. 195
Уваров А. С. 18, 21, 63, 80, 81, 186, 187, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 220, 289
Уваров И. 195
Уваров С. С. 186, 195
Уваров Ф. 195
Уваров Ф. С. 196
Уварова Е. А. 5, 195, 196, 197
Уварова Е. А., урожд. Разумовская 186
Уварова П. 195
Уварова П. С. 5, 81, 188, 189, 191, 192, 193, 194, 195, 220
Уваровы 5, 186, 187, 191, 192
Угроватова Л. В. 5, 182
Удалой Мстислав, кн. 169, 175, 179, 181
Удамал 182
Удатный Мстислав Мстиславич, кн. 165
Уланов Кирилл 153
Усов А. 282
Усов В. Д. 208
Усов Г. Т. 204
Усов М. Д. 208
Усова Н. В. 208
Усовы 208
Успенская Н. Д. 56, 57
Успенский 238
Устиния, кн. 166
Устинов Д. Ф. 281
Устинова Н. М. 150
Устиновы 281, 282
Ушаков Н. Н. 138
Ушаков Симон 102, 105, 113, 117, 118, 119, 124, 130, 137, 153
Фаберже 254
Фартальные Я. Т и С. Т. 27, 35
Фасмер М. Р. 168, 206, 215
Фахрутдинов Р. Г. 185
Февр Л. 96
Феврония Муромская, св., кн. 112, 116, 120, 134, 135, 137, 144, 145, 173, 178, 180, 182, 232, 283
Февронья Кузьминична 207
Федор (Фрол) 211
Федор 207
Федор Алексеевич, царь 12, 119
Федор Глебович, кн. 164, 167, 168
Федор Иванович, царь 69, 70, 116
Федор, кн. 167
Федор, царевич 69
Федоров-Давыдов Г. А. 63
Федосья 207
Федул 207
Фекла Петровна 207
Феогност, митр. 165, 167
Феодор 16, 181
Феодор, еп. 64, 170
Феодор, св., кн. 111, 112, 123, 126, 135, 138
Феодорит, архиеп. 16
Феодосий, св. 153
Феодосия 164, 179
Феофил, имп. 109, 134
Филарет 101
Филарет Никитич, патр. 8, 136
Филарет, митр. 116
Филимонов Б. Б. 243, 244, 248
Филипп 207
Филипп Трофимович 207
Флерица Е. А. 264, 274, 278, 279, 280
Флетчер Дж. 69, 70, 75, 292
Фома, ап. 158
Фомина Е. 92
Фомины 206
Формозов А. А. 67
Фотий, патр. 16
Фрезер Д. Д. 56
Фролов Н. В. 78
Фролова А. Н. 280
Фролова О. А. 256, 277
Фролова Э. В. 78
Фроловы 78
Халиков А. Х. 183
Хан Н. А. 291
Ханенко Б. И. 35
Ханенко В. Н. 35
Харитон 207
Харламов В. А. 49, 56
Харон 294, 297
Хвостовы 7
Хирам 296
Хитрово Б. М. 153, 155
Хитрово И. Б. 153
Хлуденковы 99
Хлудовы 97, 99, 100
Хмельницкий Д. С. 277
Хованские 79, 80
Хованский И. Н. 79
Холл Дж. 297, 298
Холодова Л. С. 280
Хохлов С. А. 203, 204
Храбрый (Невский) Александр Ярославич, кн. 165
Хузин Ф. Ш. 183
Хутынский Варлаам 140, 162
Цапаева Е. В. 4, 139, 152, 156
Цветнов Б. 285
Цитович Г. А. 138
Цын-Киу-Тонг 219
Чаадаевы 7
Челноков М. В. 5, 195, 196, 197
Черкасов А. 283
Черкасова М. С. 9, 147
Черкасские 186
Черкасский А. М. 186
Черной Ж. 205
Чернышев А. И. 196
Чернышев В. Я. 35, 146, 147
Чертков И. 10, 11, 12
Чертковы 7
Чечулин Н. Д. 292
Чирочкин 239, 247
Чугреева Н. Н. 104
Чудотворец Николай 150
Чудков М. 282

- Чулошникова 277
 Чумакова В. Ф. 215, 220
 Чумичева Е. 138
Шабад Е. Ю. 275
 Шаламов С. 283
 Шалина И. А. 133, 134
 Шамшин И. П. 242
 Шведова М. М. 119, 136, 137
 Шемякин В. Ф. 213
 Шемякин С. Н. 213
 Шепелев Л. Е. 95
 Шереметев Н. П. 298
 Шереметев П. Б. 186
 Шереметева В. А., урожд. Черкасская 186
 Шереметева В. П. 186
 Шереметевский В. В. 215
 Шеронов А. Ф. 236
 Шеховской А. 10, 11
 Шиман Н. Б. 5, 169, 178, 179
 Шипов Д. Н. 195, 196
 Штадинский Альберт 171
 Шуйский 68
 Шуйский А. М. 69
 Шуйский В. И. 68
 Шурус И. И. 97
 Шульгин В. Н. 277
 Шульц И. В. 153, 155, 156
 Шумский М. 256
 Шумунова Т. В. 264, 278
 Шурик 255
 Шушелова М. И. 206
Щапова Ю. Л. 35
 Щенникова Н. А. 107, 118, 134, 137
 Щербаков В. В. 27
Эдинг Д. 40
 Экземплярская 277
 Экземплярский А. В. 166, 168
-
- Этинггоф О. Е. 137
Юдин С. 72
 Юрий (Георгий), кн. 110, 165, 167
 Юрий Владимирович, кн. 167, 176
 Юрий Всеволодович, кн. 184
 Юрий Давыдович, кн. 165
 Юрий Ингваревич, кн. 16
 Юрий Муромский, кн. 175, 177
 Юрий Ярославич, кн. 174, 175, 176, 177
 Юрий, кн. 166, 173, 174, 175, 177, 179, 184
 Юрий, кн. 167
 Юрьев Д. 206
 Юрьевы 7
Якимко 206, 207
 Яков 226
 Яковлев Матфей 124
 Якубовская М. 277, 278
 Якушка 206
 Ян Вышатич 170
 Янин В. Л. 45, 48
 Янченко В. В. 3, 48
 Ярополк Ростиславич 108
 Ярослав (Феодор) Всеволодович, кн. 165
 Ярослав Александрович, кн. 164
 Ярослав Владимирович, кн. 169, 171
 Ярослав Всеволодович, кн. 178, 179
 Ярослав Святополкович, кн. 174
 Ярослав Святославич (св. Константин) 125
 Ярослав Святославич 169, 172, 173, 174, 176
 Ярослав Юрьевич, кн. 165, 166
 Ярослав Ярополкович, кн. 174
 Ярослав Ярославич, в. кн. 181
 Ярослав, кн. 15, 47, 110, 167, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 177, 178, 179, 183, 184
 Ярославичи 165
 Ярославна 175
 Ярославский 247
-
- Folda J. 162
 Goldsahmidt A. 161
 Kalavrzou-Maxiner I. 161
 Радојчић С. 161
- Pucko W. 162
 Solovieva L. 279
 Volbach W. F. 161
 Weitzmann K. 161

Научное издание

Уваровские чтения – VIII
Материалы всероссийской научной конференции
«Древнерусские города: история и судьбы»

Муром, 26-28 апреля 2011 г.

Под редакцией Ю. М. Смирнова

Компьютерная верстка Е. Ю. Лемм
Обложка К. А. Ляпин

Бумага офсетная. Формат 29,7х21.

Усл. печ. листов 39,13.

Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии VITPRINT.

Россия, Владимирская обл., г. Владимир, ул. Большая Московская, 75Б.